

Эрнст Генри

ГИТЛЕР
НАД ЕВРОПОЙ

ГИТЛЕР
ПРОТИВ СССР

Легендарный бестселлер
30-х годов

MAP OF THE ROSENBERG PLAN (Nazi Germanic Union)

...Среди вышедших иностранных книг о германском фашизме работа Эрнста Генри безусловно должна быть признана одной из лучших, несмотря на ее многие недостатки... Автор зачастую преувеличивает силы фашизма почти панически... Ему уже чудится, что: «Мировая роль коричневого интернационала становится все значительнее».

*Григорий Зиновьев,
бывший член Политбюро ЦК ВКП(б),
экс-председатель Исполкома Коминтерна, 1934 г.*

...Мы были предупреждены. О чем? О будущей войне. Когда она грянет? Скоро. Кто будет в ней участвовать? Все в той или иной степени, это будет схватка фашистов и социалистов. Кто выиграет? Социалисты. Кто вам это сказал? Эрнст Генри. Кто такой Эрнст Генри? Никто точно не знает. Два года назад под тем же псевдонимом он, похоже, написал книгу «Гитлер над Европой?»... У некоторых людей из-за нее пошла пена изо рта. У кого, например? Ну, у симпатизирующих фашистам. И у тех, кто резко возражает против самоуверенных пророчеств. Автор более чем уверен в себе. Разумны ли его мысли? Да, в 70% случаев.

*Ральф Томпсон,
«New York Times», декабрь 1936 г.*

...Эта атака на германское национал-социалистское правительство – сенсационное и бескомпромиссное произведение... Книга безусловно читабельна. Любого демократа после ее прочтения пробирает мороз по коже.

*Литературное приложение к «Times»,
апрель 1934 г.*

Ernst Henrich

ЭРНСТ ГЕНРИ

Гитлер над Европой?

Гитлер против СССР

ГРЯДУЩАЯ СХВАТКА
МЕЖДУ ФАШИСТСКИМИ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ АРМИЯМИ

МОСКВА
«РУССКИЙ РАРИТЕТ»
2004

УДК 327
ББК 66.4
Г 34

Составитель *Михаил Ростовский*

Научный консультант *Яков Драбкин (доктор исторических наук)*

Подготовка издания: *Татьяна Зубрилова,*

Татьяна Иванова (доктор философских наук)

Генри Эрнст

Г 34 **ГИТЛЕР НАД ЕВРОПОЙ? ГИТЛЕР ПРОТИВ СССР.**— М.: ИПЦ «Русский раритет», 2004. — 488 с.: ил.

ISBN 5-7034-0139-9

В вышедших в середине 1930-х годов книгах никому тогда неизвестного Эрнста Генри предсказывались Вторая мировая война и поражение Гитлера в столкновении с Советским Союзом. Вопреки существовавшим «установкам» и стереотипам, в них звучал страстный призыв к единству всех антифашистских сил.

Первоначально опубликованные в Англии, книги были переведены на многие языки и принесли автору мировую известность. Лишь узкому кругу было известно, кто скрывался за псевдонимом «Эрнст Генри».

В нашей стране книги Э.Генри, особенно «Гитлер против СССР» (изданная в 1937 и 1938 гг., а также в 1941 г. — в сокращении), до сих пор остаются в памяти старшего поколения.

Раскрытые в них закономерности возникновения фашизма и его пути к власти, анализ авторитарного реакционного режима не теряют своей актуальности, ибо применимы к событиям не только прошедшей эпохи. Также как и мысль о необходимости сплочения всех сил, вне зависимости от их национальной принадлежности, способных противостоять любым попыткам разрушения демократических прав и свобод.

Книга подготовлена к 100-летию со дня рождения автора.

Издание исправленное и дополненное.

УДК 327
ББК 66.4

*Выражаем благодарность
Борису Немцову и Антону Сурикову
за содействие в издании данной книги*

ISBN 5-7034-0139-9

© Ростовский М.С., составление, 2004

© ИПЦ «Русский раритет», оформление, 2004

К читателю

Мне посчастливилось быть знакомым с автором этих книг, выдающимся журналистом, ученым, одним из самых сильных аналитиков, занимавшихся столь сложной проблемой — обстановкой, складывавшейся в Европе в результате грубого вмешательства в ее дела фашистской Германии. Автор мастерски показал за счет чего и при чьей помощи смог вырасти фашизм в Германии, как он смог встать над Европой, как он мог в качестве грозной силы выступить против СССР.

Я хотел бы подчеркнуть, что Эрнст Генри, или А.Леонидов, или Аркадий Лосев, или С.Ростовский был человеком, одновременно обладающим огромными знаниями и блестящим пером. Эти книги в мое время были широко известны. По ним учились. Но думаю, что они были полезны не столько в учебно-пропагандистском, сколько в политическом плане. Эти книги не могли не интересовать тех, кто в Советском Союзе принимал политические решения.

Уверен, что книги, написанные Эрнстом Генри, не утратили свою значимость и сегодня, и не только для историков. Естественно, в настоящее время тема фашизма не так актуальна для Европы, как раньше. Мелкие фашистские группки не могут стать угрозой для человечества. Но вместе с тем, появляются новые опасности, за которыми стоят определенные люди, пусть и не окрашенные в густо-коричневые цвета. Достаточно перечислить такие угрозы, нависшие над миром, как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, неурегулированные региональные конфликты, и наряду с этим односторонне принимаемые решения о применении силы против других государств, опасность разделения мира теперь уже не по идеологическому, как было при Э.Генри, а по цивилизационно-религиозному признаку.

Я думаю, что всем, кто хотел бы активно включиться в противодействие этим угрозам, нужно прочесть эти книги. В них читатель найдет много аналогий с современными событиями.

 Академик Е.Примаков

HITLER
OVER
EUROPE

ERNST
HENRI

TRANSLATED BY
MICHAEL
DAVIDSON

D E N T

Гитлер над Европой?

*Перевод с английского
Л. Борового*

*Автор выражает признательность редакторам
«New Statesman and Nation», а также «Week-End Review»,
на страницах которых были опубликованы отдельные материалы,
вошедшие в эту книгу.*

Предисловие автора к советскому изданию

Эта книга написана и издана в условиях «великой английской демократии», и поэтому во многих местах пришлось говорить эзоповским языком. Автор надеется, что советский читатель, привыкший к естественным оборотам речи, учтет указанные обстоятельства и сам проставит точки над тем, где их не хватает.

Исходным пунктом изложения в книге о Гитлере является Рур как внутренний очаг германского капитализма. От Рура идет прямая линия к германскому фашизму, как от вулкана к его извержению. Демонстрировать связь между этими двумя силами, показать, что *политическая динамика национал-социализма* является выражением динамики германского монополистического капитала, — главная задача этой книги. Чаше всего встречается в ней имя Тиссена, главы Стального треста Германии. Но отсюда не следует делать вывод, что Тиссен действует как отдельная личность, что дело идет о его персональной, индивидуальной роли или политике. Тиссен — выразитель и двигатель главной концентрированной массы финансового капитала, потому он — душа и мозг Гитлера. То, что делал и делает Тиссен, есть необходимое выражение интересов Рура. Отсюда — «заговор Тиссена».

Основным звеном книги с этой точки зрения является не первая глава, дающая лишь политическую характеристику связей между Гитлером и монополистическим капиталом, а глава шестая («Континентальный план Тиссена») и последующие, в которых описывается исторически необходимая трансформация самого монополистического капитала в национал-социализм. В этом — ось всего процесса и вообще всего происходящего в Германии. Поэтому действительным названием этой книги должно было бы быть «Национал-социализм — последний этап германского империализма». Автору пришлось ограничиться только таким подходом к гитлеровскому движению, характеристикой его империалистической динамики. Другая сторона вопроса, тесно с этим связанная и из этого вытекающая, — фашизм как террористическая классовая сила капитала, направленная против пролетариата, — была оставлена в тени. Она достаточно ярко освещена в новой марксистской литературе. Вся часть книги, посвященная этой стороне воп-

роса, представляет собой только сжатый очерк, занимающий в книге меньше места, чем другие проблемы гитлеризма.

К числу таких проблем относится вопрос о характере военного плана германского фашизма, его стратегии в будущей войне (последние три главы до эпилога). Вывод из этой части книги тот, что центральный план, избранный Гитлером и Герингом, — это план стремительного аэрохимического нападения. В связи с этим может возникнуть возражение, действительно ли будущая война пойдет по этой линии, действительно ли она быстро развернется и завершится, не перейдя в позиционную войну, и т. д. По этому поводу надо сказать, что объективные обстоятельства — не только стратегия, но и экономика и социология фашистской Германии — силою вещей толкают Гитлера и его штаб в настоящий момент именно на такой план концентрации всех сил для решающего молниеносного воздушного натиска. Другого выхода — поскольку речь идет о *западном* фронте Германии — для них пока нет. Только принцип «нового шлиффеновского плана», принцип решения будущей войны посредством «каннской» битвы в воздухе может при теперешних обстоятельствах предоставить Германии перевес над ее противниками на западе и на юге, тот перевес, которого при условии затяжной позиционной войны на земле Гитлер вообще вряд ли сможет добиться. Это совершенно точно учтено новым германским генеральным штабом, крупнейшую роль в котором играют летчики-фашисты (см. главу тринадцатую об их специфической роли в национал-социалистской партии), так же как и эксперты химического треста «И.Г.». Ясно видно, что сейчас вся военная и военодипломатическая подготовка Германии движется именно в этом направлении. Об этом свидетельствуют не только последний официальный бюджет рейхсвера, не только речи Геринга и весь характер нового военного обучения молодежи и организации гражданского населения в Германии, об этом ясно говорит и вся внешнеполитическая и внутренняя обстановка в национал-социалистском государстве. Игра идет ва-банк, и Геринг учитывает тот реальный шанс, который у него есть. Пять дней аэрохимической войны в том масштабе и с той максимальной интенсивностью, на какие рассчитана ее подготовка Герингом и какие объективно требуются для успеха нового шлиффеновского плана при современных условиях, — пять дней такой войны с излишком стоят пяти месяцев прежней позиционной войны как в отношении радиуса военных действий, так и в отношении силы разрушения, которая здесь доводится почти до абсолютного уничтожения. Это — простой факт. И чем лучше этот факт будет учтен всеми врагами фашизма, тем лучше для мира. При всем том, конечно, остается ясным, что военно-стратегическое развитие в *других* зонах и на других фронтах, там, например, где условия маневренной войны сохранились и где нет такого фактора, как железная стена Вейгана, там оно может и должно принять иной характер — широких маневренных операций прежнего типа, или затяжной позиционной, или же комбинированной войны (последнее всего вероятнее). Это всецело зависит от соотношения сил противников, характера зоны и соотношения человеческих и технических сил. Враги фашизма должны быть готовы ко всем возможностям на земле и в воздухе.

Замечательно, что именно этот стратегический вопрос был прекрасно понят в империалистической Англии. Там мою книгу приветствовал не кто иной как лорд Ротермир, глава треста бульварной печати, предложивший своей «Daily Mail» посвятить ей несколько передовиц. Правда, при этом он выразил опасение, не марксист ли автор. Он даже прямо заявил, что вынужден питать серьезные сомнения на этот счет. Но благородный и высокопоставленный лорд все же счел возможным закрыть глаза на это страшное и компрометирующее обстоятельство, ибо вывод, который он усмотрел во всей книге, был удивительно прост: правительство его британского величества должно немедленно построить громадный воздушный флот.

Автор вынужден огорчить благосклонного лорда. Книга эта написана — как ни дерзновенно это звучит для какой бы то ни было книги — не в интересах английского Адмиралтейства. Книга написана для международного антифашизма и в первую очередь для германского пролетариата, того класса, который Гитлером не побежден, который победит Гитлера и завоеует Германию для социалистической Европы.

Эрнст Поль Г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Кто стоит за Гитлером?

I. Заговор Тиссена

Кто послал Гитлера?

Многие думают, что Гитлера послала германская мелкая буржуазия¹, эта малозаметная социальная сила, о которой все забыли. Внезапно пробудившись, она вырвалась на политическую арену и захлестнула все.

С внешней стороны дело обстояло именно так. Однако это — иллюзия. Мелкая буржуазия подняла Гитлера на щит и дала ему вооруженную силу; но все же не она была движущей силой — она была движима. Все эти сыновья мясников и трактирщиков, почтовых чиновников и страховых агентов, врачей и адвокатов думали, что они в самом деле сражаются за интересы своих отцов и за свои собственные идеалы, когда 28 февраля они ринулись из казарм на улицу и начали избивать беззащитных рабочих, евреев, социалистов и коммунистов. Но никогда еще мелкая буржуазия *одна* не делала ни революции, ни контрреволюции. Она и на этот раз, в современной Германии не могла бы совершить переворот, если бы другие силы не мобилизовали ее в нужный момент. Гитлер, идол мелкой буржуазии и сам мелкий буржуа, — мелкий буржуа, который хочет прослыть Наполеоном, — в действительности выполнял приказ свыше.

События, которые фактически привели к захвату власти Гитлером в начале 1933 г. и к упрочению его положения в последующие месяцы, никогда еще не излагались достаточно полно. В самой Германии это запретная тема. Эти события неизбежно приводят к целому комплексу вопросов, которые очень старательно затушевываются; именно они, однако, в послевоенные годы, в решающие для германской политики моменты, играли всякий раз решающую и слишком часто роковую роль. Этот комплекс: *внутренние отношения в лагере германских олигархов тяжелой промышленности и внешняя политика угля и стали*. Настроения лавочников подвержены колебаниям, но не эти «колебания», а те смелые зигзаги, которые описывала в это время внешняя политика угля и стали, раскрывают настоящие корни германского национал-социализма, причины его возвышения и победы. Не Гитлер, а Тиссен, властелин Рура, был главным режиссером германского фашизма.

Уже за полгода до последнего политического переворота в Германии

¹ В английском издании автор использует термин «middle class». — *Прим. сост.*

становилось ясно, что самое существование крупнейшего частного предприятия в стране, могущественного *германского Стального треста* («Ферейнигте Штальверке А.Г.»), находится под ударом. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знает современную Германию, поймет, *что* это значит.

Еще до этого банкротство сравнительно гораздо менее крупного предприятия — шерстяного концерна в Бремене «Нордволле» с пассивом в несколько сотен миллионов марок потрясло всю систему германской экономики и привело к краху один из ведущих банков — «Данат банк» Якоба Гольдшмидта. Теперь, однако, кризис угрожал уже самым основаниям германского хозяйства. Он ставил под удар предприятия, которые в годы своего процветания давали работу почти 200 тысячам рабочих и служащих (если считать и дочерние предприятия), поставляли на рынок около 10 млн. т стали ежегодно (почти вдвое больше теперешней стальной продукции Англии) и половину всей германской угольной добычи. Земельные владения этой фирмы охватывали 134 млн. кв. м, ее железнодорожная сеть по протяжению равнялась линии от Парижа до германско-польской границы; она имела 14 собственных гаваней и 209 электростанций; ее «рабочие городки» насчитывали 60 тыс. жилищ.

Но вот ежедневная продукция стали упала с 25 тыс. т до 5400, добыча угля со 100 тыс. до 40 тыс. т. Крушение «Ферейнигте Штальверке А.Г.» было бы национальной катастрофой. Оно означало бы не только полную дезорганизацию всей германской стальной и угольной промышленности, равно как и электротехнической (знаменитая фирма Сименс связана со Стальным трестом); не только оттеснение германских угольных и стальных синдикатов с внешних рынков и полный захват рынков французскими, английскими и американскими фирмами; не только окончательный распад всей германской банковской системы (банки предоставили Стальному тресту огромные кредиты на наименее выгодных для себя условиях), но и «переоценку всех ценностей» на бирже и всеобщий мораторий со всеми его неисчислимыми последствиями. Крах Стального треста означал бы также смертельный удар по всей *капиталистической* и социальной системе современной Германии, потому что Стальной трест был признанным вождем и важнейшим оплотом этой системы. Это было бы началом конца всей системы монополий, которые главенствовали в Германии в последние годы и, возможно, частной собственности вообще. Крах показал бы с небывалой ясностью всему возмущенному и отчаявшемуся народу полную несостоятельность этого общественно-экономического порядка. Надо было во что бы то ни стало не допустить этой катастрофы, если еще не настало время Фрицу Тиссену, Фридриху Флику, Отто Вольфу и другим магнатам Рура отдать свои владения, а Германии превратиться в страну национализированной промышленности. В последний день 1931 г. акции Стального треста, которые в момент его основания котировались в 125% номинала, продавались за 15% номинальной стоимости.

Вмешалось правительство, — тогда еще правительство Брюнинга. Оно «скупил» у акционеров треста (за номинальную сумму в 125 млн. марок) около половины всех акций «Гельзенкирхенер Бергверке А.Г.» — холдинг-

компании, которая владела большинством акций германского Стального треста. За эти акции, которые незадолго до того можно было купить на бирже за 22-25% стоимости, правительство заплатило 90%, или 100 млн. марок чистыми. Это была замаскированная субсидия грандиозного масштаба. Так был «спасен» Стальной трест. Было ясно, что государство уже в ближайшее время перепродаст эти акции в частные руки и притом продаст их дешево.

Именно в этот момент разгорелась настоящая война в лагере рурской тяжелой промышленности. Кто будет владеть акциями и управлять делами нового Стального треста и, стало быть, командовать всей олигархией монополий? Кто займет эту самую важную экономическую и политическую позицию в стране? Это был вопрос *политический*. Он мог быть разрешен только на Вильгельмштрассе. Та группа, которая привлечет на свою сторону правительство, завоюет Рур и получит ключи германского Стального треста.

При таких обстоятельствах на сцену выступил с национал-социалистским тараном в руках Фриц Тиссен.

На Руре соперничали две группы: группа Отто Вольф — Дойче банк, тесно связанная с католическими кругами и поэтому пользовавшаяся особым вниманием правительства Брюнинга, и группа Тиссен — Флик — Фёглер. Эта последняя оказалась теперь под ударом.

Обе группы были заинтересованы в делах Стального треста, со дня его основания и в течение многих лет всеми средствами боролись за первенство. Каждая из них представляла одну какую-либо финансовую династию (вспомним моргановскую и рокфеллеровскую группы в США), имела свои политические связи и тяготения и, главное, свою особую программу германской и европейской политики. Группа Отто Вольфа склонялась к «либерализму», потому что ее виднейшие представители, вышедшие из новых католических и еврейских коммерческих и банковских кругов, считались «выскачками» и чужаками в твердолобой среде «коренных» прусских угольных и стальных баронов Рура. Сам Отто Вольф, один из виднейших политиков католической партии, до войны был торговцем средней руки; впоследствии благодаря тесным связям с партией Центра, которая находилась тогда у власти, он очень выдвинулся и приобрел огромное значение в стальной промышленности. Он был тесно связан со всеми католическими канцлерами послевоенной Германии — Марксом, Ференбахом и Брюнингом. Его компаньон Оттмар Штраус был широко известен как еврейский либеральный политический деятель, очень близкий к социал-демократическому руководству. Личные состояния Вольфа и Штрауса оценивались в общей сложности в 170 млн. марок.

К этой же группе принадлежали Пауль Зильверберг, угольный магнат и один из компаньонов католическо-еврейского банка Луи Гагена в Кёльне (крупнейший частный банк в Германии), а также Клёкнер, владелец сталелитейных заводов и впоследствии член ЦК партии Центра. Вся эта группа была тесно связана с Дойче банком в Берлине, который финансировал всю католическую прессу, был связан с влиятельными католическими кругами Рейнской области, Баварии и Силезии, пользовался огромным влиянием в партии Центра и в самом правительстве Брюнинга. В директорат Дойче банка, помимо Отто Вольфа, Зильверберга и Клёкнера, входили

такие люди, как Аденауэр, знаменитый бургомистр Кёльна, и лидер рейнской организации партии Центра д-р Хейм, «баварский крестьянский король» и основатель Баварской католической народной партии, д-р Порш, представитель силезской католической аристократии и др. Один из директоров банка Луи Гагена и Дойче банка Пффердменгес был даже одним из ближайших финансовых советников рейхсканцлера Брюнинга.

Если бы правительство Брюнинга — Шлейхера осталось у власти (генерал Шлейхер был лично связан с Отто Вольфом и, кроме того, «интересовался» акциями Стального треста по соображениям военного характера), руководство Стальным трестом и всей германской промышленностью перешло бы в руки этой либерально-католической группы, которая внутри страны отстаивала «мягкий» либеральный курс, а в вопросах внешней политики добивалась тесного соглашения с Францией. Давно уже в этом лагере (Отто Вольф и Зильверберг) возник проект создания *континентального стального треста*, путем слияния французских и германских предприятий, хотя бы даже под политическим верховенством Франции. В последние годы Отто Вольф и Зильверберг предприняли уже и практические шаги для осуществления этого проекта. Так, например, состоялось «сближение» с французским стальным концерном «*Асьери де ля Марине де Омекур*». Эта очень деятельная лотарингская группа энергичнее, чем какая-либо другая в послевоенной Франции, добивалась объединения германской и французской тяжелой индустрии (металл и кокс). Она имела сильного политического союзника в лице французского посла в Берлине Франсуа Понсе, который в свое время был одним из директоров этой компании. Далее группа Отто Вольфа уже участвовала в делах люксембургского стального концерна «Арбед» и таким образом уже «заседала за одним столом» с французскими акционерами этого концерна, Шнейдер-Крезю и де Ванделем. В международной печати появились сообщения о том, что французы приобретают акции «Ферейнигте Штальверке А.Г.» и таким образом становятся непосредственными участниками германского Стального треста.

Это однако послужило сигналом к войне для второй конкурирующей группы рурских магнатов во главе с Фрицем Тиссенем. Группа Тиссена всегда была и остается по сей день важнейшим оплотом и неустанным вдохновителем самого крайнего и агрессивного германского национализма. Родоначальником этой группы был не кто иной, как Стиннес — этот король Рура, который в 1914—1918 гг. больше всех заработал на войне, а после войны, систематически организуя инфляцию, секвестровал в свою пользу большую часть национального дохода Германии в обмен на кучу бесполезных бумажек. С тех пор он управлял Германией как своей вотчиной.

Стиннес был пожалуй первым национал-социалистом Германии. Уже в 1920 г. на конференции в Спа он очень поразил своих коллег по германской делегации, когда вдруг заговорил о том, что «люди другой расы (намек на евреев) никогда не поймут германской души». И тогда, и позже он не раз вслух мечтал о «Великой Германии», которая должна включить Австрию, Бельгию и Лотарингию, и в центре которой должен возвышаться победоносный рурский Стальной трест.

Тиссен и его друзья, Флик и Фёглер — не только политические наследники Стиннеса; они не только представляют тот же круг олигархов угля и железа, крайних реакционеров и крайних империалистов, для которых даже вильгельмовская монархия была недостаточно реакционна и недостаточно империалистична. Они унаследовали также его хозяйство, его рурские владения (при жизни Стиннеса Флик и Фёглер были его личными помощниками).

В течение многих лет эта тройка старалась выбить группу Отто Вольфа из Стального треста. Тиссен, председатель Стального треста, и Фёглер, его главный управляющий, сделали попытку (это было три года назад) скупить у Отто Вольфа его акции; они потеряли на этом деле десятки миллионов марок совершенно безрезультатно. Они повели затем наступление на Дойче банк — тоже без особого успеха, если вспомнить, что во время банковского кризиса 1931 г. Дойче банк еще мог «задушить» Данат банк, тесно связанный с тиссеновской группой. Самым важным препятствием на этом пути было однако либерально-католическое правительство Брюнинга, которое по политическим причинам покровительствовало другой части олигархов. Когда возникла вероятность того, что купленные государством акции Стального треста перейдут в другие руки и что в этом могут оказаться замешанными французские интересы, группа Тиссена почувствовала, что поставлено под угрозу самое ее существование.

Собственно говоря, Тиссен тоже был склонен заключить франко-германский союз стальной промышленности на основе «континентального стального блока». Он даже вел кое-какие подготовительные работы в этом направлении. Но Тиссен добивается германской гегемонии в этом будущем союзе; он никогда не оставлял мысли о германском нападении на Францию. Тиссен, личное состояние которого оценивается в 120 млн. марок, до войны владел рудниками в бассейне Брие, во французской Лотарингии. Во время войны германское требование об аннексии Лотарингии было результатом ультиматума, который предъявили кайзеру Стиннес и Тиссен. Во время оккупации Рура в 1923 г. Тиссен (единственный из всех магнатов Рура) был арестован и провел несколько месяцев во французской тюрьме за свою агрессивную позицию по отношению к Франции. С тех пор его национализм возрастал с каждым днем. В начале 1933 г. сложилась ситуация, когда Тиссен решил, что должен действовать во что бы то ни стало. Надо было свергнуть правительство Брюнинга и Шлейхера и создать свое собственное правительство.

Так он открыл путь Гитлеру.

Как это было практически проведено и организовано — об этом следует поговорить особо. Речь идет об одной из самых темных и грязных интриг в германской истории. Так называемая «национал-социалистская революция» не имеет к этому ни малейшего отношения. Она началась уже после того, как Гитлер захватил всю власть в государстве; тогда только и оставалось, что напустить вооруженные коричневые банды на беззащитных граждан. Но до этого тиссеновская группа передала Гитлеру государственный аппарат на совершенно «законных» началах.

В 1927 г., незадолго до начала быстрого роста национал-социализма в

Германии, в Риме состоялось свидание Тиссена и Фёглера с Муссолини. Начиная с 1927 г., Тиссен — член, главный патрон и подлинный вдохновитель гитлеровской партии. Он стал ближайшим личным другом ее вождя. Гитлер не принимал ни одного сколько-нибудь важного решения, не спросив предварительно совета у Тиссена и его друзей. Тиссен систематически финансировал все избирательные кампании национал-социалистской партии. Это он еще в 1929 г. пригласил Гитлера в Дюссельдорф, штаб-квартиру Стального треста, и здесь впервые представил его собранию трехсот виднейших промышленников Рура. Это он три года спустя (в начале 1932 г.) снова пригласил Гитлера в Дюссельдорф, на этот раз для того, чтобы он изложил свою программу перед двумя тысячами германских промышленников. Так был сделан первый шаг на пути к предстоящему перевороту. Тиссен, несмотря на ожесточенное сопротивление со стороны Отто Вольфа и Клекнера, а также представителей «Бербауфереин Эссен» и «Нордвестгруппе дер Айзен-унд-Шталь Индустри», провел большинством голосов решение, по которому каждый угольный и стальной концерн в порядке особого принудительного самообложения обязывался регулярно вносить в избирательные фонды национал-социалистов определенную сумму. Для того чтобы собрать эти деньги, в Германии была поднята цена на уголь. Во время президентской кампании 1932 г. один Тиссен дал национал-социалистам свыше 3 млн. марок в течение нескольких дней. Без этой помощи фантастические размеры гитлеровской агитационной кампании в 1930—1933 гг. не были бы возможны. Без тиссеновских денег Гитлер никогда не добился бы такого успеха, и партия, вероятно, раскололась бы уже во время папеновской избирательной кампании в конце 1932 г., когда национал-социалисты потеряли 2 млн. голосов, и группа Штрассера возвестила уже о своем уходе из партии. В январе 1933 г. можно было думать, что Шлейхер окончательно добьет Гитлера и подчинит его себе. Но и на этот раз Тиссен спас Гитлера при помощи своего политического аппарата, как раньше он спасал его при помощи своего финансового аппарата.

Для осуществления этого маневра Тиссен использовал двух своих политических друзей и агентов: Гугенберга (один из директоров тиссеновской группы Стального треста) и фон Папена.

В середине января в Кёльне в доме барона фон Шредера, одного из владельцев банковской фирмы «И.Г. Штейн», которая тесно связана с Фликом и Тиссеном, состоялось тайное свидание Гитлера с Папеном (барон Шредер одновременно — личный друг фон Папена). На этом свидании Гитлер договорился с Папеном, которого он до этого в своих публичных выступлениях всячески поносил, о совместном формировании коалиционного правительства. Гитлер сейчас же после этого отправился к Тиссену. Было решено, что Гитлер примет на этот раз повторное приглашение Гинденбурга о вступлении в правительство (Гитлер, как известно, уже однажды отклонил такое предложение). Теперь можно было начинать. Хотя вследствие нескромности одного из участников новость о кёльнском свидании через несколько дней просочилась в печать, заговор против Шлейхера удался. Объединенная группа (Тиссен — Гитлер — фон Папен — Гугенберг), под-

держиваемая всем фронтом германских реакционеров, сумела перетянуть на свою сторону сына президента фон Гинденбурга, майора Оскара фон Гинденбурга, который раньше поддерживал своего однополчанина Шлейхера. Так произошло внезапное падение Шлейхера и сенсационное назначение Гитлера. Тиссен победил. А Гитлер начал подготовку к своей варфоломеевской ночи.

То, что следовало затем, было революцией, но не «революцией» для мелкой буржуазии, а революцией для Тиссена. За первым актом был сыгран второй. Национал-социализм поглотил Германию; одновременно другая сила поглотила национал-социализм.

Начиная атаку, Тиссен преследовал шесть основных целей:

- 1) захватить Стальной трест в свои руки;
- 2) спасти от гибели угольные и стальные синдикаты, основу монополистической капиталистической системы Германии;
- 3) вытеснить католическо-еврейскую группу соперников и захватить всю германскую промышленную машину для своей крайней реакционной группы тяжелой промышленности;
- 4) раздавить социалистическое рабочее движение, уничтожить профсоюзы; путем снижения зарплаты, усиления физической эксплуатации и т. д. повысить конкурентоспособность Германии на мировом рынке в борьбе с ее сильными соперниками — Англией и Соединенными Штатами;
- 5) расчистить путь для инфляции, чтобы уменьшить размеры долгов тяжелой промышленности (повторение хитроумного трюка, который применил Стиннес в 1923 г.);
- 6) приступить к проведению агрессивной империалистической внешней политики, чтобы утолить могучее стремление русского капитала к экспансии.

Все эти задачи теперь уже выполнены правительством Гитлера, но они послужили только отправным пунктом для нового движения, которое идет гораздо дальше и меняет саму структуру германского государства.

Этот новый курс начался на Руре — там же, откуда все движение получило толчок. Немедленно после национал-социалистской революции был разрешен кардинальный для Тиссена вопрос — передача всего Стального треста и всей тяжелой промышленности, всей основы германской экономики, в руки тиссеновской группы. Эта задача была разрешена при помощи, пожалуй, самой крупной сделки, какая когда-либо проводилась в Германии за счет налогоплательщиков. Началось с того, что огромный трест с его 150 тыс. рабочих был «реорганизован». Раньше государство, владея акциями на общую сумму в 125 млн. марок, контролировало половину капитала холдинг-компании Стального треста — «Гельзенкирхенер Бергверке А.Г.»; теперь эта компания объединилась с некоторыми другими, большей частью малозначительными предприятиями тиссеновской группы. В этом новом объединении с капиталом в 560 млн. государство с его 125 млн. контролировало уже только 22% всех акций — оно не имело, таким образом, даже прав так называемого «квалифицированного меньшинства» (на это требуется 25%)! Зато Тиссен, который занимал до того третье место среди

частных акционеров после Флика и Отто Вольфа, стал крупнейшим частным акционером. Вместе с акциями государства, которые фактически также находятся в его распоряжении, Тиссен контролирует теперь около 40% основного капитала этого самого могущественного предприятия в стране, которое явно и тайно контролирует сотни других предприятий. В то же время Отто Вольф располагает теперь только 9%. Роль этого католического магната с его широкими, смелыми планами отыграна. Оттмар Штраус, компаньон Вольфа и настоящий автор всех больших планов этой группы, вместе с другим виднейшим деятелем Дойче банка Сольмсоном отстраняются от участия в новом правлении «Ферейнигте Штальверке».¹ В то же время рурский трест получает новые правительственные заказы на вооружение. Курсы акций Стального треста идут в гору.

Так был решен исход борьбы, которая продолжалась почти весь послевоенный период: Стиннес в свое время тоже боролся с Отто Вольфом и его интернациональной группой. Тиссен теперь — единственный король угля и стали; ключи германской экономики в его руках. На общем собрании акционеров реорганизованного треста 29 ноября 1933 г. он заявил: «Наши предприятия идут теперь впереди всех аналогичных предприятий в мире».

Начинается внешнеполитическое наступление германской тяжелой индустрии, решающая атака на мировые рынки, подготавливавшаяся годами.

Но это только прелюдия. Речь теперь пойдет уже не об отдельных соглашениях и сделках. Происходит нечто совершенно беспримерное в политической истории всех стран: промышленник Тиссен, частное лицо, назначается диктатором всего западногерманского промышленного округа, центра тяжелой промышленности. Через несколько месяцев после победы нацистов Тиссен назначается «статс-секретарем» по делам Западной Германии. Это — новая политическая должность, которая поставлена над всеми местными властями; «статс-секретарь» подчиняется только лично Герингу. Немедленно вслед за этим руководители нацистских организаций в четырех провинциях (Эссен, Дюссельдорф, Северная Вестфалия и Южная Вестфалия) посылают особую декларацию на имя Тиссена, в которой они официально признают его «носителем верховной государственной власти по всем вопросам экономической политики в нашем округе». Они предписывают всем организациям господствующей партии «обращаться по всем вопросам экономической политики, за исключением земельных вопросов, исключительно к Тиссену и рассматривать его решения как обязательные».

В это время в Берлине происходит следующее: Геринг назначает специального «экономического советника при правительстве» — Тенгельмана. Сына Эрнста Тенгельмана, главного управляющего тиссеновского угольного концерна «Эссенер Штайнколенверке». Экономическим советником самого

¹ Соглашение с союзником Тиссена — Фликом состоялось на таких началах: Тиссен получает Рур, а Центральная Германия — другой центр германской промышленности — становится неприкосновенной собственностью Флика. «Миттельдойче Штальверке», ранее принадлежавшее Стальному тресту, становится «семейным» делом Флика. Границы точно размежеваны. Никто не имеет права вторгаться в «чужие» пределы. — *Прим. авт.*

Гитлера назначается инженер Вильгельм Кепплер, ближайший друг этого самого Эрнста Тенгельмана¹. Одновременно публикуется декларация нацистских лидеров Рейнской области и Вестфалии о верности Тиссену. Вот это — подлинная революция! Теперь никто не может свергнуть Тиссена — до тех пор пока наци управляют Германией. Он — неотъемлемая часть правительства; его монополия над важнейшими источниками сырья и энергии в стране, не только над углем и железом, но также и над электричеством и газом, над текстильной промышленностью и т. д.² — неотъемлемая часть режима. Штурмовики — только его преторианцы, которые обязаны выполнять его приказы и подчиняться каждому его слову. Ни одно решение не может быть принято без него. Он направляет всю политику заработной платы и социального обеспечения. Он назначает местную администрацию, и если какой-нибудь губернатор провинции, «обер-президент», назначит неугодного ему чиновника, он может наложить вето на это назначение. Он сам и есть национал-социалистская партия. Когда осенью 1933 г. Гитлер проводил выборы в новый рейхстаг, кандидатами в округах были: в Южной Вестфалии сам Тиссен, в восточной части Дюссельдорфа — управляющий его предприятиями Фёглер, в Северной Вестфалии — другой директор его предприятия Шпрингорум, а за этими людьми Тиссена тянулась длинная свита национал-социалистских знаменитостей. Во главе государственного технического надзора над промышленностью находится тоже ставленник Тиссена; даже на пост «обер-берггауптмана» (главный инспектор горного дела) назначается личный друг Тиссена — Виннакер, первым делом упразднивший должности рудничных инспекторов, которые должны охранять горняков от чрезмерной эксплуатации и технических опасностей.

Только один человек в Германии смел когда-то мечтать о том, чего добился Тиссен на другой день после гитлеровской победы. Этот человек — Стиннес. В период инфляции 1922—1931 гг. он предложил совершенно открыто, чтобы Германия стала его, Стиннеса, частной собственностью, а он ее правителем. За это Стиннес обещал тогда спасти Германию от банк-

¹ Семья Тенгельманов играет очень важную роль за кулисами сегодняшней гитлеровской Германии. Помимо Эрнста Тенгельмана, главного управляющего тиссеновского угольного треста и отца германского «экономического советника», Вальтер Тенгельман и Фриц Тенгельман также являются директорами этого концерна. Это, собственно говоря, отпрыски все той же великой тиссеновской династии. — *Прим. авт.*

² «Рейниш-Вестфэлишес Электрицитетсверк» (РВЭ), одно из крупнейших в мире электрических предприятий, которое снабжает своим током большую часть Германии и работает на русском угле, принадлежит также тиссеновской группе. Годовое производство электроэнергии РВЭ составляет не менее 3,2 млрд. квтч. Тиссен и Фёглер одновременно — диктаторы «Прейссише Электрицитэтс А.Г.», государственной компании, которая контролирует фактически весь остальной внутригерманский рынок электроэнергии. Еще одно предприятие этой группы — «А.Г. фюр Фернгазферзоргунг» — в настоящее время организует подачу газа во все германские города по мощному всегерманскому трубопроводу. Начальный пункт трубопровода находится также на Руре. — *Прим. авт.*

ротства. Стайнс умер за девять лет до Гитлера и его штурмовиков. Но система, которую воспринял его ученик и наследник, это та же система *капиталистического «неофеодализма»*, тот же тип *частномонополистического сюзеренитета*, который должен быть поставлен на место прежней «либеральной» демократии. Рур, экономический центр Германии, уже стал таким феодальным герцогством, а Тиссен — его сюзереном. Отсюда он управляет всей страной, ее экономикой и политикой. Новое верховное экономическое руководство в Берлине — министр хозяйства Шмитт, председатель Рейхсбанка Шахт, «уполномоченный по экономическим вопросам» при Гитлере Кепплер — только отражение невидимого настоящего правительства, которое имеет своей резиденцией Дюссельдорф. В этом — подоплека всех событий в Германии, в этом подоплека исторической миссии Гитлера, Геринга и Геббельса. В этом — конечный итог «национал-социалистской мелкобуржуазной революции»: переход к неофеодализму королей сырья и энергетики.

Мелкая буржуазия не имеет к этому никакого отношения — она только дала свою «фирму» и своих сыновей, которые защищают штыками это новое государственное устройство. Назначая Тиссена «верховой государственной властью» на Руре, Гитлер одновременно, одним махом, распускает «Боевую лигу самодетельного среднего сословия» — генеральный штаб тех самых боевых мелких буржуа, которые провозгласили Гитлера своим мессией и которые руками коричневых и черных штурмовиков обеспечили ему победу, сделали его повелителем нового государства. Теперь они — новые вассалы Тиссена. После своего назначения статс-секретарем (это была фактически коронация) Тиссен первым делом в дополнение к декларациям местных нацистских лидеров опубликовал свою собственную. Оказалось, что он «ждет от всех участвующих в экономической жизни страны такой же строгой дисциплинированности — добровольной, но основанной на правильном чувстве ответственности, какая нашла выражение в декларации местных нацистских лидеров». Он не допустит больше никакого либерализма вроде «самовольного» расторжения колдоговоров рабочими или «поощрения новых промышленных предприятий». Он намерен «пресекать беспорядки и все попытки нарушения порядка, опираясь на те полномочия в отношении местных государственных властей, которые предоставлены ему как статс-секретарю». Это язык средневекового феодала и одновременно язык современного политического диктатора. Тиссен — и то, и другое: у него — владения первого и власть второго. Он новый сверхмонополист. Кто посмеет восстать против Тиссена, тот будет иметь дело с Гитлером (его «соответствующими властями»). Гитлер — коннетабль нового государства и его нового сюзерена.

Таков первый и непосредственный результат тиссеновской победы в борьбе за германский Стальной трест; исход этой борьбы решили, как мы видели, национал-социалисты. Это — предварительные результаты тиссеновской победы. Он завоевал не только командные высоты в германском экономическом организме. Он не только отвел великую угрозу нового объединения западноевропейских сталепромышленников под французским вер-

ховенством с католическо-еврейскими магнатами германской промышленности (эта опасность, впрочем, угрожала не только старой, наиболее реакционной группе германской тяжелой промышленности, но и самим основам германского экономического, политического и военного империализма). Он создал новый тип современного государства — «неофеодализма» монополистического капитала под фирмой диктатуры мелкой буржуазии. Из этого он исходит в своих дальнейших планах. Тиссен не успокаивается; все эти достижения для него только начало. Теперь путь открыт. Завоевание Стального треста — первое звено в широкой цепи новых начинаний, которые должны охватить все германское хозяйство. Эти начинания могут иметь только один результат: поглощение всего германского национального капитала, капиталистическую «тоталитарность» на манер нацистской политической «тоталитарности». Те же факторы, которые привели к экспроприации «Ферейнигте Штальверке А.Г.», начинают проявлять себя в других областях. Примеры можно было бы умножать до бесконечности.

Через несколько недель после реорганизации Стального треста наступила очередь большого угольного концерна Эвальд — Кёниг — Людвиг, другого тиссеновского предприятия, которое находилось на грани банкротства и ликвидации. Этот концерн имел задолженность в 95 млн. марок и должен был перейти в руки кредиторов, главным образом к Дойче банку, который вместе с рейнским королем бурого угля Зильвербергом (злейший противник Тиссена и один из способнейших «либеральных» капиталистов Германии) разработал план создания нового независимого угольного треста; они уже успели приобрести контрольный пакет акций «Гарпенер Бергбау А.Г.», крупнейшего из угольных трестов, не входящего в тиссеновскую группу. Все это было одним из эпизодов борьбы за германскую тяжелую промышленность. Банки предполагали спасти компанию Эвальда от банкротства, выпустив новые акции; из акций этого нового выпуска общей стоимостью в 16 млн. марок они собирались 10 млн. оставить себе в покрытие платежей, а 6 млн. предоставить тиссеновской группе.

Так обстояло дело незадолго до гитлеровского переворота. А вот какие формы приняла эта реорганизация эвальдовского концерна через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти: банки, которые ссудили компании 70 млн. марок, получают 6 млн. марок новыми акциями; тиссеновская же группа, которая была виновницей банкротства и подлежала окончательной ликвидации, получает 14 млн. марок новыми акциями и в придачу 8,4 млн. марок краткосрочными обязательствами, которые подлежат покрытию из первых же доходов реорганизованной компании; оплата долга рассрочена на 6 лет, частью из 4% годовых, частью совершенно беспроцентно; одновременно компания получает новые кредиты. Наконец государство освобождает компанию от налогов на все время реорганизации. Тиссен заработал на этой операции еще раз огромные деньги. План Зильверберга и Дойче банка по основанию нового независимого угольного треста разбит: председателем нового правления эвальдовского концерна избирается Фриц Тиссен! В то же время концерн Гарпен и компания Зильверберга «Райнише А.Г. фюр Браунколенбергбау» переходят в руки тиссенов-

кой группы¹; в новое правление концерна входят ближайшие друзья Тиссена — Флик, барон фон Шредер, Эрнст Тенгельман и др. Зильверберг должен сложить с себя обязанности председателя рейнского синдиката бурого угля. Теперь и эта операция закончена.

Все остальное в том же роде: Тиссен продолжает наступление по всему фронту германского хозяйства. Он становится председателем Индустри банка, учреждения, в котором заинтересованы почти все германские предприятия. Тиссен становится председателем новой Федерации западногерманских промышленников и учредителем нового синдиката азотистых веществ в Рурской области. Фирма Тиссен — Флик обеспечивает себе места в директорате вагоностроительного треста «Линке—Гофман—Бушверке А.Г.». С другой стороны, гитлеровский организованный поход против евреев и католиков под лозунгом «расовой политики» и пресловутого «гляйхшальтунг» (унификации) представляет собой не что иное, как планомерное вытеснение и экспроприацию старых еврейских и католических конкурентов реакционной тиссеновской группы тяжелой промышленности; руководит этим походом все та же новая победоносная финансовая олигархия. По всей стране идет «чистка» директоратов акционерных обществ и частных предприятий, от самых крупных до самых незначительных. Это своего рода маленькая «революция»: *капитализм меняет весь свой персонал*; целые группы и категории выбрасываются вон. Директор-распорядитель католическо-еврейского Дойче банка Оскар Вассерман, самый опасный и самый могущественный из соперников тиссеновской группы в борьбе за Стальной трест, подает в отставку «по болезни». Отто Вольф попадает на скамью подсудимых по обвинению в злоупотреблениях; а за это время происходит его «добровольное» подчинение Тиссену и превращение в его «младшего компаньона». Клэкнер, другой католический деятель Стального треста, «отказывается» от своего депутатского места в рейхстаге. Банкирский дом Луи Гагена в Кёльне, который проводил все международные финансовые операции для антитиссеновской группы, главным образом во Франции, оказывается замешанным (в лице одного из его директоров, д-ра Антона Брюнинга) в дело о финансовых злоупотреблениях; злосчастный директор приговорен судом к двум с половиной годам тюремного заключения. Из германского пароходного треста, объединяющего компании «Гамбург — Американская линия» и «Северогерманский Ллойд», уходят два наиболее влиятельных директора: почетный председатель Дойче банка Макс фон Шинкель и известный гамбургский банкир Варбург. А пока старые конкуренты исчезают, ликвидируясь, уезжая за границу, «заболевая» или попросту попадая в концлагеря, победоносный Тиссен собирает вокруг себя *новую олигархию сподвижников и паразитов* — исключительно из числа *национал-социалистов* и руководящих деятелей гитлеровской партии. В качестве директора Индустри банка, председателем которого состоит теперь Тиссен, избирается Вальтер Гранцов; это не кто иной, как шурин Геббельса, ближайшего оруженосца Гитлера. Этот же Гранцов становится главным директором германского Рен-

¹ Через РВЭ («Рейнско-Вестфальские электростанции»), см. выше. — *Прим. ред.*

тного банка, одного из самых значительных и богатых финансовых учреждений в стране. В директорате Дрезднер банка, второго по значению банка в Германии (после Дойче банка), в котором уже заседают представитель Круппа — Бушфельд и друг Тиссена — Фридрих Флик, появляется новое лицо — барон Харро фон Цеппелин, личный адъютант Вальтера Дарре, гитлеровского министра земледелия и одного из влиятельнейших нацистских политиков. Баварский министр Эссер и гессенский губернатор Шпренгер избираются в директорат германского треста коммерческой авиации «Люфтваганза», а один из прежних друзей Гитлера Грегор Штрассер¹ становится директором химического концерна «Шеринг — Кальбаум А.Г.». Вместо представителя Дойче банка — председателем «Гамбург — Американская линия» становится Эмиль Гельфферих, старый член национал-социалистской партии и «экономический советник при партийном руководстве»². Это — новые олигархи, новые кадры паразитов монополистического капитала. Без них не будет ни правительственных заказов, ни дивидендов, без них дело не пойдет. Правление банка «Альгемайне Дойче Кредитанштальт» в Лейпциге на годовичном собрании акционеров 15 октября 1933 г. заявляет совершенно откровенно: «Банк будет стараться в будущем вести свои дела по принципам национал-социализма; это станет возможным только в том случае, если банк будет пользоваться доверием национал-социалистской партии».³

Организации национал-социалистской партии принимают участие в переговорах между отдельными концернами, в реорганизации промышленных предприятий и т. д. (так, например, окружной комитет национал-социалистской партии в Южной Вестфалии был активным участником реорганизации концерна «Лотринген», он же выполнял обязанности «согласительного бюро» при возникновении объединения синдикатов цементной промышленности). Если монополистический капитал стал неотъемлемой частью нацистского режима, то и национал-социалистская партия стала неотъемлемой частью монополистического капитала. Всюду одна и та же комбинация: старые трестовские магнаты и новые гитлеровские политики.

Первое крупное выступление этой новой, объединенной олигархии в Германии носило поистине сенсационный характер: это была грандиозная *концентрическая атака картелей на потребителей* в невиданных для Герма-

¹ Грегор Штрассер — по профессии аптекарь, один из основателей НСП, играл большую роль в национал-социалистской партии вплоть до конца 1932 г., будучи руководителем северогерманских организаций и одним из наиболее опасных соперников Гитлера. В 1931—1932 гг. в рейхстаге заигрывал с реформистскими профбюрократами. Во время канцлерства Шлейхера собирался произвести раскол внутри национал-социалистов и войти в правительство. Гитлеру удалось разбить оппозицию, и Грегор Штрассер был «уволнен в отпуск». С тех пор активного участия в политике не принимал. 30 июня 1934 г. был арестован и расстрелян. — *Прим. ред.*

² Вступая в должность председателя германского пароходного треста, Гельфферих сделал очень характерное заявление: «Избрание директората само по себе представляет чисто внутренний интерес. Это событие, однако, связано и с гораздо более широкими вопросами политической реконструкции... Новое правление приступает к работе, проникнутое духом Гитлера, духом национал-социализма». — *Прим. авт.*

³ Речь председателя, генерального консула фон Шена. — *Прим. авт.*

нии размерах. Дело не только в том, что крупнейшие угольные и стальные синдикаты, монопольно взимающие тяжкую дань со всего германского народа, сейчас развернулись во всю ширь и чувствуют себя обеспеченнее, чем когда-либо (еще недавно они были на грани банкротства); это в свое время уже случалось. Но сейчас по Германии прокатилась волна создания таких картелей и соглашений о ценах, каких еще никогда не было, какие никогда еще никому не снились.

Гитлер 15 июля 1933 г. внезапно издает закон, по которому вся промышленность должна объединиться в синдикаты и установить твердые цены. Каждый конкурент или аутсайдер¹, который посмеет сбивать эти цены или организовать новую фабрику, может — в порядке борьбы с «экономическим саботажем» — быть подвергнут взысканию правлением синдиката, может быть арестован государственными властями, может быть заключен в концентрационный лагерь!

Таково новое законодательство тиссеновского феодализма. Несмотря на тяжелую депрессию и ужасающее обнищание народа, германская промышленность проявляет необычайную активность, как в дни самого бурного ажиотажа: ежедневно все в новых отраслях промышленности возникают картели и соглашения о ценах (проволочное производство, стекло, газетная бумага, сгущенное молоко и казеин, джут, мыло, дрожжи, консервы, красящие вещества, металлические изделия, строительные материалы; формируются картели также в папиросной и в фарфоровой промышленности и т. д.). В начале века в Германии насчитывалось 300 промышленных картелей; во времена республики в 1925 г. — 1500; сейчас при Гитлере — свыше 2100; они охватывают больше половины всех изделий промышленности. Штурмовики охраняют каждую новую монополию; конкуренция объявлена государственным преступлением. Результат: цены повышаются скачками на 20-30% сразу. Союз германских машиностроителей осенью 1933 г. постановил, что цены на сырье и полуфабрикаты, так же, как и на подсобные материалы, повышаются в течение нескольких недель на 30-100%. Общий уровень рыночных цен впервые за время кризиса решительно повышается: индекс оптовых цен в Германии составлял в середине декабря 1933 г. 96,1 против 91,2 в середине марта. Но раньше всех и больше всех повышаются цены на продукты, которые производятся *во владениях Тиссена*: цена на стальные отливки и цельнотянутые трубы поднялась на 100%, цена на полосовое и чушковое железо на 50%, на специальные стали — на 120%. Народ платит. Это — проценты национал-социалистской революции: новые сверхбарыши для новой тиссен-гитлеровской олигархии.

Задуманная Тиссеном операция — создание монополистического «феодализма» в Германии под именем национал-социалистского государства — еще не закончена. Поглощение хозяйства новыми феодалами еще не приняло достаточно «всеобщего» характера. Но ближайшая задача уже отчетливо видна: это — *экспроприация крупнейших банков*. Германские банки, три четверти капитала которых сконцентрировано в «могучей тройке» (Дойче

¹ «Аутсайдер», или «дикий» — предприятие, которое не входит в состав капиталистического объединения (картеля, синдиката и т. п.). — *Прим. авт.*

банк, Дрезднер банк, Коммерц банк), все еще имеют в своем распоряжении резервы в сумме около 10 млрд. марок (приблизительно 750 млн. фунтов стерлингов) и все еще контролируют финансовую жизнь страны. Дойче банк, старый соперник Стального треста и столп католическо-еврейского «либерализма», все еще один со своими 3 млрд. контролирует треть всей этой суммы. Только Дойче банк благодаря своим обширным свободным резервам мог даже после грандиозного германского банковского краха в 1931 г. сохранить свои позиции и свою самостоятельность, тогда как два других банка этой тройки временно перешли под контроль государства. Когда германский банковский капитал, и раньше всего Дойче банк — последний оплот некогда независимых капиталистических групп, которые раньше конкурировали с Тиссенем, — будет окончательно поглощен, тогда власть Тиссена в Германии станет абсолютной и в финансовой сфере. Тогда он станет одним из самых могущественных диктаторов денежного рынка в мире, новым сверх-Стиннесом. Отметим кстати, что сама идея такого всепоглощения ведет свое начало также от Стиннеса, который в годы инфляции вел памятную дуэль с берлинскими банками; он собирался их окончательно экспроприировать.

Этот проект имеет широкое международное значение. В августе 1933 г. правительство Гитлера созвало в Берлине конференцию, на которой решалась судьба банков; тогда впервые Тиссен открыто потребовал ликвидации «могучей тройки». Тот самый барон фон Шредер, который некогда по предложению Тиссена организовал заговор Гитлер — фон Папен против генерала Шлейхера, неожиданно, при поддержке правительства внес следующий «революционный» план: большие банки с их миллиардами должны «перейти к государству» (точнее тот, единственный банк, который еще не находится под контролем казначейства), а затем должны быть разделены на 12 «окружных банков», которые будут работать в 12 округах Германии. Акции этих банков должны постепенно перейти в частные руки, но государство должно оплатить им их потери (точно так же, как во время реорганизации Стального треста). Это увенчивает все здание нового феодализма, потому что все новые банки, из которых каждый будет управлять финансами определенной территории, будут банками Тиссена.

На этом заканчивается великая национал-социалистская «революция». Она выполнила свои задачи. Она не могла закончиться иначе, ибо король Рура является императором национал-социализма. Вот в чем секрет Гитлера.

II. Поражение мелкой буржуазии

Когда Гитлер взял власть в свои руки, за ним стояли две силы — одна тайная и одна явная. Вторая ничего не знала о первой. Тайная толкала явную на передовые позиции.

Уже на другой день после победы началось сокрушение явной во имя тайной. Гитлер с Тиссенем сокрушили мелкую буржуазию.

Это — историческое событие. Никогда еще до сих пор целый класс не

исчезал со сцены в такой короткий срок, как это случилось с низшими слоями мелкой буржуазии в Германии после прихода Гитлера к власти. Никогда еще один союзник не предавал другого так скоро, так цинично и так жестоко.

30 января 1933 г., в день захвата власти Гитлером, германский мелкий буржуа был гордым, экзальтированным, бурно развивающимся гигантом. Он был опьянен видениями будущего — он собирался стать повелителем нации. Сейчас он одичалый, жалкий, запуганный, маленький человек — мелкий буржуа сейчас мельче, чем когда-либо. Идея возвышения мелкобуржуазной массы над всеми классами и превращения его в новую касту правителей и героев — этот самый блистательный тезис фашистской «философии» — блистательно доведен до абсурда самим фашизмом.

Германский фашизм выступил в бой, построившись в две колонны. По одну сторону стояла серая масса мелких буржуа — маленьких лавочников, кустарей, служащих, низших чиновников, обнищавших интеллигентов и разорившихся рантье, мелких и средних фермеров — всего от 12 до 15 млн. человек. Военной организацией этой массы была коричневая армия штурмовиков (СА), в большинстве сыновья мелких буржуа, и рядом с ними безработные.

Около того же времени их отцы объединились в экономической организации, которая называлась «Боевая лига самодельного среднего сословия». Основным ее лозунгом был антисемитизм; ближайшей целью борьбы: уничтожение универмагов, потребительских обществ, магазинов типа «все товары по одной цене», истребление евреев, отмена налогов, восстановление средневековых гильдий, подчинение государственного аппарата гильдиям и, наконец, превращение всего государства в республику суверенной мелкой буржуазии.

За это выступили в бой коричневые рубашки.

По другую сторону шествовала, нога в ногу с первой колонной, но никогда с ней не смешиваясь, вторая колонна — купцы побогаче, офицеры, студенты, люди свободных профессий, высшие чиновники, сыновья крупных фермеров; всего 1-2 млн. человек. Эта вторая колонна людей сытых, лучше воспитанных, лучше обученных и лучше одетых, а стало быть, более активных и более агрессивных, в душе презирала первую колонну. Военная организация этой группы — охранные отряды (СС) — отборная, специально вымуштрованная, одетая в черные мундиры преторианская гвардия гитлеровской партии. Если в коричневом отряде восточных кварталов Берлина насчитывалось в среднем 44% кустарей и техников, 17% конторских служащих и мелких торговцев и только 3% интеллигентов и студентов, у чернорубашечников пропорции были совершенно иные. Основной лозунг этой колонны — национализм; для большинства этот лозунг имел такой же смысл, как антисемитизм для низов мелкой буржуазии. Важнейшая задача — получить работу (война даст занятие офицерам и студентам, война даст рынки купцам и т. д.). Ближайшие боевые задачи этой колонны очень резко отличались от тех, которые ставила себе первая колонна. Их мало интересовало уничтожение универмагов и т. д. (универмагиотягощены миллиардной

задолженностью банкам, и поэтому финансовая олигархия запретила их трогать). Конечно, и они желали бы покупать дешевле и удобнее, но, с другой стороны, они были гораздо более заинтересованы в поддержании крупного капитала: ведь это был их наниматель, их покровитель, их патрон в обществе. Они презирали этих мелких буржуа и в душе ненавидели темную, плохо воспитанную и плебейски пахнущую массу «коричневых». Они мечтали о еще более тесном сближении с правящим классом крупной буржуазии — крупными промышленниками, банкирами, аграриями; они мечтали о более широком участии в прибылях, о более легком доступе в их салоны, о военных почестях и отличиях. Поэтому они больше всего желали быть союзниками крупной буржуазии, желали оказать услуги этому высшему классу своих покровителей.

Вот за что боролись черные мундиры.

Обе колонны провели «революцию» сообща. Вместе они ринулись на улицы, оглушали весь народ коричневым террором, самым жестоким в истории, и захватили все государство для общего героя — Гитлера. Коричневые рубашки делали преимущественно грязную работу; черные мундиры командовали и контролировали. Страна находилась теперь в их руках — в руках пятнадцати миллионов взбунтовавшихся мелких буржуа.

Тогда началась вторая крупная операция Гитлера: *свержение низших слоев мелкой буржуазии*.

Гитлер неожиданно заявил, что «революция» закончена. Под этим лозунгом была проведена очень недвусмысленная и очень важная по своим результатам операция: роспуск и упразднение «Боевой лиги самостоятельного среднего сословия», генерального штаба низших слоев мелкой буржуазии со всей его организацией, его вождями, его представителями в аппарате гитлеровской власти. Никакое другое правительство не решилось бы на этот шаг. «Боевая лига» была не просто профессиональной организацией: это было настоящее представительство и точное олицетворение германской мелкой буржуазии как класса, как независимой социальной силы. Политика и задачи, которые ставила себе эта лига, были действительно политикой и задачами мелкой буржуазии. Можно сказать, что они были в большей мере национал-социалистами, чем сам Гитлер. Лига ничего не имела общего с Тиссенем, ничего не имела общего с тайными силами, которые двигали и выдвигали германский фашизм. Она представляла «третье сословие», эту почти забытую социальную силу, которая в течение целого столетия в полной растерянности бесцельно раскачивалась между двумя великими антиподами, крупной буржуазией и пролетариатом. В результате этих столетних колебаний мелкие буржуа ничего не завоевали. Они не имели ни собственной программы, ни сил, ни энергии. Зажатые между двумя великими антагонистами, они все больше размывались своими «соседями» сверху и снизу.

Теперь они вдруг поверили в свои силы и пошли за Гитлером. Лига готовилась захватить государство, когда оно будет завоевано, для себя и ни для кого больше. Она в самом деле собиралась произвести «мелкобуржуазную революцию»: отбросить общество к средним векам, к эпохе мелкобур-

жуазных гильдий. Она верила в успех этого фантастического эксперимента, потому что она верила в Гитлера. Это была, пожалуй, последняя вспышка энергии и воли падающего класса. Некоторое время казалось, что этот план будет осуществлен. В течение нескольких недель после прихода Гитлера к власти «Боевая лига» казалась самой могущественной организацией в государстве; она постепенно вовлекала всю Германию в свою орбиту. Сотни отделов и секций «Боевой лиги» покрыли всю страну; всюду стихийно возникали «добровольные» организации этого же типа. Местные секции союза, опираясь на отряды коричневых рубашек, стали подлинными господами положения в своих городах.

Это была совершенно новая власть. Мелкие буржуа пробовали вести себя, как революционеры. Они стали захватывать магазины, конторы и банки так же, как революционные рабочие захватывают фабрики. Комиссары «Боевой лиги» с мандатами или без них появлялись во главе вооруженных коричневых отрядов в универсамах, в магазинах «все по одной цене», в еврейских лавках, на предприятиях своих конкурентов, для того чтобы взять управление этими предприятиями в свои руки и перекачать их капиталы в карманы мелких буржуа. Они появлялись уже и в банках. Они собирались поставить банки под свой контроль, перестроить кредитную политику в соответствии с интересами мелких торговцев, трактирщиков и ремесленников против всех остальных общественных слоев. Специальные комитеты «Боевой лиги» начали составлять новые прейскуранты; они вводили обязательный «минимум торговой прибыли»; они стали бешено вздувать цены. Лавочники собирались эксплуатировать всю нацию. Представители лиги совершали обход частных квартир и собирали средства для своих многочисленных организаций.

В центре страны руководители «Боевой лиги» уже требовали, чтобы размещение государственных заказов было передано в их руки. Каждая организация мелкобуржуазного характера, даже самая незначительная, стала выпускать «манифесты к народу». Своего рода экстаз охватил этих людей, которые всегда плелись в хвосте, а сейчас почувствовали себя на высотах власти.

Кульминационным пунктом, естественным политическим и законодательным завершением этого процесса должно было быть провозглашение новой национал-социалистской формы государства — «корпоративного государства» победоносных мелкобуржуазных гильдий, фашистского царства «Боевой лиги» и ее союзников.

И вдруг все рухнуло, точно по мановению руки. Появилась на сцене другая сила, которая была подлинной, хотя и тайной, опорой Гитлера и которая его выдвинула на широкую политическую арену.

В несколько дней «революция среднего сословия» была умерщвлена. Организация «Боевой лиги», «трест» мелкой буржуазии был распущен; местные секции лиги были объявлены нелегальными, все комиссары отозваны, «вмешательство в экономическую жизнь» (другими словами, захват магазинов и контор мелкими буржуа) было строжайше запрещено. Самый главный человек этих кругов, государственный эmissар по экономическим делам Вагенер, который проводил политику «Боевой лиги» в центральном

аппарате государства, был смещен и одно время даже находился под угрозой ареста. Четыре члена «экономического департамента при руководстве национал-социалистской партии», которые поддерживали Вагенера и выдвинули его кандидатуру в министры торговли, были арестованы и сосланы в концентрационные лагеря. Многие местные руководители национал-социалистской партии, которые поддерживали «Боевую лигу», как, например, Ленц, гессенский вождь, бесследно исчезли. В Мюнхене 169 мелких торговцев были неожиданно арестованы за «торговлю по ростовщическим ценам» и сосланы в концентрационный лагерь Дахау, в этот ад, который первоначально предназначался только для коммунистов (в Баварии этим словом — «Дахау» — матери пугают своих детей). Новые вожди неожиданно пришли к власти. На должность министра труда был назначен Шмитт, директор крупной страховой компании и, следовательно, «свой человек» среди владельцев универмагов; председателем Рейхсбанка и руководителем всей государственной кредитной политики был назначен Шахт, бывший директор Данат банка; наконец экономическим советником при Гитлере был назначен агент Стального треста инженер Кепплер. Этот триумvirат — вместо «Боевой лиги» — стал официальным директором всего германского народного хозяйства. А высоко над ними царствовал человек из Дюссельдорфа — Тиссен.

Вся «геометрическая программа», которая вывела на улицу батальоны мелкой буржуазии, с треском провалилась. Поход против универмагов и кооперативов, мечта жизни этих людей, которые надеялись одним ударом возродить бывшее благоденствие, был объявлен опасным вздором, — опасным для служащих универмагов и опасным для всего экономического порядка в стране. Правительство запретило только открытие новых универмагов; все ранее существовавшие универмаги и кооперативы с их миллиардными оборотами, которые несли разорение десяткам тысяч мелких торговцев, не только сохранили свои позиции, но даже получили новые большие кредиты от государства. Проект создания самоуправляющихся гильдий был отменен «за несвоевременностью». Установление принудительных минимальных цен гильдиями мелких торговцев и кустарей преследовалось отныне как саботаж. Введение личных карточек для кустарей и торговцев, что должно было закрыть доступ новым конкурентам в эти профессии, было приостановлено. Открытие университетов для сыновей мелких буржуа, которые должны были воспитать новых вождей общества и новую аристократию в государстве, было также приостановлено ввиду «перегруженности свободных профессий» и «перепроизводства интеллигенции».

Таким оказался фашизм после захвата власти. А в это же время Тиссен планомерно захватывал Рур.

Но правительство Гитлера этим не ограничилось. Оно знало, что делает. Распуская политическую организацию «Боевой лиги», оно одновременно наложило свою руку на гигантскую военную организацию коричневых рубашек. Оно расправилось с сыновьями так же, как оно расправилось с их отцами. «Вспомогательная полиция» коричневых рубашек — та вооруженная сила, которая должна была осуществить захват всего национального богатства для мелкой буржуазии, — была распущена. Сотни «коричневых»,

которые пробовали сопротивляться, были разоружены и сосланы в концентрационные лагеря; для других был установлен строгий служебный режим и усилена беспощадная муштровка; материальные условия были резко ухудшены. Новые члены коричневых отрядов должны были сами платить за свое обмундирование; те из старых штурмовиков, которые получили работу, должны были согласиться на такую зарплату, которая по размерам едва превышала прежние пособия по безработице. И вверху и внизу происходило одно и то же. Это был в самом деле *переворот*.

Мы описали падение и унижение низших слоев мелкой буржуазии. Их идеалы растоптаны; их вожди истреблены. Но поход против мелкобуржуазной массы продолжается и сейчас. Вместо экономического возрождения она стоит у грани полнейшей экономической деградации: монополистический капитал и его государство не могут существовать, если они не будут эксплуатировать мелкую буржуазию. Вместо отмены налогов, которая была одним из основных лозунгов мелкой буржуазии, она получила новые «добровольные» налоги: бесчисленные принудительные, единовременные и постоянные «пожертвования» в фонды Гитлера и «рабочего фронта», принудительную подписку на гитлеровские газеты, принудительное посещение гитлеровских театров и т. д. Мелкие торговцы, кустари и трактирщики, которые надеялись на «бум», дождались только резкого падения оборота. Это естественно, потому что монополии, новые промышленные картели и новые тарифы, введенные в угоду юнкерам, повысили цены на продукты питания и широкого потребления и резко снизили покупательную способность трудящихся масс: в течение весны и лета 1933 г. цены на масло подскочили на 40%, на маргарин — на 40%, на свинину — на 36%; потребление сахара упало по сравнению с прошлым годом на 30%; потребление маргарина — на 35%. Канторские служащие и чиновники получили вместо обещанных «богатых» окладов сниженную реальную зарплату. Дело дошло до того, что мелким чиновникам запретили сдавать внаем комнаты, а это было для них очень важной статьей бюджета. Мелкие торговцы, которым когда-то обещали «освобождение от процентного рабства», т. е. аннулирование долгов и снижение учетного процента до двух (один из самых популярных лозунгов раннего гитлеризма, который воодушевлял миллионы), получили приказ «не вмешиваться» в дела банков. Кредиты по-прежнему для них закрыты. Младшие сыновья крестьян, сельская мелкая буржуазия, которые надеялись расширить свои земельные наделы, получили новый закон о наследовании, по которому все хозяйство переходит к старшему сыну безраздельно. Этот закон выбросил новые тысячи мелкого и среднего крестьянства в города и обрек их на пауперизацию. Они получили кроме того новые тарифы на заграничные корма для скота (маис, жмыхи и пр.), которые делают скотоводство для мелких фермеров почти нерентабельным и резко снижают их доходы от продажи мяса в города. Общее положение этих групп мелкой буржуазии после гитлеровского переворота хуже, чем когда-либо. Ухудшение в самых различных областях не остановилось и сейчас, оно продолжается неуклонно. Общее число гостиниц и ресторанов в Берлине в течение 1933 г. упало с 19 945 до 18 644. Общее число таких предприятий во

всем государстве сократилось уже почти на 30% за счет самых слабых, т. е. самых мелких предприятий. Табачные торговцы, другая важная прослойка этого класса, также находятся на грани полного разорения; уже выбыли из строя, по официальному заявлению всегерманского союза табачных торговцев, сотни тысяч мелких торговцев этой категории. В одном округе Гамбург — Альтона свыше 60 тыс. табачных торговцев находятся в безнадежном положении. Такая же судьба постигла и мелких домовладельцев. В западных районах Берлина в конце 1933 г. не было ни одного дома, в котором не пустовало бы несколько квартир и магазинов. Самоубийства мелких буржуа насчитываются десятками каждый день.

Это — расплата за 30 января 1933 г. Так Гитлер вознаградил «коричневых».

Но то, что Гитлер отнимает у *низов* мелкой буржуазии и ее коричневой гвардии, он отдает верхним слоям «среднего сословия» и его чернорубашечникам. В этом весь секрет нового германского «политического курса». Эта вторая, сравнительно малочисленная, лучше воспитанная и лучше одетая колонна, которая шла за Гитлером рядом с первой и позади нее; этот вспомогательный отряд мелкой буржуазии в крахмальных воротничках, с полированными ногтями; эти мелкие буржуа, которые в сущности презирали тех других — от прилавка, от конторки, от земли, — эти *в самом деле* победили. С ними Гитлер, потому что они нужны Тиссену как свита помощников и вооруженных союзников. Уже на другой день после пожара рейхстага эти верхи мелкой буржуазии заключили союз с олигархией тяжелой промышленности и юнкеров во имя совместной эксплуатации низших слоев мелкой буржуазии. Этот союз был и остался второй осью политики Гитлера на все время пребывания его у власти. Вся «реформаторская деятельность», которой занят сейчас Гитлер, — бойкот евреев, «чистка» учреждений и предприятий, вооружение, аграрная автаркия — все это должно служить для быстрого обогащения и продвижения верхних слоев мелкой буржуазии, которые находятся в услужении у своих верховных покровителей — капиталистов. Дипломированная и чиновная часть мелкой буржуазии получила в свое распоряжение весь новый, хорошо оплачиваемый интеллектуальный аппарат в стране. Сотни тысяч чиновников, служащих, врачей, адвокатов, журналистов и директоров заняли должности, которые должны были освободить евреи, либералы и социалисты (мелкие торговцы, впрочем, вряд ли что-нибудь выиграли от бойкота евреев и «марксистов»). Один только нацистский «рабочий фронт» дал в своем аппарате работу целому корпусу в двадцать тысяч новых бюрократов, из которых едва ли хоть один был раньше рабочим; все это бывшие чиновники, купцы или люди свободных профессий. Старый офицерский корпус получил под свое начало целую новую армию в 3 млн. человек (СА, СС, Стальной шлем, рейхсвер, так называемые «рабочие отряды», тайные воздушные и газовые отряды). Кулаки вместе с юнкерами получили новые таможенные тарифы на зерно и жиры и феодальный закон о наследовании; они участвуют в прибылях нового «синдиката» германских фермеров и т. д. и т. д. В привилегированной городской зоне женщина из верхних слоев мелкой буржуазии, когда она выходит замуж и оставляет прежнюю работу, получает от государства «брач-

ное пособие» в размере 800-1000 марок; а в непривилегированной зоне женщина из низов мелкой буржуазии в этом же случае получает только 200-300 марок. Чернорубашечники, вооруженные представители верхов мелкой буржуазии, образуют новую аристократию. Эта гвардия очень щедро одаряется центральной властью. Она числится в резерве. Она должна только охранять новый «порядок» и, кроме того, создавать новую «расу правителей». Доступ в эту касту все более суживается при помощи строгого контроля и специальных ограничений социального и даже физиологического порядка.

Это — тоже расплата за 30 января 1933 г. Так правящая тиссеновско-юнкерская клика вознаграждает своих непосредственных союзников и агентов.

Фронт мелкой буржуазии, фронт Гитлера раскололся. Обе колонны, которые выступили сообща на борьбу за победу Гитлера, все еще находятся в одном лагере. Но картина уже резко изменилась. Первая, самая многочисленная колонна сейчас растеряна, раздражена и запугана. Она потеряла своих вождей и уже плохо разбирается в том, что происходит. Вторая, менее многочисленная, теснее сомкнула свои ряды и готова отстаивать свою победу и свою добычу от каких бы то ни было посягательств. Кризис с его безработицей, падающими доходами и отчасти голодом заставляет первую еще оставаться в строю; вторая уже ликвидировала для себя кризис. Программа первой остается «революционной»; это — программа «второй революции», последовательного социального переустройства после переустройства политического. Программа второй реакционна и агрессивна; это — программа беспощадного подавления всех, кто требует «второй революции».

В этом трагедия германской мелкой буржуазии; она «завоевала» только себя самое, для того чтобы затем расколоться. Последним актом этой трагедии будет внутренний взрыв в лагере мелкой буржуазии. Внутри мелкой буржуазии произойдет столкновение между одной частью, которая опирается на враждебный Гитлеру рабочий класс, и другой, которая пользуется защитой гитлеровской трестовской и юнкерской олигархии. Это столкновение — дело будущего, но первые стычки уже происходят почти ежедневно. Самый яркий показатель раскола внутри мелкой буржуазии — это обострение противоречий между двумя вооруженными силами, между СА и СС.

Отцы до поры до времени молчат, но сыновья уже постепенно выходят из повиновения. Летом 1933 г. почти в один день 200 тыс. коричневых — целая армия! — были уволены из штурмовых отрядов и выброшены на улицу. Почему? Потому что первая, еще слабая волна «коричневых бунтов» уже прокатилась по Германии. Они вспыхнули во Франкфурте, Дрездене, Берлине, Кенигсберге, Гамбурге, Касселе, Эссене, Дортмунде, Фрайбурге и т. д. И хотя эти взрывы возмущения возникали стихийно, независимо один от другого, основной лозунг всюду был один и тот же: долой чернорубашечников, да здравствует «вторая социалистическая революция». Общая картина тоже повсюду одинакова: чаще всего в больших городах, где мелкая буржуазия ближе к рабочим и теснее с ними связана, отдельные отряды коричневых, иногда вместе со своими руководителями, выходят на улицы, устраивают незаконные шествия и митинги, выдвигают радикальные, ан-

тикапиталистические лозунги, требуют лучшего питания и лучших жилищ, нападают на чернорубашечников, а в некоторых случаях пытаются даже захватить помещения чернорубашечников для себя (так было в Эссене). Во Франкфурте пришлось распустить весь местный отряд СА. Он предъявил правительству по телеграфу ультиматум, в котором требовал, чтобы Гитлер представил в трехдневный срок «социалистический четырехлетний план». Так же разворачивались события во Фрайбурге, где СА были распущены полицией, но не отдали оружия. Главный штаб коричневых должен был даже выпустить специальный приказ, запрещающий посылку Гитлеру ультимативных политических требований, «как это имело место несколько раз». В Западной Германии среди коричневых вошло в поговорку: «Hitler, gib uns Brot, sonst werden wir rot!» (Гитлер, дай нам хлеба, а то мы станем красными!). В округе Берлин — Бранденбург в течение четырех недель было исключено 3870 коричневых по причинам «политической неблагонадежности». Целые отряды (как, например, в Гезундбруннене и Шарлоттенбурге) были сосланы в концентрационные лагеря. Концентрационный лагерь в Ораниенбурге, который славился как место пыток для социалистов, постепенно стал специализироваться на интернировании мятежных коричневых. Одновременно делаются попытки выделить из числа коричневых особо надежную группу, так называемую «старую гвардию», которая получает чрезвычайные привилегии за счет всех остальных. Таким путем эту первую вспышку недовольства среди коричневых удалось подавить в самом зародыше с помощью чернорубашечников. В Берлине коричневым запрещено посещать казармы черных рубашек. Эти последние никогда не бунтуют; чернорубашечники шпионят и в случае надобности разоружают и арестовывают коричневых. Само собой разумеется, что полиция во всех случаях защищает чернорубашечников. Коричневые добиваются экономического и политического равенства с чернорубашечниками и полицией. Они называют чернорубашечников «гвардией бюрократов». Чернорубашечники в свою очередь требуют роспуска коричневых и называют их «бифштексами» (коричневые сверху, красные внутри). Сейчас еще и те и другие подчиняются приказам Гитлера, и так будет продолжаться, вероятно, еще много времени. Но по сути дела это уже и сейчас *антагонистические* армии.

В этом главное. Это имеет для будущего большее значение, чем даже то, что сейчас уже наблюдается и среди «штатских» мелких буржуа: так, например, в Мюнхене, где на массовом митинге лавочники заставили уйти с трибуны национал-социалистского премьера Баварии; или в Пфальце, где мелкие торговцы пригрозили прекратить продажу масла в знак протеста против новых тарифов, которые вызвали повышение цен на жиры.

Политика правительства вызвала настоящую бурю возмущения на последнем съезде членов «Боевой лиги» в Бад-Нейенар 16 августа прошлого года (пресса, конечно, замолчала этот факт).

Все чаще можно наблюдать теперь и *другие* симптомы. Совершенно ясно, что недавнее, наделавшее столько шуму *возмущение германской протестантской церкви*, этот неожиданный взрыв протеста, который раздался из среды 7 тыс. пасторов и их паствы против национал-социалистской диктатуры в

религии, было замаскированным, но энергичным выражением нарастающего недовольства германской мелкой буржуазии: именно низшие слои мелкой буржуазии и представляют собой основную базу германской евангелической церкви; естественно, что они отводят душу в этой очень своеобразной форме политической деятельности. Монархические элементы юнкерства возглавляют это движение в своих собственных политических интересах; революционные рабочие также стараются использовать это новое оппозиционное движение. Но главный социальный толчок исходит от низших слоев мелкой буржуазии, которая дает основные кадры верующих в городах, — без них все это движение не могло бы развернуться сколько-нибудь широко. В этом единственный смысл войны церковников против национал-социалистов. Дальнейшие симптомы такого же рода не замедлят появиться на сцене.

Так по всей линии происходит расслоение в недрах «среднего сословия». Оно сдерживалось до сих пор только внешними факторами. Пока расправа с рабочим классом еще не могла считаться законченной, мелкая буржуазия не решалась начать борьбу. Пока между средним сословием и правительством Гитлера существовало посредствующее звено в лице Гугенберга, можно было перенести всю тяжесть внутреннего давления на этот буфер. И в самом деле в течение всего первого периода Гитлер сваливал всю вину за мероприятия, направленные против мелкой буржуазии, на Гугенберга, министра народного хозяйства, не являющегося членом национал-социалистской партии; кончилось дело тем, что Гитлер наконец официально отдал его на растерзание всем классам. Но теперь четко обозначилась линия фронта. Марксисты, евреи и Гугенберг уже не могут служить козлами отпущения; теперь есть только Гитлер и его пророки. Только один гигантский барьер еще сдерживает напор противоречивых сил германского фашизма и оттягивает момент окончательного столкновения. Этот барьер — гигантская национал-социалистская партия, управляемая диктаторски на началах железной дисциплины.

Но и этот барьер начинает уже шататься. Трещина внутри *мелкой буржуазии уже начинает с необходимостью превращаться в трещину внутри гитлеровской национал-социалистской партии.*

III. Пять динамических сил в национал-социалистской партии

30 августа 1933 г. полмиллиона человек, вожди и рядовые национал-социализма, собравшись в Нюрнберге со всех концов страны, все как один подняли руки в знак приветствия — хайль Гитлер! 160 тыс. партийных чиновников, 200 тыс. коричневых и черных штурмовиков, 60 тыс. членов гитлеровских союзов молодежи клялись в верности своему вождю. Вся страна с замиранием сердца следила за несметными батальонами, которым отдана сейчас Германия, которые могут сделать все, что хотят, с ее народом, которые могут в течение 24 часов изменить ход ее истории, устроить варфоломеевскую ночь или объявить новую войну. Никогда еще мощь национал-

социализма не казалась столь несокрушимой, как в этот момент. Никогда еще единство гитлеровской партии не казалось сильнее, чем на этом «Конгрессе побед».

Так обстояло дело с внешней стороны. Величайшие театральные режиссеры работали над этой постановкой. Организовал представление Геббельс, гитлеровский министр пропаганды. Он должен был, во что бы то ни стало, обмануть страну, заграничное общественное мнение и самих национал-социалистов, он должен был во что бы то ни стало скрыть от них действительное положение вещей.

За театральным занавесом в Нюрнберге реальные процессы продолжали развиваться — создавались внутрипартийные группы, происходила дифференциация сил, назревал конфликт между различными группами и их вождями.

Национал-социалистская партия, как и ее социальная база, мелкая буржуазия, никогда не были единым политическим целым. Сейчас однако, когда она завладела правительственной властью, провозгласила себя самое государство, когда она поглотила две остальные группы, кроме рабочего класса, — сейчас национал-социалистская партия стала ареной особенно ожесточенной борьбы многочисленных групп, которые всеми средствами добиваются первенства и господства. Сейчас еще резче обозначилась демаркационная линия между этими группами.

Пять главных центров влияния, пять основных группировок выкристаллизовались в структуре национал-социалистской партии через год после назначения Гитлера рейхсканцлером Германии:

- 1) верховный правящий триумвират (Гитлер — Геринг — Геббельс);
- 2) чернорубашечники (защитные войска) — Гестапо (Тайная государственная полиция);
- 3) группа коричневых (штурмовые войска) — старое офицерство (Рем, Гейнес, Киллингер);
- 4) правая капиталистическая группа (Тиссен, Шмитт, Кепплер, Функ, Шахт);
- 5) «левая» радикальная группа мелкой буржуазии (Ревентлов, Брюкнер, Штер, Вагенер).

Вот реальная структура национал-социалистской партии в настоящее время. Судьба ее решится в борьбе этих пяти центров влияния. Линия гитлеровской политики и все отклонения от этой линии зависят от соотношения сил этих групп, их влияний, удельного веса и боеспособности. Поэтому анализ состава этих группировок есть анализ ближайшего будущего Германии.

1) Триумвират — Гитлер—Геринг—Геббельс — не составляет сам по себе социальной или политической группировки, это только *верхушка* всего движения. Это — директорат нации, которому другие группы дали свои полномочия, чтобы при его посредстве осуществить свою собственную политику и реализовать свои интересы. Эти три вождя, полубоги германского фашизма, сидят на штыках своих многочисленных и многообразных «защитников». Из этого следует, что они должны поддерживать равновесие между всеми группировками, если не хотят упасть на их штыки. Своеобразная иерархическая

структура германского фашизма диктует еще один очень специфический закон: как только внутри триумvirата начинается разброд, автоматически возникает опасность, что разнообразные группировки внизу немедленно используют эту распрю вождей, чтобы начать массовую распрю между собой, превратить ее в междоусобную борьбу массовых формаций. Все это значит, что триумvirат Гитлер—Геринг—Гейббельс сидит не только на штыках: он сидит в очень хрупкой стеклянной банке. Поэтому личные отношения этих трех вождей больше, чем когда-либо в истории буржуазной демократии, стали политической проблемой первостепенного значения.

Сам Гитлер, божественный вождь, меньше, чем кто-либо, может проводить свою *личную* политику. Он стремится быть математической равнодействующей всех разнородных сил, которые борются в его партии, чтобы остаться всеми признанным пророком. От того, в какой мере это ему удастся, зависят его политическая сила и популярность. Он больше всего боится быть вовлеченным в распрю вождей. Бесцветный и нейтральный, он старается, во что бы то ни стало, удержаться на этой мертвой точке и сохранить за собой положение германского Муссолини, верховного ламы всех мелких буржуа.

В отличие от Гитлера Геринг и Гейббельс — достаточно характерные политические деятели с очень яркими личными особенностями.

Первый — некогда смелый военный летчик, человек, запятнанный темным пороком. У него надменная внешность, которая производит неотразимое впечатление на женщин и на молодежь. Он беспощаден в политике; стремится быть внешне последовательным. Он уверен в том, что он, Геринг, и только он может быть германским Муссолини.

Другой — Гейббельс, — калека и урод, интеллектуально более сильный, но и более неврастеничный, более умный, но и более дегенеративный. Этот мечтательный Макиавелли стремится к той же роли Муссолини, но это Муссолини в стиле Максимилиана Робеспьера.

Оба они, люди из «хороших» буржуазных семей, чувствуют затаенное (а иногда и открыто выражают) презрение к *высходке* Гитлеру, этому кап-ралу из предместья, барабанщику национальной революции. Оба они жаждут власти для себя и безгранично ненавидят друг друга.

Конечно, это только штрихи из личной биографии. Но эта личная биография становится политическим анализом, политическим прогнозом, когда речь идет о движении, которое видит в диктатуре личности вершину политической мудрости и организованности. Культ личности — могучее средство притяжения, но так же и трагическое бремя фашизма. Взаимоотношения Гитлер — Геринг — Гейббельс составляют одно из самых слабых и уязвимых мест во всем грандиозном здании нацистской диктатуры. В тот момент, когда давление низших слоев на верхушку станет слишком сильным, диктатура будет взорвана изнутри.

2) Из низших групп одна выдвигается на первый план особенно устойчиво. Это — чернорубашечники. Они живут в лучших условиях и лучше снабжаются, чем коричневые, но уступают им в численности и гораздо слабее в военном отношении. Чернорубашечники были до сих пор воору-

женными представителями мелкобуржуазной верхушки в гитлеровском лагере; они составляли лейб-гвардию гитлеровских вождей. Сейчас уже этим дело не ограничивается. Чернорубашечники предъявляют притязания на особые привилегии, ссылаясь на давность своего «стажа». Они в самом деле самые ранние и самые близкие последователи Гитлера. Еще во время первого гитлеровского *путча*, 9 ноября 1923 г., несколько десятков этих «чернорубашечников» (они носили тогда черные фуражки и нарукавные повязки с изображением черепа), укрыли своего вождя от полиции. К началу 1933 г. их было еще не больше ста. Эта сотня превратилась в 120 тыс. в последние дни перед гитлеровским переворотом; в первый год власти Гитлера они насчитывали в своих рядах уже около 300 тыс. В настоящее время, в условиях почти завершенного «тоталитарного строя» эта группа становится новой и зловещей силой. Превращение СС в Гестапо дало этой группе и ее окружению новую всесокрушающую власть. Гитлер не может поручить полицейские функции «коричневым» — эти полупролетарии слишком тесно связаны с теми группами мелкой буржуазии, в которых уже назревает бурное недовольство новым положением вещей (вспомним о роспуске коричневой «вспомогательной полиции»); они могут быть использованы только как солдаты, как обычный человеческий материал для борьбы с *внешним* врагом. Другое дело — чернорубашечники. Представители победоносной мелкобуржуазной верхушки, безоговорочно преданные Гитлеру, полные неутолимой ненависти ко всему пролетарскому и революционному, они, можно сказать, созданы для того, чтобы стать полицией гитлеровского государства. Эта группа, помимо всего прочего, насчитывает значительное число хорошо подготовленных и квалифицированных работников (студенты, лица свободных профессий, высшее чиновничество). Надо здесь же отметить, что полиция в гитлеровском государстве очень мало напоминает аналогичные государственные организации в других странах. Там, где очень небольшая часть населения (мелкобуржуазные низы уже не должны приниматься в расчет) осуществляет абсолютную, стопроцентную, «тотальную» диктатуру над всей нацией; там, где возникновение любой новой партии, нового общества, даже нового клуба любителей канареечного пения считается преступлением против государства, где тем не менее неуклонно развивается новое революционное движение, — в такой стране тайная полиция представляет собой страшную силу, она подлинный носитель «всей полноты государственной власти». Именно такова Тайная государственная полиция (Гестапо) с ее гигантским аппаратом, разветвленным по всей стране, с ее армией агентов в учреждениях, на фабриках, на улицах, в частных домах и в ячейках самой национал-социалистской партии. Она имеет право арестовать всех и каждого, контролировать и пресекать любое публичное выступление, закрывать газеты, учредить надзор за любым должностным лицом, издавать любые распоряжения именем государственной власти. Чернорубашечники и Гестапо имеют в своем распоряжении самые большие склады оружия в стране, лучшие моторизованные войска, лучшие кавалерийские отряды, самые усовершенствованные аэропланы и танки — те танки, которых, по словам германских делегатов в Женеве, в Германии

вообще не существует. Так Гестапо превращается постепенно в многоголовое чудовище. *Если Гитлер в свое время поглотил германское государство, то сейчас чернорубашечники и Гестапо уже начинают поглощать гитлеровское государство.* Чернорубашечники и Гестапо — это в основном одно и то же. Фактический руководитель Гестапо вовсе не д-р Дильс. Этот бывший демократ до Гитлера был начальником берлинской политической полиции, но сохранил свой пост и при национал-социалистах, потому что принимал самое деятельное участие в заговоре о поджоге рейхстага, а сейчас пользуется благоволением самого Геринга.

Фактический руководитель Гестапо — Гиммлер, верховный главнокомандующий полицейскими силами по всей южной и северо-западной Германии (Бавария, Баден, Вюртемберг, Гессен, Тюрингия, Гамбург, Мекленбург, Любек и Ангальт). Имя Гиммлера, вероятно, когда-нибудь будет так же знаменито, как имя Фуше. Он — начальник тайной полиции, начальник всегерманского террористического штаба. Но Гиммлер одновременно верховный начальник всех чернорубашечных отрядов в Германии. Такое же совмещение должностей можно наблюдать и в Берлине, где полицейский генерал Далюге является одновременно командиром восточного отдела черных рубашек (группенфюрер Ост).

Эта объединенная группа (черные рубашки — Гестапо) постепенно захватывает все важнейшие посты в государственном и партийном аппарате. Она имеет наблюдательные пункты и в непосредственном окружении Гитлера: один из виднейших ее представителей Рудольф Гесс, он же окружной руководитель чернорубашечников (группенфюрер), состоит официальным заместителем Гитлера. Она уже захватила прессу (в стране, где одна партия имеет монополию на всю прессу, это могущественный фактор!). Аманн, руководитель всей партийной прессы, и Дитрих, руководитель всей официальной прессы — одновременно окружные руководители чернорубашечников. Группа черные рубашки — Гестапо проложила себе дорогу и в министерство иностранных дел, это святилище германской дипломатии: бывший начальник штаба главнокомандующего чернорубашечных отрядов князь Вальдек унд Пирмонт послан Гитлером со специальной миссией на Вильгельмштрассе¹. Она проникает и в министерство народного хозяйства: новый министр-генерал-директор д-р Шмитт становится членом организации чернорубашечников. Она устанавливает далее непосредственные отношения с бывшей императорской фамилией: принц Вильгельм Брауншвейгский, племянник принца Ангеля-Фридриха (одного из сыновей кайзера) вступил в ряды чернорубашечников. Она, наконец, забирает в свои руки руководство всей расовой политикой, этой «моральной» основой гитлеровского государства (и в то же время, орудием отбора руководящего персонала). Гитлер объявляет, что официальной верховной инстанцией по всем расовым вопросам для всей Германии является отныне только «расовый департамент» штаба чернорубашечников. Наконец одни только черноруба-

¹ Улица в Берлине, на которой находится здание министерства иностранных дел. — *Прим. ред.*

шечники получили право привлекать «членов-соревнователей», которые финансируют эту организацию, хотя официально остаются вне ее рядов.

Так все тесней смыкается кольцо вокруг Гитлера. Во всегерманском руководстве национал-социалистской партии (14 чел.) сильнее всех представлены чернорубашечники. Все возрастает роль личного заместителя Гитлера, Гесса, который сейчас фактически руководит национал-социалистской партией от имени Гитлера. Недавно он был назначен министром без портфеля. Каждое его слово имеет такую же силу, как слово самого фюрера. Гитлер почти никогда не появляется без Гесса — рядом с Гитлером или за его спиной всегда можно видеть толстую фигуру его оруженосца.

Что же представляет собой сейчас эта группа, которая захватила важнейшие позиции в Германии и затмила уже все другие группировки? Она осталась тем же, чем была раньше: это исполнительный комитет верхних слоев мелкой буржуазии, который с самого начала, с момента пожара рейхстага, связал себя душой и телом с могущественной олигархией трестов и юнкеров. Настоящая роль и политика этой группы станет яснее, если мы проанализируем ее взаимоотношения с другой чисто олигархической группой гитлеровского лагеря — с группой Тиссена — Шмитта (о ней речь будет ниже). Но и сейчас совершенно ясно, что основная задача этой группы заключается в том, чтобы совместно с ее высокими покровителями отстоять от всех посягательств, укрепить и расширить позиции, захваченные этой олигархией средней буржуазии после гитлеровского «незаметного переворота». Кто посягает — безразлично; все же в первую очередь эта группа борется с «коричневыми», этим исполкомом конкурирующих низших слоев мелкой буржуазии.

В связи с этим интересно отметить, что несколько месяцев тому назад в национал-социалистскую партию вступил человек, который вместе со всей организацией сыграл очень своеобразную роль в послевоенной истории Германии. Капитан Эрхардт¹, который во главе «бригады Эрхардта» совершил пресловутый капповский путч в 1920 г. и несколько дней правил в Берлине; Эрхардт, глава террористической организации «Консул», которая подготовила и совершила убийство Эрцбергера и Ратенау; Эрхардт, который в последние годы был заклятым врагом национал-социалистов ввиду их «пролетарских тенденций», — этот старый волк террористической крупной буржуазии и мелкобуржуазной аристократии отдал себя и всю свою организацию в распоряжение гитлеровцев. Но он не просто передал свою организацию национал-социалистской партии, а специально поставил ее под руководство всегерманского командования чернорубашечников! Старые террористы крупной буржуазии стекаются в этот новый боевой центр высших слоев национал-социалистской диктатуры, привлекаемые их растущим влиянием в государстве. Чернорубашечники — Гестапо — Эрхардт будут защищать эти свои завоевания всеми средствами. Они будут защищать

¹ Капитан Эрхардт — морской офицер, после Ноябрьской революции 1918 г. возглавлял террористские фашистские отряды. Центром деятельности его был Мюнхен. После событий 30 июня 1934 г., по слухам, бежал в Швецию. — *Прим. ред.*

их упорней, чем кто-либо, против всех своих партнеров по национал-социалистской партии. Не зря был организован в государственной тайной полиции особо секретный «4-й отдел» для наблюдения за коричневыми и подавления «коричневых бунтов». Фамилия руководителя этого отдела никому не известна, но задачи отдела расшифровать нетрудно. Они целиком совпадали с общими задачами чернорубашечной фракции национал-социализма: создание объединенной военной организации монополистического капитала и верхних слоев мелкой буржуазии для подавления неизбежно-го восстания мелкобуржуазных низов и рабочего класса.

3) Где боевой центр противника? Где командование второй, уже явно антагонистической *коричневой* группы национал-социализма, этой новой германской двухмиллионной армии? Совершенно ясно, что если бы эта группа осознала единство своих интересов с интересами низших слоев мелкой буржуазии и идущих за ними безработных, если бы она присоединилась к общему оппозиционному движению снизу, — тогда бы линия фронта обозначилась очень четко, и падение диктатуры стало бы вопросом времени. Но дело обстоит не так просто.

Кто командует коричневыми? Эта социальная категория определяется очень точно: старый германский офицерский корпус. Это — 200 тыс. лейтенантов и капитанов, которые после революции и демобилизации не нашли себе места в маленькой армии рейхсвера и по этой причине стали навсегда контрреволюционерами и фашистами. Это те же самые лейтенанты и капитаны (особенно летчики и морские офицеры), которые в первые дни республики, при Носке и Шейдемане, создавали «добровольческие отряды» (Россбах, Эпп, Лютвиц, Гофер и др.) и разгромили рабочее восстание спартаковцев; они же затем, в 1920 г., организовали первое контрреволюционное выступление, капповский путч; в 1921 г. они «самочинно» воевали с поляками в Верхней Силезии; в 1923 г. в борьбе с французскими оккупантами они организовали саботаж на Руре. Они были злейшими врагами рейхсверовцев, которые выбросили их за борт; командиров рейхсвера генералов Секта, Грёнера, Шлейхера, Хайе они называли «канцелярскими генералами».

Сейчас, наконец, им снова дали армию — армию коричневых; они стали майорами, полковниками, генералами. Вот почему они идут за Гитлером. Строго говоря, это сборище наемников и бандитов; верхушка состоит из наиболее активных элементов бывших добровольческих офицерских отрядов и террористических организаций. Эта верхушка захватила в свои руки все штабы коричневых. Они держат в своих руках пост начальника штаба и семь постов обергруппенфюреров, которые приблизительно соответствуют должности командующего армией; у каждого под началом 100-200 тыс. человек. Среди них — Рем, бывший капитан кайзеровской армии и террорист, — начальник штаба; Гейнес — поручик, участник россбаховских отрядов и знаменитой тайной террористской банды «феме» — командир III армии (Берлин и Восточная Германия); Киллингер, морской офицер, участник эрхардтовских отрядов, один из организаторов убийства Ратенау и Эрцбергера — командир IV армии (Саксония); Мойкен, бывший капитан генерального штаба — командир II армии (Северная Германия); Шнайдгубер, бывший

майор и штабной офицер связи — командир VII армии (Западная Германия) и т. д. К этой же группе принадлежит Шульц, бывший поручик, террорист и один из организаторов «черного рейхсвера», капитан фон Пфеферер, бывший батальонный командир, один из организаторов капповского путча, верхнесилезских выступлений и саботажа на Руре; лейтенант Людин, который несколько лет назад был уволен из рейхсвера за связь с Гитлером, и несколько старых генералов, как Эпп и Литцман, который навсегда возненавидел Секта и Шлейхера за то, что они не приняли его в рейхсвер.

Присоединится ли эта клика бывших лейтенантов и свежее испеченных генералов к своим войскам, когда они двинутся против чернорубашечников и гитлеровской капиталистической олигархии? Сделает ли она попытку их сдержать или подавить это движение? Ответ ясен. Эти офицеры никогда не присоединятся к восстанию против Гитлера, если оно будет восстанием мелкобуржуазных низов и безработных. Их социальные интересы как привилегированной офицерской касты слишком тесно связаны с интересами всех остальных групп гитлеровской буржуазии. Они конкурируют с командующей кликой чернорубашечников, но эта конкуренция не так остра, как их соперничество с рейхсвером: речь идет о том, кто будет командовать войсками в будущей войне. Это совершенно то же, что происходит в Италии — конфликты между фашистской милицией и регулярной армией. Коричневые генералы не позволят старым рейхсверовским генералам сформировать «своими силами» генеральный штаб, как те того требуют.

Но, если коричневые генералы никогда не примкнут к *социальному* движению в гитлеровском государстве, остается все же естественное *фракционное* соперничество между кликой коричневых и кликой черных. Черные склонны предоставить коричневым только честь борьбы с внешними врагами, когда к тому представится случай. Коричневые же очень недовольны той монополией на *всю внутреннюю войну*, которую захватили в свои руки черные и Гестапо. И вполне возможно, что коричневая клика постарается *использовать* растущее в армейской массе недовольство в своих интересах, в целях своей борьбы за первенство. Возможно, что они присоединятся к той или иной фракции или комбинации, которая возникнет внутри триумvirата Гитлер—Гейбельс—Геринг.

По мере того как обостряется внешнеполитическое положение Германии и усиливаются приготовления к войне, растут роль и притязания этой камариллы. Глава этой камариллы — маршал коричневых Рем, один из способнейших военных организаторов Германии, ландскнехт высшей марки, который знает только свою армию и для нее готов все растоптать и все разорить.¹ С конца 1933 г. он стал очень быстро выдвигаться. В декабре 1933 г.

¹ Он сам писал в своей книге «История политического предателя», что «в государстве, основанном на насилии», солдату должен принадлежать приоритет перед политиком: «Пусть сгорит Европа и весь мир — какое нам до этого дело? Германия должна жить и быть свободной. Война пробуждает и поощряет лучшие силы нации. В наше время это (т. е. война) — внешняя и внутренняя необходимость для народа, если он намерен жить и занять свое место в этом мире. Для солдата война одновременно и воскресение, и надежда, и свершение». — *Прим. авт.*

он был назначен вместе с Гессом министром без портфеля; в военных кругах его влияние беспрерывно растет. Тень этого нацистского Валленштейна с 2,5 млн. штыков нависла уже и над верховным триумвиратом в Берлине. Особое положение и сила молодых коричневых генералов группы Рем — Гейнес (эти оба находятся между собой не только в политической и не только в профессиональной связи) стали серьезным фактором в уже начавшемся процессе расслоения гитлеровской партии.

4) Но все эти группы, клики, течения в национал-социалистской партии — триумвират Гитлер—Геббельс—Геринг, блок чернорубашечников с Гестапо, когорта коричневых генералов и «левая оппозиция» скороспелых демагогов — почтительно уступают место верховной группе: монополистической олигархии королей Рура, группе Тиссена. Эта группа меньше, чем какая-либо другая, выпирает наружу, но она влиятельнее, чем все остальные. По числу участников она совершенно ничтожна, но ее материальные ресурсы представляют собой такую силу, которая перекрывает и пронизывает все здание национал-социализма сверху донизу. Цели и задачи этой группы, разобранные нами подробно в главе «Заговор Тиссена» и в разделе II, совершенно ясны, строго логичны и математически точны. Она намерена при помощи тоталитарного государства превратить Германию в единый могучий центр производственной энергии; энергия эта должна разливаться по всему миру в виде дешевых экспортных товаров. Это значит, что германская промышленность, и в первую очередь ее сердце Рур, должна стать хозяином континента, центром новой континентальной европейской империи, которая затем атакует все остальные мировые империи — Британскую империю, панамериканский союз, восточно-азиатскую систему и социалистический Советский Союз. Это — политика всеобщей трестификации европейского угля и железа, которая потребует подавления Франции, аннексии Лотарингии с ее железной рудой, Люксембурга с его сталью, Бельгии с ее металлургией, Голландии с ее лимбургским углем. Это — политика экономического пангерманизма, политика бешеного империалистического натиска. И потому — это политика национал-социалистской партии, политика Гитлера. Во имя этой политики тиссеновская олигархия свергла республику. Во имя этой политики тиссеновская олигархия старается подкупить все наиболее влиятельные элементы гитлеровского движения при помощи особой системы соглашений. Она заключила соглашение с *юнкерами* на предмет эксплуатации рабочих, крестьян и мелкой буржуазии через повышение цен на промышленные и аграрные товары. Она имеет соглашение с чернорубашечниками и Гестапо на предмет подавления тех же самых рабочих, крестьян и мелкой буржуазии при помощи террора. Она договорилась с коричневыми генералами на предмет подготовки армии для войны. Она имеет, наконец, соглашение с триумвиратом Гитлер—Геббельс—Геринг, потому что надо дать всему этому предприятию имя и «фирму» для внешнего мира, надо прикрыть «экономику» «идеей». Так она стала и остается до сих пор центральной движущей силой всей этой бешено развивающейся системы. Она определяет и диктует в Германии *все*. Она тайно направляет тот невидимый переворот, при помощи которого Гитлер подо-

рвал позиции радикальных низов мелкой буржуазии. Она назначает и вдохновляет самых интимных советников Гитлера — заместителя Гитлера Гесса, личного статс-секретаря рейхсканцлера Функа (бывший редактор «Берлинер Бёрсенцайтунг» и агент тяжелой промышленности), новых экономических главарей — Шмитта, Шахта и Кепплера. Она проводит смещение и замену всего прежнего гитлеровского экономического руководства (Вагнер, Федер, Лей и др.) новой экономической коллегией — Гесс, Функ, Шмитт, Кепплер, Шахт. Она решает, что сам Тиссен должен быть назначен диктатором Западной (промышленной) Германии. Она следит за тем, чтобы не порывались, а укреплялись связи с теми орудиями юнкерской касты, которые еще недавно примыкали к партии националистов — с рейхсвером, со Стальным шлемом, с кликой Гинденбурга и дипломатами старой школы (Нейрат). Она по-прежнему пользуется услугами полковника Оскара фон Гинденбурга, сына президента, и фон Папена, для того чтобы наладить добрые отношения между Гитлером и старой кайзеровской Германией. Она манипулирует, контролирует, наблюдает и выполняет все в Германии, в этой несчастной стране, которая пережила четыре года войны, десять лет поражения и четыре года кризиса, для того чтобы вступить в еще более мрачную эпоху своей истории, в эпоху тоталитарного государства Гитлера — Тиссена.

И в то же время она становится главным рычагом назревающей дифференциации и разложения в гитлеровском лагере. Мобилизуя и толкая вперед капиталистические силы партии (триумвират Гитлер—Геббельс—Геринг, чернорубашечники, Гестапо и коричневые генералы), преследуя и подавляя мелкобуржуазные и пролетарские элементы гитлеровского движения, она становится главным пропагандистом и организатором раскола, который рано или поздно пройдет через все здание национал-социалистской Германии.

5) Но есть в этой партии еще одна группа, которая более склонна подхватить радикальные лозунги мелкобуржуазных низов, хотя и она никогда не воспримет лозунга «второй революции». Это «левое крыло» национал-социалистского движения. Его наиболее известные вожди: Брюкнер, губернатор Силезии; Кох, губернатор Восточной Пруссии; граф Ревентлов (Берлин), Вагнер, вождь радикальных мелких торговцев, Штер, деятель гитлеровского профдвижения, полковник Гирль, организатор безработных, и до недавнего времени Мухов, руководитель гитлеровских фабричных организаций, так называемых НСБО. В сущности, это все работники *промежуточного звена* национал-социалистского аппарата, т. е. той секции *гражданской* пропагандистской гитлеровской организации, которая находится посередине — между вождями вверху и массами внизу. Ей выпала на долю тяжкая задача — превращать мнимо радикальные обещания первых в стимулы яростного натиска вторых. В настоящее время положение этой группы перед лицом масс, которые делают их ответственными за все происходящее, очень неблагоприятно. Этим объясняется то, что левое крыло особенно сильно в Восточной Германии (Брюкнер и Кох — официальные руководители национал-социалистских организаций на востоке) т. е. там, где крупные помещики наиболее богаты и могущественны, крестьянство особенно бедно и радикально, а мелко-

буржуазные низы маленьких городов особенно тесно связаны с мелким крестьянством. Брюкнер и Кох обещали крестьянам Восточной Германии конфискацию всех юнкерских поместий площадью свыше 250 га. Но когда, подталкиваемые этими самими крестьянами, они попробовали приступить к делу, а Брюкнер даже пустился в атаку против земельных магнатов Верхней Силезии (где полдюжины феодальных династий — Гогенлоэ, Донерсмарк, Шафготш, Плесс, Баллестрем владеют огромными территориями по 30-50 тыс. га), их немедленно и очень строго одернули из Берлина. Берлин приказал оставить юнкеров в покое, а юнкеры вскоре после этого «добровольно» передали «в распоряжение крестьян» несколько сот гектаров преимущественно болот и неудобных земель. Точно так же были «поставлены на место» радикальные защитники служащих, рабочих и интеллигентов, как, например, Штер, старый лидер союза приказчиков и конторщиков, который до гитлеровской революции был руководителем национал-социалистической фракции в рейхстаге, а сейчас по требованию тиссеновской группы фактически совершенно устранен от дел за крайние требования его сторонников. Другой лидер — Мухов, один из создателей и наиболее популярных представителей национал-социалистической организации фабричных ячеек (НСБО), который выдвинул требование о передаче верховного контроля над промышленностью в руки этой организации, был сначала смещен на второстепенную должность, а затем при очень загадочных обстоятельствах «случайно» застрелен другим гитлеровским лидером. Почти такая же судьба постигла полковника Гирля, руководителя кампании «за предоставление работы» (его программа резко расходилась с интересами банков и государственного казначейства) и графа Ревентлова.

Эта часть пропагандистского (в отличие от военного) гитлеровского аппарата еще и сейчас пытается связать свою судьбу с судьбой радикальных мелкобуржуазных низов и превращается таким образом в «левую» оппозицию. Оппозиция представляет собою обломок прежнего штрассеровского крыла в гитлеровской партии. Штрассер, как известно, непосредственно перед приходом Гитлера к власти выдвинул лозунг «второй революции» и открыто выступил против слишком капиталистического «фюрера». За Штрассером шли тогда значительные группы членов национал-социалистической партии и большая часть берлинских штурмовиков. Через Ревентлова эти элементы были тесно связаны с крайней группой Людендорфа.

В настоящее время «левая» оппозиция очень слаба и уже почти совсем парализована Гитлером. Давление снизу, из мелкобуржуазных низов и особенно из гущи мелкого крестьянства продолжается однако с неослабевающей силой. Это может придать левому крылу новое и важное значение внутри нацистского лагеря. Неслучайно ведь, что Кох после четырех месяцев борьбы против официального руководства был назначен «обер-президентом» Восточной Пруссии, а Брюкнер остается до сих пор губернатором Силезии. В первом случае Берлин должен был уступить требованиям восточно-пруссских коричневых; во втором случае власти должны были уступить перед угрозой крестьянского похода. Кох и по сей день ведет борьбу против берлинского руководства, особенно против министра земледелия

Дарре; в декабре 1933 г. он даже сделал попытку открыто поднять нацистских крестьян против нового «реакционного руководства», которое «выбросило из рядов партии старых борцов за крестьянство»; в Восточной Пруссии среди крестьян — национал-социалистов уже наметился открытый раскол. Брюкнер в свою очередь отказывается (до поры до времени, вероятно) принимать официальных представителей промышленности его округа (Силезия), когда они приходят жаловаться на чрезмерные требования национал-социалистских рабочих. Конечно эти радикалы очень легко и очень скоро превращаются в ренегатов; со многими это уже случилось. Все же эта группа может получить подкрепление с двух сторон: от обломков аппарата ликвидированной «Боевой лиги самостоятельного среднего сословия», вожди которой Вагенер, Марвиц и другие были смещены по требованию Тиссена и министра торговли Шмитта, и от аппарата НСБО, гитлеровской фабрично-заводской организации (руководитель д-р Лей), которая под давлением рабочих иногда предъявляет хозяевам радикальные требования и ведет постоянную борьбу со Шмиттом. Концентрация всех этих «левых» демагогов под напором масс может привести к созданию *через головы этих вождей* или с новыми вождями новой боеспособной фракции в нацистском лагере.

IV. Геринг против Гитлера

Анализ структуры германского национал-социализма приводит нас к неизбежному выводу: партия находится в состоянии непрерывного и все усиливающегося внутреннего брожения. Общая тенденция в ней *центробежна*. Ближайшая политически важная проблема: в какой форме практически найдет свое выражение эта тенденция? Где то самое слабое, самое тонкое место в структуре национал-социализма, через которое прорвется эта тенденция?

Вполне возможно, что именно *вершина* всей пирамиды — верховный триумvirат Гитлер—Геринг—Геббельс — окажется этим самым слабым местом. Вполне возможно, что пока разнородные силы внизу еще сдерживаются насильственными мерами диктаторов, сами диктаторы расшатывают или даже опрокинут всю пирамиду. Вершина в Германии, в отличие от Италии, не едина. В Германии нет цезаря; вершина состоит из трех человек, из которых каждый стремится стать цезарем. Тоталитарное государство триедино; это очень важный парадокс. В противоположность Италии верховная власть в Германии совершенно очевидно разделена: политика — Гитлер, исполнительная власть — Геринг, пропаганда — Геббельс. Но это еще не все. Гитлер, Геринг и Геббельс, если присмотреться внимательнее, представляют три различных политических концепции, *три различных стратегических плана* германского фашизма. Это, пожалуй, самый важный фактор, который надо учитывать при всяком прогнозе будущего. Внизу и в центре национал-социалистской партии противоречия определяются *социальными* различиями; наверху расхождения идут по линии стратегических и тактических идей. Германский фашизм уже создал свой единый стратегический мировой план дей-

ствия (об этом мы поговорим подробнее во второй части книги — «Куда идет Гитлер?»), но каждый из триумвиров имеет свою особую ориентацию, свой курс, который он хотел бы навязать партии и государству.

Сам Гитлер представляет *легитимизм*¹ в нацистском движении.

Он домогается главным образом консолидации режима. Он — сторонник медленного и осмотрительного продвижения вперед, постепенного закрепления позиций внутри страны и оборонной тактики во внешней политике, — пока не настанет время для контрнаступления. Отсюда его лозунги «эволюции», «воспитания» и «мира». Отсюда его попытки добиться компромисса с западноевропейской демократией, которую он ненавидит не менее, чем его антипод Геринг, но боится больше, чем Геринг.

Это тактика «передышки». Бывший путчист никогда не забывает, что слишком поспешная тактика во время первого заговора 9 ноября 1923 г. стоила ему шестимесячного тюремного заключения и десяти лет, потерянных для «дела». Этот бывший ефрейтор старается поддерживать традиции и законность.

Отсюда его панический страх перед решительными и поспешными действиями. Отсюда его стремление повторить и сейчас, когда он находится во главе государства, ту оппортунистическую тактику колебаний и выжидания, которую он диктовал своей партии перед захватом власти (Гитлер еще в 1932 г. несколько раз отклонял предложение Гинденбурга о вступлении в правительство). Отсюда далее его старания не порвать нитей, связывающих его со старой консервативной правящей группой, с Гинденбургом и Папеном, с рейхсвером и Нейратом. Отсюда, наконец, его секретный план на случай исчезновения Гинденбурга со сцены — создать регентство во главе с одним из Гогенцоллернов, сохранив за собой, по примеру Муссолини, полномочия опекуна династии. Одно ясно — Гитлер будет внутри нацистской партии вести оппортунистическую линию. Он будет стараться *умерять аппетиты* и, в первую очередь, постарается умерить аппетиты Геринга.

Если Гитлер легитимист, то Геринг воплощает в себе *бонапартизм*.

Этот человек, который организовал поджог рейхстага, на все смотрит через одни очки. Он занят только одной мыслью — о реваншистской войне. Он думает о своей воздушной армаде, он мечтает только о том, чтобы стать германским Бонапартом. Этот нигилист в нацистском стане заставляет рейхсвер произвести его в чин генерала. Он — будущий маршал авиации. Его теория «германской победы» несложна: если Германия сосредоточит всю свою техническую и военную энергию на строительстве аэрохимического флота, этот флот в короткое время даст Германии возможность выиграть мировую войну, несмотря на слабость Германии во всех остальных отношениях, несмотря на огромное превосходство Франции в артиллерии, танках и т. д. Эта идея (мы здесь не будем серьезно разбирать ее военную ценность) лежит в основе всей деятельности Геринга. Через Геринга к воздушному флоту, через воздушный флот к мировой войне, через мировую войну к превращению Геринга в германского или даже европейского Бонапарта —

¹ Не в смысле монархизма. — *Прим. авт.*

вот единственный категорический императив, единственная национальная политика этого человека. Во имя этой идеи он готов на все, готов даже восстать против Фабия Кунктатора — Гитлера.

Он уже завладел Пруссией. Он уже завладел полицией. Он завладел министерством авиации. Он — президент рейхстага и генерал рейхсвера. Но этого ему мало. Нынешнее разделение власти в составе верховного триумvirата его не удовлетворяет. Он должен быть верховным вождем — вопреки Гитлеру и через его голову. Отсюда план Геринга о назначении Гитлера президентом республики, а его самого — рейхсканцлером. Он сделает все, чтобы добиться верховенства. Он испробует все для того, чтобы сосредоточить, в первую очередь, всю военную политику и весь военный аппарат в своих руках, чтобы убедить рейхсвер в спасительности своей доктрины, а если нужно, будет действовать через их головы. Воздушный флот, который сейчас строится в Германии непрерывно, дено и ночью, это вопрос практической политики. И этот фактор может в дальнейшем стать сильнее оппортунизма Гитлера.

Третий человек, который решает исход дела, третий член триумvirата, министр пропаганды Геббельс, представляет *фашистский интернационализм* и мессианство.

Он энтузиаст пропаганды. Он намерен распропагандировать Европу в пользу германского национал-социализма. Он намерен завоевать континент *изнутри* путем систематической фильтрации национал-социалистских идей, путем развертывания целой сети филиалов германского фашизма в соседних странах, в Австрии, Голландии, Скандинавии, Англии, в странах Восточной Европы; эти партийные филиалы должны стать массовой агентурой германского империализма. Это — идея нового *национал-социалистского Интернационала* с центром в Берлине и разветвлениями во всем мире.

Таков Геббельс. Этот человек, который занимает среднее положение между Гитлером и Герингом, пожалуй самый дальновидный из всех троих. Он знает, что филистерский легитимизм Гитлера в условиях продолжающегося развала германского хозяйства не может спасти национал-социалистов. Он видит, что кровавый террор Геринга не может продолжаться бесконечно и что его фантастический воздушный флот может быть введен в действие только в случае очень проблематичной всемирно-политической конъюнктуры. У него свой, особый, расчет. Он возлагает все надежды на тот процесс перегруппировки мировых сил, который толкает определенные классы общества в определенном направлении. Он верит в гипнотическую силу международной пропаганды фашизма. Он верит в фашистскую Европу. Когда Геббельс говорит, что «ближайший этап — это национал-социалистская Европа», он видит в этом очередной этап германского *стратегического* наступления. Когда Геббельс пророчествует (речь на собрании национал-социалистов в Гамбурге 15 июня 1933 г.): «Положение Германии в настоящее время напоминает положение национал-социалистской партии в первые годы ее деятельности — так же как наци в Германии, Германия во всем мире завоеует в конце концов безоговорочное признание», — он думает: «Через германский национал-социализм к общеевропейскому нацио-

нал-социализму и через этот последний — к германской победе над Европой». Этот человек — несомненно, один из лучших ораторов и пропагандистов в мире (его работа в значительной мере подготовила победу Гитлера); этот человек, несомненно, гораздо значительнее и современнее, чем Гитлер и Геринг. Он больше всех приближается к Муссолини, он лучше других понял смысл тех изменений, которые произошли в последние десятилетия в социальной структуре всего мира; он считает нужным приспособить свою работу и работу всей национал-социалистской партии к этим изменениям. Он уже начал организацию европейского национал-социалистского Интернационала (в сотрудничестве с Розенбергом). Последние события в Австрии и в некоторых странах Северной и Восточной Европы напомнили всем об этом грандиозном плане, который дает Германии важный козырь во внешней политике: Германия предлагает всей Европе повернуть фронт на Восток. Геббельса надо принимать абсолютно всерьез — не меньше, чем Геринга. Он будущий официальный министр иностранных дел Германии. Его пропагандистский Интернационал до военного взрыва, — такая же политическая реальность, какой будет воздушная армада Геринга после взрыва. И так же, как Геринг, он будет упорно бороться за свою идею, свой план, свою стратегию. Так же, как Геринг, он будет бороться со всеми противниками, хотя бы это был сам Геринг.

Таков при ближайшем рассмотрении верховный триумвират. Нет общепризнанного вождя, нет единой стратегии. Триумвират состоит из разнородных элементов: три человека с тремя резко отличными стратегическими программами. Что будет дальше?

Все заставляет нас думать, что программа Гитлера и программа Геббельса в большей мере поддаются согласованию и координации, чем каждая из них в комбинации с другой. У них обоих общая предпосылка: они считают решающим фактором *время*. Оба стараются оттянуть насколько возможно момент окончательного решения — *войну*. Гитлеру время необходимо для консолидации и легитимизации; Геббельсу время необходимо для обработки Европы пропагандой и для укрепления национал-социалистского Интернационала. Оба боятся и ненавидят нетерпеливого нигилиста Геринга, хотя именно его нигилизму они обязаны своим существованием и хотя сами они были когда-то такими же нигилистами. Оба пользуются поддержкой олигархии монополистов, которая непосредственно направляет фактическую политику Германии. Тиссен склонен воспользоваться воздушным флотом Геринга, но еще не сейчас.

Во всяком случае, надо признать несомненный факт: существование в триумвирате фракции Гитлера — Геббельса. Это для всех секрет полишинеля.

Молчаливая борьба за гегемонию Германии между Гитлером, Геббельсом и Герингом продолжается уже несколько месяцев. Это — скрытая борьба, но различные ее фазы хорошо заметны и для внешнего мира. Геринг систематически добивается сосредоточения всей *исполнительной* власти в своих руках и уже добился очень многого в этом направлении. Он действует неутомимо и совершенно безоглядно. Он борется за власть над полицией, за административные посты, за посты в национал-социалистской партии,

в рейхсвере, и главное в командовании коричневыми и черными. Первый результат заключается в том, что *Пруссия*, основная сфера его деятельности, становится постепенно геринговским государством в гитлеровском государстве. Он не отступает перед полузаконными мероприятиями. 21 июля 1933 г. Геринг неожиданно созвал тайную конференцию высших полицейских чиновников и магистратур Пруссии в своей летней резиденции на острове Зильт без разрешения и даже без ведома Гитлера, который в это время находился в Баварии. Эта конференция постановила потребовать от имперского правительства, т. е. от Гитлера, новых специальных законов для подавления оппозиции (эти законы, которые приобрели затем широкую известность, вводили смертную казнь за незаконную пропаганду). Смысл этой идеи не вызывает никаких сомнений: располагая такими полномочиями, каких не имел еще никто и никогда в истории, полицейский диктатор Геринг приобретал абсолютную власть, а власть всех остальных должностных лиц становилась все более и более номинальной. Конференция у Геринга происходила в обстановке строжайшей тайны; формально он не имел права предпринимать столь решительных шагов без ведома Гитлера. И хотя все интервью для печати, даже с Герингом, подлежат предварительной общеимперской цензуре, новость об этой конференции в Зильте проникла и в печать. Немедленно вслед за этим Геринг потребовал, чтобы прусскому правительству было предоставлено право закрывать газеты (прерогатива общеимперской власти). Через очень короткое время этот террористический закон стал реальностью. Но одновременно Гитлер сделал шаг, который сразу же придал всей ситуации совершенно другой смысл. Он появился лично на съезде национал-социалистов в Нюрнберге и объявил, поддерживаемый в этом Геббельсом, что ближайшая задача внутренней политики Германии — ликвидация всех федеральных германских государств и создание единого, строго централизованного государства. Новые выборы в парламенты союзных государств отменяются.

Все это имело только один смысл: свержение Геринга с его чрезвычайными полномочиями. Положение изменяется в корне. Вечная пропасть между Пруссией и общеимперским правительством перекрыта «железным единством» национал-социализма.

Программа Гитлера — Геббельса сводится к следующему: автономия союзных государств отменяется; они превращаются в небольшие административные «провинции», которые подчиняются только гитлеровскому министру внутренних дел Фрику. Это означает *конец* параллельного прусского правительства (все остальные правительства союзных государств, как саксонское, вюртембергское, баденское и другие, уже давно превратились в фикцию).

Программа Геринга сводится к следующему: Пруссия должна поглотить общеимперское правительство. Геринг желает сыграть роль нового Фридриха Великого. Он управляет из Потсдама, пока Гитлер заседает в баварской деревне Берхтесгаден. Он командует Берлином, пока Гитлер занят на партийном съезде в Нюрнберге. Как только было объявлено о ликвидации союзных государств, Геринг перешел в контрнаступление. Он учре-

дил свой собственный личный совет, новый «пруссский государственный совет», в который вошли все наиболее значительные нацистские лидеры Пруссии, представители офицерства, знати и науки; он предлагает место и Тиссену, герцогу Рура. И когда он 15 сентября 1933 г. встал у письменного стола «великого Фрица», облокотился на спинку стула Фридриха Великого и открыл в потсдамском дворце первое заседание своего блистательного Совета, в зале не хватало только одного человека — Гитлера. На этом собрании Геринг «разъяснил», что лозунг Гитлера о федеральной реформе имеет в виду отдаленные «конечные цели» национал-социалистского движения; он добавил к этому, что «Пруссия должна завершить объединение империи». Это значило: «Пруссия — это я».

Геринг расширяет полномочия прусских провинциальных губернаторов (обер-президентов), упраздняет должности политических государственных комиссаров, которые были назначены после переворота, если они не подчинены непосредственно ему или органам его власти. Он назначает самого себя верховным руководителем тайной полиции Пруссии. Он идет еще дальше. Он пытается создать блок с *южногерманскими* национал-социалистами.

Это значит, что личная фронда Геринга против Гитлера уже принимает общегерманские размеры. Национал-социалистские правители, особенно в Баварии, генерал фон Эпп и министры Зиберт и Эссер заключают с Герингом соглашение о совместной борьбе против гитлеровской федеральной реформы. Они ведут почти открыто кампанию саботажа. Баварские национал-социалистские депутаты в рейхстаге уже создают свою особую национальную группу¹. В результате: совершенно законченный во всех деталях план федеральной реформы «временно отложен». Министр внутренних дел гитлеровского правительства Фрик в декабре 1933 г. должен заявить, что «пока еще нет никаких определенных планов этого рода». Гитлер воздерживается от участия в открытии нового рейхстага, избранного с такой помпой (40 миллионов голосов за национал-социалистов); рейхстаг открывает вместо него Геринг. Тем временем борьба за исполнительную власть и за места в аппарате становится все острее; начинается уже открытая *драка* за тайную полицию. В конце 1933 г. Геринг, как мы уже указывали, подчинил себе прусскую тайную полицию; через несколько недель тайная полиция во всех почти остальных союзных государствах перешла в руки другого человека — главнокомандующего черных рубашек Гимmlера. Гимmlер, который до того был только начальником баварской полиции, получает следующие назначения: 26 ноября 1933 г. он — командир гамбургской политической полиции; в тот же день он получает такой же пост в Мекленбурге; 11 декабря — в Вюртемберге; 19

¹ Начальник баварской государственной канцелярии Эссер, по сообщениям газет, заявил даже в интервью в декабре 1933 г., что «Бавария, несмотря ни на какие реформы, остается автономным государством». Баварский национал-социалистский премьер подчеркнул в *официальной* новогодней речи, что, как он надеется, «Бавария и после реформы сохранит в неприкосновенности свои особые исторические, экономические и культурные силы и станет мощным *самостоятельным* организмом в составе объединенного государства». — *Прим. авт.*

декабря — в Гессене; 20 декабря — в Ангальте; 27 декабря — в Тюрингии; 6 января — в Ольденбурге и Бремене; наконец, 18 января — в Саксонии; одна только Пруссия осталась вне сферы его юрисдикции. Попытка Геринга сохранить за собою монополию на Гестапо, самый страшный инструмент гитлеровского режима, таким образом, сломлена. Он еще правит безраздельно в своей цитадели — в Пруссии, но Гитлер и Геббельс не отказались от своих планов. Временный закон о реформе государственного устройства, который был объявлен 30 января 1934 г., — компромисс, но этот компромисс в значительной мере благоприятен для Геринга: главный пункт спора, прусское федеральное правительство, а вместе с ним то особое положение, которое занимает Геринг, остается неприкосновенным, хотя и подчинено отныне «верховному» контролю государства.

Борьба продолжается. Эта дуэль между Пруссией и общеимперским правительством уже находит отражение и во внутренней жизни национал-социалистской партии. Это неслучайно, что Гитлер не назначил Геринга членом высшего официального органа национал-социалистской партии «рейхслейтунг» (всегерманское руководство); Геббельс, Гесс и Розенберг и некоторые второстепенные вожди неизменно состоят членами этой коллегии. Неслучайно, что на «конгрессе побед» в Нюрнберге один только Геринг из всех национал-социалистских вождей не выступал с речью. Не случайно, что Гитлер не только перевел все важнейшие органы партии в Баварию (Берхтесгаден, Нюрнберг), но кроме того объявил постоянной резиденцией своей «рейхслейтунг» — Мюнхен, который всегда был антитезой и соперником Берлина. Неслучайно, что в последнее время Геринг систематически отсутствует на всех официальных демонстрациях и парадах, которые проводят Гитлер и Геббельс, а иногда совсем исчезает с политического горизонта на целые месяцы. Неслучайно, наконец, что некоторые его речи были запрещены цензурой (например, речь Геринга от 17 июля 1933 г., опубликование которой не было допущено). В этой борьбе бесчисленные столкновения следуют одно за другим. Гитлер объявляет, что национал-социалистские министры не должны иметь отношения к отдельным органам печати; он требует на этом основании, чтобы Геринг снял свое имя с заголовка его личного органа эссенской «Националь цайтунг». Через несколько недель после этого «Националь цайтунг» была конфискована тайной государственной полицией — «по ошибке», как сообщали газеты. Гитлер издает распоряжение, по которому национал-социалистские лидеры не имеют права совершать официальные визиты в другие страны и принимать подарки от представителей этих стран без специального разрешения его заместителя Рудольфа Гесса; это случилось через несколько дней, после того как Геринг был принят в Швеции королем Густавом в официальной аудиенции. Геринг вмешивается в дела Геббельса, он требует автономии для «культурной политики» Пруссии и ведет ожесточенную борьбу с министерством пропаганды Геббельса. Дело доходит до того, что в спор вступает Гитлер и заставляет Геринга и Геббельса заключить «соглашение о сферах влияния» каждого из них с явным уклоном в пользу Геббельса. Мы не будем приводить здесь разнообразных слухов, рисующих взаимоотноше-

ния вождей — Геринг, говорят, настоял на смещении геббельсовского шурина Гранцова, который был премьером Мекленбурга; он отстранил жену Геббельса от председательствования в «германском бюро мод»; Геббельс в отместку послал Гитлеру специальный меморандум, в котором разоблачал тайны личной жизни Геринга. Гораздо важнее то, что эти расхождения уже находят отражение в *военной* сфере. Геринг в качестве генерала пехоты входит в состав военного командования наряду с главнокомандующим фельдмаршалом Гинденбургом и официальными руководителями рейхсвера. Он даже объявляет «благодарность» рейхсверу. Стальной шлем, тесно связанный с рейхсвером, назначает его своим почетным членом. Совершенно очевидно, что Геринг сближается теперь со старой военной группой Гинденбурга — рейхсвера, которая включает также юнкеров восточных провинций и германских монархистов. После пожара рейхстага эта группа должна была отдать всю власть в Германии Гитлеру; она и в военном отношении была оттеснена на задний план ввиду чрезвычайно выросшего значения коричневых. Она однако не примирилась с этим положением, и Гинденбург сейчас еще официальный президент Германии. Симпатии с этой стороны, со стороны монархистско-юнкерской реакции и старого «прусского офицерского корпуса», являются большим преимуществом для Геринга. Всякий раз, когда возникают конфликты между обеими вооруженными силами национал-социалистского движения, коричневой верхушкой и чернорубашечниками, можно не сомневаться, что за кулисами находится Геринг.

Растущее недовольство в низах мелкой буржуазии и «беспорядки» в отдельных коричневых отрядах, которые проходили под лозунгом «второй революции», заставили Гитлера и его штаб подумать хотя бы о частичном роспуске коричневых и передаче их функций чернорубашечникам и полиции (вспомогательная полиция коричневых уже, как известно, распущена). Слухи об этом проникли в массу коричневых и вызвали в казармах серьезное брожение. Но ослабление и оттеснение коричневых означает также ухудшение положения их командующей клики, группы Рем — Гейнес. Рем давно уже связан с лидерами левой оппозиции, Штрассером, Брюкнером и др. 6 августа 1933 г. Рем и Гейнес устраивают на Темпельгофском поле в Берлине демонстрацию 80 тыс. коричневых рубашек — впервые со времени прихода Гитлера к власти. Никто из верховных вождей партии не присутствует на этой демонстрации. В тот же день Гитлер в своем дворце в Берхтесгадене созывает экстренный совет. Рем произносит речь, которая внешне выдержана в тонах обычной «верности вождю», но по сути дела очень настойчиво подчеркивает один мотив: коричневые не уступят завоеванных позиций; национал-социалистская революция дело их рук; они начеку. Геринг отсутствует, но его лейб-гвардия, знаменитый «Г-отряд», продефилировала перед присутствующими церемониальным маршем. Неделю спустя, 13 августа, Берлин мог наблюдать демонстрацию черных рубашек. На этот раз Геббельс, Функ и другие лица гитлеровского окружения присутствовали на демонстрации, но отсутствовал Геринг, премьер Пруссии. Среди коричневых царило беспокойство, среди чернорубашечников до сих пор еще не было ни одного случая мятежа... Возможно, что Геринг попытует

использовать радикализм коричневой массы ради собственных целей. Личный орган Геринга, эссенская «Националь цайтунг» ведет даже демагогическую кампанию в этом направлении, она, например, выступает очень радикально против биржевиков. Но это для Геринга только средство в борьбе за его цели. Геринг борется с Ремом, который добивается безраздельного господства в армии коричневых и очень недоволен сближением Геринга с рейхсвером; с декабря 1933 г. Рем назначается «вторым» военным министром в кабинете.

Расстановка политических и военных сил в лагере Гитлера очень неустойчива. Отношения между отдельными правящими кликами, различные комбинации между ними могут в любой момент измениться, как это уже не раз бывало раньше. До сих пор Гитлер одолевал всех, но одно ясно: чем сильнее трения между отдельными элементами, между отдельными социальными и политическими группами в гитлеровском движении, тем крупнее и значительнее будет становиться роль Геринга. Этот человек не откажется от своих целей. Во имя своего бонапартизма он пойдет на все, и за ним пойдут многие. Он не только единственный возможный лидер или по крайней мере единственная надежда всех недовольных национал-социалистов. Он с каждым днем все больше становится «человеком сильной руки» в национал-социалистской партии, воплощением северогерманского прусского духа в отличие от колеблющегося «центриста», «австрийца Гитлера». Если Гитлер удержится в течение ближайшего периода, если он добьется хотя бы временной консолидации, тогда значение Геринга в триумvirате пойдет на убыль; к тому же Лейпцигский процесс о поджоге рейхстага значительно поколебал его позиции. Но если нацистское государство встретит в этом году какие-нибудь особые трудности в экономической сфере, во внешней политике, на внутреннем антирабочем фронте или внутри самой партии — тогда потребуются «сильный человек», и Геринг получит новые специальные полномочия. И тогда судьба Германии повиснет на волоске.

Было бы нелепо думать, что качество геринговского фашизма хоть в чем-нибудь отличается от гитлеровского фашизма; в обоих случаях мы имеем один и тот же фашизм рурской олигархии. Но было бы политической ошибкой не видеть, что темп геринговской Германии будет иным. Это будет *военный* темп; темп, который ведет к войне.

Замыкается круг. Трагедия германской мелкой буржуазии превращается в трагедию национал-социалистской партии: обе они победили только для того, чтобы развязать свои внутренние противоречия. Они следуют по одному и тому же обязательному маршруту, они подчиняются одним и тем же законам социальной динамики. Глубоко внизу скрыты противоречия между мелкой буржуазией и рурской олигархией, обеими основными силами национал-социализма. Триумvirат Гитлер—Геринг—Геббельс не может спастись от самого себя, он должен разделить со всем национал-социалистским движением его судьбу, он может только ускорить конец этого движения. Было бы неверно предполагать, что эта партия и ее государство когда-нибудь умрут естественной смертью в результате внутреннего разложения. Она будет побеждена в борьбе. Но разложение этой партии так же,

как и разложение мелкой буржуазии, когда-нибудь очень увеличит силы настоящего врага национал-социалистов, который поведет лобовую атаку на их власть, — силы рабочего класса.

V. Низведение рабочего класса до положения низшей расы

(Как Гитлер разрешает проблему безработицы)

Сочетание двух из трех основных социальных сил Германии, Тиссена и мелкой буржуазии, создало колоссальную взрывчатую силу национал-социализма, которая сразу же пронизала всю страну. Распад этого союза двух социальных сил нанес первый удар новой власти; это был первый кризис Гитлера. Но не они решают. Решает третья социальная сила — рабочий класс, 20 млн. рабочих и еще столько же членов их семейств, которые несут все бремя нации на своих плечах. От существования этой силы зависит вся социальная машина. Если Гитлер сможет решить проблему, сводящую в судорогах всю нацию и даже само государство, и тем самым привлечет на свою сторону рабочий класс, тогда он станет, несмотря ни на что, несмотря на жалкий крах мелкобуржуазной программы, непобедимой силой, — непобедимой не только изнутри, но и извне, потому что никто не может сломить 65-миллионное государство, которое поддерживают рабочие! Но если он не сможет решить этой проблемы, вся его постройка рухнет при любых обстоятельствах; ничто не спасет его от гибели, ни Тиссен, ни мелкая буржуазия. Тогда и только тогда разложение национал-социализма станет *революцией* против национал-социализма. Такое значение имеет для Гитлера только одна проблема — проблема безработицы.

Катастрофическое сокращение германской производственной базы, все растущая трещина в самой ее сердцевине, не только обрекает треть всего населения на физическое уничтожение. Эта катастрофа уже отбросила германскую промышленность к уровню прошлого столетия, привела ее на грань окончательного банкротства и подорвала экономическую базу новой, политически победившей системы. Она подвергает ее опасности взрыва на каждом шагу. В таких условиях национал-социализм не может идти прежней дорогой. Можно обмануть мелкую буржуазию, но до тех пор пока проблема безработицы остается нерешенной, пока самый фундамент национального хозяйства лежит в развалинах, и восьмимиллионная армия безработных давит на всю систему снизу, национал-социалисты не могут рассчитывать даже на временную консолидацию своих сил. Геббельс, мозг Адольфа Гитлера, сформулировал это положение в категорической форме: «Если мы разрешим проблему безработицы, мы непобедимы, если не разрешим, мы недолго продержимся» (речь 23 сентября 1933 г.). Национал-социализм отвечает на это: «Мы разрешим эту проблему в течение трех лет». «Летом 1935 г. в Германии не будет безработицы», — говорил в той же речи Геббельс. Так должно быть по плану, и план этот уже наполовину выполнен.

Это решающий момент. Гитлер уже совершенно изменил общую картину рынка труда в Германии. Он поставил два огромных отряда германского рабочего класса, 13 млн. работающих и 8 млн. безработных, в совершенно иное положение, перед совершенно новыми перспективами. Эти новые условия меняют уже не только материальную базу существования этого класса, но и его социальную позицию, его место в цивилизованном мире. Было бы совершенно неверно думать, что гитлеровские методы ликвидации безработицы заключаются только в статистических манипуляциях и в игре цифрами. Речь идет о гораздо более серьезных вещах; речь идет о реальных ценностях. *Гитлер на базе катастрофической безработицы уже начал частично истреблять рабочий класс, а частично переводить его в новую категорию — в низшую категорию.* В этом глубочайший смысл, в этом миссия гитлеровского движения.

Он разбил громадную германскую армию безработных на три новых армии: армия крепостных численностью в 1 млн.; армия голодающих — 3 млн.; армия переходного типа — 4 млн.

Первая армия лишена личной свободы и заработка. Она интернируется в лагеря и получает пищи ровно столько, сколько нужно для поддержания элементарной работоспособности. Это — армия полурабов.

Вторая армия объявлена вне закона и официально обречена на голодающие; она не получает пособия, она нигде не зарегистрирована и считается несуществующей; это — армия «невидимых», т. е. безработных, которые вычеркнуты из общества.

Третья армия, официально зарегистрированные безработные получают постепенно уменьшающуюся долю своего прежнего заработка в форме пособия. Это делается для того, чтобы сохранить резервную армию для промышленности, а затем перевести и ее на положение первой армии.

Это уже не прежний рабочий класс и не класс вообще. Это отряд *полурабов* без свободы, без имущества, без заработка и без права думать. Таково фашистское разрешение проблемы безработицы.

Армия полурабов должна занять место бывшего рабочего класса или приблизить рабочий класс к своему уровню. В этом смысл гитлеровской операции. Новый пролетариат, который создает теперь Гитлер на базе безработицы, будет состоять из несвободных людей. Этот новый пролетариат живет не у себя дома, а в лагерях и бараках. Он уже не штатский, он носит форму. Он имеет дело уже не с нанимателем, но с высшим существом — надсмотрщиком над рабами или господином фабрики. Он получает не заработную плату, а рацион. У него нет профессиональных союзов, он должен подчиняться корпорации. У него нет свободного времени; когда он не работает, он должен сидеть в предуказанном помещении и выполнять предписанные функции. У него нет идеологии и нет идей, но есть «уроки», «табелки» и «лозунги» надсмотрщиков. Он не смеет заниматься политикой: он должен повиноваться, работать и развлекаться в официально предусмотренных для этого местах. А если он взбунтуется, его будут подавлять посредством массового террора. Он не может защищать себя, потому что он принадлежит к новой низшей расе полулюдей, о которой возвестил Гитлер

и которую он сам изобрел. То, что казалось Уэллсу в его утопиях чудовищной фантазией — армия поработанных низших пролетариев, которые потеряли свободу и человеческие права, — это становится *будущим германского рабочего класса*. Это — программа Тиссена, который намерен поработить не одну только мелкую буржуазию. Таков результат великого гитлеровского плана «ликвидации безработицы».

Германия насчитывает 20,5 млн. рабочих и служащих. В конце 1932 г., накануне прихода Гитлера к власти, 12 млн. имели работу, а 8,5 млн. были безработными. К концу 1933 г., по истечении года гитлеровского правления, работало 13,3 млн.¹; 4,1 млн. были зарегистрированы как безработные, а 3,1 млн. исчезли (мы увидим ниже, куда они делись). Стало быть 1,3 млн. человек получили работу. Таков итог гитлеровской операции: безработица в Германии сократилась не на 2 млн., как утверждают национал-социалисты, но все же почти на 17%.

В очень значительной части и это увеличение числа работающих нереально. Значительная часть гитлеровских новых рабочих не получила никакой новой работы: она только переняла работу, которую делали до нее старые рабочие — поменялась с ними. Эта новая группа пошла на фабрики, чтобы работать несколько часов в день или несколько дней в неделю; ровно настолько же были сокращены часы работы и заработок прежних рабочих и служащих. Ничего не изменилось — прибыли и потери уравнились в балансе самого же рабочего класса. Безработные стали полурботающими, а в виде компенсации работающие стали полубезработными. Общий объем работы не увеличился ни на один час; общая сумма выплачиваемой зарплаты не увеличилась ни на один пфенниг. Реальный дефицит работы остается тем же, но зато сократились официальные цифры безработицы. Это один из дополнительных методов Гитлера, который он применяет в широких масштабах — превращение безработных в якобы работающих. Обмен часами работы между рабочими и безработными при помощи сокращения рабочей недели до 40 и даже 20 часов, путем установления длинных «смен отдыха» и т. д. широко применяется крупными фирмами в Берлине, в Рурской области, вообще повсеместно в Германии. В действительности число пролетариев, которые погибают из-за отсутствия работы, не падает, а *увеличивается*, потому что, если бывшие безработные получили работу, а ранее работавшие должны им за это платить, зарплата, которая делится между ними, сплошь и рядом меньше среднего пособия по безработице. И те, и другие деградируют!

Вот как это происходит на практике. Автомобильный завод в Берлине (Ambi-Budd Werke) принимает на службу 300 безработных; рабочая неделя снижается до 2 дней: вместо 300 безработных, которые получали пособие, получается теперь 800 «работающих», которые имеют двухдневный заработок в неделю — много ниже прожиточного минимума. В другом концерне в Верхней Силезии (сталелитейное предприятие) 15 человек зарабатывают

¹ Согласно официальной статистике германского фонда страхования от болезней. — *Прим. авт.*

сейчас меньше, чем прежде зарабатывали 10. Средняя заработная плата на большом электротехническом заводе в Берлине (завод АЭГ на Брунненштрассе) упала до 9-11 шиллингов, после того как была принята на работу группа безработных. Количество работы, соответствующее недельному заработку в 25-30 шиллингов¹ — вот самая обычная норма после этой операции. В результате новые и старые рабочие вынуждены морить друг друга голодом².

«Рост числа занятых рабочих» в этой части представляет собой фикцию. В действительности они не получили новой работы, а только увеличили собой число эксплуатируемых полубезработных, которые опустились ниже уровня вполне безработных. Вполне реальна только вторая часть этих 1,3 млн. новых рабочих. Если сбросить со счетов небольшое число рабочих, которые получили временную работу благодаря оживлению в некоторых отраслях военной промышленности, общее число новых рабочих колеблется между 750 тыс. и 1 млн. Это — основное ядро гитлеровского нового резервуара рабочей силы. Оно должно по планам Гитлера разрастись, оставить позади все остальные категории и стать важнейшим отрядом всей армии безработных. Что произошло с этим миллионом безработных?

Они не живут уже больше в своих родных городах со своими семьями. Они утратили личную свободу. Они представляют собой новое грандиозное социальное образование: *трудовой корпус национал-социализма*, первую современную реконструкцию рабских армий египетских фараонов. Этот корпус и должен разрешить основную социальную проблему гитлеровской Германии. После СА, военной когорты коричневых, этот корпус, в сущности, самая большая массовая организация национал-социалистов: новое социальное «штатское» дополнение к организации СА.

Корпус рабов расквартирован в различных пунктах страны. Во главе стоят государственные надсмотрщики. Государство кормит невольников, снабжает их орудиями производства и посылает на работу. Оно использует эту рабочую силу несколькими способами. *Часть* этих крепостных сосредоточена непосредственно в больших изолированных трудовых лагерях. Эти 260 тыс. человек отбывают «трудовую повинность» (Арбайтсдинст); они выполняют главным образом военные задания: сооружают траншеи и укрепления, строят мосты и одновременно проходят военное обучение. *Вторая часть* продана на работу в поместья крупных помещиков и фермеров — они убирают хлеб, расчищают леса, работают на прополке. Это — те 250 тыс. «земельных помощников» (Ляндхельфер), которые рекрутируются правительством из безработных в помощь помещикам. *Третья часть* перегоняется

¹ При переводе германских денег на другую валюту здесь, как и дальше, надо учитывать, что биржевой курс не отражает реальной ценности денег и что покупательная способность шиллинга в германской валюте много меньше, чем английского шиллинга. — *Прим. авт.*

² Конференция германских городских самоуправлений («Гемейндетаг») недавно подтвердила этот факт официально, указав в резолюции, что в результате сокращенного рабочего дня «заработки многосемейных рабочих ниже суммы пособия, которое выплачивалось биржами труда и благотворительными организациями, т. е. ниже прожиточного минимума». — *Прим. авт.*

с места на место по всей стране. Они строят дороги общим протяжением в тысячи километров. Это — 300-400 тыс. рабочих «для особых заданий» (Нотштандсарбайтер).

Еще год назад эти люди получали пособие как безработные. Сейчас они именуются по-разному и подчиняются разнообразным «положениям» и правилам внутреннего распорядка, но все имеют общую основную черту: они — полурабы. *Работают* они, как рабы: всегда в строю, иногда даже в военной форме; всегда под наблюдением, часто под ударами дубинок и бичей. Они не имеют права оставить место работы, они во всем и безусловно подчинены надсмотрщику. *Живут* они, как рабы: вдали от своих семей, в больших закрытых колониях, иногда в зданиях, которые служили раньше тюрьмами (трудовой лагерь Зульцбах близ Нюрнберга); спят в общих спальнях, на деревянных нарах или на соломе, получают голодный паек и всегда либо работают, либо маршируют, — маршируют и работают.

Они не добровольно стали полурабами (я говорю — полурабами, потому что формально, в юридическом смысле, они еще не поставлены в условия личной зависимости); их заставили стать полурабами. При Гитлере люди вербуются в этот корпус крепостных посредством *силы* и, что еще важнее, посредством физической силы. Если кто-нибудь из безработных откажется пойти в трудовой лагерь, в батраки к помещику или на «особое задание», он неукоснительно при всех условиях лишается всякой другой возможности получить работу и утрачивает право на пособие по безработице. Это еще не все: «в случае доказанного нежелания работать или отказа от предоставленной работы лодыри должны ссылаться в концентрационные лагеря, чтобы они там приучились к дисциплине» (официальное извещение национал-социалистского Трудового бюро в Оснабрюке). Молодежь в случае отказа от работы направляется в так называемые «ремесленные школы». Другими словами, происходит насильственное порабощение — через несколько веков после эпохи феодализма.

Совершенно бесполезно возмущаться и негодовать: национал-социалисты выполняют свою историческую миссию. Они выполняют задачу, которую поставил перед ними Тиссен. Насильственное закрепление миллиона безработных проводится систематически по всей территории Германии. В Северной Германии уже были случаи посылки в концентрационные лагеря за отказ от работы в трудовом лагере. В Восточной Пруссии, которую обычно очень выпячивают национал-социалисты в своих агитационных выступлениях, — в Восточной Пруссии, где, по официальной версии, безработица ликвидирована, — «лодыри-марксисты» были согнаны при помощи бичей из городов в лагеря невольников. В некоторых сельских районах выплата пособий безработным прекращена вовсе на том основании, что все безработные могут записаться в «сельские помощники». В Берлине статс-секретарь Липпер недавно заявил, что все безработные, получающие пособие, будут подвергнуты строгому обследованию на предмет «проверки их желания работать».

Бюро безработицы рассылают извещения всем безработным, в которых им предлагается явиться в бюро в такой-то день и час «даже в том случае,

если данный безработный по причине болезни или неспособности считает невозможным взять новую работу». Вооруженные штурмовики не дадут уклониться. А бегство из лагерей считается государственным преступлением (таким же преступлением считались, как известно, побеги рабов). Человеческий материал для этих трудовых лагерей состоит в первую очередь из молодежи. В Германии ежегодный новый приток молодых работоспособных людей составляет около 700 тысяч. Так называемые «трудовые армии», в которых военная дисциплина и полиция особенно безжалостны, состоят исключительно из молодежи (начиная с 17 лет). Это — самая неопытная, самая незрелая и самая неустойчивая часть рабочего класса, и именно она составляет основание новой социальной пирамиды национал-социализма.

Но зачем потребовалось это невольничество, почему нужно было лишить рабочих личной свободы и какого-либо места в обществе? Не только потому, что этим путем гитлеровцы деклассируют и обезвреживают рабочих, но и потому — в этом весь секрет гитлеровской «ликвидации безработицы», — что эти рабы получают *рабскую зарплату*. Перевод рабочих на рабскую зарплату — точнее, превращение зарплаты в паек раба — вот ключ ко всей социальной политике национал-социалистов. Не будучи в состоянии поддерживать производство прибавочной стоимости в прежних размерах, они восстанавливают, — пока в ограниченных пределах для одного миллиона рабочих — феодальные условия труда. А по мере того как они продают новую рабочую силу, ими же созданную, частному капиталу, они тем самым постепенно восстанавливают капиталистическую норму прибыли и земельной ренты, поколебленную кризисом. Такова подоплека развития рабства в Германии.

Все три категории новых невольников — «трудоармейцы», «сельские помощники» и «рабочие для особых заданий» — фактически получают только пищу и кров плюс некоторую номинальную сумму денег, которая должна замаскировать их положение рабов. Денежное довольствие трудоармейца, военнообязанного рабочего, составляет около 3,75 пфеннига в час. Денежное довольствие «сельского помощника», этого современного крепостного, — если оно вообще существует и не заменено бесплатной пищей и жилищем, — составляет всего 30–40 пфеннигов в день. В тех случаях, когда женатый батрак платит за пищевое довольствие, он и его жена, которая осталась в городе и должна поддерживать там хозяйство, получают каждый половину того, что остается от жалованья (за вычетом платы за харчи) — около 9 — 10 шиллингов в неделю. Денежный заработок рабочего «для специальных заданий», этого невольника дорожных работ, едва ли выше: он должен покупать на свои деньги прозодежду, сапоги и кирку.

Так оплачивается работа этих рабов. В сущности, это только паек для поддержания жизни и элементарной работоспособности. Но соответственно этому возрастают барыши новых рабовладельцев и рабонанимателей. *Существование новой крепостной армии уже в течение 1933 г. дало германским землевладельцам огромные прибыли и освободило поместья от значительной доли обременявшей их задолженности. Это — бесспорный факт.*

Юнкеры, особенно в Восточной Пруссии (там, где безработица «лик-

видирована на 100%»), пользовались трудом этих новых сельских помощников точно так, как их предки несколько веков назад пользовались своими крепостными. В этой форме юнкеры получили от Гитлера такое же вознаграждение, какое в других формах получил от него Тиссен. Но не только аграрный капитал будет пользоваться услугами этого нарождающегося рабочего пролетариата. Национал-социалистские надсмотрщики будут продавать рабов всякому, кто в этом нуждается, и нет никаких причин думать, что большие промышленные массовые работы не будут проводиться точно таким же путем и по такой же системе (автостреды и мосты уже сейчас строятся при помощи этих батальонов). Блестящее будущее открывается перед Тиссеном в нацистском царстве фараонов.

Эти «новые формы труда» постепенно переносятся и в сферу промышленности; в первую очередь — рабская зарплата. Крупные берлинские предприятия, как, например, хорошо известный концерн металлозаводов «Кнорр-брэмзе», с наступлением зимы набирают на свои фабрики батраков-невольников, которых холод гонит из деревень. Они получают такие же условия, как «на последнем месте»: горячую пищу и 9 пенсов зарплаты в день. Крепостная армия бывших безработных, таким образом, не распадается; она будет расти и чем дальше, тем больше накладывать свою печать на всю социальную жизнь Германии. Сейчас она еще только в зародыше. Ее нынешние размеры колеблются в зависимости от сезонных причин — сокращаются зимой и увеличиваются летом. Холод позволяет государству загонять часть этой армии невольников обратно в города, и, например, в декабре 1933 г. число рабочих для особых заданий упало на 120 тыс. человек, хотя основное ядро этой армии по-прежнему находилось в бараках и казармах и работало на прежних условиях.

Вообще говоря, эта армия при Гитлере будет неуклонно расти, втягивая все новые и новые слои голодающих безработных и раздвигая все дальше границы рабства в Германии. Один только корпус «трудармейцев», в котором сочетается принудительный труд молодых безработных с военной муштровкой рекрутов, должен быть доведен до 1,2 млн., т. е. превысить размеры всей нынешней армии крепостных. Но в 1934 г. новые кадры молодежи, 850 тыс. человек, ищущих работы, хлынут на рынок труда. Можно считать, что они заранее устроены. 10 января 1934 г. статс-секретарь министерства финансов Рейнхардт заявил, что к концу июля 1934 г. безработица будет сокращена еще на 2 млн. человек. Новая фараоновская система распространяется все шире в Центральной Европе. Надсмотрщики рабов ликвидировать безработицу.

Но одновременно и почти такими же быстрыми темпами растет в Германии другая армия — армия тех, которые навсегда и окончательно лишены права работать и обречены на разорение и физическое уничтожение: постоянная голодная армия гитлеровских париев. Эти 3,1 млн. «невидимых» безработных совершенно выпали из гитлеровской статистики. «Невидимая» армия охватывает уже сейчас свыше 36% всего числа безработных, которые были зарегистрированы на биржах труда до прихода Гитлера к власти. Она по численности втрое превышает новую армию крепостных.

Для этой группы нет никаких надежд на будущее, пока Гитлер правит Германией. Национал-социалисты превращают безработных в полурабов; одновременно они превращают другую часть рабочего класса, коммунистических и социалистических рабочих, а также евреев, женщин-работниц и некоторые другие категории в новый класс — *париев*. Эти парии, которые во многих отношениях представляют собой лучшую и наиболее прогрессивную часть германского пролетариата, официально и раз навсегда вычеркнуты из списков людей, имеющих право на существование в государстве Гитлера. Они изгнаны со всех бирж труда. Они не фигурируют в фашистских статистических сводках. Их сознательно и систематически обрекают на медленное вымирание.

Часть их объявлена вне закона и изолирована. Это 100-150 тыс. рабочих, которые заключены в концентрационные лагеря и тюрьмы, где они не только голодают, но и подвергаются вдобавок физическим пыткам. Другая часть ведет нелегальное существование. Это — 100 тыс. «внутренних изгнанников», которые бросили свои дома и прячутся от штурмовиков на окраинах больших городов, на конспиративных квартирах, в лесах и горах и продолжают свою героическую подпольную борьбу против Гитлера. Третьей части удалось бежать. Это — 100 тыс. эмигрантов. Остальные в большинстве просто умирают от голода. Этот отряд почти непрерывно получает «подкрепления»: в их ряды притекают новые кадры безработных, которых фашисты под тем или иным предлогом лишили права на труд.

Не только евреи, эти новые «неприкасаемые» Германии, должны были за немногими исключениями оставить место работы. И не только замужние женщины, которые не могут иметь самостоятельного заработка (преступление против государства и против семьи!) и должны ограничить свою деятельность тремя «К» (киндер, кюхе, кирхе — дети, кухня, церковь). И не только все лица, которые были так или иначе, зачастую очень отдаленно, связаны со старым республиканским режимом; эта категория, как известно, недавно специальным решением суда была лишена права на получение пособия по безработице. В настоящее время из списков безработных «изымаются» также все члены тех семей, в которых кто-либо имеет работу, — их сыновья, дочери, братья, сестры или родители, потому что это были бы «слишком много зарабатывающие семьи». В каждой семье, по мнению гитлеровцев, должен быть один кормилец. Безработный снимается с пособия в том случае, если кто-либо из его родственников имеет маленький домик и огород. Семьи, имеющие небольшие сбережения, вынуждены отдавать эти сбережения на «помощь» безработным, снятым с пособия. Национал-социалисты в лице председателя вестфальского Бюро труда д-ра Ордемана официально заявили, что отныне не должны иметь места «случаи накопления излишков сверх нормальных потребностей семьи», «надо отказаться от накоплений этого рода». Это значит, что наряду с новыми париями обречены на гибель и их семьи.

Одновременно с пособий по безработице снимаются еще и другие категории рабочих — самые низшие категории, самые отсталые рабочие, которые меньше, чем кто-либо, способны оказать сопротивление: домашняя

прислуга, сельхозработчие, рыбаки. Уже со второй половины 1933 г. все эти категории были причислены к армии отщепенцев (они не регистрируются биржами труда).

В целом новая каста париев уже охватывает свыше 3,1 млн. человек, в том числе по крайней мере 750 тыс. — 1 млн. мелких буржуа, которые стали безработными: мелкие фермеры, лавочники, кустари и др. Они потеряли все, что у них было, и сейчас, подобно другим, голодают. Эти люди, однако, не фигурируют в германской статистике труда, так как считаются не рабочими, а «независимыми лицами». Сейчас, после крушения мелкой буржуазии, они фактически такие же «невидимые безработные», как и все остальные.

Голодная армия насчитывает, таким образом, по меньшей мере 4 млн. мужчин и женщин¹. Это пятая часть *всего* германского рабочего класса работающих и безработных. Для гитлеровцев они — мертвый и опасный балласт. Чем раньше и чем основательнее удастся их истребить, тем лучше. Эта часть рабочего класса не нужна Гитлеру, она должна исчезнуть. Гитлеровцы и впредь будут стараться увеличивать эту армию. Те, кого гитлеровцы считают своими врагами, те, от которых они не могут избавиться и чьи места они хотят занять своими людьми, будут рано или поздно, под тем или иным предлогом, «сданы» в эту армию и станут неприкасаемыми отщепенцами и невидимками. Германский фашизм для разрешения проблемы безработицы применяет не только методы египетских фараонов, но также и систему индусских каст. Это второе изобретение Гитлера.

Кампания «ликвидации безработицы» подходит к концу. Растет армия крепостных; растет одновременно армия голодающих, а за их счет сокращается официальное число безработных. *Это сокращение Гитлер называет «падением безработицы в Германии».* Обе новые категории безработных (крепостные и голодающие) не значатся в статистических сводках о безработице. Остается только одна часть — около 4 млн. (против прежних 8,5 млн.), которую Гитлер должен признать безработными. Однако и эта категория меняет свое лицо. Они также экспроприируются. Ограбление этой группы производится путем *непрерывного уменьшения ставок пособий по безработице*, так что уже сейчас эта ставка ниже уровня голодного пайка, если не превратилась вообще в мнимую величину.

Основная тенденция всех этих гитлеровских операций остается одной и той же. Гитлер сокращает безоговорочно общую сумму средств на пособия безработным на 400 млн. марок. Это значит, что ставка пособия падает до 1 шиллинга 4 пенсов в день. И это в Берлине, где одних только безработных, получающих «благотворительное пособие», насчитывается 900 тыс. Вновь прибывающие в Берлин холостые безработные получают в день 5-6 пенсов.

¹ Все рабочие принудительных трудовых армий, которые по каким-либо причинам временно исключаются из списков этой армии, переходят в категорию «невидимых безработных». Так, например, падение числа рабочих «для особых заданий» на 120 тыс. человек в 1933 г. означает, что ровно на столько же увеличилось число незарегистрированных безработных. — *Прим. авт.*

Более 900 тысяч из 4 млн. не получают вообще ни гроша, хотя они и зарегистрированы официально на биржах труда. Многие города, которым гитлеровское правительство либо вовсе не отпускает средств, либо отпускает совершенно незначительные суммы и которые поэтому фактически обанкротились, уже не могут оказывать своим безработным какую-либо помощь. А ведь в некоторых городах (например, Оффенбах) почти половина населения живет на пособия по безработице. Эти города вынуждены прибегать к самым разнообразным методам сбора пожертвований, чтобы спасти население от голода и холода; в некоторых случаях эти мероприятия принимают форму массовой организации нищенства (знаменитая «зимняя помощь»). В других случаях и зарегистрированные безработные ссылаются в трудовые лагеря, как, например, в Пирмазенсе, где 3 тыс. безработных в лютые морозы строили аэродром. Надсмотрщики в таких случаях получают права полицейских.

Есть еще одна группа, которая поставлена в такие же условия, как безработные, получающие пособие, но еще более унижена и обездолена.

Это — миллионы старых и нетрудоспособных рабочих, получающих пособие по инвалидности, а также вдовы и пенсионеры. Гитлеровское правительство поступает с ними точно так же, как с другими группами работающих и безработных. Оно сокращает суммы, предназначающиеся на пособия нетрудоспособным, с 434 млн. марок до 200 млн. марок. Средняя пенсия, которая во времена Брюнинга составляла еще около 39 марок в месяц, сейчас снизилась до 25 марок и ниже. Помимо всего пенсионеры должны теперь платить налоги, от которых раньше они были освобождены. Фактически положение всей этой официальной армии безработных все больше приближается к положению невидимой армии голодающих. Они — на переходном этапе.

Лишь одна единственная группа имеет обеспеченное будущее. Это безработная аристократия фашизма. Обмен местами между занятыми рабочими и безработными гитлеровцами происходит систематически и непрерывно. Это совершенно реальный процесс, который происходит за стеной так называемого «сокращения безработицы». Люди, до сих пор работавшие, становятся безработными и остаются ими; на их место приходят фашисты в порядке номеров партийных билетов. Члены национал-социалистской партии, имеющие билеты под номерами от 1 до 100 000, другими словами, основная фашистская гвардия, уже все без исключения изъяты из общей массы безработных и получили работу. За ними следует группа гитлеровцев, которая вступила в национал-социалистскую партию до 1932 г., далее члены национал-социалистской партии с 1932—1933 гг. и т. д. (гитлеровцы официально установили пять групп очередности). Эта тонкая прослойка гитлеровцев среди безработных получает не только монополию на каждое освобождающееся место, но также наиболее высокие ставки зарплаты.

Так, например, вся бюрократия новых гитлеровских профсоюзов, которая получает в виде жалованья свыше 4 млн. фунтов стерлингов в год, состоит исключительно из фашистов. Офицерский корпус трехмиллионной армии коричневых рубашек снабжается также очень щедро. И так до конца,

до самых вершин государственного аппарата. Новые гитлеровские бюрократы получают фантастические жалования: жалование провинциального губернатора (обер-президента) превышает 3 тыс. фунтов в год, оклады министров около 4 тыс. фунтов, жалование Геринга 7 тыс. фунтов. От армии безработных отделяется, таким образом, небольшая каста новой *гитлеровской аристократии* как необходимый противовес новым кастам полурабов и париев. Это — каста *надсмотрщиков* над всеми остальными кастами. Но это ничего не меняет в положении 4 млн. зарегистрированных безработных. Они идут навстречу своей судьбе. Эта остаточная армия безработных будет непрерывно сокращаться и дробиться, пополняя собой две остальные.

И когда Гитлер скажет, наконец, что в Германии нет безработицы, это будет означать, что остались только рабы и голодные. В этом — назначение и смысл фашизма.¹

Мы должны сделать вывод из нашего анализа гитлеровской операции «сокращения безработицы». Что произошло? Гитлер не уничтожил безработицы. Он не создал новой *работы*, если не говорить о некотором оживлении в производстве военных материалов и о росте высокооплачиваемой бюрократии фашизма. Он лишь *ампутировал* часть *безработных*. Он использовал отчаяние и нищету этих масс, для того чтобы привести их к еще большей катастрофе, для того чтобы отнять у них последнее — их относительную личную свободу. Он их унизил. Вместо хлеба он дал им еще более тяжелые цепи. Он превратил голодных безработных в голодных рабов и париев. Он искалечил их социально для того, чтобы приспособить их к новым суженным капиталистическим условиям существования. В этом основной смысл всего процесса, в этом историческая миссия, значение появления фашизма на сцене, в этом функция фашизма вообще.

То, что делает Гитлер, — это то, что призван сделать фашизм как мировое явление. Для этого он появился. Деградирование, социальная ампутация рабочего класса, для того чтобы уместить его в сузившихся границах капитализма на его последнем этапе, в момент его последнего кризиса, для того чтобы восстановить убывающую капиталистическую норму прибыли, — в этом состоит назначение и смысл фашизма.

Есть только две исторических возможности: приспособить рабочий класс и новые социальные силы, которые пробивают себе дорогу, к условиям умирающего капитализма, или же «приспособить» капитализм к требованиям этих новых социальных сил — другими словами заставить его умереть, свергнуть капитализм и уничтожить его. Тиссен это хорошо понимает.

Тиссен знает, что возможен только один выбор: или рабочий класс выбросит его из своего нового общества, или же ему удастся втоптать рабочий класс в свое старое общество. Он может этого достигнуть только посредством прыжка назад — к методам докапиталистической эры, к феодализму, и еще дальше — к эпохе рабства. Условия феодализма и рабства — но только для рабочего класса, а не для капитала! Капитал, как и раньше,

¹ Автор считает всю остальную часть этой главы одной из основных частей данной книги. — *Прим. авт.*

должен развиваться, идя по пути сверхкапитализма. Но для этого надо поставить рабочий класс в условия феодализма. Так возникает кажущееся несоответствие этой системы: сверхкапиталистическая верхушка и феодализованная масса внизу. Это последняя, отчаянная и бешеная попытка падающих титанов капитализма спасти себя и свою систему, себя и свою норму прибыли. Вот почему отменяется демократия и на смену ей приходит неофеодалистический фашизм. Тот, кто не понимает этого, ничего не поймет во всей современной политической обстановке; такой человек слеп. Именно поэтому рухнул в Германии либерализм с его партнером социал-демократией; именно поэтому пришел Гитлер; именно поэтому он начал по-своему разрешать проблему безработицы. И то, что делает Гитлер, повторит фашизм в других странах, если не будет остановлен противоположной силой — рабочим классом. Теперь для этого класса все поставлено на карту — жизнь, материальное положение, честь, культура, будущее. Если он не выступит и не остановит этого движения, — а остановить его, значит, уничтожить фашизм и вырвать его с корнем, — он потеряет все. Гитлер «переводит стрелку назад» — в невообразимо далекую и мрачную эпоху. Операция «ликвидация безработицы» только начало. Надо раз и навсегда твердо усвоить: *Гитлер уничтожает не безработицу, а безработных*. Он не создает новой работы, но ампутирует целые отряды из армии безработных. И второе: он делает это путем превращения безработных в низшую касту — в полурабов и париев. Вполне возможно, что в ближайшее время национал-социалисты объявят о полной «ликвидации безработицы». Это будет означать, что процесс деклассирования и деградации, процесс создания системы низших каст среди безработных уже закончен и что Гитлер может продолжать свой путь.¹

Но вот что очень важно: эта операция, которая проводилась на базе безработицы и ею была обусловлена, не ограничивается уже безработными.

¹ В цифрах баланс этой операции выражается следующим образом:

В миллионах	31/XII 1932 г.	31/XII 1933 г.
Общее число рабочих	20,5	20,5
Число занятых рабочих	12,0	13,3
Общее число безработных	8,5	7,2
Зарегистрированные безработные	5,8	4,1
«Невидимые» безработные	2,7	3,1
Падение числа зарегистрированных безработных	-	1,7
Увеличение числа «невидимых» безработных	-	0,4
Реальное сокращение числа безработных	-	1,3
Число безработных, переведенных в армии принудительного труда	-	0,8-0,9

В действительности число «невидимых» безработных (армия голодных), как уже указывалось, значительно больше, даже если не считать совершенно разорившихся мелких буржуа. Так, например, в этой таблице не принят во внимание ежегодный контингент новых (молодых) рабочих, которые пришли на рынок в 1934 г.; если учесть эту цифру, число невидимых безработных в гитлеровском государстве составило бы не 400 тыс., а на несколько сот тысяч больше.

Она распространяется на *весь* рабочий класс: также и на занятых рабочих. Вот каковы размеры и охват этого процесса! Уничтожение 8 млн. безработных становится только прелюдией, артиллерийской подготовкой к дальнейшему процессу, ибо здесь, в рядах пролетариата, самая база существования которого подорвана, Гитлер встретит первую линию, линию наименьшего сопротивления. Но главный огонь сейчас уже направлен против спинного хребта рабочего класса, против тех 13 млн., которые находятся еще у руля производственного процесса и, несмотря на кризис, сохранили свою силу. Они и сейчас представляют собой солидное классовое ядро пролетариата. План действий Гитлера несложен. Он не возвращает безработных, хотя бы и постепенно, в положение работающих, т. е. в лучшие материальные и социальные условия. Происходит обратное: армия работающих низводится по всей линии до уровня безработных и к ней приравнивается. Это вторая стадия: тот же самый процесс протекает теперь в других формах. То, что Гитлер делает с безработными путем их закрепощения, он делает с работающими двояким способом: путем *конфискации зарплаты и путем превращения фабрики в промышленную тюрьму*. Результат: полнейшая экспроприация и «роботизация» всей работающей части рабочего класса.

И в этом случае фашизм работает на основе математически точного расчета. Первый процесс означает систематический *обстрел* зарплаты, *снижение* зарплаты до рабского уровня. Вся политика зарплаты в нацистском государстве направлена к этой цели.

Занятые рабочие подчинены, однако, не государству, как подчинены ему безработные, а частным предпринимателям; наци не могут, стало быть, просто декретировать переход на рабскую оплату труда. Они должны осуществлять этот переход другими, обходными, средствами. Гитлер ведет непрерывный обстрел зарплаты по четырем направлениям; он откалывает от зарплаты часть за частью.

Первая часть зарплаты конфискуется еще до того, как она поступает к рабочему, посредством прямых *налогов*: в пользу казначейства, в пользу безработных, на нужды административного аппарата и на вооружение, на усиление средств больниц и корпораций и т. д. Это официальная принуди-

Все цифры взяты из официальных отчетов гитлеровских организаций (Бюро труда). Таблица показывает, что 60-70% всего числа получивших новую работу должны быть отнесены за счет новых армий принудительного труда. Этот расчет подтверждается некоторыми опубликованными материалами местных организаций о распределении новых занятых рабочих. Так, например, в округе Гюттесло, где наци ликвидировали «всех» (т. е. всех зарегистрированных) безработных, 51,8% этих новых занятых рабочих были завербованы в корпус «сельских помощников», а 11,4% в отряды рабочих «для особых заданий» или в «трудармии»; всего таким образом 63,2% новых рабочих. Далее, 10,4% в этом округе были лишены всякой возможности получить работу (сданы в «армию голодных» или заключены в тюрьму ввиду «нежелания или неспособности работать»). В результате только четверть общего числа безработных действительно получила новую работу либо за счет сокращения рабочего времени других рабочих, либо за счет того оживления, которое наблюдалось летом в некоторых отраслях военной промышленности. Этот пример характерен для национал-социалистских методов по всей Германии. — *Прим. авт.*

тельная дань государству. Германский рабочий уже и в прежнее время отдавал от одной седьмой до одной пятой доли своего заработка в форме «вычетов»; это была важнейшая статья государственного бюджета. Гитлер взвинтил эти налоги до сумасшедших, типично феодальных пределов: до одной четверти или одной трети всего заработка. Рабочий, который некогда отдавал республиканской бюрократии 15-20% своего заработка, отдает сейчас коричневой бюрократии на 10-15% больше. Он содержит не только всю финансовую машину на средства взимаемого с него налога на зарплату, он фактически не только оплачивает всю организацию новой армии безработных, голодные пайки крепостных рабочих в лагерях и в городах посредством нового увеличенного «страхового» налога; он не только финансирует вытеснение женщин из производства на средства, получаемые из специальных вычетов для неженатых, но и, кроме того, содержит всю национал-социалистскую аристократию, новую касту паразитов-надсмотрщиков, которая помыкает им же и взимает с него дань в свою пользу.

Номинальная зарплата германского рабочего	В % 100
Вычеты:	
Налог на зарплату	8-4
Страхование по безработице	5
Страхование здоровья	4-5
Страхование нетрудоспособности	2-3
Подушный налог («Бюргерштейер»)	1-2
Всего при республике	15-19
Нацистская «Помощь безработным»	2-3
«Брачное пособие»	2-3
Налоги в пользу корпорации около	2
«Зимняя помощь»	1
Взносы в нацистскую ФЗ организацию (НСБО)	1
Различные сборы ¹	2-3
Итого новые нацистские сборы	10-13
Всего вычетов	25-32

Мы исходили из самого скромного расчета. Размеры этих разнообразных сборов, особенно среди рабочих (в отличие от конторских служащих), сплошь и рядом фактически намного превышают наши показатели. Для некоторых районов к этому списку надо добавить специальные местные налоги, которые взимаются совершенно произвольно местными нацистскими властями.

¹ Эта категория включает разного рода «добровольные взносы» и налоги («Народная социальная помощь», «Программа предоставления работ», «Праздник жатвы», принудительная подписка на нацистскую литературу и т. д.). Отказ от уплаты этих сборов влечет за собой физическую опасность для упорствующего. — *Прим. авт.*

Так, например, в Пфальце власти взимают подушный налог в 2 пфеннига в день. Необлагаемый минимум дохода составляет в Германии 720 марок, во Франции он равен соответственно 1882 германским маркам, в Англии — 1782, в Австрии — 2000 и в Соединенных Штатах — 3733.

Таков типичный расчет зарплаты германского рабочего. Он недополучает по меньшей мере четверть заработка; при недельном заработке в 45 шиллингов (приблизительно 13 р. 50 к.) он отдает не менее 12 шиллингов (3 р. 60 к.). В некоторых случаях (берлинские ассенизационные предприятия) у рабочих секвестрируется даже *половина* заработка. Это уже не заработок свободного рабочего. Это — паек крепостного.

Обстрел продолжается. Вторая часть зарплаты конфискуется не так наглядно, но столь же неотвратимо — через перевод на низшие формы зарплаты. Для этого национал-социалисты применяют несколько способов. Безработные, которые занимают места увольняемых женщин, переводятся на пониженную «женскую» оплату труда. Так было в вестфальской текстильной промышленности; здесь женская норма сдельщины была принята за *основу расчета* зарплаты для всех новых рабочих-мужчин.

Другие группы рабочих переводятся на «производственную норму», которая автоматически понижается, если не достигнута некоторая определенная норма работы. Или же их переводят на комиссионное вознаграждение, которое уже введено на многих предприятиях вместо твердой зарплаты. Так, например, все сдатчики в берлинской оптовой газетной торговле получили вместо твердого еженедельного жалованья — десятипроцентное участие в выручке, что равносильно снижению зарплаты на 7-10 шиллингов в неделю. Нормы сдельщины снижаются прямо и открыто в среднем на 10%. «Женские нормы», «производственные нормы», «комиссионное вознаграждение» и сдельщина — все это только различные названия одного и того же процесса урезки зарплаты.

Третья линия обстрела. Еще часть заработной платы конфискуется не в форме денежных вычетов, а путем увеличения нормы физической эксплуатации, посредством выжимания большего количества труда при той же сумме оплаты. Время работы увеличивается сверх установленной нормы без какой-либо оплаты за переработку. Число нерабочих дней сокращено. У законные перерывы в работе теперь уже не оплачиваются. Темпы работы и нормы интенсивности взвинчены до крайности. Еще летом 1933 г. в гитлеровской Германии число рабочих, увеличенное только на 7,5%, производило промышленных изделий на 22,4% больше, чем год назад, и только 4% этого добавочного количества продукции оплачивалось дополнительно. Механизация и вместе с нею норма эксплуатации физического труда беспрерывно растут; темпы все более убыстряются; реальная зарплата за единицу работы снижается.

Четвертая часть зарплаты конфискуется не на фабрике, а на рынке, в результате повышения цен на продукты питания. Жена рабочего в декабре 1933 г. должна была платить за маргарин в 3 раза больше, чем в декабре 1932 г., т. е. накануне прихода Гитлера к власти, — за сало и салатное масло вдвое, за коровье масло, картофель и капусту в 1½ раза, за мясо и яйца на

20-30% дороже. Одно только повышение цен на маргарин, проведенное национал-социалистами в угоду юнкерам в среднем с 30 до 90 пфеннигов, означает экспроприацию очень значительной части семейного бюджета, которая должна быть покрыта за счет других потребностей. Надо сказать, что маргарин — один из самых важных продуктов питания в рабочей семье, потому что фактически рабочие других жиров не покупают. Цены на текстиль и, стало быть, на платье тоже возросли. Итак, на фабрике — обесценивание труда; за воротами фабрики — падение покупательной способности. Таковы тиски, в которых зажат рабочий в Третьей империи.

Весь этот процесс имеет только одно значение. Гитлер обстреливает зарплату точно так же, как он громит безработных. Он обстреливает с различных точек, ясно и незримо, на фабрике и на рынке, при посредстве государственного аппарата и чиновников, безостановочно и кажется беспредельно. Результат: первый год гитлеровского правления дал *сокращение реальной зарплаты германского рабочего* на 20-30%, а фактически, если сравнивать с докризисным уровнем, — наполовину. Средний недельный доход германского промышленного рабочего составлял в 1929 г. 42,2 марки, а в конце 1933 г. только 21,6 марки. Заработок сократился наполовину. Это не случайный конъюнктурный поворот, это социальный переворот.

Средняя зарплата в Германии упала в течение первых лет кризиса 1930—1932 гг. на 20%: с 102 до 80 пфеннигов за час для квалифицированного рабочего и с 80 до 63 пфеннигов для неквалифицированного. А сейчас в течение одного года вся армия занятых рабочих Германии спустилась еще на одну ступень ниже. Уровень зарплаты точно по команде падает в самых различных отраслях промышленности. В полиграфической промышленности недельный заработок линотиписта или квалифицированного рабочего другой специальности упал с 70-80 марок до 50-60, т. е. на 30% (мы говорим только о денежной зарплате, не учитывая сократившейся покупательной способности и усилившейся физической эксплуатации). На большом электротехническом заводе в Берлине (завод АЭГ в Трептове) часовая зарплата работников упала с 64-68 пфеннигов до 50-55, и только объявление стачки предотвратило дальнейшее снижение до 45 пфеннигов, т. е. в общем на 31%. На обувных фабриках в Пирмазенсе зарплата упала на 11%; зарплата продавщиц в магазинах сократилась на одну четверть (150 марок вместо 200 на особо высокооплачиваемых должностях). То же самое происходит в горной и строительной промышленности, на городских предприятиях и на химических заводах. Ни одна профессия не сохранила прежнего уровня зарплаты, если не говорить о жаловании национал-социалистских гвардейцев. Так создается новый германский уровень зарплаты, — самый низкий за целое столетие. Доход германского рабочего класса отброшен одним ударом к той эпохе, когда еще только начинался расцвет современной промышленности (приблизительно 1885 г.). Все завоевания целого периода борьбы рабочего класса зачеркнуты. Германский рабочий переведен на уровень китайского кули.

Мы говорили о сократившемся вдвое недельном заработке, дошедшем до 21,6 марок. Но это — статистическая средняя. 26% германских рабочих

получают уже не больше 12 марок в неделю; 22% — от 12 до 18 марок¹. Гитлер бомбардирует зарплату. Это и есть подлинное и самое глубокое продолжение национал-социалистской революции. Зарплата — материальная база и основной показатель всего культурно-бытового положения и социальной независимости рабочего класса. Если она падает, значит, падает и социальная независимость класса. Независимость превращается в зависимость, эмансипация — в *деэмансипацию*. По этому пути идет германский рабочий при Гитлере. Его бюджет уже сейчас на 44% ниже нормального прожиточного минимума². Он постоянно голодает, но едва ли живет лучше, чем безработный, получающий пособие³. Грань между обеими этими пролетарскими армиями все больше стирается: наличие работы становится чисто формальным отличием, потому что обе группы работают и обе голодают. Нет больше современного рабочего, который до некоторой степени избавлен от голода и иногда пользуется некоторыми благами цивилизации. Теперь в Германии достигнут уровень кули; в некоторых случаях рабочие опустились даже ниже и этого уровня. Для рабочих начинается период рабочего труда. Первая часть гитлеровской деэмансипационной операции, бомбардировка зарплаты, сделала свое дело.

Одновременно Гитлер идет к этой цели еще и другим путем. Он подрывает другое основание независимости рабочих, их относительную свободу *выбора работ*, их самостоятельность на фабрике. Он делает теперь второй шаг, который должен уже *юридически* поставить работающего рабочего на один уровень со всей армией безработных, рабов и париев. Он прикрепляет рабочего к определенной фабрике, как он прикрепил безработного к лагерю принудительного труда. Новая нацистская хартия труда от 20 января 1934 г. ликвидирует свободную фабрику и все права рабочих, которые были завоеваны в XIX и XX вв. Она ставит на место этой фабрики принудительную трудовую колонию. Теряют свою коллективную свободу и служащие. Наниматель становится собственником служащих. Он отныне не просто участник коммерческого дела, а «вождь предприятия». Он не только собственник машин, но и повелитель всего персонала. Служащие становятся «подчиненными», т. е. верноподданными⁴ без каких-либо прав. Они обязаны работать и повиноваться.

¹ Это обнищание характеризуется также падением общего национального дохода. Даже по гитлеровским приукрашенным данным национальный доход за первую половину 1933 г. упал на 400 млн. марок по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года. Доход от налога на зарплату также беспрерывно падает, хотя безработица, как известно, «ликвидируется». — *Прим. авт.*

² По вычислениям хорошо известного статиста Кучинского (прожиточный минимум семьи с двумя детьми). — *Прим. авт.*

³ Характерен в этом случае пример рабочего на большом химическом заводе: его заработок за рабочую неделю в 48 часов только на 2 марки выше, чем пособие безработного, но для того чтобы попасть на место работы, он должен (кроме того), тратить на транспорт 2,8 марки в неделю. — *Прим. авт.*

⁴ «Подчиненные должны в своих отношениях к вождю проявлять верность и преданность, которая объединяет все фабричное содружество» (Закон от 20 января 1934 г.). — *Прим. авт.*

Это не что иное, как перенесение принципа принудительного труда в сферу частной промышленности. Хозяин управляет фабрикой, как лагерем невольников. Он назначает надсмотрщиков — «доверенных лиц предприятий» (фертрауенсменнер), которые должны заменить прежние выборные рабочие заводские комитеты. Он «решает для подчиненных все вопросы, касающиеся жизни предприятия» (подлинные слова закона). Он диктует правила внутреннего распорядка, часы работы и зарплату. Он определяет наказания и взыскания за недовыработку и за плохое поведение. Он отвечает только перед «уполномоченным труда» — верховным надсмотрщиком всей области, который назначается гитлеровским правительством. Рабочие не могут выступать как независимая группа; все независимые органы рабочих — заводские комитеты, рабочие делегаты при переговорах о зарплате, стачечные комитеты — исчезают, как исчезли до того политические партии и профсоюзы, которые держали в своих руках подступы к фабрике, ключевые позиции класса. Власть собственника фабрики и его надсмотрщиков неограничена. Всякий, кто посмеет сопротивляться, кто откажется повиноваться господину, попадает под суд — особый фабричный суд — и в тюрьму (об этом говорится в особом параграфе гитлеровской хартии труда).

Новый фабричный феодализм получает теперь таким образом и суверенную юрисдикцию.

Вторая гитлеровская операция против рабочих, занятых на производстве, дополняет первую операцию против безработных. К трудовым лагерям присоединяются фабрики-тюрьмы, к живой пирамиде рабов — армия роботов в кандалах. Совместно они образуют нижний «круг» гитлеровской империи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Куда идет Гитлер?

(Неофициальная внешняя политика)

I. Континентальный план Тиссена

Внешняя политика Гитлера — величайшая из его тайн. Это единственная в своем роде заговорщическая система, которая не имеет ничего общего со старой германской политикой Вильгельмштрассе. Официальное министерство иностранных дел, министр иностранных дел фон Нейрат, статс-секретарь фон Бюлов, старые послы и дипломаты служат теперь только ширмой, за которой скрывается настоящее руководство внешней политикой Германии. Ничто в Германии, даже ее военная организация, не оберегается так ревниво от взглядов внешнего мира, как новая организация для внешней политики. Это понятно: именно здесь скрываются настоящие корни и движущие силы национал-социализма. Мозг этой системы, ее вдохновитель, который разрабатывает сам все планы, — бывший русский подданный Альфред Розенберг. Практически осуществляет эти планы нелегальная международная организация, берлинский штаб, который носит название «Отдел внешней политики Германской национал-социалистской рабочей партии». Идея, которая положена в основу всей этой системы, работающей с огромными затратами энергии и с математической точностью, — план Северной, Восточной и Центральноевропейской империи, план, который был стержнем всей германской истории в продолжение последних трех десятилетий, который бросил Германию в мировую войну и во имя которого Гитлер совершил свою «национальную революцию».

Этот план не фантазия утопистов, а закон, категорический императив, который продиктован всей капиталистической структурой современной Германии. Его автором и законодателем являются не романтические германские профессора и фанатики, а Рур, этот гигантский резервуар сырья и машин на Рейне, сердце целого континента; Рур, в котором сосредоточены важнейшие и крупнейшие производительные силы Германии, Рур, который готов лопнуть от избытка собственной энергии. Это зрелище огромного, почти вулканического величия. С тех пор как уголь побратался с железом и создал *германскую тяжелую индустрию Рура*, возник центр энергии огромного напряжения и интенсивности; он притягивает, пронизывает и электризует все вокруг себя. Этот центр энергии в процессе своего политического и экономического развития фактически создал всю совре-

менную послебисмарковскую Германию. Он превратил ее из отсталой крестьянской страны в кипучую и грозную империалистическую державу. Он спаял многочисленные, разрозненные маленькие германские государства в единый таможенный союз. Он создал первые великие промышленные династии Круппов, Тиссенев, Стинесов, Ганиелей, Штуммов, которые держали на своих плечах государство Вильгельма II. Он способствовал развитию современного германского финансового капитала, могучих Д.-банков (Дойче банк, Дисконто-Гезельшафт, Дрезднер банк, Данат банк), которые вели борьбу с Трагмортон-стрит¹; эти банки выросли на средства Рура. Он создал ту цепь новых германских трестов, которые поставили Германию в один ряд с Америкой, с ее Морганами, Карнеги, Рокфеллерами и Меллонами. Он создал германскую внешнюю торговлю, которая подорвала и частично ослабила давно установившуюся внешнюю торговлю Англии. Он толкал вперед германский торговый флот, германскую электротехническую промышленность, германскую машиностроительную и химическую промышленность, и они стали ведущими в мире. Каждый атом энергии, который выбрасывал Рур, становился новой динамической силой, новой колонной в рядах наступающей Германии, новой частью той агрессивной империалистической машины, в которую превратилась теперь вся страна и которая неудержимо толкала ее народ на борьбу со всем миром. Вышло так, что Рур должен был взять на себя еще и другую функцию: он создал германскую внешнюю политику. Если раньше он стал тем, чем были для Англии Манчестер, Шеффилд, Уэльс и Сити вместе взятые, то теперь он должен был стать для Германии Форин-офисом и Адмиралтейством одновременно. Для того, чтобы проложить путь *за границу* для своей энергии и для энергии тех отраслей промышленности, которые перерабатывали или транспортировали его сырье, он создал германскую колониальную политику. Он вел наступление на всех фронтах. Он руководил германской экспансией на Балканах. Он посылал германские войска в Африку и на Дальний Восток, он неофициально завоевал Турцию для Круппа и Дойче банка. Он строил Багдадскую железную дорогу; он вел интриги в Персии, а в Индии и Египте продвинулся до ключевых британских позиций. Он засматривался на огромную и богатую Россию. И для того, чтобы вооруженной рукой расчистить путь для своей экспансии, он создал страшную германскую военную машину — германскую армию и флот, для которых Крупп поставлял пушки, Штумм — броню, а Стинес и Тиссен — политическую линию.

В 1914–1918 гг. тяжелая индустрия Рура сделала попытку добиться своих окончательных целей и из экономического центра Германии стать экономическим центром и повелителем мира. В течение четырех лет капиталистический вулкан на западе Германии изрыгал вместо орудий производства орудия разрушения. Он заставил 2 млн. немцев, лучшую часть взрослых мужчин, отдать жизнь за политику угля и железа. Когда в результате этой политики он

¹ Т. е. с английским капиталом: на Трагмортон-стрит в Лондоне находятся правления крупнейших английских банков. — *Прим. ред.*

погубил свою страну и послал ее в Версаль, это было для Рура только пере-рывом, только началом новой фазы в продолжающейся борьбе.

Эта фаза началась оборонческой дипломатией «пацифистской Веймарской республики» и должна была раньше или позже закончиться новым наступлением. Так была создана почва для национал-социалистской Германии. Становилось неизбежным, что на смену Штресеману и Брюнингу придут Тиссен — Гитлер — Розенберг с их новой внешней политикой.

Надо помнить, что 20 лет, прошедшие с 1914 г., ничего не изменили в экономической природе и в программе Рура, хотя и заставили его на время перейти к другой тактике. Рур, германский центр тяжелой промышленности, не только сохранил, но и удвоил свое техническое вооружение и свою экономическую силу. Рур в своей беспримерной агрессивности вверг всю страну в своего рода пароксизм. Это основной пункт, без учета которого нельзя понять современной германской политики. Принадлежащие Тиссену механические силы толкают его же самого на новое грандиозное выступление в мировой политике. Если он не подчинится, эти же силы взорвут самого Тиссена (именно в этом причины великого германского кризиса последних лет, — в частности, кризиса тиссеновского Стального треста, о котором мы говорили в главе I); а силы Тиссена толкают вперед силы Гитлера.

Почему так случилось, что Рур в 1933 г. еще сильнее требует экспансии, еще более динамичен, а стало быть еще более агрессивен во внешней политике, чем в 1914 г.? Это обусловлено тремя переменами в структуре тиссеновской системы.

Эта система покоится на двух основаниях: уголь и железная руда. После войны Тиссен контролирует однако только уголь; руда ушла. Это значит, что все здание постоянно находится под угрозой. Естественный источник железной руды для Германии — богатые месторождения Лотарингии: лотарингская «минетта»¹ — отлично шихтуется с рурским углем. Отход Лотарингии к Франции, отход железной руды от Рура потряс все здание германской тяжелой промышленности. Со времени изобретения Бессемером и Томасом новых методов производства стали уголь в соединении с железной рудой стал мировой державой, но уголь без железной руды — грозная опасность. Германия не может, как может, например, до некоторой степени Англия, продавать значительную часть своего угля в виде сырья и перевозить его в качестве балласта на своих судах. Вся экономическая система Германии основана в первую очередь на *металлургической* утилизации угля, на производстве *стали* — для военной промышленности, для электротехнической промышленности, для ж.-д. строительства, судостроения и других механических отраслей промышленности, в которых Германия завоевала решающие позиции на мировом рынке. Но без железной руды, без сталелитейного производства германский уголь — бессильный гигант. Могучие «вертикальные» концерны рурских королей, которые начинаются с угольной шахты, а заканчиваются машиностроительными и электротехническими предприятиями, без собственной базы железной руды находятся как бы в блокаде. Они не могут беспре-

¹ Руда с невысоким содержанием железа. — *Прим. ред.*

пятственно развиваться. Они не могут экспортировать свои товары в обмен на долгосрочные обязательства, потому что цена на сырье зависит не от них. Они не смогут в случае войны дать сталь для пушек.

Но это еще не все, это еще только начало. Германская тяжелая промышленность потеряла с Лотарингией не только свою базу железной руды; она передала эту базу своему смертельному врагу. Больше всех в мире, если не говорить о большевиках, Рур ненавидит и боится французских стальных королей Лотарингии — господ из «Комите де форж». Они — капиталистические антиподы угольных королей Рура. Тиссен — прямой конкурент де Ванделя, крупнейшего французского производителя стали (его состояние — 8-10 млрд. франков). Крупп в течение десятилетий воевал с Шнейдер-Крезе за господство на международном пушечном рынке. Оба гиганта расположены друг против друга, они разделены только политической границей. Оба производят одни и те же изделия; оба претендуют на одни и те же рынки экспорта. Оба имеют за собой колоссальные политические и финансовые силы. Однако, тогда как Рур, опираясь на уголь, дерется за железо, Лотарингия, опираясь на железо, дерется за уголь. Тиссен и Крупп нуждаются в лотарингской железной руде, де Вандель и Шнейдер-Крезе точно так же нуждаются в рейнско-вестфальском коксе. Они делают одно и то же, но в противоположных направлениях. В этом корень великой *тиссеновской* вражды с Францией: владельцы угля выступают против владельцев железа. Победитель поглотит противника и завоюет безраздельное господство над европейской стальной промышленностью. А это означает и промышленное и военное господство на континенте, это — мечта жизни Тиссена.

Но «эти господа в Лотарингии» забрали у Тиссена не только железную руду. «Комите де форж» не только конфисковал лучшие месторождения и лучшие сталелитейные предприятия германских концернов в Лотарингии — заводы в Гагендингене (собственность Тиссена), Дифердингене (Стиннес), в Ромбахе (Штумм) и др., которые стоили сотни миллионов марок, а сейчас составляют часть французских концернов («Арбед», «Гадир», «Норд», «Л'Ест», «Марин э де Омекур» и др.). «Комите де форж» развил на основе этих приобретений новую мощную французскую стальную промышленность, которая готова проглотить Рур с его углем — точно так же, как в свое время Рур собирался проглотить Лотарингию! Круг замкнулся. Тиссен готов поставить на карту самое существование Германии, лишь бы отвести этот удар.

Стальная продукция Франции составляла до войны 4,7 млн. т, т. е. четверть германской продукции, которая составляла 18,6 млн. т (в 1931 г. она составляла уже 7,7 млн. т, почти столько же, сколько германская — 8,4 млн. т), Лотарингия наступает на Рур. И в то же время «Комите де форж» ведет правильную осаду германского угольного синдиката. Он, во-первых, все время гонит вверх цены на железную руду, за которую должна платить Германия. Де Вандель, Лоран, Кювелетт, Дрие и другие французские железные магнаты не только монополизировали всю лотарингскую руду; они систематически «объединяются» с другими крупными мировыми производителями железа, чтобы поставить Германию перед лицом единой международной железной монополии. Французские концерны (в первую очередь «Асьери де ля Ма-

рин э де Омекур» и группа Теодора Лорана) заключили соглашение со шведским металлургическим трестом Гренгесберг, вторым по значению поставщиком железной руды в Германию, и с голландским железным королем Креллером, который владеет богатейшими, еще мало исследованными месторождениями в Марокко и Алжире. Парижский дом братьев Лазар (директор Даниель Серрьеус еще недавно руководил французской торговой политикой) организует все эти соглашения, которые должны совершенно изолировать германского покупателя. Тиссен и его друзья пытаются отвести от себя эту угрозу, скупая неисследованные железные рудники во всем мире — в Северной Швеции, в Норвегии, в Лапландии, Чили и в Испании; они вкладывают большие капиталы в очень рискованные предприятия. Но это не решает вопроса. Уже в 1911 г. железная руда (знаменитый марокканский кризис в связи с концессиями братьев Маннесман) едва не ввергла Германию в войну с Францией. Во время мировой войны 1914—1918 гг. требование Тиссена и Стиннеса об аннексии Брие и Лонгви во французской части Лотарингии было важнейшим фактором всей германской военной программы; во имя него Людендорф, Гинденбург и полковник Бауэр из германского генерального штаба каждый раз повторяли свое требование о продолжении войны до конца. А сейчас Франция начала железную блокаду Германии, и в этом кольце уже задыхается Тиссен.

Но Франция идет еще дальше; она пытается отрезать от Германии ее источники угля. «Комите де форж» держит в своих руках Саарскую область и систематически переводит французские сталелитейные предприятия с уругского кокса на саарский. При французской администрации саарский уголь стал составной частью лотарингской стальной промышленности; соответственно сократились заказы французской стальной промышленности на германский уголь. В то же время де Вандель, Крезе, Лоран и Кювелетт развивают угольную промышленность на севере Франции и на Луаре; они уже участвуют своими капиталами в эксплуатации бельгийско-голландских угольных бассейнов (Кампин, Лимбург) и польских угольных бассейнов в Верхней Силезии и Домброве. Это — вторая атака непрерывно растущего лотарингского стального концерна на Эссен и Дюссельдорф, на самое сердце тиссеновской системы.

Третья атака ведется непосредственно на германские сталелитейные заводы, на промышленные изделия Рура. Уже создан европейский синдикат, который объединяет почти все крупнейшие сталелитейные предприятия континента для совместного регулирования производства и экспорта (так называемый Континентальный стальной картель). Внутри этого картеля «Комите де форж» организует единый фронт всех национальных групп, чтобы сократить производственные и экспортные нормы Рура и задушить тиссеновское и крупновское производство стальных изделий. Те же самые люди, де Вандель и Крезе, фактически контролируют всю бельгийско-люксембургскую стальную промышленность, третью по значению промышленность этой специальности на континенте. Они тесно связаны со всеми крупнейшими предприятиями в этих странах, как «Арбед» и «Гадир» в Люксембурге, «Угрэ-Маригей» и «Кокерилль» в Бельгии (группы «Сосьетэ

женераль де Бельжик»). В Польше Шнейдер-Крезо контролирует металлургические предприятия Гута Банкова; в Чехословакии — могущественный оружейный концерн Шкоды и Пражский стальной трест; в Австрии косвенно — значительную часть сталелитейных заводов «Альпинемонтан»; в Румынии вместе с некоторыми английскими фирмами Шнейдер-Крезо контролирует фирму вооружений «Резита» и т. д.

В результате рурская тиссеновская группа оказалась как бы в тисках. На каждой конференции европейского стального синдиката Тиссен делает попытку добиться повышенных квот для германского производства и экспорта. Лотарингия в каждом таком случае накладывает свое вето, а с ней все ее вассалы. Тиссен не может уйти из европейского картеля. Это привело бы к настоящей войне всех против всех. И он первый должен был бы принять на себя концентрическую атаку американской и английской стальной промышленности. Вторжение Америки и Англии на незащищенный европейский рынок — страшная опасность, перед которой меркнет все остальное: Тиссен поэтому не может идти на срыв континентального соглашения. Но он не может также бесконечно отступать перед Францией. Слишком велики его производительные силы; его уголь нуждается в рынках; его гигантские стальные предприятия и сверхмощные машины должны приносить прибыль и оплачивать амортизацию. Он должен освободиться от этих цепей, он должен расчистить себе путь любыми средствами, во что бы то ни стало. Он должен прорвать кольцо французской блокады. А Тиссен знает, что эта блокада еще не выполнила своего стратегического задания. Тиссен знает, что конечная цель «Комите де форж» не изоляция, но *захват, завоевание* Рура — при помощи изоляции или путем политической военной кампании. Тиссен не забыл, что в 1923 г. Франция чуть было не захватила навсегда Рурскую область с ее тяжелой промышленностью. Германский угольный синдикат мог превратиться в отделение «Комите де форж», а Тиссен — стать одним из вице-директоров у де Ванделя. Тиссен хорошо знает, что его французские коллеги не оставили еще мысли о поглощении Рура Лотарингией и об организации единого французского стального блока на континенте. Он и Крупп точно так же никогда не оставляли надежды захватить Лотарингию. Тиссен знает, что в Брие и Лонгви ждут только благоприятного случая, удачной политической обстановки, какой-нибудь еще заминки в Германии, чтобы повторить операцию 1923 г. И главное: на этот раз Франция не уйдет из оккупированной зоны! Это для Тиссена смерть. Он должен, стало быть, наступать на Францию, чего бы это ни стоило, по каким бы путям наступление ни шло. Поэтому внешняя политика Тиссена — это прежде всего политика борьбы с Францией.

Но этим империалистическая программа Рура в последний период не ограничивается. Если уголь, железная руда и сталь толкают Рур на борьбу с Францией, энергия тех сил, для которых Рур служит основным источником *сырья*, толкает его еще дальше. Рур в наши дни — огромный промышленный комплекс, от которого зависит все германское народное хозяйство. Тяжелая промышленность питает машиностроительную промышленность, электротехническую, паровозостроительную промышленность, судострое-

ние, торговый флот, банковский капитал. Она снабжает их сырьем или материалами для перевозок и финансовых операций, и поэтому она заинтересована *в рынках*, как они сами. По мере того как растет Рур, растет и вся система промышленных надстроек, растет и ее потребность во власти. Рур должен удовлетворить эту потребность. В самой Германии он может удовлетворить ее лишь в очень слабой степени. Германская машиностроительная промышленность может продать только треть своей продукции внутри страны, электротехническая — несколько больше. Рур должен поэтому открыть или пробить путь на мировой рынок для всей этой системы, которая *очень выросла* со времени окончания войны. Он может добиться этого лишь в ожесточенном состязании с другими странами, которые производят и экспортируют те же товары, — в первую очередь, с Англией и Америкой. Франция и Лотарингия — великие соперники Германии в отношении сырья — железной руды, угля и железа, но Рур имеет могущественных соперников также на рынке готовых фабрикатов: Шеффилд, Питтсбург, Токио, Москву. Он должен прорваться на те рынки, которые эти промышленные центры уже успели создать себе — *в Британскую империю, в панамериканскую систему США и в восточно-европейскую систему России*. Рур должен либо попытаться отбить у них клиентов, т. е. заняться демпингом, обходить таможенные барьеры, заключать специальные торговые соглашения; либо создать свою новую систему рынков, которая не уступала бы по емкости рынкам его соперников. Рур делает и то и другое.

Он заставляет германскую промышленность вывозить товары во все страны по очень низким ценам: он конкурирует с машиностроительными и паровозостроительными предприятиями Питтсбурга и Нью-Йорка в Южной и Центральной Америке, с британскими экспортерами — в Индии, Китае, Южной Африке, с Оуэном, Юнгом и сэром Хьюго Херстом («Дженерал электрик компани») — в России и на Балканах, с британскими судостроителями — в Испании и в Северной Европе, с Виккерс, Вифлеемской стальной корпорацией и Мицуи — в Турции, в Мексике и на Дальнем Востоке (разорительная война из-за сбыта излишков угля, которую в течение многих лет ведет Рур с угольными экспортерами Уэльса и Нортумберленда, — один из эпизодов этой кампании). Он пытается заключить договоры о «наибольшем благоприятствовании» с правительствами Южно-Африканского Союза, Австрии, Аргентины, а также с правительством Советского Союза.

Но важнейшая задача заключается в том, чтобы создать для Германии свою особую коммерческую сферу, свою собственную систему рынков, которая должна быть так же защищена извне и так же внутренне едина перед лицом заграничных конкурентов, как британский союз доминионов и колоний или новая японская империя в Восточной Азии. Есть только одна зона этого рода для Германии, только один путь — через Центральную Европу на Ближний Восток. В течение десятилетий Рур считал эту зону своей собственностью, своей империей. Эта зона уже до войны заставила Германию и Рур провозгласить знаменитую «среднеевропейскую доктрину» — в противовес панамериканской доктрине и доктрине британского

«содружества народов». Этот план заключается в том, чтобы сделать покупателями германских товаров миллионы балканских крестьян и жителей Ближнего Востока вплоть до Египта и Индии с их «девственными», неразвитыми потребностями. Для этого Тиссен, Крупп и Дойче банк строили Багдадскую железную дорогу; для этого Вильгельм II изобрел «балканскую политику» тройственного союза; для этого фон дер Гольц и Лиман-паша колонизировали Турцию.

Эта же зона сейчас, как и до войны, неотразимо манит королей Рура. Тиссен и Крупп снова на том же пути. Возрождается «доктрина Центральной Европы». Германская тяжелая индустрия идет снова по тому же маршруту, который привел к 1914 г.

Австрия экономически колонизируется, подвергается политическому подкору с целью национального «братского объединения» с Германией в политическом отношении; это потому, что Вена и Дунай — первые ворота к Ближнему Востоку. Отсюда первая попытка заключить таможенный союз с Австрией в 1930 г. Постепенно втягивается в ту же орбиту Венгрия. В Болгарии, Румынии и Югославии германская тяжелая промышленность вместе с банками занимает решающие экономические позиции (Отто Вольф — Крупп — Гольцман), конкурируя с Францией и американцами, строит новую сеть железных дорог в Малой Азии. Дойче банк уже представлен в директорате анатолийской ж.-д. компании, а Сименс и АЭГ, короли германской электропромышленности и субагенты Рура, снабжают новые города Малой Азии современным электрооборудованием. В Персии тот же синдикат Гольцман — Вольф строит большую сквозную железную дорогу от Каспийского моря к Персидскому заливу — первую большую железную дорогу в Центральной Азии, которая ведет непосредственно к британской сфере влияния (нефть, аэродромы) в Персидском заливе. Германская фирма Юнкерс уже захватила в свои руки воздушные сообщения Персии, а германские банкиры — персидские финансы. В Месопотамии синдикат Отто Вольф — Крупп — Тиссен — Ганиель заставил англичан предоставить ему долю участия в строительстве нового нефтепровода (Моссульский синдикат).

Это только начало, но сама идея и методы ее осуществления не новы; ничего нового не обещают и перспективы. Рур снова ведет старую политику Багдадской железной дороги, Тиссен продолжает дело Дойче банка. Опять: «Да здравствует Срединная Европа»¹. Он никогда не откажется от этой идеи. Так же, как на западном фланге он борется против Лотарингии, так на восточном он должен бороться за Центральную Европу — все равно с кем, все равно какими средствами. Вся тяжесть рурского блока и его надстройки, вся тяжесть германского хозяйства давит на него и толкает его с большой силой, чем когда-либо, на завоевание Востока.

Но тяга в Лотарингию и тяга на Восток — только *усиленное повторение*

¹ Лозунг создания Срединной Европы, т. е. союза государств Центральной Европы с Германией в качестве господствующей державы, был выдвинут Фр. Листом, В. Науманом и другими теоретиками германского империализма в годы войны 1914–1918 гг. — *Прим. ред.*

старого империалистического наступления Рура. В послевоенной Германии есть кроме того и *третья* капиталистическая сила, которая вносит в дело новые требования и новые стремления. Дело в том, что наряду с *естественным* Руром, который опирается на уголь, в сегодняшней Германии существует еще и другой, искусственный, или *синтетический Рур*: химический блок Лейны в Центральной Германии. Это — новый комплексный гигант химической промышленности «И.Г. Фарбениндустри», расположенный в нескольких часах езды от Берлина. Лейна — тот же Рур, но с удвоенными возможностями и утроенными темпами. Если потребовались десятилетия для превращения угольного комплекса Рура в гигантскую германскую тяжелую промышленность, то химический комплекс Лейны прошел тот же путь в несколько лет и создал уже целую систему новых отраслей промышленности — промышленность искусственного бензина (дистилляция угля), промышленность искусственных удобрений (азот из воздуха), промышленность искусственных тканей (шелк из целлюлозы), искусственный каучук, искусственные краски и т. д. Задача, которую долго и упорно разрешал Рур, извлекая из земли естественные ресурсы, разрешается в Лейне при помощи синтеза, химического *воссоздания* естественных ресурсов. В результате эта новейшая промышленность (важнейшие химические машины и приборы «И.Г. Фарбениндустри» сконструированы и установлены главным образом во время и после войны) начинает свою мировую экспансию. Производственные возможности германского химического треста опережают мировой спрос на синтетические товары, технические усовершенствования опережают рост производства. Новые гигантские угольные компрессоры, которые передают по трубам искусственный бензин, заставляют германский химический трест выступать на рынках в качестве конкурента других поставщиков нефтяных продуктов, других трестов: Шелл, Стандарт-Ойл и бакинской нефтяной промышленности. Лейна в ближайшее время будет производить в год два миллиона тонн искусственного бензина из угля. Далее: добывая азот из воздуха, химический трест вступает в борьбу с чилийской селитрой, нитратом углерода и т. д. Огромные количества дешевого искусственного шелка, которые рождаются в его ретортах, создают угрозу старому царству короля-хлопка и всей дальневосточной торговле шелком. Германский трест «И.Г. Фарбениндустри» с его миллиардами капитала, его армией в 130 тыс. рабочих (до кризиса, по сравнению со 175 тыс. рабочих тиссеновского Стального треста в то время), его разными видами участия в предприятиях других отраслей промышленности, его влиянием на банки, его сетью филиалов во всем мире уже сейчас опережает германский Стальной трест. Он уже сейчас несомненно гораздо сильнее и влиятельнее, чем британский химический трест Империял кемикл индастриз, — а в техническом отношении сильнее, чем гигантские предприятия американского химтреста Дюпон де Немур.

Лейна по логике вещей должна пойти по тому же *империалистическому* пути экспансии, по которому шли до нее Рур и Тиссен. Экономическое давление химических аппаратов, гигантских резервуаров, гигантских компрессоров (в отношении необходимости уплаты процентов и в отношении

амортизации) столь же тяжело, если не тяжелее, чем давление врубовых угольных машин, подъемников и доменных печей Рура. Результат: Лейна *присоединяется* к той империалистической экспансии, которую ведет Рур.

С точки зрения интересов финансовых кругов это в сущности одно и то же движение. В настоящее время германский химический трест и германский угольный и стальной трест, Тиссен и Дуйсберг, руководитель «И.Г. Фарбениндустри» теснейшим образом связаны между собой. Это — единое целое. Правая рука Дуйсберга, финансовый директор «И.Г. Фарбениндустри», Шмитц входит в состав директората тиссеновского Стального треста, а химический трест владеет многими миллионами акций Стального треста. Это объясняется очень просто, даже если не говорить о естественном экономическом и политическом тяготении друг к другу этих гигантских капиталистических организаций. Лейна заменяет естественные продукты синтетическими продуктами, но для этого синтеза она нуждается в естественном сырье. Этим сырьем в большинстве случаев является уголь. Без угля не может быть синтеза и не может существовать химический трест. Но уголь — у Тиссена. Химический трест имеет, правда, свои собственные месторождения бурого угля в Центральной Германии. Этих запасов, однако, недостаточно, химический трест нуждается в вестфальском угле. Было время, когда химический трест сделал попытку добиться независимости от Тиссена и скупки акций угольного концерна (Рейншталь), который принадлежал тиссеновскому комбинату. Тиссен ответил на это решительным контрударом. Он пригрозил, что будет сам производить бензин из угля и построил даже новую фабрику синтетических продуктов на Руре. Это имело результатом полнейшее примирение и даже сближение между магнатами угля и химии. Рур и Лейна сейчас фактически *единая* держава. И если Рур должен вести атаку на Европу, на весь мир, то и Лейна толкает Рур в том же направлении.

Таково положение Тиссена. Оно — неизбежный результат огромного сосредоточения капиталов, которые не были сокрушены, как народ Германии, мировой войной и уже опять готовы сокрушить народ, чтобы найти выход для своей экспансии. Тиссен — только представитель и выразитель стремлений этого капиталистического блока, как Якоб Гольдшмидт¹ до него, как Стиннес — до Якоба Гольдшмидта. Рамки современной Германии тесны для Тиссена. Ему нужен целый континент, чтобы удержать свои позиции против Франции, против Англии, против Америки, против Советского Союза.

Так возник великий континентальный план Тиссена.

Этот план очень прост — это только совокупность тех отдельных тенденций и движений, которые вытекают из капиталистической динамики его предприятий. План этот велит, чтобы Германия из сравнительно небольшой области на континенте превратилась сама в континент и установила свою власть над континентом. Германии необходимы *все* сырье и *все* ресурсы континента — лотарингская руда, бельгийский и голландский уголь,

¹ Один из крупнейших банкиров в Германии. — *Прим. ред.*

стальные предприятия Западной и Центральной Европы, балканская медь, металлы французских колоний в Северной Африке. Германия должна безраздельно господствовать на всем внутреннем рынке европейского континента — на внутренних рынках каждой из континентальных стран, на крестьянских рынках Дуная и Северной Европы, в великой украинской зоне, на подступах к Ближнему Востоку. Германия должна располагать всеми ликвидными финансовыми ресурсами континента для того, чтобы финансировать свою экспансию. Германия должна создать континентальный таможенный союз, чтобы добиться завоевания и раздела Советского Союза, другими словами, Германия должна стать континентом.

Рур, который сделал Германию национальным государством, должен сделать ее континентальной империей. Таков в общих чертах континентальный план Тиссена.

А для того, чтобы провести в жизнь это континентальное наступление наполеоновского стиля, был вызван на сцену Гитлер — после Ратенау, Штресмана и Брюнинга, которые руководили политикой Германии в период дипломатической обороны. Так началась великая метаморфоза. Движущие силы угля, железа и химии воплотились в отрядах СА, СС и Стального шлема. Рурский проект континентальной империи стал проектом «Германской национал-социалистской империи». Внешняя политика Тиссена стала внешней политикой Розенберга.

II. План Розенберга

*(Проект Северной центральноевропейской
национал-социалистской империи)*

Только Гитлер и его *национал-социализм могут осуществить континентальный план Тиссена*. Это — основной решающий факт, который обусловил все недавние события в Германии. Лишь тогда, когда мы поймем связь между этими фактами, отношение причины и следствия между внешней политикой Рура и природой гитлеризма, мы поймем также, почему Гитлер должен был прийти к власти в Германии и почему он мог прийти только так, как это случилось на самом деле. В гитлеризме нет ничего случайного. Его необузданность, его жестокость, чудовищность его претензий, загипнотизированные массы, бесшабашная расовая «философия», которая переходит все границы, воинственный пангерманизм — все это было неизбежно, потому что только это делает гитлеризм адекватным политическим выражением тиссенизма. Без Тиссена не было бы Гитлера. Но только при помощи Гитлера Тиссен может продолжать свое дело.

Почему это так? Почему мы считаем это положение основным тезисом нашей книги? Почему экономические силы Германии не могли продолжать свое развитие при старой системе, при республике и ее внешней политике, почему Штресман и Брюнинг, которые были тоже очень убежденными германскими националистами, не могли удовлетворить Тиссена? Какие изменения произвел Розенберг на Вильгельмштрассе?

Экономические связи Тиссена давно уже переросли границы *национального* германского государства.

Грандиозная машина рурской промышленности и ее дочерних предприятий развивает такую огромную энергию, так далеко протягивает свои щупальца, что Тиссену уже недостаточно иметь в своем распоряжении одно государство, даже в расширенных национальных границах, — ему нужен по меньшей мере *континент*. В этом квинтэссенция развития тиссеновской системы, как мы старались показать в предыдущей главе. Но если нужно завоевать континент, надо создать штаб борьбы за континент. Национальная германская внешняя политика не может удовлетворить Тиссена. Внешняя политика прежних либеральных правительств, которая ставила своей целью только восстановление былых национальных границ (уничтожение Данцигского коридора, возвращение Восточной Пруссии и Верхней Силезии, обратное присоединение Саарской области), — для Тиссена это только капля в море. «Германия в границах 1914 г.» — предел мечтаний дипломатов штреземановской школы — для Тиссена пустая и жалкая формула. Он не желает возвращаться к 1914 г.; он идет дальше. Тиссен мечтает не о национальном восстановлении и не о национальном государстве вообще, он мечтает о более широкой концепции, о новых идеях внешней политики. Тиссен выдвигает концепцию *внешней политики континентального государства*.

Такой политики еще нет, ее надо изобрести. И вот такая политика изобретена. Это теория «расового государства», или точнее, *расовой империи* национал-социализма.

Тут дело не в евреях. Евреи — любимый гитлеровский жупел для агитационных целей, пугало для домашнего употребления. Евреи — род наркотика, которым пользуются гитлеровцы для усыпления масс. Помимо всего прочего, экспроприация евреев позволяет гитлеровцам подкупить некоторую (верхнюю) часть мелкой буржуазии и некоторую часть монополистической олигархии (точнее: очень определенную группу магнатов Стального треста, которая избавляется таким образом от конкурентов — тоже магнатов, но евреев). Было бы однако величайшей политической ошибкой видеть в антисемитизме сущность нацистской «расовой философии». Дело идет о большем: противник в этой борьбе — не горстка несчастных обитателей старого и нового гетто в Берлине и Франкфурте, а другие и очень могущественные группы. На карту поставлено будущее Европы. Речь идет о тиссеновском континентальном плане.

Расовая доктрина Гитлера, Геббельса и Розенберга гласит: старое национальное государство принадлежит эпохе либерализма и должно вместе с ней исчезнуть. Гитлеровцы отменили внутреннюю форму национального государства — демократию; точно так же должна быть изменена и внешняя форма. Новая форма государства победоносного национал-социализма — это расовая империя. «Идея национального государства, которую создал XIX в., была только предварительным этапом на пути к национал-социалистскому и фашистскому государству; наступление на старые понятия о государстве, на пережитки средневековой политической системы только сейчас разворачивается во всю ширь» (Альфред Розенберг). Национальное

государство было идеалом Великой французской революции. Расовая империя — детище национал-социалистской революции. Национальное государство — это карликовое образование по сравнению с расовой империей, точно так же, как нация представляет только часть расы. Национальное государство должно погибнуть, оно должно быть превращено в расовую империю.

Логика этого рассуждения очень слаба (дикое смешение понятий о расе и государстве!). Но логика здесь вообще ни при чем. Это — идеологическая завеса, которая скрывает очень серьезные факторы. Эта теория должна прикрыть тот факт, что производительные силы капитализма, достигнув предела механической экспансии, уже ломают национальные границы. Гитлер не может принять социалистический тезис о едином мировом государстве, потому что социализм первым делом конфискует частную собственность Тиссена. Гитлер берет туманное понятие расы и приспосабливает его к условиям гораздо более зрелого уровня производительных сил. Теперь все готово — у Тиссена есть идеология.

Это значит, что Тиссен отныне может выступать на внешнеполитической арене только при посредстве национал-социалистов, их людей, их философии, их лозунгов, их лидеров и их дипломатов. Теория расовой империи означает в переводе на язык практической политики германо-европейскую империю. Это, другими словами, все та же континентальная программа германской тяжелой промышленности.

С той ночи, когда был подожжен германский рейхстаг и власть в Германии перешла к триумvirату Гитлер—Геринг—Гейббельс, вся германская политика, вся работа правительства внутри страны и за ее пределами вдохновлялись из *одного* источника, этот источник — так называемый план Розенберга. Этот секретный план — неофициальная доктрина Монро гитлеровской Германии. Каждое политическое мероприятие, каждый дипломатический демарш, каждое публичное выступление министра и каждая военная операция продиктованы этим планом или как-нибудь из него «вытекают». Связь эта гораздо тесней, чем та, например, которая существует между внешней политикой Англии и «большой программой» ее Адмиралтейства.

Самая сокровенная идея этого плана заключается в том, что нацистское государство только временный этап, только промежуточная стадия на пути к государственной организации высшего типа, т. е. германскому союзу, к объединению всех германских народов. «Германский союз» должен заменить прежнюю бисмарковскую Германию. Пока это не достигнуто, национал-социалистская революция не считается завершенной. Третья империя создана только внутри страны, но не за ее пределами. Гитлер и только он может возглавить поход для достижения этой цели; Геринг — маршал похода, Гейббельс — глашатай этой идеи. План Розенберга должен стать священной целью каждого германского усилия, единой религией для всех посвященных. Во имя этого плана заранее оправданы все жертвы, все компромиссы, все предательства, все нарушения основных принципов самого гитлеризма. Но абсолютно неприкосновенен план Розенберга, как некогда шлиффеновский стратегический план германского генерального штаба.

План Розенберга превращает нынешнее средневропейское германс-

кое государство с его 65 млн. населения в охватывающую целый континент национал-социалистскую империю с населением в 100 млн. человек. Это — гитлеризация всей Европы, за исключением западной латинской и англосаксонской зон. Это — образование из всех «германских» народов континента новой расовой империи Гитлера. Они будут приведены в эту федерацию с их согласия или без него, посредством аншлюсса или при помощи завоевания. План грозит гибелью Австрии, которая должна стать южно-германской провинцией на Дунае. Он ликвидирует Швейцарию, отрывая от нее ее немецкую часть, которая превращается в альпийскую провинцию Германии; «протиестественный союз» немецкой Швейцарии с французской, этот «пережиток средних веков», ликвидируется. Он раскалывает Чехословакию, чтобы возратить в лоно Германии немецкую Богемию, Моравию и Силезию. Он уничтожает также Бельгию: «германская» фламандская часть ее вместе с Брабантом и Люксембургом должна быть отделена от французской, валлонской, ее части. Фландрия и Голландия, древняя германская Бургундия, должны стать северо-западными провинциями расовой империи. План далее включает в ту же расовую империю все те части северной германской расы, которую образовали «протиестественные национальные государства в Скандинавии». Балтийские и сопредельные страны — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва — должны быть включены в гитлеровскую империю как бывшие владения Ливонского ордена. Франция должна отдать западную Фландрию и Лотарингию, Италия — южный Тироль¹, Югославия — южную Штирию², Дания — Шлезвиг³. Суверенитет и юрисдикция этой империи, по новому расовому закону, должны распространяться на все части земли, где живут люди германской расы, вплоть до небольших германских колоний в Румынии и Югославии. Германская империя в границах, установленных Бисмарком, — только одна из провинций этой новой империи.

Вот подлинный политический смысл «расового манифеста» наци, для которого «еврейская проблема» служит только дымовой завесой. Вот — карта Европы после провозглашения гитлеровской империи, карта «национал-социалистской революции», которая должна заменить «Европу либеральной Французской революции». Эта карта витала перед взором Геббельса, когда в большой речи в июле прошлого года — пожалуй, самой значительной из речей гитлеровских вождей за все время, — он говорил о великой европейской миссии гитлеризма, когда он объявил, что будущее наци-

¹ Южный Тироль — область, принадлежавшая раньше Австро-Венгерской империи с подавляющим большинством немецкого населения, отошедшая к Италии после войны 1914–1918 гг. Южный Тироль принадлежал к числу «больных вопросов» Версальского договора. В интересах соглашения с фашистской Италией Гитлер в одной из своих речей подчеркнул, что южный Тироль не может быть предметом спора между пришедшими к власти национал-социалистами и Италией. — *Прим. ред.*

² Прежняя часть Австро-Венгерской империи. — *Прим. ред.*

³ Северный Шлезвиг был отнят Пруссией у Дании после войны 1864 г.; в 1919 г. он обратно отошел к Дании. — *Прим. ред.*

онал-социализма, как некогда будущее Французской революции, — скрыто не на родине этого движения, а «в Европе».

Вот почему в вопросах расовой политики — и пожалуй, только в этом — германский фашизм так резко расходится с итальянским фашизмом. Муссолини не может поставить пределы расселения «итальянской» расы в качестве объекта для экспансии Италии, потому что нет такой расы за пределами Адриатики. И не может он также сколько-нибудь серьезно говорить о латинской расе, потому что это относилось бы в первую очередь к Франции.

А Гитлер, провозгласив себя покровителем германской расы, тем самым заявляет притязание на половину континента. Для этого стоило создавать новую «философию». К тому же все остальные «германские» государства вне рейха, как Австрия, Швейцария, Голландия или Дания, в политическом и в военном отношении очень слабы и не могут оказать Германии серьезного сопротивления.

На этом построен стратегический план Розенберга. Логика здесь опять ни при чем. Совершенно не важно, что розенберговская география германской расы с исторической и биологической точек зрения — сплошной вздор. Как средство пропаганды, — это очень реальный фактор.

План Розенберга предусматривает не возвращение Германии отдельных территорий или исправление границ; это план нашествия на целые области, на целые зоны континента в стиле нашествия древних варваров. Всякий, кто не видит этого, кто все еще ополчается против расовой политики германского фашизма с точки зрения «еврейского вопроса», тот никогда не поймет самой сути гитлеризма. Именно в этом для Тиссена огромное преимущество гитлеровской расовой политики. Она дает Тиссену не только необходимую идеологию, но и необходимую *географию*: карта «германской расовой империи» совпадает точь-в-точь с картой экспансии германской тяжелой промышленности. Империя Гитлера географически ни что иное, как *поле приложения огромных производительных сил* Рура.

В самом деле: что несет Европе «Германский союз» Розенберга? Он переворачивает весь континент вверх дном. Он простирается от Атлантического океана до Суэцкого канала и от полярных морей до Адриатики. Он превращает Северное и Балтийское моря во внутренние германские озера. Он отодвигает все остальные, «чисто национальные» государства к границам континента и делает их третьеразрядными и зависимыми державами. Он создает в этой части земного шара такой гигантский центральный блок, что все, находящееся за его пределами, должно будет подчиниться его огромной силе притяжения. Этот блок концентрирует в себе сырье и основную массу продуктов на континенте. Он объединяет промышленные центры Рейна с аграрными дунайскими странами. Он комбинирует самые интенсивные центры промышленного производства с самыми богатыми жителями зерна. Он навсегда освобождает Берлин от опасности блокады (автаркия). Он прекращает зависимость Рура от французской железной руды (Лотарингия, Швеция). Он объединяет все крупные европейские угольные месторождения, если не считать Англии и России: Рур, Саар, Кампин, Лимбург, Верхнюю Силезию. Он обеспечивает огромный внутренний ры-

нок — 100 млн. потребителей для всей этой массы сырья и товаров. Он дает выход банкам Рура к новым слоям населения, имеющим ликвидные сбережения. Он вырывает у Англии одну из важнейших областей ее торговли и судоходства: Северо-Западную Европу (Бельгия, Голландия, Скандинавия и балтийские государства). Он преграждает Франции, а, может быть, и Италии, дорогу на Балканы и на Ближний Восток. Он подчиняет неограниченной власти королей Рура все слабые народы к югу от Дуная и к западу от Индии. Он создает в центре европейского континента новый самодовлеющий континент. Он наконец начинает подавлять все остальные европейские государства и в *военном отношении*. Германский союз, простирающийся от Альп до Ла Манша, делает оборону всех этих государств совершенно иллюзорной. Он подавляет Францию почти тройным превосходством своего человеческого материала (100 млн. по сравнению с 40 млн.), колоссальной базой своих механических вооружений и огромным радиусом действия своего воздушного флота; он обходит (через Голландию или через Швейцарию) линию Петена, стену французских укреплений вдоль восточной границы (см. главу VI «Может ли Германия выиграть войну?»). Он делает с Польшей в военном отношении все, что ему вздумается. Он останавливает Италию у Альп и создает угрозу французским владениям в Средиземном море и в Северной Африке. Он в военном отношении парализует Англию на 90, если не на 99%. Укрепившись на бельгийском и голландском побережье Северного моря, он навсегда ликвидирует «блестящее одиночество» этого маленького острова. Он устанавливает дальнобойные орудия у самого Ла Манша и оборудует на побережье аэродромы, а на ближайших водах — плавучие аэродромы. Если Англия попытается протестовать, она опять станет «коварным Альбионом». Против нее опять будет пущен лозунг эпохи войны: «Боже, покарай Англию!». Но она уже не сможет вернуть соотношение сил 1914 г. Германский союз будет диктовать свою волю всей Европе, всему миру. И тогда он приступит к выполнению своей *второй* задачи — к *завоеванию России и пути в Азию*.

Это — *вторая*, важнейшая идея плана Розенберга. Она вытекает из первой. Германский союз, как бы он ни был обширен, нуждается в огромных колониальных рынках. Стомиллионная масса людей гитлеровской «высшей расы» нуждается в 160-миллионной массе людей низшей расы, чтобы дать выход своему «призванию к господству». Это один из самых забавных, но в то же время самых серьезных и грозных элементов гитлеро-тиссеновской мировой «расовой политики», ее оборотная сторона. Низшая раса — это раса большевиков. Низшая раса — это огромная темная крестьянская масса, которая живет между Балтийским и Черным морями и Тихим океаном; которая отказывается покупать что-либо у Тиссена, не желает иметь ничего общего с гитлеровской культурой и развивает свою собственную культуру — культуру социализма. Тиссен знает, что рост Советского Союза создает смертельную угрозу Германскому союзу — пожалуй, единственную серьезную и настоящую угрозу. Как бы ни был обширен гитлеровский Германский союз, Советский Союз еще обширнее. Как бы ни были велики производительные силы Рура, производительные силы Уральского бассейна, Донецкого бас-

сейна, Кузнецкого бассейна, московской промышленности, которые развиваются в формах и темпах социалистического планового хозяйства, еще больше. Тиссен знает, что никогда не сможет поспеть за советским пятилетним планом, несмотря на свои огромные технические и финансовые ресурсы; социалистические ресурсы 160-миллионного народа и страны площадью в 8 млн. 240 тыс. кв. миль еще больше и развиваются они еще быстрее. Так и должно быть. Германский союз может одолеть Францию и Англию и, может быть, Соединенные Штаты Америки, но никогда не одолеет Советский Союз.

Тиссен знает это, а Геринг знает, кроме того, что только Советский Союз и в военном отношении станет серьезным противником Германского союза. Геринг знает, что Германия не сможет одолеть огромные границы СССР, его потенциальную армию в 20-25 млн., новый советский воздушный флот и главное — необычайную агитационную силу социалистического государства в войне. «Низшая раса» сильнее «расы господ». Вот почему вторая важнейшая идея розенберговского плана — это идея уничтожения Советского Союза. Она неразрывно связана с первой. Создание гитлеровской расовой империи и колонизация России должны происходить параллельно.

Каждый из этих блоков может существовать, только уничтожив соперника. А когда Тиссен, Гитлер и Геринг уничтожат Советский Союз, когда Донецкий бассейн, Кузбасс и Урал будут стерты с лица земли; когда русский уголь станет собственностью химического треста Лейны; когда Украина с ее черноземом станет колонией для германских аграриев (на Украине Розенберг собирается поселить младших сыновей германских крестьян и безработных), а все остальное население России станет потребителями германских товаров; когда откроется для Германии дорога в Центральную и Восточную Азию, — тогда действительно не будет границ и не будет соперников гитлеровской расовой империи. «Дать германскому крестьянину свободу на Востоке (Россия), — вот основная предпосылка возрождения нашей нации», — говорит Розенберг.¹ «Колонизация восточной зоны, — продолжает он, — наша первоочередная задача». Отсюда — борьба с большевизмом, которая должна увенчать мировую власть Тиссена и все здание гитлеровского цезаризма. Вот — панорама розенберговского плана в его окончательном виде.

Не следует считать этот план дикой фантазией. Поджог рейхстага казался тоже невообразимой фантастикой, но он стал реальностью и трамплином для политического переворота в большой европейской стране. Национал-социалисты появились на политической арене в Центральной Европе в роли поджигателей. Они сохранили эту специальность, став властью. Методы национал-социалистов во внешней политике ничем не отличаются от их методов во внутренней политике. Сила *отчаяния* чертит эти грандиозные планы. Скованная, но полная взрывчатой силы динамика германского капитализма неудержимо толкает национал-социалистов именно к этой ди-

¹ См. его книгу *Rosenberg A. Das Wesensgefüge des National-Sozialismus*. München, 1933 г.

кой тактике. Вот почему план Розенберга представляет собой несомненную политическую реальность. Он воплощает всю суть и всю программу национал-социализма. Этот план не был опубликован и никогда не станет достоянием гласности до дня его свершения — как и шлиффеновский план до битвы на Марне и план Геринга до поджога рейхстага — до 27 февраля. И, однако же, он в настоящее время направляет всю деятельность национал-социалистской Германии. «Моя борьба» Гитлера¹, библия национал-социализма, вся, от первой до последней строчки, продиктована этим планом. Геббельс вдохновляется планом Розенберга, когда он формулирует европейские лозунги для своих «коричневых рубашек». Во исполнение розенберговского плана Геринг в августе предложил лидеру шведских фашистов Фуругорду огромные субсидии, если они пообещают после прихода к власти северные провинции страны передать национал-социалистам в качестве колонии (Фуругорд сам разоблачил этот факт в шведской печати и отказался затем от руководства в своей партии). План Розенберга мелькает и в хорошо известном, хотя тайном, плане германских фашистов о федерации Фландрии, Голландии и Германии (см. разоблачения в газете «Санди таймс» и др.). Пример практического осуществления розенберговского плана можно видеть во всей судьбе Австрии в последние годы. И этот план имел в виду сам его автор, руководитель национал-социалистской внешней политики, Альфред Розенберг, когда он продиктовал своему биографу: «Внешнеполитический план Розенберга имеет грандиозные масштабы. Все будущее западной цивилизации зависит от того, сумеет ли сегодняшнее поколение в Германии и за ее границами преодолеть XIX столетие и научиться мыслить в больших масштабах».²

Да, они преодолели XIX столетие! Эти политики XX века уже мыслят в «больших масштабах», а Розенберг собирается стать, милостью Тиссена, пророком новой эры. Удастся ли ему это? Осуществим ли план Розенберга? Это зависит от того, *как* он будет осуществляться, как будет проводиться

¹ «*Майн кампф*» («Моя борьба») — книга Гитлера, в которой излагаются его воззрения: «расовая теория», цели германской внешней и внутренней политики, история национал-социализма, его тактика и т. д. Книга написана в 1924 г. и с тех пор многократно переиздавалась. — *Прим. ред.*

² S. Th. Har. Alfred Rosenberg, *Der Mann und Sein Werk*, München, 1933.

Другие известные гитлеровские лидеры также время от времени ссылаются на тайный розенберговский план. Так Кубе, лидер прусских наци, в письме к графу Куденгове-Калерги, секретарю паневропейского союза, открыто заявил, что Германия стремится к аннексии Австрии, Люксембурга, Эльзас-Лотарингии, Фландрии, Швейцарии, Богемии и т. д. Кубе, кроме того, требовал для Германии председательского места в будущей лиге европейских государств. Такие же точно заявления сделал лидер наци в Саарской области Симон в речи к представителям саарских гитлеровских организаций. Люнинек, губернатор Вестфалии, заявил 6 августа 1933 г.: «Дело еще не закончено. Орел Третьей империи еще не простирает своих крыльев от Аахена до Вены, от ворот Бургундии к Немецкому морю, от Альп до Побережья. Но дело это будет завершено». Основной лозунг Гитлера, «суверенитет северной германской расы», это попросту заголовок розенберговского плана. План этот входит в официальную программу национал-социалистской партии, пункт первый которой

фактически внешняя политика Гитлера — Тиссена, какие стратегические средства она создала для достижения своих целей.

Начинается третий акт новой постановки на Вильгельмштрассе: Розенберг организует свой тайный «Интернационал».

III. Тайный «Интернационал» г-на Розенберга

Есть в сегодняшнем Берлине три здания, подойдя к которым прохожий испытывает желание перейти на другую сторону. Одно из них — пышный дворец Геринга на Принц-Альбрехт-штрассе, в центре города, где диктатор среди таинственных средневековых декораций проводит свои дни и ночи за закрытыми дверями. Другое здание — по той же улице, №8, раньше никому не известное, сейчас занято тайной государственной полицией, этой террористической державой, которая стоит за спиной Гитлера и которая знает правду о поджоге рейхстага. Третье — непритязательное невысокое здание на Вильгельмштрассе, №70-а. Немногие знают этот адрес. И совсем немногие знают, что именно здесь делается германская внешняя политика. Здесь вырабатываются все дипломатические международные планы гитлеровского правительства. Отсюда рассылаются инструкции всем германским агентам за границей.

Однако министерство иностранных дел Германии помещается не здесь. Гг. фон Геш,¹ Лютер² и другие знаменитые послы и посланники Германии все еще посылают свои доклады по старому адресу «железного канцлера»³, Вильгельмштрассе, №74, где находится официальная резиденция гг. фон Нейрата и фон Бюлова. Но они уже знают, что подобно им самим их шефы в Берлине давно уже только тени. Настоящие доклады пишут другие люди, и другие люди эти доклады читают.

На Вильгельмштрассе, №70-а находится резиденция одной из самых замечательных организаций германского национал-социализма и, пожа-

гласит: «мы добиваемся объединения всех германцев... в Великой Германии». «Все люди германской крови, которые живут под датской, польской, чешской, итальянской или французской властью, должны быть объединены в германском государстве». (Федер. программа НСДАП, стр. 42).

Но откровенней всех остальных нацистский журнал «Фольк им Верден», который заявил недавно без околничностей: «Еще не настал час, когда каждый германец, каждый мужчина и каждая женщина германской крови, где бы они ни жили, будут подчиняться Адольфу Гитлеру и национал-социализму точно так же, как каждый магометанин во всех концах мира подчиняется калифу всех верных». Трудно выразить нагляднее основной смысл розенберговского «расового плана», этой программы возвращения к монгольско-рабской системе варварских нашествий. — *Прим. авт.*

¹ Германский посол во Франции. — *Прим. ред.*

² Германский посол в США, бывший директор Рейхбанка. — *Прим. ред.*

³ «Железным канцлером» прозван знаменитый германский государственный деятель, князь Отто Бисмарк (1815—1898), направлявший политику Германии с 60-х и до начала 90-х годов XIX в. — *Прим. ред.*

луй, одной из самых замечательных международных организаций вообще. Она называется официально: «Внешнеполитический отдел национал-социалистской партии» (Ауссенполитишес Амт дер НСДАП). Это стало быть только один из отделов партии, правда — господствующей партии. Но этот отдел организован как генеральный штаб. Он разбит на «главные управления» и многочисленные секции. Управления носят имена всех почти иностранных государств. Есть «главное управление Австрии». Есть «управление внешней торговли» и даже «молодежи». Целый штаб главных директоров и «субагентов» заведует работой этой организации. Кто они такие? Их имена не были до сих пор известны никому в Германии; во всяком случае они не имеют никакого отношения к официальному дипломатическому корпусу. Откуда они пришли? Те немногие, о которых что-либо известно, — люди довольно темного происхождения: заграничные немцы, международные авантюристы, коммерческие агенты; в частности, среди них очень много немцев и полунемцев из Прибалтики и бывших участников антисоветских военных организаций.

Главный их начальник Альфред Розенберг, человек лет сорока, руководитель Внешнеполитического отдела национал-социалистской партии, доверенное лицо Гитлера в вопросах внешней политики, является, пожалуй, самым примечательным из всех этих людей. Бывший подданный русского царя; студент рижского политехникума (во время войны учившийся в Москве); затем учитель черчения в Ревеле; затем журналист и агитатор в Мюнхене, один из первых последователей Гитлера, участник «путча» в ночь на 9 ноября 1923 г. (первая неудачная попытка вооруженного восстания в Баварии, устроенная Гитлером)¹; затем один из семи или десяти официальных лидеров нацистской партии, редактор ее центрального органа («Фёлькишер беобахтер») и наконец признанный руководитель внешней политики.

Этот человек, который всего попробовал и очень часто менял профессии, всегда делал в гитлеровской партии одно очень определенное дело. Три круга людей создали нацистскую партию и сделали имя Гитлеру. *Первый круг* — это группа террористов, бывших офицеров, предводителей вооруженных банд, политических убийц в стиле «Феме». Они создали ядро вооруженной силы Гитлера; сейчас они руководители СА и СС, коричневых и черных рубашек. *Второй круг* — капиталистическая группа Тиссена и

¹ 9 ноября 1923 г. Гитлер и его сторонники совместно с генералом Людендорфом сделали попытку переворота в Мюнхене. Гитлер был провозглашен германским канцлером, а Людендорф — главнокомандующим. В путчистское «правительство» был включен и тогдашний баварский премьер, сепаратист, фон Кар, сторонник династии Виттельсбахов. В связи с начавшейся стабилизацией капитализма германская крупная буржуазия и руководство рейхсвера взяли линию на консолидацию Веймарской республики с помощью социал-демократов. Путч был раздавлен в самом зародыше. Над Гитлером и целым рядом его сторонников был инсценирован суд, причем заговорщики отделались легкими наказаниями. Сам Гитлер, приговоренный к 4 годам крепости, просидел лишь 6 месяцев. — Во время кровавых событий 30 июня — 2 июля 1934 г. бывший баварский премьер фон Кар был убит национал-социалистскими охранниками. — *Прим. ред.*

его союзников по тяжелой индустрии, банкам и политике. Она создала финансовую базу гитлеризма; в настоящее время она направляет экономическую политику национал-социалистов. *Третий круг*, который представляет Розенберг, наименее известен. Этот круг создал *международные связи гитлеризма*; в настоящее время он управляет его внешней политикой.

Трудно сказать, кто именно входит сейчас в состав этой группы и как далеко идут разветвления этой организации. Несомненно во всяком случае, что это не германская, а интернациональная организация. Ее границы и ее происхождение очень туманны. В этой игре участвуют многочисленные политические группы и объединения во многих странах, всякие более чем сомнительные международные «посредники», деятели политических кулуаров и попросту шпионы, а также анонимные компании капиталистов. Многочисленные политические скандалы и судебные процессы время от времени проливают свет на эти комбинации, которые носят гораздо более систематический характер, чем можно было бы думать. Есть один постоянно действующий фактор, который объединяет эту разнородную группировку. Этот фактор — русская революция ноября 1917 года.

Эта революция создала в послевоенные годы огромный единый фронт, который простирается от крайних реакционных организаций русских эмигрантов в Венгрии, Италии и Англии, от «антибольшевистских лиг», антимасонских обществ, антисемитских комитетов в Швейцарии и в Риме, от «разведывательных бюро» в Берлине, Париже и Лондоне до всемирно известных финансистов, которые заинтересованы в русской нефти, и агентов военной промышленности. Это — люди вроде князя Бермондта-Авалова, бывшего командующего русско-германских балтийских войск в войне с большевиками; Белла¹, организатора фальшивок, разоблаченного агента сэра Генри Детердинга; подполковника Хейяша, одного из руководителей тайной организации «Пробуждающаяся Венгрия», недавнего организатора белого террора в Венгрии после разгрома советской республики; вроде монсиньора Бенини, который возглавляет очень ограниченную, очень конспиративную группу католических «интегралов» антисемитов и антимасонов (организация «Веритас»), и некоторых других известных в Западной Европе персонажей. Все они, движимые самыми разнообразными политическими, социальными, финансовыми, религиозными и личными мотивами, делают однако одно и то же дело. Это — крайне реакционный, крайне антисоциалистический и крайне антирусский международный центр, который можно назвать белым «Интернационалом».

Розенберг работал для этого центра, резиденция которого, так же как

¹ Белл — натурализовавшийся в Германии шотландец, один из организаторов шайки фальшивомонетчиков-белогвардейцев в Мюнхене, подделывавших советские червонцы. Белл был приближенным Рема, выполнявшим все его поручения. Как установлено в «Коричневой книге», Белл свел Ван дер Люббе с Ремом и был осведомлен о поджоге рейхстага. Вскоре после пожара рейхстага Белл был убит на австрийской территории по поручению руководства национал-социалистской партии, боявшегося разоблачения. — *Прим. ред.*

резиденция гитлеровской партии, находится в Мюнхене. Он поддерживал связь между этим центром и Гитлером.

Он обеспечил материальную поддержку Гитлера из этого источника. Он координировал международную работу этих двух группировок, чтобы в дальнейшем слить их совершенно или по крайней мере объединить для совместных действий. В течение многих лет Розенберг вел двойное политическое существование. Он был не только правой рукой Гитлера, но в то же время членом международной антимасонской группировки, участником всех антисемитских конгрессов в Швейцарии и в Венгрии, редактором специальной газеты для борьбы с «надгосударственными силами» — франкмасонами, евреями и большевиками. Он принадлежал также к международной группировке, которая вела ожесточенную борьбу против иезуитов и против католических партий во многих странах Европы. В своем лице он объединял, таким образом, все эти элементы с террористами и капиталистами из национал-социалистской партии. Так он стал руководителем Внешнеполитического отдела национал-социалистской партии и подлинным министром иностранных дел новой Германии.

Это министерство иностранных дел, которое он создал на совершенно новых основаниях, для того чтобы реализовать свой план, есть плоть от его плоти. Это не министерство. Это — тайный «Интернационал».

План Розенберга, так же как и его база — тиссеновский план, вырастает за пределы национального государства; это континентальный план. Организация, которая должна реализовать этот план, соответственно строится на континентальных началах. Она должна оперировать одновременно и в Германии, и в *других странах*, которые станут частью будущего Германского союза, она должна быть *машиной для захвата власти*, германским рычагом *во внутренней политике* других стран. В этом коренное отличие между министерством иностранных дел Розенберга и министерствами иностранных дел других стран.

Как может быть осуществлен план Розенберга, план завоевания Германией всех «германских» стран на континенте? При всех условиях, несмотря даже на лихорадочные германские вооружения, Гитлер слишком слаб для того, чтобы завоевать *военной силой* такую обширную территорию — от Голландии до Австрии, от Балтики до Адриатики; он никогда не решится на такое безумие. Война за Германский союз была бы войной против всей Европы, может быть против всего мира, и это очень хорошо понимают Тиссен и Розенберг, которые довольно трезво смотрят на вещи. Они знают, что нападение на Австрию, Чехословакию и Польшу заставит выступить французскую армию. И все это будет происходить в обстановке в лучшем случае враждебного нейтралитета Италии, Америки и Советского Союза. Тиссен и Розенберг знают, что в этом случае крушение всей нацистской системы от внешних или внутренних причин станет вопросом недель. Ни один из нацистских вождей не безумен настолько, чтобы решиться на этот шаг — даже Геринг.

Вся стратегия гитлеризма построена на том, что *военная* машина Германии вступит в действие уже *после* политического возвышения Германии.

Сначала надо сокрушить или победить посредством хитрости соперников Германии поодиночке — сделать невозможной какую бы то ни было коалицию против Германии. Еще лучше, если удастся уже к этому времени создать Германский союз. Только *тогда* на этой основе Германия пустит в ход свою военную машину, которая не будет считаться ни с какими соперниками на континенте и сможет сделать все. До этого времени военные резервы не могут быть использованы для целей внешней политики. Они должны накапливаться и усиливаться с каждым днем, но они не смеют начать войну с европейской коалицией.

Все это значит, что на ближайшее время надо найти другие, невоенные средства для реализации розенберговского плана. Но как создать Германский союз без применения оружия? Как завоевать без прусской армии, без геринговского воздушного флота Австрию, Богемию, Швейцарию, Люксембург, Фландрию, Голландию, Скандинавию и балтийские страны?

Здесь выступает на сцену «министерство иностранных дел» Розенберга.

Гитлеровцы захватили власть в Германии не силой, не в результате вооруженного восстания — они для этого слишком трусливы и малодушны. Они пришли к власти, как известно, при помощи «демократического изъятия воли народа». Они взяли власть изнутри, «законно», а не революционно. Почему не применить тот же метод в отношении других «германских» народов? В сфере «германской расы» наци не признают никаких национальных границ; стало быть все это *внутренняя* политика. Почему бы отрядам германских национал-социалистов в Австрии, в Богемии, в Швейцарии или Голландии не произвести такую же «внутреннюю» операцию, какую произвели в свое время гитлеровцы в Германии? Официальная Германия, конечно, не будет иметь к этому никакого отношения, это — внутренние дела соответствующих стран. Но эти *внутренние* дела в совокупности образуют *внешнюю* политику Германского союза.

Это звучит просто и наивно. Но в действительности это знаменует собой радикальную перемену, целый переворот в европейской политике — так же как национал-социалистское движение было когда-то переворотом в германской политике. И поскольку государство строит свою внешнюю политику на захвате другого государства при помощи *внутренней политической революции*, все дело дипломатии принимает новые формы. Теперь уже речь идет не о нотах, переговорах, договорах и аннексиях. Речь идет об организации в других странах внутренних армий, которые должны выступить на борьбу с правительствами своих стран, свергнуть их, посадить свои собственные правительства, а затем объединиться с силами неприятеля.

Ясно ведь, что национал-социалистская Австрия пожелает соединиться с Германией, а фашистское правительство Голландии сделает «Северогерманскую федерацию» основным тезисом своей программы. Завоевание других германских стран путем *внутренних национал-социалистских революций, а затем объединение их с Германией* — вот новая нацистская тактика во внешней политике, новая система Розенберга и в этом третье огромное достоинство гитлеровской «расовой доктрины» для Тиссена, для финансовых магнатов Рура. Эта доктрина дает им не только новую идеологию (расо-

вая империя как ширма для экономической континентальной экспансии), не только необходимую географию (Германский союз как очень точное воплощение империалистических appetites Рура), она дает также новую и единственно возможную *тактику* для осуществления этой программы, и эта тактика не требует ни солдат, ни войны, ни соглашений, а только обычных финансовых затрат. Эта тактика кажется Тиссену гениальной. Через нацистские федерации — к единому и неделимому германскому нацистскому союзу. Через местных гитлеров — к континентальной гитлеровской империи. Ради этого стоило поджигать рейхстаг! Такова третья система Розенберга. Таковы цель и задача его нового тайного «Интернационала».

Внешнеполитический отдел национал-социалистской партии, дипломатическая организация Розенберга — это исполком его «Интернационала», который уже имеет разветвления во всех странах, окружающих Германию, и с каждым днем становится все сильнее и агрессивней. Нацистский «Интернационал» охватывает уже половину континента. Он сильнее, чем всякая другая международная организация: сильнее, чем объединение либералов, чем еврейские международные группы и католические федерации, сильнее Второго интернационала социал-демократов и Амстердамского интернационала профсоюзов. Только Третий интернационал — Красный интернационал коммунистов остается его самым опасным и самым могущественным противником.¹

Нацистский «Интернационал» создал уже целую сеть нацистских *подпартий* в Европе. Соответственно этому он делится на три секции по географическому признаку: северную, которая охватывает фламандско-голландские области и Скандинавию; южную, охватывающую Австрию, дунайские страны и Балканы, и третью — восточную, которая имеет в виду Россию. В каждой из этих секций создаются новые компактные национал-социалистские объединения; они действуют легально или нелегально, они объединяют местных сторонников Гитлера под руководством уроженцев данной страны или под германским руководством, но всегда на германские деньги. Все эти национальные фашистские партии строят свои программы на нацистской идеологии, нацистской демагогии, они применяют нацистскую тактику и готовы идти по пути национал-социалистов к захвату власти. Каждая из этих секций организована совершенно однотипно по инструкциям берлинского исполкома, в соответствии с розенберговским планом.

¹ Преувеличивая вообще международное значение германского фашизма и в особенности преувеличивая роль национал-социалистской агентуры в разных странах, агентуры, которую он для красного словца называет «коричневым «Интернационалом» Розенберга», автор договаривается здесь до явной нелепости: созданный в его собственном воображении коричневый «Интернационал», под которым он сам подразумевает международное бюро национал-социалистских платных агентов и шпионов, он сравнивает не более, не менее как с Коммунистическим интернационалом, т. е. с массовой международной партией революционного пролетариата. Стремясь напугать английского буржуа призраком фашистского «Интернационала», он здесь достигает своими преувеличениями обратного результата и в то же время клеветает на Коммунистический интернационал. — *Прим. ред.*

Северная секция

Базой для ее атак, трамплином для нацистского империализма служит Голландия, страна, в которой живет народ «родственной расы», страна, которая, после Австрии, больше всех других стран зависит от Германии в культурном, экономическом и военном отношении. В Голландии, на родине Ван дер Люббе, работает «национал-социалистская партия Нидерландов», проще говоря, голландские чернорубашечники. Лидеры этой партии — д-р Хайтон (Haighton) в Гааге, Адальберг Смит в Лимбурге, зубной врач Костер в Гронингене поддерживают постоянную организационную и денежную связь с германскими наци; их официальный орган «Де Недерландсе национал-социалист» выходит в немецком городе, в Вестфалии (Датгелън); их лозунги совершенно идентичны с лозунгами германских наци: «Мы не позволим жидам управлять Голландией», «Гитлер — наш вождь». Эти голландские чернорубашечники пока еще очень слабы, как германские коричневые в первый период их деятельности. Но они уже сейчас ведут шумную и беззастенчивую агитационную кампанию против голландских либералов, католиков и социалистов, созывают бесчисленные митинги, вербуют себе сторонников среди влиятельных военных кругов (например, генерал Вестерманн); они — это очень симптоматично — особенно энергично развивают свою деятельность в тех двух голландских провинциях, которые имеют наибольшее экономическое и военное значение для Германии: в Лимбурге и Гронингене. Лимбург, расположенный между Бельгией и Германией, богатый угольный бассейн, — старое яблоко раздора между русским концерном и французским капиталом; тот, кто владеет Лимбургом, будет в случае войны господствовать над всей экономической жизнью Голландии и стало быть над ее политической ориентацией. Гронинген на севере — важный железнодорожный узел и пункт пересечения многочисленных каналов; в этой точке Голландия может быть *стратегически* рассечена на части. Лидер боевых организаций голландских наци капитан Россельфедэ утверждает, что он уже сейчас располагает силой в 8 тыс. бойцов, а самое позднее через полгода будет иметь 50 тыс. — и это в такой маленькой стране как Голландия.

Вся эта организация теснейшим образом связана с аппаратом германских наци по ту сторону границы, в Вестфалии и Аахене; окружной лидер наци в Аахене Тикфер в свое время был изгнан из Голландии, а сейчас фактически руководит голландскими чернорубашечниками. Чем более будет усиливаться германская политическая и экономическая экспансия в Голландии, а об этом заботится Тиссен, тем энергичнее германские агенты будут вколачивать голландцам мысль о том, что единственное разрешение проблемы кризиса заключается в теснейшем объединении Голландии с великой Германией. С каждым днем будет расти политическое значение «расовой идеи» и политическая роль голландских фашистов. С каждым днем будет ослабевать ориентация на Англию, которая сегодня еще преобладает в стране. Все это потому, что тайный «Интернационал» Розенберга нуждается в Голландии как в трамплине для новой войны.

Те же самые силы, которые составляют основу голландского фашизма, организуют нацистское движение в Бельгии в лице «фламандских национальных солидаристов» с их лидерами — «фламандским Гитлером» ван Севереном и Вард Хермансом. Последний — тот самый Вард Херманс, который в 1929 г. вместе с ван Бюнинхеном опубликовал знаменитые «утрехтские документы», разоблачения о военном союзе между Голландией и Бельгией, которые впоследствии оказались германскими фальшивками. Вард Херманс и ван Северен превратили старое, историческое фламандское движение за независимость от Бельгии в чисто гитлеровское движение. Эти люди носят свастику, распевают гитлеровские песни по-голландски (например, песню Хорста Весселя), травят евреев, требуют упразднения парламента и запрещения рабочего социалистического движения. Они имеют свои военные организации и обязательную для всех стандартную форму.

Единственная цель этого движения: расколоть Бельгию и объединить Фландрию с Голландией и бургундскими провинциями Франции в новой «великой Голландии», северо-западной секции будущего германского расового союза.

Более того: они объявили буров органической частью этой же расовой семьи и установили уже далеко идущие связи с крайними голландскими кругами в Южно-Африканском Союзе. Это — отголосок старой политики Вильгельма II — вспомним его знаменитую «телеграмму президенту Крюгеру»¹. Дело в том, что группа Тиссена имеет очень значительные интересы в Южной Африке, где она пытается развить независимую от Англии стальную индустрию. Несколько лет назад Тиссен заключил даже с правительством Южно-Африканского Союза договор «об условиях наибольшего благоприятствования» для Германии; позднее, в результате оттавских соглашений, этот договор был расторгнут. Вполне возможно, что недавняя вспышка националистической агитации в бурских провинциях и отказ части членов националистической партии генерала Герцога от объединения с англо-фильской партией Смэтса инспирировались из Европы.

Фашизм «великой Голландии» следует таким образом предначертаниям тиссеновской колониальной политики. «Национально-расовый блок» голландских фермеров Южно-Африканского Союза и германских фермеров бывших германских колоний в Африке в точности отвечает общему направлению этой политики. В октябре 1933 г. в Кейптауне возникло даже «африканское арийское национал-социалистское движение»; импортированные германские наци, одетые в серые рубашки, уже начали широкую антисемитскую агитацию — обычную тактическую подготовку почвы. В то же время фламандские наци в Европе также развивают энергичную деятельность, которая особенно оживилась в самое последнее время. Штаб их

¹ Во время англо-бурской войны (1899—1902 гг.) Германия сохраняла нейтралитет, но противоречия между английским и германским империализмом толкали германские правящие сферы на «моральную» поддержку буров. Одним из выражений такой поддержки была сочувственная телеграмма Вильгельма II президенту Бурской республики Крюгеру. — *Прим. ред.*

находится в Генте, в «Зеленом доме», этой маленькой копии гитлеровских «коричневых домов». Отсюда идет по всей стране шумная агитация за отделение от Бельгии. Они работают среди крестьян и мелкой буржуазии во Фландрии и особенно стараются подчинить своему влиянию молодежь, т. е. в точности следуют германскому примеру. Брюссельское правительство должно было даже официально запретить ношение форменной одежды. Один из лидеров этого движения д-р Бормс, который во время войны был членом сепаратистского «Совета Фландрии», назначенного германскими генералами, и который был приговорен за это бельгийскими властями к пожизненному заключению, основал теперь новый тайный «Совет Фландрии». Этот «Совет» подготовил восстание против бельгийского правительства (разоблачения Отто Бургемейстера в «Дойче фрайхайт» от 13 сентября 1933 г.). У них те же лозунги: «Назад к Германии», «Назад к германской расе», «Гитлер — Карл Великий нашего времени».

В этом раскрывается весь смысл завоевательных планов Третьей империи. Вместо германской армии наемников теперь для этих завоеваний организуется трезвый и деловой политический «Интернационал».

Этот «Интернационал» развивает свою деятельность и в Скандинавии, которая никогда не входила в состав германских владений и политически гораздо менее восприимчива к фашизму. Здесь однако — вершина «северной культуры», новой языческой религии наци. Здесь Германию привлекают обильные источники сырья (руда, лес) и обширные пространства для колонизации. Здесь — Балтийское море, которое в соответствии с антирусскими и антианглийскими планами гитлеровцев, должно стать внутренним германским морем. Здесь есть крепкое крестьянство, которое наци считают основным ядром своего движения. А для Геринга, который жил много лет в Швеции (и притом не всегда в сумасшедшем доме) и сохранил связи со шведскими аристократическими и военными кругами, эта страна представляет особенный интерес. Один из его эмиссаров, работающих в Швеции, — фон Пфлугк-Гартунг, один из убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а в настоящее время организатор скандинавского национал-социалистского движения.

За северной границей Германии в *Дании* новая полулегальная группа наци под руководством некоего майора Лемке пытается распропагандировать обнищавшее крестьянство южной Ютландии и сколотить подпольную боевую организацию; уже действуют «морские штурмовики», которые получают приказы из-за германской границы. Эти группы время от времени наезжают в Копенгаген и упражняются здесь в бросании бомб; они больше всего стараются захватить в свои руки официальные датские стрелковые общества. В Дании все же это движение только начинается и еще не имело сколько-нибудь значительного успеха, тогда как в *Швеции* уже образована местная национал-социалистская партия. Летом прошлого года она насчитывала 4 тыс. членов, которые щеголяли в шикарной форменной одежде и устраивали демонстрации, пока правительство не вынуждено было запретить ношение формы. Эта партия послала специальную миссию к Герингу в Берлин; по возвращении один из лидеров рассказал о тех условиях, кото-

рые Геринг поставил для субсидирования шведских наци (за счет германского казначейства): северные провинции Швеции должны стать колонией германских капиталистов. Это должно было войти в программу будущего шведского национал-социалистского правительства. Тот лидер шведских наци, о котором речь была выше, предпочел не дожидаться этого события и вышел из партии. Для того чтобы загладить эту неприятность, Геринг лично в октябре 1933 г. приехал в Швецию. В Роккельста, дворце его высокопоставленного шурина, графа Эрика фон Розена, состоялось тайное совещание шведских нацистских лидеров. Шведские наци надеются перетянуть на свою сторону, при содействии некоторых аристократических групп, шведских консерваторов. Они намерены создать и здесь боевые организации.

Одно обстоятельство несколько задерживает развитие национал-социалистского движения в Скандинавии — недостаточное число евреев в этих странах. Здесь есть зато другая немаловажная группа, которая может быть со временем завоевана и уже отчасти завоевана розенберговским «Интернационалом»: буржуазная молодежь, которая считает, что социал-демократические и либеральные правительства игнорируют ее интересы. Сынки богатых крестьян, мелких буржуа, молодые офицеры и студенты испытывают на себе конкуренцию профессионально организованных служащих. Они выдвигают лозунг: спасем Скандинавию от марксизма и коммунизма. Географическая близость Советского Союза и относительно крепкие позиции Второго интернационала в Скандинавии образуют здесь те факторы, помогающие наци завоевать молодежь, которые в других странах создаются антисемитизмом и национализмом. В результате мы наблюдаем быстрый рост новой национал-социалистской партии в *Норвегии* под руководством бывшего военного министра майора Квислинга. Этот офицер, который еще недавно очень интересовался социалистическим строительством в Советском Союзе и совершил даже поездку в СССР, играет сейчас в Норвегии роль сэра Освальда Мосли; его партия «Национальный фронт» уже выставляет кандидатов на парламентских выборах. Влиятельная газета в Осло «Тиденс Тегн» неожиданно переходит на сторону Квислинга и становится рупором его партии; многие организации правительственных партий, консервативной и крестьянской, столь же неожиданно начинают поддерживать Квислинга. «Программа спасения» Норвегии, выставленная майором Квислингом, повторяет слово в слово программу Гитлера: национальная диктатура, корпоративное государство, лишение «врагов государства» избирательных прав, суровые законы против профсоюзов, запрещение революционных организаций, усиление государственной полиции и т. д. Но не в этом важнейший и самый характерный тезис его программы. Квислинг борется за «Северную лигу наций». Вот для этого-то он и существует. «Северная лига наций» — скандинавское дополнение к фламандско-голландской федерации роттердамских и кентских наци. И тут и там нетрудно заметить руку Альфреда Розенберга. И тут и там та же «геополитика» нацистского «Интернационала».

Эта «Северная лига наций» Гитлера не кончается у восточных границ Скандинавии. Она должна охватить всю Балтику; она должна включить и

Финляндию. Сильная лапуасская¹ фашистская организация, которая несколько лет назад уже едва не захватила власть в государстве, все больше приближается по своим методам и идеологии к нацистам. Правящая военная олигархия со времени генерала Маннергейма держится германской ориентации², а оба сопредельных балтийских государства Эстония и Латвия еще недавно, до войны, управлялись немецкими «балтийскими баронами». Эти балтийские бароны владели почти всей страной и держали латвийских и эстонских крестьян почти в рабстве — в соответствии с лучшими традициями Ливонского ордена. В свое время они были очень горячими русскими патриотами и верноподданными русского царя. Сейчас они — энтузиасты национал-социализма и считают, что только Гитлер спасет весь мир и их поместья. Значительное немецкое население в соседних странах все еще находится под их влиянием. Здесь — родина Розенберга. Здесь копошится целая армия германо-русских авантюристов, которые только ждут приказа из Берлина, чтобы начать новую войну. И здесь, наконец, имеются евреи.

Правительствующие генералы Эстонии и Латвии, как все генералы балтийских стран, уже давно дожидались фашистских лозунгов и фашистских кадров. Латвийский генерал Гоппер открыто высказался за Гитлера; новые лиги «Громовой крест», «Балтийское братство» и другие производят таинственные приготовления. Фашистский переворот правительства Ульманиса в мае 1934 г. направлен был, якобы, не только против остатков парламентаризма, но и против могущественной немецкой партии, мечтающей о превращении Риги в восточный порт Третьей империи. В Эстонии фашистский «Союз фронтовиков» ведет подготовку к такому же перевороту. В ноябре 1933 г. возникла эстонская нацистская партия под руководством ротмистра Цур-Мюлена при поддержке местных немецких остзейцев. Правительство спохватилось и в последний момент приняло некоторые, хотя и половинчатые, меры против «Союза фронтовиков». В Литве такая же немецко-балтийская партия, деятельность которой, как и групп в Риге и Ревеле, направляется из Кенигсберга, из балтийского отдела розенберговской системы, пыталась в июне 1934 г. произвести переворот и захватить власть. Часть генштаба, цвет корпуса танковых командиров и летчиков, и часть буржуазных националистов находились определенно на ее стороне. Вольдемарас поднял знамя литовского национал-социализма, но заговор был плохо подготовлен и Вольдемараса арестовали. Эта попытка переворота в Литве, такая же, как и вообще весь первый натиск германо-балтийской партии, фактически осуществлявшийся согласованно в Риге, Ревеле и

¹ Лапуасское фашистское движение в Финляндии получило свое название от деревни Лаппо, в которой оно возникло. Во главе движения стоял уроженец этой деревни кулак и германский агент времен империалистической войны Виктор Косала. В 1930 г. лапуасцы устроили поход на Гельсингфорс. Опираясь на них, правящие круги буржуазии разгромили левые рабочие организации и фашизировали режим. — *Прим. ред.*

² Представитель реакционных финских военных организаций («волонтеров») в октябре 1933 г. принимал участие в тайном совещании Геринга со шведскими нацистскими лидерами в замке Роккельста. — *Прим. авт.*

Ковно, были отбиты. Но надолго ли? Те силы, которые их осуществляли, вовсе не уничтожены.

Такие же тенденции наблюдаются и на другом побережье Балтийского моря. Они простираются еще дальше, западнее Скагеррака. Лозунг фашистской балтийской федерации — только другая версия лозунга «Северной лиги наций» — северной звезды в императорской короне Гитлера.

Южная секция

Эта секция важнее, чем северная. Судьба гитлеровской империи решается на юге. В этом направлении ее толкает Тиссен. «Южная секция» — это пробный камень всего розенберговского плана, первый настоящий фронт и самое трудное и опасное поле военных действий. Если Розенберг потерпит поражение здесь, Гитлеру наступит конец в Берлине.

Бешеная и отчаянная атака Гитлера на *Австрию* направляется из «главного управления IV» Внешнеполитического отдела национал-социалистской партии. Вся австрийская национал-социалистская партия, которая охватывает по официальным данным 40% всех избирателей в Австрии, которая имеет уже большинство в Тироле, Зальцбурге и Каринтии, которая преследует Дольфуса по пятам и уже готовится к захвату власти в этой стране, чтобы совершенно изменить будущее Центральной Европы, — эта партия представляет собой непосредственную агентуру «главного управления IV». Ее известные лидеры и «герои» — всеавстрийский вождь Габихт, венский лидер Фрауенфельд, провинциальный лидер Прокш, тирольский деятель Гофер, — только пешки и марионетки в руках Розенберга, д-ра Эмилия Шнейдера, Ганса Дитса и других неизвестных и тайных руководителей «главного управления IV» на Вильгельмштрассе. Но дело не ограничивается этой официальной национал-социалистской партией. Тайная террористическая организация, которая в течение месяцев держала всю Австрию в состоянии паники, которая безнаказанно бесчинствует днем и ночью на улицах австрийских городов и деревень, деятельность которой уже стоила десятков жизней и которая подослала в октябре убийцу к канцлеру Дольфусу¹, затем «австрийский легион», который сформирован по ту сторону австрийской границы, в Баварии, для того чтобы в соответствующий момент ринуться на Австрию и занять Вену, и наконец таинственная «дивизия VII», которая значится в списках армии германских коричневых рубашек (СА) как часть этой армии, но которая имеет свой штаб где-то в предместьях Вены или в горах Тироля, — все они, как и официальная национал-социалистская партия, приводятся в движение из Берлина. Они должны завоевать эту страну любыми средствами. Недавний случай показал, что определенная, строго конспиративная организация в Вене, непосредственная агентура берлинского «Интернационала», руководит всей ра-

¹ Канцлер Дольфус был убит 25 июля 1934 г. национал-социалистами во время неудачного путча. Убийцы сознались на суде, что ими руководили германские агенты. — *Прим. ред.*

ботой местной австрийской национал-социалистской партии. В августе венская полиция совершила набег на дом по улице Брандштэтта, №4. В этом доме помещается правление малоизвестного культурного общества — «Общество культурного сотрудничества в восточной и южной Европе». Руководители и служащие этой организации — безобидные люди, далекие от политики. Они издают свой столь же малоизвестный орган «Центральноевропейскую корреспонденцию для прессы». Но вот в этом скромном бюро полиция находит очень любопытные документы и обнаруживает среди персонала очень примечательных людей. Документы эти не имеют никакого отношения к культуре, если не говорить о «культуре германской расы». Это — документы о тайной организации австрийской национал-социалистской партии, о террористической тактике нацистов в Австрии и «австрийского легиона» в Баварии; документы о подкупе прессы и о шпионаже среди чиновников; документы о «мерах воздействия» на австрийских промышленников и аграриев и о саботаже правительственных экономических мероприятий. Председателем правления этого общества в Вене состоял Герберт Шнейдер, брат Эмиля Шнейдера, руководителя «главного управления IV», ближайшего помощника Розенберга. Второй руководитель этого венского бюро д-р Артур Теодор Дитс — брат Ганса Дитса, работника того же «главного управления IV». Все четверо братьев ежедневно переписывались между собой по коду (кроме того они поддерживали связь с германским посольством в Вене; это подтверждается официальным заявлением венского правительства), и эта переписка определяла всю политику и все «текущие дела» австрийского национал-социализма. Два брата в Берлине давали инструкции двум братьям в Вене, а венские братья передавали инструкции Габихту, Фрауенфельду, Гоферу и другим официальным лидерам австрийских наци. В результате в Австрии то и дело возникали «инциденты»: в Вене разрывались бомбы; в Штирии разворачивалась бешеная избирательная кампания национал-социалистов; на баварской границе шли лихорадочные военные приготовления; в Тироле наци освобождали своих заключенных; в Каринтии происходили бурные крестьянские демонстрации. Это — работа розенберговского «Интернационала».

Вот почему пример Австрии чрезвычайно важен и поучителен. Он показывает «Интернационал» Розенберга в разгаре работы. Он показывает, как действует нацистский «Интернационал» там, где он может развернуть во всю ширь свою работу, где его активность достигла уже кульминационной точки.

Эта точка достигнута в Австрии. Теперь в Австрии нацистский «Интернационал» уже не только подстрекатель, он не только финансирует иностранные и «местные» партии. Теперь он терроризирует страну, он — инквизитор целого народа. Теперь это партия, армия, штаб подрывной работы, бюро шпионажа, организация для экономического саботажа — все вместе. Теперь он уже зажимает целую страну в тиски и, как вампир, сосет из нее кровь. Он уже не выпустит Австрию из своих рук, если только не вмешаются в дело более сильные противники. Отдельные срывы и неудачи не останавливают его. Он издевается над декретами и отчаянными мерами Дольфуса. Он

издевается над этим «карманным Наполеоном», как издевался когда-то над Брюнингом. Он издевается над влиятельным Отто Бауэром и растерянными лидерами австрийских социал-демократов, которые предоставили рабочим бороться на свой страх и риск — так же как он издевался над Зеверингом, Вельсом, Отто Брауном в Германии и их «демократическим сопротивлением». Он ждет момента, когда можно будет нанести последний удар. Он перестреляет венских социал-демократов или сошлет их в концентрационные лагеря¹. Он свергнет Дольфуса и его хеймвер или заставит его заключить с ним коалицию, так же как он в свое время заставил Гугенберга пойти на коалицию, чтобы затем его задушить.

Национал-социалисты имеют перед собой в Австрии только двух возможных противников. Первый — Муссолини. Если он заключит соглашение с Францией, он может отрезать Гитлеру дорогу на Вену дипломатическими или военными средствами; он же однако, если будет продолжать борьбу с Францией, может на основе «полюбовной сделки» пустить Гитлера в Вену. Второй и единственно серьезный противник — австрийский рабочий класс, который уже однажды сумел завоевать свободу с оружием в руках. Рабочий класс, вопреки своим лидерам и через их головы, будет защищать себя до конца. Но рабочий класс Вены пока еще молчит, он помнит Берлин. Южная секция розенберговского «Интернационала» продолжает свою работу.

Она работает не только в Австрии. Южная секция уже развернула сеть национальных нацистских партий *во всех дунайских странах* — от Альп до Черного моря. Эти партии хорошо организованы и работают полным ходом. В этом отношении южная секция даже опередила северную.

Вот как Розенберг работает на Дунае.

Чехословакия. Уже в течение нескольких лет здесь действует «южногерманская национал-социалистская партия». Она насчитывает свыше 100 тыс. членов (данные на осень 1933 г.) и является одной из самых сильных и несомненно наилучше организованной политической партией в Чехословакии. Здесь Гитлер широко пользуется своими «расовыми аргументами». 100 тысяч организованных наци представляют собой важнейшую партию всего немецкого населения Богемии, которое насчитывает 3,25 млн., т. е. пятую часть всего населения Чехословакии. Это значит, что при помощи немцев Богемии наци пытаются отколоть от Чехословакии ее пятую часть. Такова цель. Богемские наци пытаются расколоть Чехословакию точно так же, как фламандские наци — Бельгию, а лимбургские наци — Голландию. Хотя они называют себя только «автономистами» и вполне легальными чехословацкими патриотами, они на самом деле ведут типичную военную и политическую ирреденту во имя присоединения Богемии к Германии. В маленьких немецких городках на севере Чехословакии они уже сейчас фактически всемогущи;

¹ Эта часть книги была написана еще до февраля 1934 г., когда в Австрии произошли события огромного значения — героическое восстание венских рабочих, подавленное в крови австрийскими фашистами во главе с Дольфусом, князем Штарембергом и майором Феем. Опираясь на Италию, австрийская фашистская диктатура удержалась и удерживается против натиска германского национал-социализма извне и изнутри. — *Прим. авт.*

они держат в своих руках городские самоуправления, помыкают властями и терроризируют остальных немцев, особенно рабочих. Они получают большинство на выборах, опираясь на тот же социальный и политический материал, который составляет основную базу германских наци: растерянные мелкие буржуа, националистическая молодежь, сбитое с толку крестьянство, доведенные до последней черты безработные (Богемия в значительной части — продолжение германской Силезии). Они имеют свои нелегальные военные организации, которые именуются «спортивными клубами» («народный спорт»); эти клубы подчиняются приказам штаба коричневых в Берлине.

Деятельность богемских наци (их лидер депутат Рудольф Юнг — один из старейших соратников Гитлера) приняла такие угрожающие формы, что пражское правительство должно было в октябре официально распустить партию и объявить ее нелегальной. Чешские власти заняли помещение партии, ее лидеры Юнг, Каспер, Шуберг были арестованы, один из лидеров Крепс бежал в Германию. Повторяется точь-в-точь австрийская история; розенберговский «Интернационал» всюду одинаков. Он борется с Бенешем так же, как с Дольфусом. Он велит, как это было в Вене, создать вместо распушенной официальной партии новую национал-социалистскую партию Чехословакии, легальную или нелегальную. Эта новая партия возникла в тот же день, когда была распущена старая. Она называется «Национальный фронт судетских немцев»; она, конечно, очень «легальна» и очень лояльна, она любит чешское государство и самого Бенеша, но она переняла всех членов старой партии, а вождь ее — старый национал-социалист Конрад Генлейн. Дело не в имени и не в марке. Дело в соответствующем отделе берлинского «Интернационала». Как некий Шнейдер, как мы уже указывали, состоит в Берлине уполномоченным по Австрии, так и некий барон Цибулька состоит таким же уполномоченным по Богемии. Розенберговский «Интернационал» не выпустит из рук Чехословакию; он будет пользоваться здесь своим рычагом — теми классами германского населения, которые еще идут за ним.

В самое последнее время он пытается создать себе в Чехословакии еще один рычаг. Он подбирается к другому национальному округу — к *Словакии*. Эта страна ранее принадлежала Венгрии. Венгерские магнаты Эстергази, Шенборн, Виндишгрец владели в Словакии обширными территориями. Они помыкали отсталыми словацкими крестьянами, как своей скотиной. Теперь они очень хотели бы восстановить этот порядок вещей; они подстрекают фашистское правительство Хорти в Будапеште создать в Словакии подпольное движение за воссоединение Словакии с Венгрией. Богемские немцы готовы заключить сделку со словацкими инсургентами. Фон Папен специально приезжал в Будапешт в сентябре 1933 г., чтобы заключить это тайное соглашение. Государство Масарика и Бенеша подрывается изнутри; продолжается наступление берлинского «Интернационала».

Венгрия. Здесь также существует особая венгерская национал-социалистская народная партия, «зеленые» рубашки, которые вместо запрещенной свастики носят «стрельчатый» крест (крест, составленный из четырех стрел). Лидеры этой партии Золтан Меско и граф Фестегич открыто заявляют в

манифесте, что «в решающий час они душой и телом будут с Гитлером». Здесь однако гитлеровцы должны быть начеку. В Венгрии есть свой коренной венгерский фашизм, который со времени контрреволюции 1919 г. господствует в этой стране и который никогда и никому не отдаст ее добровольно — ни принцу Отто Габсбургу и его католическим легитимистам, ни Гитлеру и его венгерским наци. Это фашизм Хорти — Гембеша — Хейяша, который при помощи белого террора завоевал страну точно так же, как германские наци. Он сохраняет свою власть посредством штыков; он создал привилегированную, щедро одариваемую касту защитников-офицеров; он пользуется поддержкой кальвинистского мелкого дворянства (крупное католическое дворянство придерживается габсбургской ориентации) и, главное, поддержкой Муссолини. На этом участке дунайского пути Розенберг должен продвигаться очень осторожно, ни в коем случае не рискуя столкновением с Хорти и Муссолини. Но этого мало: он должен перетянуть их на свою сторону — ради Австрии, ради Чехословакии, ради Малой Антанты, ради Франции, ради всей своей международной политики. Поэтому тактика нацистского «Интернационала» в Венгрии такова: соглашение и, если возможно, полное объединение с фашизмом Хорти-Гембеша.

Балканы. Здесь начинается узкая дорога на Ближний Восток. Здесь, в странах бедного крестьянства, Дойче банк уже до войны захватил важнейшие позиции на подступах к Турции и Центральной Азии; в программе Тиссена Балканы — важнейший транзитный пункт для производительных сил Рура. Здесь гитлеризм носит не германское, а балканское обличье. Он и здесь находит благоприятную почву для своей деятельности: отсталое крестьянство, националистическое офицерство, хулиганствующее студенчество; здесь налицо преследуемое еврейское купечество; наконец кое-где встречаются «братья по расе» (германские колонисты).

Румыния. Очень типично развитие национал-социализма в Румынии. Здесь Розенберг сколотил антисемитский «культурный блок», в который входит расистская лига «Ланк» профессора Кузы (Лига Аппарей Национале Крестинне — Лига национальной крестьянской защиты), которая с 1933 г. стала чисто нацистской организацией. В марте происходили тайные переговоры в Берлине между сыном Кузы и розенберговским министерством иностранных дел. Полковник Татареску, до войны румынский военный атташе в Берлине, стал военным руководителем этого движения. Очень скоро проявились последствия этих новых веяний. Румынский Гитлер — Куза объявил крестьянам, которые составляют подавляющее большинство населения этой страны, что вся его программа заключается в следующем: все еврейское имущество должно быть конфисковано и распределено между крестьянами. Это немедленно принесло свои плоды. Сейчас ячейки румынских наци бурно растут в деревнях; окружные конференции «Ланк» собирают до 10 тыс. крестьян; партия проводит своих кандидатов в парламент (17 — вместе с другими фашистскими группами)¹; «Ланк» может уже выставить во всех важнейших

¹ На последних румынских выборах в декабре 1933 г. «Ланк» вместе с однотипной «крестьянской партией» Гора собрал 9% всех голосов, или одну пятую всех голосов, противников правительственной партии. — *Прим. авт.*

пунктах штурмовые батальоны, организованные и обмундированные по примеру коричневых. Параллельно растет число погромов в маленьких румынских городах, а в Бессарабии по примеру Берлина проводится систематически антиеврейский бойкот. Студенты требуют исключения еврейской молодежи из школ и университетов. Дело доходит до того, что крестьяне приступают к «распределению» еврейского имущества между собой.

И вот зазвучал второй лейтмотив этого нового, уже очень сильного, движения. Куза в парламенте требует *новой ориентации румынской внешней политики*: долой Францию, да здравствует Германия! Румыны, конечно, не германцы, но что из этого? Небольшие группы германцев, немецкие крестьянские колонии в отдельных районах Румынии (Трансильвания), создают свои собственные нацистские группы, которые связаны с Кузой, организуют свои собственные коричневые отряды, а германский посланник в Бухаресте демонстративно присутствует на их съезде (июль 1933 г.). Румынское правительство Вайда-Войводы, которое опирается на кулаков, тянется к Муссолини и очень боится своего советского соседа; это правительство сохраняет благожелательный нейтралитет — на самом деле оно поддерживает фашистское движение. В ноябре призрак этого движения навис над всей страной. В Черновицах, Клаузенбурге, Яссах и других румынских городах одновременно вспыхнули большие еврейские погромы — погромы, которые принимали формы организованной гражданской войны. Правительство не вмешивалось. Только в последнюю минуту энергичное представление Франции, которая заставила короля Кароля сместить правительство Вайда, назначить новое либеральное правительство и принять решительные меры против агитаторов Кузы, предотвратило на этот раз полнейшую гитлеризацию Румынии. Но только на этот раз. Уже в конце 1933 г. новый премьер Дука, который решил принять серьезные меры против Кузы, был убит членом «железной гвардии», организации, очень близкой к Кузе и связанной с Берлином. Теперь эти же организации перешли к тактике подпольной борьбы. Румынские наци в настоящее время находятся в оппозиции и готовятся к новой генеральной атаке. Это будет означать конец французского влияния в Румынии.

Так, шаг за шагом берлинский «Интернационал» подрывает Малую Антанту изнутри. От Праги и Бухареста он наступает дальше на юг. В *Афинах* под руководством бывшего капитана генерального штаба возникает организация греческих наци — «Этникос Эноста Элладос». В Белград Розенберг посылает своего специального эмиссара фон Гогенестена, который предлагает Югославии часть Австрии (один из округов Каринтии) в обмен за отказ от союза с Францией.

Особенно благоприятную почву гитлеровцы находят в *Софии* в лице болгарской фашистской группы Михайлова. Эта группа, опирающаяся на вооруженные македонские банды «комитаджи» и на часть болгарского офицерства (клику генерала Волкова) была до последнего времени настоящим тайным правительством Болгарии. Она ориентировалась на Италию, в то время как другая, конкурирующая группа македонских фашистов (фракция Протогеровова) и офицерского корпуса (полковник Вельчев, Димитри-

ев, группа «Звено»), связанная с либералами и с «крестьянским союзом», тянула в направлении к Франции и Югославии. В мае 1934 г. болгарский премьер Мушанов посетил Германию и вел переговоры с Гитлером. Заявляется непосредственная связь София — Берлин, уже минуя Рим. Несколько дней спустя Вельчев и Димитриев внезапно свергают Мушанова и Михайлова. Майский переворот в Болгарии, так же как до этого приход к власти «либерального» правительства в Румынии, дает временный перевес сторонникам французской ориентации, идущим по линии «Балканского союза». Но Муссолини и Гитлер своих позиций не сдали — в будущем еще предстоит контратака Михайлова и Цанкова. Гитлер и Розенберг применяют по отношению к Болгарии ту же тактику, что и по отношению к Венгрии.

Они стараются не выступать открыто против этих фашистских организаций итальянского происхождения, а стремятся проникнуть в их ряды. Сейчас они союзники и партнеры, позже они сделаются подлинными лидерами.

Коалиция Гитлера с Михайловым и Цанковым, направленная против Франции, замыкает дунайскую цепь нацистского «Интернационала». Теперь Розенберг может приступить к осуществлению одной из самых важных и драгоценных своих целей — к завоеванию *турецких кемалистов*, к завоеванию азиатского блока¹. 31 октября 1933 г. наци в Берлине устроили грандиозное празднество в честь 10-й годовщины кемалистской революции. Присутствовали турецкий посол Кемаль-эддин Сами-паша и фон Папен. В этот день Вернер Дайтц, один из сотрудников Розенберга по его ведомству иностранных дел, горячо восхвалял кемализм как турецкий гитлеризм. Он заявил, что «турецкая революция показала всему миру исторический пример расовой доблести». Он указал затем, что последователи Магомета, выходцы из туранских степей, доводятся Берлину братьями по расе, что они вообще своего рода азиатские германцы. Он сообщил также, что уже начались переговоры «об усилении роли Германии в деле дальнейшего развития Турции». Идеология и практика снова совпали. Тиссен и Крупп, которые строят новые железные дороги в Малой Азии и хотели бы углубиться дальше, получили наконец *политическую базу* для своего продвижения на Восток — через 15 лет после «младотурок». Рур готовит новых Энвер-пашей. Турецкая политика — одна из важнейших забот Розенберга.

Таковы достижения южной секции — обширные и многозначительные достижения, которые уже меняют курс мировой истории. Мы видели, что работа этой секции никак не ограничивается теми задачами, которые ставит перед ней доктрина «германской расы». Она выходит далеко за эти пределы и занимается не только германскими народами, но и балканскими и восточными народами; она фактически охватывает уже весь континент и ближайшие страны в Азии и Африке.

¹ Заигрывания национал-социалистских вождей с кемалистской Турцией доказывают, как легко глубокомысленные «расовые теории» применяются к требованиям практической политики фашизма. У Гитлера в «Майн кампф» имеются целые страницы об индусах и других восточных народностях, как о людях низшей расы. — *Прим. ред.*

Южная секция раскинула свою сеть и в *Швейцарии*. Швейцария нужна Гитлеру в его борьбе с Францией и как очень полезный заслон на случай борьбы с Италией. В этой стране идилического либерализма, — как еще недавно уверяли нас, — выросла неожиданно в течение нескольких месяцев местная национал-социалистская партия, которая уже подрывает самые устои старого и ветхого либерализма. Эта партия называется «Национальным фронтом». Главный штаб и важнейшие филиалы ее находятся в Цюрихе и в немецкой Швейцарии. Лидер швейцарских наци — бывший начальник генерального штаба швейцарской армии генерал Зондереггер (другие лидеры: цюрихский профессор Фрейтаг и бывший либеральный политический деятель д-р Хенне¹). Партия живет за счет идей и за счет денег германских наци; она открыто пропагандирует союз с Третьей империей. Результат: уже на первых выборах, в которых принимали участие альпийские наци, в окружной совет в кантоне Шафгаузен в сентябре 1933 г. «Национальный фронт» собрал 3 тыс. голосов против 5 тыс. голосов швейцарских либералов. На вторых выборах через несколько недель — в цюрихский муниципальный совет — он завоевал 10 мест, а раньше не имел ни одного; число либеральных депутатов (свободомыслящие и демократы) сократилось с 44 до 34. Та же картина, что и в Вене, Богемии и в Бухаресте. Дунайские наци и альпийские наци шагают в ногу с берлинскими наци.

Есть еще одна секция в розенберговском «Интернационале» — *восточная секция*. Это самая молодая, самая дилетантская секция, которая по сравнению с первыми двумя находится в зачаточном состоянии. Эта секция однако ставит перед собой величайшие, грандиозные по охвату задачи. Она — любимое детище Розенберга, этого бывшего русского, который находится целиком во власти антибольшевистского психоза (сам Розенберг называет этот психоз «мифом XX столетия»). Секция работает в обстановке строжайшей конспирации. Она несомненно съедает пропорционально больше денег из нацистского казначейства, чем обе первые вместе взятые, хотя на ее «территории» нет национал-социалистского движения.

«Территория» этой секции нацистского «Интернационала» — Советский Союз, великая страна социализма. В этой стране, как известно, господствует другой Интернационал, антипод розенберговского, и людям этой страны гитлеризм кажется только капиталистическим варварством, последним варварством этого столетия и этого социального порядка. Красный Интернационал в Москве никогда не уступит ни пяди своей земли коричневому «Интернационалу». Он мобилизует в случае опасности 160 млн. социалистически организованных рабочих и трудящихся и силы многих миллионов рабочих за пределами СССР, которые станут на его защиту. Коричневый «Интернационал» в Берлине ставит себе задачей колонизацию России. Он создал организацию для того, чтобы она подготовила это завоевание методами *подпольной* борьбы. Секция немедленно приступила к работе. По прямой инициативе Розенберга и под руководством его друзей и сородичей, балтийских русских немцев Генриха Пельхау (он же Светозаров) и

¹ Некоторые из лидеров недавно порвали с партией. — *Прим. авт.*

полковника Гершельманна в Берлине, *возникла русская национал-социалистская партия*, так называемый «Ронд» (Российское объединенное национально-социалистическое движение). В числе руководителей «Ронд» мы находим нескольких представителей русской знати, как, например, князь Оболенский и др. Штаб партии находится на Мейер-Отто-штрассе в Берлине. Она издает журнал «Пробуждение России», она имеет свои окружные центры в Германии и тайные филиалы в Париже, Праге, Белграде, Лондоне и других европейских столицах. Она признает Гитлера своим верховным вождем. Совершенно неважно, что эта партия, которая собирается царствовать в Кремле, состоит в настоящий момент из кучки беглых русских и полурусских авантюристов, наемников, мошенников, аристократических дегенератов и других деятелей уголовного подполья и полусвета. Зато она имеет нацистские мундиры и коричневые рубашки «русского покроя». Совершенно неважно, что эти российские наци не имеют уже ни родины, ни чести, ни денег. Розенберг дает им все необходимое. Члены «Ронд» получают оружие от наци, проходят военное обучение под руководством офицеров рейхсвера в лагерях в Деберитце и Ютеборге, принимают участие во всех нацистских съездах и шествиях в качестве отдельной группы, и эссенская газета «Националь цайтунг», орган Геринга, призывает всех русских сообщить свои адреса в «Ронд». «Ронд» — только начало. Нацистский «Интернационал» намерен объединить всех русских белоэмигрантов, рассеянных по Европе, в новой сильной русской гитлеровской партии, которая должна продолжить дело Деникина, Колчака и Врангеля, но будет подчиняться директивам не из Парижа и Лондона, а из Берлина. Все это делает «Ронд» более серьезным явлением, чем все прежние и нынешние попытки и эксперименты этого же рода Милюковых, Кутеповых или «царя» Кирилла. Если австрийские мелкие буржуа, фламандские националисты и румынские крестьяне стали *слепыми* орудиями в руках нацистских агентов, то русские белогвардейцы, которые были некогда первыми настоящими предтечами и провозвестниками нацизма, — сознательные, убежденные и на все готовые солдаты Гитлера; нигде в мире он не найдет более верных слуг. Им нечего терять. Они давно уже опустились на дно. Они потеряли и возненавидели свои прежние «ориентации»: французскую, польскую и английскую, потому что эти страны одна за другой заключили договоры с Советским Союзом; в этот критический момент появился Гитлер — мессия, последний и единственный спаситель.

«Ронд» рассылает эмиссаров во все военные организации бывших врангелевцев и деникинцев (в первую очередь в Париж, резиденцию «Русского воинского союза» генерала Миллера); эмиссары эти агитируют за вступление в новый военный союз, в гитлеровский русский легион, который организуется на тех же началах, что и австрийский легион в Баварии. Эти эмиссары уверяют даже, что легион уже сформирован в составе 21 батальона. Делать им, впрочем, пока нечего; время для большой войны против Москвы еще не настало. Но если нельзя еще напустить русских наци на большевиков, то они могут быть пока использованы в борьбе с германскими рабочими и евреями. Они имеют богатейший опыт в том и другом деле — по

части белого террора и по части погромов. Новая гитлеровская тайная государственная полиция наводнена русскими агентами.

Розенберг, однако, комплектует и муштрует свою «русскую национал-социалистскую партию» для другой очень определенной и специальной задачи, которая должна быть выполнена уже в ближайшее время: для захвата *Украины*. Этот план, так же как план завоевания Австрии, разработан на новой Вильгельмштрассе подробнее и точнее, чем все остальные. Новая колониальная империя на Востоке — «великая Украина», включающая Южную Россию, польскую Восточную Галицию и может быть Буковину, — по площади обширнее самой Германии, с богатейшими плодородными равнинами, с собственным выходом к морю (Одесса), не только разрешит всю проблему германской безработицы, так как на Украину предполагается переселить безработных и всех младших сыновей германских крестьян, но эта империя при одновременном подчинении всех дунайских стран должна приблизить Гитлера и к *европейской гегемонии*. Когда Берлин будет господином на Юге — в Вене и на Востоке — в Киеве, тогда Париж, Лондон, Варшава и Рим будут окончательно и навсегда парализованы.

Вот для чего гитлеровцы формируют «Ронд». Вместе с балтийскими немцами рондовцы составят будущее «автономное» правительство «великой Украины». «Мы должны внимательно следить за украинским автономистским движением. Этот естественный враг Польши может стать важным фактором восточной политики» (биограф Розенберга Харт об его «идеях»). Безвестные стратеги Внешнеполитического отдела национал-социалистской партии работают быстрее и решительнее, у них больше размаха, чем у кадровых чиновников на Даунинг-стрит и на Кэ д'Орсэ. «Ронд» основал особый «Украинский отдел» и объявил свастику на желто-голубом фоне новым национальным украинским флагом. «Ронд» группирует вокруг себя сторонников Петлюры и Скоропадского; с последним Геринг поддерживает и личные отношения. «Ронд» заключил союз с большой подпольной *партией реакционных западно-украинских националистов*, которые уже много лет пытаются перетянуть на свою сторону угнетенное крестьянство украинских округов Польши (Восточная Галиция) при помощи партизанской войны против польских хозяев. Тайная военная организация этой партии (УВО) строит свою работу по образцу старой ирландской республиканской армии (ИРА). Эта партия, которая долгое время прозябала без дела ввиду отсутствия какой бы то ни было «ориентации» во внешней политике, сейчас неожиданно воспрянула. Повторилось приблизительно то же, что случилось раньше с румынской антисемитской партией. Ее пропагандистская сеть расширилась, ее крестьянские организации стали активнее, ее террористические выступления резко увеличились в числе. Тот же магический лозунг оживил эту организацию: победа с германской помощью!

Украинские фашисты нашли наконец ориентацию. В ноябре 1933 г. их представители в польском парламенте открыто протестовали против советско-польского пакта о ненападении. Лидер этого движения Евгений Коновалец стал приближенным Гитлера. Во всех странах Европы возникли украинские «национальные комитеты» для поддержки повстанцев. Конкуренция всех

других «украинских» претендентов решительно подавлена; так, например, берлинская полиция арестовала всю группу сторонников «гетмана» Остроуцкого с самим гетманом во главе. Германские офицеры, которые когда-то в составе оккупационной армии фельдмаршала Эйхгорна уничтожали целые украинские деревни, принимают теперь активное участие в украинском движении. Украинские патриоты публично обещали своим германским благодетелям все национальное богатство своей родины. И те и другие хорошо помнят, что Украина уже была в течение целого года (1918 г.) германской колонией и на год спасла Германию от военного крушения.

Так растет «восточная секция», которая уже скоро станет полноправным членом коричневого «Интернационала». Новейшее польско-германское сближение не остановит деятельности этой секции. Оно только ослабит антипольскую и усилит антисоветскую ориентацию украинских агентов Гитлера. В ноябре 1933 г. на советской Украине был арестован секретный агент фашистских организаций Букшованный, прибывший из-за границы; это был первый конкретный сигнал о том, что на Украине ведется сепаратистская агитация, вдохновляемая из германских источников. В октябре гитлеровское правительство под дипломатическим давлением советского правительства официально распустило открыто ирредентистскую организацию «Ронд». Ничего однако не изменилось; «Ронд» продолжает существовать и развивает свою деятельность неофициально, так же как австрийская национал-социалистская партия¹. Более того, сеть «национальных» нацистских групп на границах Советского Союза с тех пор беспрерывно расширялась. В Бессарабии образовалась *руско-бессарабская национал-социалистская партия* с центром в Кишиневе; члены этой партии — бывшие царские черносотенцы, профессиональные антисемиты и жандармы; средства на существование эта партия получает из Берлина. Она уже издает две газеты на русском языке («Телеграф» и «Воскресение») и работает в теснейшем контакте с румынскими наци профессора Кузы. В *Латвии* князь Ливен организует русских наци, в *Польше* большую активность проявляет фашистская группа в Вильне, а на *Дальнем Востоке* уже началось сближение между наци и русско-японскими кругами, которые тесно связаны как с белыми генералами в Харбине и Монголии, так и ее официальными учреждениями в Токио и Маньчжоу-Го. Это «движение», вдохновляемое одновременно из Берлина и Токио, может в ближайшее время приобрести особенно важное значение. Здесь нацистский «Интернационал» вступает в контакт с силой, которая больше чем какая-либо другая во всем мире, способна стать его могущественным союзником и партнером. Мы еще вернемся к этой важнейшей теме. Берлин однако не терпит времени. Восточная секция сознательно и систематически пытается «окружить» Москву, так же как южная секция пытается окружить дунайские страны, а северная — Балтику. В центре, в точке пересечения этих трех кругов, стоит Розенберг, глава коричневого «Интернационала».

¹ Одна из организаций, которая заменила «Ронд», называется «Дойче-Руссише Штандарте»; лидеры — генерал Головачев и барон Меллер-Закомельский. Члены этой организации носят сиреневую «свастику» на коричневом фоне. — *Прим. авт.*

IV. Мировая роль коричневого «Интернационала»

Германская революция меняет лицо мира. Мы должны создать новый тип человека. Когда-нибудь германская революция распространится далеко за пределы Германии. Мы несем пылающие факелы во все государства мира.

Нацистский губернатор Мейер

Нацистский «Интернационал» — исторический фактор и новая мировая сила. Неумолимые законы истории делают падение этого «Интернационала» неизбежным. Он рухнет когда-нибудь и обратится в ничто, и это будет беспрецедентное в своем роде крушение. Но в настоящее время, на ближайший исторический период, коричневый «Интернационал» — могущественный фактор. Монополистический капитал дает коричневому «Интернационалу» не только экономические стимулы, но также и человеческий материал — фашистские массы. Это происходит на всем пространстве континента, зажатого в тиски кризиса. Вот почему коричневый «Интернационал» может распространить свое влияние далеко за пределами Берлина. Вот почему он может завербовать в свои ряды, перетянуть на свою сторону и обработать для себя не только германскую мелкую буржуазию, но и австрийскую буржуазию, фламандских и румынских крестьян, русских эмигрантов и швейцарских профессоров. Вот почему он может на основе германской гитлеровской системы в Берлине развернуть *сеть национальных Гитлеров на всем континенте* — всяких там Габихтов и Куза, ван Северенов и Квислингов. Тут одни и те же силы, один и тот же материал, одни и те же массы. Но динамический центр их находится на Руре, это значит: в Берлине. Вот почему коричневый «Интернационал» облекается в германские формы и подчиняется германскому руководству.

Практически розенберговский «Интернационал» стал уже сейчас постоянным и определенным фактором международной политики, влияние которого чувствуется всюду. Это — отлично организованная иерархическая организация, которая работает не только внутри отдельных стран, но ведет согласованную, единообразную международную политику, чего никогда не могло достигнуть такое либеральное международное движение, как, например, масонское. Все эти «национальные Гитлеры» — Габихты, Юнги, Зондеретгеры, Кузы, Мескош на Юге, Смиты, ван Северены, Квислинги, Лемке на Севере, Светозаровы и Коновальцы на Востоке — не только местные пророки крайнего ультранационализма; все они к тому же, так сказать, епископы новой мировой церкви, которая работает на основе теснейшей координации всех частей.

Где находятся все загадочные «международные лиги масонов» и еврейские «мудрецы Сиона»? Их нет, но есть несколько не загадочные тайные конференции и тайные мировые съезды коричневого «Интернационала». Во время нюрнбергского партийного съезда гитлеровцев в Тильте (Бель-

гия) 8 сентября 1933 г. проходило международное совещание национал-социалистов с представителями Голландии, Фландрии, Германии, Италии и Англии под председательством ван Северена. Еще в 1932 г. представитель Рема, руководителя германских коричневых, принимал участие в работе фашистского конгресса в Софии. Уже существуют международные бюро связи, международные инспекторы. Так, например, голландский агент Тиссена ван Бейнинген инспектирует все национал-социалистское движение на севере; фламандец Вард Херманс поддерживает связь между бельгийскими и голландскими наци, а венский окружной лидер Фрауенфельд отвечает за связь с Балканами. «Интернационал» уже расширяется и организует свою работу не только по *горизонтали*, т. е. в других странах, но и по *вертикали*, т. е. по признаку политической тактики и социальной базы в тех или иных условиях. Существуют уже международные организации, которые ведут одной только формой деятельности в различных странах. Вокруг Розенберга и его «Интернационала» уже роятся бесчисленные международные «общества» и «лиги» — все они обделывают темные дела, все носят «независимый» облик, но все, в сущности — замаскированные секции Внешнеполитического отдела НСДАП.

Так, например, развивает свою деятельность «Интернациональная антикоммунистическая лига», основанная в конце 1932 г. Она имеет обширные связи в Западной Европе. Практические методы ее работы очень трудно определить, это по-видимому строго конспиративная международная организация, которая борется с левым крылом рабочего движения на континенте и ведет антисоветскую пропаганду.

Далее так возникает «Лига европейцев-националистов» («Бунд Фелькишер Эуропейер»). Германскую секцию этой лиги возглавляет граф Ревентлов, известный нацистский лидер; ее генеральным секретарем состоит лидер «французских национал-социалистов», известный антисемитский деятель барон Робер Фабр-Люс. Это — розенберговская агентура для культурной пропаганды среди европейской интеллигенции, лиц свободных профессий и аристократов.

Возрождается из пепла «Международный союз среднего сословия» («Интернационале Миттельштандс Унион»), который ставит своей задачей «сотрудничество представителей среднего сословия различных стран» и «организацию международных экономических конференций». Дело в том, что, как объясняет «Франкфуртер цайтунг», «активная политика среднего сословия и защита среднего сословия представляют собой сейчас не только германскую проблему» и «очень важно в интересах германского среднего сословия поддерживать постоянный контакт с такими же группами населения в соседних европейских странах, давать им и получать от них стимулы в работе» (3 октября 1933 г.).

Таковы социальные формы «вертикального Интернационала». А ведь те же гитлеровцы когда-то объявляли *всякую* форму социального интернационализма дьявольским наваждением, происками евреев, преступлением против нации. Теперь все это нужно самому Розенбергу. И поэтому коричневый «Интернационал» распространяет свою деятельность по вертикали все даль-

ше, стремясь овладеть всеми орудиями международной политической интриги. Он предпринимает грандиозную попытку захватить *международную прессу*, чтобы создать себе во всем мире свою собственную послушную газетную державу, которая будет служить делу мирового национал-социализма в прикрытой и неофициальной форме. Неожиданно и одновременно целый ряд хорошо известных международных органов печати переходит на сторону Гитлера: начиная с некоторых лондонских газет и амстердамского «Телеграфа» и кончая пражской «Богемией» и «Тиденс Тегн» в Осло. В европейских столицах появляются новые общедоступные еженедельники, отлично изданные и необычайно дешевые, — они торопятся объявить, что не имеют ничего общего с Гитлером и борются за интересы родной страны, но уже на следующей странице превозносят гений Гитлера, величие идеи корпоративного государства и здесь же печатают «документы» о «коммунистическом терроре» в Германии. Большие и влиятельные концерны бульварных газет, не представляющие никакой политической партии и эксплуатирующие прессу как форму получения дивидендов, неожиданно начинают заявлять о справедливости притязаний Германии.

Это значит, что новый отдел прессы коричневого «Интернационала» приступил к работе. Во главе его стоит Йозеф Геббельс (в свое время все его «министерство пропаганды» занималось главным образом подкупом прессы). У Геббельса, вероятно, еще более острое чутье политической сенсации, чем у самого «великого Бивербрука»¹ и «великого Херста»². Последние сообщения мировой прессы о бюро пропаганды и подкупов, которые Геббельс организовал в различных странах, дают только очень слабое представление о деятельности этой сети коричневого «Интернационала». По позднейшим сведениям Геббельс до второй половины октября 1933 г. израсходовал уже свыше 20 млн. марок на пропаганду за границей, из них 10 млн. марок в Австрии и Чехословакии — главном поле действий Розенберга в настоящее время. Профессор Банзе, от которого сейчас отрекаются гитлеровцы, уже выдвигал такое требование: «во враждебных и нейтральных странах должна быть развернута густая сеть незаметных, но влиятельных и регулярно работающих вспомогательных бюро. Эти бюро должны применять все сколько-нибудь целесообразные средства: они должны использовать прессу и радио, кино и шпионаж, благотворительные организации и т. д. Все средства оправданы с самого начала и навсегда, если они подрывают дух врага и укрепляют наш германский дух».

Одновременно коричневый «Интернационал» энергично развивает *международную сеть шпионажа*. Это — старая специальность многих руководящих деятелей коричневого лагеря. Здесь они находятся в своей стихии. За спиной этого отдела розенберговского «Интернационала» стоит могущественная тайная «Интеллидженс Сервис» главного штаба СС гитлеровских черных рубашек (но не коричневых!). Эта разведка в настоящее время слилась с так называемой Тайной государственной полицией (Гестапо). В течение многих лет эта организация «работала» в различных странах мира, —

¹ *Бивербрук* — владелец одного из крупнейших газетно-журнальных концернов в Англии. — *Прим. ред.*

² *Херст* — владелец газетного треста в США. — *Прим. ред.*

она и сейчас пользуется теми же методами и отчасти тем же персоналом, который обслуживал знаменитую германскую шпионскую организацию полковника Николаи во время войны. Летом 1933 г. венская полиция назвала в печати имя директора «юго-восточной европейской секции» этой разведки; это — хорошо известный лидер черных рубашек. Сейчас вся эта организация значительно усовершенствована и усилена. Разведка ведет систематическое наблюдение за правительствами, оппозиционными партиями, либеральными политическими деятелями, деятелями рабочего движения и особенно, зарубежными военными организациями.

На одном только участке коричневый «Интернационал» еще не закрепил своих позиций. В маленьком дворце Розенберга есть и северная, и южная, и восточная секции, но западной как будто нет. На Западе центральноевропейский гитлеро-розенберговский фашизм встречает другое фашистское течение — Муссолини и его старых и новых спутников, а дальше на запад — Мосли и др. Что происходит, когда оба потока встречаются? Сливаются ли они один с другим? Объединятся ли когда-нибудь коричневый «Интернационал» с системой Муссолини в едином централизованном мировом фашизме?

Значение этой проблемы очевидно. Взаимоотношения между гитлеровским новым коричневым «Интернационалом» и фашизмом Муссолини — Мосли — одна из решающих проблем международной политики ближайших лет.

В настоящее время существуют фактически две группировки, две системы внутри мирового фашизма, отличающиеся более или менее осязательно одна от другой. Фронт Гитлера — Розенберга — «правое» крыло, Муссолини — Мосли — «левое». Центральноевропейская группировка проповедует погромный антисемитизм и бесшабашную «расовую доктрину». Западная группировка не делает акцента ни на том, ни на другом и выдвигает на первый план «корпоративное государство». Ее тактика гибче и осторожнее; ее методы тоньше и больше рассчитаны на западные «либеральные» порядки. Западный фашист — лощеный дипломат, германский фашист — варвар. Первоучители западного фашизма не Шпенглер¹, который рекомендует поджечь культуру (классически нацистское изречение: «когда я слышу слово культура, я спускаю предохранитель своего револьвера»), а отчасти Макиавелли — для посвященных, отчасти Ницше для простодушных. У Муссолини тоже есть свой Тиссен: он называется Джузеппе Теплитц, главный директор Банка Коммерциале; этот Джузеппе — по происхождению еврей из Польши. Тиссен сэра Освальда Мосли² называется, как

¹ *Освальд Шпенглер* — германский философ. В своих произведениях — особенно в последних, как, например, «Решающие годы» («*Jahre der Entscheidung*», Berlin, 1933) излагает теорию избранности белой расы и проповедует ненависть к рабочему классу. Идеал Шпенглера — владычество единоличного фашистского диктатора-цезаря над миллионами «низших существ». — *Прим. ред.*

² Сэр Освальд Мосли, зять лорда Керзона, бывший лейборист, бывший министр в лейбористском кабинете Макдональда, а затем основатель и «вождь» партии английских фашистов-чернорубашечников. — *Прим. ред.*

говорят, Кон¹. Западный фашизм почти не нуждается в антисемитизме или нуждается в нем в очень небольшой мере: еврейская конкуренция в этих странах не представляет собой сколько-нибудь значительной проблемы для мелкой буржуазии. С другой стороны, фашизм весьма заинтересован в отечественном еврейском капитале. Он видит в еврейской крупной буржуазии союзника, и очень важного союзника, в борьбе с либеральным конкурентом. Вот почему Муссолини — друг евреев и убежденный противник антисемитизма. Вот почему сэр Освальд Мосли очень осторожен в этих вопросах (недавно в беседе с журналистами Мосли заявил: «мы принимаем гитлеровскую идею корпоративного государства, но не можем принять его еврейскую политику»², такую же позицию занимает официальная итальянская пресса). Здесь речь идет не об идеологических расхождениях и даже не о тактических различиях — западный фашизм и центральноевропейский фашизм сделаны из одного и того же теста, они ставят перед собой одни и те же цели, и те и другие готовы уничтожить культуру, лишь бы удержать свои политические позиции. Но различны экономическая и социальная структура каждой из этих зон. Если Гитлер приспосабливается к Тиссену, то Муссолини должен приспособиться к Теплицу. Если во имя своей экспансии Рур требует от германских национал-социалистов «расовой политики», то Муссолини выступает противником расовой политики, потому что он не может развивать экспансию *своей* промышленности под *этим* лозунгом. Центральноевропейский фашизм и западный фашизм представляют различные *империалистические* центры энергии. Вот почему они выступают единым фронтом против общего классового врага, против рабочего класса, и сходятся на идее корпоративного государства, но никогда не смогут «согласовать» своей *внешней* политики, потому что резко противоречивы тенденции тех капиталистических групп, которые стоят за ними. Они могут объединить свои силы для выполнения какой-нибудь частной тактической задачи (Италия и Германия совместно пытаются изолировать Францию; Муссолини пользуется позицией Германии в вопросе о разоружении для своей политики на Средиземном море; Гитлер снабжает Муссолини углем и железом для итальянской военной промышленности и т. д.), но никогда центральноевропейский фашизм не признает верховенства западного фашизма и наоборот. Коричневый «Интернационал» будет еще не раз пытаться поглотить группу Муссолини, чтобы восполнить последнее недостаю-

¹ «Дейли телеграф» в номере от 30 сентября приводит письмо, которое, как уверяла газета, было написано одним из руководителей «британских фашистов» и было зачитано на лондонской конференции фашистов 29 сентября 1933 г. Вот характерная выдержка: «как вы, вероятно, знаете, дед леди Цинтии Мосли был евреем и назывался Леви Лейтер. Хорошо известно также, что некто Кон, еврей, финансирует организацию сэра Освальда Мосли. В Англии антисемитизм является критическим пунктом в фашистском движении. И сэр Освальд Мосли уже категорически предписал всем членам организации, многие из которых убежденные антисемиты, совершенно отказаться от антисемитской позиции». — *Прим. авт.*

² В последнее время Освальд Мосли стал высказывать в своем органе «Blackshirt» откровенно антисемитские взгляды. — *Прим. ред.*

шее, западное звено в выкованной им цепи. Но эта группа, в свою очередь, будет стараться теснее сомкнуть свое собственное «левое» международное фашистское движение.

Так, например, совершенно очевидно, что чернорубашечники «Британского союза фашистов» сэра Освальда Мосли поддерживают самые тесные отношения с генеральным секретариатом итальянской фашистской партии, тогда как их связь с Берлином менее регулярна и носит характер довольно общих «симпатий». В Лондоне существуют, однако, и другие фашистские группы, которые соперничают с Мосли, носят рубашки другого цвета и принимают безоговорочно и с энтузиазмом всю программу Гитлера, включая еврейские погромы и расовую доктрину. Представители «Британского союза фашистов», так же как представители итальянских фашистов присутствовали на Нюрнбергском съезде национал-социалистов и на других международных конференциях этой партии. Но когда, например, «Фелькишер беобахтер», орган Розенберга, в совершенном восторге сообщает о «победах национал-социалистов в арабских странах» и о рождении там фашистской партии зеленых рубашек и т. д., сейчас же возникает вопрос: какова будет организация арабского фашизма? Войдет ли он в орбиту германской восточной политики, т. е. политики Тиссена и Багдадской железной дороги, или в орбиту «исторических интересов» британского Адмиралтейства и «Англо-Першиен ойл Ко» в Арабистане? Кто стоит за кровавыми арабскими беспорядками, которые вспыхнули неожиданно в Палестине зимой 1933 г.? Арабы выступали, как известно, под лозунгом «долой евреев», но этот лозунг означал также «долой англичан». Незадолго до этого лидеры арабских националистов побывали в Германии.

Можно подумать, что если территория между Балтийским и Черным морями войдет в орбиту коричневого «Интернационала» Гитлера-Розенберга, то «левая» англо-итальянская группировка Муссолини-Мосли распространит свое влияние преимущественно на Средиземное море и на Атлантику, в романских и англосаксонских странах. Она, вероятно, завладеет Испанией и ее новой фашистской партией Примо ди-Ривера младшего. Скандинавские фашистские партии, как кажется, еще не определили своей ориентации.

В конце сентября 1933 г. возникла фашистская партия и в Канаде. Она насчитывает сейчас уже свыше 25 тыс. членов и опирается на федерацию рабочих клубов Квебека. Соединенные Штаты, в которых очень значительно и германское, и итальянское население, станут, вероятно, яблоком раздора между обеими группировками. В США, помимо старого Ку-Клукс-Клана, появилась новая организация, «рубашки хаки», которая имеет свой штаб в центре гангстеризма¹ Чикаго. Как бы то ни было, ночные герои Ку-Клукс-Клана, которые громят негров, евреев, католиков и социалистов, — родные братья германских наци. Совершенно ясно также, что после отмены сухого закона и «спик-изи» (тайных кабаков), армия гангстеров Чикаго и Нью-Йорка найдет в гитлеризме новую идеологию и превосходную рабо-

¹ Гангстеризм — от английского слова gang — бандитская шайка; гангстер — участник бандитской шайки. — Прим. ред.

ту в точном соответствии с ее вкусами и «взглядами». В этом нет ничего смешного; Америка скоро, вероятно, удивит нас чрезвычайными неожиданностями этого порядка.

Особое значение в нынешних условиях имеет вопрос об ориентации японского фашизма. Это — проблема мирового значения. Если «японский Муссолини», «диктатор» и бывший военный министр генерал Араки скоординирует свою программу завоевания Азии с гитлеровской программой завоевания Европы, если Токио станет азиатским и тихоокеанским партнером коричневого «Интернационала», тогда мир расколется на две части, и новая мировая война будет неизбежна; Женева с этим ничего не поделает. Возможно, что именно здесь заключается решение всей проблемы фашизма. Араки и после своей официальной отставки «ведет» японский империализм. Его, как и прежде, поддерживают могущественные тайные общества Японии, «Лига кровавого братства» и «Японские божьи воины». Араки — двойник Гитлера в Азии; его фашизм носит типические черты гитлеровского, а не итальянского фашизма. Он тоже борется за «тоталитарное государство», за «единую партию», преследует коммунистов, разжигает милитаристские страсти, группирует вокруг себя и «воспитывает» националистическую молодежь и т. д. Основной мотив его деятельности, точно так же как у Гитлера, — стремление создать империалистическую континентальную империю. Только тут речь идет о другом континенте. Гитлеровская «пангерманская расовая идея» фигурирует здесь под вывеской «паназиатской расовой идеи». Гитлеровский антисемитизм заменен здесь лозунгом борьбы с Китаем. Главный враг Гитлера — Франция; главный враг Араки — Советский Союз. Поразительное совпадение во всем: только слово «германский» заменено словом «азиатский», «германец» — «японцем», «еврей» — «китайцем», «коричневый» — «желтым».

И точно так же, как за «Германским континентальным союзом» стоит Тиссен, за паназиатской японской империей стоит желтый Тиссен — Мицуи. Обладая гигантскими богатствами, начало которым было положено еще в феодальную эпоху, Мицуи в течение столетий распоряжались Японией в экономическом отношении. Сегодняшний Мицуи контролирует банки, угольные копи, сталелитейные заводы, пароходства, хлопчатобумажные фабрики, сахарные плантации, импортные и экспортные фирмы; он является крупнейшим акционером всех больших японских предприятий в Китае; он контролирует Южно-маньчжурскую железную дорогу и уже пытается отхватить у русских Китайско-Восточную железную дорогу. Мицуи — настоящий отец японского фашизма. Он — истинный хозяин Японии, ее генералов, ее «флотской партии» и «аграрной партии», всех тайных террористических обществ, благородных кланов, генро и самой династии. Ему необходим азиатский материк по тем же самым причинам, по которым Тиссену необходим европейский континент. Он уже работает в союзе с Тиссеном. Синдикат германских королей Рура (главным образом Ганиель, коллега Тиссена) сотрудничает с Японией в деле колонизации Китая, строит гигантские заводы, которые обслуживают японские стратегические дороги и японскую армию в Маньчжурии и восточном Китае. Японские торговые делегации в Берлине заключают секретные соглашения с делегатами Тис-

сена, и речь у них идет не только о Китае и не только о Маньчжурии. Япония, которая не имеет у себя в стране ни угля, ни железной руды, но зато колоссальные излишки населения, угрожает в Азии Америке, Англии, Франции и СССР, угрожает Филиппинам и Гавайям, Индии (война с Ланкаширом и Бомбеем!), Индокитаю, Сибири. Германия не имеет владений в восточной и центральной Азии, но она соперничает в западной Азии с Англией, во всем мире с Францией, она смертельный враг Советского Союза всюду, где сияет советская звезда. Союз Германии и Японии, Гитлера и Араки, Тиссена и Мицуи — союз совершенно естественный с империалистической, стратегической, политической и официальных точек зрения. А это значит: *всемирный блок коричневого «Интернационала» с Японией. Розенберг уже организует этот блок.*

В августе 1933 г. официальные делегаты японского фашистского «Национального союза молодежи» прибыли в Берлин для того, чтобы установить тесные отношения с германскими национал-социалистскими организациями. В октябре в Берлин приехал человек, который фактически является одним из правителей Японии: принц Токугава, бывший председатель японской верхней палаты и член генро, того совета старейших, который в течение десятилетий решал судьбы Японии через головы депутатов парламента и официальных властей. Токугава вел с руководящими лидерами национал-социалистов переговоры о «сотрудничестве». Почти одновременно в Берлине находился другой видный восточный деятель — китайский маршал Чжан Сюэ-лян, бывший правитель Маньчжурии и японский агент. Чжан Сюэ-лян в беседе с Герингом объявил себя горячим и решительным сторонником гитлеровских идей. В течение недели в Берлине происходили таинственные свидания гитлеровских вождей с восточными властителями. В то же время «Фёлькишер беобахтер», редактируемая лично Розенбергом, начала открытую и систематическую кампанию в защиту японской политики и японского вторжения в восточную Азию. Перед лицом всей мировой прессы, перед лицом европейского общественного мнения и Лиги Наций этот орган Внешнеполитического отдела НСДАП доказывал справедливость всех требований Японии. Япония имеет «особую миссию в Азии» (как «германская раса» в Европе); она подвижна не империалистическими тенденциями, а основанным на моральных принципах желанием установить законный порядок в Азии (над этим трудится, как известно, и Гитлер в Центральной Европе). Китайцы — низшая раса (как евреи). Розенберг демонстративно приветствует Араки и представителей «молодой и сильной Японии».

Это — апофеоз мировой политики Внешнеполитического отдела национал-социалистской партии. Мировая роль коричневого «Интернационала» становится все значительнее. Он занимает решающие позиции. Таковы наиболее отдаленные последствия тех событий, которые произошли в ночь на 27 февраля 1933 г. Коричневый «Интернационал» наступает на весь мир.

Это только начало. Он идет к своей цели, он ни перед чем не остановится. И если он будет и дальше следовать по этому пути, — он развяжет новую мировую войну и будет славить ее восторженными кликами коричневых батальонов, победными песнями нового варварства.

V. Международная тактика Гитлера

Коричневый «Интернационал» толкает мир к войне. Его динамика, его политика, его цели делают войну неизбежной. Он с каждым годом приближает момент развязки. Он не может обойтись без войны, потому что только война может переделать мир так, как этого хочется Розенбергу. Война — его последнее оружие, его последняя задача. Но сейчас он еще не может начать войну. Прежде чем решиться на последний ход ва-банк и бросить человечество в океан крови и в ад ядовитых газов, он должен подготовить поле действия. Прежде чем стать военным, он должен стать дипломатом. Он должен создать такую международную расстановку сил, чтобы он занимал самые сильные, а его противники самые слабые позиции; он должен подготовить себе наступление в наиболее благоприятных условиях. Он не может начать ни на один час раньше, чем следует. Это значит: прежде чем приступить к реализации своей *стратегии*, он должен применить свою *тактику*. Стратегический план Розенберга должен быть подготовлен при помощи специального тактического плана. Перед церемониалом провозглашения Германского союза пацифистские германские дипломаты в шелковых цилиндрах должны исполнить прелюдию.

В данный момент коричневая Германия не хочет войны. Ее лидеры говорят совершенную правду, когда они заверяют весь мир в своем «пацифизме». Сейчас война для них была бы безумием. Гитлер, Геринг и Геббельс достаточно умны, чтобы это понимать.

И не только потому, что еще не готова воздушная армада Геринга. И не только потому, что сейчас (и еще долгое время) германский тыл не способен выдержать даже трехнедельную войну. Тринадцать миллионов социалистов, которые после пожара рейхстага были загнаны в подполье и там героически закупорены, через три недели после объявления войны опрокинут все преграды; никто не знает этого лучше, чем сам полицейский диктатор Геринг. Они превратят внешнюю войну Гитлера во внутреннюю гражданскую войну против Гитлера; никто не видит этого яснее, чем «эксперт по делам революции» Геббельс. Коммунистические рабочие, как только они получают оружие, не останутся пассивными наблюдателями; они будут стрелять — в коричневых и в черных. Ни один наци не помышляет о такой форме самоубийства.

Они выжидают. Они ждут, пока тоталитарное государство и его коричневый терроризм не убьют Германию в умственном и не стерилизуют ее в моральном отношении (наци верят в это), пока не будут уничтожены последние остатки свободной мысли и независимой воли, пока никто в этой стране казарм не посмеет быть кем-нибудь иным, чем рекрутом. Они ждут, пока социалистические рабочие, обреченные на вечную безработицу, не будут физически уничтожены; пока недовольная мелкая буржуазия не смирится окончательно; пока не выступит на сцену новое поколение, которое обучалось только военному делу и приучалось видеть в бактериях чумы высший моральный идеал «освобождения Германии» (профессор Банзе). Пока не наступит этот момент, они не могут сделать ни одного шага вперед. Они

будут терпеть любое давление извне, любую провокацию и любое унижение, с которым не примирилось бы ни одно германское правительство. Гитлер делает угрожающие жесты по адресу Лиги Наций и энергично требует для Германии права вооружаться. Это потому, что он ничего так не боится, как французской «превентивной войны» в ближайшем будущем. Он симулирует решительность за границей и внутри страны только для того, чтобы замаскировать свой страх. Чтобы избежать войны в ближайшее время, он готов идти на любую уступку, стать «пораженцем» и «предателем» похуже Штреземана и Брюнинга, стать пацифистом почище Гендерсона и Второго интернационала. В такой крайности он готов снести любое унижение и даже бросать цветы своим оскорбителям. Вот почему он поет сейчас песни мира. Вот почему он заискивает перед Даладье, а перед Пуанкаре готов ходить на задних лапках. Сейчас он еще не может воевать. И не только потому, что в стране осадное положение, но и потому, что он фактически осажден *извне*. В настоящий момент плану Розенберга противостоит *мировая коалиция*.

В 1934 г. гитлеровская Германия в дипломатическом отношении занимает такое же положение, какое двадцать лет назад в 1914 г. занимала Германия Вильгельма II. Год гитлеровской диктатуры создал *окружение* Германии — такое же окружение, какое привело кайзера, Фалькенгайна¹ и Людендорфа² к катастрофе. На этой базе Гитлер должен начинать свое продвижение, от этой точки он должен отправляться. Те же силы, которые привели его к власти внутри страны, изолировали его вовне. Те тиссеновские тенденции, которые велят Германии деспотически завладеть всем миром, мобилизовали все силы мира против Германии. Они мобилизовали железных королей Лотарингии и, следовательно, французский генеральный штаб. Они мобилизуют угольных баронов Южного Уэльса, сталепромышленников Шеффилда, купцов восточной Индии, а, следовательно, британское Адмиралтейство и Даунинг-стрит. Они мобилизуют силы международной «демократической» буржуазии и еврейства и, стало быть, либеральные политические партии и либеральные правительства всего мира. Они мобилизуют помещиков и духовенство дунайских стран, и стало быть международные силы католицизма. Они мобилизуют радикальную аристократию рабочего класса, и стало быть Второй интернационал, его влиятельные партии и министерства. Они мобилизуют революционный рабочий класс, и стало

¹ *Генерал Эрх фон Фалькенгайн* (1861–1922) — начальник германского генерального штаба с декабря 1914 г. и по август 1916 г.; организовал наступление на Варшаву в 1915 г.; командовал армиями, вторгшимися в Румынию в 1916–1917 гг. — *Прим. ред.*

² *Генерал Эрх фон Людендорф* во время войны 1914–1918 гг. занимал должность генерал-квартирмейстера. Командовал армиями в Восточной Пруссии, где в 1914 г. при Танненберге разбил корпус ген. Самсонова. Когда в 1916 г. Гинденбург (впоследствии президент германской республики) занял место Фалькенгайна, Людендорф был главным помощником Гинденбурга и руководил всеми операциями германских войск до конца войны. После войны принимал активное участие в фашистском движении, участвовал в гитлеровском путче 9 ноября 1923 г. — *Прим. ред.*

быть мировую силу Третьего интернационала. Они подрывают дунайские и балканские планы итальянской крупной буржуазии и итальянской мелкой буржуазии, и стало быть Муссолини.

Первые международные последствия гитлеризма и всей действительности коричневого «Интернационала» сводятся к следующему: прорыв в международной блокаде Советского Союза, которая была основным дипломатическим фактором всего предшествующего периода; *сближение* между Россией и Францией и между Россией и Америкой; тенденция к восставлению сердечного согласия между Францией и Англией; создание барьера между Германией и частями прежней Дунайской монархии (Австрия и Малая Антанта); охлаждение со стороны Италии, переговоры о соглашении между Италией и Францией; единый фронт международного общественного мнения против Германии. Это в точности повторяет картину июля 1914 г. То же «континентальное окружение», в которое попало после Бисмарка государство Вильгельма II, но теперь окружение более тесное и полное, чем в то время: тройственного союза с Австрией больше не существует, балканские союзники (Турция и Болгария) вышли из германской орбиты, Франция сильнее, чем когда-либо, а в России вместо гнилого царизма утвердились железные Советы. *От этой точки* должен отправляться Гитлер с его розенберговским планом. Его стратегия мировой экспансии встречает уже на самой германской границе мощную стальную стену. Эта стена, если Гитлер не пробьет в ней бреши, может задавить Германию. Во всяком случае, Гитлер не может начать свое продвижение на мировую арену, пока он не разрушил или не пробил эту стену.

Уничтожить эту стену — такова первейшая задача розенберговского нового *тактического плана*; без этого стратегический план — клочок бумаги. Гитлер и Розенберг не проповедники, а практические политики. Они никогда бы не обсуждали проекта создания Германского союза, если бы не имели наготове *второго, дипломатического, плана действий*. План этот предусматривает преодоление международного окружения и изоляции Германии и создание такой мировой обстановки, в которой Германия могла бы решиться начать мировую войну.

Второй «тактический» план Розенберга нисколько не оригинален. В сущности, это *повторение старого бисмарковского дипломатического плана*, который некогда создал современную Германию, привел ее к победе над своими соперниками и поднял ее на командные позиции в мировой политике. Гитлер возвращается к Бисмарку. Он решительно порывает с тактикой Вильгельма II в период между Бисмарком и катастрофой 1918 г.; он принимает старые методы и старые планы «железного канцлера», верным учеником которого и преемником он себя считает.

Бисмаркизм — официальная доктрина новой германской дипломатии. Сам Розенберг одержим этой идеей; она пронизывает все его писания и речи, как, например, его книгу «Новый курс германской внешней политики», в которой он уже в 1926 г. осторожно и туманно набросал контуры «розенберговского плана». «Розенберг-политик является, можно сказать, духовным наследником и восприемником той идеи расового германского

государства, которая впервые была представлена Генрихом Львом и перешла к нам через маркграфа Бранденбургского, Фридриха Великого и Отто фон Бисмарка» (слова биографа Розенберга Харта). Розенберг хочет начать с той точки, на которой оставил все дело Бисмарк, и таким образом зачеркнуть сорок лет ошибочной вильгельмовской тактики, которая вела от Каприви через Бюлова к Бетман-Гольвегу¹ и через Эрцбергера и Штреземана к Брюнингу (вся послевоенная германская политика для Розенберга — сплошная цепь бесполезных и бессмысленных операций). Если эта бисмарковская тактика удастся, тогда дело Гитлера выиграно, и путь свободен. Та же тактическая операция, которая между 1864 и 1871 гг. создала из Пруссии Германскую империю, должна теперь создать из германского государства — Германский союз. Секрет этой операции может быть выражен в двух словах: *политика изоляции* против политики окружения.

Бисмарк привел маленькую и слабую Пруссию к победе над всеми врагами: над Францией, Австрией, Россией и Данией. На *плечах противника* он создал германскую великую державу в Европе. Бисмарк достиг этой цели, применяя сложную систему изолирования своих многочисленных противников, применяя метод *«разделяй и властвуй»*. Тогда Германия, как и сейчас, находилась в кольце: на западе и юге сомкнулись враждебные силы католицизма, на востоке — силы панславизма. Враги — от Наполеона III до Габсбургов, до католической Баварии и Рейнской области, до ганноверцев и датчан на севере и царизма, который тогда энергично наступал на запад, — были в десять раз, быть может, в сто раз сильнее Пруссии. Они бы, конечно, сломили и уничтожили Пруссию, если бы сохранили между собой единство. Бисмарк сломал это кольцо и совершенно изменил расстановку сил: Пруссия начала наступление на всех своих противников. Он разорвал цепь, отрывая от нее звено за звеном, сталкивая противников друг с другом и побивая их затем одного за другим. Он начал со слабейших и закончил самыми сильными: в 1864 г. — Дания, 1866 г. — Австрия и ее германские союзники, 1871 г. — Франция, 1878 г. — Россия — на Берлинском конгрессе. Дело, как известно, кончилось тем, что Бисмарк стал арбитром в мировой политике.

Для этого Бисмарку не надо было быть стратегом; этим делом занимались Мольтке и хозяева Рура. Но Бисмарк был гением тактики. Он вывел Австрию из строя на то время, пока воевал с Данией. Он устранил Францию на то время, пока боролся с Австрией, и Австрию — пока громил Францию. Он угрожал Англии Россией и заключил с Россией «гарантийный договор» против Англии. Он парализовал Австрию при помощи Италии, а когда напал на Францию, Германия могла уже разыграть свой новый козырь — двойственный союз с Австрией. Он парализовал русских при помощи турок, и австрийцев при помощи русских. Он столкнул лбами князя Горчакова и Дизраэли и выиграл для *Германии* русско-турецкую войну. Он выиграл все войны, которые вели другие, — и на базе этой тактики почти

¹ *Каприви, Бюлов и Бетман-Гольвег* — руководители германской внешней политики в царствование Вильгельма II. — *Прим. ред.*

без всякого риска была осуществлена стратегическая программа Германии: гегемония Германии на континенте.

Вильгельм применял противоположную тактику. Он сковал заново звенья уже распавшейся было антигерманской цепи. Он нападал на всех одновременно и не снисходил до союза ни с кем. Он отказался от союза с Англией, который предлагали ему Солсбери и Джозеф Чемберлен, и бросил Англию в объятия Делькассе и Пуанкаре. Он заставил Италию уйти из Тройственного союза. Провозгласив лозунг «желтой опасности», он сделал своим врагом Японию. Он начал мировую войну тогда, когда все его соперники успели объединиться. Своей глупой тактикой Вильгельм II разрушил всю стратегию Рура. Теперь Гитлер возвращается к Бисмарку. Тактический план Розенберга — это *необисмаркизм*.

Задачи сейчас такие же, какие стояли перед Германией в 1864—1890 гг.: разорвать цепь окружения, изолируя звено за звеном. В первую очередь надо изолировать великих соседей: Францию и Россию. Они, как и тогда, — его важнейшие противники. «Третьи страны», которые нужно нейтрализовать, столкнуть друг с другом, опять те же: Англия и Италия с добавлением Японии и Америки. Дипломатическая карта совершенно та же. Раз так, надо идти теми же путями, пустить в ход те же методы, те же интриги, но на новом материале. Все это не представляет особых трудностей для специалистов по поджогам рейхстага. Дело в сноровке и в ловкости — основные линии уже намечены до них.

Что же после этого удивительного в том, что Розенберг увлекается идеями Бисмарка?

Эти люди ни о чем другом не думают и ничего другого не ждут. Они будут продолжать работать, комбинировать, тасовать и перетасовывать карты, пока не достигнут своей цели, пока им не удастся воссоздать «бисмарковскую ситуацию». Розенберг, который иногда говорит лишнее, заявил об этом открыто:

«Это был день, который мог решить судьбу Германии. Германия, если бы она осознала это положение, могла изменить ход истории, когда в 1904 г. вспыхнула русско-японская война. Легко было видеть, что Россия поставила на карту все свое военное могущество на Дальнем Востоке. В эти дни Германия освободилась от кошмара, который давил на нее с Востока. В Париже боялись войны... В те дни фон Бюлов и его друзья предпочли охранять дело мира, чем принять серьезные решения во имя величия и могущества Германии. В те минуты надо было проявить силу воли, а силы воли ни у кого не было. Начальник генерального штаба фон Шлиффен заявил: «Если бы дело тогда дошло до открытого столкновения, мы несомненно покончили бы с Францией».¹

Вот типичный ход мыслей гитлеровцев в вопросах внешней политики. Вильгельм II и князь фон Бюлов упустили бисмарковскую ситуацию, которая на момент снова представилась Германии. Они не сумели использовать момент для того, чтобы разбить цепь окружения. Они не напали на Фран-

¹ *Альфред Розенберг. Основы национал-социализма. Стр. 28-29.*

цию тогда, когда Россия была парализована. Они были предателями германского дела, они были безмозглыми невеждами. Другое дело — Гитлер и Розенберг. Они не только не упустят подходящей исторической ситуации. Они будут сознательно и систематически *создавать* такую ситуацию, для того чтобы действовать так, как действовал великий мастер тактики — Бисмарк. Вот для чего они явились на свет. И если уже нет больше Николая II и генерала Куропаткина, есть все же генерал Араки. Если нет больше Жозефа Чемберлена, есть «изоляционист» лорд Бивербрук, который только о том и мечтает, чтобы отрезать Англию от материка, т. е. предоставить материк произволу разбушевавшихся новых сил. Радостно жить в такое время; Вильгельмштрассе снова преисполнена резвости. Это ничего, что со времени Берлинского конгресса прошло 55 лет с лишним!

Так возникла исполненная по старым чертежам *розенберговская конкретная внешнеполитическая программа действий на ближайшее будущее*. Исполнение возложено на г-на фон Нейрата.

Программа эта велит:

1. Изолировать *Советский Союз* при помощи «международного единого фронта против большевистской опасности» («большевистская опасность» заменяет бисмарковский жупел «панславизма»).

2. Изолировать *Францию* через союз с Италией (союз Бисмарка с Кавуром) и через вывод Англии из Антанты (видоизмененная операция Бисмарка над Австрией).

3. Парализовать *Англию* при помощи англо-русских противоречий (точное повторение бисмарковского трюка: «интересы Англии в Индии могут быть гораздо легче ограждены на русской границе, чем в Афганистане»). Второй козырь против Англии: натравливание Японии на Англию в Азии. Запасное средство: соблазнить Даунинг-стрит предложениями германской помощи в борьбе с «наполеоновской континентальной гегемонией» Франции, с колониальным движением цветных народов, с американской конкуренцией за океаном, со всеми призраками эпохи королевы Виктории.

4. Привлечь на свою сторону и одурачить *Италию* при помощи лозунгов фашистского единого фронта, общих интересов в борьбе с Францией и «раздела» дунайской и балканской зон (Австрия, Чехословакия и Югославия). В случае необходимости — удержать Италию от выступления, предложить ей помощь в борьбе с сербами, сотрудничество на Ближнем Востоке, — наконец, уголь и железо для итальянской военной промышленности. Все это для того, чтобы впоследствии, когда цель будет достигнута, предать Италию (как предал Италию Бисмарк — триентинская политика) и захватить «германский южный Тироль».

5. Заключить теснейший союз с *Японией* — единственное, пожалуй, искреннее предложение во всей этой программе. Полная согласованность во всех выступлениях на международной арене на базе общей борьбы с Советским Союзом; содействие оккупации Китая (промышленная, техническая и военная поддержка японской колонизации); предоставление Японии свободы действий в английских сферах влияния в Азии и Индии (промышленное и финансовое содействие Японии в ее борьбе с английским

соперничеством) и в американских островных колониях на Тихом океане (Филиппины, Гавайи). В возмещение за это — поддержка Японией германской экспансии в западной Азии. Единый фронт с Японией также в случае наступления на Латинскую Америку. Другими словами: все более явный переход Гитлера от «английской» к «японской» ориентации. Япония в гораздо большей мере, чем Англия год или два назад, — основной козырь Гитлера в его международной политике.

6. Подкупить Польшу, предложив антисоветско-великопольской клике свободу действий в деле завоевания Украины взамен Прибалтики, которая предоставляется Германии (политика последнего польско-германского пакта). В случае несогласия Польши на такую сделку — парализовать Польшу, подстрекая Литву на конфликт с нею и поддерживая повстанческое движение в польской Западной Украине. С этой же целью ведется одновременно подготовка к созданию «великой Украины» под германским покровительством, в качестве нового союзника Германии на восточноевропейском секторе и барьера против Москвы, Варшавы и Праги.

7. Нейтрализовать *Америку*, эксплуатируя ее страх перед большевизмом, используя японскую угрозу, разжигая пламя латиноамериканской «националистической политики» (вспомним депешу Циммермана). Кроме того, Америке могут быть предоставлены выигрышные возможности помещения капиталов в Германии; соответственно должна быть перестроена политика займов.

8. При всех условиях и любой ценой избежать одновременного столкновения с несколькими странами. Даже в случае военного состязания с *одной* страной обеспечить путем всевозможных уступок нейтралитет всех остальных великих держав (см. следующую главу «Может ли Германия выиграть войну?»). После внезапного нападения и уничтожения крупных противников атаковать увеличенными силами остальных. В качестве *первого* объекта для нападения намечается *Советский Союз*, потому что война с СССР больше, чем какая-либо другая, обещает Германии поддержку остальных держав. Для этого случая предусматривается даже временное «искреннее соглашение» с Францией в соответствии со старым планом фон Папена — Рехберга — генерала Гофмана о сотрудничестве французского и германского генеральных штабов для свержения большевиков. Для этого случая далее предусматривается временный официальный «отказ» от всех территориальных претензий к Франции, как это уже сделал однажды Гитлер (октябрь 1933 г.: «мы требуем только возвращения германской Саарской области»). Для этого случая позволительно даже вернуться на время к сентиментальностям эпохи Штреземана и Брюнинга. А затем, после завоевания Советского Союза, раздела России и создания новой гигантской пангерманской армии — поход на Париж (бисмарковский Седан после Кениггреца!). Это — второй этап. Третий будет со временем проходить под лозунгом: «Боже, покарай Англию!».

9. В случае дальнейшего *сближения* между Францией и Советским Союзом создать контркоалицию, в которую должны войти Германия, Италия, Англия, Япония, Венгрия, Болгария, «независимая Украина» и, если

возможно, Америка. Спровоцировать Италию и Англию на борьбу с Францией, а затем: Германия диктует свой мир, Германский Версаль.¹

10. Любой ценой оттянуть военное наступление до того времени, когда Германия закончит перевооружение — в первую очередь свое воздушное и химическое вооружение. До этого момента — пацифизм, христианское смирение, широковещательные речи о разоружении.

Надо выждать. Бисмарк тоже ждал, пока дождался своего 1871 г. И Гитлер подождет. Цель — серия войн, а до того — серия речей и интриг.

Таков «новобисмарковский» тактический план Розенберга. Он нисколько не наивен, и те, которые склонны иронически посмеиваться над этими проектами, будут жестоко наказаны. Наполеон III тоже посмеивался над «этим комиком» в Берлине; многие смеялись и в Вене. Те, которые легкомысленно относятся к гитлеровским планам, пусть лучше не занимаются политикой. Морфинист Геринг управляет Германией, потому что так велели могущественные экономические силы Германии. Значение второго розенберговского плана заключается также не в личности Розенберга и не в психологии Гитлера, которая никому не интересна, а опять же в тех правящих экономических силах, которые постараются осуществить эти планы, как они осуществили многие другие мероприятия Гитлера, которые казались фантастическими и невероятными. В 1933 г. в Эссене не увлекаются фантазиями и утопиями. Эти люди знают и прекрасно знают, что они сидят на вулкане и что долго усидеть там они не смогут. Они знают, что новые силы, которые выступили в бой после кризиса, красные силы, не будут спокойно ждать от них наследства. Они должны действовать, должны рисковать, чтобы спасти самих себя и свое имущество от гибели. Они действуют любыми средствами, применяют и изощреннейшее лукавство, и холодную жестокость. Они изобретают планы вроде розенберговского плана №2. Они попробуют осуществить эти планы. Другой вопрос — удастся ли им это. Но во всяком случае они *попробуют* это сделать и не станут задумываться над тем, сколько миллионов погибнет в процессе осуществления этой программы, сколько будет опустошено стран и сколько уничтожено народов. Такие размышления они предоставляют гуманистам. А они — практические политики. Они выразители интересов правящей капиталистической власти, деятели последнего капиталистического периода человеческой истории, они должны делать то, что приказано. Вот в чем их мораль, их оправдание. Все идеалистские разговоры о германском «национализме», о «германской расе», о чести и т. д. — не что иное, как пропагандистская мишура. Умнейшие из них, как Геббельс и сам Тиссен, отлично это знают, но они действуют по принципу: всегда помни об этом, но никогда не проговори-

¹ Гитлер писал в книге «Моя борьба»: союз с Англией и Италией «позволит Германии сделать те приготовления, которые в том или ином случае необходимы для окончательного разгрома Франции. Значение лиги заключается именно в том, что смертельный враг нашей нации, Франция, будет изолирован». Розенберг очень любит говорить об арийской «системе государств», направленной против «еврейского владычества»; в эту систему войдут, по Розенбергу, Германия, Англия, Италия и «будущая Украина». — *Прим. авт.*

вайся. Так второй розенберговский план, который неизбежно должен вернуть весь мир в пропасть, становится высшим выражением «воли германской нации».

План полон внутренних противоречий. Розенберг собирается разбить СССР с помощью Франции и одновременно нападает на Францию с помощью Италии; он натравливает Польшу против СССР и одновременно — Украину против Польши. Но Розенберг в этих противоречиях не виноват — они существуют помимо его воли, это — действительное положение вещей, это — капиталистический мир сегодняшнего дня. Розенберг попросту подхватывает эти противоречия и пытается на них сыграть. Не очень трудно, даже легко, разыграть одну капиталистическую державу против другой, а еще легче натравить все капиталистические державы на Советский Союз. Розенберг учитывает это, и по современному положению вещей он совершенно прав. Все эти фантазии чертовски реальны. В своей книге о внешней политике национал-социализма он пишет совершенно открыто:

«Англия прикрывает германский тыл на Западе и предоставляет ей свободу действий на Востоке. За это Германия предлагает Англии помощь в защите Индии на русско-польской границе, уничтожение пан-Европы, сотрудничество в борьбе с революционным движением колониальных народов и в борьбе с большевизмом в центральной Европе. Германия предлагает Италии, если она нейтрализует Францию, свою помощь в борьбе Италии с Югославией. Украине в возмещение ее экономической и политической поддержки в вопросе о лимитрофах — защиту от Польши».¹

Человек, написавший эти строки, большой циник, своего рода Макиавелли. Помимо всего прочего, он очень неосторожен в своих высказываниях. Но он тем не менее искусный и очень практичный политик. Его расчет реален. Он исходит из существующих тенденций. Он строит свои планы, как офицер генерального штаба, который предварительно изучил поле действия будущих схваток. А кто решится утверждать, что факторы и тенденции, о которых говорит Розенберг, не существуют в природе? С каких это пор капиталистический мир стал образцом нравственности и чистой философии? Розенберг совершенно прав в своем анализе некоторых тенденций в Англии и в Италии (вполне возможно, однако, что другие противоположные тенденции парализуют эти нужные Розенбергу тенденции).

И он совершенно прав, когда применяет те же методы даже к Франции. Он заявляет открыто:

«Если Франция проявит хоть некоторую степень политического разума, она перестанет сковывать Германию железным обручем и предоставит нам возможность свободно действовать на Востоке» (при помощи совместной войны против России. — Э.Г.).

Это тоже вполне возможно. В Париже есть люди, которые внимательно прислушиваются к этим заявлениям.

Правда, Гитлер в другом месте («Моя борьба») говорит нечто другое: «Мы охотно пойдем на любые жертвы, если они помогут нам уничто-

¹ Это очень напоминает Шейлока. Вот вам и арийцы! — *Прим. авт.*

жить французскую гегемонию в Европе. Сегодня все страны, которые не примирились с французским владычеством на континенте, — наши естественные союзники. Мы сумеем найти общий язык с каждой из таких стран. Мы пойдем на серьезные уступки, если только окончательный результат увеличит шансы разгрома нашего злейшего врага... Только тогда, когда это будет отчетливо понято всеми в Германии, — так, чтобы импульсы народа не вырождались в пассивное сопротивление, а толкали к окончательному и решительному разгрому Франции... — только тогда можно будет завершить вечную борьбу между нами и Францией; но все это при том условии, что Германия будет видеть в уничтожении Франции только средство для германской экспансии в других местах» (т. е. в России. — Э. Г.).

Но ведь это только двойная игра, которая составляет самое существо новобисмаркизма, самое существо розенберговского тактического плана.

«Моралисты», которые считают эти вещи несбыточными, должны бы помолчать. Они ничего не понимают в политике 1934 г. Они совсем не понимают Гитлера.

Тайная внешняя политика нацистской Германии, новая мировая политика коричневого «Интернационала» разработана до мельчайших деталей. Он продумана от начала до конца. Она по-своему совершенно логична. Могуущественные силы работают на нее, могущественные силы одновременно работают против нее. Тактика дополняет стратегию. Германское министерство иностранных дел будет вести свою политику в точном соответствии с директивами национал-социалистского «Интернационала».

Наступает момент, когда на сцену выходит последний и решающий фактор этой драмы: фактор силы, фактор нового германского генерального штаба, который получит слово после министерства иностранных дел германского рейха и исполкома коричневого «Интернационала». Бисмарковская тактика тоже в конечном счете руководствовалась военными соображениями Мольтке, и только случай не дал блестящему военному плану Шлиффена спасти Германию в последнюю войну, несмотря на все тактические глупости Вильгельма.

Присмотримся ближе к этому фактору. Существует ли уже *военно-стратегическое* завершение розенберговских планов? Существует ли уже новый германский шлиффеновский план?

Да, существует. Именно поэтому восьмидесятилетний Гинденбург поддерживает сумасшедшего Геринга.

VI. Может ли Германия выиграть войну?

Гитлер, как загипнотизированный, идет своей дорогой. Те силы, которые привели его в состояние гипноза, не дадут ему свернуть с этого пути и заставят идти до конца. Тиссен знает, что он *ни в каком случае* не может избежать «апофеоза» новой мировой войны. Он знал это уже в 1919 г.,

когда его хозяин и подлинный провозвестник его идей Стиннес начал строить в разоренной Германии новый империалистический Рур. Он знал это в 1923 г., когда железные короли Лотарингии сделали вторую попытку взять штурмом столицу Тиссена на правом берегу Рейна; они были отброшены и тем самым открыли дорогу для будущей контратаки. Сейчас, когда Тиссен создал коричневый «Интернационал» (ибо Тиссен, а не Гитлер и не Розенберг, — настоящий руководитель и вдохновитель этой новой мировой державы), он знает, что его время истекает. Коричневый «Интернационал» без мировой войны — это нелепость. Люди, которые стоят за кулисами этого движения, работают неслышно и основательно. Они не разбалтывают секретов, как профессор Банзе; они не бьют в барабаны, как Гитлер; они почти всегда молчат, но они видят и рассчитывают с математической бесстрастностью каждое изменение в обстановке, каждую новую перспективу. Дьявольское преступление мировой войны, зрелище отравленного газами и умирающего мира для них только одно из слагаемых — последнее слагаемое перед подведением итогов. Так ведет свое дело Рур.

Они знают, что «гражданская» стратегия и тактика Розенберга, как бы значительны ни были ее результаты на данной стадии, когда-нибудь уступят место пушкам; для того и существуют «гражданская» тактика и стратегия Розенберга. Другого решения нет. Первый этап — гитлеровская Германия. Второй этап — коричневый «Интернационал» и необисмаркизм. Третий этап — «Германский континентальный союз». Но между ними, между вторым и третьим этапом находится неизбежное *военное испытание*. Исход этого испытания решает судьбу всего целого. Чем позже наступит момент испытания, чем больше удастся выиграть времени для подготовительных политических операций Розенберга, тем лучше. Но он наступит так или иначе, и только газы, танки и самолеты будут служить окончательным критерием осуществимости тиссеновского плана. Никто не знает лучше, чем сами гитлеровцы, что один переход французских войск, одна французская атака на Рейне с броневиками и самолетами может превратить в ничто гигантскую фантазию розенберговского плана, превратить завоевателя мира, коричневый «Интернационал», в груды коричневого хлама. Вот почему необходим *третий* внешний гитлеровский план: после революционного и дипломатического плана — план военный. Только в том случае, если и этот план окажется реальным — Гитлер спасен, а Тиссен выиграл свою партию против всего мира.

Так постепенно все больше выявляется тот страшный исторический риск, который берет на себя национал-социалистская Германия. Игра идет ва-банк. Если этот эксперимент не удастся, тогда, пожалуй, Германия совсем исчезнет или будет создана Германия, которая не будет иметь ничего общего с государством, которое когда-то носило это имя.

Гитлеровский военный план, пожалуй, самый трудный и самый рискованный из всех трех планов, которые должны решить будущее национал-социализма. Нетрудно сколотить нелегальные нацистские партии за границей. Гораздо труднее превратить дипломатическое окружение Германии в дипломатическую гегемонию ее. Но может ли Германия выиграть войну?

Кажется невероятным, чтобы Германия после 20 лет борьбы, голода и кризиса, после почти полного уничтожения ее прежней военной мощи, после страшных внутренних потрясений решилась объявить новую мировую войну с какими-либо надеждами на успех, даже если это будет война с одним только великим соперником Германии — с Францией¹. Так думает Ллойд-Джордж, а ведь он имеет опыт в этом деле. Кажется невероятным, чтобы Гитлер в ближайшее время, вообще говоря, решился на что-нибудь в этом роде: разве не будет он, без всякого сомнения, стерт в порошок в кратчайший срок?

Но если так, то путь Тиссена в конце концов заводит нацистскую Германию в тупик, и все великие планы гитлеровцев, планы завоевания континента, навсегда останутся безрассудной утопией, утопией, которая некоторых преисполняет восторгом, других приводит в содрогание, но не может быть принята всерьез. Обычный ход событий постепенно сведет эти претензии к незначительным и безобидным размерам. Победят законы эволюции, победит пацифизм и либерализм под прикрытием пушек начальника французского генерального штаба, генерала Вейгана.

Так ли это? Может ли гитлеровская Германия выиграть войну?

Геринг, подлинный руководитель нового германского генерального штаба, должен бороться с Вейганом, как Фалькенгайн должен был бороться с Жоффром в 1914 г., а Мольтке с Наполеоном III в 1871 г. Соотношение *военных сил* по обе стороны Рейна опять решает все. Что может сделать Геринг против Вейгана?

Он может в случае войны выступить с новой германской армией, которая совершенствуется с каждым днем, с каждым часом. Эта армия наци по всем показателям военной мощи — численность войска, механическая вооруженность, организация тыла — будет не слабее вильгельмовской армии 1914 г.

Он выступит со всеми новыми *резервами обученных войск* общей численностью в 3 млн. человек, а именно: 2 млн. коричневых (включая Стальной шлем и различные военные организации), 300-400 тыс. черных рубашек², 250-300 тыс. молодых рекрутов «трудовых лагерей», 200 тыс. солдат и офицеров рейхсвера (включая сверхсрочных и отставных) и 150 тыс. военизированной полиции.

В случае войны эти военные контингенты будут доведены до 4-5 млн. Точно столько же военнообученных мужчин имела Германия в августе 1914 г. Одна только армия рекрутов из трудовых лагерей, после того как будет закончено их развертывание, составит 1-2 млн. человек, т. е. увели-

¹ Вопрос о том, может ли Германия в союзе со всеми другими капиталистическими странами победить Советский Союз, лежит вне темы о германском гитлеризме и не имеет ничего общего с вопросом о готовности самой Германии к ведению войны. Если бы дело дошло до этого, пришлось бы писать заново всю историю мировой политики. — *Прим. авт.*

² 7 декабря 1933 г. сам Рем, начальник штаба штурмовиков, определял общую численность коричневых и черных рубашек в 2,5 млн. — *Прим. авт.*

чится впятеро. Общее число солдат может быть доведено в процессе всеобщей мобилизации до 7 млн. Это — четверть всех вооруженных сил Европы, это вдвое больше, чем максимальная численность британской армии в последнюю войну.

Геринг выступит с новой германской артиллерией, которая сейчас под вывеской «автомобильной промышленности» вырабатывается огромными партиями. Автоматизированная и моторизованная, она уже через год—два будет гораздо более ужасной, чем старая артиллерия Гинденбурга. По калибру, радиусу действия и боевым качествам дальнобойная пушка 1918 г. — игрушка по сравнению с новой колоссальной германской пушкой, изготовляемой на заводах Рейнметаль Верке. Геринг выступит с 42-сантиметровыми мортирами и тяжелыми полевыми гаубицами с крупновских заводов, с окопными мортирами, которые изготовляет автомобильный завод в Эйзенахе и фабрика газовых счетчиков Пинч в Фюрстенвальде, с танками, которые производят вагоностроительные и автомобильные заводы Линке-Гофман в Бреславле, Даймлер-Бенц в Оффенбахе и Блейхер в Лейпциге и которые Гитлер безостановочно приобретает сотнями у французского короля вооружений Шнейдера-Крезо¹ и у других международных военных трестов; с броневиками, которые изготовляет дрезденский вагоностроительный завод; с новыми пулеметами «С 2-206» Рейнметаль-Верке, замечательным изобретением инженера Штанге; эти пулеметы действуют на 2 тыс. м, дают первоначальную скорость пули 740 м в секунду, выпускают 600 зарядов в минуту и вдобавок могут обслуживаться и транспортироваться одним человеком (вес 8,5 кг). Это производство огромных количеств механического оружия создало в последний год такое оживление в германской промышленности: продукция стали² подскочила с 400 тыс. т в месяц до 700 тыс. т, импорт железа увеличился с 14 тыс. т до 40 тыс. т; в течение последних месяцев число рабочих, занятых у Круппа, главного создателя этой механической армии, увеличилось вдвое, с 50 тыс. до 100 тыс. Уже осенью 1933 г. новый германский артиллерийский парк, ограниченный по Версальскому миру 292 легкими орудиями, насчитывал 2400 тяжелых и 4800 легких орудий. К концу последней войны Германия имела правда 63 тыс. орудий, 100 тыс. пулеметов и 28 тыс. мортир, но надо учесть, что гитлеровская тайная артиллерия, увеличиваемая с каждым днем, после 15 лет усовершенствований далеко превосходит в техническом отношении старую.

За этой механизированной армией гитлеровцев стоит чудовищная организация германской послевоенной промышленности, наилучше оборудованной промышленности в мире.

¹ На осенней партийной конференции французских радикал-социалистов Сеннак, представитель республиканской ассоциации бывших фронтовиков, сообщил, что Крезо недавно поставил в Германию 400 танков. — *Прим. авт.*

² Сравнительные данные продукции стали в августе 1932 г. и в августе 1933 г. Для импорта железа берем среднюю за 1932 и 1933 гг. Импорт меди увеличился в полтора раза, импорт никеля, вольфрама и железного лома — с 44 тыс. до 269 тыс. т (1932—1933 гг.). — *Прим. авт.*

Геринг может произвести развертывание военных сил гораздо скорее и лучше, чем это имело место в кампанию 1914 г., при помощи новой нацистской военной *транспортной организации*, так как в Германии производятся, как известно, обширные дорожные работы общей стоимостью в 3-4 млрд. марок¹ — строится фактически широкая сеть стратегических автострад; при помощи нового огромного аппарата воздушного транспорта и новой *военной организации германских железных дорог*, которые приспособлены для молниеносной переброски войск². Гитлер намерен перевести основные кадры безработных, т. е. миллионы человек, на работы по развитию транспорта — в этом и есть основной смысл «программы создания работы». А быстрая мобилизация и максимально гибкое развертывание будут иметь в будущей войне еще большее значение, чем в прежних войнах.

Снабжение армии и всего народа *продуктами питания* в период развертывания военных сил поставлено у Геринга также значительно лучше, чем у Вильгельма II и Людендорфа. Он имеет больше шансов выдержать блокаду, которая в 1917—1918 гг. привела старую Германию к окончательному краху. Геринг может при помощи новой нацистской аграрной «программы автаркии» достичь полной независимости Германии от внешних рынков и тем самым сделать страну неуязвимой в случае блокады. Уже в 1932 г. отечественные продукты питания давали почти 100% потребности (по сравнению с 80% в 1926 г.). Вот что значат на самом деле гитлеровские новые «мероприятия помощи крестьянам»! Еще 7-8 лет назад Германия должна была покрывать за счет ввоза треть своей потребности в зерне для хлеба; сейчас она имеет внутри страны 99%. В течение пяти лет общая площадь посевов пшеницы возросла с 1,73 до 2,32 млн. га. Германия сейчас может за счет внутренних ресурсов покрыть 97% потребности в мясе, 100% потребности картофеля, 100% сахара, 90% овощей, 90% молочных продуктов³; эти показатели очень быстро возрастают. Тогда как еще в 1925 г. Германия должна была выплачивать заграничным поставщикам 4,42 млрд. марок за недостающие ей продукты питания (импортный излишек), сейчас она платит только 1,5-2 млрд. марок. Но и сейчас Германия должна ввозить 50% необходимых жиров, 36% фруктов, 32% яиц и 34% бобовых продуктов. Здесь еще зияет брешь. И Геринг эту брешь заполняет. Он послал в октябре 1933 г. вице-канцлера фон Папена, этого немного комичного нацистского коммивояжера (он, впрочем, бывший офицер генерального штаба и во время войны руководил диверсионными актами в Америке), в Венгрию, к гене-

¹ По подсчетам Германского общества изучения дорожного строительства, общее протяжение проектируемых автострад (стратегических автомобильных дорог) составит 6-7 тыс. км, из них 1500 км намечены к постройке в 1934 г. — *Прим. ред.*

² Опыт такой «молниеносной» переброски 770 тыс. человек был проделан в начале сентября 1934 г., когда по железным дорогам были в несколько часов переброшены в Нюрнберг «делегаты» н.-с. партийного съезда. — *Прим. ред.*

³ В связи с валютными затруднениями и неурожаем Германия к осени 1934 г. оказалась перед лицом недостатка продуктов питания. Среди населения возникли панические настроения. Возникли очереди за картофелем, мукой, сахаром и т. д. Планы создания «автаркического» хозяйства потерпели крах. — *Прим. ред.*

ралу Гембешу. Незадолго до того Гембеш побывал в Берлине. В результате этих таинственных поездок, которые вызвали хитроумные толкования в мировой прессе, родилось предварительное соглашение, которое превращает Венгрию в специального поставщика продуктов питания для Германии. Геринг побудил Гембеша основательно реорганизовать все венгерское сельское хозяйство применительно к специальным военным нуждам Германии. Вместо пшеницы, которую культивировали до сих пор венгерские магнаты и фермеры (культивировали, но не могли сбывать!), они будут теперь производить растительные жиры, т. е. те жиры, в которых сейчас, как и в последнюю войну, очень нуждается Германия. Гембеш — венгерский наци, хотя с итальянским оттенком. Кроме того, он должен найти хоть какой-нибудь выход из тяжкого аграрного кризиса, который опустошает Венгрию. С Венгрией в качестве части своего тыла Геринг обеспечивает снабжение Германии продуктами питания в случае войны.

Все это сделает Геринг только в том случае, если он получит отсрочку еще на год, на два. Армия, которую он поведет в бой, будет во всяком случае могучая современная первоклассная армия; я не думаю, чтобы Ллойд-Джордж, который в свое время много занимался английскими снарядами, английской пехотой и германской военной боеспособностью, не сознавал в глубине души, что это именно так. Те прекраснодушные пацифисты, которые проливают слезы (вместе с Гитлером) по поводу «одностороннего разоружения» Германии, должны бросить это и лучше заняться хотя бы садоводством. Армия Геринга отлично выдержит сравнение с армией Людендорфа, а в очень скором времени превзойдет и эту армию в отношении технической мощи. Она сможет через некоторое время вступить в борьбу даже с Францией. Начальник любого генерального штаба в мире знает это сегодня и принимает в расчет. Гитлеровцы лучшие стратеги, чем придворные вильгельмовских времен, а такой технико-промышленный организации для обслуживания военных нужд, какую предоставит гитлеровцам Тиссен, никогда еще не было.

Геринг может создать армию, но даже с этой армией он неминуемо потерпит *поражение*, если у него не будет вдобавок еще одного плана. Геринг будет разбит, разбит окончательно и уничтожен, если он посмеет только с *этими* силами выступить против Вейгана. Это будет вторая Иена. Марна Геринга будет страшнее катастрофы генерала фон Клука в сентябре 1914 г. Ни один начальник генерального штаба в мире не даст другого ответа на этот вопрос, если будет говорить серьезно и искренно.

Геринг будет разбит; решит этот исход не *военная сила*, а *оперативная стратегия*.

Жоффр разбил Клука на Марне. Вейган с меньшей затратой сил может дать Герингу возможность разбиться о ту стену из стали, какой является сейчас новая военная граница между Германией и Францией.

Дело не в том, что военные силы Франции, самого могущественного военного государства в мире, по всем линиям, и количественно, и качественно, несравненно выше сил Германии, в том числе и новых армий Геринга. Это может очень скоро измениться, и одна из непосредственных

задач коричневого «Интернационала» розенберговской дипломатии именно в том и состоит, чтобы возможно скорее изменить соотношение военных сил Берлина и Парижа.

Дело даже не в том, что 9 млн. солдат франко-чешско-польской коалиции, 4 тысячи французских танков, 3 тыс. французских самолетов, сотни французских «летучих» моторизованных бригад дают Франции подавляющее превосходство над армией Геринга. Когда коричневый «Интернационал» при помощи «гитлеризации» или «аншлюсса» с малыми странами (Австрией, Венгрией или даже Украиной!) создаст совершенно новую, более широкую германскую систему, Франция не сможет надолго сохранить это свое военное превосходство. Блок стран, объединяющий население в 70-80 млн., имеющий такую базу военной техники, как Рур, не может оставаться навсегда неэффективным в состязании с блоком 40 млн. (Франция). Это так, хотя бы было созвано и десять конференций по разоружению. А в тот момент, когда розенберговская *дипломатия*, реализуя свою операцию «разделяй и властвуй», отрежет Францию на юге при помощи Италии и парализует ее на севере посредством «изоляционистского нейтралитета» Англии, соотношение сил между Вейганом и Герингом может измениться очень скоро и очень радикально: Вейгану придется защищаться. В этом смысле время работает на Германию и против Франции, и по мере того как Франция упускает возможности немедленной «превентивной войны» против Гитлера, возможность будущего нападения со стороны Германии становится все реальной. Но на одном секторе этого военного фронта время работает на Францию, и *французские* шансы возрастают. Так дело обстоит на восточной границе Франции — там, где она уже заканчивает грандиозный подземный пояс стальных крепостей от Бельфора до Люксембурга.

Здесь будет решаться судьба Геринга. Здесь находится величайшее военное сооружение в истории, самое фантастическое техническое сооружение в мире, которое имеет огромное значение для будущего, хотя о нем так мало говорят. Это одно из величайших событий послевоенной истории — немногие знают это, а знать должны бы все. Любая армия в мире, как бы сильна она ни была, окажется бессильной перед этой массой стали на сотни миль в длину и на мили в ширину. И Геринг со своими миллионами гитлеровцев, со всеми своими крупновскими пушками будет уничтожен прежде, чем сможет сделать хоть один шаг по направлению к Парижу. *Никто* не одолеет это подземное царство с его сплошной цепью бетонированных и стальных укреплений, неуязвимых для бомбардировки, с его бесчисленными сообщающимися фортами, с его подземными казармами для целых армий, с его подземными железными дорогами, электростанциями, почтовыми линиями, складами продуктов питания, с его бесконечными галереями и бетонными укреплениями весом в 36 тыс. т, с его истребительной артиллерией (на поверхности земли), которая сметает все перед собой. Всякий, кто попытается удержать свои позиции перед этой стеной или осадить ее, будет в течение нескольких дней стерт в порошок. Это — подземная траншея последней войны, доведенная до гигантских размеров, до размеров целого государства. Никакой Геринг не посмеет пойти в атаку

против этих позиций здесь. А ведь стена Вейгана, которая тянется уже вдоль всей восточной границы Франции, еще не закончена. Со времени прихода Гитлера к власти в Германии Франция продолжила эту линию дальше на север через Бельгию к морю, чтобы создать на всем протяжении западной германской границы единую непрерывную заградительную цепь. Бельгийское правительство, под впечатлением мирных речей Гитлера, в октябре 1933 г. решило построить по всей германо-бельгийской границе, а также на правом берегу Мааса сплошной пояс укреплений, по французскому типу; эти укрепления общей стоимостью в 700 млн. франков войдут составной частью во французскую систему. Все плоскогорье Герве напротив Аахена, один из предположительных начальных пунктов германского «прыжка», превращено в одно сплошное гнездо артиллерии. Все это находится под командой одного человека — Вейгана.

Такова новая граница Вейгана, и такова последняя граница национал-социализма. На этой границе Геринг истечет кровью, а гитлеризм получит смертельный удар — после всех своих триумфов, после всех мечтаний о коричневой мировой «революции». Крушение германской армии после этого удара произойдет на этот раз гораздо скорее, чем крушение кайзеровского фронта после битвы на Марне. То, что продолжалось тогда годы — отход и отступление германских войск после этой решившей войну битвы, — займет теперь лишь несколько недель. И если Геринг не решится повести решительную атаку на французскую стену укреплений, сама французская армия, имея в тылу эту непобедимую стену, сможет производить рейд за рейдом, пока эти отдельные рейды не примут формы нового организованного и несокрушимого *французского контрнаступления*. Франция пойдет на Германию, она зайдет в тыл национал-социализму — тогда картина изменится сразу же и навсегда.

Армия Вейгана, прикрываемая на северном фланге бельгийскими войсками, на юге чешскими¹, на востоке польскими, начнет решительное наступление, которое через 5 или 7 недель закончится оккупацией большей части Германии. Наступление будет развиваться в двух направлениях. Основной французский удар будет нанесен на юго-западе, в направлении Мюнхена; параллельно на северо-востоке, юго-востоке другая французская армия, чехи и поляки, нанесут концентрический удар на Берлин. Южная французская армия, для того чтобы предотвратить или остановить выступление Италии в помощь Герингу через Альпы, займет позиции между Майном и Дунаем (Майнц — Базель), имея в тылу Рейн, и отсюда произведет решительную атаку с танками, броневиками и ядовитыми газами прямо на Баварию; здесь она соединится с чешской армией, которая вторгнется в Баварию с противоположной восточной границы (Гофф — Пассау). Через несколько недель соединенные франко-чешские армии, расположившись вдоль баварской границы, отрежут Германию от Италии, Авст-

¹ Чехи вынуждены будут выступить даже в том случае, если поляки вопреки прежним соглашениям между французским и польским генштабами не поддержат Францию. — *Прим. авт.*

рии и Венгрии. Разбитые войска Геринга отступят в беспорядке на север; Муссолини оттянет свою армию от Альп, а промышленные районы Рура, цитадель Тиссена, совсем исчезнут с лица земли, сметенные бомбами французских эскадрилий; в Рейнской области, в Берлине, в Центральной Германии недовольство социалистических рабочих перерастет в могучую революцию против Гитлера — в это время Вейган развернет на севере и востоке свою вторую операцию. Кольцо французских войск (французы в Западной Германии, чехи в Саксонии, поляки в Восточной Пруссии и в Силезии) будет смыкаться все тесней и тесней вокруг Берлина. На второй месяц своей великой «освободительной войны» Гитлер перестанет существовать. Вейган продиктует свои условия в Берлине или начнет переговоры с берлинской коммуной.

Эта общая схема дуэли Геринг — Вейган представляет собой во всех случаях военно-стратегическую неизбежность. Она применима при всех обстоятельствах, каковы бы ни были частные вариации. Все это уже предопределено. Как только Геринг будет отброшен от французской границы, германская армия обречена на полный разгром. То, что останется от армии в этом случае, не сможет уже оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления Франции. Французское контрнаступление будет практически развиваться совершенно беспрепятственно. Создастся ситуация лета 1918 г., когда германская армия, после того как ее большое наступление было сломлено, откатилась и была спасена от полного уничтожения только капитуляцией 4 ноября. На этот раз события будут развиваться быстрее: линия Вейгана не то, что три линии траншей Фоша и Хейга 1918 г.

Ничего не изменится, если мы даже предположим, что *Италия* окажет активную помощь Герингу. Надо сказать, что эта помощь в военном смысле весьма проблематична. Муссолини может быть заключит тайный военный союз с Гитлером, но он слишком практичный политик, чтобы *выполнить* условия этого договора без серьезных шансов на успех. Он будет выжидать исхода, а затем присоединится со свежими силами к сильнейшему (так поступил и демократ Саландра¹ в 1915 г., а ведь он тоже был связан союзом с Германией). Он никогда не поставит на карту свою армию — а вместе с ней себя самого, свои планы, все будущее итальянского фашизма, — для того только, чтобы помочь Герингу, когда Геринг идет к катастрофе. Но если бы даже так случилось, он в первые дни или недели будет медлить и выжидать развязки, т. е. предоставит Геринга самому себе. Может случиться также, что Муссолини вдруг удивит всех, заключив «соглашение о нейтралитете» с Францией; он получит за это без боя какую-нибудь новую колонию в Африке. Может случиться еще, и это очень вероятно, что он займет Австрию, но не для Геринга, а для себя (дуче ведь тоже мечтает об «империи», но к несчастью новая «Восточная Римская империя» итальянских черных рубашек заявляет притязания на

¹ Антонио Саландра был итальянским премьер-министром в 1914–1916 гг. — *Прим. ред.*

часть той же территории, что и «Германский союз» коричневых). Во всяком случае *Муссолини не выступит на помощь Герингу, если Геринг будет в опасности*. «Нибелунговская верность» фашистов разных оттенков так далеко не заходит. Даже в том случае, если Италия выступит за пределы Австрии, каждая попытка перевести итальянскую армию через Альпы, чтобы вступить в соприкосновение с немцами и с вражеской французской армией, представляет для итальянского фашизма смертельную опасность. Дело не только в естественных трудностях, которые представляют альпийские перевалы, и не во французских самолетах, которые будут нападать при этих переходах на итальянскую армию; дело не в превосходстве французских пушек, танков и тяжелой артиллерии; и не в той опасности революционного взрыва, которую таит в себе обнаженный итальянский тыл. Дело в том, что итальянская армия, еще до соединения с германской армией на Констанцском озере и в Зальцбурге, будет немедленно атакована с флангов соединенными югославскими и чешскими (а может быть также румынскими) силами и окажется перед новым фронтом в Австрии и Венгрии. Эта атака Малой Антанты, которая располагает 3 млн. винтовок, 50 тыс. пулеметов, 8500 пушек и 2500 самолетов, представляет также немалую угрозу. Муссолини решится на такую игру ва-банк только тогда, когда могущественные силы французской армии будут уже ослаблены. Но он не пойдет с Герингом по пути к катастрофе.

Перспективы совершенно ясны. В рамках *такой* стратегии Герингу остается только одно: не атаковать Францию на ее восточной границе, но расположиться фронтом перед французскими укреплениями и вести войну на истощение. Но этот «выход» — абсолютная фикция. Генерал Вейган не даст себя спровоцировать Герингу и не откажется от тех преимуществ, которые дает ему его подземная крепость; 3 тысячи французских самолетов не дадут германской армии произвести развертывание и окопаться перед французским фронтом. Но не это главное. Основное в том, что Геринг *не может вести длительную войну на истощение*, — германские рабочие ударят ему в тыл. Это одна из самых несомненных и самых важных перспектив этой войны. Длительная позиционная война в стиле Вильгельма II для гитлеровской Германии исключается ввиду ее внутреннего положения: 13 млн. революционных социалистов, вся угнетенная нация не станет больше ждать, она поднимется при первой вести об отступлении, при первых признаках истощения. Геринг может вести только короткую молниеносную победоносную войну. Но стальная стена Вейгана отразит самый молниеносный удар Геринга. Может ли гитлеровская Германия выиграть войну? Нормальной, обычной войны она не выиграет никогда.

Только в корне новая стратегия может дать победу Гитлеру. Геринг и новый германский генеральный штаб это знают. Они возлагают все надежды на новый секретный план, который уже существует, который меняет всю стратегическую ситуацию и который действительно может дать Гитлеру победу — новый германский шлиффеновский план *аэрохимической войны*.

VII. Новый шлиффеновский план

Чтобы победить, мы должны стараться быть сильнейшей стороной в точке встречи с врагом. Этого, однако, можно добиться только в том случае, если *мы* определяем ход операции, а не ожидаем того, что неприятель решил с нами делать... Едва ли возможно разбить более сильного неприятеля, не решаясь на риск... Именно в беде проявляется сила характера и умение найти средства изменить обстановку.¹

Фельдмаршал граф Шлиффен

Люди, которые входят в состав нового германского генерального штаба, — бывший летчик Геринг, бывший капитан, начальник штаба штурмовых отрядов Рем, бывший корнет, начальник чернорубашечников Гиммлер, бывший военный атташе, вице-канцлер фон Папен, полковник Гинденбург-младший, генералы Бломберг и Фрич — давно превзошли Людендорфа, руководителя старого германского генерального штаба. План, который они разработали, — план победы над Францией, несмотря на линию Вейгана, несмотря на огромное превосходство Франции, — один из самых смелых и глубоких в военной истории. Это подлинный продукт германского военного гения; со времен Клаузевица немцы, несомненно, стали наследниками Наполеона в Европе. В 1914—1918 гг. военный гений почти обеспечил Германии победу в несколько недель, а затем дал ей возможность, несмотря на поражение, в течение четырех лет сопротивляться гигантской мировой коалиции. Этот же военный гений создал сейчас план, который, если он будет осуществлен, свергнет Европу в пропасть и сделает Гитлера властелином мира. Содержание этого плана сводится фактически к одному положению: надо превратить современную техническую *позиционную войну* в новую *войну внезапных ударов*, которая даст Германии победу. Это ставит на голову всю современную стратегию; с военной точки зрения эта идея не менее дерзка и революционна, чем розенберговский план коричневого «Интернационала» в политике. Это план *прорыва линии Вейгана*, прорыва сквозь неприступную стальную стену на западе.²

Эта стена, которая герметично закрывает Францию от Германии, представляет собой высшее выражение *позиционной стратегии*, которая и есть современная военная стратегия; это высший триумф траншеи, которая в

¹ Перевод Э.Г. в авторском экземпляре книги на русском языке. — *Прим. сост.*

² Понимание этих и дальнейших замечаний военно-стратегического характера может представить трудности для читателя, не имеющего специальной подготовки. Без этого, однако, совершенно невозможно понять нынешнюю политику Гитлера, сокровенные мотивы многих политических выступлений новой Германии. И каждый, кто был солдатом в последнюю войну, как и всякий, кто должен стать солдатом в будущую войну, понимает, что поставлено на карту. — *Прим. авт.*

последнюю войну неожиданно прекратила обычные маршевые движения борющихся масс — наступление, атаку, прорыв и занятие вражеских позиций — и заменила их безысходным *противостоянием* огромных механических материальных сил: бесконечным обоюдным самоуничтожением, без движения против врага, без пользы для целей войны. Извергающая огонь траншея парализует каждый удар, каждый шаг врага; и чем сильнее становится нажим армии противника, тем сильнее становится механический барьер защиты, массы механических орудий истребления у каждой из сторон. Каждая новая дивизия по одну сторону фронта парализуется или уничтожается новым нагромождением бетона, мин и артиллерии по другую сторону фронта. Каждый новый план наступления одного разбивается о новый технический план другого. Так в страшном порочном круге позиция убила в войне движение. Так возникла новая стратегия позиционной, механической войны, которую Франция довела до совершенства. Превратив изолированную траншею после войны в гигантскую национальную траншею, которая опоясывает всю страну; спаяв бесчисленные механические защитные позиции в единую сплошную заградительную стену материала из конца в конец фронта, Франция *обеспечила себе ключ к современной позиционной войне*. Она не может быть разбита, пока не разбита стратегия позиционной войны.

Только новые революционные методы ведения войны могут лишить Францию этого превосходства в позиционной войне. Это — отправная точка всего нового германского плана войны. Он именно и вводит новые методы, новую стратегию. Он находит эти новые методы в новом и действительно великолепном применении одного из старейших военных принципов: принципа *специфического превосходства*, которое достигается при помощи *максимальной концентрации сил*.

В отличие от общей экстенсивной расстановки и разделения сил — сосредоточение всех сил для одного решающего удара, в решающем месте, в решающий момент.

Этот принцип всегда был основным положением всей германской военной науки; он вдохновлял всех крупнейших германских полководцев. Со времен Клаузевица и Шлиффена, этих теоретических творцов современного германского милитаризма, он был священной и неприкосновенной доктриной всех германских генеральных штабов. Обучение германских офицеров строится именно на этих принципах; каждый лейтенант и каждый будущий генерал должны усвоить эту доктрину еще в школе; никто не может занять сколько-нибудь важную должность в военном ведомстве, если не докажет предварительно своей способности работать по этим принципам, если не решит знаменитую задачу «Канн».

Канн — место исторической битвы между римлянами и карфагенянами, которая произошла в 216 г. до нашей эры. Маленькая, слабая армия Ганнибала разбила гордое и могучее войско римлян — 85 тыс. римских легионеров. Ганнибал победил, применив метод специфической концентрации: он внезапно охватил и окружил врага с фланга при помощи кавалерии. Клаузевиц, основатель великого прусского генерального штаба, в своем классическом труде «О войне» развил стратегическую идею Канн в общую

теорию войны; Шлиффен, преемник Мольтке-старшего и начальник германского генерального штаба перед войной (1891–1906 гг.), построил на этом принципе точный стратегический план, который под именем «Канн» оставался тайной генерального штаба до 1914 г. После 1914 г. каждый германский солдат был во власти этой идеи.

В сущности, это естественный и элементарный принцип во всяком состязании, особенно в состязании между неравными силами. *Все* удачные войны в истории велись именно по этому принципу. Наполеон, Цезарь и Александр Македонский побеждали, потому что умели в нужный момент, в нужном месте собрать нужные силы (специфическая концентрация). Классический пример, который очень популярен во всех военных академиях мира, — тактика маленького и невооруженного Давида в борьбе с вооруженным гигантом Голиафом — имеет тоже только этот смысл. Но именно германское военное искусство впервые осознало огромное значение метода Канн в эпоху современных массовых армий с их взаимно парализующими, гигантскими техническими силами. Этот метод стал основой всего *последнего* германского плана войны. При помощи этого метода граф Шлиффен собирался победить в мировой войне и чуть было не победил на самом деле.

Шлиффен надеялся сокрушить Францию при помощи второй в истории «каннской» операции. Он выделил на выполнение этого плана три четверти всех германских вооруженных сил — 53 дивизии из всех 72; все они были сосредоточены на одной части фронта, на правом фланге. С этой силой он собирался обрушиться через Бельгию и Северную Францию на Париж... Он почти обнажил ради этой концентрации на севере второй левый фланг в Лотарингии и, кроме того — весь фронт против России; и здесь, и там он оставил по 9–10 дивизий. Он придал правому флангу дополнительные механические силы: он бросил сюда тяжелые гаубицы и пулеметы самых последних и непревзойденных тогда конструкций, которые германская армия разрабатывала в строжайшей тайне (такого же эффекта добился некогда Ганнибал со своей специальной кавалерией).

В результате Шлиффен создал в одной точке французской линии защиты такой таран, который должен был пробить всю линию и взорвать ее на воздух. Удар должен был быть так силен, что он не только опрокинул бы противостоящие французские силы; вторая южная французская армия, которая имела бы перед собой сравнительно жидкие германские части, оказалась бы в водовороте — в результате все того же ураганного наступления на правом фланге. Эта армия была бы отброшена без всякого сопротивления с ее стороны далеко на север и затем, после завершения германского прорыва на севере, безжалостно истреблена.

Так задумал Шлиффен свои «вторые Канны». Это означало уничтожение Франции в течение шести недель после объявления войны, после этого Германия бросила бы все свои могучие силы на Россию.

Этот план не удался, Германия проиграла войну. Но Шлиффен не виноват. Виноват не старый Шлиффен, который умер в 1913 г. — за год до войны; его последние слова были: «Крепите мой правый фланг!». Виноват его преемник Мольтке-младший, который ничего не понял в стратегии

Канн и перевернул весь шлиффеновский план вверх дном. Вместо того чтобы «крепить правый фланг» Шлиффена, он бросил 8 из 9 новых дивизий, которые Германия сформировала в последние годы перед войной, на левый фланг. И когда наступило 1 августа и великая мечта германского Ганнибала уже была на пути к осуществлению, его маленький эпитон снял с правого фланга два корпуса, которые углублялись победоносно во Францию, и бросил их в панике на пики казаков на русском фронте. Это был конец шлиффеновского плана — «вторые Канны» не состоялись. Недостающие два корпуса на правом фланге лишили эту концентрацию всякого значения и опрокинули все расчеты. Когда победоносное правое крыло германской армии, сметая все перед собой, совершив свой прыжок через Бельгию (370 км в 20 дней), приближалось на шестую неделю войны к Парижу и должно было здесь нанести свой последний решающий удар, Жоффр ударил с фланга на Марне. Недостаточно сильный правый фланг германской армии, только что проделавший грандиозный марш, оказался сломленным. Франция одержала победу и могла навязать Германии позиционную войну. Но это произошло только потому, что германский генеральный штаб отошел от принципа каннской стратегии, от метода специфической концентрации сил. Через 6 лет, в 1920 г., в сотнях миль от Марны было доказано, что план Канн был совершенно правилен, и доказал это не кто иной, как Вейган, французский главнокомандующий.

В 1920 г. на востоке наступала армия Тухачевского, никому не известно-го офицера: Красная армия Ленина, которая вела войну с белой Польшей. Тридцатилетний Тухачевский уже почти довел до успешного завершения операцию наполеоновских масштабов: блистательно расставив свои силы, он с отрядами голодных, оборванных, плохо вооруженных советских рабочих и крестьян разбил на Березине большую польскую армию; со скоростью 15-20 км в день (скорость кавалерии) он стремился в фантастическом натиске через Польшу на Варшаву. Все военные специалисты до сих пор говорят об этом наступлении, как о новейшем образце стратегии Александра Македонского. Казалось, что судьба польской столицы решена: красные уже подходили к варшавскому предместью — Праге. Тогда прибыл в Варшаву Вейган, для того чтобы спасти капиталистическую цивилизацию от Ленина. Он предпринял тогда в небольших размерах такую же операцию, какую он мог наблюдать в качестве французского офицера на германском фронте во время мировой войны. Он подпустил советскую кавалерию на севере к самой польско-германской границе в Восточной Пруссии и дал ей даже перейти эту границу. Он обнажил фронт на большом расстоянии. А затем сосредоточил все остатки польской армии, — все, что страна могла выставить для своей защиты, — и бросил эти силы на один участок фланга армии Тухачевского. Так была спасена капиталистическая цивилизация. Через несколько недель советские войска были отброшены к тем позициям, которые они занимали в начале наступления, и советское правительство должно было заключить плохой мир. Вейган не побоялся риска и провел операцию по всем правилам стратегии Канн.

Эта стратегия, концентрация всех сил для решающего прорыва в ре-

шающем месте, была и остается *единственным оружием* слабого в борьбе с сильным. Она остается основной, самой характерной, самой глубокой идеей германского военного искусства. На этой стратегии построена и *новая* военная доктрина Гитлера и его штаба.

Гитлер писал в своем «евангелии» «Моя борьба»: надо «обрушиться на самого сильного врага с сосредоточенными силами». Это и есть идея Канн в самом элементарном виде, это и есть *новый шлиффеновский план* в его классической формулировке. Оруженосец и военный советник Гитлера профессор Банзе, который виноват лишь в том, что слишком переполнен своими чувствами и не умеет держать язык за зубами, говорит об этом еще яснее: «Наша маленькая защитная армия не может вести позиционной войны с лучше вооруженным, более сильным количественно противником. Нам ничего не остается, как *решиться на невозможное*, и, что бы ни говорила Лига Наций, все средства оправданы, когда спасаешь шкуру. Каждая война изобилует неожиданностями, и победа приходит часто там, где ее меньше всего ожидаешь» («Наука о войне»).

Этот человек болтает лишнее, и Гитлер со своей точки зрения был совершенно прав, когда он недавно распорядился повесить ему на рот замок и изъять его книги из обращения. Но «истина глаголет устами младенцев». Дипломатический младенец Банзе говорил правду, и ничего кроме правды. *Новый германский шлиффеновский план, построенный на принципах прежнего плана, — реальный, совершившийся факт.* Как Бисмарк в дипломатии, так Шлиффен в военном искусстве — канонизированный первоучитель и законодатель нацистской Германии. Во внешней политике они порывают с ошибочными методами периода Вильгельма II — Каприви, Булова и Бетман-Гольвега; в военной политике они порывают с методами Мольтке-младшего и Фалькенгайна и возвращаются к Шлиффену. Они знают, что делают. Они могут делать *только это*.

Геринг задумал «третьи Канны».

Общее направление предудказано. Успех зависит от технической проблемы: проблемы *материала*.

Какой вид примет каннская операция в 1934 г. — в борьбе с механизированной с головы до ног армией Вейгана? Что может значить принцип специфической концентрации в применении к стальной линии Вейгана? Что может сделать *этот* принцип против *такой* линии? Возможно ли вообще применение этой стратегии в сегодняшних условиях? Да, возможно! Изменилось только техническое содержание, но не сам принцип стратегии прорыва. Материал изменился: Ганнибал сосредоточивал кавалерию; Шлиффен концентрировал дивизии, имеющие тяжелые гаубицы и пулеметы; что может сконцентрировать Геринг?

Сквозь туман нацистской пропаганды Геббельса и К⁰ постепенно проступают очертания нового военного плана Германии.

В современной войне существует только одна возможность прорыва сильно укрепленной техническими средствами вражеской линии: противопоставление этим техническим средствам новых еще более могучих технических сил. Техника может быть разбита только более высокой техникой.

Этот способ — единственный, который остался еще полководцам нашего времени — много раз применялся в последнюю войну после великого затишья на фронтах 1916—1917 гг. Каждый раз, когда это удавалось, соответствующая армия выигрывала важное сражение и приближалась одним прыжком к победе. Ибо такая армия используя новое оружие, не имеющее себе равных, могла продвигаться вперед, по крайней мере, некоторое время, до момента, пока у противника не появится равного по силе или превосходящего оружия. И это давало ей возможность в течение некоторого времени вести маневренную *войну*, войну маршей и переходов, которые приближали исход войны. Правда, непосредственно вслед за этим обычно изобреталось какое-нибудь новое контроружие, которое парализовало действие предпоследнего изобретения и восстанавливало прежние условия борьбы. Все же и то короткое время, в течение которого обладатель нового оружия мог вести активную военную борьбу, могло решить исход всей кампании. Все великие выступления мировой войны после 1915 г. были обусловлены *временным прекращением позиционной войны*. Только это и делало возможным все эти наступления — в противном случае война была бы, теоретически рассуждая, бесконечной, и победа доставалась бы тому последнему солдату, который пережил бы всех остальных на своем посту у какого-нибудь механического орудия. Обе стороны прекрасно сознавали это положение, и только те генералы и политики, которые понимали это до конца, были хорошими стратегами последней войны (в Англии — Уинстон Черчилль, во Франции — Клемансо).

Немцы только в одном случае применили этот метод. Это было тогда, когда они пустили газы на оцепеневшие от ужаса и неожиданности траншеи на западном фронте. В этот момент немцы открыли себе путь вперед. Если бы во главе германского генерального штаба стоял тогда такой человек, как Шлиффен, для которого идея прорыва при помощи специфического превосходства сил была мечтой всей жизни и последней мыслью перед смертью, — немцы могли бы тогда выиграть войну в течение нескольких недель или месяцев, несмотря на крушение первого шлиффеновского плана на Марне. Перед лицом обширной германской газовой атаки, которая охватила бы всю линию фронта, рухнул бы через некоторое время весь фронт союзников. Но в германской штаб-квартире сидели тогда не Клаузевиц и Шлиффен (как сидят сейчас их ученики Геринг и Гаммерштейн), а старомодные и отсталые стратеги, которые были совершенно сбиты с толку методами позиционной войны. Они попросту упустили возможность закончить войну. Германские газовые атаки были предприняты только в некоторых пунктах фронта и проводились не систематически, а нерешительно, как эксперименты. И когда Людендорф наконец понял, *что* происходит, уже было слишком поздно, противник уже роздал своим солдатам противогазы. За это Людендорф заплатил поражением и крушением Германии. Но когда Черчилль и Клемансо — не военные специалисты, но зато люди с воображением — предприняли подобный же эксперимент, уже хорошо сознавая, что они делают, они довели войну до конца: *танки* прикончили Германию. Они прикончили (фактически в несколько месяцев)

армию, которая в течение четырех лет боролась и удерживала позиции в борьбе со всем миром, которая вынесла Марну, выдержала Сомму, Ипр и Верден. Эта армия изучила блестяще позиционную борьбу, но танки Черчилля положили конец позициям и позиционной войне. Танки перескакивали через траншеи, как через крысиные норы; они начали новую войну маршей и переходов. Более интенсивная техника разбила еще недавно непобедимую старую технику и привела военные операции к решению.

Однако самая возможность преодоления техники техникой *на поверхности поля битвы* уже почти достигла своего предела. Дальше идти некуда; каждый технический максимум может быть парализован, и между двумя линиями максимальных укреплений современного порядка уже невозможно состязание в специфической интенсивности. Достигнута высшая точка взаимного подавления — все можно заставить замолчать.

Малые танки, при помощи которых Фош и Черчилль прорвались когда-то через неприступные германские линии, выросли с течением времени в автоматических гигантов, достигли размеров передвижных стальных фортов, которые весят 92 тыс. кг и развивают скорость 10 км в час (последний французский тип «Д»). Но даже армия таких танков бессильна перед стеной Вейгана (не говоря уже о современных антитанковых орудиях). *Никакая сила* на поверхности земли не может одолеть подземную массу стали, бетона и артиллерии, простирающуюся на сотни миль в длину и на мили в ширину. Это *абсолютная преграда*.

Она неодолима *по горизонтали*. Но *по вертикали* этой преграды не существует. Вот какое потрясающее открытие сделала современная военная наука. В нем ужасный рок, тяготеющий над будущим всего мира. Невозможно *прорвать* предельно укрепленную современную позицию, но можно *через нее перескочить*.

В воздухе нет «позиций». Позиционная война имеет только одно измерение.

Так возникает новый шлиффеновский план — план *концентрического прорыва* воздушным путем. Специфическим материалом для «третьих Канн» Геринга служит *аэрохимия*¹.

Аэрохимия одним ударом опрокидывает все здание современной стратегии и, в первую очередь, самое высшее и самое современное создание этой стратегии, стальную стену Вейгана. Аэрохимия дает Тиссену, Гитлеру и Герингу величайшие исторические возможности. Никогда еще ни одна политическая власть не имела таких возможностей. Без аэрохимии весь интернациональный план Гитлера — мыльный пузырь; но Гитлер плюс аэрохимия — это меняет всю картину; это действительно переводит всю историю на другую колею. Это — один из самых сильных рычагов всего гитлеровского движения.

Аэрохимия делает новый германский план Шлиффена чем-то очень простым — во всяком случае, гораздо более простым, чем прежний план Шлиффена. Дело практически сводится к накоплению материала. Эволю-

¹ Аэропланы, снабженные ядовитыми газами. — *Прим. авт.*

ции, марши, элементарная стратегическая свобода действий восстанавливают себя в своих правах над землей. Принцип специфической концентрации сил для решающего удара в решающем месте снова обретает смысл и жизненность, как во времена Ганнибала; искусство войны опять становится игрой. Вертикализация борьбы разрешила все вопросы. Воздушная армия — это *новая кавалерия*, специфическое неодолимое орудие атаки и штурма. Как некогда несокрушимые колонны кавалеристов Ганнибала или Наполеона, так ныне концентрированная воздушная кавалерия, не знающая дорожных препятствий, развивающая огромную скорость, имеющая истребительное газовое оружие, способна совершить прорыв в любом направлении. Одновременно она решает раз и навсегда проблему прорыва на земле: после атаки воздушной армии весь соответствующий участок земли внизу уже в первые дни войны будет технически и морально мертв. Моторизованная пехота, которая последует за своей воздушной армией на броневиках со скоростью в 200 км или более в день, встретит ничтожное сопротивление на этих разрушенных позициях, в мертвых городах, в скопищах деморализованных солдат неприятеля. Поход в страну врага под прикрытием той же самой воздушной армии может очень скоро завершиться оккупацией важнейших центров и областей¹. Но это — дальнейшая стадия; решает же задачу сокрушительное нападение воздушной армии. Никакая зенитная артиллерия не может серьезно помешать этому. В крайнем случае, враг вышлет свою воздушную армию против нападающих или предпримет опустошительный рейд в тыл противника, но тогда опять исход состязания, по всем законам классической стратегии, решает концентрация сил и внезапность нападения. Если атакующая армия достаточно сильна и правильно выбрала направление удара, она уничтожит противника, до того как он сможет развернуть свой контрудар. Кроме того, она может после победы немедленно удалиться, лишая тем самым контрудар противника всякого значения. Теория воздушной войны, таким образом, в основном повторяет теорию наземной войны. «Канны» в воздухе как стратегическая задача и операция повторяют в точности Канны Ганнибала с его кавалерией.

Перед германским генеральным штабом стоит теперь конкретная задача создать такую могущественную воздушную армию, чтобы: *1) обеспечить концентрированным ударом решающий прорыв на французском фронте; 2) прикрыть сердце германской промышленности, Рурскую область, от контратаки французских воздушных эскадрилий* (Рур расположен в получасе летного времени от франко-бельгийских военных аэродромов).

Все это точь-в-точь старая шахматная задача мудрого графа Шлиффена — в вертикальном варианте. Его знаменитое «правое крыло» называется теперь «атакующая воздушная армия»; его левое крыло — обороняющаяся воздушная армия. И так же, как в прежнем плане, все дело в силе атакующего крыла. Если это крыло, атакующая воздушная германская армия, количественно и качественно; по числу самолетов и мощи химического обо-

¹ Уже обсуждается проект переброски танков на гигантских аэропланах особой конструкции за линию неприятельского фронта. — *Прим. авт.*

рудования будет сильнее; если будет обладать абсолютным превосходством и сможет добиваться решения при всех обстоятельствах, тогда успех обеспечен, и французский план защиты от Геринга окажется столь же несостоятельным, как знаменитый «план 17» Жоффра против Шлиффена. Но только в этом случае.

Новый германский генеральный штаб, наученный ошибками Марны, не допустит повторения этих ошибок. Он будет с железной решимостью, с чудовищной основательностью, с невероятными ухищрениями добиваться того, чтобы принцип концентрации был соблюден в полной мере. Он создаст такую воздушную армию, такой аэрохимический таран, какого мы в настоящее время не можем себе и представить. И он выполнит этот аэрохимический шлиффеновский план, хотя бы пришлось вступить в борьбу со всем миром.

Дело в том, что этот план одновременно освобождает Гитлера от двух важнейших препятствий на его пути.

Война в воздухе развернется так быстро и внезапно, что не даст *революционному движению* внутри страны принять сколько-нибудь организованные формы. Прежде чем выступит на борьбу новый, надевший военные мундиры, рабочий класс, прежде чем рабочие успеют объявить всеобщую забастовку, на воздушном фронте уже будет решен исход дела или же над германскими городами появятся вражеские эскадрильи. Поскольку воздушный флот в несколько десятков тысяч машин требует только нескольких десятков тысяч человек летного состава, воздушная армия будет состоять не из революционных пролетариев, а из отборных офицеров, верных защитников господствующего класса и его партии. Моторизованная пехота также будет набрана преимущественно из числа преторианцев и наемников фашистской диктатуры; кроме того она будет находиться под вечной угрозой сверху — это еще более серьезно, чем пулеметы, при помощи которых гнали солдат на войну в 1914—1918 гг.¹

Далее в *экономической сфере* быстрая воздушная война позволяет германскому генеральному штабу ограничить свою задачу обеспечением только некоторых видов вооружения и материалов, а не всех видов вооружения, промышленных изделий и продуктов питания, что было бы для Германии почти недостижимо. Это игра ва-банк, как и вся политика национал-социалистов: война должна быть выиграна или проиграна в кратчайший срок. Это не затяжная война, в которой принимают участие резервы обеих стран. Если она будет проиграна, тогда страна 65 млн. немцев станет сплошным химическим кладбищем. Если будет выиграна, тогда Геринг ста-

¹ И все же коммунисты, особенно германские, конечно не останутся пассивными. Они уже сейчас разрабатывают свою собственную стратегию против стратегии генерального штаба. Фридрих Энгельс в конце прошлого века писал, что новые методы буржуазного городского строительства — широкие лучеобразные улицы вместо узких кривых переулков XVIII в., которые давали восставшим большие преимущества в баррикадной борьбе, — осложняют в огромной мере технические условия революционной борьбы в больших центрах. Это однако не предотвратило многочисленных революций в послевоенный период. — *Прим. авт.*

нет новым Наполеоном, Адольф Гитлер повелителем мира, а глава Рура Фриц Тиссен — повелителем Гитлера и Геринга.

Остается решить еще один относительно второстепенный вопрос: в какой *точке*, в каком *направлении* развернется новый концентрический удар воздушной армии. Где разыграется сцена новой Каннской битвы?

Шлиффен шел на Париж, Геринг идет туда же. Шлиффен намечал для прорыва не одну из точек французской линии, а избрал для этого обходной маневр через третью страну, нейтралитет которой он решил нарушить. Германский фашизм не озабочен границами и договорами, он ищет самое выигрышное направление. Шлиффен, для того чтобы разбить французский «план защиты 17» с его концентрацией войск на юге, направил свой главный удар на север — через Бельгию. Геринг может выбирать между двумя наименее защищенными точками в новой линии франко-бельгийских укреплений и зенитных батарей на крайнем юге или на крайнем севере: он нарушит нейтралитет либо Швейцарии, либо *Голландии*. Это зависит от Муссолини и от министра Рамсея Макдональда.

Германский фашизм готов к выступлению в том и другом направлении. Он, не задумываясь, втянет в дело Голландию, даже если это повлечет за собой полное уничтожение и смерть этой страны. Он может превратить Голландию в базу для своего развертывания гораздо легче и гораздо скорее, чем это смог сделать Вильгельм II в 1914 г. с Бельгией. Германская армия может сразу же зажать Голландию с севера и с юга в тиски — в провинции Гронинген, на пересечении важнейших железных дорог и каналов, и в провинции Лимбург, угольном центре близ Аахена; следуя за воздушными эскадрильями, которые будут сметать все препятствия и уничтожат промышленность северной Франции в течение нескольких часов, германские колонны броневиков уже в первый день проложат себе дорогу через «нейтральную» бельгийско-голландскую границу, а затем через «союзную» франко-бельгийскую границу. Эти провинции в смысле противовоздушной обороны, так же как и в других смыслах, сравнительно слабо вооружены. Это будет повторением похода на Марну, но поскольку на этот раз исход сражения будет решаться в воздухе, Париж — если он еще будет существовать — окажется совершенно беззащитным перед германским фашизмом. Этот план, если он будет проведен внезапно, — а германский фашизм не станет дожидаться официального объявления войны, — может закончить войну в кратчайший срок; голландские наци Розенберга уже делают все необходимые технические и политические приготовления. План этот может быть осуществлен однако только в том случае, если германский фашизм, открыто или тайно, заручится благожелательным нейтралитетом той силы, которая господствует в северных морях — нейтралитетом британского Адмиралтейства. Вот почему Геринг боится себя на случай крайности и другим маршрутом. Этот маршрут дает возможность объединить его воздушный флот и моторизованную пехоту с другой мощной армией против Франции: это путь через Женеву, пацифистское сердце Лиги Наций.

Тогда его целью будет не Париж, а Лион. Он направит свою огромную воздушную армию через Швейцарию, вторгнется в плодородные юго-вос-

точные округа Франции, уничтожит при помощи газовых, взрывчатых и зажигательных бомб всю жизнь в Ронской долине и в Дофинэ, уничтожит гигантские заводы Крезе — те самые, которые в «мирное время» снабжали его танками — и ввергнет в панику всю Францию. Тем временем, германская пехота атакует, если только в этом будет еще необходимость, рейнскую границу между Германией и Швейцарией (60 миль; линия Базель — Хур), пробивается с броневиками и батареями дальнобойных орудий в долину Аара и вторгается, прикрыв свой тыл самолетами, вдоль Юрской горной цепи, между Невшательским и Женевским озерами в южную равнину Франции. Эта атака в целом так сокрушительна, что она не только парализует маленькую швейцарскую армию, которая, вероятно, даже не решится выступить, но притянет также военные силы Муссолини, которые до поры до времени будут «выжидать» за Альпами. Муссолини никогда не присоединится к Герингу, пока тот будет вести позиционную войну старого стиля, т. е. до тех пор пока германский фашизм будет иметь перед собой неприступную французскую стальную стену. Он никогда не выступит вместе с Герингом на Дунае против наступающей французской армии, которая будет опираться на свои укрепленные позиции на западе. Но как только Геринг начнет применять свою *воздушную стратегию*, Муссолини постарается не упустить случая, которого он давно ждет. Как бы ни развивались до того дипломатические отношения между Италией и Францией, Муссолини выступит против Франции вместе с германским фашизмом — во имя «исторических задач Италии». Он усилит германский удар в швейцарском направлении, добавив свою тысячу самолетов, силы маршала авиации Бальбо. Он начнет свое собственное наступление силами пехоты — все это сделает удар германского фашизма практически неотразимым. Эта схема комбинированного германо-итальянского воздушного и пехотного наступлений на запад от Альп представляет собой полную противоположность другой схеме — французскому наступлению на север и на восток от Альп к Дунайской долине: в этой комбинации Франция — наковальня, а в первой — молот. «Третьи Каны» даруют Герингу победу. Пал Лион. Геринг летит на Париж.

Может ли гитлеровская Германия выиграть войну? Военная стратегия отвечает: *может*, если Германия будет обладать большой сокрушительной воздушной армией.

В этом содержание всей деятельности Геринга, в этом весь смысл дипломатии «разоружения» Гитлера: вся Германия сейчас — сплошной авиационный завод.

VIII. Воздушная армада Геринга над Европой

Какой должна быть сегодня «воздушная сверхармия», чтобы она могла решить исход войны в Европе? Расчет несложен. Если Геринг будет иметь 10 тыс. самолетов, т. е. столько же, сколько имеет сейчас вся Европа, и в полтора раза больше, чем вся французская группа (включая Малую Антанту, Польшу и Бельгию), он может начать войну с хорошими шансами на успех.

Если Геринг будет иметь вдвое больше аэропланов, чем вся Европа, и в три раза больше, чем Франция и ее союзники, — 20 тыс. машин, — тогда только чудо может отнять у Германии победу. Из 20 тыс. самолетов 5 тыс. достаточно, для того чтобы прикрыть Рур и весь германский тыл от любого нападения французских воздушных сил; еще 5 тыс. машин будут сдерживать все остальные вражеские армии; наконец 10 тыс. машин произведут концентрированную атаку на Францию и уничтожат ее. Это будет такое полное уничтожение страны, о котором не смел мечтать еще ни один германский военный вождь.

Расчет этот абсолютно непреложен. До такой степени полный переворот в стратегии упростил положение.¹

Двадцать тысяч самолетов гарантируют победу, триумф над всем миром, искупление за 1914–1918 гг., гитлеризацию Европы. Может ли Германия создать такую воздушную силу? Это последний вопрос из нашего цикла «Куда идет Гитлер?» Осуществима ли эта задача — создать армию в 20 тыс. самолетов?

Нацисты могут выполнить эту задачу в течение одного года.

Если кто-либо и может добиться этого, то только гитлеровское государство. *Германией сейчас управляют летчики.* Эта фраза приобретает особое значение, если вспомнить о том, *какое влияние имеют бывшие военные летчики в гитлеровской партии.* Это не случайное совпадение: речь идет о господстве этой профессии над всеми другими. Из четырех верховных вождей национал-социализма (Гитлер, Геринг, Геббельс и Гесс) двое — бывшие военные летчики. Геринг, военный вождь гитлеровцев (вместе с Ремом), начальник генерального штаба, главный вдохновитель всех новых военных планов и будущий коричневый Бонапарт в новой мировой войне, — не только летчик по профессии (он был командиром знаменитой германской боевой эскадрильи барона фон Рихтгофена, которая сыграла важнейшую роль в последние годы войны), он — маньяк воздушной войны. Именно поэтому он и оказался наиболее подходящим руководителем нового германского генерального штаба. Военная авиация для этого человека что-то вроде морфия. Вспомним, что сам Шлиффен умер со словами «Канны» на устах: только солдаты такого типа, загипнотизированные какой-нибудь одной центральной стратегической идеей, являются сейчас, когда принцип «специфического превосходства» решает на войне, подлинными, вполне современными и победоносными военными руководителями. Геринг — один из них. В этом смысле трудно пожалуй переоценить Геринга. В этой сфере этот человек значительней и опасней, чем сам «фюрер» и полубог Гитлер и другой его паладин, «мозг движения» Геббельс. В 1934 г. один воздушный варвар сильнее, чем вся «гуманистическая цивилизация». А Геринг в качестве военного вождя национал-социалистов поставит на карту все свое и его (национал-социализма) варварство, все свое и его влияние в Германии ради одной идеи: воздушной мощи.

¹ Мы можем теперь в грубых цифрах считать на тысячи самолетов, как раньше вели счет на пехотные дивизии: единицы движения в этой форме вновь обрели свое значение. — *Прим. авт.*

Другой его единомышленник стоит пожалуй еще ближе к трону: это Рудольф Гесс, официальный заместитель «вождя» и бывший летчик германского воздушного разведывательного отряда №35. Этот человек, который имеет сейчас почти роковое личное влияние на Гитлера, который тесно связан не только с правящими черными рубашками (СС), но и с таинственным Гестапо, — Гесс как летчик тоже хорошо знает, что поставлено на карту. А Гитлер делает то, что подскажет Гесс. Геринг и Гесс вместе определяют всю политику наци.

Но это еще не все. Среди членов национал-социалистской фракции рейхстага, т. е. крупнейших руководителей партии во всей Германии, можно насчитать не менее 20 летчиков. Д-р Роберт Лей, руководитель нацистских профсоюзов и председатель организационного бюро партии, человек из личного окружения Гитлера — бывший военный летчик.¹ Он кроме того по профессии химик, бывший служащий «И.Г. Фарбениндустри». Были летчиками в прошлом: руководители коричневых отрядов Гагер, Шрагмюллер, Гейдебрек, фон Платен; руководители черных рубашек Иекельн, Модер, Хейсмайер; губернатор Гамбурга Кауфман и полицей-президент Вальденбурга Фердинанд фон Хидессен, один из первых авиаторов в Европе (с 1908 г.) и один из тех, кто принимал участие в первом германском воздушном нападении на Париж 30 августа 1914 г. Еще более значителен пожалуй тот факт, что один из самых влиятельных членов таинственного Военного бюро национал-социалистской партии (Верполитишес Амт дер НСДАП), фактический военный министр национал-социалистов, своего рода Розенберг по военным делам — капитан Вильгельм Вейс — также опытный военный летчик², а Гюнтер Циглер, один из ближайших советников Рема, во время войны командовал воздушным отрядом №7.

Это совершенно недвусмысленная картина. Военные летчики выступают в роли политических и главным образом военных лидеров гитлеризма. Объяснить это явление нетрудно. Летчики по «роду своего оружия», технических знаний, по ярко индивидуальному характеру их участия в военных действиях (по сравнению с безличными массами пехоты в позиционной войне) представляют собой самый активный и самый способный элемент армии. Каждый раз, когда армия выступает активно на политической арене, — а это происходит теперь повсеместно — летчики становятся и в политике самым активным, смелым и слишком часто самым авантюристским элементом. Эта же тенденция, как известно, наблюдается и в других странах, не только в Германии. До недавнего времени роль летчиков в политической жизни можно было сравнить в известной мере с политической ролью морских офицеров: они тоже составляют своеобразную аристократию среди военных (особенно подводники). В Германии в течение первого пе-

¹ Тот человек, который перед приходом Гитлера к власти ближе всех стоял к Гитлеру, высоко над Герингом и Геббельсом, Грегор Штрассер, также был летчиком. — *Прим. авт.*

² Вейс в настоящее время состоит также председателем германской ассоциации прессы и одним из директоров официального германского телеграфного агентства Вольф. — *Прим. авт.*

риода контрреволюции (приблизительно до 1924 г.) морские офицеры играли ведущую роль в лагере крайне правых — они были самыми активными участниками путчей, «деятелями» белого террора и т. д.; так, например, знаменитый капитан Эрхардт был морским офицером; морскими офицерами были также террорист Киллингер (командир миноносца) и министр Тревиранус, до недавнего времени лидер германских националистов и правая рука Брюнинга (капитан первого ранга). Однако же морские офицеры, так же как и самая аристократическая группа армейских офицеров, гвардейцы, происходили из высших слоев буржуазии — из дворянства и богатых буржуазных семей; они были гвардией *старого* фронта контрреволюции, который притягивал только представителей крупной буржуазии. Когда первая контрреволюция потерпела поражение, потому что не сумела создать себе опоры в массах, террористским морским офицерам, надменным и чванливым, как их отцы, наскучила «политическая борьба», и они ушли из подвалов заговорщиков в комфортабельные председательские кресла в акционерных обществах: почти весь корпус морских офицеров пошел на службу в промышленность, главным образом в *тяжелую* промышленность. Стиннес, король германской инфляции, прославился между прочим и тем, что заполнил все крупнейшие посты в своем концерне морскими офицерами; они служили Стиннесу так же дисциплинированно, как до этого на подводных лодках.

Так исчезли с германской политической сцены морские офицеры, но когда наступил второй период германской контрреволюции, когда монополистический капитал сумел мобилизовать массы мелкой буржуазии себе на помощь, другая офицерская каста выступила на авансцену. Это — каста офицеров, которые происходили из той же самой мелкобуржуазной массы, но за время войны заняли положение технического авангарда армии: летчики. Эти сыновья лавочников, аптекарей и учителей зажили новой и фантастической жизнью. Они не лежали в траншеях, они вели жизнь свободную и полную авантюры, как некогда рыцари и наемники в старых романтических войнах. Эти молодые люди поднялись высоко над серой жизнью своих отцов и навсегда почувствовали к ней отвращение. Они оторвались от своей среды, утратили внутреннее равновесие: многие из них, особенно наиболее удачливые, стали наркоманами. После войны они не могли уже вернуться в эту ставшую чуждой им среду: они стали самым беспокойным и активным элементом своего класса — революционерами мелкой буржуазии. Заключение мира положило конец их карьере и не открыло перед ними никаких новых возможностей — мирное положение никак их не «устраивало». Они ненавидели рабочий класс, потому что именно он как носитель революции преградил им путь к карьере. Они оставались чужаками и в среде крупной буржуазии, которая теперь правила на «республиканских началах»; она отдавала предпочтение их коллегам с голубой кровью или морским офицерам, а не летчикам.

Так оказалось, что в республике нет им места. Как раз к этому времени окончательно разорились их отцы, мелкие буржуа. Они стали поэтому национал-социалистами, германскими фашистами. Так сформировались такие люди, как Геринг и Гесс. Именно эти люди, умеющие драться и нена-

видеть, с необычайной энергией, с профессиональным упорством работали над созданием гитлеровской партии и постепенно — сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее — выдвинули национал-социализм на авансцену политической жизни. Пока на переднем плане действовали старые путчисты, морские офицеры и реакционные аристократы-генералы, мелкобуржуазные летчики оставались в тени. И только тогда, когда закончился первый акт германской контрреволюции, и Тиссен организовал возмущение мелкой буржуазии, всем вдруг стало ясно, *что* успела проделать за это время группа летчиков: она построила гитлеровскую партию так, как строят отряд авиамашин. Эти тридцатилетние, для которых охота на человека стала профессиональным делом за время войны, и в политической борьбе не знали ни преград, ни границ. Они придали политике характер и темпы воздушной атаки. Так возник феномен национал-социалистской психологии. Появились особые черты — беспредельная жестокость: выполни приказ любой ценой, а также безнаказанность, которые стали типичными для всего движения и благодаря которым оно одержало победу. Именно эти черты придали криминальный характер самой природе гитлеризма. Это — методы массового террора против беззащитных рабочих и евреев: своего рода сбрасывание бомб на мирное население. Это — методы тоталитарного государства и позднее, в сфере внешней политики, методы саботажа разоружения, ухода из Лиги Наций, провокационных вызовов всему миру. Германские летчики стали идеальными фельдфебелями тиссеновского фашизма — как ранее морские офицеры были фельдфебелями стиннесовского путчизма (к этому времени, кстати сказать, летчики заключили уже с морскими и с армейскими офицерами соглашение и отныне действуют общим фронтом). Они — главные застрельщики всех крупнейших гитлеровских начинаний. *Они и национал-социализм — одно и то же.* В этом субъективный фон, социальный секрет нового германского плана воздушной войны, новых гигантских военных замыслов Геринга. С той же бешеной активностью, с той же неудержимостью авантюристов, с той же безумной страстью к разрушению они, держа в руках Германию, бросились теперь в область мировой политики, чтобы выполнить свою основную задачу: создание новой гигантской воздушной армии Германии.

Они создадут эту новую воздушную армию, если только никто не ударит их по рукам. Они построят 20 тыс. самолетов Геринга, чего бы это ни стоило. Они впрягут в это ярмо всю германскую нацию. Они достаточно могущественны и достаточно решительны, чтобы провести эту огромную операцию во всем объеме, т. е. вложить в это дело по крайней мере 1/4 млрд. фунтов стерлингов — вдвое больше того, что израсходовал до сих пор на воздушные вооружения весь мир.

Современная разведывательная машина стоит 15-16 тыс. фунтов стерлингов; бомбовозы стоят больше. Даже зенитное орудие стоит около 10 тыс. фунтов.¹ Это значит, что армия в 20 тыс. самолетов, даже если не считать

¹ По данным, которые привел Бенеш в бюджетной комиссии чехословацкого парламента. — *Прим. авт.*

дорогостоящего химического оборудования, должна стоить 200–250 млн. фунтов стерлингов. Весь германский бюджет (по росписи расходов) составляет сейчас 400 млн. фунтов. Вся армия безработных получает около 125 млн. фунтов. Но какое дело Герингу до безработных? Какое ему дело до нации? У него одна идея: насчет всесокрушающей воздушной армады на Лион. 20 тыс. машин будут построены.

Страна объявлена на чрезвычайном положении. Политика, армия, гражданское управление, школы, пресса, литература, правосудие, тайная полиция — все подчинено новому режиму: это — режим строительства воздушной армии. Нация должна преклонить колени. Как во время осады или эпидемии, вся частная и общественная жизнь, начиная с отдельной семейной ячейки и кончая правительственными кругами, подчинена одному единому принципу. Геринг дал лозунг: Германия должна в кратчайший срок стать крылатой нацией. Все колеса тоталитарного государства пришли в движение.

Верховное командование этого тайного строительства воздушных вооружений находится в руках непосредственных приближенных Гитлера. Одновременно происходит однако другой процесс, в который вовлечены широкие массы. Процесс этот когда-нибудь будет рассматриваться как одно из решающих военных мероприятий в период перед второй европейской войной: происходит *авиатизация коричневых*. Гитлеровца сажают на самолет.

Воздушная армия с самого начала была не обычной государственной организацией, а особым отрядом национал-социализма. Это его специальное монопольное оружие в борьбе с его врагами; в конечном счете, это — орган исполкома коричневого «Интернационала» для завоевания Европы. Эта армия, подобно всем начинаниям Тиссена и Розенберга, обладает не национальными, а континентальными устремлениями.

Во главе этой армии стоит не орган государственной власти, а совершенно особая организация: тайный штаб «национал-социалистских воздушных штурмовиков» (Люфтштурме дер СА), который связан непосредственно с Герингом и руководителями коричневых и черных, Ремом и Гиммлером. Кто состоит в этом воздушном штабе? Имена его руководителей мало кому известны. Один из главарей этой организации — тот самый юнкер Циглер, который во время войны был участником одного из самых знаменитых германских воздушных сражений (сейчас он один из руководителей черных рубашек). Его ближайший соратник — лейтенант Россбах, один из самых известных германских террористов послевоенного периода. Крупнейшие руководители «Люфтанзы», этого германского треста «гражданской авиации», и крупнейшие химические специалисты и представители «И.Г. Фарбениндустри», самого большого химического концерна в мире, также входят в состав этого главного воздушного штаба. Все они подлинные новые германские Шарнгорсты¹.

Этот штаб, который не имеет ничего общего с официальным командованием германской армии и который официально неизвестен ни одному

¹ *Г.Д. Шарнгорст* (1755–1813) — генерал, известный военный теоретик, реорганизатор прусской армии (в 1806–1810 гг.) — *Прим. ред.*

военному министерству в мире, становится жизненным нервом всей гитлеровской многомиллионной армии коричневых и черных. Он раскинул по всей армии сеть специальных комиссаров, тайных ячеек и вспомогательных организаций. Он постепенно превращает армию в совершенно новую разновидность военной организации.

Основная его цель — серийное производство аэронационал-социалистов, армии будущего. Старый германский рейхсвер играет теперь второстепенную и вспомогательную роль: это только корпус инструкторов для подготовки действующей армии. Германская молодежь охвачена своеобразной «воздушной лихорадкой». Во всех концах страны создаются «национал-социалистические воздушные отряды», которые проходят подготовку под руководством опытных военных летчиков. В каждой бригаде коричневых создаются воздушные секции и аэропланые парки. Каждый из 300 тыс. «черных» должен стать пилотом. Эта привилегированная гвардия гитлеризма должна стать привилегированной воздушной гвардией. Студенты и школьники проходят обязательное обучение авиационной технике и основам химической войны. В средней школе аэронавтика как предмет преподавания заняла место французского языка. В Берлине учреждена центральная воздушная академия, «школа Германа Геринга». По всей стране возникают «инструкторские газовые батальоны» по 2500 чел. в каждом. Так бешеными темпами создаются новые кадры воздушных солдат, техников, химиков, которые уже сейчас бесспорно не имеют себе равных в мире.

Гражданский отдел этого нового воздушного штаба подчинил себе через так называемую «Всегерманскую лигу противовоздушной защиты» (Рейхслюфтштцбунд) население целых городов и округов. Население обязано в принудительном порядке обеспечить для этой новой армии денежную базу, обмундирование, защитные противогазовые посты и т. д. Только в одном из районов Берлина, насчитывающем 10 тыс. зданий, было создано за последнее время 20 тыс. «гражданских домовых противовоздушных наблюдательных постов». Местные организации, клубы и благотворительные общества, железные дороги, частные предприятия и школы должны все свои средства и весь свой персонал предоставить в распоряжение этого тайного воздушного командования, которое после перерыва в 15 лет продолжает дело, оставленное ему в наследство Гинденбургом и Людендорфом. Все дело в целом находится под строжайшим политическим контролем местных лидеров национал-социалистов. Это ведь не только армия Германии, это армия международной нацистской партии.

Но все это обеспечивает осуществление нового шлиффеновского плана только наполовину. Армия крылатых гитлеровцев черпает свое могущество, свое мировое значение еще кое в чем, что придает генералу Вейгану почти судьбоносную роль в новой огромной *германской авиапромышленности*, которая выросла в течение нескольких месяцев в центре Европы и сейчас уже может строить по 2 тыс. машин ежемесячно.¹ Весь военный авиа-

¹ По словам Мандоля, депутата французской палаты и бывшего личного секретаря Клемансо, который тесно связан с военными кругами, эта цифра достигает даже 2500 самолетов ежемесячно. — *Прим. авт.*

ционный парк Франции насчитывает сейчас 3 тыс. машин, из которых 1700 составляют так называемую «Первую непосредственную линию»; Англия и Италия имеют по 1500 машин. Таково довольно постоянное соотношение воздушных сил в Европе. А Германия уже в последние недели войны имела, по словам Людендорфа, 13 тыс. аэропланов. Эти старые, маленькие, слабые машины были переданы Антанте. Но для новой германской промышленности это количество — сущие пустяки.

Строительство нового воздушного флота происходит одновременно по трем линиям.

Германская автомобильная промышленность превращается в авиапромышленность — это первая линия. Уже почти исчезнувшая в результате подавляющей американской конкуренции, эта отрасль промышленности стала, после некоторого переоборудования, одной из самых активных и преуспевающих отраслей промышленности в Германии. Даймлер, Бенц, «БМВ», «НАГ» и другие знаменитые германские автомобильные марки приобрели теперь новый смысл. Мощная германская электротехническая промышленность уже тоже вырабатывает авиационные моторы; соответствующие цеха Сименса работают в три смены. Старые аэроплановые заводы Юнкерса, Дорнье, «Байрише Флугцейгерверке», «Готаер Цеппелинверфт», которые уже было закрылись или стояли на грани ликвидации, сейчас выросли до гигантских размеров. Новые заводы для серийного производства самолетов возникли в Восточной Пруссии, в Иоганнстале близ Берлина, в Гамбурге, в Бремене, в Рейнской области, в Фридрихсгафене. Все это — частная промышленность; она уже скоро станет одной из самых крупных в стране, следующей по размерам после тяжелой и химической промышленности. Но эта частная промышленность находится в монопольном владении и управлении национал-социалистской партии. Гитлеровская партия — единственный акционер нового треста, она же и его правление. Председатель вновь организованного предприятия «Байрише Флугцейгерверке» в Аугсбурге, директор Тео Кронайс — одновременно является командиром коричневых и «специальным комиссаром верховного руководителя СА по вопросам авиации в Баварии». Кто этот «верховный руководитель СА»? — Гитлер. Из Лейпцига поступил заказ на 5 самолетов. Кто заказчик? Лейпцигский окружной комитет национал-социалистской партии. Все остальные окружные комитеты гитлеровской партии делают то же самое; это значит, что поступают заказы на тысячи машин. На этих заводах работают только национал-социалистские рабочие, только национал-социалистские инженеры и национал-социалистские директора. Это — частная собственность гитлеризма, так же как и вся армия аэронационал-социалистов. Новые короли воздуха не допускают сюда ни одного постороннего.

Вторая серия самолетов строится для Гитлера за границей: в Италии, Швеции, Голландии, Англии, во всех «нейтральных» соседних странах, которые считают, что коммерция — это коммерция, а поставка самолетов для Германии — даже очень выгодная коммерция. Германские дизель-моторы для самолетов вывозятся тысячами в Италию; они возвращаются в Гер-

манию в виде готовых разведывательных воздушных эскадрилий. Некоторые фирмы, расположенные к северо-западу от Германии, поставляют в Германию все необходимые части для бомбовозов и разведчиков. Никакие конференции по разоружению не мешают этим людям, а конференция по разоружению и контрольная комиссия по разоружению ничего не видят. Эта заграничная армия самолетов находится за пределами Германии, но составляет неотъемлемую часть аэрогитлеризма.

Третья серия самолетов уже сейчас в строю. Она насчитывает 1200–1500 машин и может в любое время вылететь в полном боевом порядке в любом направлении. Это невинная германская армия «коммерческой авиации», самолетный парк сугубо гражданской «Люфтвагза А. Г.», которая со своими 6 млн. миль ежегодного налета, 100 тыс. пассажиров и 1 млн. кг багажа и почты занимает первое место в европейских воздушных сообщениях (общее число налетанных миль коммерческой авиации составляет во Франции 5,5 млн., а в Англии, Италии и Голландии вместе взятых 6,5 млн.). Но эти блистательные гражданские цифры могут в срок от 4 до 8 час. стать столь же блистательными *военными* цифрами. Именно столько времени нужно для того, чтобы превратить коммерческий самолет в боевую единицу, снабженную пулеметами, автоматическими пушками и бомбометательными аппаратами. Именно столько времени необходимо, чтобы 1500 машин «Люфтвагзы» превратились в 1500 разведчиков и бомбовозов атакующей армии аэро-наци.¹ Эти машины налицо. Они принадлежат «Люфтвагзе», т. е. Герингу; статс-секретарь Геринга одновременно директор «Люфтвагзы». ² Управляют машинами «Люфтвагзы» военные летчики, т. е. активные деятели коричневой и черной армии. И при всем том даже Гендерсон не может возражать против существования германской коммерческой авиации. Она бесспорно является «потребностью цивилизации»!

В последнее время воздушное командование уже начало проводить секретную операцию, которая окончательно превратит это цивилизованное предприятие в предприятие для истребления цивилизации. В германской коммерческой авиации, которая сейчас составляет авангард, «первую линию» будущей армии в 20 тыс. машин, спешно вводится новый тип особо быстроходной и интенсивной машины. Коммерческая авиация будет отныне работать на трехмоторных суперсамолетах. Геринг открыто заявил в декабре 1933 г. представителям заграничной печати, что он намерен реорганизовать всю гражданскую авиацию именно таким образом. Дело, мол, в

¹ Целая серия этих гражданских самолетов уже доказала свои боевые качества на практике, особенно в качестве дневных бомбовозов: машины Дорнье применялись во время южноамериканских революций (Чили); Дорнье применялся в борьбе с риффами в Марокко, а машины Юнкера воевали в Китае. После изобретения рекордных германских пулеметов «С 2-206» военное значение этих «коммерческих» самолетов очень повысилось. — *Прим. авт.*

² «Люфтвагза» в настоящее время чисто гитлеровское предприятие. Кроме пяти прямых представителей геринговского министерства авиации, в правлении заседают баварский национал-социалистский министр Эссер и национал-социалист, губернатор Гессена Шпренгер. — *Прим. авт.*

том, что нынешние машины не могут обеспечить достаточной срочности в перевозках почты. Сейчас положение изменится.

Германские железные дороги уже согласились отказаться от части почтовых грузов дальнего следования (например, ночное почтовое сообщение Берлин — Восточная Пруссия) и передать эти перевозки «Люфтганзе». Одновременно Юнкерс и Дорнье, два новых воздушных Круппа, разрабатывают новые конструкции машин, о которых Европа еще ничего не знает, но когда-нибудь узнает. В этом квинтэссенция всего геринговского аэрохимического шлиффеновского плана: дело идет не просто о воздушном нападении, *а о нападении при помощи новых гигантских воздушных крейсеров.*

Это в сущности тоже шлиффеновская идея, приспособленная к условиям воздушной войны. Новый германский штаб верен своей доктрине до конца. «Стратегия буйволов», — так Фош отозвался когда-то о германском военном искусстве. В действительности, однако, очень логичная стратегия, и ее надо принимать совершенно всерьез. Для осуществления прорыва, Шлиффен всегда стремился к достижению численного превосходства армии. Он строил свой план однако не только на концентрации сил, но и на *интенсивности нанесения удара.* Он не просто нагромождал в данном месте большое число дивизий; он снабжал эти дивизии специальным вооружением нового типа (в 1914 г. это были пулеметы и тяжелые гаубицы). Новое воздушное командование Германии следует в точности этой системе. Оно не только создает авангард, который должен во что бы то ни стало прорваться через вражескую линию защиты, *превосходящий по качеству* самолетов, оно одновременно оснащает наступательные войска технически новыми воздушными гигантами, которые не знают соперников. Это вдвое-втрое увеличивает сокрушительную мощь наступления. Такого же результата достигала в древние времена конница Ганнибала, прорываясь сквозь ряды римских легионеров и персидских колесниц. А теперь Геринг делает это в воздухе.

Гитлеровская воздушная армия имеет уже сейчас 3 или 4 типа воздушных крейсеров или воздушных дредноутов, которые давным-давно тщательно проверены на практике. Это машины, снабженные 4-6 моторами, имеющие средний радиус действия 1000 км (или 2 полета туда и обратно по 500 км), развивающие скорость около 250 км в час и поднимающие до 5 тыс. кг бомб и целую артиллерийскую батарею. Несколько новых германских машин типа «Д-2000» могут за один раз сбросить над Лондоном столько бомб, в том числе газовых, сколько все германские аэропланы во время войны.

Другой тип аэрокрейсера «Г-38 фельдмаршал фон Гинденбург» имеет на борту кроме огромного запаса бомб башни для двух 20-мм автоматических пушек и вращающуюся башню с пулеметами. «Г-38» может вести артиллерийскую битву в воздухе по всем направлениям (одновременно отбивая нападение с тыла). Типы «ДоХ», «Д-700», «Ю-52» и «молнии» «НЕ-70» (300 км в час) принадлежат к этому же классу. Они строятся серийно; сейчас существуют уже целые эскадрильи таких крейсеров. Все они имеют такой радиус действия, который позволяет им в один полет достигнуть любой европейской столицы к западу от Берлина и вернуться назад («Г-38» уже не раз упражнялся в ночных полетах Берлин — Лондон и обратно). Все

они имеют, далее, такой «потолок» (около 5 тыс. м), что возможность защиты с поверхности земли почти исключается, а их тяжелое артиллерийское вооружение делает для аэропланов обычного типа безнадежным состязание с ними в воздухе. Управляют этими машинами пилоты, которые точно так же, как мирные «коммерческие» пилоты «Люфтваффы», годами специализировались на соответствующих заграничных рейсах. Эти люди хорошо знают маршрут. Они накапливают опыт с каждым новым рейсом. Они изучили местные условия, режим ветров, тактические и стратегические возможности. Это — лучшие воздушные солдаты и командиры в Европе. Мудрено ли, что германские железные дороги решили в интересах срочности передать часть почты этим машинам и этим пилотам! Число этих машин растет с каждым месяцем. Правда в некоторых европейских странах уже строятся машины подобного же типа — во Франции четырехмоторный (по 1000 л. с. в каждом) гидроплан «Последний 520», в СССР — шестимоторный, сплошь металлический самолет, поднимающий 120 пассажиров. Во Франции и в СССР эти работы однако носят еще экспериментальный характер, а в Берлине, в Фридрихсгафене, в Дессау это уже законченная система и почти готовая армия.

Гитлеровцы делают еще один шаг, чтобы обеспечить свои «Канны». Новые аэрокрейсеры будут гигантами не только по объему, скорости и вооружению; они будут превосходить все остальные воздушные машины еще и в другом отношении: в отношении тех смертоносных средств, которые они будут сбрасывать на землю. Речь идет о газовых и зажигательных бомбах и о бациллоносных гранатах. Снаряды достойны своих орудий. Ядовитые газы гитлеровцев превосходят газы Вильгельма II еще в большей степени, чем их пулемет «С 2-206» превосходит германский пулемет старого образца, новая колоссальная пушка Рейнметаль Верке — старую «Большую Берту» Круппа, а новая резервная армия 2½ млн. коричневых рубашек — старую армию Людендорфа мирного времени. Формулы новых гитлеровских ядовитых газов неизвестны, но хорошо известно, что эти газы несут абсолютную и неотразимую смерть.

Летающие дредноуты Геринга будут воздушными лабораториями ядовитых газов и смертоносных бацилл. 5 тыс. кг (такой груз бомб поднимает каждая машина «Г-38») этого нового газа, который изготавливается в Оппау и испытывается в Куннерсдорфе, или чумные бациллы, холерные вибрионы, пневмококки и возбудители инфлюэнцы, которые изготавливаются в огромных количествах специальными лабораториями коричневых — такой груз «обеспечивает» любые «Канны». Трудно сказать, сможет ли германское воздушное командование осуществить к тому времени и другое свое изобретение (специальные воздушные торпеды, управляемые по радио, которые выбрасываются на расстояние в 100 км во вражеские города, на промышленные предприятия, на важнейшие транспортные узлы и т. п.), но химический военный материал уже готов в стране «И.Г. Фарбениндустри».

Этот трест, который имеет капитал в 1 млрд. марок с лишним и дает работу 100 тыс. человек, занимается изготовлением искусственного удобрения из азота и искусственного бензина из древесного угля; в последние годы он наводнял рынки всего мира своим искусственным шелком из целлюлозы.

Он был некогда соперником тиссеновского Стального треста и поэтому придерживался «либерального курса» в политике. Руководители треста Дуйсберг и Вайнберг считались горячими сторонниками Веймарской республики; трест финансировал две главнейшие демократические газеты «Франкфуртер цайтунг» и «Фоссише цайтунг» (изд-во Ульштейн)¹. Директора треста Ламмерс и профессор Вармбольд были самыми влиятельными советниками и министрами Штреземана и Брюнинга. Но с тех пор все изменилось. «И.Г. Фарбениндустри» участвует вместе с Тиссенем в финансировании германской угольной промышленности — уголь нужен как сырье для синтетических процессов на фабриках «И.Г.». Трест окончательно связал свою судьбу с Руром и проводит теперь *политику Рура*. Директор-распорядитель треста Бош восхваляет Гитлера и его «национальную революцию». Финансовый директор треста Герман Шмитц входит вместе с Тиссенем в новый «Верховный экономический совет» и фигурирует вместе с ним в избирательных списках гитлеровцев. Печатный орган треста, некогда столь знаменитая «Франкфуртер цайтунг», эта германская «Манчестер гардиан», уже забыла о либерализме и гуманности, которые составляли основу ее программы, и поет гимны тоталитарному государству и «красоте новой Германии». Сегодняшняя гитлеровская «И.Г. Фарбениндустри» — огромная военно-химическая реторта; важнейшие некогда продукты «И.Г.» — анилиновые краски, азотистые вещества, искусственный шелк, важнейшие углеродистые соединения встречаются теперь на мировых рынках очень опасных конкурентов (Империял кемикл, Дю Пон, Кульман): только аэрохимический план Геринга спас «И.Г.» от финансового краха, так же как нацистская революция спасла от гибели тиссеновский Стальной трест. Руководители химтреста, как, например, Шмитц, играют сейчас очень важную роль в непосредственном окружении Гитлера и еще большую роль в тайных приготовлениях Геринга.

Это — еще один субъективный фактор, который способствует успеху больших новых военных планов. Бывшие летчики в коричневых и черных рубашках мечтают о воздушной войне, они хотят снова получить работу и завоевать славу, потому что они ничего другого не знают, потому что они стали маньяками своей профессии.

«И.Г. Фарбениндустри» мечтает о воздушной войне, потому что его машины и аппараты требуют работы, потому что вложенный капитал должен давать проценты, потому что он никак иначе не может обеспечить «воспроизводство на расширенной основе», потому что только таким путем он может одолеть своих заграничных конкурентов и продолжать свое восхождение к власти в Германии. Две силы смыкают линию фронта — армия пьяных полусумасшедших выходцев из мелкой буржуазии и мощь холодного накопленного капитала. Это еще одно социальное уравнение национал-социализма, такое же как Гитлер—Тиссен. Результат этого уравнения, этой кровавой связи между фашистским мелкобуржуазным авангардом и монополистическим капиталом, и здесь чрезвычайно значителен.

¹ *Издательство Ульштейн* — одно из крупнейших в Германии, обанкротилось после национал-социалистского переворота. — *Прим. ред.*

Результат таков, что миллиардный трест химической промышленности становится миллиардным трестом химического убийства. «И.Г. Фарбениндустри», которая в течение 1933 г. в разгар кризиса могла вложить 142 млн. марок на расширение производства и которая, кстати сказать, контролирует все германские динамитные и пороховые заводы (бывший германский концерн Нобеля), способна производить не менее тысячи различных видов ядовитых газов, и каждый из них в отдельности может разнести на крыльях геринговских чудовищ гибель по всей Европе.¹

Гитлеровские дредноуты над Альпами! Над Лионом! Над Парижем! В один прекрасный день, — скорее, чем мы думаем, — об этом закричат заголовки экстренных выпусков газет и умирающие женщины и дети. Мы сознательно не говорим о Лондоне. Мы не хотим сеять тревогу в этой пацифистской стране. Мы не хотим присоединить свой голос к той особого рода агитационной кампании, которую ведут в Англии некоторые газетные концерны, некоторые высокопоставленные дамы и некоторые влиятельные фирмы. Мы будем продолжать наш хладнокровный анализ происходящего. Но именно поэтому мы должны добавить к сказанному еще кое-что, чтобы ничего не скрылось от нашего анализа.

Летное расстояние от германской столицы до Парижа — 2 часа. Каково летное расстояние между Парижем и Ла Маншем? Лондон доступен из каждой авиабазы в радиусе 300 миль. Радиус действия «Г-38» составляет 300-320 миль туда и 300-320 миль обратно, т. е. всего 600-640 миль. В настоящий момент воздушные базы уже строятся по всей Германии. Это отправные пункты будущего наступления германской армии. Уже возник огромный аэродром вблизи Берлина, в Коттбусе, с постоянным гарнизоном в 2500 коричневых; авиабазы покрыли всю юго-западную Германию (Кель в Бадене, Гота в Тюрингии, большой аэродром в Мюнхене); большой современный аэропорт для гидропланов строится на северо-западной границе Германии, близ озера Мориц и Мекленбурга. Таковы новые пункты развертывания военных сил, которые лишают всякого значения старую стратегическую карту Европы и уничтожают старые понятия о стратегическом расстоянии. Когда геринговские аэрокрейсеры проложат себе путь на Лион, когда Париж будет разрушен, тогда уже никакая сила не сможет их остановить, никто не сможет предотвратить германскую победу над Францией, которая сразу разрешит все старые счета.

Геринг в Берлине — это человек, который боится Англии и хочет с ней договориться. Геринг в Париже не боится никого, даже британского Адмиралтейства, которое в течение трех столетий решало исход всякого военного столкновения в Европе, но сейчас вместе со всеми своими могучими судами будет отсиживаться на своем маленьком острове, неспособное к движению. Геринг будет диктовать свою волю Лондону, и тогда, если Европа еще будет жить, Гитлер осуществит свое владычество над Европой.

¹ *Лейна и Оптау* — центры этого нового массового производства. Газы, кроме того, изготавливает гамбургская фирма Штольценберг и многочисленные невинные фабрики пищевых продуктов, вроде кондитерской фабрики Эткер и ликерного завода Кальбаум. — *Прим. авт.*

Эпилог

Против Гитлера

Гитлер над Европой! Как приведенное в движение тело, нацистская Германия мчится сквозь европейскую анархию по неизбежному пути.

Следуя по этому пути, насыщая Германию все больше и больше динамитом, национал-социализм одновременно создает опасность внутреннего взрыва. Давление так велико, что внутренний взрыв может быть наступит еще до того, как вся эта энергия получит выход наружу. Давление гитлеризма так велико, что база уже не выдерживает. Гитлеризм вызывает антигитлеризм, нацистское государство — *новую революционную оппозицию*. Случилось ли уже это? Есть ли уже в стране Гитлера сила, направленная против него?

Такая сила есть, однако в зачаточном состоянии. Пожалуй в истории еще не было случая, когда в такой короткий срок развилось бы тайное революционное движение с хорошо слаженной работоспособной организацией и влиянием по всей стране.

Сейчас фактически на каждом крупном предприятии работает подпольная революционная группа; почти в каждом районе в больших городах работают нелегальные революционные организации и подпольные типографии; почти каждый день в Берлине, Гамбурге, Эссене, Лейпциге и других промышленных центрах появляются на улицах антифашистские листовки, брошюры, воззвания, вспыхивают стачки. Революционная пропаганда ведется и в рядах «коричневых». Это движение развилось в течение трех или четырех месяцев после гитлеровского переворота. Оно несомненно будет сильнее, чем все предшествовавшее. Оно, пожалуй, не носит такого романтического характера, как движение русских революционеров, испанских республиканцев или итальянских инсургентов. Оно не окрашено националистской патетикой или религиозным фанатизмом последних мировых революционных движений — партизанов ирландского свободного государства, индийских свараджистов, македонских террористов. Для этого движения характерны трезвая научная организация подпольной борьбы, стремление организовать массовые боевые объединения, которые должны охватывать не отдельные группы, но целый класс. Эта организация, которая опирается не только на 13 млн. прежних социалистических и коммунисти-

ческих избирателей Германии, уже сегодня наступает Гитлеру на пятки. Она гораздо более опасна для Гитлера, чем в свое время оппозиция всех парламентских партий, которую он сломил с такой легкостью. Первичные звенья этого движения, так называемые *революционные пятерки*, — новая форма антифашистской организации, находящейся под руководством коммунистов, — заняли место прежних партийных союзов и объединений. Пятерки охватывают уже фактически всю германскую промышленность: на каждом большом предприятии и во всех наиболее значительных учреждениях Германии уже работают пятерки. Каждая такая группа объединяет пять человек, предпочтительно из работающих в одном и том же отделе. Это рабочие и служащие, которые раньше принадлежали к самым разнообразным политическим объединениям (социал-демократические профсоюзы, рейхсбаннер, христианские союзы, коммунистическая революционная проппозиция) или даже не входили ни в какие организации и не участвовали в политической борьбе. Общая ненависть к гитлеровской диктатуре заставила их забыть о прежних разногласиях и объединиться для совместной борьбы с фашизмом. Эти группы совершенно незаметны и почти неуловимы. Как можно выследить беседу или «собрание» 4-5 человек во время обеденного перерыва на фабрике или в частной квартире за коллективным прослушиванием радио или на воскресной загородной прогулке? На больших предприятиях существуют десятки таких пятерок, которые работают независимо одна от другой и часто не знают о существовании друг друга. Если какая-нибудь пятерка раскрыта и арестована (или уволена с фабрики), остальные продолжают работу.

Деятельность этих пятерок, однако, координируется сверху. Руководство всеми пятерками в городе или в промышленном поселке находится в руках высшего органа, который работает в условиях еще более строгой конспирации; это — «подрайонный комитет», который состоит из нескольких испытанных революционеров. Контакт между местным центром и отдельными предприятиями поддерживается обычно через одного человека, революционного «фабричного инспектора», который держит в своих руках все нити, связывающие пятерки данного предприятия. Этот «фабричный инспектор» занимает самое ответственное и самое опасное положение в этой антифашистской цепи. Он знает и весь состав пятерки на предприятии, и тайные адреса местных центров.

Все внимание гитлеровской полиции и гитлеровской администрации направлено на выявление этих людей. Это им удастся только в редких случаях; а если удастся, то все же боевые антифашистские настроения на германских фабриках так сильны, что образовавшийся пробел немедленно заполняется. И часто подкрепление и замена приходит из тех слоев, которые раньше меньше всего интересовались политикой. Фактически такая секретная организация, которая может показаться странной для читателей, привыкших к системе «парламентской демократии», несколько не похожа на наивную конспирацию старых революционеров XIX в., на тактику карбонариев. Это единственная возможная форма, в которой находят выражение политическая мысль и воля миллионов людей, принужденных

к молчанию в гитлеровском тоталитарном государстве. Ведь нельзя декретом сделать миллионы людей глухими, слепыми и хромыми.

Но пятерки одновременно выполняют и другую очень важную задачу: они революционизируют целые фабрики, целые группы рабочих и служащих, подрывая одновременно новую экономическую организацию гитлеровского государства, фашистскую корпорацию рабочих в стиле ее итальянского прототипа — так называемую «Национал-социалистскую фабричную организацию» (НСБО).

Нацисты, которые распустили все профсоюзы и независимые рабочие организации, пытаются методами принуждения и пропаганды заставить всех рабочих войти в НСБО. Эта организация должна составить вторую линию защитников тоталитарного государства, тогда как штурмовики и СС составляют первую линию. Революционные пятерки фактически — противоположный полюс этих фабричных гитлеровских организаций.

Пятерки против НСБО — вот настоящий и важнейший боевой фронт в Германии, с тех пор как исчезли со сцены все парламентские партии. Пятерки против НСБО — самая серьезная опасность, которая угрожает гитлеровскому эксперименту «корпоративного государства». Пятерки не только объединяют те группы, которые были уже и ранее сознательными противниками фашизма, — они ведут борьбу за завоевание остальных рабочих, даже за тех, которые уже примирились с гитлеровским режимом.

Пятерки наводняют фабрики антифашистским пропагандистским материалом, который они получают в районных антифашистских центрах. Даже гитлеровские газеты вынуждены все чаще упоминать об этой растущей «за-разе» и требовать драконовских контрмер. Революционные фабричные газеты, переписанные от руки или на машинке, воззвания и листовки расклеиваются почти ежедневно на стенах, на машинах, на дверях рабочих домов. Целые кварталы в рабочих районах испещрены революционными лозунгами, которые почти невозможно вытравить. Гитлеровцы изловили десятки человек, особенно юношей, которые занимались расклейкой революционных листовок; они отправили их в концентрационные лагеря или тюрьмы (наказание за это «преступление» в самое последнее время было повышено с 6 месяцев тюремного заключения до 18 месяцев), но стены домов и заборы в рабочих кварталах по-прежнему кричат о ненависти к гитлеризму. Листовки, воззвания, лозунги подняли дух рабочих и дали им веру в свои силы. А ведь в первые дни после переворота массы были почти парализованы страхом.

Но еще более значителен другой результат работы революционных пятерок. Все руководство профессиональной жизнью на предприятиях, вопросы заработной платы, связь с хозяевами и т. д. находится в руках НСБО. Призывами со стороны отрядов вооруженных штурмовиков или угрозами немедленного увольнения гитлеровцы заставляют рабочих вступать в НСБО. Но вместе со всей массой рабочих в НСБО вступает и революционная пятерка, которая очень скоро становится самой активной частью. Пятерка «во имя национал-социализма» заставляет НСБО требовать увеличения зарплат: перед своей победой Гитлер, как известно, обещал рабочим повы-

снять ставки. Во имя национал-социализма они требуют через НСБО осуществления прежних демагогических обещаний, которые гитлеровцы давали рабочим перед революцией: сокращения часов работы, улучшения условий труда, удаления особо ненавистных директоров и других администраторов. Все это привело к тому, что уже в 1933 г. в Германии вспыхнули первые рабочие забастовки, хотя они строго запрещены в гитлеровском государстве. Во многих случаях администрация фабрик должна была по приказу свыше «отложить» предстоящее снижение зарплаты. Нацистская «Всегерманская ассоциация промышленников» (хозяев) послала рейхсканцлеру протест против возмутительных действий НСБО — Гитлер должен был вступить в конфликт со многими местными НСБО и распустить некоторые из них, которые оказались «зараженными марксизмом».

Так революционные пятерки, работая в рамках фашистских НСБО, добиваются двояких результатов: они разваливают национал-социалистскую профессиональную и партийную организацию и одновременно разоблачают перед широкими массами рабочих лживость нацистской демагогии.

7 ноября 1933 г., в день годовщины Октябрьской революции в России, в городе Р. в Германии над зданием местной фабрики взвился красный флаг. Немедленно были мобилизованы «черные». Они явились на место преступления, арестовали все мужское население ближайшего рабочего поселка и избили всех до потери сознания; жены и дети должны были наблюдать это зрелище. После этого мужчин посадили на грузовики и куда-то увезли. На другой день та же компания черных рубашек снова явилась в этот поселок. Она нашла в Р. только женщин и детей, но над зданием фабрики опять развевался красный флаг. Начальник чернорубашечников приказал мальчику, сыну одного из арестованных рабочих, влезть на крышу и снять флаг. Вся банда держала карабины наготове; женщин и детей заставили петь нацистский гимн. Мальчик, наконец, возвратился и принес флаг. Это был не красный, а багровый флаг. Это был даже не флаг: это было полотенце, которым одна из женщин накануне перевязывала раны своего мужа.

Пятерки — тайная массовая база всего движения. Это боевые центры грядущей революции, потому что именно на фабриках и заводах начнется когда-нибудь восстание против Гитлера.

Новое революционное движение развивается не только среди пролетариата. Оно начинает также вести энергичную пропагандистскую работу среди самых широких слоев населения. В настоящее время в Германии существует распространенная *революционная печать и широкая революционная агитация*.

Тут перед нами новая сфера конспиративной организации, связанной с фабрично-заводскими группами. Если эти последние представляют солдат революционного движения, его массовые резервы на предприятиях, то на следующей ступеньке лестницы мы находим организацию офицеров революции, штабы революционного движения в Германии. Это более тесная и более специализированная организация, которая, в общем, тождественна со старым аппаратом коммунистической партии — единственной партии, которая действительно пережила установление Третьей империи.

Об особой роли коммунистов мы скажем ниже, но сейчас надо отметить, что работа новой революционной прессы в Германии, которая уже стала большой силой, перерастает рамки этой партии. Вокруг подпольных газет, которые распространяются в количестве сотен тысяч ежедневно, объединяются бывшие социал-демократы, бывшие члены рейхсбаннера¹, беспартийные и даже бывшие либералы и католики, — все, что еще есть активного и антифашистского в Германии. Это политическая и журналистская революция.

Сегодняшний германский революционер — это прежде всего виртуоз техники, гений конспирации и часто — маг и волшебник. Его редакция помещается в какой-нибудь одной маленькой комнате, помещение приходится менять ежедневно, а нередко и не раз в день. Он живет, спит и ест в этом помещении или живет в другом месте, и только приходит сюда на работу — тогда каждый приход и уход грозит ему смертью. Его печатный станок очень редко представляет собой настоящую машину; большей частью это дупликатор, пишущая машинка, а сплошь и рядом простое пресс-папье, к которому прилеплена полоска линолеума с вырезанными на ней словами «набора». Такой станок выпускает в ночь сотни маленьких листовок. В начале июля гитлеровская полиция обнаружила в окрестностях Неймюнстера в Шлезвиг-Гольштейне станок подпольной типографии под землей на глубине 2,5 м. Еженедельное издание коммунистической «Роте фане» выходит тиражом в 300 тыс. экземпляров. Это центральное издание ЦК КПГ воспроизводится потом по всей Германии при помощи дупликаторов, пишущих машинок или от руки. Иногда делаются уменьшенные фотографические снимки всего газетного листа; такую карточку легко спрятать — читается она при помощи увеличительного стекла. Маленькие листовки с антифашистскими лозунгами и разоблачениями (в 5-10 строк) распространяются в несметных количествах. Кто их авторы? Кто редактор?

Подпольная коммунистическая газета «Фрайхайт» («Свобода») отвечает на этот вопрос так: «Редактор — Карл Маркс».

Распространение газеты в германских городах, которые кишат вооруженными штурмовиками, представляет еще большие трудности, чем самое печатание. За последнее время выработалась особая наука подпольного распространения. Улицы, подземка, ресторан, парки, биржи труда переполнены подпольной литературой; она попадает в частные дома, она переходит из рук в руки на улице. Сами гитлеровцы признают этот факт и обращаются к благонадежному населению с призывом выдавать полиции «красных извергов», распространителей подпольной литературы.

Но как получается, что вся эта организация подпольной революционной прессы не обнаруживается в течение первых же дней? В этом деле революционеры применяют те же принципы, что и в организации пятаков на

¹ *Рейхсбаннер* — «Республиканский флаг» — полувоенная организация, в которую входили члены с.-д. партии, реформистских профсоюзов, члены демократической партии и т. д. и которая ставила задачей защиту Веймарской «демократии». — *Прим. ред.*

предприятиях: дело поставлено так, что каждый работник подпольной прессы знает только еще одного какого-нибудь товарища по работе. Каждый распространитель и продавец газет и листовок получает их в каком-нибудь «своем» месте, но он не знает, кто и откуда приносит газеты в это место. Если он будет схвачен, полиция вряд ли сможет что-нибудь от него добиться. Еще труднее полиции гоняться за мальчишками, которые раздают пустые спичечные коробки с вложенной в каждую из них антифашистской листовкой; иногда антифашистская литература рассылается по почте в конвертах со штампом государственных учреждений и т. д. Недавно в Берлине полиция установила, что почтовое ведомство в течение многих недель рассылало за счет государства революционную литературу, которая шла под фирмой главного управления городских электростанций. В другом случае полиция раскрыла большую «астрологическую» контору на Гейнештрассе в Берлине, в которой были заготовлены для рассылки клиентам 15 тыс. «гороскопов» — все революционные листовки. Методы распространения революционной литературы очень разнообразны, и германские революционеры чуть ли не ежедневно выдумывают какие-нибудь новые способы. В течение долгого времени по Германии распространялся большой (на 16 страницах) проспект нового фильма Сесиль де Милля «Под знаком креста». Такой фильм действительно существует, и первые страницы проспекта заполнены соответствующей убогой болтовней о Нероне и древнем Риме, но через несколько страниц — неожиданный переход к пожару рейхстага и к подлинным поджигателям — Гитлеру, Герингу и Геббельсу. Другой антифашистский памфлет ходит по Германии под заголовком «Искусство и наука новой Германии». В Баварии революционная листовка начиналась с огромной надписи во всю ширину листа: «Последняя сенсация! Самый дешевый радиоприемник! Гарантия на четыре года! Не откладывайте, купите сегодня же!». За этим следовал набранный убористым петитом революционный текст. Широко распространены письма «для передачи по цепи»; они приводят полицию буквально в ярость. Вы получаете антифашистское письмо с предложением размножить его в нескольких экземплярах и переслать с теми же инструкциями вашим друзьям. В Берлине целые кварталы уже много месяцев «переписываются» таким образом.

Листовки технически очень несовершенны и часто неудобочитаемы. Но кто об этом думает сейчас в Германии!

Пятерки и нелегальная пресса — вот важнейшие орудия революционного движения в Германии, при помощи которых оно прокладывает себе дорогу из подполья на поверхность тоталитарного государства и подрывает самые основы власти: ее экономический аппарат и ее монополию воздействия на общественное мнение.

Но уже и третья основа гитлеровской диктатуры — ее военный аппарат — постепенно подрывается снизу. Во многих пунктах Германии в рядах коричневых возникают революционные организации — «группы революционных штурмовиков». Некоторые из этих групп даже издают свои собственные газеты и распространяют их в казармах (еще 10 июня 1933 г. в Дюссельдорфе штурмовик 39-го отряда был расстрелян за распространение листовок). Эти

группы используют ухудшение экономического положения штурмовиков, их растущее недовольство жизнью в роскоши руководителей, невыполнение ранее данных им социалистических обещаний, запрещение занимать должности полицейских и т. д. Рост этих тайных организаций, несомненно, сыграл свою роль летом 1933 г., когда волна коричневых бунтов прокатилась по Германии: восстание коричневых во Франкфурте, роспуск пресловутого отряда имени Хорста Весселя в Берлине и некоторых отрядов в Дрездене, крупные уличные демонстрации коричневых в Бохуме и Касселе (демонстранты прошли по улицам с пением «Интернационала»).

Мы не склонны преувеличивать значение этого движения, которое сейчас только начинается. Но совершенно несомненно, что со временем эта масса наемников, которые были набраны частично из пролетарских слоев, станет революционной силой. Казарма коричневых становится ячейкой революции. Гитлер и Геринг уже сейчас пытаются отвести от себя эту угрозу, передавая полицейские функции от СА к СС, но это только усиливает внутреннее брожение в рядах СА.

Революционные группы возникают также в трудовых лагерях, где под видом «обучения физическому труду» рабочих заставляют проходить военную подготовку.

Геринг пытается подавить революционное движение при помощи грандиозной шпионской и террористической организации Гестапо, этого самого последнего творения нацистов, которое, сочетая методы российской царской охраны с новым опытом тайной полиции Муссолини, должно сформировать непревзойденный «синтез» полицейской науки. Эта организация имеет в своем распоряжении неограниченные средства; ее единственная задача — охота за революционерами. Она объединяет вокруг себя те же круги гитлеровских террористов, которые организовали поджог рейхстага. Она работает днем и ночью, ее агенты рыщут по всей стране; она систематически применяет пытки. Но насколько она со всеми своими шпионами, орудиями пыток и мотоциклами в состоянии справиться с героизмом и неиссякаемой творческой энергией масс? Что может сделать с революционными демонстрациями, если они организуются по новой системе «молниеносных демонстраций»: несколько сот человек неожиданно, по определенному сигналу появляются в определенном месте, разбрасывают листовки, провозглашают антигитлеровские лозунги и через несколько минут исчезают, затерявшись в толпе прохожих. Как она может воспрепятствовать собраниям революционеров, если они тоже организуются по новой системе: где-нибудь на поляне в лесу в воскресный день появляются маленькие группы отдыхающих и «парочки». Они на несколько минут сходятся, проводят митинг и сейчас же опять распадаются на группы мирно беседующих обывателей. Как вообще может какая-либо тайная полиция подавить революционное движение, если оно исходит из самого народа?

Кто *руководит* этим движением? Какова политическая программа сегодняшней подпольной Германии? Ясно, что этот вопрос легко может приобрести историческое значение.

Совершенно несомненно, что основной толчок к созданию революци-

онных организаций исходит от *коммунистов*. Фабрично-заводские группы и почти вся сеть подпольной революционной печати — дело рук коммунистов. Гитлер не уничтожил коммунистическую партию, когда поджег рейхстаг. Он постепенно *укрепляет* эту партию за счет тех оппозиционных групп и партий, которые он официально запретил; это — один из самых любопытных и важных результатов первого года нацистской диктатуры. Аппарат компартии, который годами приучался к работе в условиях подполья, сохранил свои кадры приблизительно на 80%, несмотря на террор и на неслыханное число жертв. Хотя большинство из тех 50 тыс. человек, которые заключены в концентрационные лагеря, и других 50 тыс., которые обречены на медленное умирание в тюрьмах, — коммунисты, все же коммунистическая партия в конце 1933 г. насчитывала 118 тыс. активных членов. Это значит, что имеется 118 тыс. человек, готовых продолжать работу в условиях геринговского террора! Даже в таких аграрных и политически отсталых округах, как Мекленбург в Северной Германии (здесь нет крупной промышленности и больших городов), 70% прежних коммунистических организаций уже опять активно работают. Гитлеровский террор фактически смел только одну определенную часть коммунистического аппарата — низовые местные комитеты; среднее звено организации — окружные комитеты — в основном сохранило свои кадры, а руководство партии, ее центральный комитет продолжает работать в полном составе. Только ничтожная часть этой очень многочисленной организации была арестована (как, например Альфред Нолль, который был застигнут врасплох в тайной типографии в Эрфурте и застрелен на месте штурмовиками, или Ион Шер, который в феврале 1934 г. был возле Берлина застрелен «при попытке к бегству»).

Наиболее пострадавшее низовое звено партии в период между маем и августом 1933 г. также было восстановлено и укреплено новыми силами; в ячейках на предприятиях и в квартальных организациях были проведены выборы нового руководства.

Аресты почти ежедневно пробивают брешь в той или иной организации, но общий напор молодых партийных сил так силен, что руководители должны прилагать чрезвычайные усилия, чтобы удерживать членов партии от слишком опасных и поспешных выступлений. Это — тоже результат годичной работы тоталитарного государства.

Беспримерное мужество и самоотверженность этих людей, которые не отступают ни перед какими опасностями, а также их замечательная ловкость и находчивость, которая часто позволяет им расстраивать грубые маневры полиции и оставлять ее в дураках, признается всеми в Германии, в том числе и национал-социалистами. В условиях тоталитарного государства именно эти качества революционеров создают революционному движению особую притягательность даже в далекой от коммунизма среде.

Ведь неслучайно, например, что баварская полиция неожиданно раскрывает тайную католическую организацию, которая называет себя так: «Католическое коммунистическое общество культурной пропаганды». В другом случае полиция обнаруживает подпольную редакцию коммунистической газеты в католическом монастыре; а членские билеты организаций, сочувству-

ющих коммунистам, обнаруживаются у католических священников. На Рейне и в Баварии целые группы католической молодежи работают совместно с коммунистами, в которых они видят единственно активных и умелых союзников. С другой стороны, орган коммунистической партии в Саарбрюкене (Саарская область, которая находится под управлением комиссии Лиги Наций) открыто призывает коммунистов и христианских рабочих протестовать против массового ареста католических священников гитлеровцами. Еще недавно никто не мог бы себе представить коммунистов и католиков, выступающих объединенными силами. Сейчас это стало возможно.

Такой же процесс происходит и в среде еврейского буржуазного юношества и в некоторых кругах протестантской молодежи.

Ведь неслучайно, что «Роте фане», которая до Гитлера имела тираж 70 тыс. экземпляров, сейчас расходится в количестве 300 тыс. экземпляров. Гитлер убедил многих рабочих, интеллигентов и мелких буржуа, которые никогда не были коммунистами, но осознали полное бессилие своих вождей, — в том, что только коммунисты могут быть руководителями в этой борьбе. Коммунисты, учитывая этот далеко идущий процесс, выдвинули лозунг *антифашистского единого фронта*. Этим объясняются первые успехи их новой революционной организации, более того, это же указывает на ту огромную роль, которую коммунистическая партия, фактически уже сейчас вторая сильнейшая партия в Германии, призвана играть при Гитлере и против него.

Чего добиваются сейчас коммунисты? Какова их программа? Как они представляют себе будущее Германии в противоположность тому будущему, к которому стремится гитлеризм? Прежде всего они не желают анархии. Они не желают гибели нации. Они не желают экономической катастрофы.

О германских коммунистах рассказывают самые нелепые басни; их так же плохо понимают, как в свое время русских большевиков. Партия стремится к *возрождению Германии* посредством *социалистического строительства* по примеру Советского Союза. Вот подлинная программа коммунистов. Сейчас в Германии есть только две полярные силы: Тиссен—Гитлер и социалистический пролетариат, который намерен конституировать себя в качестве нации и имеет уже свою законченную конструктивную программу.

Было бы величайшей исторической ошибкой думать, что коммунисты на пути к этой цели будут вести чисто сектантскую политику. Нет ничего более чуждого их духу, чем это. План действий коммунистов предусматривает создание *новой всегерманской оппозиции* путем сосредоточения *всех антифашистских сил*, поскольку они искренно и активно борются с Гитлером. Это сосредоточение должно быть национальным и интернациональным. Коммунисты готовы сотрудничать со всеми, кто присоединится к боевому антифашистскому фронту в Германии и за ее пределами. Это — «политика единого фронта», которая повторяет старую ленинскую политику против царизма. Ленин считал носителем революции не только классово сознательный пролетариат — он придавал огромное значение крестьянству; он боролся за завоевание интеллигенции. Коммунисты знают, что только такая политика может предотвратить победу фашизма во всем мире,

окончательное порабощение рабочего класса, мировую войну против Советского Союза и полное уничтожение культуры. Они знают, что только такое объединение антифашистских сил на самой широкой основе может дать победу над Гитлером. Вот почему коммунисты привлекают в ряды борцов единого фронта всех, кто стоит за революцию и против Гитлера: будь то католики, которых преследует Гитлер, или евреи, которые объявлены вне закона, или обманутые мелкие буржуа, или либералы, изжившие свои иллюзии, или лишенные человеческих прав женщины, или социал-демократы, которые осознали революционную действительность. Это — полная противоположность сектантской политике. И в этом залог будущности коммунистов в Германии, как в свое время в этом заключалась будущность большевиков в России. Германские коммунисты будут проводить ту же самую линию и осуществлять тот же реализм в международной политике.

Нелепо также считать, что революционная оппозиция, став у власти в Германии, открыла бы военные действия против той или иной страны. Сейчас, когда оппозиция борется внутри Германии против Гитлера, она борется, как Димитров и десятки тысяч неизвестных подпольных революционеров Германии: она ведет беспощадное наступление. Как только революционеры в Германии станут у власти, они бросят все свои силы на осуществление двух задач: социалистического строительства и поддержания мира. Они будут следовать ленинской политике «передышки», сталинской политике пятилетнего плана, международной политике Литвинова. Они предложат свое сотрудничество всякому, кто захочет им помочь в этом деле. Потенциальная сила этой партии, скрывающейся сейчас в германском подполье, в том, что коммунисты не только революционеры, но и государственные люди, что они одновременно бойцы и строители. Есть только один выбор: Гитлер или революция против него. А единственной возможной задачей революции является социалистическое строительство в Германии. Это будет спасение Германии, спасение нации через переход к новым формам социальной жизни.

Центральный комитет германской коммунистической партии 10 октября 1933 г. на своем секретном пленуме разработал временную общенациональную контрпрограмму против Гитлера. Эта программа состоит из 10 пунктов (приводим их в сокращенном виде).

1. Все фабрики и заводы, банки, железные дороги, крупные предприятия становятся собственностью государства.

2. Земля, принадлежащая помещикам и религиозным общинам, а также земля членов бывшей императорской фамилии распределяется между крестьянами и сельхозработниками.

3. Отменяются все долги рабочих, крестьян и мелких буржуа банкам, капиталистам и помещикам; отменяются все налоги, введенные Гитлером и прежними правительствами.

4. Вся полнота политической власти переходит к трудящимся и осуществляется в форме пролетарской демократии советов (советы рабочих депутатов).

5. Все дома, особняки и виллы, принадлежащие эксплуататорам, передаются для удовлетворения жилищных нужд безработных и жителей трущоб.

6. Спрятанные для спекуляции запасы продовольствия распределяются среди безработных и нуждающихся.

7. Полная свобода печати и свобода проведения собраний для рабочих.

8. Альянс с Советским Союзом, вооружение рабочих и создание революционной Красной армии для предотвращения всех попыток реставрации.

9. Создание широкого плана переустройства всего хозяйства на социалистических плановых началах. Этот план должен уничтожить безработицу и в сотрудничестве с Советским Союзом начать эру быстрого экономического развития.

10. Версальский договор отменяется. Отменяются также все навязанные Германии платежи.

Действенность этой простой и четкой программы будет возрастать, по мере того как Гитлер будет идти все дальше по своему катастрофическому пути и будет все более обнажаться истинный смысл его программы, программы уничтожения всех классов, кроме тиссеновской олигархии и новой касты гитлеровских надсмотрщиков. На базе своей программы революционный авангард, подпольная коммунистическая партия, развернет массовое революционное движение, которое при первом же кризисе гитлеровской системы взорвет эту систему совершенно «неожиданно» — так же «неожиданно», как был взорван в 1917 г. российский царизм. Повторяю: невероятное давление национал-социализма должно, по всем законам механики, вызвать столь же огромное противодействие. Когда наступит момент взрыва? Это зависит от объективных обстоятельств, больше всего, вероятно, от того оборота, какой примут события за пределами Германии. Но субъективные силы революции — революционеры — уже налицо, и никакая геринговская полиция, никакие массовые аресты, пытки и убийства не могут поколебать этого факта. Никакая тайная полиция в истории не могла убить революционное движение, если для этого движения уже назрела объективная необходимость; огромное увеличение аппарата тайной полиции говорит только о том, что накопился огромный взрывчатый материал. Этот взрывчатый материал накапливается не только в недрах порабощенного рабочего класса, но также и в резервуарах *новых дополнительных оппозиционных сил*: католиков, лидер которых, кардинал Фаульгабер, уже должен сдерживать напор революционирующейся католической массы при помощи антигитлеровских проповедей; еврейской молодежи, превращенной в париев и брошенной на сторону революции, как когда-то была брошена в революционный котел еврейская молодежь царской России; женщин, которых с опозданием на целое столетие превращают в домашних рабынь; городской и сельской мелкобуржуазной массы, которая уже опять ищет спасения от разорения и обездоленности; отчасти даже прежних монархистов, которые мечтали об умеренном консерватизме и легитимизме, а сейчас подвергаются почти таким же глумлениям со стороны коричневых, как и все остальные ненацисты. Вся страна в сущности поделена на два лагеря: видимый и слышимый лагерь нацистов с его все еще растерянными, ко-

леблящимися и трусливыми «союзниками», и невидимый и немой лагерь антинацистов, в котором постепенно стираются грани прежних партийных группировок.

Кто возглавит этот невидимый лагерь и кто поведет его за собой? Кардинал Фаульгабер не прочь бы стать таким вождем, выставляют свою кандидатуру и некоторые другие жалкие остатки гугенберговского монархистского клана.

Совершенно ясно, что руководить антигитлеровской революцией будет только та сила, которая ведет самую четкую, самую непримиримую и самую рациональную политику в борьбе с национал-социализмом; та сила, которая наиболее открыто и беспощадно ведет борьбу с национал-социалистами, та сила, которая имеет самый обширный социальный резервуар. Эта сила — коммунисты. Их знамя — Димитров, тот человек, который почти сразу стал центральной фигурой всего антигитлеровского движения в Германии. Теперь в Германии есть тысячи неизвестных Димитровых.

В июле 1933 г. в г. Альтоне (Гамбург) нацисты приговорили четырех революционных рабочих к смертной казни. Когда прокурор закончил свою речь этим требованием, главный обвиняемый Лютгенс поднялся и сказал, что он может только поблагодарить его за эту самую высокую честь, какая может быть оказана революционеру. Перед тем как его повели на казнь, Лютгенс написал письмо своим детям. Вот это письмо — несколько строк на листочке серой бумаги:

«Дорогие дети! Когда вы получите это письмо, ваш папа уже не будет жить, его прикончат согласно приговору. Значит, мы больше не увидимся. Но когда вы станете старше и познакомитесь с историей человечества, вы поймете, кто был ваш отец, почему он боролся и умер; вы поймете, почему ваш папа должен был действовать только так и никак иначе. Ну, теперь прощайте, учитесь быть борцами. Ваш папа шлет вам привет».

Когда его привели на место казни, он крикнул: «Я умираю за пролетарскую революцию! Рот фронт!» Нацисты согнали на место казни 75 политических заключенных в «воспитательных целях»; они смотрели и слушали.

После Лютгенса должны были казнить его товарища Вольфа. Его спросили, нет ли у него какого-нибудь последнего желания. Он сказал: «Да, я хотел бы в последний раз немного поразмяться». В ту минуту никто его не понял. Вольф размялся в последний раз: он поднял руку и ударил со всей силой стоящего рядом с ним коричневого палача прямо в лицо. После этого он поднялся на эшафот.

Эти люди сильнее Гитлера, и только они могут свергнуть Гитлера.

Какую роль в антигитлеровской революции, в жизни будущей Германии будет играть другая старая партия германских левых, — *социал-демократия*?

Это — злосчастная партия. Ни одна партия до Гитлера не имела такого влияния, таких возможностей, такого сочувствия в массах, как она. И ни одна — ни католический Центр, ни консерваторы, ни даже либералы — не потерпела такого позорного поражения. Социал-демократия до самого конца отвергала всякие предложения об организации активной борьбы против фашистского наступления: она боялась потерять остатки власти. Она пыта-

лась в самый последний момент предложить Гитлеру сотрудничество, чтобы получить хоть какую-нибудь долю участия в новой системе. Она потеряла все и, в конце концов, самое себя. Она стала навсегда классическим примером социалистического оппортунизма и его неизбежной судьбы.

Что осталось от социал-демократии? Куда она сейчас идет — после года гитлеровского правления?

Старая германская социал-демократическая партия раскололась на три части: на *ликвидаторов*, *активистов* и участников *единого фронта с коммунистами*. Первая и третья группы наиболее многочисленны, но только вторая может считаться еще и сейчас «социал-демократической» в старом смысле этого слова.

Ликвидаторы — это та значительная группа прежней социал-демократической и профсоюзной бюрократии, которая открыто дезертировала и повернула фронт в марте-июле 1933 г. Многие бывшие социал-демократические государственные чиновники, бургомистры, руководители местных организаций и должностные лица профсоюзов перешли непосредственно в лагерь Гитлера. Это особенно верно для провинции: так, например, Эрентейнт, бывший вождь социал-демократов и профсоюзов в Гамбурге, и Курт Бааке, который одно время был статс-секретарем при Эберте и Шейдемане, теперь — нацистские комиссары. Они представляют собой интегральную часть фашизма, как это случилось в свое время с социалистами типа Дарাগона в Италии. Другие представители этой группы пытались создать, с разрешения нацистов, новый «германский социализм», своего рода «левое» крыло гитлеризма, но не имели успеха.

Рабочих среди ликвидаторов очень немного, но значительная часть прежнего верхнего слоя социал-демократической партии, еще задолго до переворота ставшая гораздо ближе к буржуазии, чем к пролетариату, пошла теперь за этими ликвидаторами. За ними идет также огромная масса «пассивистов» — рядовых членов партии, которые после прихода Гитлера отказались от всякой политической деятельности; в лучшем случае они организуют клубы для игры в кегли (кегельферейне).

Резкую противоположность ликвидаторам составляют «активисты». Они ставят себе задачей спасти остатки социал-демократической партии и возродить партию на новой «революционной» основе. Это главным образом социалистическая молодежь и новые кадры партийных чиновников, которые приблизительно в мае 1933 г. подняли восстание против старых вождей и старого руководства. Можно полагать, что эти новые активные «левые», имеющие своих представителей по всей стране и поддерживающие связь с левыми социалистами Швейцарии и Австрии, займут решающие посты в аппарате с.-д. партии, там, где она еще существует. Официальная платформа активистов гласит: окончательный отказ от оппортунистической политики партии 1918—1933 гг.; решительный разрыв со старыми вождями-пораженцами, как Вельс, Лейпарт, Штампфер и др. (пражская группа эмигрантов); новая ориентация всей партии в сторону подпольной революционной борьбы против Гитлера. В настоящее время это еще не организованное и скоординированное движение, а отдельные разбросанные по стране

группки, которые возникли на обломках прежней организации. Эти группы, однако, уже кое-где издают свои газеты и сколачивают ядро будущей организации. Они рассчитывают собрать в первое время 2-5% членов прежней партии, особенно среди молодых рабочих, и привлечь также в свои ряды некоторое число опытных партийных работников, которые могли бы вести настоящую подпольную работу. В Берлине, например, такие попытки уже делаются. Группа левого крыла распространяет листовки с нападками на Вельса и Лейпарта, но больше всего — на коммунистов.

Значительное число социал-демократов активистов вошло в новую организацию под названием «группа красного штурма», которая ведет своеобразную, с налетом романтизма подпольную пропаганду; прокламации этой организации иногда начинаются такими словами: «Совет красных вождей» постановил и т. д. — любопытный отзвук национал-социалистской фразеологии, рассчитанной на молодежь и мелких буржуа. Во всех выступлениях этой группы слышится ясно выраженная националистская нотка. Недавно, впрочем, геринговская тайная полиция нанесла этой организации сильный удар и почти расстроила ее ряды.

В Берлине группа социал-демократической молодежи под руководством своего исполкома вышла из официальной социал-демократической молодежной организации и создала свою новую «левую» организацию. В Тюрингии и в Центральной Германии левое активистское крыло уже создало также свои местные группы во всех важнейших центрах.

Вполне возможно, что рано или поздно на базе этих групп и объединений возникнет новое социал-демократическое движение под новым именем. Некоторые зарубежные органы печати уже поспешили дать этим группам наименование «Десяти тысяч». Возможно далее, что объединение произойдет на более широкой основе: комбинация «левых» остатков социал-демократической партии с Социалистической рабочей партией (Социалистиче Арбейтор Партай — нечто вроде английских «Независимцев») и со старой троцкистской группой. Попытки в этом направлении уже делались, особенно со стороны троцкистов, которые выдвинули лозунг «новой революционной партии». В самом деле политические расхождения между этими группами — социал-демократами активистами, СРП и троцкистами стали уже почти неуловимыми. Все они отстаивают программу тотальной революции против Гитлера, но не на коммунистических началах и не по советскому примеру, а с некоторым «демократическим» уклоном. Такое объединение было бы вполне логичным со стороны тех, кто хочет создать противодействие могучей притягательной силе коммунистического блока.

Нарождение подпольной антикоммунистической социал-демократической партии в Германии может стать фактом каждый день. Но это объединение с самого начала будет подрываться внутренними противоречиями, центробежными силами, которые будут тянуть этот блок в противоположные стороны: к Праге и к Москве.

Прага — старое официальное вельс-штампферовское руководство социал-демократической партии, которое «направляет» социал-демократическое движение в Германии из Чехословакии — стала бранным словом

среди социал-демократических рабочих Германии. Массы бесповоротно ушли от этих вождей. Новые социал-демократы активисты выражаются о них очень решительно (листовка «левых» в Берлине гласит: «С Вельсом, Лейпартом и им подобными покончено. Дни «меньшего зла» прошли навсегда».).

Прага фактически не принимает никакого участия в организации подпольного движения в Германии. Тираж «Нойе форвертс», органа пражской группы, ничтожен. Этим вождям рабочие никогда не простят того, что до последнего момента они добивались сотрудничества с Гитлером. Характерный пример: официальный циркуляр дюссельдорфской окружной организации социал-демократов, выпущенный непосредственно перед запрещением партии. Этот циркуляр гласил: «каждый из вас, кто получит номер «Сигнала» (подпольная коммунистическая газета), должен бросить его в огонь или передать в ближайший полицейский пункт».

И все же вполне вероятно, что часть новых социал-демократов активистов, преимущественно из руководящих слоев, рано или поздно вернется в *Прагу*. Несколько факторов толкают эту группу в объятия Праги: растущая в массах тяга к коммунистам; оставшаяся от прежних времен «демократически-республиканская» идеология и наконец материальный и международный вес Праги (Второй интернационал). Возвращение в Прагу облегчается еще и тем обстоятельством, что пражские лидеры за это время успели провозгласить «революционную линию политики». Очень возможно, что повторится история «независимой социал-демократической партии» — история той центристской партии, возникшей во время войны, которая занимала колеблющуюся позицию между Вельсом и коммунистами и в конце концов исчезла со сцены, отдав часть своих членов Вельсу, а другую — коммунистам. Самая большая опасность, которая угрожает Праге и активистам в течение всего гитлеровского периода, — отход социалистических рабочих и рабочей молодежи к коммунистам.

Это — третий процесс внутри социал-демократической партии, который получил очень быстрое развитие, настолько быстрое, насколько это возможно в сегодняшних условиях полной нелегальности всякого рабочего движения. ЦК Коммунистической партии опубликовал летом 1933 г. открытое письмо к рабочим социал-демократам, в котором предлагал им присоединиться к единому фронту повседневной борьбы против фашистского угнетения, за экономические требования, за политическую свободу. Коммунисты удерживают рабочих от поспешных выступлений. Они призывают рабочих продолжать и усиливать подпольную революционную борьбу — защищать свои повседневные интересы, особенно на фабрике. Лозунг компартии, лозунг единого фронта уже осуществляется в самых разнообразных формах: в пятерках на предприятиях, в совместной организации распространения нелегальной литературы, в совместных дискуссионных группах и уже скоро, вероятно — в общих нелегальных профсоюзах.

Это движение особенно сильно в Берлине. Значительная группа социал-демократической молодежи уже присоединилась к единому фронту с коммунистами. Другая значительная социал-демократическая группа такого же направления издает свой орган «Ротер форвертс». В Гамбурге социал-

демократы и члены рейхсбаннера портовых районов в полном составе присоединились к единому фронту. В Рейнской области уже частично осуществляется постоянное сотрудничество социал-демократов с коммунистами.

Борьба за гегемонию в германском рабочем движении, а стало быть, и в революционной антигитлеровской борьбе, еще не закончена. Коммунисты уже далеко опередили социал-демократов и в дальнейшем, вероятно, все больше будут подрывать значение этой партии. Все же зарождение нового, в основе своей реформистского, социалистического движения с прежними демократическими тенденциями и слегка обновленным руководством более чем вероятно. Оно попытается вырвать у коммунистов руководство германской революцией против Гитлера. Оно, вероятно, попытается еще раз сыграть роль германского Керенского в несколько более радикальной форме. Но теперь обстановка гораздо менее благоприятна для них, чем в 1918 г. Гегемонии над германскими левыми они уже себе не вернут. Она перешла в другие, более крепкие, более решительные руки, к людям, которые более верны принципам.

Куда идет Германия? Ответить на это становится с каждым днем легче. Есть только две возможности: *война* или *гражданская война*, внешний или внутренний взрыв. Третьего не дано. Я не ставил себе задачей ссориться с Гитлером или спорить с ним, или читать антигитлеровские проповеди. Я попытался дать анализ гитлеризма как определенной силы, которая подчинена определенным законам. Результат анализа очень не сложен: война или гражданская война.

Значит, крах Германии в том или ином случае?

Я в это не верю. Я не верю, что эта великая страна, этот великий и значительный народ, который может многое дать миру, идет к гибели. Я думаю, что даже Гитлер не способен окончательно погубить Германию, хотя он, как одержимый, бешено мчится по этому пути. Он сам только орудие в чужих руках.

То, что происходит с Германией, — только отражение великого кризиса, который потрясает весь мир из конца в конец — самое *концентрированное* выражение этого кризиса. Титанические силы противоречий, которые созрели во всем мире, приняли в Германии наиболее интенсивную и наиболее агрессивную форму: отсюда эта судорожная борьба, которая держит в напряжении весь мир. Мы переживаем критический момент человеческой истории, момент трансформации. Это — противоречия последней стадии империализма; разрыв между производительными силами и рынком, столкновение правящего и эксплуатируемого классов, столкновение капитализма и социализма. Пожар рейхстага ярким заревом осветил это положение: в центре этого всемирного столкновения находится Германия; она решает.

Судьба Германии решит альтернативу, которую три четверти века назад поставил перед всем миром Карл Маркс в «Коммунистическом манифесте»: социализм или возврат к варварству. Германский фашизм — представитель и исполнитель варварства, последней социальной системы, которую умирающий капитализм еще может призвать себе на помощь; не забудем однако, что это варварство научно организовано. Если германский фашизм победит,

научно организованное варварство завладеет всем миром. Если победит социализм, Германия станет могучим орудием культуры и нового социального порядка, одним из интеллектуальных и технических вождей и пионеров мира, одним из величайших реорганизаторов цивилизации.

Война или гражданская война — что наступит раньше? Во всяком случае первая обязательно превратится во вторую. Во всяком случае германские рабочие и их союзники в конце концов вырвут инициативу у Гитлера, потому что *в этот момент* они будут сильнейшей стороной. Но до этого Гитлер может ввергнуть в пропасть полмира. В этом вся острая значимость этой проблемы.

Кризис может наступить каждую минуту. Гитлеризм пройдет свой путь скорее, чем какая-либо политическая система до него. Он уже не находится у своего начала, как в феврале 1933 г. Он уже прошел значительную часть пути к осуществлению своего мирового плана. Он удержался у власти целый год. Он создал мировую организацию коричневого «Интернационала» и создал мировую мощь авиации. Это — последняя остановка перед финалом, перед нападением на Советский Союз, сердце социалистического сектора мира. Это — начало священной войны гитлеризма за завоевание и варваризацию всего мира.

Мины заложены. Сигнал к войне может прозвучать и не в Берлине. В 1914 г. он раздался в Сараево. Сегодня выстрел в Восточной Азии, один переход японских войск по направлению к Владивостоку могут привести весь мир в движение и высвободить одним ударом распирающие Гитлера взрывчатые силы. Все это может произойти так же неожиданно, как пожар рейхстага 27 февраля 1933 г. Техника поджигательства останется все той же; фашизм в Центральной Европе каждую минуту готов зажечь фитиль. Второй пожар германского фашизма будет *мировой войной*.

Война или гражданская война — в том и другом случае Гитлер встретит могучего соперника, который попытается парализовать его прыжок к мировой катастрофе. Но для того чтобы он мог изменить новое соотношение сил, этот соперник должен увеличить свои собственные силы. Это важнейшая проблема современности. Все остальные великие мировые проблемы — проблема кризиса, проблема мира, проблема социального и культурного усовершенствования — подчинены этой проблеме и не могут быть разрешены без нее и до того, как она будет разрешена.

Как может быть создана такая сила? Каков будет ее характер?

Это — новая проблема, более значительная, чем та, которой была посвящена эта книга: проблема антифашистского контрнаступления. Одно ясно. Эта сила будет и может быть только силой *мирового объединения антифашистов*. Оно должно охватить все подлинно антифашистские нынешние и будущие силы: пролетариат, низы мелкой буржуазии, мелких фермеров, прогрессивную интеллигенцию, боеспособные элементы еврейского и католического лагеря, бывших фронтовиков, активных пацифистов, лучшие элементы женского движения, молодежь, которой угрожает истребление, угнетенные колониальные и полуколониальные народы. В него должны быть включены все отдельные личности и группы, которые поняли, что несет

фашизм и намерены бороться с ним. Они должны создавать антифашистские батальоны в каждой стране, так, как это делает фашизм со своими резервами. Они должны отдать себя под руководство той железной колонны, которая создала самую сильную организацию, которая накопила самый богатый опыт, которая проявляет самую мощную волю к борьбе и лучше других видит политическую обстановку: под руководство рабочего класса. Это руководство будет осуществляться в форме единого фронта для свержения фашизма. Они должны выступить как один против бешеного наступления гитлеризма.

Крах Германии? Нет. Действие вызывает противодействие; гигантские силы — гигантские контрсилы. Германия будет жить в новых и высших формах общежития. И в тот момент, когда пробьет последний час национал-социализма, когда это движение, рожденное в крови и железе, пойдет к своей гибели в крови и железе, тогда панический вопль старого мира «гитлеровская Германия умерла!» потонет в торжествующем кличе молодых наступающих батальонов: «Да здравствует новая, революционная Германия!».

30 июня¹

Трупы командиров самой горделивой фашистской армии в мире, трупы гитлеровских генералов валяются с простреленными черепами на свалке в Мюнхене. От 30 января 1933 г. к 30 июня 1934 г. протянулась четкая прямая линия, и сейчас уже совершенно ясно, что Германия идет к третьему потрясению, которое решит судьбу национал-социализма. Необходимо поэтому дать точный ответ на вопрос: «Кем был Рем? Какие силы представлял он и его «мятеж»? Необходимо ответить и на второй вопрос: «Какая сила растет в Германии *сейчас*, после разгрома Рема?».

Основное в том, что «заговорщики 30 июня» — это те самые люди, которые за полтора года до этого, 30 января, шли в первых рядах фашистского наступления.

Победа Гитлера фактически дело их рук. Это они создали и развили колоссальную *динамику наступления* национал-социализма, они были его победоносной движущей силой. Авангард штурмовиков, поджегших рейхстаг, и авангард «июньского заговора» *тождественны*. Это дает нам первый ключ к предстоящему ходу развития Германии.

Сила и слабость Рема, Гейнеса, Эрнста и т. д. определялись тем, что они были самыми деятельными представителями активизированной мелкой буржуазии, тем, что они стояли к мелкой буржуазии ближе, чем другие элементы национал-социалистского движения, отражая ее желания, тогда как Гитлер, Геринг и Геббельс — официальный верховный триумвират наци — представляли, в первую очередь, интересы монополистического капитала, политику централизованного капитала Рура (Тиссен) и чер-

¹ «Добавлено из 2-го английского издания» — пометка Э.Г. на авторском экземпляре. — Прим. сост.

пали *оттуда* свою наступательную энергию. Рем, Эрнст и Гейнес были самыми жестокими, самыми кровавыми из всех известных нам террористских атаманов гитлеровского лагеря: они отражали стихийное, анархистское буйство гибнущей мелкой буржуазии, уничтожаемой монополистическим капиталом, но восстающей против пролетариата, буйство, принявшее формы безудержного террора и бандитизма. И по той же причине именно они после каждой зверской расправы над социалистическим пролетариатом снова и снова требовали от верхушки партии и правительства так называемой «социалистической» линии и «второй революции». Отсюда кажущаяся разительная противоречивость политического поведения этих людей: максимальное зверство по отношению к левому пролетариату и *самая «левая» позиция внутри партии*. Эта противоречивость только отражает неизбежные внутренние противоречия самой мелкой буржуазии. Лично Рем, Гейнес и Эрнст, как и вся эта категория «вождей», уже давно отошли от мелкой буржуазии, поднялись выше, превратились в таких же купающихся в роскоши олигархов, как и откровенно капиталистические «водители» — Геринг и пр. И не подлежит сомнению, что если бы эта фракция победила, отняла бы власть у Гитлера, она неизбежно проводила бы ту же капиталистическую политику, какую ведут Гитлер и Геринг. Социалистический фашизм — это противоречие в себе, бессмысленная утопия, оживающая только в демагогической пропаганде.

Но это пришло бы позже, после победы в борьбе фракций. Пока же, поскольку руководство принадлежало не им, а триумvirату «штатских» вождей, генералы штурмовых частей все время испытывали на себе давление масс. Они знали, что роспуск полевевшей коричневой армии сыновей мелких торговцев, служащих и крестьян, который должны были провести в интересах монополистического капитала Гитлер и Геринг, будет означать конец могущества генералов и маршалов этой армии, их падение. Они знали, кроме того, что только с помощью этой армии, во главе ее, пользуясь ее лозунгами, они могут достигнуть своих целей, добраться до еще более высоких положений и почестей, о которых эти профессиональные преторианцы фашизма уже давно мечтали.

Роспуск «Боевого союза самостоятельного среднего сословия», арест и даже убийство его вождей Гитлером летом 1933 г. были концом первой отчаянной попытки создать в партии наци активное левое крыло. После падения этой *штатской* фракции мелкобуржуазной оппозиции генералы-штурмовики Рем, Гейнес, Эрнст, Шнейдгубер, Киллингер, Гейдебрек, Гайн, Деттен, Шмидт, Герд и др. остались как *военная* фракция того же и почти того же направления. Эта фракция пыталась использовать всю энергию обманутой мелкой буржуазии, решившей наконец собрать плоды 30 января. Так возникло в верхушке партии наци на первый взгляд малопонятное противоречие интересов между Ремом и Гитлером. Это соперничество двух клик отражало только в слабой степени конфликт между интересами монополистического капитала и мелкой буржуазии. Когда напряженность этого противоречия сделала взрыв неизбежным, в верхушке — между Ремом и Гитлером — должно было что-то произойти.

Мелкая буржуазия потеряла терпение. К лету 1934 г., к седьмому кварталу «национал-социалистской революции» все категории германской мелкой буржуазии оказались в таком положении, в каком они никогда еще не были. Абсолютная диктатура монополистического капитала в гитлеровском государстве обрекла их на вымирание. Положение мелких розничных торговцев стало отчаянным. Крупные универмаги, кооперация и «американские базары» (где все товары в одну цену), управляемые уже национал-социалистскими бюрократами при участии национал-социалистских акционеров, по-прежнему душили розничную торговлю. Обороты мелких лавочников быстро падали в результате политики картелирования промышленности. Они падали не только количественно, в связи со снижением покупательной способности городских масс из-за растущей дороговизны. Средний заработок лавочника тоже сокращался. В то время как цена на самый низкий сорт маргарина поднялась на 30 марок на центнер и беднейшая часть покупателей вынуждена была платить на 30 пфеннигов дороже за фунт маргарина, разница, остающаяся лавочнику, сократилась с 15-18 марок до 6 марок на центнер. Цены на мясо и овощи поднялись по сравнению с 1933 г. на 50%, на яйца, молоко и картофель — на 100%, на масло — на 45%. В результате повышения цен лавочникам приходилось платить больше налога с оборота.

Кроме того, партия наци ввела свой собственный, частный налог с оборота: она обязала лавочников выдавать на все покупки, производимые членами партии, особые «боны» и оплачивать их затем взносами в кассу партии, т. е. фактически в пользу верхушечной бюрократической клики. Если же лавочники пытались вырваться из тисков сами, повышая самовольно цены, их одергивали самым решительным образом, как, например, в пфальцских городах Винвейлере и Рекенгаузене, где все булочники были взяты под арест по приказу окружного отдела партии наци за повышение цены на 10 пфеннигов за булку. 21 марта 1933 г. всем организациям фашистского союза розничных торговцев («N.S.-Наго») был разослан приказ «прекратить всякую борьбу против потребительской кооперации». За противодействие приказ угрожал «немедленным удалением с места».

Следующая, близкая к первой, категория — ремесленники, самые пылкие пионеры национал-социализма и герои фашистского наступления в 1931—1933 гг. — была не в лучшем положении. Из 900 парикмахеров Бреслауля, одного из наиболее типичных и признанных центров активной фашистской мелкой буржуазии — «города Гейнеса» — к середине 1934 г. 560 были безработными и получали пособия; пособие по безработице получали и 630 сапожников из 1140. Город должен был оплачивать квартирную плату за 460 содержателей трактиров. Столяров и портных он должен был искусственно поддерживать как «вспомогательных рабочих». Из всех категорий ремесленников только кустари, связанные со строительством, могли до известной степени зарабатывать себе на жизнь, да и то только благодаря искусственной конъюнктуре в строительстве, на которое бессмысленно и

беспланово (в Бреславле и без того много пустующих квартир и домов) выбрасывались деньги. Таково положение германского бюргера через полтора года после «его» революции.

Но сильнее всего была разочарована сельская мелкая буржуазия — крестьянство. Во многих районах крестьяне сразу с такой же силой возненавидели наци — молчаливо и грозно, — с какой когда-то они их приветствовали как «спасителей». Политика покровительственных пошлин, проводимая Гитлером, обогащала помещиков; его политика в области безработицы ставила к услугам помещиков десятки тысяч почти даровых рабов. Обещанное наделение крестьян новыми землями путем экспроприации помещиков и внутренней колонизации осталось несбыточной мечтой (за весь 1933 г. новые земли для поселения были предоставлены только 4571 крестьянину, тогда как еще в 1932 г. при Брюнинге на государственных и помещичьих землях было поселено 9044 крестьянина). Введение принудительного нормирования в молочном хозяйстве и птицеводстве налагало на крестьянство новые технические и финансовые тяготы и затягивало реализацию их основной товарной продукции на недели и даже месяцы. Наконец новый закон Дарре «о наследовании крестьянских дворов» — «краеугольный камень германского будущего» — привел все хозяйство, финансы и семейную жизнь крестьянина в полное расстройство. Десятки тысяч младших сыновей увидели, что они лишаются доли в отцовской земле. Они стали врагами своих старших братьев и родителей; они поняли, что им угрожает гибель. И все это ради того, чтобы расчистить место кучке избранных, богатых, привилегированных национал-социалистских крестьян — новой касте аграрных наци-аристократов. Правительство открыто заявляло, что «суженное государство Германии вынуждает к самому строгому отбору будущих крестьян» (слова д-ра Куммера, одного из заместителей министра земледелия Дарре). Гитлер планомерно проводил на селе ту же политику монополизации всех наличных рабочих мест для наци, что и в городе, на промышленных предприятиях и в учреждениях — политику создания узких привилегированных национал-социалистских каст как опоры для диктатуры монополистического капитала. Население целых районов, где крестьянство особенно бедно и земля сильно раздроблена, оказалось под угрозой экспроприации земли и выселения неизвестно куда. Так, в округе Рен, по национал-социалистскому «плану Гельмута», нужно было выселить 100 тыс. «лишних» крестьян-бедняков, чтобы очистить место для 6 тыс. больших «наследственных дворов». А куда выселить? Правительство под давлением юнкеров только что объявило, что в 1934 г. может быть предоставлена земля только для 8 тыс. новых поселенцев.

Безработных в городах разлучают с семьями и, как скот, отправляют по деревням на плохо оплачиваемые принудительные работы; в это же время малоземельные крестьяне Западной Германии боятся, что их пошлют в чужую и негостеприимную Восточную Германию, где их ожидают неприличные хозяйственные, культурные и прочие условия.

Но прежде чем окончательно переделить «наследственные дворы», должна быть погашена прежняя задолженность, обременяющая землю: колос-

сальная сумма в 7-8 млрд. марок. Как быть? Земельные банки отказывают крестьянам в новых кредитах. Ко всему этому в начале лета 1934 г. присоединился неурожай кормов, заставивший многих крестьян в предвидении бескормицы гнать скот на рынки и продавать его за бесценок. Следствием этого была внезапная волна возмущения среди крестьянства, совпавшая с возмущением мелкой буржуазии в городах. Именно в Северной Германии, где в январе 1933 г. крестьянство было единственным оплотом национал-социализма, в июне 1934 г. началось брожение. Во многих селах начали говорить: «Мы привезли Адольфа Гитлера на четверке коней, а выгонять будем цепями».

Такая же картина, такие же тенденции обнаружались внезапно во всех группах фашистской мелкой буржуазии в Германии. Армия 30 января заволновалась. Она созрела для нового выступления за свои интересы, за свое существование, — но на этот раз вопрос должен был решаться *внутри* фашистского фронта. Все это оказывало немедленное и непосредственное действие на штурмовиков. Каждое движение, каждая обида мелкой буржуазии немедленно передавались штурмовикам с удвоенной и утроенной силой. Положение этого вооруженного отряда мелкой буржуазии ухудшилось параллельно ухудшению положения гражданской ее части. Штурмовиков не только не сделали правящей кастой — эта роль была предоставлена чернорубашечникам из защитных отрядов и полиции Геринга; они не только не получили «приличной работы» или хотя бы такой, которая возместила бы им прежнее пособие по безработице, — нет, жизнь штурмовика за время правления Гитлера становилась все тяжелей и безнадежней: военная муштровка, мертвящая дисциплина, наряды за ослушание и т. д. стали гораздо строже, чем до захвата власти. Контраст между бытом штурмовиков и образом жизни нацистской бюрократии, в особенности «штатских политических вождей», становился все разительней. Отдельные отряды штурмовиков (например, в Саксонии) начали предъявлять коллективные требования, чтобы им гарантировали определенную минимальную еженедельную зарплату в 50 марок (сейчас штурмовики, имеющие работу, получают в среднем не больше 20 марок). Явка штурмовиков на занятия упала до 40% и ниже. Они начали петь новые песни, например: «Штурмовики маршируют, а начальство ездит на автомобилях». Только за одно первое полугодие 1934 г. пришлось исключить из отрядов свыше 20 тыс. штурмовиков. Часть исключенных была отправлена в концентрационные лагеря и тюрьмы; начались тайные казни коричневых.

Победители 30 января были повержены в прах. Новые экономические затруднения правительства Гитлера, потеря золотого запаса, катастрофическое падение экспорта, надвигавшаяся инфляция, сырьевой и продовольственный голод — вызвали в середине 1934 г. настоящую панику, в особенности среди женщин.

За все это время настроения мелкой буржуазии находились под возрастающим воздействием пролетариев. Пролетариат стоял вне фашистского фронта мелкой буржуазии, но тесно соприкасался с ним. Его активность, внешне незаметная, никогда не прекращалась. Она повышала и разжигала

недовольство и возбуждение этих слоев, действовала непосредственно через примыкающие к ним пролетарские элементы, через безработных членов штурмовых отрядов, ставших основным каналом, по которому просачивался «марксизм» в фашистские массы. Все это дало очень серьезные результаты. В мае и июне Гитлер и Геббельс должны были организовать пресловутый «поход против злопыхателей и критиканов». Они в гораздо большей степени были озабочены этим растущим возбуждением мелкобуржуазных масс, чем опасностью «реакции» со стороны монархических помещиков и офицеров (фон Папен — Гинденбург), которые, разумеется, также учли силу этого движения и уже готовились использовать его для своих собственных целей.

Только немногочисленная *верхушка* мелкой буржуазии и на вербованные из нее защитные отряды (СС) — все эти более обеспеченные купцы, чиновники, крупные фермеры, врачи и адвокаты, которых Гитлер действительно удовлетворил за счет евреев, либералов и социалистов, чтобы превратить в преданную касту и гвардию монополистического капитала, — только эта верхушка и ее чернорубашечники оказались незатронутыми этой волной возбуждения и сохраняли верность режиму. Основные массы мелкой буржуазии, и в первую очередь штурмовики, были близки к отчаянию. Они обращали свои взоры туда, где они все еще надеялись найти своих непосредственных представителей и защитников — к Рему и его штабу.

* * *

Рем выступил на авансцену. Этот жестокий и беспринципный преторианец фашизма, лишенный каких-либо политических взглядов, совершенно безнравственный человек даже с точки зрения официальной фашистской «нравственности», неожиданно был вместе со своими приятелями выдвинут ходом событий на центральное, решающее место. Рем знал, что он все еще зависит от мелкой буржуазии и больше всего от ее штурмовиков. Вся клика фашистских ландскнехтов видела, что она рискует своим положением, положением командиров двухмиллионной армии. Надо было решаться, в противном случае либо Гитлер принес бы ее в жертву отечественному монополистическому капиталу или дипломатическим интересам (требование Франции о роспуске штурмовиков), либо от нее отвернулись бы ее собственные солдаты.

Личность ничтожного Рема не имеет значения. И все же мы должны проследить его роль, потому что она отражает эволюцию широких общественных слоев. Генералы штурмовиков были приведены в движение потому, что за последнее время были уничтожены последние остатки прежней *гражданской* оппозиции мелкой буржуазии, исчезли со сцены последние штатские радикальные ее вожди. Лидер корпорации торговцев фон Рентельн был «уволен в отпуск», «уполномоченный по труду» в Берлине Энгель ушел, бывший руководитель нацистских профсоюзов и председатель национал-социалистической фракции в рейхстаге Штер был сослан в маленький восточногерманский городок бургомистром; Кох и Брюкнер, в прошлом представители крестьянской оппозиции против юнкеров в Восточ-

ной Германии, были «приведены к молчанию». Вся эта компания бывших «левых» демагогов оказалась не у дел. Только военные лидеры штурмовых отрядов имели еще некоторые важные позиции, но и в штабе коричневых положение становилось с каждым днем все опаснее. Рем не хотел испытать на себе судьбу Штрассера в 1932 г. или судьбу членов «Боевой лиги самостоятельного среднего сословия». Преторианцы фашизма не соглашались идти в отпуск, чтобы их место было занято новым триединым образованием: охранные отряды — тайная полиция — рейхсвер, т. е. внутренней, хорошо вышколенной гвардией монополистического капитала. Рем, Гейнес и Эрнст не подхватили радикальных лозунгов нижних слоев мелкой буржуазии и безработных наци. Но они начали пользоваться некоторыми особо популярными лозунгами и требованиями этой программы, чтобы укрепить свои позиции наверху у триумvirата Гитлер—Геринг—Гейбельс. Рем, например, опубликовал приказ, в котором он открыто заявлял, что «развитие некоторых социальных процессов приняло такой характер, что штурмовики уже не могут смотреть на это, не вмешиваясь». Он сопоставлял высокие дивиденды акционерных обществ с отчаянным положением безработных штурмовиков и стал пугать руководство национал-социалистской партии «новыми революционными выступлениями» штурмовиков — «как весной 1933 г.». Коротче говоря, он угрожал тем, что снова спустит с цепи коричневых, чтобы разрядить производимое ими на него самого давление. Но так как на этот раз жертвами уже не могли служить «евреи» и «марксисты», Рем и прочие командиры штурмовиков придали всему этому движению внешний вид «наступления на реакцию», т. е. на монархические юнкерские круги и (это только подразумевалось, но считалось неизбежным) на банки и промышленников. Так еще раз вскрылось внутреннее противоречие фашизма, противоречие между монополистическим капиталом и массами. Рем возродил старую программу мелкой буржуазии и национал-социализма с ее знаменитыми демагогическими выпадами против «банковских и промышленных магнатов». Но теперь, в рамках фашистского государства монополистического капитала, эта программа объективно приобрела смысл революции против фашизма. Рем и штаб штурмовиков вовсе не хотели заходить так далеко. Но они оказались в прямом конфликте не только с министрами-монархистами — фон Папеном, Нейратом и Зельдге, которых они обвинили в поддержке «реакции», но и с министрами-капиталистами — Шмиттом (хозяйство), Шверином (финансы) и Шахтом (Рейхсбанк), восставшими против вмешательства штурмовиков в хозяйство. Политика и программа разогнанной «Боевой лиги», казалось, снова ставились в порядок дня, и на этот раз при более благоприятных условиях. Мало того: Рем начал облекать эту экономическую программу в одежду новой *политической* идеологии, идеологии нового варианта фашистского государства. Генералы штурмовиков начали носиться с планом «государства штурмовиков», чисто военного, солдатского государства коричневых ландскнехтов, безраздельной диктатуры фашистской военщины над государственным аппаратом и над всеми прочими кастами и слоями населения. Эта идея вполне подходила к психологии и социальным интересам фашистских наемников. Но если эконо-

номическая программа «радикалов» бросала вызов монополистическому капиталу Тиссена и других властелинов Рура, то лозунг «государства штурмовиков», противопоставление чисто солдатского фашизма штатской автократии политической, пропагандистской и полицейской групп фашизма было прямым вызовом Гитлеру, Герингу, Геббельсу и всем прочим бюрократическим вождям фашистского режима. Для обоих — и для Тиссена, и для Гитлера — выходящее за определенные границы выдвижение к власти военной касты, как и весь план кастового государства под командой профессиональных ландскнехтов, не могли не вызывать серьезных опасений. Они боялись, что под видом создания такого государства действительно вспыхнет социальный бунт радикальных низших слоев мелкой буржуазии и его непроницаемых союзников слева, и тогда погибнет все. Самым опасным было то, что командиры штурмовиков под давлением масс и из страха за собственную шкуру действительно приступили к организационной подготовке будущего «государства штурмовиков». Они начали не только поощрять распространение подобных идей в штурмовых частях, но и сделали первые шаги к тому, чтобы стать государством в государстве и превратить свой генштаб в подлинное политическое правительство. Так называемое «Высшее командование штурмовых отрядов», т. е. военный штаб Рема, начало обрывать всевозможными чисто политическими управлениями. Все это могло иметь только один смысл: это был предварительный грубый эскиз будущего верховного правительства. Эти управления создавались в явном параллелизме с уже существующими правительственными органами, конкурировали с ними и совершенно не подходили к чисто военным функциям штурмовой организации. Так, при штабе штурмовых отрядов возникло так называемое «управление министерства», нечто вроде самостоятельного политического совета Рема, который уже до того сумел добиться закона о включении главнокомандующего штурмовых отрядов в имперский кабинет министров. При штабе было и свое «управление печати», явно конкурировавшее с государственной монополией печати министерства пропаганды Геббельса. Более того: Рем планомерно добивался монополизации всех военных сил государства и объединения их под его руководством — поглощения рейхсвера и «Стального шлема» штурмовыми отрядами. Это и было действительной целью всего форсированного похода против «реакции» и монархистов. Рему фактически уже удалось насильственно включить в штурмовую армию около 400 тыс. наиболее активных членов «Стального шлема». Теперь он требовал полной ликвидации «Стального шлема» и, самое главное, присоединения рейхсвера к штурмовым отрядам. Этим было бы достигнуто полное сосредоточение военной власти в руках штурмовых преторианцев. Одновременно отдельные руководители штурмовых частей приступили к припрятыванию оружия. В тот момент, когда Гитлер наконец решился в начале июня «дать штурмовикам месячный отпуск», Рем опубликовал приказ, который кончался следующими словами:

«Если враги штурмовиков тешат себя надеждой на то, что штурмовики совсем или частично не вернутся из отпуска, то пусть тешатся! В свое время и в той форме, в какой это окажется необходимым, они получают достой-

ный ответ. Штурмовики были и остаются оплотом новой Германии». (Этот приказ был опубликован во всех германских газетах). С этого момента направление надвигавшихся событий уже не вызывало сомнений, и только плохо осведомленная заграничная пресса увидела центр тяжести в «конфликте с фон Папеном». В тайном циркуляре, который Рем одновременно с этим приказом разослал своим непосредственным подчиненным, он писал: «Что бы ни произошло, мы не должны расходиться; мы должны сомкнуть плечо к плечу, чтобы в случае необходимости оказать друг другу поддержку». Преторианцы объявили о своем неповиновении.

Что именно произошло в ночь на 30 июня, которая из двух сил нанесла первый удар и возглавлял ли Рем уже «готовый заговор», — все эти вопросы имеют второстепенное значение. Вполне вероятно, что Гитлер и Геринг сами ускорили развязку и просто истребили без предупреждения своих бывших друзей. Поджигатели рейхстага достигли высоких степеней искусства в технике внезапного нападения и избиения безоружных.

Копание в деталях этой грязной и кровавой драмы фашизма мы предлагаем любителям бандитской романтики и сексуальной патологии. Но вот что важно: открытая террористическая контрреволюция против низших слоев мелкой буржуазии и ее военных лидеров, термидор Гитлера, была проведена гвардией монополистического капитала и верхних слоев буржуазии так быстро, внезапно и кроваво, что массы мелкой буржуазии не успели не только выйти на улицу, чтобы поддержать лидеров штурмовиков, но даже опомниться и осознать происшедшее. Снова с ужасающей ясностью обнаружилось, что мелкая буржуазия не в состоянии как самостоятельная сила совершать самостоятельные «революции», что она неспособна даже на бунт для защиты своих собственных интересов, что она идет на бой либо толкаемая монополистическим капиталом, в его интересах и под его руководством, как это было весной 1933 г., либо в союзе и под гегемонией пролетариев в общих социалистических интересах (как крестьянство в России). Германская мелкая буржуазия разбила себе голову о фашистскую стену, которую она сама помогла строить. Германские штурмовики, краса и гордость всех фашистов мира, более не существуют — во всяком случае *тех* прежних штурмовиков уже нет. Из 7 членов главного штаба штурмовых отрядов — начальника и 6 командармов (главных начальников групп) — 3 убиты и один изгнан; из нескольких десятков командиров дивизий и бригад (начальники групп и т. д.) большинство находится в тюрьмах или убиты, и среди них такие знаменитые командиры штурмовиков, как Эрнст, Герд, Гейдебрек и т. д.; свыше 3 тыс. низовых командиров штурмовых отрядов ожидают приговора в тюрьме. Вся верхушка снесена; из начальников остались на местах только безличные пешки и откровенные агенты капиталистов, вроде Лютце.

Удар был нанесен, в первую очередь, по трем центрам наибольшей активности штурмовиков, которые были одновременно самыми активными политическими центрами германской мелкой буржуазии, — по Берлину, Мюнхену и Бреславилю. Верхушка берлинского корпуса штурмовиков, когда-то знаменитейшей базы всего гитлеровского движения, «героев хорст-

весселевцев», «смертельных врагов марксизма», перебита и истреблена почти поголовно. Все политические организации и управления штурмовых отрядов: «управление министерства», «управление печати» ликвидированы окончательно, штурмовые отряды уже не имеют своего представителя в кабинете министров, и сами они, если и будут существовать, то в очень сокращенных размерах (официальные заявления Лютце и Гесса), тщательно «очищенные» и лишенные прежних прав.

Самоуверенные и свирепые ландскнехты превращаются в запуганных, замученных муштровкой рекрутов. Их место занимают части, которые уже давно — фактически тотчас после победы Гитлера, — предназначались к тому, чтобы сменить их: черная гвардия защитных отрядов, вышколенные и привилегированные сынки буржуазии и верхних слоев мелкой буржуазии, студенты, офицеры, кулаки, купцы, всегда презиравшие штурмовиков и их отцов и теперь, наконец, получившие возможность напасть на них, как на стаю собак, как на безоружных «марксистов». Защитные отряды проделали всю «операцию» Гитлера. Это они окружили коричневый дом в Мюнхене, они отправились на грузовиках на виллу Рема, они убили его и Гейнеса, они «выносили приговоры» в кровавом трибунале в Лихтерфельдском кадетском корпусе в Берлине и массами выводили и ставили к стенке арестованных штурмовиков. Новые штурмовые отряды, «реорганизуемые» сейчас по приказу Гитлера, это только подчиненная защитным отрядам организация, штрафной батальон чернорубашечников. Главари чернорубашечников: Гиммлер, Гесс, Далюге, Дитрих, — истинные герои государственного переворота и термидора 30 июня. Сейчас они вместе со своим союзником-рейхсвером держат всю Германию в кулаке. Фактический диктатор сейчас Гиммлер, начальник тайной полиции; он стал германским Фуше. Далюге, начальник берлинских защитных отрядов и одновременно ближайший подчиненный Геринга по полиции, получил командование над всеми штурмовыми отрядами Берлина, Бранденбурга, Померании, Восточной и Средней Германии. Дитрих, начальник восточногерманских защитных отрядов и командир личной охраны Гитлера, и Гесс, политический заместитель Гитлера, стоят на страже у дверей «вождя». Даже охрана недоброй славы Ораниенбургского концентрационного лагеря «отбирается» у штурмовиков и передается защитным отрядам, а Геринг формирует новые корпуса специальной полиции и «фельдгегерей», которым поручается «наблюдение» за штурмовиками. Геббельс и Гесс публично выражают благодарность защитным отрядам, спасителям отечества. Но наибольшего могущества достиг Геринг. Он, как мы уже указывали, теснейшим образом связан с защитными отрядами и их революционными союзниками и действует с ними заодно. А над всем, как и прежде, нависла рука *Тиссена*, генерального уполномоченного Рура. Монополистический капитал одержал победу. Мелкая буржуазия повержена. Но разве эти две силы — единственные на германской сцене и после 30 июня?

Основной смысл, историческое значение 30 июня не в новой победе монополистического капитала и не в новом поражении мелкой буржуазии. Победа монополистического капитала — Пиррова победа. Поражение мелкой бур-

жуазии — только завершение банкротства. Обе группы заканчивают подведение мин под самих себя. С 30 июня начинается новое наступление — контрнаступление третьей силы. Эта сила — не рейхсвер и не монархисты.

Если национал-социализм потерял 30 июня значительную часть своей массовой базы, если динамика наступления промежуточного класса закончилась в тот день, когда он в последний раз поднялся на дыбы в ремовском бунте и разбился о силы собственных противоречий, — то ясно, что гитлеровский фашизм, лишенный своей важнейшей массовой движущей силы, теперь уже только обороняется и может защищать свою власть только техническими средствами, физической силой, а не на основе реального политического перевеса. Ясно, что немногочисленная *верхушка* среднего сословия, еще сохраняющая верность Гитлеру (она сохранит ее и в будущем), сама по себе не представляет достаточной политической массовой базы. Она является самое большее специальным органом чисто террористической диктатуры (чернорубашечники). Правда, можно управлять страной и при *пассивности* мелкой буржуазии, но только в том случае, если нет другого класса, революционного класса, берущего инициативу в свои руки, и если мелкая буржуазия после своей катастрофы действительно и на долгий срок впадет в полную пассивность. Главный вопрос в следующем: если массовая динамика национал-социализма прекратилась или почти прекратилась, откуда же и от кого придет новая массовая динамика? Какому классу, какой политической группе будет отныне принадлежать инициатива?

Мировая буржуазная пресса убеждена, что инициатива перешла к генералам рейхсвера и «германским монархистам». Это не только извращение основных процессов, действующих в Германии, но и свидетельство неосведомленности или непонимания характера нынешнего гитлеровского режима. Основной характер германского фашизма определяется не «нацистским» или «монархистским» мировоззрением, а позицией монополистического капитала, Руром, его стремлением к империалистской экспансии, его «континентальным планом», динамикой Рура, направляющей и использующей «политику» всех групп буржуазии. С этой основной точки зрения до настоящего момента интересы наци, монархистов и т. д. были тождественны: все они *империалисты*.

Это — одна и та же группа, разделенная лишь очень тонкими перего-родками. Это — один и тот же фашизм, и совершенно безразлично, какое имя «светит сильнее» в этом созвездии: имя Гитлера или имя генерала Бломберга. Сейчас у рейхсвера нет ни малейших оснований выступить против гитлеризма — он нанес бы удар самому себе. Какие внешние формы примет эта комбинация — форму ли «чистого» гитлеризма, как до сих пор, или форму монархии, — несущественно. Это — вопрос тактики монополистического капитала. Возможно, что Гитлер и рейхсвер рано или поздно оденут фашистскую диктатуру в монархический мундир, — в таком виде она существует в Италии, где фашисты Муссолини — монархисты с давних пор. Но замена Гинденбурга каким-нибудь принцем не изменит ничего, разве только придаст больший «легитимизм» фашизму и возможно, несколько усилит роль аграрного капитала и его участие в аппарате власти. Возможно

даже, что в случае особенно критической для Гитлера ситуации во внешней или внутренней политике произойдет демонстративное и уж во всяком случае очень театральное замещение триумvirата Гитлер—Геринг—Гейббельс «новой» военной диктатурой а la фон Папен с Гитлером или без него. Но и это будет лишь переодеванием, маскарадом.

Действительно активные силы режима, диктаторская бюрократия, террористическая полиция, — вся эта направленная против пролетариата и мелкой буржуазии система будет составлять сущность нового режима. Может быть, он будет причесан чуть «полиберальнее», например, будут ослаблены антисемитские законы. Но и в новой прическе фашизм останется фашизмом. И, вероятнее всего, Гитлер останется до самого конца. Слишком уж он сросся со всей новой террористической системой монополистического капитала. Но та перспектива, какую намечает буржуазная пресса, — настоящая монархистская «революция» против Гитлера, — сплошная фантастика. Фантастика не только потому, что нет двух противоположных фашизмов, но и потому, что «монархисты» не располагают самостоятельной физической силой для вооруженного восстания против Гитлера и, прежде всего, для *последующей* обороны против мощного натиска революционного пролетариата. Они это прекрасно знают; рейхсвер ничего так не боится, как атакующего рабочего класса.

Каковы вооруженные силы буржуазии в Германии сейчас? В основном можно насчитать 6 боевых организаций:

1. *Рейхсвер* — 150 — 200 тыс. солдат. Рейхсвер занимает не очень определенную позицию между Гитлером, Гинденбургом и фон Папеном; его устремления определяются как бонапартизм во внешней политике; внутренняя политика должна «не мешать».

2. *Стальной шлем*. Монархическая сила, которая, однако, уже в начале 1934 г. вынуждена была влить свое активное, боеспособное ядро — 314 тыс. членов «коренного» «Стального шлема», 15 тыс. членов «Шарнгорстовской молодежи» и 100 тыс. других вооруженных бойцов — в штурмовые отряды и другие нацистские организации; в номинально независимом «Стальном шлеме» осталось только старшее поколение.

3. *Защитные отряды*. 200-300 тыс. человек. Вооруженная до зубов, блестяще организованная, мощная военная сила, идущая целиком за Гитлером (сыновья верхнего слоя мелкой буржуазии).

4. *Полиция*. Прежде смешанная, политически разнородная масса, сейчас сплоченная Герингом в послушную и грубую фашистскую гвардию, в особенности в ее новых специальных террористических образованиях («фельдгерьа» и т. п.).

5. *Политическая бюрократия наци* (так называемые «По» — партийная организация) и другие категории партчиновников. Несколько сот тысяч обученных штатских низовых фашистских организаторов, вооруженная и замкнутая правящая каста, обязанная Гитлеру своим роскошным существованием за счет всей нищей страны, будет защищать свое существование, а, следовательно, и Гитлера, до конца.

6. *Будущие «реорганизованные» штурмовые отряды*. Вероятно, около по-

лумиллиона или больше отобранных, просеянных и запуганных коричневорубашечников, которые будут под руководством новых, преданных командиров орудием в руках фашистской верхушки.

Уже из этой схемы ясно видна вся легкомысленность предположений о «легком» свержении Гитлера и о «самостоятельной революции монархистов». Политическая массовая база Гитлера в значительной части исчезла. Но техническая, организационная база физического террора продолжает существовать, и она вооружается еще сильнее прежнего. Массы, т. е. пролетариат и мелкая буржуазия, не примкнули к «монархистам»; собственная политическая и социальная притягательная сила этой группы слишком ничтожна для этого: реакционных аристократов из «Клуба господ», пожалуй, еще больше ненавидят, чем лидеров наци. Перед германскими массами — как рабочими, так и мелкой буржуазией — один только путь. Это путь борьбы за себя и свою жизнь под руководством революционного *пролетариата*. Пролетариат и только он представляет сейчас — социально, политически, исторически, идеологически — *антитезу* фашизма. Лишь он один — возможный кандидат на власть после Гитлера. Он снова возвращается сейчас с политическим сознанием, проясненным и заостренным всем пережитым опытом; с непреклонной, могучей волей к власти, с готовностью к борьбе и жертвам, с беспредельным презрением к фашистскому террору и палачам; с железным терпением, плодом тяжелой выучки, с молодостью и гневом, с массами и — в первую очередь — с исторически доказанным правом, правом пролетариата на господство. Он возвращается назад, имея право сказать втоптанной в грязь мелкой буржуазии, своему врагу 30 января: «Вот здесь стою я, а там ты. Ты со своей «революцией», со своим фашизмом, со своей ненавистью к «марксизму», раздавлена, разбита, оплевана и унижена своими собственными вождями, своими «героями» и «спасителями». Ты не можешь сделать ни одного самостоятельного движения. Ты с ужасом вспоминаешь о вчерашнем, ты в панике перед тем, что будет завтра; ты оказалась на самой низкой общественной ступени, на какой ты когда-либо была. А я, на кого ты и твои «союзники» напали тогда, я, кого ты 18 месяцев ненавидела и преследовала, — вот я вновь на своем посту, готовый к новой атаке, к конечной победе, и, что самое главное, я не думаю о мести тебе, готовлюсь к победе и для себя, и для тебя».

В этом — величие сегодняшней исторической ситуации в Германии. Революционный пролетариат не объявляет войны поверженной мелкой буржуазии, он не хочет мстить ей. Он стремится и готовится к мести фашистским палачам: Гитлеру, монополистическому капиталу, чернорубашечникам — всему фашистскому капиталистическому строю. Но он протягивает братскую руку поработенному, преданному и обманутому мелкому буржуа, он предлагает ему снова — и на этот раз уже по-настоящему — *союз*, союз между пролетариатом и мелкой буржуазией ради социализма. Сейчас в Германии созревает время для свершения того исторического акта, который совершил Ленин в России с помощью союза между пролетариатом и крестьянством. Для мелкой буржуазии сейчас, после 30 июня, нет иного пути. Она *должна* — если она хочет продолжать жить, если она хочет спасти

себя, примкнуть к революционному пролетариату, ухватиться за протягиваемую ей руку. *Новыми вождями мелкой буржуазии уже не могут быть фашисты.* Последняя попытка разрешить проблемы и противоречия мелкой буржуазии фашистским путем закончилась 30 июня у тупа Рема. Пока «самостоятельная» динамика мелкой буржуазии еще не исчерпала себя и не была доведена до абсурда, пока мелкая буржуазия еще добивалась исполнения ее требований *внутри* фашизма, до тех пор продолжался этот трагический урок. *Теперь* она знает, где она находится. Теперь она *должна* принять политическое руководство и гегемонию пролетариата — раз и навсегда.

И она уже делает это. В этом вся суть новой ситуации в Германии. Если сейчас там возникают тайные революционные организации бывших национал-социалистов; если в Мюнхене, Берлине, Бреславле вырастают тайные сообщества штурмовиков, клянущихся отомстить за 30 июня и одновременно выбрасывающие лозунги борьбы против промышленного и финансового капитала, против действительных виновников катастрофы¹, если массы штурмовиков в трактирах, на прогулке, на дому подходят к революционным рабочим, предлагают им — своим вчерашним смертельным врагам — руку, беседуют с ними, спрашивают у них разъяснений и совета и, более того, уже обсуждают с ними общие пути и меры, — это значит, что уже началась переориентировка мелкой буржуазии. Это только начало. Разумеется, этот поворот еще неясен и запутан, как повороты мелкой буржуазии, и она может, если ее предоставить *самой себе*, пойти по неверному направлению, к смутному, радикальствующему анархизму; к новой псевдореволюционной демагогии, к беспощадному *индивидуальному терроризму* и т. д. Политические группы, которые будут содействовать этим тенденциям и поощрять их, существуют. Таковы, например, «Черный фронт» Отто Штрассера, брата расстрелянного 30 июня Грегора Штрассера. Задача революционного пролетариата и его признанного авангарда, коммунистов, предупредить такое развитие событий и направить отрезвленную и возмущенную мелкую буржуазию по верному пути, помешав отходу крестьянства к сепаратному, чисто аграрному движению, двинув его вместе с рабочими на штурм Октября.

В этом теперь основная боевая задача революционного пролетариата в Германии. Если она будет успешно разрешена, — дни Гитлера сочтены. Тогда, «после Гитлера», придет не Геринг, не рейхсвер, не монархисты, а германский Октябрь.

Анализ германских перспектив после 30 июня приводит нас, таким образом, к следующему положению: ключ к будущему развитию в Германии отныне в значительной мере находится в руках германской компартии. Если ей удастся перенять отрывающуюся от Гитлера и вообще от фашизма

¹ Уже распространяются первые прокламации этих союзов, как, например, такая: «Пусть наших вождей убили, наша работа во имя Второй революции продолжается. Эрнст и другие расстрелянные вожди понимали, в чем идеал штурмовиков. *Гитлер — орудие реакции и промышленников, стремящихся к уничтожению пролетариата*». — Прим. авт.

массовую базу, профильтровать ее и завоевать для себя; если ей удастся в первую очередь установить связь с отчаявшимися и возбужденными штурмовиками, с теми штурмовиками, которые не только возмущены, но, по крайней мере частично, еще и сейчас вооружены; если ей удастся превратить в ясную политическую волю, в дисциплинированную и планомерную революционную работу возбуждение безработных, которых продолжают морить голодом или посылают принудительно эшелонами на сельскохозяйственные работы; если ей удастся прорвать фашистский фронт в деревне и подойти к недовольному крестьянству с широкой, ясной и конкретной программой действий; если ей удастся, наконец, поддержать в своих собственных рядах, в рядах закаленных в беспримерной героической подпольной борьбе ударных отрядов революции, строгую дисциплину для дальнейшей наступательной борьбы и избежать всякой преждевременной растраты энергии на частные вспышки, — тогда компартия *должна* будет достигнуть своей цели. Она станет общегерманским вождем оппозиции Гитлеру, единственной возможной альтернативой и преемником фашистской власти. Объективные предпосылки налицо. Субъективные предпосылки благоприятнее, чем когда-либо за много лет. 18 месяцев самого кровавого фашизма в мире превратили германских коммунистов в подлинных большевиков, в партию, знающую, чего она хочет, борющуюся, как лев, блестяще изучившую все виды революционной борьбы и революционной работы — конспирацию, технику и язык пропаганды, военную организацию, наконец, искусство восстания. Она не будет действовать так, как Рем и обанкротившиеся фашистские «революционеры», эти злосчастные ничтожества, которые умели под защитой легальной государственной власти убивать безоружных рабочих, но когда дело дошло до настоящего восстания, до настоящего политического и военного выступления, оказавшиеся совершенно непригодными. Она не позволит себе увлечься, подобно несчастным бунтовщикам мелкой буржуазии, которые, когда они были в большинстве, умели громко кричать и пытаться свои жертвы, но никогда не умели по-настоящему *бороться*. Она не повторит и тех роковых и смертельных ошибок, которые совершила германская компартия под другим, плохим и оппортунистическим, руководством в 1923 г., — ошибок, за которые она заплатила длительным и ужасным отступлением. Она не упустит решающей революционной ситуации.

18 месяцев гитлеровского фашизма были страшной, но неоценимой школой. Нынешний германский большевик, низовой организатор партии достоин русских большевиков; он в этом смысле достиг более высоких успехов, чем члены какой-либо другой секции Коминтерна, за исключением разве лишь китайских советских бойцов. И, с другой стороны, этот германский большевизм, в своем походе за завоевание народа и организацию восстания против фашизма, уже не натолкнется, как в 1918, в 1923 и в 1932 гг., на мощный аппарат разложения и саботажа, на германский реформизм. Все попытки германских социал-демократических оппортунистов, предпринятые и предпринимаемые при активнейшей поддержке II Интернационала, организовать в гитлеровской Германии среди рабочих новый анти-

коммунистический блок, развить новое социал-демократическое движение провалились. Однако ни на секунду нельзя упускать из виду той огромной возможной опасности, что закат гитлеровского фашизма будет использован старыми ренегатами для возрождения старых демократических настроений и чувств, что сладкое слово «демократия» будет снова использовано как опиум для масс и что в условиях общего утомления террористической диктатурой национал-социализма это слово снова обретет некоторую привлекательность. Не подлежит сомнению, что в Германии предстоит новая демократическо-либеральная кампания социал-демократов, обрамленная «социалистическими» и «революционными» лозунгами и поддерживаемая отечественными и иностранными буржуа. Но если германские коммунисты вовремя увидят эту опасность и правильно оценят ее, германским социал-демократам уготована та же участь, что русским меньшевикам в 1917 г.

Время работает на германских коммунистов. Не следует думать, что взрыв предстоит немедленно и что уже завтра Германия покроется баррикадами и красными знаменами. Процесс развития революционной ситуации, процесс разложения фашизма и параллельно с ним наступление коммунистов развиваются хотя и скачкообразно, но все же не сразу. Мы должны отказаться от всякой спекуляции и игры в назначение сроков, которой так охотно занимается буржуазная печать. Время покажет, будет ли уже предстоящая зима с ее почти неизбежной хозяйственной катастрофой, внешне-политическим кризисом и чрезвычайной социальной напряженностью решающей. Еще крепко стоят неразложившиеся охранные отряды, еще марширует церемониальным шагом по улицам Германии рейхсвер, еще строят свои оборонительные линии окопов сотни тысяч бюрократов правящей в Германии партии. А капиталистические державы готовы в любой момент, когда действительно будет поставлен вопрос о жизни и смерти германского капитализма, вмешаться и помочь ему раздавить общего смертельного врага, революционный пролетариат. Но основной факт, факт непрерывного роста объективных и субъективных революционных факторов в Германии, остается, и обойти его никто не сможет. Бунт Рема в этом смысле — только сигнальная ракета. 30 января 1933 г. было победой гитлеровской Германии. 30 июня 1934 г. было концом активистской мелкой буржуазии. Следующей датой будет дата победы советской Германии.

ERNST HENRI

HITLER OVER RUSSIA?

*The Coming Fight Between the
Fascist and Socialist Armies*

Translated by Michael Davidson

SIMON AND SCHUSTER
NEW YORK

Гитлер против СССР

ГРЯДУЩАЯ СХВАТКА
МЕЖДУ ФАШИСТСКИМИ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ АРМИЯМИ

*Перевод с английского
Р. Ихок*

Предисловие автора к русскому изданию

«Священный союз» против страны Советов подписан в Берлине 25 ноября 1936 г. План Гофмана — Розенберга — Гитлера для похода на СССР и для раздела мира между двумя или тремя фашистскими «сверхимпериями», о котором говорит эта книга, становится острой политической действительностью. Крестовый поход на Москву; захват Азии Японией; возвращение фашистских армий на Запад и диктатура Гитлера над Европой; свержение всех демократий мира и возврат к абсолютизму времен до Великой французской революции — таковы главные черты этого плана, и содержание последнего замысла, порожденного капиталистической системой, — остановить историю и отбросить ее назад.

Человек, который прочел бы об этих проектах 10 лет назад, подумал бы, что часть мира охвачена безумием. В действительности продолжается только, с необычайной быстротой и яркостью, переходный период, вступивший в свою обостреннейшую фазу: международную группировку сил для генерального сражения. Никогда еще слова Маркса и Энгельса «Социализм — или низвержение в варварство» не отражались так четко в действительности, как сейчас. Лагерь варварства организован и мобилизует свои силы на глазах у всех. Поход на СССР — это не только поход на государство Советов, на Красную Армию, на русский народ и другие народы между Двиной и Тихим океаном. Это поход на человеческую культуру, в первый раз добившуюся безграничных свобод, на светлое будущее мира. И, однако, он не страшен — в каких бы формах он ни протекал, каких неизмеримых жертв он бы ни потребовал. «На грубую, чисто техническую стратегию фашизма социалистическая армия ответит технически еще более сильным оружием: укреплениями, танками, самолетами, подводными лодками. Морально, однако, она ответит таким гневом, таким взрывом всей внутренней и человеческой энергии высшего социального порядка, таким негодованием, что в языках пламени этого взрыва механизированная армия агрессоров превратится в груды пепла». К такому выводу приходит автор этой книги после подробного анализа главных политических, военных, экономических факторов этой борьбы.

В действительности Советский Союз уже начал отвечать, и отвечать

двойко. Его первый ответ — Конституция СССР. После «Коммунистического манифеста» 1848 г. не было более громкого призыва к людям создать новое общество, более убедительного обвинительного акта против фашизма. Его услышат и здесь и там. В момент, когда мировой союз фашизма подписывает смертный приговор всей истории цивилизации, всему культурному достоянию — и, в действительности, самому себе, — страна Советов торжественно и спокойно объявляет о начале новой исторической эпохи человеческих прав, свобод и достижений. И если этот ответ обращен к тем, у кого есть еще уши, чтобы слышать, к трудящимся мира, то для глухих ушей фашистских варваров у Советского Союза есть еще и другой ответ, ответ кулаком. Ответ этот — непрекращающийся рост СССР и превращение его в самую могущественную державу мира; в такую силу, которая измеряется не обычными цифрами отдельных стран, а масштабами континента, которой не страшны никакие орды фашистов, откуда бы они ни пришли. «Священный союз» фашистских государств построен на песке, и этот союз сметет приближающийся шторм. Бастион социализма заложен на граните новой истории и новых людей. «Мы не отдадим нашу страну... Никогда!» — эта мысль сейчас в умах людей далеко за пределами СССР. В Испании тринадцатилетние мальчики, конторские девушки, мадридские рабочие, андалузские крестьяне умирают на баррикадах с именем Москвы, с именем Сталина на устах. В Германии, в центре фашистского лагеря, революционные рабочие, несмотря ни на что, готовят освободительное восстание, как когда-то готовили его после 1905 года в царских тюрьмах большевики. Нет, не дойти фашистам до границ СССР. Переходный период развивается с непреодолимой логикой, и проблема «социализм или варварство» будет разрешена. Пусть люди страны Советов спокойно и бдительно ожидают того часа, когда в союзе с рабочими и демократиями других стран они отразят нападение и сметут фашизм с мировой карты.

Эрнст Генри

Предисловие автора к английскому и немецкому изданиям

С некоторого времени наиболее наблюдательные и хорошо информированные люди Великобритании ощущают, что на европейском горизонте собирается *шторм*, который, может быть, очень скоро сметет все прочие тревоги и проблемы нашего века. Все более и более явственно вырисовывается призрак потрясающего огромного столкновения — столкновения, которое произойдет между двумя мировыми формациями, собирающими друг против друга еще более громадные и еще более страшные силы, чем в 1914 г. Собираательные центры этого столкновения — Берлин и Москва, а конфликт, который разразится между ними, охватит, по-видимому, территорию, примыкающую к Германии и Советскому Союзу, т. е. Центральную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Европу. Но словно в тени этих держав виднеются силуэты двух великих армий, которые не признают вовсе ни национальных границ, ни географических барьеров и расположены на всем континенте: это — *европейская фашистская армия и европейская социалистическая и демократическая армия*.

Люди, которые испытывают ныне это чувство и в которых оно со времени начала событий в Испании усилилось более чем когда-либо, как правило, не являются ни людьми, страдающими галлюцинациями, ни последователями Герберта Уэллса. Это большей частью люди с очень трезвым умом, со здоровым отвращением к войне, равно как и с глубоко укоренившимся недоверием к легковесному паникерству; наряду с лицами, занимающими официальные посты и имеющими доступ к надежным источникам информации — дипломатами, журналистами, военными наблюдателями, — это также и обычные средние люди, интересующиеся политикой. Но именно эти люди взволнованы гораздо больше, чем обычные профессиональные алармисты, которые выходят из себя по вине синьора Муссолини. Разговоры о грядущем конфликте на Востоке становятся все громче. Имеют ли они какое-нибудь основание?

Эта книга должна дать положительный ответ на этот вопрос. Автор пытается показать, что картина великого пожара на Востоке далеко не измышление журналистов, что она отражает конкретную реальность, притом реальность к нам близкую, более близкую и гораздо более конкретную, чем это представляется многим из нас. Автор показывает далее, что этот

конфликт не может быть ограничен или «локализован» какой-либо одной частью земного шара; дело гораздо сложнее. Событие, надвигающееся на нас, это, по всей вероятности, вторая мировая война, война, которая, вспыхнув на Двине, на Балтийском море, на Дунае, охватит весь континент, не оставит незадетой ни одной страны и не пощадит ни одного государства или группы государств, как бы «изолированы» они ни были.

Такова тема. Это смелый замысел, и он не входил в первоначальные намерения автора. Но в процессе детального изучения современных явлений и событий в Центральной Европе автор почувствовал, что его притягивает к этому выводу словно магнитом. Оказалось, что каждое явление, практически почти каждое событие, в этой зоне непреложно ведет именно к этому выводу, направлено прямо в эту сторону и никуда более. Оставалось только следовать этим указаниям со всей возможной точностью и наметить контуры возможного процесса. Результаты этого исследования и предлагаются вниманию читателя.

Автор не хотел бы, чтобы его книга создала впечатление, что он делал эту работу с холодным сердцем, хотя он старался, конечно, сохранять холодный ум. Автор принадлежит к числу тех, кто верит, что в современном мире, расколотом на два гигантских вражеских лагеря и находящемся на грани своего окончательного преобразования, нет и не может быть политической и социальной беспристрастности. Вместе со многими другими автор находится по одну сторону баррикад. Полный разгром и поражение другой стороны — это его самое страстное желание, потому что только в этом видит он выход для настоящего и надежду на лучшее будущее. Одного только можно требовать от автора при решении столь значительной проблемы: уважения к исторической правде. И, быть может, кроме того — чувства ответственности по отношению к тем читателям, которые ищут в этой книге главного и самого важного для них ответа на вызывающий их величайшую тревогу вопрос о том, как сохранить мир. Эта книга была написана не для того, чтобы напугать их, а для того, чтобы предостеречь.

* * *

«Гитлер против СССР» является одновременно как бы продолжением книги «Гитлер над Европой?» — более ранней работы, появившейся в 1934 г. и пытавшейся обрисовать скрытый социальный процесс, который вызвал неожиданное появление этой силы в сердце Европы; первым результатом этого процесса был разгром германской республики и временное поражение германского рабочего класса. Теперь вырисовывается *вторая стадия* в динамическом развитии той же силы, которая вызовет еще большие разрушения и в более широком радиусе. Метод, примененный здесь автором, напоминает отчасти анализ, которым пользуются в естественных науках. Неумолимая и непреклонная логика фактов показывает, что все развитие определяется не произвольными актами и не состоит из случайных событий, вызванных прихотью одного человека, а является закономерным, строго логическим процессом, который неизбежно должен про-

должаться до тех пор, пока существует эта сила и пока ничто не препятствует ее росту. Этого достаточно, чтобы внушить тревогу. Но автор не думает, что, употребляя такое сравнение, он оскорбляет известную часть своих читателей; он не пытался также изменить последовательность событий. Факты говорят сами за себя; они говорят, конечно, и для тех, кто не разделяет материалистического объяснения истории. Главным фактом остается Гитлер. А «Гитлер против СССР» — это только четкая проекция проблемы «Гитлер над Европой?» — новый акт все той же драмы, которая началась 30 января 1933 г. и касается *всех* нас, хотим мы того или нет.

Этот новый акт открывается ночью 30 июня 1934 г. Что общего имеет он с крестовым походом против Москвы? Все! В ту ночь, ночь восстания ремовской армии, — а не раньше — окончательно решилась судьба этого крестового похода; он стал исторически неизбежным. Замкнулся внутренний «порочный круг» политики Гитлера, разбившей сердце германской мелкой буржуазии, развязавшей полностью и без ограничений другую силу германского фашизма — империализм. Внутреннее развитие неминуемо определило внешнее; трагедия германской мелкой буржуазии непосредственно подготовила путь для неожиданного появления на сцене «спасителя Европы». Вот почему главной части этой книги, озаглавленной «Крестовый поход», предпослана в качестве пролога история серьезнейшего внутреннего кризиса германского фашизма. Весь ход этих событий ныне непреложно связан с путем Гитлера.

Так, следуя ритму политического развития, возникает схема исследования, конечной формой которого будет, по-видимому, трилогия. Ибо одна вещь ясна уже сегодня. Если *Гитлер*, который служит силам более могущественным, чем он сам, вовлечет Европу в безумную авантюру, если СССР окажется его непосредственным противником, то в этом случае только *Англия*, и только она, держит в своих руках ключ к окончательному решению. Эта мысль выражена в этой работе не более, чем в предыдущей, но автор оставляет за собой право сделать окончательный вывод в дальнейшем. Для каждого внимательного читателя эта мысль поможет оценить значение обеих книг. Тем или иным путем Англия даст окончательное разрешение проблемы Гитлера. Эта книга выходит в свет раньше всего в Англии. Если позволят обстоятельства, изучение вопроса «Гитлер и Британия» составит содержание следующей книги-трилогии.

Необходимо сделать еще одно замечание: эта книга не «инспирирована» ни в каких кругах. Она не связана с какими-либо «официальными» или «неофициальными» кругами в какой-либо стране, и никто, кроме автора, за нее не отвечает. Идеи, выраженные в этой книге, представляют его собственное мнение; использованный материал является продуктом его личных исследований. Автор будет благодарен за всякие советы, которые будут присланы издателям¹.

¹ Далее идет дополнение, внесенное автором в предисловие для немецкого издания.

Немецкому изданию необходимо предпослать несколько дополнительных замечаний. В противоположность многим политическим наблюдателям современности, автор этой книги рассматривает национал-социалистский план войны с СССР не только как историческую реальность, но как главную ось подлинного международного плана национал-социалистов, как содержание их ближайшей генеральной операции. Крестовый поход на Москву; формирование трех больших фашистских армий — на северо-востоке (Балтика), на юго-востоке (Дунай) и в Восточной Азии (Маньчжурия — Монголия); нападение на крепости социализма и военный поход на восточно-европейской территории; соединение с паназиатской лавиной Японии и *тогда* — обратный марш на Запад, и безудержное нашествие на обессиленную Европу, — такова политическая стратегема, созданная мозгами людей из Нюрнберга — какой бы фантастической она ни казалась; она составляет подоплеку их исступленных призывов к крестовому походу, и объясняет всю деятельность Гитлера в этом направлении. На первый взгляд эта концепция кажется удивительной. Ленинград, Киев и Москва оказываются ключевыми позициями в борьбе против Парижа и Лондона; победа на Востоке — непосредственным и *необходимым* вступлением для нападения на Запад. Все это стоит в явном противоречии с привычным представлением о том, что Гитлер начнет нападение с ближайших, лежащих по ту сторону Рейна, областей. Но не следует упрощать стратегию национал-социализма, уже не раз показавшего, что он умеет считаться, по меньшей мере, с конкретными реальностями; призывы Гитлера и его подручных к крестовому походу представляют собой нечто большее, чем повседневную пропаганду, даже большее, чем маскировочный маневр. Нельзя недооценивать политики врага. Речь идет, в первую очередь, о совсем простых политико-стратегических факторах; эти факторы, переложенные на язык непосредственной оценки соотношения сил в современной Европе, приводят национал-социалистскую политику к следующим основным выводам.

Какую ситуацию — политическую и стратегическую — встретит Гитлер сегодня или в ближайшем будущем, если он нападет на *Запад*, т. е. на Францию и бельгийско-голландское побережье Ла Манша?

Политически: неприятельскую коалицию, состоящую из Франции, Англии, Советского Союза, Чехословакии и, вероятно, некоторых других малых стран, верных Лиге Наций; при этом под вопросом остается нейтралитет Италии, а позиция Соединенных Штатов Америки будет, безусловно, враждебна Германии.

Каковы бы ни были в этом случае отдельные политические и военные шахматные ходы и «трюки» Гитлера или германского генерального штаба, — такой неприятельский фронт несокрушим; он воспроизводит антигерманский фронт 1914–1918 гг., но еще более сильный и для Гитлера еще более смертельный, чем для Вильгельма II. Нелепо думать, что властители Третьей империи не видят этого так же ясно. Франция будет защищаться всеми силами, как уже имеющимися в ее распоряжении, так и потенциальными,

а эти силы еще меньше можно недооценивать, чем в 1914 г.; на стороне Франции будет, по крайней мере, часть ее меньших союзников в Центральной и Юго-Восточной Европе. Англия не оставит Францию; эта карта бита фактически уже с 1935 г., и все эти спекулятивные расчеты явно и окончательно ликвидированы с 1936 г. Формальные заявления Болдуина и Идена, новое соглашение между французским и английским генеральными штабами только подкрепляют уже очевидные факты. *Никакое* английское правительство, ни правое ни левое, ныне не позволит сокрушить Францию, не позволит германской воздушной эскадре обосноваться перед Ла Маншем. Гитлер и Риббентроп это знают, и поэтому их главные усилия в Лондоне направлены на то, чтобы в награду за гарантию Западного пакта получить «свободу рук» в другом месте. С другой стороны, поддержка Советским Союзом обороны Франции не подлежит никакому сомнению, и здесь вряд ли сможет что-либо изменить дальнейший ход политических событий. Советский Союз сегодня стал действительным оплотом не только Лиги Наций, но и вообще всякой активной политики мира; он не допустит того, чтобы орды фашистских варваров опустошили Запад; позиция СССР в испанском конфликте показала это еще раз с достаточной ясностью. Все более вероятным становится участие Соединенных Штатов в этом оборонительном кольце (тем более после победы Рузвельта) в той или иной — пассивной или активной — форме; во всяком случае, в форме снабжения материалами и финансовой поддержки подвергшихся нападению демократий Англии и Франции. Какое же правительство в Америке могло бы поддержать гитлеровское вторжение через Рейн? Основные черты этого оборонительного союза определились, и перевес явно на его стороне. Нет ни одного человека в нынешней германской главной квартире, и вряд ли найдется хоть один национал-социалистский вождь, который отважился бы напасть на столь превосходящие силы; на это не решатся даже эти одержимые. Рост вооружений Англии, Франции и Советского Союза, а также уроки испанских событий сделали, по-видимому, беспочвенными расчеты на «молниеносную атаку» Геринга с воздуха, которая в течение 48 часов превратит в пепел Париж и Лондон, принудит правительства Франции и Англии к немедленной капитуляции и таким образом Германия избежит длительной войны, в которой перевес окажется на стороне противника. Что же ждет Гитлера при его наступлении на Запад с точки зрения стратегической?

В качестве первой линии он натолкнется на следующую цепь: французские укрепления Мажино, франко-английский воздушный флот, бельгийско-голландские укрепления; чехословацкие авиабазы, воздушный флот Советов. Уже одно это составляет стену в конкретно-военном смысле, о которую должны вдребезги разбиться атаки Гитлера, причем его противник в свою очередь может развить сокрушительное наступление. Тут, в самом деле, ничего не сможет сделать никакая эскадра Геринга и никакая бронированная армия Бломберга; соотношение сил слишком очевидно. Ни Муссолини, ни Рыдз-Смиглы, ни какой-либо другой фашистский партнер не примкнул бы в таких обстоятельствах к Гитлеру, и последний остался бы изолированным. Это — военное самоубийство, на которое гер-

манский генеральный штаб не пойдет вторично. Вильгельм II и его полководцы пренебрегли завещанием умиравшего Шлиффена: «укрепите мое правое крыло», но можно считать, что все национал-социалистские лидеры хорошо помнят и будут помнить завещание Секта: «только не война на два фронта». Иначе и быть не может.

Какую обстановку встретит Гитлер, устремившись на *Восток*?

Внешне обстановка будет той же, с еще более усложненными стратегически-техническими перспективами, — но так будет лишь в том случае, если сохранится такая всеобщая оборонительная коалиция европейских держав. Но сохранится ли она? Будет ли Гитлеру и в случае его генерального наступления на Восток по-прежнему противостоять неприятельский фронт западных государств, и станет ли для него неизбежной война на два фронта? Это — первая брешь, которая открывается для Гитлера, она направляет все его политические и военные расчеты в определенную сторону.

Нельзя теперь отрывать социалистический Восток Европы от демократического Запада. Но нельзя ли при случае оторвать буржуазный Запад от социалистического Востока? Последняя задача кажется значительно более легкой, в то время как первая неразрешима.

Решение этой задачи будет достигнуто в том случае, если Гитлеру и Японии удастся выторговать у буржуазно-демократических государств «нейтралитет» по отношению к восточному вторжению, если удастся добиться этого «нейтралитета» вымогательством или вынудить посредством запугивания («спасение цивилизации от надвигающейся угрозы мирового большевизма»). Решение этой проблемы было бы еще более надежным, если бы удалось достичь не нейтралитета, а союза, что возможно, если на Западе вместо буржуазно-демократических государств возникнут буржуазно-фашистские.

Фашистское или полуфашистское правительство во Франции (Лаваль — Тардье) означает конец Советскому пакту и «свободные руки на Востоке» (но опять-таки все еще не на Западе). Фашистское правительство в Испании означает постоянную военную угрозу *любому* французскому правительству со стороны Пиренеев и Балеарских островов. Фашистские правительства в Мадриде и в Париже означают переход Англии к политике «свободных рук на Востоке», даже без Мосли. В этот момент Тардье, Муссолини, Бек, Араки, Хорти, Дегрелль, Франко, Маннергейм и все остальные антибольшевистские поборники «западной цивилизации» позволяют Гитлеру избежать войны на два фронта.

Этот исторический расчет надо обязательно иметь в виду, чтобы разобраться в современной политике фюрера и его штаба, чтобы видеть дальше сенсации дня и чтобы не попасться врасплох. Дело идет, в конечном счете, о простейшей целесообразности. Эти люди находятся в тисках и, чтобы высвободиться из них, они должны сломать *политически* одну сторону этих тисков. Какая сторона слабее политически? *На современной стадии капиталистического развития легче поднять на ноги фашизм во Франции, Чехословакии, Бельгии и даже в Англии, чем вести войну против всех этих стран.* Эту аксиому Гитлер усвоил твердо. И вот почему он с

таким фанатизмом провозглашает европейский крестовый поход против «главного врага».

Борьба народного фронта и за народный фронт во Франции, Англии и Испании предопределяет историческую перспективу.

Из всего этого не следует, конечно, делать заключение о том, что Гитлер еще до того, как он выступит в свой великий поход на Москву, не предпримет ряда подготовительных стратегических *операций*, например, против Чехословакии (уничтожение богемских авиабаз), против Австрии, на Балтике (позиции против Ленинграда) или в отношении колоний (обеспечение сырьем). Напротив, именно главный восточный план Гитлера (это будет показано на протяжении всей книги) увеличивает вероятность предварительного проведения отдельных из этих подготовительных операций и даже, возможно, делает их неизбежными; точно так же как результатом подготовки «крестового похода» внутри Германии явился, например, большой четырехлетний план, необходимый для хозяйственной мобилизации и создания запасов сырья. Обещает ли это миру хотя бы ограниченную передышку? Едва ли. Существует не только стратегия нападения Гитлера и мирового фашизма, существует также стратегия обороны другого лагеря, который не даст себя застигнуть врасплох или навязать себе условия борьбы. Ковно, Прага и Вена могут вспыхнуть на европейском горизонте еще раньше, чем оборонительные бастионы Ленинграда и Киева. Гитлер марширует. Цель этой книги — показать, что другая армия может ждать его уверенно и спокойно.

Э. Г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Порочный круг

Глава I. Восстание армии мелкой буржуазии

30 июня 1934 г. в казармах и на задворках Мюнхена и Берлина были убиты лидеры германского национал-социализма — Рем, Гейнес, Эрнст и сотни их друзей. Они были умерщвлены по приказанию Гитлера. Этот день ознаменовал начало нового периода в истории Германии, а в истории Европы открыл новые перспективы. Что же произошло 30 июня?

Миру казалось, что перед ним разворачивается действие детективного фильма. Ведь убитые были самыми доверенными лицами Гитлера. Все это — люди, которые восемнадцать месяцев назад, 30 января 1933 г., завоевали для Гитлера власть в Германии; это — люди, которые непрерывно в течение десяти лет командовали его армией, организовали поджог рейхстага и довели национал-социалистское движение до его расцвета. Они лежали теперь в собственной крови. И все-таки происшедшее заключало в себе больше, чем «дворцовый» переворот. Рем, Гейнес и Эрнст были *генералами германской мелкой буржуазии*. Это — основное, и в этом причина их смерти.

Во главе армии германского фашизма стояли «генералы» двух родов. Это, во-первых, самые блистательные, самые прославленные, самые могущественные из них, те, на которых опирается официальное правительство Германии, — триумвират Гитлер—Геринг—Геббельс. Это герои 30 января, провозгласившие себя спасителями нации. На деле эти лидеры были, прежде всего, представителями самой реакционной и самой неразборчивой в средствах группы в Германии. Их подобрала в грязи, увенчала лаврами и поддержала миллионными средствами тайная олигархия королей Рура — угольных и стальных баронов. История о том, как пришли к власти Гитлер и его друзья, уже не является более тайной.

Несмотря на всю помпу, эти люди и прежде и теперь стушевываются перед мощью капитала. В недрах богатого промышленного Рура в течение десятков лет скапливалась огромная неодушевленная масса капиталов. Душой этого гигантского туловища является империализм. В течение десятков лет Рур держит в своих руках всю Германию и пытается сжимать ее все крепче и крепче для того, чтобы добиться выполнения своих империалистических воцелений. Гитлер, Геринг и Геббельс являются поистине полными выразителями этого концентрированного капитала в его гигантской

и неустанной борьбе за расширение своих владений, за выход из Центральной Европы на арену всего континента. Поверхностному взгляду европейского наблюдателя эта борьба представляется политикой Великой Германии. Но внутри страны, среди посвященных, она известна как «Континентальный план» германской тяжелой промышленности. Это главная сила, незримо вдохновляющая трех лидеров национал-социализма, вместе с их приверженцами. Это та сила, в жертву которой они готовы отдать все: республику, свободу германского народа, мир в Европе, права рабочего класса, и уж во всяком случае — доверие мелкой буржуазии. Какое значение имеет для них все это? Внутри фашизма эта троица вождей и их сторонники осуществляют волю и закон империализма. Фашистские лидеры мечтали о новом великолепном паневропейском государстве тевтонской расы, им грезилось, что они стоят во главе этого государства, как вожди и победители. Они были словно загипнотизированы этим видением. Ведь именно поэтому они создали и возглавили национал-социалистскую партию. Но для того чтобы вступить на этот путь, надо было сначала сломить волю тех, кто преграждал здесь дорогу, — волю пролетариата.

Лидерам национал-социалистов пришлось заключить союз с инородной группой, им пришлось прибегнуть к услугам вожжиков мелкой буржуазии. Мелкий люд уже долгое время метался в поисках мистического спасителя. Сплоченный, безымянный капитал, стоявший за реакцией, и распыленная мелкобуржуазная масса — миллионы разорившихся мелких торговцев и крестьян, торговых служащих и низших государственных чиновников — сплотились на время так тесно, что образовали, казалось, единый массив. Этот массив обрушился на германский рабочий класс. Тогда-то и поднялись новые фашистские генералы — Рем и его хунта, командовавшая под конец двумя с лишним миллионами вооруженных коричневорубашечников.

Это были люди различного толка. Они подняли знамя Гитлера и пошли в бой во славу его имени. Однако это были, прежде всего, сыны взбунтовавшейся мелкой буржуазии, ее непосредственные вожди, ее «герои», ее демагоги. Даже в своих новых разукрашенных мундирах они не перестали до известной степени отражать характер и природу той массы, из которой они вынырнули так внезапно, с такой головокружительной быстротой.

Они говорили языком мясников и содержателей постоянных дворов, языком конторщиков, фермерских сынков и студентов; таинственные империалистические интересы касались их лишь во вторую очередь, за «мистическую» личность Гитлера они не прозакладывали бы и ломаного гроша, ведь они сами его «сделали». Они жаждали новых «великих» подвигов в духе Валленштейна.

Рем, Гейнес и Эрнст были самыми жестокими и беспощадными из всех крупных вождей национал-социалистов — вся Германия содрогалась при виде их кровавых дел. Они выражали — сознательно или бессознательно — бурное анархическое бешенство разоренной мелкой буржуазии, бешенство, которое, однажды разгоревшись, так часто принимает форму необузданного терроризма, ибо мелкая буржуазия, смертельно раненая

могучими силами капитала, слепо набрасывается на «левых». Но Рем и его соратники были не только безжалостными палачами. Ведь одновременно они являлись лидерами национал-социалистской партии, и когда они в верхах партии и в государственных учреждениях громко и настойчиво требовали «полной национал-социалистской революции», то их толкали те мотивы, что и при расправах с рабочими. Чего хотели люди и что называли они «второй революцией»? Коротко говоря, они хотели *богатств*, принадлежащих другим группам и классам; богатств больших универсальных магазинов, богатств еврейской буржуазии, богатств рабочих кооперативных обществ и профсоюзов, богатств крупных землевладельцев; у них разгорался аппетит отчасти даже на священные и неприкосновенные богатства промышленности и банков. Именно этого хотели лидеры только для мелкой буржуазии и для самих себя.

Робин Гуды городских окраин, избивавшие евреев и социалистов и не испытывавшие при том ни малейших угрызений совести, считали, что эти их вождения и являются как раз социализмом. Отсюда яркое кричащее противоречие между политической программой и личным поведением крупнейших генералов СА (штурмовых отрядов). Проявляя чудовищную жестокость по отношению к левому крылу рабочего класса, они стояли одновременно на самых «левых» позициях внутри национал-социалистской партии. Это — противоречие, присущее самой мелкой буржуазии.

Правда, Рем, Гейнес, Эрнст и все прочие командиры СА, принадлежащие к мелкой буржуазии, в своей частной жизни давно уже оторвались от этой группы и возвысились над ней. Многие из них уже успели превратиться в мелких сатрапов, утопающих в роскоши, подобно Герингу и другим чисто капиталистическим лидерам национал-социалистов. Главная квартира СА в Виссее, где находилась вилла Рема, походила на шумный средневековый лагерь разгульных ландскнехтов. И нет никакого сомнения, что — случись этой клике одержать победу и вырвать власть из рук Гитлера — она рано или поздно, подчинившись притяжению со стороны сил олигархии и насытив свои личные аппетиты, покорилась бы ей и стала бы лизать ей руки.

«Социальный фашизм», который так часто провозглашают в качестве символа веры, заключает в самом себе непреодолимое внутреннее противоречие. Это вновь и вновь возникающая фата моргана. И пока мелкая буржуазия гонится за этим призраком, она неизбежно будет терять своих вождей — в результате либо расправы над ними, либо их измены.

Но все это могло случиться лишь позднее, после победы в большом сражении. В то время как руководство было в других руках и роль «великого избавителя» с помпой разыгрывал «штатский» триумвират, генералы штурмовиков постоянно испытывали давление со стороны масс. Высокопоставленные наемники из рядов мелкой буржуазии знали кроме того, что опасность, угрожающая этим массам, означает опасность и для них самих. Они понимали, что роспуск или сокращение коричневой армии, которой они командовали, неминуемо означает их собственное падение. А им хотелось любой ценой остаться генералами этой армии, даже сделаться ее маршалами.

Профессиональные преторианцы фашизма, сыновья лавочников мечтали о том, чтобы все дальше и больше продвигаться по пути к власти. Генералы штурмовиков лелеяли эти мечты, которые им внушали их безграничное честолюбие и жажда роскоши. Но ничто не было для них более достоверным, чем то, что достигнуть своих целей они могли только с помощью своей армии, во главе ее и под ее лозунгами.

Генералы СА и их лагерь в Мюнхене (Гитлер управлял из Берлина) остались до известной степени, внешне и напоказ, представителями мелкобуржуазных слоев в национал-социалистической партии; эти люди были надеждой мелкой буржуазии, ее деятелями, ее ораторами. Они остались такими и после уничтожения знаменитой «Боевой лиги самостоятельного среднего сословия» — побрякушки, украшавшей речи ораторов радикального крыла. Эта «Боевая лига», мечтавшая о передаче государства в руки гильдий среднего сословия, была распущена вскоре после 30 января 1933 г., и никто даже пальцем не пошевелил в ее защиту.

Теперь генералы СА — Рем, Гейнес, Эрнст, Шнейдгубер, Киллингер, Гейдебрек, Гайн, Деттен, Шмидт, Герд и др. — оказались на деле единственными представителями подобных, более или менее радикальных, направлений внутри фашизма. Но эта группа имела в своем распоряжении оружие. И поэтому всякое движение мелкой буржуазии, всякая попытка пожать, наконец, плоды 30 января, не могла миновать эту клику. Мюнхенский лагерь со злобой поглядывал на лагерь в Берлине.

Фашистские главари снова раскололись на две группы. Тайный антагонизм между Ремом и Гитлером, существовавший в верхах национал-социалистической партии, оставался долгое время скрытым от международного общественного мнения, но он был неизбежен. За этим антагонизмом, за соперничеством между двумя честолюбивыми кликами наемников скрывалось реальное и притом невероятно напряженное противоречие интересов капиталистической олигархии и мелкого буржуа, империализма и мелкой буржуазии, Рура и маленьких городков. Один из противников должен был победить и, победив, избавиться от врага наиболее удобным, по его мнению, способом, удалив его из своей «системы», своего «государства». В момент, когда напряженность этого противоречия сделала взрыв неизбежным, в верхушке, т. е. между Ремом и Гитлером, должно было что-то произойти. Этот момент стал очень близок летом 1934 г. Порочный круг замыкался.

* * *

Мелкая буржуазия не могла больше выдержать. Мелкая буржуазия задышалась, но не понимала, что происходит. Какая-то сила сверху систематически душила ее. Было ясно, что триумвират гражданских вождей уже принял какое-то важное решение, касавшееся не отдельных политических или экономических мер, но означавшее всеобщее коренное социальное переустройство. Мелкая буржуазия могла, однако, только смутно это предчувствовать. Летом 1934 г., на втором году «гитлеровской революции»,

все категории мелкой буржуазии, за исключением самой привилегированной ее группы, дошли до такого состояния, в котором они никогда не были, оказались в таком положении, которое им никогда до тех пор и не мерещилось.

Положение мелких лавочников, авангарда мелкой буржуазии, было трагикомическим. Столь горячо ими ненавидимые универсальные магазины, кооперативные общества и торгующие любыми товарами по единой цене «цепные лавки», — все эти заведения, которые они с радостью стерли бы с лица земли, по-прежнему держали в своих руках розничную торговлю; эти заведения поддерживали теперь новые фашистские акционеры, а во главе их стояли высокооплачиваемые национал-социалистские управляющие. Тем временем обороты розничных торговцев сокращались под бременем налогового обложения в пользу юнкеров и под тяжестью монопольных промышленных цен. Уменьшился не только общий объем торговли, поскольку растущие цены уменьшили покупательную способность городского населения, но сократился и средний доход мелкого торговца.

В то время как, например, цена на самый дешевый маргарин выросла на 30 марок на англоцентнер, и самый бедный покупатель должен был, таким образом, платить за англофунт маргарина на 30 пфеннигов дороже, чем раньше, розничная прибыль бакалейщика упала с 15-18 марок на англоцентнер до 6 марок. Для мелкого люда это было вовсе не пустяковой, и это заставило лавочников призадуматься: справедливо ли существующее правительство?

Лавочники никогда не были политическими философами. Но стремления их были совершенно ясны. Лавочнику мало иметь свою лавку, ему хочется расширить ее, увеличить ее до размеров большого, внушительного дела. В этом заключалась для лавочника возвышенная цель фашизма. Для этого должен был прийти Гитлер. Мелким розничным торговцам хотелось не только продавать свои товары, им хотелось продавать больше товаров и по более выгодным ценам. Мог ли фюрер обеспечить их нужными покупателями? Нет, покупатели приходили все реже и денег у них было все меньше. Цены на мясо и овощи выросли тем временем по сравнению с 1933 г. на 50%, на яйца, молоко и картофель — на 100%, на масло — на 45%. Кроме того, вследствие повысившегося уровня цен, мелким торговцам приходилось платить более высокий налог на оборот.

Вдобавок ко всему этому национал-социалистская партия ввела свой собственный частный налог на оборот, заставив торговцев отчислять определенные суммы со всех покупок, делаемых членами партии, в партийные фонды, т. е. в пользу хозяев организации. Где же было «богатство», которого ждали мелкие торговцы? Ведь если они сами пытались бороться за свои интересы, повышали цены на свой страх и риск, их немедленно призывали к порядку. Так было, например, в пфальцских городах Винвейлере и Рекенгаузене, где все местные пекари были взяты «под стражу» по приказу местной национал-социалистской организации за повышение цен на 10 пфеннигов за булку. На такую меру никогда еще не осмеливалось ни одно правительство.

21 марта всем организациям «федерации мелких торговцев» («N.S.-Nago») было официально предписано «воздержаться от всяких форм борьбы против кооперативных обществ» (при этом молчаливо подразумевались также и универсальные магазины). Лицам, нарушившим этот приказ, грозило «немедленное снятие с должности». Лавочники понимали, что где-то кроется измена. Но о чем же думал покровитель мелкой буржуазии — Рем?

В тех же кварталах почувствовали беспокойство и собратья лавочников — кустари и хозяева мелких мастерских, которые были прежде такими же горячими приверженцами Гитлера и террористическими противниками социалистических рабочих, как и лавочники. Одним из наиболее типичных и оживленных центров «победоносной» мелкой буржуазии в Германии был Бреславль, город Гейнеса. И вот, в Бреславле, например, в середине 1934 г. из 900 парикмахеров города 560 существовали на средства «общественной помощи», потому что не могли платить арендной платы. Из 1140 сапожников 630 получали вспомоществование. Муниципалитет платил ренту за 480 владельцев постоянных дворов. Многих портных и столяров город поддерживал «общественными работами». Мало-мальски сносное существование вели только хозяева мастерских, соприкасающихся со строительством, и то только благодаря тому, что на государственные средства искусственно стимулировалось строительство, хотя дома и квартиры пустовали. Эта картина была очень типична. Армия принудительного труда с ее специфическими (хотя бы и временными) потребностями в людях и материалах еще не была создана. Крупная же промышленность с ее массовой продукцией и стандартизированными изделиями еще никогда не была так сильна, как сейчас. Она контролировала рынок более жестко, чем когда-либо.

Кустари и владельцы мелких мастерских приветствовали 30 января поджог рейхстага, потому что им почудилось, что пламя пожара несет конец их вытеснению, что их ждут впереди восстановление могущественных, независимых гильдий и законы, которые обрекут на гибель современное автоматическое производство. Они ждали новой социальной автономии для ремесленников. В *этом* заключалась, по их мнению, цель фашизма. И вот для того, чтобы добиться этой цели, кому-то нужно было проделать «вторую национал-социалистскую революцию».

Каковы же были в это время настроения крестьян, огромного класса деревенской мелкой буржуазии, класса, который до сих пор составляет более трети всего населения Германии? Ведь, может быть, именно крестьянство, надеющееся на резкое изменение своей судьбы в будущем, помогло Гитлеру предпринять решительные шаги против республики и рабочих. Большинство крестьян было запугано, пожалуй, еще больше, чем фашистская мелкая буржуазия в городах. Крестьянам и вовсе не предназначалось никаких «богатств».

В деревне явно начинались какие-то другие процессы. В то время как тарифная политика берлинского триумvirата была явно направлена на пользу крупных землевладельцев; в то время как, благодаря проводимой правительством политике безработицы, помещики снабжались почти даровым трудом десятков тысяч присылаемых им из городов крепостных

рабов; в то время как не было даже признаков создания, благодаря конфискации земель магнатов, новых, свободных земель для крестьянской колонизации; в то время как новый, введенный правительством, контроль над продажей яиц, молока и картофеля чрезвычайно затруднял сбыт этих основных продуктов, оттягивая зачастую на недели или месяцы получение выручки, — в это самое время гитлеровский министр земледелия Дарре провозгласил новый «фундаментальный» «закон о наследовании крестьянских дворов». В чем суть этого закона?

Этот закон не коснулся основного факта, характеризующего распределение земли в Германии, где около двух третей ее (65%) принадлежит юнкерам и крупным фермерам: вся остальная земельная площадь приходится на долю $4\frac{1}{2}$ миллионов семейств крестьян или мельчайших арендаторов, располагающих участками до 5 га (в большинстве случаев от $\frac{1}{2}$ га до 2 га). В намерения Гитлера, по-видимому, вовсе не входила приостановка процесса медленного разрушения беднейших и самых шатких в экономическом отношении хозяйств. Напротив. Стало совершенно ясно, что Гитлер намеревается произвести основательный отбор в рядах среднего и даже наиболее зажиточного крестьянства, отрезав большую часть этих крестьян и их семей от земли, словно ударом меча. На земельные участки в $7\frac{1}{2}$ га и выше было вновь введено исключительное право первонаследования (право наследования старшего сына). Таково было содержание аграрной реформы.

Это означало, прежде всего, глубочайшее расстройство в экономическом и социальном положении крестьянства. Десятки тысяч младших сыновей фермеров оказались вскоре согнанными с земли своих отцов, были совершенно не обеспечены, и они были зачастую на ножах со своими старшими братьями. И все это для того, чтобы расчистить путь избранной группе привилегированных и разбогатевших крестьян, новой касте аграрных национал-социалистских аристократов, ряды которой пополнялись, главным образом, из среды друзей и родственников членов личной охраны Гитлера, черных охранных отрядов СС (200 тыс. членов).

Смысл всей реформы абсолютно ясен. Группа Гитлера преследовала в деревне те же цели, что и в городе: в качестве непосредственного оплота для новой олигархии она намеревалась создать систему узких, привилегированных, «аристократических» каст. Это составляло квинтэссенцию политики триумvirата. Но куда же было деваться прочим крестьянам и крестьянским сыновьям? Это оставалось тайной гитлеровского круга. А ведь именно от решения этой центральной проблемы зависело будущее Германии. Будущее это рисовалось не таким, как об этом мечтали фашистски настроенные массы крестьянства.

Правительство открыто заявляло (устаами, например, помощника Дарре доктора Куммера), что «ограниченная площадь земли в Германии вынуждает в будущем к строжайшему отбору будущих крестьян». Сколько миллионов крестьянских семейств считалось избыточными? И сколько солдат Гитлера и Рема были крестьянами?

Уже имелись случаи, когда фашистские лидеры давали понять жителям целых районов с особенно бедным и распыленным крестьянским

населением, что их земля скоро будет экспроприирована, а сами они будут высланы в другие места. Так было, например, в районе Рен, в Центральной Германии, где по плану национал-социалистов, так называемому «плану Гельмута», предполагалось выслать 100 тыс. «избыточных» мелких крестьян для того, чтобы устроить на этой земле 6 тыс. «наследственных дворов» фашистских аристократов.

До сих пор лишь городских безработных отрывали от их семей и посылали как скот на принудительные работы в деревню. Теперь та же участь постигла и малоземельных крестьян Западной Германии, которых отсылали в отдаленные негостеприимные районы Восточной Германии с совершенно иными экономическими, социальными и бытовыми условиями. Не было никакого сомнения в том, что решительная ломка будет проводиться без всякого снисхождения. По-видимому, только юнкера и кулаки могли чувствовать себя в полной безопасности.

Было объявлено, что, прежде чем будут устроены «наследственные двory», должны быть погашены старые крестьянские долги, составляющие огромную сумму в 7-8 млрд. марок. Ипотечные банки не были, понятно, подготовлены к открытию новых кредитов. Какое количество крестьян должно было благодаря этому разориться? По всей Германии имели место случаи, когда целые деревни продавались с молотка. Плохой урожай кормов летом 1934 г. еще более ухудшил положение. Многим крестьянам пришлось из-за нехватки кормов продавать скот по ничтожным ценам. Чем все это должно было кончиться?

Все эти события имели решающее значение. Положение большей части германского крестьянства стало настолько критическим, что оно не могло не оказать влияния на политическое положение в стране. Либо при Гитлере и его помощниках должно было начаться постепенное — тайное или явное — бегство с земли определенной части деревенского населения — ведь больше ему ничего не оставалось, — и тогда этим крестьянам надо дать какие-то другие «функции»; либо нужно было немедленно поддержать и укрепить их хозяйства за счет земель богатых помещиков и юнкеров. В последнем случае фашистской верхушке пришлось бы выработать и проводить в жизнь совершенно новый план переустройства фашистского государства. Реальность классовых отношений настойчиво выдвигала эту проблему и категорически требовала ее немедленного разрешения. От разрешения этой проблемы нельзя было ускользнуть — силы, стоящие друг против друга, более не позволяли этого. Правда, крестьяне все еще хранили молчание, так же как они хранили его и до Гитлера. Как всегда боязливые и осторожные, они попрятались в свои норы. Но они были силой, с которой нельзя было не считаться, — силой, которую можно было держать в повиновении и покорности только страхом. В штурмовых отрядах крестьянских сыновей было больше, чем членов какой-либо другой группы мелкой буржуазии. Гитлер, номинальный главнокомандующий этой армии, знал это лучше, чем кто-либо другой. Контуры надвигающейся варфоломеевской ночи становились все отчетливее.

В заключение еще одно событие подлило масла в огонь еще до того,

как он вспыхнул над фашистской Германией и ярким пламенем осветил все беды и мучения ее народа: к крайнему левому крылу мелкой буржуазии примыкала великая армия безработных, среди которых события принимали характер подлинной трагедии. Здесь действовали те же силы. Чтобы освободить «место» в городах, Гитлер продолжал уничтожать не безработицу, а безработных. Он дошел до того, что не находил более места даже для «мертвой», выкинутой из общества, массы безработных. Созданное им государство лишило три или четыре миллиона безработных права на работу, превратило их в поставленных вне закона париев или попросту объявило их несуществующими (массы «невидимых», т. е. незарегистрированных безработных). Теперь это государство не могло более предоставить безработным даже права на кров, простого права на существование. Проект здания новой системы не позволял этого.

Момент для создания новой великой армии завоевания, которая быстро поглотила бы всю мелкобуржуазную, безработную и рабочую молодежь для того, чтобы сначала запереть ее в казармы, а затем рассеять по полям сражений Европы, — этот момент еще не настал. Франция была еще относительно слишком сильна, а во главе германской армии пришлось бы в тот момент поставить Рема.

Террор, привычное средство для удаления целых частей общества — преследование социалистов и изгнание евреев, — нельзя было продолжать до бесконечности; ведь можно было арестовать или убить десятки тысяч, но не сотни тысяч. А «балласт» безработицы все еще существовал, он нависал как страшная тяжесть и таил в себе скрытые опасности. Единственное, что оставалось сделать, это — отрезать, по крайней мере, часть этой человеческой массы, кусок живого тела армии безработных, убрать эту часть из городов и оставить ее разлагаться не в городе и не в деревне, но где-то между ними. Именно так и поступил триумвират.

В течение нескольких недель в предместьях германских городов творились дела, неслыханные со времен средневековья. 15 мая 1934 г. правительство ввело, впервые за несколько столетий, закон, воспрещающий в поисках работы свободно передвигаться по стране. Безработные оказались, таким образом, прикрепленными к месту своего жительства, как когда-то были прикреплены к земле крепостные. Воспрещалось также нанимать на работу в городе безработных, «годных для сельскохозяйственного труда». «Законная основа» была заложена. А затем началась следующая операция.

Во всех наиболее значительных и крупных городах официальные бюро труда ввели нечто вроде порядкового списка зарегистрированных безработных, состоявших, главным образом, из молодежи и незамужних женщин — категорий наиболее многочисленных и наиболее неустойчивых с социальной точки зрения. Теоретически, таким образом, насчитывалось 2 млн. человек, составлявших большинство из числа тех, кто еще не был помещен в различные трудовые лагеря и не был лишен пособия по безработице, сохранив право на поиски работы. Эти безработные ныне фактически попали под действие закона военного времени об эвакуации.

Бюро труда отдавали приказы о высылке и начали систематическую — не обращая внимания на профессию, семейные обстоятельства, связь с данной местностью — высылку из городов на «сельскохозяйственные» принудительные работы. Это было поразительное зрелище.

Мужчин в мирное время отрывали от их семей, а юношей снимали с работ, на которых они находились, и грузили в товарные вагоны, как скот. Душераздирающие сцены стали обыденным явлением. Всякому не-явившемуся или пытавшемуся под тем или иным предлогом избежать подобной участи грозило не только, как это было раньше, немедленное лишение пособия, но и перспектива попасть в исправительный дом. Игнорировались по большей части даже медицинские удостоверения. Только в Берлине, где вся эта операция была прозвана «планом Геринга», и во Франкфурте-на-Майне десятки тысяч молодых рабочих, служащих и приказчиков должны были бросить свой привычный труд для того, чтобы отправиться в какие-то другие места.

Другая колонна этой процессии состояла из отрядов безработных незамужних женщин: машинисток, продавщиц, школьных учительниц, фабричных работниц и др. Как рекрутов, их осматривали группами по пять человек и скопом признавали «годными». В городском платье, в шелковых чулках, не имея ни малейшего понятия о своей новой работе, они рассеивались по всей стране, чтобы сделаться батрачками и служанками у юнкеров и кулаков. Эта работа предполагала на деле неограниченные рабочие часы, грубое обращение, дурную пищу и «месячное вознаграждение», равное в лучшем случае 20 маркам. После шести месяцев такой работы женщину регистрировали как «работницу сельскохозяйственного труда», и она теряла почти всякую надежду на возвращение к своей прежней профессии и, вдобавок, всякое право на помощь по безработице: по гитлеровским законам сельскохозяйственные рабочие не получают пособия. Были созданы трудовые лагеря для женщин, в которых — это было засвидетельствовано комиссиями иностранцев, посетивших лагерь — вскоре по прибытии туда около 90% присланных из городов женщин беременели.

Во многих районах (например, в Южной Баварии) фермерам разрешалось, как в свое время на рынках негритянской работорговли, выбирать людей наиболее крепких физически. Были случаи бегства из-под стражи во время переездов; некоторые бюро труда подвергались нападениям безработных и их семей. Связь человека с данной местностью игнорировалась. Жителей Рейна, уроженцев германского Запада, везли в Восточную Пруссию, в суровые провинции за Эльбу, немцев-южан с юга отправляли в Померанию. Зачастую пришельцы занимали в этих районах места извечных польских «сезонных рабочих» — эмигрантов, которых германские юнкера нанимали из поколения в поколение вследствие беспримерной дешевизны их труда и полнейшей беззащитности. По уровню своих материальных потребностей и по отсутствию классового самосознания польские «сезонные рабочие» напоминали чуть ли не китайских кули.

И вот подручные монтеров и ученики парикмахеров из Берлина, про-

давшицы универмагов и секретарши из Гамбурга и Кельна стали получать у землевладельцев по пять пфеннигов в час (до 14 марок в месяц) за работу под палящим солнцем с половины седьмого утра до пяти часов пополудни. Их кормили картофельной похлебкой и предоставляли на ночь плохо освещенные и плохо вентилируемые, напоминающие конюшни, бараки прежних «польских» батраков. Общие расходы, включая содержание и зарплату, составляли по расчетам германского министерства труда 1,71 марки в день на безработного юношу или девушку, в то время как расходы на одного заключенного составляют в Германии 1,85 марок.

Было ли это эксплуатацией? Нет, это было *истребление*, плановое низведение до нищенского уровня и физическое и социальное уничтожение той группы безработных, которая должна была быть устранена, так как она считалась избыточной. Это был тот же процесс, но лишь в более открытой и в более резкой форме, которому в большей или меньшей степени подвергались все группы мелкой буржуазии, способствовавшей такой блистательной «победе» над демократией и пролетариатом, словно для того, чтобы подвергнуться затем жесточайшим испытаниям.

Но кто такие были безработные с социальной точки зрения? Помимо чисто пролетарских элементов, это были сыновья и дочери всех упомянутых выше групп мелких буржуа — мелких торговцев, кустарей, крестьян. Среди них находилась также очень влиятельная и многочисленная группа *служащих* и детей работников *свободных профессий*. Это была четвертая крупная категория мелкой буржуазии, которую никак нельзя было не принимать в расчет, — группа, которая с необычайным рвением, подлинным фанатизмом и готовностью на все шла за «спасителем» Гитлером.

Служащие, студенты, офицеры, инженеры, техники и прочие отпрыски интеллигентных или полуинтеллигентных семей составили самый «просвещенный» элемент, слой, который с самого начала оплодотворял и «пробуждал» самосознание других групп мелкой буржуазии, заражая их ядом своей страстной ненависти и отчаяния. Они составляли первые отряды национал-социалистской партии, из их среды вышло подавляющее большинство командиров СА, это *они* должны были получить самое большее из «богатств», доставшихся в наследство от республики. Ведь они рассчитывали сделаться политической бюрократией фашистского государства, составить его чиновничий и офицерский корпус. Такова была мечта и символ веры молодых конторщиков и счетоводов из Берлина, пропитавшая их таким презрением к демократии и рабочим. Теперь сами они пополняли ряды предназначенной к истреблению армии безработных.

Только очень ограниченная, избранная часть, связанная, как правило, благодаря своему социальному положению или лично с капиталистическими кругами или с кликой Гитлера, была допущена в новую привилегированную *правлящую касту*, которая и здесь, в области государственного управления, была образована национал-социалистскими лидерами. Это номера «1-500000» по списку членов национал-социалистской партии («Старые бойцы»), в момент всеобщей высылки безработных получившие монопольное право на работу. Применение их труда частными фирмами

или государственными учреждениями было сделано по правительственному декрету обязательным.

Эти «старые бойцы» заполнили в особенности ряды «П. О.» (политическая организация) — замкнутую корпорацию руководителей низших и средних национал-социалистских организаций, в руках которых находилось фактически управление государством. Все остальные оказались лишними, и для избавления от них все средства были хороши.

Неудивительно после всего этого, что «непобедимая» двухмиллионная армия коричневых неожиданно оказалась в плохом положении. Эта группа была вооружена. Но это не играло роли. Тугосоображающие недоросли, надменные «солдаты», никогда в действительности не дравшиеся, но считающие себя величайшей силой в государстве, а может быть и в мире, силой, призванной гордо стоять на страже собственных интересов и интересов их отцов и вечно вести жизнь бесчинствующих, объедающихся наемников — ибо именно таким представлялся им «фашизм», — эти наемные солдаты видели, что делают с их отцами. Вопрос теперь заключался в том: долго ли им самим придется пробывать в своих казармах? СА не было предоставлено никаких реальных функций или обязанностей. Не они, а привилегированные СС и геринговская полицейская армия составляли новую полицию; у них была отнята и роль «вспомогательной полиции». Не они, а рейхсвер во главе со старыми генералами по-прежнему занимал положение официальной армии.

Но что же в таком случае оставалось делать коричневой армии? Теперь им не разрешалось даже маршировать, а ведь они так любили это занятие, что даже ошибочно считали его политической борьбой. Когда 1 мая 1934 г. штурмовики в Бремене попытались, как в доброе старое время, с криком ринуться на улицы, напав по пути на здание богатого Карштадского треста универмагов, они были немедленно рассеяны отрядами префекта полиции, их главный штаб был занят, а их лидер смещен (сведения об этих инцидентах ни разу не были опубликованы в печати). Множество родных и друзей членов штурмовых отрядов находилось в лагерях принудительного труда. В казармах царила жестокая муштра, а на оплату отпускалось так мало, что число штурмовиков, регулярно исполнявших свои обязанности, сократилось больше чем на половину.

Уже в первой половине 1934 г. из штурмовых отрядов было исключено 20 тыс. человек; кое-кто из штурмовиков попал в концентрационные лагеря и тюрьмы, и уже тогда были случаи тайных казней коричневорубашечников. Это была та самая армия, которая незадолго перед тем наводнила из конца в конец всю Германию, армия, приветствовавшая Гитлера как своего императора, армия, царствование которой, казалось, было нескончаемым и непоколебимым. Армия эта находилась теперь в крайнем смятении. Было ясно, что в ближайшем будущем произойдет официальный роспуск или «реорганизация» СА.

В целом положение вырисовывалось совершенно четко. Положение одной части мелкой буржуазии только отражало положение других ее частей.

Действительный смысл происходящего был все еще неясен только близоруким, запуганным, оглушенным мелким буржуа. Они не понимали, что это не обычный кризис, не случайное или временное положение, а начало гигантского эксперимента, который должен раз и навсегда решить их судьбу. Триумвират Гитлер—Геринг—Геббельс, который уже удалил по рабочему классу и парализовал его, начал методически выталкивать *значительную часть мелкой буржуазии из социального организма нации*. Таково было содержание действительного процесса.

Это делалось для того, чтобы на месте этих групп установить иерархию узких привилегированных каст и обеспечить их будущее. Только эта иерархия должна остаться в «очищенной» и «освеженной» стране, иерархия, полностью располагающая всеми материальными средствами и ресурсами, иерархия, «потребности» которой будут удовлетворены, иерархия, которая составит единую субаристократию, признающую над собой в государстве только одну власть: невидимую власть капиталистических олигархов Тиссена и К°, действительного экономического центра, располагающего огромными средствами производства, и видимую, окутанную таинственностью власть «великого фюрера».

Таков был план фашистского государства, пришедшего на смену старому либерально-демократическому государству. Именно таким представлялся он гитлеровской клике фашистских генералов, агентам Тиссена, решившимся провести его во что бы то ни стало, любой ценой, а если понадобится, то железом и кровью. Для фашизма любой национальности поистине нет иного пути.

Этот план был сам по себе вполне последователен. Он означал, что изгнанная из общества часть мелкой буржуазии и рабочего класса — балласт аристократического государства — будет так или иначе брошена на произвол своей новой судьбы. Но какой судьбы? Здесь начиналась вторая «органическая» часть эксперимента, быть может, идущая еще дальше, чем первая. Очевидно, что эти массы нельзя просто уничтожить физически. Еще менее можно было рассчитывать на то, что «историческим преобразователям» германского народа удастся попросту выбросить за борт эти массы. *Оставался единственный путь.*

Изгнание из общества миллионов рабочих и мелких буржуа неизбежно рано или поздно должно завершиться и географическим их изгнанием, т. е. изгнанием из Германии. Все происходившее до сих пор было практически только прелюдией к этому этапу. Грандиозный акт широчайшей социальной высылки можно как нельзя лучше использовать для проведения столь же грандиозной *внешней* операции, для расширения владений «тевтонской системы» за пределами современной Германии. Триумвират мог удачно применить один рычаг своей политики для того, чтобы привести в действие другой. Фашистская аристократия выталкивает «избыточную» массу, масса завоевывает для фашистской аристократии новую империю!

Вначале эта масса примет форму гигантской армии, которая под влия-

нием своих собственных насущнейших нужд неизбежно вырвется за границы Германии и разольется по континенту. Затем после победы та же масса примет вид непрерывного потока «колонизации» германских наемников, крестьян и безработных далеко на юго-восток и восток Европы. Таким рисовался выход, и выход этот достоин «гения фашизма». По этой схеме гибель старой мелкой буржуазии Германии превращается непосредственно в небывалый триумф германского империализма — одним махом решаются обе проблемы.

Гитлер одержим этой идеей¹. Для него она оправдывает все — даже самые страшные жестокости. Все проекты, законы и теории Дарре, Розенберга, Шахта и прочих вертятся вокруг этой скрытой генеральной концепции, показывая ее с разных сторон. Это предприятие было безумным. Но люди, которые затеяли его, держат в своих руках страну с семидесяти-миллионным населением. Мог ли этот план быть реализован? Рабочий класс, демократический, социалистический и пацифистский, который один только мог противостоять этому плану, был побежден и разоружен при помощи мелкой буржуазии. Но ведь оставался еще Рем.

Существовали только две возможности. Либо триумвират успешно доводит до конца начатый им процесс, и тогда вся политическая пирамида власти, еще находящейся в руках мелкой буржуазии с Ремом на вершине, будет разбита и разрушена до основания. Это означало смерть для Рема. Либо, в противном случае, мелкая буржуазия защищает свое существование — и в этом случае Рем спешно выдвигает свой собственный контрплан создания фашистского государства и посылает триумвират, вместе с его покровителями, к черту. Таково было соотношение классов. Вот почему атмосфера в Германии была в то время такой напряженной.² До сих пор Гитлер держал в своих руках все карты. Его хватка делалась с каждым днем все крепче. Если Рем собирался когда-либо выступать, то его черед пришел именно сейчас.

* * *

На авансцену выступил генералиссимус штурмовых отрядов. Этот грубый и неразборчивый преторианец фашизма, лишенный политических идей, не испытывающий ни малейшего уважения или преданности к «фюреру» и его клике, безнравственный даже с точки зрения официальной фашистской «морали» — этот человек вместе со своими товарищами был брошен в самый водоворот событий самим их развитием. Он знал, что он все еще зависит от мелкой буржуазии и более всего от СА. Точно так же как Гейнес, Эрнст и другие старые командиры фашистских масс, он по-

¹ Все содержание его книги «Mein Kampf» («Моя борьба») сводится к ней.

² В международной политической литературе часто встречается тенденция рассматривать события, концентрирующиеся вокруг 30 июня, просто как ничем не вызванное бандитское нападение Гитлера на лидеров СА. Это, конечно, поверхностная точка зрения. Она противоречит фактам и не замечает самой сущности событий, которая лежит гораздо глубже. Когда имеешь дело с классовыми реальностями, недостаточно одного гуманизма.

нимал, что находится между двух огней, что ему грозят и аристократический переворот клики Гитлера — Тиссена и разгорающаяся «Вторая революция» низших слоев мелкой буржуазии.

Он видел, как со сцены один за другим исчезают или прячутся в укромные места даже последние «штатские» вожди радикального крыла — Энгель, Штер (бывшие организаторы фашистских профсоюзов), фон Рентельн, Кох, Брюкнер. На арене событий оставался уже только он один, вместе со своими соратниками и военными ресурсами, но вопрос заключался в том, сколько времени еще продлится такое положение. Коричневый Валленштейн был напуган. Он не принял откровенно радикальной, объективно революционной программы недовольной мелкой буржуазии и безработных национал-социалистов — для этого сам он был слишком фашистом и сатрапом.

Но он открыл клапан для оппозиционной демагогии штурмовиков и масс, группирующихся вокруг них. Он издал, например, приказ, возгласивший, что «некоторые социальные условия сложились таким образом, что штурмовики не могут более пассивно наблюдать происходящее». Он, официальный член правительства, осмелился сопоставить большие дивиденды, выплачиваемые капиталистическими компаниями, с отчаянным положением безработных штурмовиков и говорить, как весной 1933 г. — во время первого периода национал-социалистского террора, о возможности новых революционных выступлений СА.

«С непостижимой снисходительностью правительство не решается безжалостно расправиться со сторонниками и агентами старой, очень старой системы...

Но мы без сомнения сломаем им (т. е. агентам) шею, если они попытаются на практике проводить свои реакционные воззрения».

Так писал лидер штурмовиков через 18 месяцев после «их» революции.¹ Это была угроза снова спустить с цепи коричневорубашечников. Но против кого? В качестве объектов нападения не осталось более ни «евреев», ни «марксистов». Поэтому со стороны казалось, что атака СА должна ударить по «феодальной» реакции — монархистам, юнкерам, приверженцам фон Папена и откровенно капиталистическим министрам в правительстве (Шахт, Шверин, Шмидт); и все-таки это было лишь «тактической» маскировкой, лишь фоном. На этом фоне начала очерчиваться новая, поразительная идея: *«государство СА»*.

Государство, высшая власть в котором принадлежит коричневорубашечникам! Непосредственный захват власти и государственного аппарата. Суровыми батальонами фашистской военщины, достаточно многочисленными, чтобы захватить в свои руки все и избавиться от штатской бюрократии; «солдатское государство», стоящее на страже интересов мелкой буржуазии! Такова была «теория государства», которой поклялись служить Рем и его собутыльники для того, чтобы спасти свою шкуру. Это была

¹ Рем не мог знать того, что в утро, когда появится его статья в «Hochschule und Ausland» от 1 июля 1934 г., он сам будет лежать со сломанной шеей.

наивная фантазия, типичный продукт творчества этих наемников. Но, во всяком случае, это был контрлозунг, который быстро завоевал себе сторонников в отрядах СА. Рем придумал даже политический постулат господства «вечного солдата».

Казалось будто, что лидеры СА действительно предпринимают какие-то практические шаги, чтобы расчистить путь «солдатскому государству». Ядром его должен был стать их собственный генеральный штаб, прототип будущего верховного правительства. Вокруг «высшего руководства СА», главной квартиры Рема в Мюнхене, начали образовываться своеобразные политические учреждения. Они не имели никакого отношения к военному делу, но совершенно явно дублировали функции постоянных органов берлинского штатского правительства. Штаб СА организовал специальное «министерство», с целым штатом секретарей и т. д., являющееся частным политическим органом Рема. Таким образом, уже заранее было обеспечено законное включение главы штурмовиков в кабинет. Специальный «отдел печати СА» действовал независимо от геббельсовского министерства пропаганды, осуществляющего государственную монополию в области печати.

Основным было, однако, то, что Рем, Гейнес, Эрнст и другие генералы штурмовиков категорически требовали теперь концентрации всех вооруженных сил нации под их центральным командованием. СА должны были, конечно, при этом поглотить рейхсвер и Стальной шлем. Именно это требование было непосредственной целью шумливой кампании, поднятой против «реакции» и монархистов. Рему и в самом деле удалось добиться насильственного включения 400 тыс. наиболее активных членов Стального шлема в СА. Теперь он настаивал на окончательной ликвидации Стального шлема и требовал, ни больше ни меньше, как официального назначения его, Рема, министром рейхсвера. Если бы ему удалось добиться своего, он стал бы действительно несокрушим, и враг был бы побит его же оружием. В конце концов, под его командованием все еще находилась армия в 2 млн. человек — армия, достаточная для мировой войны. Казалось также, что некоторые руководители СА тайно заготавливают оружие.

В начале июня Гитлер решил начать борьбу. Он издал декрет об «отпуске» для СА «на один месяц». Тогда же Рем издал приказ по СА, оканчивавшийся следующими словами: «Если враги СА лелеют надежду, что СА после отпуска не соберутся вновь или соберутся лишь частично, то пусть пока тешатся. Нужно, чтобы в соответственный момент они получили должный ответ по этому поводу. Судьба СА теперь, как и прежде, неотделима от судьбы Германии». Этот приказ был опубликован во всех германских газетах.

Снова эти люди разыгрывали из себя Наполеонов. Одновременно Рем разослал подчиненным ему командирам секретный циркуляр, в котором писал: «Что бы ни случилось, мы останемся сплоченными. Мы будем по-прежнему шагать плечом к плечу и сумеем поэтому постоять друг за друга». Лидеры фашистской мелкой буржуазии держали себя так, как будто они в силах дать сражение олигархии и ее гвардии.

Глава II. Империя нового тевтонского ордена

Гитлер должен был действовать. Он должен был противопоставить ремовскому плану «государства СА» какой-то иной конкретный план, выдвинуть свой собственный проект будущей национал-социалистской системы, чтобы отвлечь опасность, повернуть развитие в другом направлении и обеспечить свое положение. Он должен был сделать это как можно быстрее, так как Гинденбург мог каждый день умереть или уйти в отставку, а его исчезновение с политической арены и со все еще решающего поста президента грозило за одну ночь крайне обострить положение. Ведь тогда по испытанному национал-социалистскому способу должен был без труда победить тот, кто скорее появится на сцене с готовым планом наследования Гинденбургу, быть может, предъявляя «совершившиеся факты», эти знаменитые «faits accomplis», которые являются излюбленным и наиболее важным методом действия всех фашистских лидеров в критические моменты.

Гитлер и его группа штатских вождей застраховали себя против генералов СА. Они и в самом деле разработали свой собственный тайный план наследования Гинденбургу и план организации будущего германского государства, — контрпроект, который должен был стоить Рему головы. Они поступили очень просто. Против ремовской национал-социалистской «солдатской идеи» они выдвинули национал-социалистскую «идею вождя», идею государства коричневорубашечников, демократии наемников противопоставили аристократическую идею «национал-социалистского ордена» и абсолютную монархию великого магистра Гитлера.

Начиная, примерно, с марта 1934 г., одновременно с политическими приготовлениями мюнхенского генерального штаба СА, люди, стоящие за «верховным руководством НСДАП», т. е., попросту говоря, гражданская верхушка партии, подчиненная непосредственно Гитлеру и руководимая его бывшим личным секретарем Гессом, пустили в обращение новый политический проект «исторического значения» — проект, который считался тогда строго конфиденциальным и предназначался только для «посвященных». Этот проект уже обсуждался, однако на нескольких тайных собраниях гитлеровской клики. Действительными авторами этого плана были Геббельс и Розенберг, два официальных теоретика и идеолога национал-социалистской партии, принадлежащие к ближайшему окружению Гитлера, его наиболее доверенные политические советники. Оба эти человека относились к тому типу чисто политических вождей национал-социалистов, которых больше всего ненавидели и презирали СА и их генералы, как «штатских», как «болтунов» и «бонз» (бюрократов), т. е. людей, которые никогда, даже в самом начале движения, не занимали никаких действительно боевых постов (таких как штурмовики). Основные идеи проекта создания «Германского ордена-государства», намеченные Розенбергом для фашистских партийных кругов, теперь, два года спустя, важнее, чем когда-либо. Ведь на этом фундаменте будет построена новая германская конституция.

Самую суть, «сокровенный смысл» германской, особенно прусской, истории, по представлению национал-социалистов, составляет «идея вождя» и «его приближенных». «Вождь» высоко талантлив, управляет единолично и диктаторски, в противоположность чисто династическому или чисто демократическому правителю, и является воплощением и центром кристаллизации германской расовой силы, германской нравственности и способности, германской миссии и германской мощи на протяжении всей истории последнего тысячелетия; это подлинный и единственный оплот великой германской «государственной идеи» («Европейско-Германской империи»). Во все те моменты, когда Германией правили такие цезаристско-монархические вожди со своими глубоко преданными «приближенными», страна неизменно была великой, могучей, неуклонно шествующей по пути к Империи. И, наоборот, когда вместо персонального цезаризма господствовала иная — негерманская — система, будь то католически-династическое самодержавие (Габсбурги), либеральная монархия (последние Гогенцоллерны) или республиканская демократия (Веймарское послевоенное государство), — Германия всегда была слабой, нединамичной, лишенной центральной воодушевляющей идеи; она неизбежно находилась в состоянии внутреннего разброда, в состоянии обороны против своих недругов и была далека от создания империи.

Первым «вождем» был саксонский князь Видукинд, противник христианского короля Карла Великого. Его продолжателями были Генрих Лев, Фридрих Бранденбургский — создатель Пруссии, Фридрих Великий и, в иной форме, Бисмарк. Последним германским «вождем», здравствующим и поныне, является *Гитлер*, создавший самодержавное имперское национал-социалистское княжество и правящий, подобно своим предшественникам, лично и абсолютно в силу мифической расовой миссии. Именно он является, согласно этой теории, непосредственным носителем исторической преемственности, законным наследником древних германских князей и основателей Пруссии, а государство есть, следовательно, не что иное, как личная, а быть может, и династическая монархия¹. Вся власть исходит только от Гитлера и принадлежит только ему, а вовсе не какой-либо особой организации или движению. Это он — пожизненный выборный монарх Германии, а национал-социализм, партия, СА существуют и действуют не сами по себе, а как его орудия.

Однако Гитлер смертен, а система национал-социализма вводится отныне на века. Нужно поэтому найти *перманентную* форму, новую государственную организацию такого типа, которая конституционно, раз и навсегда установила бы режим монархического государства во главе с «вож-

¹ Розенберг также сформулировал постулат прямой исторической преемственности власти Гитлера по другому случаю (лекция «Борьба за идеологию» — *Weltanschauung*) в следующей форме: «Ныне, в конце тысячелетия, мы утверждаем, что если князь Видукинд потерпел поражение в восьмом столетии, то в двадцатом столетии он восторжествует в лице Адольфа Гитлера».

дем», в отличие от всякой иной государственной формы или политического устройства.

Нужно узаконить новую систему управления, по которой будут отныне править Гитлер и его преемники. Это не должна быть ни в коем случае ни монархия, ни республика: ведь обе эти формы были присущи в прошлом покоренной, смирившейся Германии, они поэтому целиком отвергаются национал-социализмом.

Ныне, якобы знаменуя революционный перелом в нашей эпохе, в историю Германии должна войти, покончив с временным государственным устройством, возникшим после прихода Гитлера к власти, новая форма правления; имя ей «Национал-социалистский орден».

Идея ордена — это «завершение» идеи «вождя». Вокруг «вождя» Гитлера должен быть образован новый тайный совет избранных, который станет преемником всего национал-социалистского движения. Это будет узкая, изолированная, подчиненная лично Гитлеру иерархия непосредственных его «приближенных». И этот-то орден (испытанных за последние годы борьбы рыцарей и паладинов) во главе с самим Гитлером в качестве «великого магистра» (фюрера) и явится правительством Германии. Он — лучшее воплощение национал-социалистской системы и всей германской расовой теории. Фюрер национал-социалистского ордена, Гитлер, точно так же, как его преемники, является в то же время органически государственным вождем (*Staatsführer des Deutschen Reichs*), абсолютным и несменяемым. Члены ордена — рыцари, назначаемые им согласно специальным принципам, а впоследствии подготовляемые к этому званию с юности — являются лидерами государственной администрации, армии, СС и СА, молодежи, всех корпораций, крупных организаций и т. д.; они ответственны только перед вождем или его рыцарями-командорами и правят от имени фюрера остальным национал-социалистским движением как низшей массовой системой (народом).

Прежняя национал-социалистская партия, насчитывающая миллионы членов, со всеми ее разветвлениями и организациями, становится, таким образом, только зависимым вассальным движением, лишенным своей политической роли; фактически партия поглощается государством. Государственную власть олицетворяет узкая олигархическая группа — национал-социалистский орден, его совет и его вождь. Эта иерархия облакает властью сменяющих друг друга вождей ордена по принципу «король умер, да здравствует король!».

Остается открытым только один вопрос, вопрос о том, будет ли преемник Гитлера назван им самим при жизни как его «представитель» или он будет избран советом ордена только после смерти Гитлера согласно его завещанию. Возможно, что это будет позднее решено самим Гитлером. Это решение будет тогда иметь силу закона в течение столетий. Это, однако, лишь второстепенный момент: непосредственной задачей нового режима и конституционной реформы в Германии остается только образование ордена-государства.

В чем же заключается смысл всего этого чудовищного бреда, звучащего как эхо феодальной романтики или как вымысел Честертона¹, этой невероятной фантазии, предлагающей ввести в Германии середины XX столетия конституцию государства раннего средневековья? Это — в высшей степени хитроумная политическая комбинация, это — большой маневр триумvirата. Триумvirат должен был совершить его. Аристократическое кастовое государство, которое создавала эта группа, было уже почти готово. Но этому государству угрожали экспроприированные и угнетенные массы, и оно нуждалось теперь во что бы то ни стало в фиксации тем или иным путем *внешней политической формы*. Государству были необходимы: твердая структура, законность и вытекающие из них добавочные средства физического и идеологического господства.

Существовала только одна внешняя форма, в которую могла облечься система эксплуатирующей, деспотической аристократии; этой формой была *империя*. Существовал только один законный глава такого государства — самодержавный император, стоящий во главе привилегированных каст, олицетворяющий их своей персоной и правящий как их избранник низшей частью нации. Существовала также лишь одна форма политической исполнительной власти, административного управления в этом государстве — старая феодальная форма наследственной знати. Это *рыцари*, которые защищают интересы привилегированных каст и служат императору!

Таков невероятный проект «Германского ордена-государства», проект, до мелочей разработанный Розенбергом и с энтузиазмом принятый Гитлером, но несмотря на это все еще тщательно скрываемый. Проект являлся строго логическим завершением пути, пройденного национал-социалистскими лидерами, которые, начав свою деятельность как ораторы лавочников, неизбежно должны были кончить объявлением империи. И вот почему попал в точку именно Розенберг, этот архаический гений, который мог бы выйти непосредственно из баронского замка XIV столетия. Розенберг происходит из Ревеля, старого города Ордена ливонских рыцарей, и «миф германской истории» для него то же самое, что воздушный флот для Геринга или пропаганда для Геббельса. Он придумал нечто такое, что было наиболее настоятельно необходимо в тот момент — новую законную форму, овеянную величественным и мистическим романтизмом, столь привлекательным для фашистских юнцов и простаков. «Новые тевтонские рыцари» — вот «историческое» название, найденное для образующейся в Германии гитлеровской аристократической касты. «Вождь» Розенберга это только синоним «фюрера», а фюрер это и есть новый император. План ордена добавлял последнее недостающее во всей системе звено — верхушку.

¹ *Честертон* — популярный в Англии писатель. Мастерски пользуясь фантастическими построениями, он во многих своих произведениях («Наполеон из Ноттингхилла», «Перелетный кабак», «Новый Дон-Кихот» и др.) вносит в обстановку современной Англии романтику и «реальность» средневековья. — *Прим. переводчика.*

Этот план отметал раз навсегда идею государства СА и узаконивал одним росчерком пера социальный переворот против мелкой буржуазии и рабочего класса. Господин Розенберг оказался очень современным мыслителем. Фашизм, представлявший до сих пор плохо замаскированное смешение всевозможных, трудно сочетаемых лоскутьев и отбросов корпоративизма, цезаризма, бонапартизма, монархизма, военной диктатуры и даже теократизма (в католических странах), нашел здесь, наконец, свою безукоризненно соответствующую *фундаментальную форму государства — олигархический деспотизм*.

Фашизм будет тяготеть к этой форме в Германии так же, как в Италии, в Юго-Восточной Европе и за Ла Маншем. Это лицо всего международного фашизма. Все прочие политические или «философские» концепции, предлагаемые различными фашистскими лидерами в различных странах, это только декоративная или демагогическая лакировка, которая со временем облезет. В центре — только эта идея. Это ее поддерживает Муссолини, когда он прославляет свою «систему», в которой аристократия (вожди чернорубашечников и их «великий фашистский совет») управляет народом, — ведь он, Муссолини, глава этой аристократии. Ей следует Шпенглер в своей программе «новой цивилизации». Именно ее подразумевает сэр Освальд Мосли, когда говорит о «возрожденной империи». Лидеры фашистов все идут по одной и той же дорожке. Это далеко не случайно.

Идея создания аристократических империй вводит вновь формы средних веков. Но эта идея воплощает на деле реальность современного олигархического *монополистического капитализма*; огромных концентрированных систем средств производства, находящихся в частной собственности; систем, которые управляют жизнью и богатством нации и могут продолжать свое существование только в том случае, если они свою монополию любой ценой обезопасят от восстания эксплуатируемых классов.

Действительным вдохновителем идеи нового тевтонского ордена, социальным двигателем всего происходящего была группа, представленная Тиссенем, императором Рура. Располагая обширными ресурсами, эта группа впервые сплотила силы реакции для штыковой атаки против германского рабочего класса под командой Гитлера. Затем, после 30 января 1933 г. она сокрушила социальные позиции радикальной мелкой буржуазии. Теперь вместе со всем германским капиталом эта группа столкнулась лицом к лицу с опасностью нового массового штурма мелкой буржуазии и безработных, штурма, руководимого преторианцами фашизма. Этого нельзя было допустить.

Фашистская масса должна была теперь быть отброшена, парализована, убрана со сцены раз и навсегда; для нее должны быть закрыты все дороги не только к власти, но и вообще к политике. Те самые интересы, которые однажды развязали «революционный» демагогический национал-социализм масс, нуждались теперь также настоятельно в аристократическом, деспотическом национал-социализме, какой бы чудовищно нелепой ни представлялась его внешняя форма.

Было ясно, что проект иерархического ордена с самодержавным «го-

сударственным вождем» сделал бы положение клики Гитлер — Гесс — Геббельс — чернорубашечники — Гиммлер — Бломберг непоколебимым и положил бы конец всем сепаратистским расколам, которые могли бы вызвать лидеры оппозиции или недовольные вожди. Для этой цели Гитлер заручился чрезвычайно важной, действительно решающей поддержкой *рейхсвера*, на который Рем покушался больше, чем на что-либо другое.

Рейхсвер, а не СА, должен был занять в «ордене-государстве» положение великой официальной военной касты с Бломбергом, Рейхенау и Герингом в качестве военных палатинов фюрера. (Договор с рейхсвером, признанным «вторым оплотом национал-социалистского государства», был торжественно скреплен позже, вскоре после убийства Рема, на большом тайном собрании национал-социалистских вождей и генералов рейхсвера в здании Оперы Кроль¹ в Берлине). Это определило соотношение сил.

Но это еще не все. Поддержку реакционных сил вне партии обеспечило Гитлеру еще одно обстоятельство. В более широком аспекте план «тевтонского ордена» в глубоком смысле империалистичен. Даже название его указывает на специфическое географическое направление предстоящего похода; Восток — историческая цель германского рыцарства, и это также было тщательно взвешено при розенберговских расчетах. А это почти автоматически обеспечивало авторам плана сотрудничество элементов, группирующихся вокруг *фон Папена*, партии юнкеров к востоку от Эльбы, «друзей Гинденбурга» и антибольшевистских маньяков (генерал Гофман, Рехберг), для которых проблема «крестового похода на Восток» заслоняла все остальное. Вот почему фон Папен пошел за Гитлером и произнес за несколько дней до 30 июня свою знаменитую «оппозиционную» речь, которая целила только в Рема, уже давно подозреваемого в «национальном большевизме». «Орден теvтонских рыцарей» символизировал на деле союз всех клик, представляющих силы, правящие в Германии.

История подтвердила все это теперь, когда, через два года после смерти Рема, весь план гитлеровского имперского ордена находится на грани окончательной и официальной реализации. Тайные или полутайные приготовления к провозглашению реформы беспрерывно идут в Германии в течение последнего года или двух. В Мюнхене уже высится здание для будущего «парламента» ордена, который должен заменить рейхстаг, — новый «Дом фюрера» (Führerhaus) с «залом шестидесяти восьми сенаторов». Постройка его окончена в 1935 г., но по распоряжению Гитлера дом до сих пор не занят. Существуют уже и новые рыцари — 3 тыс. «юнкеров» (средневековое название дворянских сыновей в Германии), подготовленных к своему будущему положению новой аристократии в трех «цитаделях ордена» (Ordensburg), принадлежащих национал-социалистской партии. Эти новые теvтонские цитадели (одна — в Крессингзее, в Померании, другая — в Фогельзанге на Рейне, и третья — в Зонтгофене, в Баварии) строились в течение трех лет; распорядок жизни в них — точное подражание средневековым образцам.

¹ Здание, где собирается теперь германский рейхстаг. — *Прим. ред.*

Только эти «юнкера» могут впоследствии становиться вождями национал-социалистского государства в качестве рыцарей ордена. Они отбираются тремя национал-социалистскими лидерами: Розенбергом, назначенным для этой цели «официальным представителем вождя по идеологическому воспитанию в национал-социалистской партии» — теперь он может, наконец, реализовать свои самые фантастические идеи; Дарре, министром земледелия и «крестьянским вождем», который ездит по стране, отбирая «цвет» семей богатых «наследственных крестьян», и Гиммлером, главой черных СС и Гестапо, сделавшим личную охрану Гитлера еще более замкнутой, чем раньше, организацией. Все отобранные лица вносятся в особый список для посвящения впоследствии во дворянство.

Одновременно прием в национал-социалистскую партию (т. е. существовавшую до тех пор массовую организацию) был совершенно прекращен. Новые члены не принимались, и «только наиболее активная часть народа должна принадлежать к партии в будущем» (заявление эссенского окружного руководителя национал-социалистской партии Тербовена, 8 июня 1936 г.). Резервы национал-социализма должны в будущем пополняться только посредством специального отбора среди членов различных организаций (СС, гитлеровская молодежь, рейхсвер и т. д.).

Общеизвестные «нюрнбергские законы» сентября 1935 г., провозгласившие разделение нации на два основных класса («граждане государства», обладающие правом голосования, и «подданные государства», лишенные этого права), подготовили тем временем почву для введения кастовой системы. Осталось только формально узаконить новую аристократию, объявить о создании ордена и провозгласить его вождя. Возможно, что в связи с международным положением этот шаг будет отложен до более благоприятного момента, например, до долгожданного триумфа за границей — вступления в Вену.

На фоне такого события Гитлер предстанет во всем великолепии фюрера «Великой Германии». Императорское прославление «луче» в Риме еще более увеличило лихорадку в национал-социалистских кругах.

Тождество терминов «фашизм» и «империализм» редко раскрывалось с такой полнотой. Во всяком случае, сегодня Гитлер является в Германии уже не главой правительства: он — неофициальный император. Статс-секретарь рейхсканцлера объявил недавно, что члены германского правительства не являются более равноправными, но только советниками фюрера, а само правительство — это только совет. Лидер «тевтонского ордена» добился своего. Теперь взгляд его устремлен на Восток. Он достиг своих целей, оставив за собой 30 июня и переступив через труп Рема.

* * *

Гитлер, Геринг и Геббельс имели свой план, противопоставленный плану Рема, и они решили выполнить его. 16 марта 1934 г. один из членов гитлеровской клики, Карл Ревер, штатгальтер Бремена, бывший служащий кофейной фирмы и организатор шпионажа во время войны, на на-

ционал-социалистской конференции впервые заявил о намерении учредить не в очень далеком будущем «орден вождей», в который Адольф Гитлер призовет от 60 до 80 «лучших людей», «показавших себя за последние годы борьбы и могущими быть гарантами единства ума и воли в руководстве народом».

Через шесть недель, 28 апреля, как только распространились первые слухи о беспорядках и недовольстве СА, Розенберг собственной персоной появился в Мариенбурге, знаменитом старом городе Ордена тевтонских рыцарей, где выступил с речью об «идее ордена как государственном принципе», о «вожде», его «приближенных» и о «преемственности». «Духовный наставник» вождя заявил, что государство станет национал-социалистским орденom, но что никто не сможет «никоим образом предвосхищать Адольфа Гитлера», который будет решать все сам. Но конкретный план сохранялся в тайне.

Важен факт, что Геринг, правитель Пруссии, большой личный соперник Гитлера, но еще более неистовый враг Рема и ненавистник СА, явно принимал участие в планах гитлеровской клики. Он произносил речи о том, что «Германия — это Гитлер» и что «Единственный закон — это воля Гитлера». Большим человеком, остававшимся в тени создателем ордена, был в то время, вероятно, Гесс, официальный «представитель» Гитлера. Но диктатор Пруссии и герой поджога рейхстага не позволил купить себя по дешевке. Несмотря на официальную ликвидацию федеральных государств и передачу поста прусского министра внутренних дел Фрику, а поста главы тайной полиции Гиммлеру, высшее руководство Гестапо было оставлено за Герингом «персонально». Он присоединился к плану клики потому, что знал, что лучше быть паладином Гитлера, чем первой жертвой Рема. Триумвират Гитлер—Геринг—Геббельс снова шагал в ногу.

Рем знал о приготовлениях гитлеровской клики точно так же, как клика знала о его приготовлениях. Он уверился в них совершенно, когда Гитлер распорядился о месячном «летнем отпуске» для штурмовиков. Рем и его друзья нисколько более не сомневались, что какова бы ни была грядущая «реформа государства» и как бы ни выглядели наследники Гинденбурга, их самих уберут с вершушки первыми. Мелкая буржуазия и полки СА подталкивали их к выступлению.

Гитлер, новый последователь теории психоанализа, провозгласил, что главной основой и причиной всего «заговора Рема» был гомосексуализм большинства этих людей, но гомосексуализм не имел к этому выступлению никакого отношения. Эти люди были гомосексуалистами и бандитами так же долго, как они были фашистами. Они никогда не отделяли этих двух вещей и на их плечах Гитлер пришел к власти. Если Рем мобилизовал теперь своих генералов, то это была политика и притом классовая политика, а не материал для психоанализа.

Рем собрал самых влиятельных, самых активных лидеров СА — старый цвет всего фашистского боевого корпуса. Он заключил соглашение не только со своими ближайшими друзьями, подобно ветеранам движения: Эдмунду Гейнесу — главе всех СА на востоке Германии, человеку, который приобрел себе славу и завоевал руководящее положение в национал-со-

циалистском движении тем, что участвовал в самых первых больших террористических отрядах Германии после войны (отряд Россбаха, Верхнесилезские инсургенты), был впоследствии одним из знаменитых «убийц-феме»¹ (на Штетинском процессе он был приговорен к пятнадцати годам заключения с принудительными работами), и тем, что участвовал в еврейских погромах, так же как и в фашистской организации силезской мелкой буржуазии; Карлу Эрнсту, командиру берлинских СА, который из коммивояжера, главаря бандитской шайки и организатора массовых убийств сепаратистов в Рейнской области сделался любимцем берлинских национал-социалистов и преемником Хорста Весселя.

Рем призвал также Петера фон Гейдебрека, главу померанской армии СА, знаменитого однорукого лидера фашистских партизан во время борьбы с Польшей за Верхнюю Силезию, основателя *Völkische Turnerschaften* (крайне шовинистическое гимнастическое общество), героя многих легенд и песен, популярных среди национал-социалистской молодежи; Ганса Гайна, генерала саксонских СА, организовавшего в 1923 г. вместе с Лео Шлагетером динамитные взрывы против французов в Руре, руководившего впоследствии кюстринским путчем черного рейхсвера против правительства Штреземана и обвинявшегося на процессе «феме»; Манфреда фон Киллингера, главу СА Центральной Германии, бывшего начальника военного отдела бригады Эрхардта и организации «Консул», непосредственного организатора убийств Эрцбергера и Ратенау и покушения на Шейдемана; Конрада Шрагмюллера, лидера магдебургских СА, бывшего летчика и партизана Йоркского Балтийского корпуса, человека, который в 1928 и 1929 гг. вместе с крестьянином Гамкенсом наводил ужас на Северную Германию, совершая налеты террористических групп на таможи и на государственных чиновников и организуя в целых округах крестьянский бойкот против налогов; Августа Шнейдгубера, генерала баварских СА, одного из основателей контрреволюционного южно-германского «*Einwohnerwehr*» (местная милиция) после войны и, наконец, начальника полиции в Мюнхене; Рольфа Рейнера, бывшего офицера рейхсвера, члена тайной лиги «*Reichsflagge*», участника кровавого подавления рабочих восстаний в Баварии, Центральной Германии и Рурском районе после войны и, в заключение, главы СА в Берлине; Герда, одного из самых знаменитых германских военных летчиков, награжденного орденом «*Pour-le-Mérite*», лидера СА в столице и представителя самого радикального крыла коричневорубашечников. Можно было бы назвать еще много других офицеров СА почти с тем же весом и с такими же длинными списками заслуг в фашистском движении.

Таковы были «заговорщики». Они отличались не только гомосексуализмом, но представляли собой самое активное, самое воинственное и самое

¹ *Феме* — тайные средневековые судилища в Германии, по постановлениям которых совершались убийства. Убийства из-за угла, которые начали совершать национал-социалисты еще в веймарской Германии, были окрещены «феме-убийствами». — *Прим. ред.*

популярное ядро движения, действительных основателей движения и военных вождей милитаризованных масс. Это была «старая гвардия» национал-социалистов, противопоставлявшая себя своре профессиональных политиков, журналистов, бюрократов, капиталистов, дипломатов и других примазавшихся и карьеристских элементов, прилепившихся к фашистскому движению в процессе его расширения и ставших вместе с Гитлером главными пенкоснимателями. Трое из «старой гвардии» — Рем, Гейнес и Эрнст — как непосредственные организаторы поджога рейхстага, без сомнения, реально способствовали гитлеровскому триумфу в марте 1933 г.

В течение ряда лет все эти люди держались вместе. СА были их главной опорой, их достижением, их гордостью, их надеждой, все остальное в национал-социалистском движении, включая Гитлера, было для них второстепенным. Они являлись «гарантами национал-социалистской революции», как заявил Рем, и Рем — этот маленький, жирный, циничный и грубый авантюрист, наделенный всеми пороками мира, но с непреклонной фанатической волей к власти, шагающий через трупы, этот человек, верящий своим штурмовикам, был их маршалом, их Валленштейном, их конквистадором.

Среди национал-социалистских вождей Рем был единственным, кто всегда больше всего презирал лицемерное морализирование официальной партийной верхушки с Гитлером и Розенбергом во главе; он открыто требовал грубости и требовал признания ее естественным духом фашизма. После того как штатские хозяева национал-социалистов, сделавшись после прихода к власти пуританами, запретили женщинам Германии курить и модничать и потребовали от штурмовиков наблюдения за народной нравственностью, именно Рем открыто выступил с приказом по СА, в котором издевался над всей этой комедией и высмеивал ее. В особенности он ненавидел елейного «теолога» партии Розенберга, вероломного псевдотрибуна Геббельса (уже однажды обманувшего Грегора Штрассера и Стеннеса и предавшего их в руки Гитлера), и Геринга, становящегося с каждым днем все более фешенебельным и легитимистски настроенным, Геринга, который не мог простить Рему того, что, он, Геринг, был в свое время первым командующим СА. Рем презирал «барабанщика» и болтуна Гитлера.

Этот фашистский авантюрист, «капитан боливийской службы» и завсегдатай ночных притонов Берлина, был все же при всей своей откровенной грубости и цинизме более честен, чем Гитлер, Геринг и Геббельс. Меньше чем кто-либо другой он пытался прикрыть подлинное лицо фашизма, а по своим идеям и методам он действительно ближе всех стоял к мелкой буржуазии, к этой взбесившейся социальной силе, которая после войны потеряла все: собственность, мораль, традицию, разум и, наконец, также и честь, но, прежде всего — собственность. И вот Рем вместе со своими людьми пытался снова спасти все это. Офицеры СА были за него. Но он рассчитывал также на массы, на солдат своей армии, в которую он мало-помалу, в остром конфликте с Гитлером, систематически включал молодежь, безработных, бывших левых рабочих, так же как и отряды Стаального шлема, и численность которой он довел, от, примерно, полумиллиона при взятии Гитлером власти до более чем 2 млн. накануне 30 июня, т. е.

учетверил ее. Он думал, что ему удалось таким образом создать гигантскую «национальную революционную» армию, которую он может использовать по собственному усмотрению и против которой не сможет устоять никто. Он верил в теорию суверенной мелкой буржуазии, которую он мог бы использовать, по крайней мере, в своих личных интересах. Вот почему Рем созвал «заговорщиков».

Итак, в середине 1934 г., через семнадцать месяцев после победы германского фашизма, на втором году существования «вечной» Третьей империи, столкнулись две динамических силы, два принципа, два класса внутри фашизма. С одной стороны, мелкая буржуазия и ее союзники, представленные Ремом; с другой стороны, олигархический капитал и его верховные господа, представленные Гитлером. План «государства СА» был выдвинут против плана «ордена-государства». Принцип масс против принципа вождей. Реальность фашистской аристократии против фантома фашистской демократии. Несколько миллионов разнужданных и вооруженных мелких буржуа против толпы верховных господ, поддерживаемых капиталом. 30 июня должно было ответить на вопрос — кто из них сильнее.

Глава III. Вмешательство химического треста

Остается нерешенным один вопрос. Вступила ли мелкая буржуазия в сражение 30 июня *одна*? Был ли с ней Шлейхер? Что общего мог иметь этот модный «либеральный» генерал, так долго представлявший правящую верхушку, с заговором наемников СА?

Случилось так, что соотношение классовых сил перед бунтом Рема отразило в известный период взаимоотношения различных групп внутри *промышленности*, отразило существующее экономическое положение. Почему Геринг застрелил Шлейхера?

Шлейхер не принадлежал к лагерю Рема. Он не был национал-социалистом, хотя расчищал путь для фашистской диктатуры в Германии. Он был противником Гитлера и Рема, хотя и организовал «Freikorps» и «черный рейхсвер», из которых вышла гвардия национал-социализма. Он не был сторонником «тоталитарного государства», хотя он первый был ответственен за падение либерального режима (Гренер и Брюнинг). Он потерял власть и оказался в одиночестве именно вследствие противоречий, живым олицетворением которых стала его личная судьба. Он хотел синтеза между буржуазной демократией и фашизмом, между Веймаром и Гитлером, и фашизм смел его с пути. Он пытался создать чисто военный бонапартизм, зависящий только от армии. Этот эксперимент уже пытался до него проделать его предшественник Сект — найти некий средний курс, идущий одновременно на уступки и капиталистам и рабочему классу; капиталисты, нуждавшиеся в фашистском и террористическом массовом движении, отшвырнули Шлейхера ради Гитлера и Рема.

Шлейхер остался один, подобно многим переходным фигурам до него, — бонапартист без бонапартизма, генерал без армии, полудемократ

без демократии, полуфашист без массового базиса. И все-таки этот старый политический шарлатан продолжал играть свою собственную игру. Но он играл не на стороне рейхсвера, руководителем и представителем которого он прежде был, и не на стороне юнкеров и группы фон Папена, с которой он когда-то шел рука об руку.

После его разрыва с фон Папеном, главной причиной которого была борьба из-за направления будущего германского военного плана¹, Шлейхер был не только удален из личной клики Гинденбурга, но был также вместе со своими друзьями и подчиненными лишен фактически всякого влияния в рейхсвере. Генералы Гаммерштейн — бывший начальник военного командования, Адам — глава войскового отдела, и Бредов, составлявшие «хунту» Шлейхера в рейхсвере, были устранены.

Реальная власть в армии принадлежала теперь даже не военному министру, папеновскому ставленнику Бломбергу; эта власть принадлежала в основном совершенно новому учреждению — «Комитету сил обороны», представлявшему собой нечто вроде штаба связи между рейхсвером, военным отделом национал-социалистской главной квартиры (Wehrpolitisches Amt der NSDAP) и новым штабом воздушной армии Геринга. Начальником вновь учрежденного, очень узкого, комитета был назначен полковник (ныне генерал-лейтенант) фон Рейхенау, молодой офицер, который возглавлял ранее наиболее преданное фашизму крыло рейхсвера и был ярым противником клики Шлейхера. Только новый главнокомандующий генерал Фрич, больше чем кто-либо другой в командовании рейхсвера, склонялся к старой ориентации. Но сам Шлейхер уже, во всяком случае, был изолирован от этой армии. Тем не менее он сумел развить кое-какую деятельность.

Через два или три дня после 30 июня, когда еще не успело затихнуть эхо выстрелов в застенках СС, реакционная «Deutsche Zeitung», газета, связанная с фон Папеном еще больше, чем с Гитлером, опубликовала явно инспирированную правительством статью, содержащую следующие фразы.

В событиях участвовала «капиталистическая клика, с обширными международными связями, спрятанная за кулисами». «Нити заговора тянулись в самые отдаленные и разнообразные концы. Низкая измена не только вошла в соглашение с бесчисленными, зачастую темными силами реакции, позволив таким образом взять себя на буксир враждебным иностранным кругам; было обнаружено также сложное переплетение еще нераспутанных нитей, ведущих к кругам, предоставившим в распоряжение изменников немалые суммы денег».

Несколько дней спустя другая национал-социалистская газета «Deutsche Front», в Саарбрюкене, в статье хорошо известного фашистского лидера и гитлеровского ставленника доктора фон Лерса высказалась на эту тему ясно:

«Сейчас не время разговаривать об этих делах публично. Но придется поставить несколько прямых вопросов. Кто в действительности финансировал погрязших в разврате заговорщиков против фюрера? Каким образом оказалось возможным, что только что принятые в СА люди с большими

¹ Мы вернемся к этому очень важному вопросу во второй части этой книги.

ми деньгами смогли достичь высоких постов, поощряемые через голову всех остальных, хотя было известно, что эти люди являются «эmissарам» совершенно определенных крупных концернов? Каким образом стало возможным, что связь между последней остаточной капиталистической группой (*restkapitalistische Gruppe*), которая еще в 1932 г. стояла в открытой оппозиции к фюреру и которая, как показал процесс Гереке, сыпала деньгами на поддержку «Гинденбурговского комитета» против Адольфа Гитлера, — как могло стать возможным, что связь между этой кликой и людьми из национал-социалистского движения, казненными 29 июня, стала такой интимной?»

Это было «разоблачение». Оба заявления, исходящие из руководящих национал-социалистских кругов, явно вырвались в опьянении первых восторгов (в германской прессе больше не появлялось на эту тему ни одного слова) и указывали в весьма определенном направлении; эта сторона событий 30 июня освещена менее всего. Оба «разоблачения» открыто и прямо обвиняли «И.Г. Фарбениндустри» — пользующийся мировой известностью германский химический трест.

«И.Г. Фарбениндустри», вторая по мощности индустриальная держава Германии, располагающая капиталом в 1³/₄ млрд. марок и армией рабочих, равной 175 тыс. человек, имеет производственную, торговую и рекламную сеть, охватывающую весь земной шар. Это трест, который почти в той же мере, что и Рур, создал новую экономическую мировую мощь Германии после войны; который своим синтетическим азотом, синтетическим бензином, синтетическим каучуком и искусственными тканями произвел настоящую техническую революцию и основал в Центральной Германии новые индустриальные комплексы, простирающиеся на целые провинции — Лейна и Оппау; трест, который, наряду с тяжелой промышленностью и почти наравне с ней, стал признанной «второй половиной» германской финансовой олигархии, «державой Лейна», державой, по некоторым причинам, более «прогрессивной» и эластичной, чем «держава Рура», но так же, как и последняя, жаждущей контролировать национальное богатство. Верно ли, что эта капиталистическая группа восстала по каким-либо соображениям против Гитлера? Ведь именно химический трест сразу после войны, когда он еще устанавливал свое «синтетическое» оборудование и вместе с Руrom боролся за главное, самое необходимое ему сырье — уголь, ведь именно он финансировал фронт германских «либералов». Это было в Германии далеко не тайной.

«И.Г. Фарбениндустри» контролировала самые крупные в Германии концерны либеральной прессы (Ульштейн и «*Frankfurter Zeitung*») и имела своих тайных агентов в центральных комитетах фактически почти всех «веймарских» партий («католический» лидер Ламмерс, друг Штреземана Вармбольд, «демократ» и государственный президент в Бадене Гуммель и т. д.). Правительства Штреземана и Брюнинга были тесно связаны с трестом. Когда все «левые» партии в Германии, за исключением коммунистов, образовали в 1931 и 1932 гг. совместный «единый фронт» для борьбы за переизбрание Гинденбурга на пост президента, против кандидатуры Гит-

лера, то не кто иной, как глава химического треста доктор Дуйсберг стал официальным председателем «Объединенного Гинденбургского комитета» и «Бюро уполномоченных по избранию Гинденбурга» (в цитированной выше статье национал-социалист доктор Лерс имел в виду именно этот комитет и его денежные ресурсы).

Политическим руководителем и вдохновителем этой организации был Шлейхер. Только деньги химического треста, помимо денег Отто Вольфа и Дойче банка, сколотили блок «левых», сделали возможным избрание Гинденбурга и несколько раз спасали от гибели эту несчастную, лихорадящую, малодушную и вероломную «республику». И тем не менее, все тот же химический трест, когда он уладил свои раздоры с тяжелой промышленностью по генеральному договору, предусматривающему раздел угольных ресурсов Германии и прямое участие химического треста в Стальном тресте, внезапно положил конец «либеральной» политике, потерял свой левый оттенок и вместе с группой Тиссена усилил базис для предпринимаемого фашизмом наступления. Вскоре после этого имя финансового руководителя треста, Германа Шмитца, было внесено самим Гитлером в «имперский избирательный список» национал-социалистской партии. А в ноябре 1933 г. главный управляющий, профессор доктор Карл Бош, знаменитый изобретатель синтетического метода добывания азота и некогда общепризнанный столп республики, публично засвидетельствовал в официальном органе национал-социалистов «Рабочий фронт» следующее:

«Новая волна доверия и уверенности прокатилась по германской промышленности. Причину этого я вижу в том, что германское правительство впервые не только дает обещания, но также и действует... Доверие, которое германские экономические интересы чувствуют к рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру, показало себя как могущественный фактор в оживлении германского предпринимательского духа... Подводя итоги, я как промышленник, несущий ответственность за огромное предприятие с сотней тысяч трудящихся, по праву собственного опыта, заявляю, что только твердая воля национал-социалистского правительства сумела добиться результатов в такой поразительно короткий срок, приблизиться к окончательному решению проблемы кризиса в недалеком будущем и в согласии со словом фюрера Адольфа Гитлера снова дать германскому народу хлеб и работу»¹.

Это — важное заявление. Главный управляющий «И.Г. Фарбениндустри» почти официально провозгласил союз крупного химического капитала и всей «либеральной» обрабатывающей промышленности с Гитлером, он озаглавил свою статью: «Где есть воля, там есть и путь». Химический трест имел, конечно, волю, волю к мощному, небывалому, мировому наступлению Германии, волю к завоеванию для синтетических продуктов, для предприятий Лейны и Оппау, новых более обширных рынков, новых более широких сфер для экспорта товаров, вложения капиталов и извлечения прибыли — ведь того же добивался и Рур для своих шахт, вагранок и тома-совских конверторов.

¹ Эти высказывания можно прочесть во «Frankfurter Zeitung» от 1 декабря 1933 г.

Химический трест имел волю точно так же, как имела ее тяжелая промышленность, чтобы использовать национал-социализм как таран, раздать революционную опасность внутри страны и восстановить мощный германский империализм за границей; ради этого стоило пожертвовать республикой. За один только 1933 г., первый год пребывания у власти Гитлера, химический трест заново вложил в свои предприятия 142 млн. марок — таким безопасным казался «путь». А затем произошло невероятное: заминка, остановка и, наконец, застой по всему фронту. Путь оказался в конце концов неподходящим, во всяком случае для химического треста.

Причина этого проста, хотя она и может удивить тех, кто ищет в современной высокой политике не холодных экономических реальностей, а иррационализма, романтизма, индивидуализма и прочих «измов». Причина заключается попросту в различии между размерами рынка двух частей германского капитала — добывающей и военной промышленности, с одной стороны, и обрабатывающей промышленности и экспортных отраслей — с другой; конкретно этой причиной являются различные размеры рынков для сбыта продукции рурского треста и химического треста.

Тогда как рынок для химической и прочей обрабатывающей промышленности это — в значительной степени рынок *внешний*, рынок сбыта германской тяжелой промышленности является преимущественно *внутренним* рынком. В то время как экспортная квота в промышленности доходит в некоторых специальных отраслях, входящих в химический трест, до 80% производства (подобная пропорция существует, например, в станкостроительной промышленности), для тяжелой промышленности важнее всего другого темпы вооружений, т. е. военное производство для отечественных нужд. Химическая промышленность зависит, главным образом, от мировой торговли. Вместе с Руром экспортная квота германской промышленности колеблется между 10-20% продукции; основная масса продукции Рура — это производство для отечественной обрабатывающей промышленности, для железных дорог (уголь, сталь) и, главным образом, для государства (военные материалы).

Когда рынок суживается, тогда химический трест и обрабатывающая промышленность задыхаются от непроданных на экспорт товаров; в то время как дефицит тяжелой промышленности восполняется государством, которое, конечно, не зависит от состояния рынка, размещая новые военные заказы или раздавая непосредственные субсидии (в интересах «национальной безопасности»). Результатом является не только расхождение в размерах сбыта между рурским трестом и химическим трестом, не только различное развитие тяжелой и обрабатывающей промышленности в период кризиса, но также и различная экономическая политика этих двух групп во время кризиса.

Химический трест, которому больше всего нужен экспорт, настоятельно нуждается в «либеральной» торговой политике, в свободных, т. е. не огороженных чрезмерными пошлинами иностранных рынках, в финансовой и долговой политике, не обескураживающей иностранных покупателей и не вызывающей их на контрмеры (неуплата иностранных долгов, трудности

международного обмена); в отсутствии политических мер, вызывающих специфические препятствия за границей (еврейский бойкот); химический трест не заинтересован также в аграрном протекционизме, препятствующем заключению выгодных торговых соглашений с иностранными государствами; он нуждается, главным образом, в такой государственной политике, которая обеспечивала бы свободный выход товаров на мировой рынок.

Тяжелой промышленности нужно как раз противоположное. Она является сторонником «автаркии». Ей нужны запретительные таможенные пошлины, защищающие внутренний рынок для нее; ей нужна внешняя и внутренняя политика, подливающая масло в международный огонь и, следовательно, увеличивающая заказы военного министерства на вооружения и субсидии министерства финансов; она нуждается также — и это особенно важно — в саботаже платежей по международным долгам, саботаже, который подрывает экспортную промышленность, но делает государственное казначейство способным давать субсидии тяжелой промышленности, в то же самое время «ликвидируя» частные долги тяжелой промышленности.

Ведь экспортная промышленность может покрыть свою текущую задолженность выручкой от экспорта и накопленными ранее запасами наличных денег, а тяжелая промышленность, исчерпавшая все свои zahraniчные кредиты на огромные военные предприятия, нуждается в иностранной валюте. В результате резкое расхождение между интересами тяжелой промышленности и интересами обрабатывающей промышленности во всех сферах государственной политики, в международной политике, внутренней политике, торговых отношениях, финансах, международном обмене, аграрной политике, военной политике и т. д.

Пока условия торговли нормальны, т. е. пока мировой рынок не испытывает особых потрясений от кризиса и, следовательно, экспортная промышленность не имеет крайних затруднений, до тех пор это противоречие интересов не обостряется; оно существует в скрытом состоянии и остается на практике без последствий. Но как только со всей силой разражается кризис внешней торговли, становящийся все более острым — эти противоречия интересов делаются такими ожесточенными и такими жгучими, какими могут быть только капиталистические взаимоотношения. Нечто подобное произошло в 1934 г. между германской тяжелой промышленностью и германской обрабатывающей промышленностью, возглавляемой химическим трестом.

Химический трест заключил соглашение с Тиссенем, примкнув к генеральному фронту капитала, направленному на поддержку фашизма. Химический трест вынужден был это сделать, но он также и хотел этого. Он вынужден был это сделать потому, что только фашизм мог спасти их всех: Рур так же, как Лейну, Тиссена так же, как и Дуйсберга; ведь только фашизм мог спасти весь класс промышленных олигархов от революции рабочих, от экспроприации экспроприаторов. Он хотел этого, потому что, подобно Тиссену, безошибочно угадывал в национал-социализме высшую и наиболее подходящую форму германского империализма, зная, что только национал-социализм с его фашистской мобилизацией масс, с его динами-

ческой агрессивностью, с его необузданной политикой «расовой империи» может обеспечить для чрезмерно разбухшего германского капитализма то новое пространство на европейском континенте, без которого германский капитализм должен погибнуть от внутреннего напряжения, от чрезмерного давления изнутри.

Вот почему национал-социализм являлся несомненно для всех групп германского капитала новейшей, наиболее современной стадией развития, и «либеральный» химический король Дуйсберг понимал это не хуже Тиссена. Если бы он не понял этого, ему бы «автоматически» подсказали это его машины, его химическое оборудование, которое из национального давно уже стало по своему размаху и продукции потенциально-континентальным и даже интернациональным. Это оборудование требовало для себя всего мира, конкурируя с американским Дюпоном, британским химическим трестом, Кюльманом и другими международными соперниками.

Затем оказалось, что экспортный кризис шагает быстрее, чем новый фашистский империализм; что экспортная квота остается все еще более конкретной реальностью, чем розенберговский континентальный план. А то, что ощущалось как явный удар по германскому химическому тресту, казалось почти что началом трагедии для целого сектора германского капитализма, производящего и экспортирующего *готовые товары*; того сектора, который вместе с тяжелой промышленностью, но несколько позднее последней, связал свою судьбу с фашизмом и убеждался теперь, что, поступив так, он подписал свой смертный приговор.

Германский экспорт, который в 1929 г., за год до кризиса, доходил до 13,5 млрд. марок и даже в 1932 г., за год до прихода Гитлера к власти, все еще держался на уровне 5,7 млрд. марок, что составляло более 40% максимальной цифры экспорта, в 1933 г., в первом году правления Гитлера, снова упал до 4,9 млрд., т. е. почти на 1 млрд. марок. Однако все еще имелось активное сальдо внешней торговли в 667 млн. марок (против 1073 млн. в предшествующем году), и тресты, подобные «И.Г. Фарбениндустри», могли более или менее регулярно совершать свои экспортные и финансовые сделки. В течение первой половины 1934 г. экспорт снова упал с 2,38 млрд. марок (за шесть месяцев) до 2,08 млрд.

Но гораздо более серьезным было то, что Германия, впервые со времен войны и годов инфляции, лишилась активного баланса. Баланс был сведен с дефицитом в 216 млн. марок (по сравнению с прошлогодним активным сальдо, равным 291 млн. марок). Это было почти катастрофой для индустриализованной экспортирующей страны, страны, занимающей одно из первых мест в мировой торговле и нуждающейся в ней для удовлетворения своих насущных нужд.

Однако внешнеторговые сделки совершались — это был импорт и снова импорт, который за те же шесть месяцев увеличился почти на $\frac{1}{4}$ млрд. Но ведь ввозилось сырье, сырье для вооружений, для тяжелой промышленности (железо и другие металлы), для потребителей грядущей войны. Чтобы оплатить все это сырье и обеспечить тяжелую промышленность всем необходимым, правительство пошло на все: перестало платить международные

долги, ввело новую фиктивную валюту, прекратило снабжение сырьем других промышленников и ввергло германские финансовые и торговые отношения почти в анархию. А кроме того начало оказывать влияние резкое различие в условиях сбыта, этот неромантический фактор в высокой политике.

С одной стороны, Рур мог продолжать производить, продавать и получать прибыли в еще больших размерах, чем раньше. Продукция железа в Германии выросла в 1933 г. с 10 745 т до 14 430 т (в среднем за каждый день недели), т. е. почти в полтора раза, продолжала расти и в 1934 г. Феглер, главный управляющий Стального треста, торжественно заявил, что за первый год гитлеровского правления германское потребление железа, составлявшее 59 кг на душу населения, удвоилось, дойдя до 104 кг; ближайшей целью является теперь — достигнуть уровня в 140—150 кг, как в Англии и Франции, и даже в 200 кг, как в США: этого — сказал Феглер — «можно ожидать».

Все это означало не что иное, как триумф германской тяжелой промышленности. Правда заключалась в том, что официальная цифра увеличения германской промышленной продукции в 1933 г. на 23%, вокруг которой национал-социалисты подняли так много шума, отразила почти исключительно рост производства тех отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, которые поставляют военные материалы.

С другой стороны, экспортная промышленность представляла собой следующую картину. Экспортная квота, доходившая в 1933 г. во всей, взятой в целом, германской промышленности до 22% (из всей продукции, стоимостью в 20 млрд. марок, экспортировалось на 4,4 млрд.) упала уже в первой четверти 1934 г. до 14%; в середине года она дошла примерно до 10%. Теперь оказался ущемленным химический трест.

Экспортная катастрофа не особенно беспокоила тяжелую промышленность. Руководители тяжелой промышленности были сторонниками «автаркии», подобно аграриям, группирующимся вокруг Папена. Тяжелая промышленность давно «списала» в потери свою наиболее важную экспортную статью — уголь (экспортная статья, которая, между прочим, никогда не имела для Германии такого большого значения, какое имеет экспорт угля для английской тяжелой промышленности), она была более чем компенсирована повышением монопольных цен на уголь, сбываемый на отечественном рынке, и правительственными субсидиями.

Тяжелая промышленность начала даже выступать против экспорта, развивая теорию так называемой «экспортной усталости», приукрашивая ее «национальным» лозунгом: «Все для внутреннего рынка!» Так как государственные власти действовали в том же направлении, то принятые административные и финансовые меры еще более увеличили экспортные затруднения других отраслей промышленности.

Верно, конечно, что германская тяжелая промышленность ставит своей целью завоевание мирового рынка так же, как и обрабатывающая промышленность, и даже более настойчиво, чем последняя, которая в конце концов в значительной степени перерабатывает сырье, поставляемое тяжелой промышленностью. Но тяжелая промышленность может выждать. В

то же время она может с помощью фашистского государства эксплуатировать нацию через посредство внутреннего рынка (при помощи монопольных цен на сырье, государственных субсидий, заказов на вооружения), компенсируя себя за неизбежный период ожидания великого империалистического наступления, до войны.

Обрабатывающая промышленность не может этого сделать, а если и может, то лишь в неизмеримо более слабой степени. Большая часть обрабатывающей промышленности, исключая химический трест, не организована монополистически и едва ли может поэтому реализовать добавочные прибыли на внутреннем рынке; напротив, благодаря иностранной конкуренции она должна постоянно сбывать свою продукцию на мировом рынке по убыточным ценам.

Субсидии, выдаваемые национал-социалистским правительством «старой либеральной» обрабатывающей промышленности, куда меньше тех, которые раздаются старому другу, Руру. А ни в одной из отраслей большого химического треста производство вооружений не играет такой роли, какую оно играет в Стальном тресте. Заготовить запасы отравляющих веществ, с капиталистической точки зрения — процесс очень несложный и быстрый, его нельзя сравнить с непрерывным производством тяжелых вооружений, требующих большого количества металла — с производством пушек, снарядов, военных судов, самолетов, танков и т. д.

В химической промышленности производство только таких военных материалов, как порох и взрывчатые вещества, требует больших вложений, но эти производства играют небольшую роль по сравнению с синтетическими производствами азотистых удобрений, красителей, фармацевтических товаров, искусственного шелка, синтетического бензина, химикалий для фотографии, медицинских средств. Именно эти экспортирующие, имеющие международное значение, отрасли «И.Г. Фарбениндурии» испытали теперь стремительное падение экспорта. В первый раз за все время существования этого треста, треста, который, судя по капиталу и количеству занятых рабочих, был даже больше Стального треста, в торговых отчетах начало сквозить явное беспокойство.

Вся колоссальная масса химических аппаратов, гигантских реторт, компрессоров и колб начала содрогаться словно перед взрывом. Все экспортные отрасли «И.Г. Фарбениндурии», которые дали в 1933 г. чистую прибыль в 49 млн. марок (против 89 млн. в 1930 г.), сообщали о резком падении продаж, падении, которого вовсе не показывали, или показывали далеко не в такой степени, его крупные международные конкуренты, как, например, британский химический трест¹.

¹ Американский трест Дюпон даже увеличил в первой половине 1934 г. свои прибыли, примерно, на две трети. Уже в 1933 г. было ясно, что в то время как американский химический трест может увеличить свою чистую прибыль на 64%, а британский химический трест показал даже рекордную за всю свою историю прибыль, германский трест «И.Г. Фарбениндурии» не делал никаких успехов. В условиях жестокой международной конкуренции между этими мировыми группами такое положение с капиталистической точки зрения было чревато серьезными последствиями.

Это была действительно серьезная опасность, опасность, грозившая нескольким миллиардам вложенного и участвующего в производстве капитала. Это могло означать, что для германского химического треста наступают времена, подобные тем, которые испытал тиссеновский рурский трест в 1932–1933 гг., когда он находился на грани полного краха и только Гитлер спас его в последнюю минуту. Теперь искали выхода «И.Г. Фарбениндустри» и вся обрабатывающая промышленность. Этот выход вел если не прямо против Гитлера, то, во всяком случае, против политики экспортной катастрофы, к новой политике спасения экспорта. Еще раз экономика была призвана повлиять на политику. *Пассивный платежный баланс Германии в первой половине 1934 г. изменил позицию химического треста, лидера обрабатывающей промышленности, по отношению к Гитлеру*, и это стало одним из добавочных факторов, действовавших за кулисами событий 30 июня.

То, что последовало затем, относится к области политики. Новый конфликт интересов между рурским трестом и химическим трестом впервые проявился в официальном органе управления промышленностью. Во главе этого управления стоял Кесслер, «лидер торговли и промышленности», назначенный национал-социалистами; он был директором-распорядителем известного электротехнического объединения Бергмана, т. е. одного из наиболее типичных предприятий обрабатывающей промышленности, и другом «И.Г. Фарбениндустри».¹ В течение многих лет «И.Г. Фарбениндустри» в качестве крупнейшего предприятия Германии имело право ставить во главе официальной промышленной корпорации своего представителя; сам президент «И.Г. Фарбениндустри» Дуйсберг долгое время был этим представителем.

Выявился открытый конфликт из-за курса германской торговой политики. Кесслер, поддерживаемый химической группой и обрабатывающей промышленностью, потребовал немедленного и решительного прекращения всей экономической политики, проводившейся до сих пор правительством. Эти группы требовали конца «автаркии», т. е. системы национальной самоизоляции и самоудовлетворения, прекращения губительной мании правительства к созданию «процветания в стране» и инфляции на внутреннем рынке посредством государственных заказов, военных заказов, субсидий и непроизводительных лагерей безработных. Эти группы настаивали на признании международных обязательств, на том, чтобы был положен конец безрассудной финансовой политике и вытекающему отсюда хаосу в области международного обмена, требуя взамен мобилизации всех сил и ресурсов государства для одной цели — экспорта, т. е. прорыва на мировой рынок. А это предполагало новую экономическую политику по всей линии.

Кесслер выработал для правительства план, воспреещающий субсидии и искусственные заказы отечественным производителям и заменяющий их широким развитием национального экспорта, даже по убыточным це-

¹ Кесслера не следует смешивать с *Кенлером*, тогдашним директором «экономического отдела» национал-социалистской партии, экономическим советником Гитлера и ставленником тяжелой промышленности.

нам, с тем чтобы как можно скорее отвоевать потерянные рынки. В то же время должно было быть возобновлено выполнение международных обязательств, чтобы обеспечить возможность нормальной международной торговли. Тяжелая промышленность и ее ставленники немедленно наложили «вето» на этот план и начали энергичное контрнаступление. Они настаивали на продолжении проводившегося до сих пор курса, первым принципом которого было «укрепление германской внутренней сырьевой базы», как заявил один из ораторов тяжелой промышленности граф фон дер Гольц, который сменил впоследствии Кесслера; они приняли гордую «национальную» позу, заявляя, что Германия не должна ставить себя в экспортную зависимость от питающих злые замыслы иностранцев. Они не захотели отказаться от особых прибылей, которые они получали на вооружениях.

Газета химического треста, знаменитая «Frankfurter Zeitung», которая с удивительным послушанием проделала национал-социалистскую эволюцию своих хозяев, превратившись из либеральной газеты, вроде «Manchester Guardian», в 99-процентный национал-социалистский орган, выступила фактически с открытой критикой по адресу правительственной торговой политики — случай небывалый в национал-социалистском государстве. В соответствии с мнением «опытных предпринимателей», выступающих против «близорукости», которая заводит «в тупик», газета химического капитала требовала экспорта и еще раз экспорта вместо государственных субсидий¹.

Теперь это был уже *политический* конфликт. И по существу вся новая экономическая программа оставшейся в проигрыше обрабатывающей промышленности уже не означала более просто ссору с тяжелой промышленностью; она означала политический разлад с системой национал-социализма и его правительством. Требуя отмены бойкота для германского экспорта, обрабатывающая промышленность автоматически становилась в оппозицию к гитлеровской антисемитской и крайней террористической политике внутри страны. Настаивая на том, чтобы положить конец преувеличенным заказам на вооружения, обрабатывающая промышленность уг-

¹ «Frankfurter Zeitung» писала, что «уже достаточно часто отмечалось, что промышленность не может как раз в данный момент ограничиться внутренним рынком, потому что он более удобен и, возможно, также более прибылен». «Экспортная усталость — это постоянное явление, сопровождающее бум в промышленности, потому что каждый промышленник склонен прежде всего сократить увеличившиеся издержки, хлопоты и риск, которые влечет за собой экспорт, если он может полностью снабдить свое предприятие отечественными заказами, особенно если это всегда желанные заказы со стороны государства. Опытные деловые люди и предприниматели признали, однако, что это и в нормальные времена является близорукостью. Теперь более чем когда-либо такой отказ от внешней торговли ввиду отечественных заказов был бы поистине заблуждением». Это была открытая атака на паразитическую военную промышленность, питаемую правительством, в пику которой газета требовала даже специальных премий для экспортной промышленности. Важно, между прочим, и то, что «Frankfurter Zeitung» — это единственная германская газета, которая даже теперь может позволить себе время от времени предаваться некоторой критике и является поэтому зачастую объектом нападков со стороны «Angriff», правительственного органа в Берлине.

рожала геринговским военным планам и правительственным военным приготовлениям. Этого было достаточно для того, чтобы заставить тяжелую промышленность и правительство принять контрмеры.

Старая линия торговой политики была сохранена в неприкосновенности, проект обрабатывающей промышленности исчез с горизонта; устранение Кесслера с поста «лидера торговли» полностью это подтверждало. Химический трест оттеснили назад и парализовали. С этой стороны химическому тресту нечего было искать поддержки. Он испытывал теперь нечто похожее на разочарование мелкой буржуазии. В такой момент отставной диктатор Шлейхер выступил в новой роли.

Химический трест не организовал подобно Рему «выступления» против Гитлера, он был для этого слишком фашистским и слишком реалистичным. Но ему пришлось еще раз выступить в качестве замаскированной оппозиции. Этот факт указывал на то, что давнишние гитлеровские оппоненты и соперники или оппозиционные группы внутри национал-социалистской партии могут теперь рассчитывать на новую поддержку из-за сцены; и что некоторые попытки, направленные, по-видимому, на изменение политического и экономического курса, имеют шансы на финансирование и поддержку. Здесь-то и скрывалась «спрятанная рука» «обширной капиталистической клики», которая «финансировала заговорщиков» и продажных «эmissаров совершенно определенных больших концернов», о чем в национал-социалистскую прессу просочилось несколько сообщений.

Таинственная «капиталистическая группа, которая в 1932 г. стояла в открытой оппозиции к фюреру, снабжая Гинденбургский комитет деньгами», называлась попросту «И.Г. Фарбениндустри». А Шлейхер был как раз человеком, который в течение ряда лет находился в непосредственном контакте с Дуйсбергом и химическими магнатами, так же как и с Отто Вольфом, черпавшим именно из этого источника наиболее значительную поддержку его «либеральной» политике. Вместе с Дуйсбергом, Вольфом и Гереке он был организатором Гинденбургского комитета, избирательного блока, созданного против Гитлера.

Он не занимал теперь официальной должности, но имел честолюбие и имел занятие. Он был стреляный воробей в «делах» конспиративных; непрерывные интриги вознесли его — маленького майора генерального штаба — над Сектом, Кесслером, Гренером, Брюнингом, до поста германского главнокомандующего и чуть ли не до роли политического диктатора. Шлейхер всегда считал, что важнее всего поддерживать специальные связи с самыми различными кругами: демократами и социал-демократами, католиками, Стальным шлемом, СА. Он пытался, даже будучи главой рейхсвера, одно время установить «связи» с коммунистами.

В конце 1932 г. Шлейхер заключил тайное соглашение с Грегором Штрассером, тогдашним лидером левого крыла национал-социалистской партии, для того, чтобы оторвать движение от Гитлера и образовать правительство Шлейхер — Штрассер. Теперь во главе этого крыла стоял другой национал-социалистский «радикал» — Рем; Рем также в течение ряда лет был связан с Шлейхером и помог ему свалить Гренера в 1932 г. Сам

Штрассер, со времени его устранения от национал-социалистского руководства и после прихода Гитлера к власти, был директором акционерного общества «Шеринг-Кальбаум», фармацевтического объединения, которое хотя и не принадлежало к «И.Г. Фарбениндустри», но относилось, тем не менее, к химической промышленности.

Эти три человека — Шлейхер, Штрассер и Рем — всегда были до некоторой степени «аутсайдерами в политике». Рем руководил теперь мелкой буржуазией. Шлейхер искал случая, чтобы снова оказаться наверху. Насколько далеко он зашел — это другой вопрос. Могущественный химический капитал и обрабатывающая промышленность нуждались в некотором давлении на правительство.

Это был заговор иного характера, чем заговор Рема и мелкой буржуазии. Но оба заговора шли, по меньшей мере, параллельно и метили в одну и ту же цель — Гитлера. Одна сторона могла более или менее невидимо влиять на другую. (Отсюда намеки в речах Гитлера в рейхстаге на таинственного «мистера А» и других «людей для связи»). Неважно, играл ли Рем эту двойную роль сознательно или нет. Очень возможно, что так оно и было; этот наемник был способен на все. Но эта интермедия доказала по крайней мере одну вещь, придав всей этой истории оттенок колоссальной трагикомедии. Если бы мелкая буржуазия действительно победила на этот раз в Германии, то не Рем, а, в конечном счете, химический трест и связанные с ним экономические интересы были бы действительными победителями и новыми господами Германии. Дуйсберг наследовал бы Тиссену, Лейна — Руру. Они должны были покорить СА, так же как и Гитлера, а Рем должен был стать их креатурой. Вот и все.

Однако мелкая буржуазия ничего об этом не знала. Она лихорадочно ждала своего «великого часа». И вот наступило 30 июня.

Глава IV. «Ночь длинного ножа», или апофеоз фашизма

И вот наступил день, когда потекли потоки крови, грязи и предательства, при помощи которых фашизм привык «делать историю»; это движение, которое никогда не борется в открытую, а всегда нападает из-за угла и впирается в горло. Обе стороны имели именно такой план. Обе клики были готовы применить одна к другой «стратегию поджога рейхстага», тактику гангстеров. Одни называли это «Второй революцией», другие «спасением авторитета». И те и другие говорили о возвышенных идеалах национал-социализма.

Уже за несколько недель до того первые выстрелы этого исторического уголовного фильма дали знать, что обе стороны готовы к террору. 21 марта на Унтер-ден-Линден в Берлине при ярком дневном свете была брошена ручная граната в автомобиль, принадлежащий главе берлинских СА и ближайшему интимному другу Рема, Эрнсту; граната была брошена

в нескольких шагах от здания геринговского министерства внутренних дел; в связи с этим был арестован и осужден ни в чем неповинный рабочий. 20 июня была предпринята попытка взорвать автомобиль, в котором находился начальник чернорубашечников и глава Гестапо Гиммлер, возвращавшийся с обряда перенесения праха первой жены Геринга в Шорфхайде возле Берлина; Гиммлера, очевидно, приняли за Гитлера.

Внезапно все вожди разразились полными угроз речами. Гесс вещал по радио: «Горе тем, кто нелоялен! Горе саботажникам и провокаторам!»¹ Гейнес орал перед 15 тыс. штурмовиков в Бреславле: «Хотите ли вы снова зажать маяк в сердцах наших людей? Скажите тогда «да». Хотите ли вы, как раньше, прыгнуть, чтобы схватить за горло врагов истинного германского социализма? Скажите тогда «да». (СА кричали «да».)² Рем разыгрывал роль прямодушного старого вояки в Мюнхене. Геринг публично жаловался, что «люди постоянно делают ему предложения шепотом»³. Папен поддерживал Гесса. Геббельс кричал пронзительнее всех остальных. 87-летний Гинденбург писал в своем дворце предсмертное завещание.

В течение недель шла эта артиллерийская подготовка, и гомосексуалисты, наркоманы, одержимые манией величия, и агенты капитала угрожали друг другу словно в припадке словесного недержания, в пароксизме многословия, особенно выделяющегося в стране, которую заставили молчать. Одни были похожи на других своими фальшивыми героическими позами и выглядели трагикомично из-за плохо скрытого страха, который каждый из них испытывал по отношению к другому. Прежде чем стрелять друг в друга из засады, им пришлось пустить в ход слова. Но единственный вопрос заключался в том, кто из них будет застрелен искуснее и быстрее.

То, что произошло в результате открытого состязания сил противников, не было случайностью; здесь не было места никаким случайностям. Военный исход этой свалки — столкновение Рема с Гитлером — был предрешен. Решала ни в коем случае не стратегическая или тактическая ситуация и соотношение сил между обеими сторонами, ни особая ловкость со стороны Гитлера или глупость и грубые ошибки со стороны Рема. Это следует отнести за счет одного из самых важных так же вероятно, как одного из самых малоизвестных, факторов современной мировой политики — фактора, который многие до сих пор еще недостаточно осознали, но который, тем не менее, играет и будет играть преобладающую роль в со-

¹ Гесс заявил за четыре дня до событий: «Может быть Адольф Гитлер сочтет однажды необходимым двинуть развитие вперед при помощи революционных средств. Это во всяком случае будет революция, направляемая им самим... Я считаю своим особым долгом, помимо всех повседневных насущных нужд и помимо компромиссов, к которым нас вынуждает в настоящий момент суровая реальность, всегда помнить о революционных целях национал-социализма, как в целом, так и в деталях. Залогом этого является моя честь». (Речь в Кельне 25 июня, передававшаяся всеми германскими радиостанциями.) Это была прямая попытка ввести в заблуждение тех, кому в то время СС уже готовились устроить резню.

² Речь на летних празднествах в Бреславле 20 июня.

³ Речь перед чиновниками прусского министерства внутренних дел 7 мая.

временном развитии событий: это неспособность *изолированной мелкой буржуазии к революционной борьбе*.

Рем стал жертвой своего социального окружения. Мелкая буржуазия борется и может бороться только тогда, когда она заранее уверена, что за ней стоит законная государственная власть; или, по крайней мере, в том случае, когда правительство бессильно и отдает свою власть без сопротивления, как это было с гинденбурговской Германией 1933 г. или, до того, в Италии Факта в 1921 г. При таких условиях фашистская мелкая буржуазия «атакует». Выражаясь более точно, она со своими террористическими бандами под защитой перешедших на ее сторону или «нейтральных» полиции и армии выжидает того момента, когда сможет броситься на своих «противников», уже подавленных и обезоруженных, когда сумеет убивать их, лучше всего в одиночку, т. е. в их квартирах или на улицах; но мелкая буржуазия редко выступает против сплоченных фаланг и баррикад. Такова обычная форма фашистского террора в момент взятия власти, террора, который объявляется победой, хотя это всего лишь карательная экспедиция против беззащитного народа. Она не имеет ничего общего ни с революцией, ни даже с мятежом; такие выступления мелкой буржуазии противоположны и тому и другому с точки зрения технической, стратегической и моральной.

Фашистская мелкая буржуазия никогда не наступает, если государственная власть не на ее стороне, а противник вооружен, развернул для боя свои колонны и хорошо укрепил позиции. В действительности мелкая буржуазия совершенно на это не способна; ведь классовое самосознание и классовая этика этих людей — мелких торговцев и лиц свободных профессий с их женами и семьями — не поднимаются так высоко, как того требует героический подвиг революции. Уютная квартирка и небольшое «дело», которыми они уже располагают, эта пусть маленькая, но все же доля в процветании капиталистического общества имеет для них большую притягательную силу, чем образ нового общества; и для этого класса, у которого нет цепей, но нет также и философии, нет трущоб, но нет и будущего, есть слова, но нет идей, — для этого класса не может, как для социалистического пролетариата, существовать научной убежденности и уверенности в победе.

Если же государственная власть не привлечена на сторону мелкой буржуазии, а противник организован, то мелкая буржуазия способна только на партизанские кустарные методы индивидуальных выступлений и индивидуального террора — так действовали всю свою жизнь Рем, Гейнес и др. после войны и до Гитлера. Участники этих актов сразу теряют мужество, когда встречают действительное сопротивление. Мелкая буржуазия ни за что не отважится сама выйти на улицу: она подождет пока улица для нее будет очищена (крупной буржуазией или ее отрядами). И как раз именно это *немедленно* обрекло Рема на гибель в тот момент, когда он должен был вступить в открытое вооруженное столкновение, в уличную войну с Гитлером.

Рем был победоносным, грозным, почти непобедимым военачальником в январе и марте 1933 г., когда по приглашению и под покровительством

правительства Гинденбурга, полиции фон Папена, рейхсвера Бломберга и всей крупной буржуазии он делал набеги и «побеждал» рабочих Веддинга, революционную молодежь Нейкельна, евреев из гетто с Гренадиштрассе. Одного за другим он запарывал насмерть или почти насмерть своих врагов и их жен, и в этом-то и состояла его «победа». С тем же самым Ремом, стоявшим во главе двухмиллионной армии, покончили 30 июня, как с евреем из гетто с Гренадиштрассе; ведь с военной точки зрения он не представлял собой ничего. Обратная сторона медали стала видна совершенно четко. Победитель 1933 г. оказался неспособным собрать в свою защиту хотя бы один корпус, хотя бы один полностью укомплектованный батальон¹.

Никогда еще не было столь постыдного поражения для военной силы таких гигантских размеров и для ее командиров. Эти гиганты были сделаны даже не из дерева, они были сделаны из того же материала, из которого делаются детские воздушные шары. История не забудет этого, так же как не забудет и тот класс, который история выдвигает вперед. Люди, застигшие врасплох и разогнавшие либеральную демократию как стадо баранов, потому что эта прогнившая демократия сдалась и обесчестила себя сама, потому что рабочие до этого были уstraшены террором и преследованиями, отброшены назад той же самой «демократией» с помощью штыков (ведь понадобился только поджог рейхстага, чтобы легализовать массовый террор против безоружного народа), — этих людей 30 июня вырезали даже без поджога рейхстага, без Гинденбурга и без полиции. Почему? Потому что мелкая буржуазия, которая призвала их и которая в душе все еще была вместе с ними, хранила молчание. Хранила молчание, как будто она и не существовала. Хранила молчание, когда ее лидеров поставили к стенке, да еще вдобавок смешали с грязью. Хранила молчание, когда командиров СА выгоняли из их квартир и казарм. Мелкая буржуазия даже не шевельнула пальцем. Почему?

Теперь полиция и армия, весь аппарат государства, был *против* нее. Чернорубашечники стояли со взятыми на прицел винтовками.

Не восстала ни одна массовая национал-социалистская организация. Политическая бюрократия, 1 017 тыс. чиновников различных национал-социалистских организаций выстроились во фронт перед правительствен-

¹ Тот, кто имеет уши для того, чтобы слышать, обнаружит в этом простом и на первый взгляд мелком факте «мене такел фарес» (грозное предупреждение) не только для Рема. Два года спустя великая испанская гражданская война 1936–1937 гг. дает удивительное подтверждение того же самого правила с новой точки зрения. Зрелище сейчас как раз обратное. Старая армия — испытанное оружие капиталистического государства — выступила против народного правительства с мавританскими войсками, иностранными легионерами и заграничными аэропланами. Такую же роль уже играла раньше реакционная армия в Германии (рейхсвер), в Италии и фашистских странах Юго-Восточной Европы и т. д. Против фашизма народ единодушен. С ним борется и мелкая буржуазия, борется также с героизмом и энтузиазмом, потому что на этот раз она на стороне *рабочего класса* (испанский народный фронт), потому что он повлиял на нее, ободрил, *возродил*. Только при таких обстоятельствах может она так бороться, и тогда народ непобедим, как в Испании.

ной кликой Берлина. Впоследствии были уволены только один или два из окружных политических руководителей (*Gauführer* в Померании Карпенштейн), все прочие были напуганы, они хорошо знали субординацию.

Из сотен различных национал-социалистских организаций всего только одна — студенческая — организация осмелилась (на это отважились даже ее верхи) издать слабый писк: трудно сказать, выражал ли этот писк возмущение или панику. А немедленных перемен в верхушке этой организации (снятия с поста студенческого лидера Штебеля) оказалось достаточным, чтобы мгновенно привести всю эту публику в чувство и обеспечить Герингу послушание — спокойное, как могила. Даже студенты, единственная группа, которая ранее совершенно открыто высказывалась за Рема и которая во всех других случаях всегда первая участвовала в фашистских выступлениях против рабочего класса, студенты, которые неизменно находились в первых рядах при всех террористических нападениях и «экспедициях» против рабочих, — даже эти герои, эти фашистские активисты не осмелились показаться на улицах; они сидели по домам и позволили Рему, своему идолу Гейнесу, «своему» легендарному герою Гейдебреку умереть. Это отвратительная история, но она логична и справедлива: фашистские массы лишь пожалели то, что посеяли.

Вот почему была обречена заранее вся «стратегия» Рема, вся наивная путчистская тактика устрашения, примененная мюнхенским штабом; все их приготовления к выступлению «ударных отрядов», переодетых в «часовых главного штаба», их план убийства Гитлера, намеченный ими план боевым сигналом поднять СА в Берлине в 4 часа пополудни и с помощью броневиков и реквизированных грузовиков занять правительственные здания, наконец, увенчание всего этого плана «ночи длинного ножа» двумя или тремя днями безудержного распутства, мародерства и кутежа штурмовиков.

Все это было крайне наивным, действительно глупым повторением «плана поджога рейхстага», когда Рем еще представлял правительство, а не только мелкую буржуазию, и когда ему и его штурмовикам в самом деле удалось в течение нескольких недель праздновать «ночи». Теперь он не нашел ничего лучшего, как поддаться этим сладким мечтам, собираясь повторить всю процедуру заново. На деле он зашел не особенно далеко; его приготовления были еще не закончены. Все, что ему в действительности удалось выполнить до 30 июня — это предъявить ультиматумы Гитлеру, в то время как Гитлер и сам был настороже, и сделать обычные технические приготовления к заговору самого тривиального сорта.

Но настоящего *военного массового выступления* против Гитлера не было, да и не могло быть. Для этого нужны были вожди иные, нежели Рем, и солдаты иные, нежели национал-социалистские лавочники. *Если бы мелкая буржуазия маршировала 30 июня вместе с рабочим классом и под его руководством, как это ныне имеет место благодаря единому фронту в Испании и во Франции, тогда дело обернулось бы по-другому*; тогда мелкая буржуазия смогла бы стать военной силой и занять крепкие, нам кажется, неприступные позиции против Гитлера. Но в действительности дело до этого не дошло, и лидеры ее попали на штыки гиммлеровских черноруба-

шечников и в кровавые подземелья садистов Гестапо. Вот почему другая клика смогла ударить почти без всякого труда, с такой поразительной легкостью. Вот почему в Мюнхене Гитлер сумел, ни на одну секунду не подвергаясь реальной опасности, убивать «мятежников» одного за другим (по три минуты на человека), превратив ремовскую «ночь длинного ножа» в варфоломеевскую ночь против Рема. Вот почему Геринг мог свирепствовать в Берлине, как Нерон, предав город оргии разгула и даже «расширяя полномочия на свой собственный страх» против тех, кого он, Геринг, ненавидел, боялся или просто не хотел бы видеть в живых¹.

Ведь только поэтому гора этой «второй» военной революции СА родила мышь такую же, как во время гражданского выступления «Боевой лиги» в середине 1933 г. Гитлеру не было никакой нужды подавлять восстание Рема. Он мог успокоить Рема простым нокаутом, послав несколько грузовиков с карательными командами своих чернорубашечников. Большего не требовалось. Результатом 30 июня как боевой схватки, как военного столкновения был поистине чудовищный позор, банкротство и измена фашистской мелкой буржуазии самой себе.

И все-таки во всем этом мелкая буржуазия показала лишь черты *внутренне ей присущие*. История национал-социалистского путча в Вене 25 июля 1934 г., четыре недели спустя, повторила и подтвердила эту картину с уничтожающей ясностью: и там так же полиция и армия были против путчистов, а мелкая буржуазия сидела дома. И там ни на одну секунду не было революции, массового восстания. Этот класс никогда не боролся со своими противниками в открытой битве, в открытом поле — даже знаменитый «Поход на Рим» Муссолини не являлся таковым — и никогда не побеждал в таком конфликте; этого никогда не будет.

Банкротство фашистских масс поразительно совпадало, словно следовало определенному закону, с другим явлением — личным банкротством *фашистских лидеров*. Конечно, их предали массы; но ведь могли же они, сражаясь, по крайней мере, дорого продать свои жизни. Что делали они в последний момент? Как использовали они последний шанс на исторической сцене? *Как они умирали?*

Рем, умирая, кричал и визжал, непрерывно повторяя: «Я не виновен!» Он не воспользовался против своих убийц даже брошенным ему револьвером. Рем, который десятки раз организовывал политические убийства, отдавал приказы об их выполнении, цинично восхвалял их как естественную необходимость, как солдатское ремесло, — кричал с пеной у рта: «То, что вы делаете со мной, это политическое убийство». Его припустили револьвером.

Эрнста, раненого и избитого до полусмерти, доставили на аэроплане в застенки Берлин-Лихтерфельд. Перед взводом чернорубашечников он упал на колени и молил о пощаде. «Хайль, Гитлер, — кричал он, — я

¹ Это объясняет отчасти убийства и массовые аресты большого количества людей, происходившие 30 июня и в других местах, но больше всего в Берлине (например, случай с помощниками фон Папена).

невиновен». Этот человек организовал и лично руководил расправой над берлинскими рабочими после поджога рейхстага.

Гейнес так визжал, что его было слышно буквально по всему Коричневому дому в Мюнхене. Известный начальник Ораниенбургского концентрационного лагеря, в течение целого года истязавший лучших людей Германии, Шефер удрал, как только услышал об опасности.

Штрассер, который может считаться творцом национал-социалистской идеологии, создателем национал-социалистской партии с большим правом, чем Гитлер, с большим основанием, чем Геббельс и Геринг, позволил агентам Геринга арестовать себя молча, без звука протеста, подобно малодушному буржуа. Еще живого, его затоптали насмерть в Грюневальдском лесу близ Берлина.

Единственным «мужчиной», если верить некоторым сообщениям, который лицом к лицу с убийцами нашел бесстрашные слова открытого протеста и обвинения, была... женщина, жена не-национал-социалистского генерала Шлейхера. Через мгновение она лежала с простреленной головой, но она оказалась сильнее Эрнста. Почти все мятежные вожди штурмовиков (за исключением бывшего летчика капитана Герда) кричали перед смертью: «Хайль, Гитлер».

Так умирали эти титаны фашизма, эти «сверхчеловеки», провозгласившие «новый мир сильного», эти «железные люди» «новой эпохи» (ведь Мосли и сейчас выражается в том же духе). Они умирали, как пораженные смертельным страхом животные. Они просили только о пощаде, как воришки, пойманные на месте преступления. Они уподоблялись в своем ничтожестве самым ничтожным из созданий. Так защищали они себя и свою «идею». Под дулами гитлеровских винтовок они только и делали, что кричали «хайль, Гитлер», пытаясь в последний момент выключить еще несколько мгновений. Даже тогда, когда не оставалось ничего другого, как взглянуть смерти в глаза, они лизали сапоги своих убийц со словами «хайль, Гитлер».

Так вели себя они, в течение недель и месяцев расстреливавшие революционных рабочих, борцов, стоявших перед палачами гордо и неприступно, не замечая своих убийц, со взором, устремленным в победоносное будущее человечества. Безвестный гамбургский рабочий и антифашист Лютгенс, умирая за революцию, благодарил своих убийц за оказываемую ему честь и умер с песней торжества на устах. Знаменитый фашистский лидер и герой Эрнст, диктатор берлинских штурмовиков и предмет обожания берлинских мещанок, перед смертью корчился, ползал по полу и плакал, как ребенок.

Это — не просто различие в степени храбрости у двух противников. Это — различие между двумя культурами, двумя историческими эпохами, различие между прошлым и будущим. Люди различны, потому что они представляют различные классы и различные исторические движения. Люди, которые шагают в ногу с историей, которые представляют собой передовую силу истории, которых эта сила, в свою очередь, ведет вперед, — эти люди не боятся смерти. Ход истории, ее высшие законы представляются им неизмеримо важнее их личной судьбы. В момент смерти от руки врага они

видят, подобно Канту, звездное небо над собой и моральный закон внутри себя. Но те, которые служат безнадежности, которые служат тлетворным силам прошлого, — носят в самих себе зародыш смерти. Жизнь их — это падение и страх. И даже за гордой, сверхчеловеческой позой вождя всех этих людей — «цезаря» Муссолини — таятся чувства бесконечно жалкие и низменные, а вместе с ними — безнадежность. А в самой глубине скрывается всегда одно и то же — страх, неизбежная расплата за службу пытающемуся повернуть историю вспять капитализму.

Эти люди, эти вожди ничтожны без поддержки капитала. Они бес-силны, если капитал, с его деньгами и организациями, не стоит за их спиной. Они нуль, если капитал отрекается от них. Это раз и навсегда доказано смертью германских фашистских лидеров 30 июня 1934 г., бес-славной смертью, смертью без сопротивления, без величия, смертью, словно описанной на страницах порнографического романа.

Это стало яснее, чем когда-либо, благодаря этому «апофеозу» гер-манского фашизма. Все обнажилось при дневном свете, обнаружился истинный ход вещей — ничто не осталось скрытым. Позой, фразой, декора-цией пришлось в этот момент пренебречь. Геббельсовские спектакли, про-славляющие порнографию, убийство и трусость, начались слишком по-здно — только два дня спустя. Неудивительно, что с той поры в предме-стьях Берлина, в трущобах Веддинга и Гамбурга и других городов смертель-ные враги фашизма чувствуют себя совсем по-иному и с новым чувством сжимают кулаки. Пусть их удалось застигнуть врасплох в день поджога рей-хстага, но как политические противники они еще никогда не были подав-лены. Победят *они*, а не Гитлер.

Нет титанов фашизма, нет непобедимых в гитлеровском лагере. По-крывало спало, осталась только истина. Вот почему атмосфера 30 июня была чиста в подлинном смысле этого слова. Кровь и грязь восстановили истину и этим облегчили путь тем, кто придет, чтобы любой ценой очис-тить эту страну — одну из прекраснейших в мире — от грязи и крови. После 30 июня Германия стала менее сентиментальной, чем когда-либо. Спра-ведливость, непреклонная суровость и научная ясность присущи тем, кто идет к цели, к новому, послефашистскому обществу. Ими руководит одна мысль: мы идем спасать ее — нашу Германию.

* * *

Но в эти дни решилась специфическая проблема 30 июня 1934 г. Сра-жение между олигархией, выталкивающей мелкую буржуазию из соци-ального организма нации, и мелкими буржуа, пытавшимися сопротив-ляться, кончилось сокрушительной победой олигархии. Классовый базис империи был создан, и завершались достижения 30 января 1933 г. Мелкая буржуазия была политически мертва. Рабочий класс все еще был лишен сил. Сбросивший путы империализм мог начинать свой поход.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Крестовый поход»

Глава I. Поход на Австрию

Гитлер у ворот Вены! Снова этот предостерегающий клич несется по Европе. Из того угла континента, который в течение ряда лет, казалось, обречен на то, чтобы подать сигнал к неожиданным событиям, доносятся победные клики, бряцание оружием и происходит передвижение приведенных в боевую готовность масс. Горизонт заволакивает тень грандиозного вторжения. Оно может начаться в Вене; никто не может предсказать, где оно кончится.

Историческая обстановка сейчас почти та же, что и два года назад. Гитлер атаковал Вену и был отброшен. Теперь, пополнив свои силы, с «легальными» аксессуарами и с удвоенной энергией, он готовится двинуть свой таран для того, чтобы пробить решающую брешь. Удастся ли ему это? Станут ли добычей генералиссимуса европейского фашизма Вена и все то, к чему она является одновременно и преддверием и барьером? Кто может преградить ему путь? Дольфус — маленький капрал Австрии — мертв. Его преемник Шушниг, окруженный врагами со всех сторон, стоит на страже Вены со смехотворной армией в несколько десятков тысяч человек и новыми «друзьями» в своем собственном правительстве и каждую минуту может ожидать удара в спину. Крошечная Австрия должна быть плотиной, сдерживающей национал-социалистские миллионы. Мир молча ожидает того, что произойдет, когда эта плотина будет окончательно прорвана.

Вена, по-видимому, одна из первых позиций на пути великого «наполеоновского» похода, и поэтому борьба за нее имеет мировое историческое значение. Если силы обороны окажутся слишком слабыми, чтобы выдержать атаку; если наступающая сторона будет достаточно сильна, чтобы нанести действительно решающий удар, — то ближайшее будущее континента внушает очень мало сомнений. Очевидно, что «перемирие», заключенное между Гитлером и Австрией в июле 1936 г., это только краткая передышка.

Необходимо детально изучить обстановку и соотношения сил. Сила, которая до сих пор выступала в качестве авангарда гитлеровской армии на этом фронте и которая сохраняет действительную инициативу, это австрийский национал-социализм; о нем много говорят и спорят, но поразительно мало знают, чем он является в действительности. Его значение ни-

когда еще не было так велико, как сейчас, после акта «братания». Он не отступил после убийства Дольфуса; он не отступит и после второго Сараево. Австрия по-прежнему остается постоянным очагом опасности, тем более опасным, чем менее виден тлеющий огонь. Путь 25 июля 1934 г. не был оставлен и не может быть оставлен. Первый вопрос, который нужно задать: какова правда об австрийском национал-социализме? Каково его происхождение, кто его вожди и каковы его шансы на захват Вены?

Чтобы ответить на этот вопрос как можно полнее, нужно заняться не Браунау (городок в Австрии, где родился Гитлер), но прежде всего той особой силой, которая доминирует во всей истории германского фашизма: грандиозной политикой и целями олигархического капитала Германии. Прогитлеровское движение за *аншлюсс* в Австрии с его сотнями тысяч активных приверженцев, с его могущественной политической организацией, с его легальными и нелегальными орудиями борьбы представляет стремительную политическую силу, захлестнувшую страну и в любой момент способную поднять волны «национальных страстей». Но фундамент был заложен раньше и гораздо глубже.

Австрия играет в тиссеновском великом «континентальном плане» весьма определенную роль¹; именно это с самого начала так накалило атмосферу, вызвав разнообразные действия с обеих сторон. Без экономики сегодня не только нельзя объяснять крупные политические явления, но нельзя даже их увидеть. Ведь в аграрной и католической Австрии социальные и политические условия столь явным образом отличаются от условий в Германии; местный, «туземный» фашизм (хеймвер) на деле склонялся в совершенно противоположную сторону, явно антигерманскую и антигитлеровскую. В судьбу Австрии задолго до «национального восстания» вмешались интересы Тиссена, и его хватка уже более не ослаблялась потому, что Австрия, целая страна, стала жизненной, неотделимой частью германского капитализма и ключом его окончательной программы спасения.

Эта программа требует как можно более быстрого превращения германского капитализма в трансевропейскую систему. Таково главное требование Рура, олигархии которого стало слишком тесно, так как она обладает слишком большими для одной нации капиталами и оборудованием и рассматривает теперь другие нации как объекты для поглощения. Она должна поглощать другие *нации*, как прежде она поглощала отдельные промышленные предприятия. Это — империализм в его последнем, безумном выражении; стадия, на которой он порождает фашизм. Рур, капитал которого, больше чем какая-либо другая сила, породил германский фашизм; Рур — эта громада сверхсовременных средств производства, угля, железа, машин и доведенного до невероятной интенсивности человеческого труда; Рур, которым управляют несколько олигархов, держит в своей орбите посредством бесчисленных нитей и индустриальных каналов всю Германию.

Но Германия с ее 70 миллионами жителей и с ее обнищавшими трудящимися массами недостаточна более для этой громады; достаточно об-

¹ См. «Гитлер над Европой?»

ширен для нее только континент. Это означает, что германская тяжелая промышленность, чтобы развиваться дальше, чтобы создавать еще больший, пользующийся абсолютной гегемонией производственный комплекс, который с экономической, политической и военной точки зрения не будет бояться никаких соперников, должна систематически поглощать другие промышленные зоны и рынки, целые части континента.

В Европе есть определенные индустриальные зоны или пункты, которые стоят первыми в этой программе завоевания — *неважно какова их национальная форма*, потому что они экономически необходимы для поступательного движения и наступления Рура. Одной из этих областей является Лотарингия, граничащая с Германией французская провинция, с сильно развитой тяжелой промышленностью, и ее железо (руда «минетт») в течение трех десятилетий висело над Руром как дамоклов меч, угрожая франко-германским отношениям. Другим районом был Саарский округ, уголь которого под французским контролем мог стать слишком серьезной угрозой для вестфальского угля. Следующая зона — это аграрные Балканы, зажатые в тиски «индустриализации»; они могут стать превосходнейшим покупателем машин, железнодорожного оборудования и вооружений, производимых в Эссене и Дюссельдорфе. «Интегральным» объектом для германской промышленности являются сегодня также Альпы, «белый уголь» которых, дешевая электроэнергия швейцарских горных склонов, составляет со времени войны и быстрого развития гидроэлектрических станций непосредственную угрозу Руру, поставщику другого источника энергии — угля; если бы Альпы были в финансовом и техническом отношении объединены с Руром, то они дали бы поистине гигантское увеличение его мощности¹. Даже на крайнем севере Европы, в Скандинавии, есть «пункт», который так или иначе является частью системы: это шведская горная провинция Гренгесберг, которая в случае войны должна стать одним из самых важных источников железной руды для германской Вестфалии.

Такова подлинная карта потенциальной, расширившейся «Рурской империи», так странно напоминающей о мечтах великих завоевателей времен феодализма; на первый взгляд, это только экономическая схема, но на самом деле это замысел, который, безусловно, может быть реализован политически, если будут продолжать существовать силы, вдохновляющие его. Так выглядит мировая политика сегодняшнего дня. В действительности

¹ Такова, например, без сомнения, была цель Тиссена за последние несколько лет. Его RWE (Rheinisch Westfälisches Elektrizitätswerk) — огромный электрический трест, работающий на рурском угле, с годовичным производством в 3,2 млрд. киловатт-часов, — преследовал честолюбивые планы присоединения своих проводов непосредственно к северным швейцарским станциям по ту сторону Рейна и уже частично выполнил эти планы (германо-швейцарская электрическая система Аеревеке в Брюгге, силовые станции Крафтвеке Рейнфельден и т. д.). Полное капиталистическое и техническое завоевание Альп было бы решающим шагом на пути к континентальной гегемонии германского угля и германской электроэнергии, в особенности гегемонии по отношению к Франции, Италии, дунайским странам, а следовательно, и Великобритании.

в этой форме сверхнационального разросшегося индустриального комплекса, несмотря на ее чудовищность, нет ничего противоестественного. Напротив, это естественная, необходимая форма, которую принимают производительные силы в эпоху современной техники.

Со времен Ватта, Сименса и Бессемера машинное оборудование выросло до таких гигантских размеров, достигло за счет ручного человеческого труда такого распространения и размаха, что его высшие агрегаты и их соединения должны прорывать границы отдельных стран, сталкиваясь с подобными же системами средств производства в других зонах и переплетаясь с ними. Машинное оборудование раз и навсегда переросло национальную систему капитализма; теперь оно является уже интернациональным. Конверторы производительностью в 800 т¹ и двигатели Дизеля в 15 тыс. л. с. в Эссене, колоссальные реторты на химических предприятиях Лейны, линии передачи альпийских электростанций, длиной в сотни, а быть может, вскоре и в тысячи километров, являются уже сегодня среди капиталистической анархии техническим фундаментом социалистической системы мировой экономики, системы, которая объединит конверторы, реторты и протянет электрические провода, пренебрегая границами, превратив Рур, Лейну, Лотарингию, Альпы, Южный Уэльс, Урал и Кузбасс в единую, огромную, органически связанную энергетическую систему. Именно эта система, действуя даже только несколько часов в день, в конце мрачного переходного периода, не только поддержит и восстановит силы истощенного, обескровленного, обессиленного человечества, но и быстро поднимет его на небывалый и невиданный уровень культуры и умственного развития. Но это дело социалистических инженеров будущего.

Сегодня гигантские системы производства все еще принадлежат капиталу, вернее, одержимым манией величия капиталистическим олигархиям, а это означает, что все развитие неизбежно обращается в свою прямую противоположность: в насильственное поглощение целых стран и наций уродливыми капиталистическими конгломератами вместо включения зрелых производительных сил в единое мировое общество. Вот это и объясняет деятельность фашистской олигархии в Германии. Она создает свою «империю» любой ценой и любыми средствами. И страна, которую она «присоединит» первой, неизбежный номер первый ее широкого плана, это — Австрия.

Что представляет собой Австрия? Это — красивая страна площадью 84 тыс. кв. км и имеющая 7 млн. жителей — высококультурных рабочих и исповедующих по традиции католицизм крестьян; это — узкий лоскут с германским населением в сердце многонациональной Центральной Европы; это — страна с избыточным сельским хозяйством, пораженными нищетой городами, острой классовой борьбой и страшно суженным, искусственно подорванным жизненным базисом; это — несчастный народ, находящийся в иностранной зависимости, не имеющий средств к самостоятельному существованию. Но с точки зрения «стратегического плана» вдохновителей «крестового похода» все это мало существенно. С этой точки зрения малень-

¹ Суточная производительность большой современной доменной печи.

кая Австрия нечто совсем другое. Это, во-первых, ключ к необъятному рынку, который представляет собой стомиллионное крестьянское население Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока, рынку, который в течение поколений привлекал к себе германскую промышленность.

Вена является до сих пор, и сейчас более чем когда-либо, главным узлом, обладание которым почти автоматически обеспечивает контроль над всеми остальными звеньями цепи Берлин — Багдад: над Венгрией, Румынией, Болгарией, Югославией, Турцией, Персией, — этого величайшего предприятия, которое когда-либо затевал германский финансовый капитал. Венский дунайский порт, венские, балканские и восточные железные дороги, венские банки и венские торговые связи — цель эта сама по себе так заманчива, что овладеть ею стоит любыми средствами; а стратегические позиции вокруг Вены открывают путь для армии, идущей победоносным маршем на юго-восток, до самого Черного моря и даже дальше — до Украины. Не миллионные, а *миллиардные* прибыли лежат вдоль этого пути, в конце которого Германия должна обрести нечто, не менее ценное для нее, чем Индия для Британской империи. Вена должна стать южным бастионом Эссена. А Вена находится в руках католических клерикалов и иностранного капитала. Но Австрия — это больше, чем транзитная станция; больше, чем Вена.

Есть в Австрии еще одно место, которое даже сильнее привлекает аппетиты германской олигархии и даже более тесно связано с самой их сущностью — это большие *запасы железной руды в Штирии*; и именно отсюда был нанесен первый удар по Австрии.

Небольшой горный хребет (всего 1350 м высоты) среди идиллических пейзажей живописной Штирии, окруженный маленькими южно-германскими городками и овеянный старинной феодально-католической атмосферой, содержит то, чего недостает Руру, — сырье для производства железа. Он скрывает запасы того вещества, которое в течение десятков лет приводило лидеров Рурской олигархии в состояние тревоги или холодного бешенства, потому что недостаток железа превращает главную опору их могущества — уголь — в беспомощного колосса на глиняных ногах. Чтобы укрепить этого колосса, они отваживались на самые рискованные предприятия в истории, никогда не останавливаясь перед тем, чтобы поставить на карту судьбу Германии: от конфликта в Марокко в 1911 г., едва не доведшего Германию до войны из-за концессий на разработку железорудных месторождений Крупп-Маннесман, через германские военные планы 1914 г., включавшие, по указке Стиннеса и Тиссена, полную аннексию французского лотарингского железорудного бассейна, до знаменитого брюннинговского таможенного союза с Австрией в 1929 г., который послужил косвенной причиной страшного экономического краха в Германии летом того же года и последовавших за ним политических потрясений.

Железо для рурского угля! Германские промышленники давно уже рыщут в поисках его по всему миру. Им никак не удавалось достать его в нужном количестве. Ныне, в горделивой «империи» Гитлера, они все еще должны получать железо от их самого опасного в Европе конкурента, от французского Комите де форж, который заставляет Круппа и Тиссена

За плечами Леонида
две книги – «Ангора»,
«Почему ведется
рурская война – 10%,
или нация» и четыре тюрьмы
(польская, Полицейпрезидиум,
Моабит и Плетцензее)

*Старшая сестра автора Полина.
Ее смертельная болезнь в начале 1933 года
привела будущего Эрнста Генри в Лондон.
Тем временем германская полиция произвела
в его берлинской квартире обыск*

ВДОХНОВИТЕЛЬ

...Возвращаться назад не советовали, мои фотографии и отпечатки пальцев были в берлинской полиции еще с 1922 года. По совету старого руководителя коммунистов Уильяма Галлахера я решил использовать пребывание в Лондоне для подготовки книги против германского фашизма...

Из воспоминаний Эрнста Генри

Уильям Галлахер

August 5, 1933

THE NEW STATESMAN AND NATION

THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN NAZI GERMANY

(1) THE GROUPS OF FIVE ("FÜNFERGRUPPEN")

[This article, based on intimate knowledge of the situation in Germany, throws light on a movement whose activities are known to few foreigners and probably to only a minority of Germans. The facts as set out by the writer are, we believe, not open to question; the opinions expressed are his own. Next week we hope to publish a second article by Mr. Henri on the revolutionary press in Germany.—ED., N.S. & N.]

Is there still a Germany to-day apart from Hitler? It appears to be unthinkable. The news which comes from Germany daily speaks of a sudden transformation of an entire nation—of the end of all parties, of the disappearance of all non-National Socialist organisations and leaders, of the cessation of all non-Fascist thought. There is nothing outside Hitler. That is the truth, but it is only half the truth. The other half is the existence of a new subterranean revolutionary Germany.

or on an excursion into the woods on a Sunday? In the larger workshops there are dozens of such groups of five, which work independently of each other as far as possible and often are not mutually acquainted. Should a group be discovered and arrested (or ejected from the shop) the others carry on. But they are co-ordinated from above; the leadership and central direction of all the groups of five in a town or in a local industrial establishment are in the hands of a higher authority, of a narrower and more exclusive conspiratorial organisation, the "sub-district committee," consisting of a few experienced revolutionaries. The contact between this local centre and the workshops is generally maintained by one individual, the revolutionary "workshop inspector," who holds the threads of all the groups of five in one single workshop. This works inspector has the most responsible and the most dangerous post in the entire anti-Fascist organisation, for he knows both the staff in the workshops and the secret addresses of the local centres. The whole attention of the Hitler police, and of the factory management which the Nazis appoint, is mainly directed to the discovery of these people. But that only happens in the rarest cases, and the anti-Fascist fighting spirit is so strong in the German factories that reinforcements

Статья в еженедельнике «New Statesman and Nation»: основа для будущей книги

«КРЕСТНАЯ МАТЬ»

Отцом писательницы Амабел Уильямс-Эллис был издатель влиятельного журнала «The Spectator», мужем – известный уэльский архитектор, работодателем – знаменитый писатель Герберт Уэллс. Неудивительно, что ей в голову приходили фантастически удачные идеи.

Амабел увлекалась детективными романами и ей хотелось усложнить возможные поиски автора агентами Гестапо в Англии, в частности затруднить выявление его национальности. Английские друзья звали его Генри. По совету г-жи Уильямс-Эллис, распространенное в Англии и Франции имя превратилось в фамилию, к которой было приставлено доброе немецкое имя «Эрнст».

Амабел Уильямс-Эллис
во время свадьбы в 1915 году

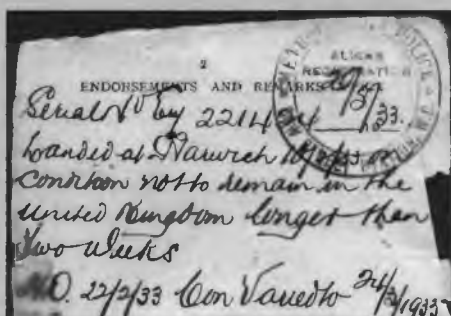
Амабел Уильямс-Эллис, распространенное в Англии и Франции имя превратилось в фамилию, к которой было приставлено доброе немецкое имя «Эрнст».

...и его
более влиятельный
коллега
сэр Герберт Самуэль

Британский вид на жительство

REGISTRATION CERTIFICATE No. <u>279143</u> ISSUED AS <u>Mr. Rostovsky</u> ON <u>20/8/33</u> NAME (Surname first in Roman Capitals) <u>ROSTOVSKY Simon</u> ALIAS Left Thumb Print (if unable to sign name in English Characters) PHOTOGRAPH Signature of Holder <u>S. Rostovsky</u>		NATIONALITY Nationality <u>Russian</u> Date of Birth <u>17/1/1900</u> Previous Nationality (if any) Profession or Occupation <u>Teacher</u> Single or Married <u>Single</u> Address or Residence <u>11 Chalcraft Road, Huddersfield</u> Arrived in United Kingdom on <u>10/1/33</u> Address of last Residence outside U.K. <u>Berlin Germany</u> Government Service Remarks (if other papers of Nationality and Identity) <u>See Rostovsky's passport No. 157/1</u>
---	--	--

Неудачливый заступник
Генри Джордж Ленсбери...

Во время работы над «Гитлером над Европой?» над Эрнстом Генри нависла угроза депортации из Англии. Заступничество «лидера оппозиции Его Величества», главы лейбористской партии Джорджа Ленсбери и даже личный визит экс-главы МВД Джорджа Клайнса в свои бывшие владения не помогли. От выдворения из страны писателя спас другой бывший министр внутренних дел – лидер либералов сэр Герберт Самуэль

Михаил
Тухачевский

КРУГ ПОСВЯЩЕННЫХ

Иван
Майский

...Никому, кроме ближайших друзей и советского посла в Лондоне И.М.Майского, обо всем этом тогда не было сказано. В лондонском издательстве «Дент», выпускавшем книгу, был осведомлен один человек – Ричард Черч, в нью-йоркском издательстве «Саймон энд Шустер» об авторе не знал никто. В советском Соцэкгизе был информирован директор; одно время это был Бела Кун. Как мне впоследствии рассказал А.Н.Толстой, об авторе знали также маршал Тухачевский и некоторые другие. В Париже был осведомлен немецкий коммунист Вилли Мюнценберг, возглавлявший тогда издательство «Каррефур»...

Из воспоминаний Эрнста Гёнри

Крупнейший британский медиа-магнат и владелец газеты «Daily Mail» (тираж в 30-ые годы около 1 миллиона экземпляров) лорд Ротермир активно заигрывал с Гитлером. Но весной 1934 года он вдруг выступил с призывом создания в Англии по-настоящему мощных военно-воздушных сил. В качестве одного из аргументов глава Флит-стрит использовал только что вышедшую книгу таинственного Эрнста Гёнри.

Лорд Ротермир и фюрер, 1930-е годы

Daily Mail

МЫ ДОЛЖНЫ ПРОСНУТЬСЯ

...Германия считает, что она имеет полное право наращивать мощь своих ВВС. И есть все признаки того, что она намерена это сделать как можно быстрее. Германия обладает одним особым преимуществом: под руководством ее лидера Гитлера находятся люди, которые служили в ВВС во время войны и прекрасно разбираются в авиации. Поразительные подтверждения приговоров Гитлера приводятся в книге Эрнста Гёнри «Гитлер над Европой?»...

Из передовой статьи «Daily Mail», 2 апреля 1934 г.

...Создание ежедневного бюллетеня «Soviet War News» и еженедельника «Soviet War Weekly» «имело несомненный успех, чему в немалой степени способствовал удачный выбор редактора в лице С.Н.Ростовского. Ростовский был человек политически очень знающий и образованный, превосходный знаток международных отношений, способный журналист, владеющий несколькими языками... Вдобавок Ростовский был настоящим газетчиком и отличался большой работоспособностью»...

Из воспоминаний посла СССР в Лондоне в 1932–1943 гг. Ивана Майского

Редакция «Soviet War Weekly» в 1943 г.

В Гжатске в «эрзац-валенках»

С членами Военного совета 5-ой Армии

Немецкое кладбище в Гжатске

Беседа с местными жителями

В деревне под Вязьмой

Со священником Алексеевым в Гжатске

*С наркомом
иностраннх дел СССР
Вячеславом Молотовым.*

*Лондон.
27 сентября 1945 года*

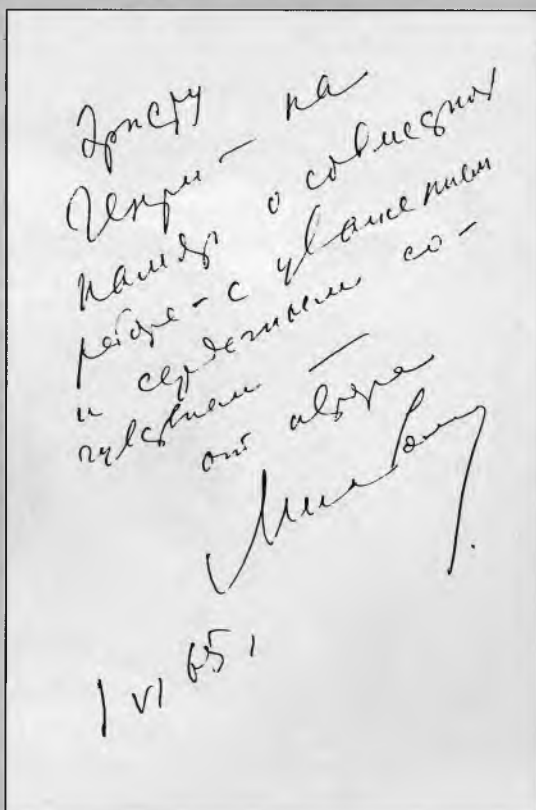
*В бывшем сердце гитлеровской империи и городе своей юности.
Берлин, 1969 г.*

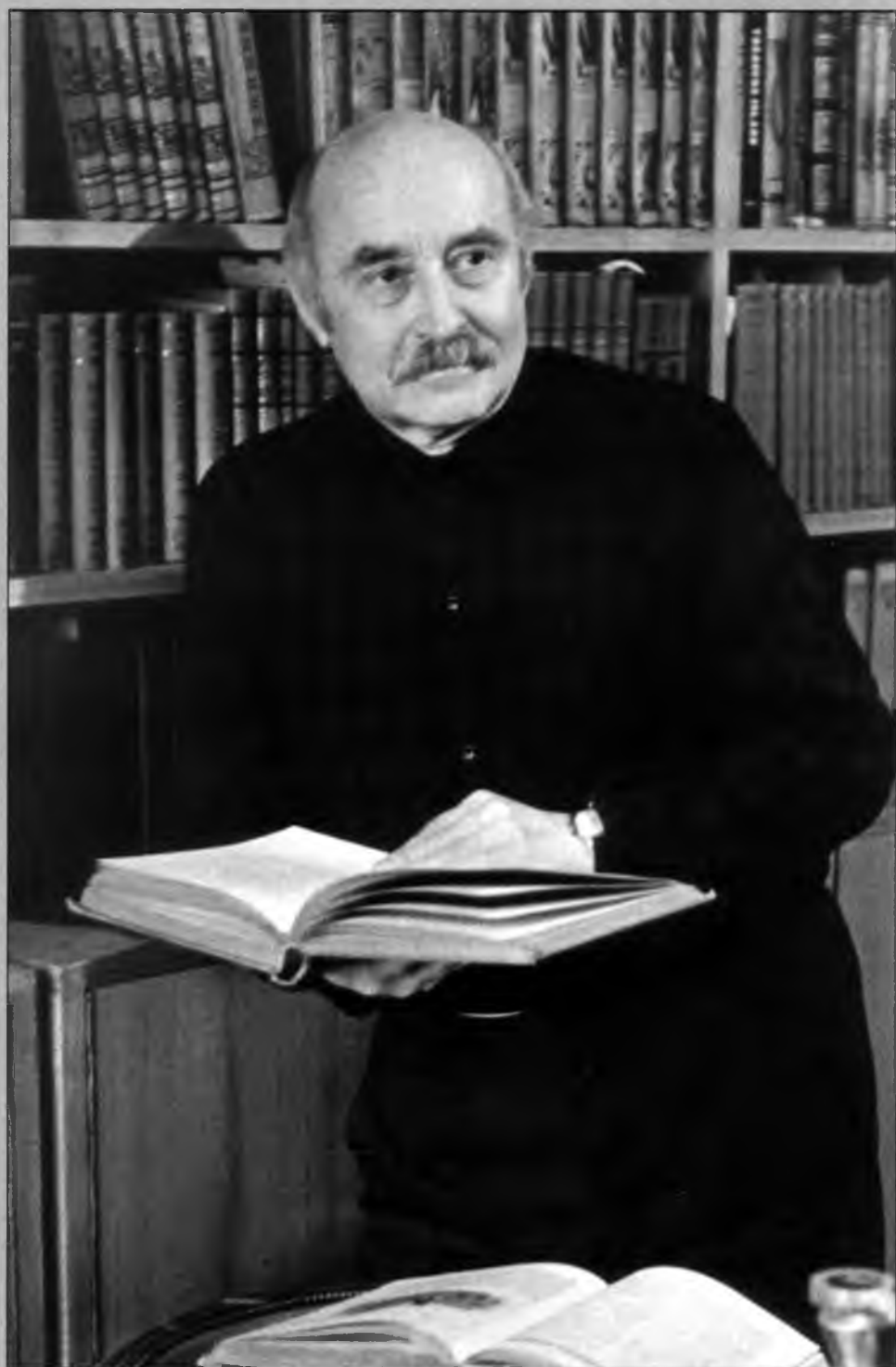

Кинорежиссер Михаил Ромм

В 1965 году Эрнст Генри вернулся к теме Гитлера: стал научным консультантом Михаила Ромма при создании фильма «Обыкновенный фашизм».

На память о совместной работе
Ромм подарил Генри свою книгу
«Беседы о кино»

Эрнст Генри в своей московской квартире. 1973 г.

зависеть от их величайшего недруга де Венделя, бывшего некогда вдохновителем оккупации Рура. Они даже не могут быть уверены в бесперебойном снабжении железом из Швеции, второго крупнейшего в Европе производителя после Лотарингии, так как контролирующий рудники с запасами, оценивающимися в 2 млрд. т, шведский «Гренгесбергский трест» в течение ряда лет был участником некоего «молчаливого» соглашения с французской группой. Гитлер не внес изменения в это соотношение сил. А ведь от этого соотношения сил зависит не только исход всего «тиссеновского плана» индустриального завоевания Европы — на карту поставлена непосредственная судьба германских вооружений.

Уголь Рура не может более оставаться в тисках железа, которые будут сжиматься все сильнее по мере развития генерального конфликта с Францией и остальной Европой. Единственное орудие, которое, хотя бы в ограниченной степени, может освободить эти тиски еще до начала и завершения гитлеровских великих континентальных завоеваний, — это железо Штирии. Это единственные крупные железорудные разработки во всей зоне, где проживают говорящие по-немецки народы Европы. Их отделяет от Германии всего только граница, а в финансовом отношении они уже находятся в руках Рура.

Кому принадлежат железные рудники в Штирии? Официально — крупнейшей промышленной компании в Австрии, *Oesterreichisch-Alpine Montangesellschaft* (Австрийская альпийская горная компания); имея 8 тыс. рабочих, располагая большими доменными печами, сталелитейными заводами и заводом железнодорожного оборудования, эта компания возвышается в маленькой стране сельского хозяйства, лесоводства, легкой промышленности и торговли, как чужеродное, искусственно выращенное тело. Кто вырастил его здесь?

Пятьдесят лет назад монархический австрийский клерикализм, испугавшись растущей мощи еврейских банков, занялся фантастической попыткой создать «христианскую лигу» за «свержение еврейского мирового финансового господства» и начал поощрять промышленные предприятия в Австрии. В союзе с французскими иезуитами и аристократами эта группа наняла французского биржевого спекулянта, Евгения Бонту, который в течение нескольких недель выдерживал сенсационный поединок с Ротшильдами, закончившийся катастрофой и разорением тысяч католических семей в Европе — семей высшей знати, духовенства и мелкой буржуазии. (Знаменитый крах «*Union Générale*» в 1882 г.)

Одним из осколков этой авантюры была Альпийская горная компания, которая около пятидесяти лет не имела почти никакого значения. Затем непосредственно по окончании мировой войны появился человек, который подобрал и укрепил ее, сразу поставив в самый центр современной империалистической политики в дунайской Европе: это был Гуго Стиннес, стальной король Германии. Этот человек знал свой час и понимал значение Альпийской горной компании. Он также был антисемитом, и он был подлинным предтечей национал-социализма. У Стиннеса были широкие замыслы — он думал о грядущей битве с Францией и всеми

прочими соперниками за господство в «Mitteleuropa». Тиссен и его агенты до сих пор еще действуют в соответствии с планом и диспозициями, намеченными этим «Шлиффеном» германского капитала.

Еще в 1921 г. Стиннес приобрел 200 тыс. акций Альпийской горной компании, а позже стал собственником 51% всего ее капитала. Эти акции были частью большого стиннесовского наследства, вокруг которого свирепствовала такая длительная и драматическая «война за наследство» между лидерами Рура, католическо-еврейско-либеральной группой Отто Вольфа, с одной стороны, и лагерем старых прусских ультрареакционных и фашистских угольных баронов, — с другой.

Когда Тиссен с помощью Гитлера приобрел контроль над Вестфальским стальным трестом (Vereinigte Stahlwerke A.G.), он имел в своих руках также и большинство акций Альпийской горной компании, а в 1934 г. совет директоров австрийской компании состоял из следующих лиц: председатель — доктор Альберт Феглер, главный директор-распорядитель Рурского треста; вице-председатель, доктор Оскар Земпель, директор-распорядитель того же треста; сам Фриц Тиссен с ближайшим коллегой и оруженосцем своего покойного отца Карлом Рабесом; тиссеновский союзник «стальной король Центральной Германии» Фридрих Флик (бывший помощник Стиннеса); еще один директор Стального треста Фаренхорст; вдобавок в качестве финансовых представителей Рура, четыре директора крупных германских банков, в числе их три еврея¹.

Более узкое техническое и административное руководство Альпийской компании находилось в руках двух людей: главного управляющего, господина инженера Антона Апольда, германского, а не австрийского подданного; «центрального управляющего», господина инженера Августа Цальбрюкнера, зятя господина инженера Антона Апольда. Вся компания составляла нечто вроде австрийского филиала господина Тиссена. Они держали в своих руках 51% акций; соучастниками в совете компании было около полудюжины австрийцев и чистокровных евреев (Фридлендер, Оппенгейм и т. д.). «Расовая проблема» в Австрии решительно не отличалась от «расовой проблемы» в Германии.

Получив такую финансовую поддержку, Альпийская горная компания, обладающая крупными залежами и насчитывающая 8 тыс. рабочих, уже в течение ряда лет представляет собой широко известный обширный филиал германской тяжелой промышленности в Австрии, особенно замечательный тем, что он является наиболее далеко выдвинутым аванпостом

¹ Быть может, небезынтересно назвать их имена, как пример невыдержанности принципов великого движения «арийского пробуждения». Почти все это — старинные, известные в истории германского капитализма, имена: Георг Сольмсен, урожденный Саломонзон, из Дойче банка; Ганс Фюрстенберг из берлинского Хандельс гезельшафт и Якоб Гольдшмидт, тот самый «блистательный» Гольдшмидт, который первый помог Тиссену в его борьбе против Дойче банка и затем, по видимому, в благодарность за это был устранен Тиссеном из германских банковских директоратов. Будучи слишком «блистателен», он продолжает, однако, сейчас служить новым хозяевам — за границей.

рурского капитала на Дунае и его незаменимым крупным резервом железной руды. Эта компания регулярно каждый месяц поставляет германскому Стальному тресту определенное количество железной руды, получая от него в свою очередь такое же количество рурского кокса. Это снабжение Рура с юго-востока, где до сих пор запасы разрабатывались еще далеко не полностью, приобретало все большее значение по мере того, как поединок рурской группы с французскими железными магнатами на Западе становился все более острым, и по мере того, как развивалась международная изоляция германской промышленности.

Рур не мог и не может выпустить штирийскую железную руду из своих рук. Более того, этот филиал Эссена уже насаждает в самой Австрии тяжелую промышленность, которая может в свое время легко стать естественным центром стальной промышленности всего дунайского бассейна, Балкан и Италии. В 1933 г. производственная мощность сталелитейного оборудования Альпийской горной компании достигла $\frac{3}{4}$ млн. т; правда, компания производила всего около 200 тыс. т стали, но из-за кризиса оборудование использовалось только на одну четверть производственной мощности. Если бы Австрия подпала, наконец, под полное владычество Германии, то нет никакого сомнения, что германские стальные короли создали бы там новую, во все стороны распространяющую свои щупальца, техническую базу. Этот центр, без сомнения, занял бы в первую очередь ключевую позицию в деле сооружения новых железных дорог и поставки вооружений «неразвитым» странам на Балканах и Ближнем Востоке, что издавна является заветным планом и мечтой всех производителей стали в Европе.

Все это делает Альпийскую горную компанию безусловно самым важным промышленным предприятием в Австрии; расположенная в этой маленькой стране, производящей, главным образом, продукты легкой промышленности, она как полип выросла в экономическую жизнь государства. А это, в свою очередь также связывая экономику с политикой, не могло не сделать Альпийскую горную компанию чем-то гораздо более серьезным. *Тиссеневские залежи железной руды в Штирии начали порождать австрийский гитлеризм с той же методичностью, как тиссеневские залежи угля в Вестфалии породили германский гитлеризм.*

Таковы универсальный «эффект» и логика современной капиталистической «социологии». Разница состоит в том, что в Австрии, которая была только «подчиненной» страной и вступила в игру значительно позднее, этот процесс выращивания фашизма был организован и проведен куда более сознательно и обдуманно, чем в Германии. Не Гитлер, Геринг или Геббельс, но директора «Vereinigte Stahlwerke A.G.» образовали действительное ядро, крупнейшую материальную силу, стоящую за растущей германской национал-социалистской партией. В Австрии этим наиболее активным фактором, стоявшим за Габихтом, Фрауенфельдом, Прокшем и другими героями венских национал-социалистов, был, вероятно, доктор Антон Апольд, директор-распорядитель Альпийской горной компании.

Апольд — это не только человек, который 25 июля 1934 г. официально фигурировал в списке, объявленном путчистами, штурмовавшими дво-

рец канцлера, в качестве министра торговли в новом правительстве «победителей»; он должен был и на самом деле стать одним из его действительных руководителей за спиной Ринтелейна. Апольд — это человек, который за один год — 1933—1934 — может быть, более чем кто-либо другой в Австрии помог превратить незначительную лигу в десять или двадцать тысяч бездельников, хулиганов и мальчишек, не пользующихся никаким влиянием и вряд ли заслуживающих упоминания (таковы были австрийские национал-социалисты до 1933 г.), — в мощное, широкое и внушительно организованное, вооруженное до зубов массовое движение (так выглядел австрийский национал-социализм в июле 1934 г.). Национал-социалисты существовали в Австрии уже далеко не первый год, они славились тем, что устраивали большую шумиху, постоянно сменяли своих вождей (Гитлеру повторно приходилось назначать своих «инспекторов» и «эmissаров» из Мюнхена, чтобы успокаивать эту публику) и имели склонность расшищать партийные фонды. В общем же они казались безобидными юношами с подлинно «австрийскими» беспечными манерами.

Мало кто принимал всерьез нечистоплотного банковского клерка Фрауенфельда; его принимали всерьез еще менее, чем в свое время бывшего капрала Гитлера. В 1928 г. вся партия насчитывала 7 тыс. членов. Это было в те времена, когда движением руководили из Вены. Затем началось великое политическое наступление германского крупного капитала, и произошла победа Гитлера в Берлине. И теперь центром австрийского национал-социалистского движения является в значительной степени *Леобен*, резиденция Альпийской горной компании, австрийский Эссен. Картина резко изменилась.

Альпийская горная компания стала очень много значить для пробудившегося австрийского национал-социализма: она стала секцией его тайного генерального штаба, его сильнейшей массовой местной организацией, его финансовым центром и одним из его главных военных arsenалов. Мало того, что Апольд, Цальбрюкнер и другие инженеры и высшие служащие компании были национал-социалистами, играющими очень важные роли в ответственных партийных органах, но также и 90% из 8 тыс. рабочих и служащих различных предприятий компании в Штирии и Каринтии были набраны из числа национал-социалистов; от остальных своевременно избавились.

Эти люди держали в своей власти все окрестности, все провинции, в которых расположены их заводы. В этой части Австрии преторианцы стальной компании и национал-социалистской партии совместно диктовали законы, давали распоряжения местным властям — вплоть до мэров и жандармов, терроризировали без стеснения жителей нефашистов и выставляли напоказ свое оружие. В рудниках, на заводах и товарных складах, в конторах компании хранилось огромное количество пулеметов, оружия и снаряжения (позднее оружие было обнаружено даже в машинных отделениях домен); а из главного управления компании летели письменные инструкции тайным отрядам СА в Вене, бригадам СС в Инсбруке и тайным национал-социалистским агентам в полиции, армии и правительстве.

Именно отсюда шли прямые нити в «Управление IV (Австрия)» самостоятельного иностранного ведомства господина Розенберга в Берлине и, конечно, еще более прямая связь — к высшему руководству в Дюссельдорфе¹.

Самым характерным является, однако, тот факт, что Альпийская горная компания во время всего процесса развязывания сил австрийского массового фашистского движения действовала с коммерческой точки зрения почти таким же образом, как тиссеновский синдикат в Германии во время развития национал-социалистской партии. Она субсидировала фашистское движение непосредственно из специальных *фондов сверхприбылей*. Это — один из основных и наиболее интересных фактов в современной истории отношений между фашизмом и крупным капиталом; фактов, которые, постоянно повторяясь, становятся почти законом.

Откуда шли средства на финансирование и выращивание первых побегов фашизма? Когда в опасности оказались германские тресты и синдикаты, те самые тресты и синдикаты, которые, благодаря своему неоспоримо монопольному положению, приносили огромные сверхприбыли за счет потребителей и были столпами всей социальной мощи германских угольных королей, последние решили, что лучше испытать новую тактику, нежели рисковать всем. На специальном собрании Германского угольного синдиката было решено регулярно передавать в фонды фашистских организаций известную часть так называемого «угольного обложения» — добавочной цены, которую синдикат заставлял платить германского внутреннего потребителя, цены гораздо более высокой, чем экспортные цены. Таково было официально принятое решение. Для его выполнения существовал в качестве посредника специальный орган — знаменитая «Северо-Западная группа германской железнорудной промышленности», которая передавала деньги от Тиссена Гитлеру. Германская олигархия обратила часть своих избыточных средств на большое «политическое» вложение; на время оно стало постоянным филиалом основного предприятия.

Как поступила Альпийская горная компания в Австрии год спустя, в 1934 г.? Защищенная своим правительством высокими таможенными пошлинами и маскируя свою деятельность при помощи различных финансовых и бухгалтерских махинаций², она продавала свои товары в Австрии по цене, на 50% превышающей издержки производства. Эта цифра была подсчитана венской «Wiener Zeitung». Сверхприбыли концерна были, следо-

¹ Германские управляющие двух других, более мелких, предприятий Рура в Австрии действовали в том же направлении: Фриц Гамбургер, директор-распорядитель фабрики металлоизделий Артура Круппа в Берндорфе — филиала эссенского Круппа, и Конрад Эрдман, управляющий магнетитовых предприятий Радентгейнера в Каринтии — тиссеновской компании. И та и другая компании пронизали свой штат членами национал-социалистской партии и снабдили их оружием.

² При помощи, например, широко применяющихся методов показывания фиктивных «потерь» и «обесценений» в балансах или искусственным введением различных «посреднических» и «независимых» компаний в производстве, продажах и т. д., прибыли которых причисляются к издержкам, в то время как в действительности эти компании только подставные лица того же самого концерна.

вательно, действительно громадны; и немалая их доля перешла, как будет показано ниже, в фонды австрийской национал-социалистской партии. Вот каким образом Фрауенфельды, Габихты, Гоферы и пр. «выкарабкались» наверх! В 1934 г. одни потери на «обесценение», официально показанные в книгах Альпийской горной компании, достигли 5,11 млн. австрийских шиллингов; по этой цифре можно составить себе смутное представление о всех вложенных в это дело суммах. Вот как подготовлялось 25 июля 1934 г.

В этом заключается одна из подлинных главных причин того, что австрийский национал-социализм, такой невзрачный и даже почти «забавный» прежде, оказался способным всего за один год вырасти до таких внушительных размеров, несмотря на Дольфуса, несмотря на хеймвер и полицию, несмотря на знаменитые, якобы извечные, австрийские «добродушие» и «миролюбие»; но когда стали бурно проявлять себя политические и экономические силы, то для всех этих прекрасных качеств не нашлось места, и особенности «национальной психологии» оказались недействительными.

Венский гитлеризм выступил в поход — моторизованный и наэлектризованный, главным образом, из Леобена. Национал-социалистская главная квартира в Берлине должна была только помочь и ободрить это выступление всеми имеющимися в ее распоряжении способами. Это и было сделано. И здесь кроется одна из причин того, почему правительство Дольфуса, правительство клерикальных помещиков, покорных крестьян и проитальянских фашистов, несмотря на все свои старания, все «усилия», несмотря на законы и «чистки», не могло пресечь это «тайнственное» движение. Неуязвимое и ускользающее, оно оставалось вне пределов досягаемости. Фрауенфельд был арестован. Габихт был выслан, сотни других политических вождей национал-социалистов были помещены в концентрационные лагеря. Но действительный нерв этой партии внутри страны не был обнаружен и не мог быть обнаружен. Что можно было поделывать против железа Штирии? Господин Апольд пребывал в полном здравии и безопасности в Леобене. А господин Дольфус был убит.

И все-таки австрийский национал-социализм был на этот раз разбит, благодаря существованию какой-то другой силы. Эта сила исходила не из самой Австрии и не была ни клерикально-католическим лагерем с его вооруженными крестьянами, ни социалистическим австрийским рабочим классом, пора которого еще не наступила. Это была сила, весьма схожая с гитлеризмом, шедшая с юга, с Апеннин, и противостоящая северной державе с другого берега Дуная. *Муссолини отразил атаку Гитлера*. Почему? Как могло случиться, что один фашизм встал против другого, если оба имели, по-видимому, одни и те же «идеалы» и одних и тех же врагов. Ведь люди вроде сэра Освальда Мосли постоянно произносят подобные заклинания? Кто был виноват в этом извращении идеалов, которое, вероятно, не скоро повторится?

Ответ прост; он не имеет ничего общего с высокими философскими проблемами или неведомыми личными разногласиями. Противопоставление фашизма против фашизма, Муссолини против Гитлера возможно и, несмотря на все, остается актуальным, потому что за ним кроется более

глубокое и непреложное противопоставление — империализм против империализма. Тут ничего нельзя изменить. Империализм порождает фашизм, направляет его и воспламеняет на нечто чудовищное и безграничное; но он также и раскалывает фашизм своими собственными противоречиями. Это «эпохальное» движение, призванное «облегчить» все тяготы и «разрешить» все проблемы, меньше всего может положить конец разрушительным тенденциям в современном мире; оно ухудшает и обостряет их как никогда раньше.

Если международный конфликт между германским фашизмом и западноевропейским «либерализмом» до известной степени несомненно, исходит из соперничества между концентрированными производительными силами Рура и Лотарингии, или Рура и Шеффилда (в соответствии с экспансионистским «тиссеновским континентальным планом» и противоположными тенденциями), то борьба между германскими и итальянскими фашистами с такой же необходимостью вытекает из *капиталистической полярности Рур — Апеннины*. Говоря более конкретно: Муссолини выступает против Гитлера и антидемократическая Италия выступает против антидемократической Германии, потому что жизненные интересы Банка коммерциале итальяна сталкиваются с жизненными интересами Ферейнигте Штальверке А.Г., интересы господина Фрица Тиссена — с интересами синьора Джузеппе Теплица. Они сталкиваются как раз на полдороге — там, где находятся залежи штирийской железной руды. И в результате — постоянные потрясения в Австрии.

Глава II. Борьба между Тиссеном и Муссолини

Что случилось за период с 1933 г., когда непосредственно после прихода Гитлера к власти возникла пылкая итало-германская дружба — на деле фактическая Антанта, и до 25 июля 1934 г., когда произошла дикая кровавая схватка, едва не вызвавшая германо-итальянскую войну и резко изменившая всю дипломатическую карту Европы? Что произошло за кулисами этого разрыва, для которого, казалось, не было никаких оснований, и его бурная развязка застала континент врасплох?

Внутренние силы германского и итальянского капитализма не стоят по отношению друг к другу в явном конфликте, между ними нет такой неистовой вражды, какая существует, например, между Францией и Германией. Один из них высоко развит. Другой отличается не особенно высоким промышленным развитием, его сферой до сих пор является, главным образом, сельское хозяйство. Один производит уголь, железо, машины, пушки, химические продукты, локомотивы, электрооборудование, самолеты. Другой поставяет фрукты, овощи, вино, шелк, текстиль и музыкальные инструменты. Один вывозит внушительную продукцию тяжелой промышленности Рура, Лейны и Берлина. Другой продает деликатную продукцию солнечных полей Италии, результаты труда итальянских крестьян, и безделушки туристам Флоренции и Неаполя. Один поглощен производством

средств производства. Другой сосредоточен на производстве предметов потребления. Выход для одного из них ведет к Атлантическому океану. Сфера другого — Средиземное море.

Здесь нет антагонизма, но есть, напротив, базис для взаимного притяжения. Германская и итальянская промышленность могут питать и поддерживать друг друга, а Рим, Милан и Неаполь становятся прямыми партнерами Эссена, Франкфурта и Гамбурга. Но в мире империализма даже это естественное равновесие включает в себе тенденцию к взрыву. Муссолини мог и должен был бы объединиться с Гитлером и образовать новую огромную силу, охватывающую континент; по политическим, экономическим, тактическим, военным и даже чисто идеологическим соображениям эта сила была бы вдвое более могущественной, так как союзниками были бы фашисты. Но все эти соображения становятся не более чем номинальными в тот момент, когда за ними обнаруживаются капиталистические противоречия. Эти противоречия и их развитие чрезвычайно важны — именно они являются источником одного из новейших и наиболее серьезных изменений политического фронта и соотношения сил в Европе.

Ключ к разрешению проблемы, как ни парадоксально это звучит, нужно искать в Северной Италии; в том месте, где благодаря естественному ходу событий, должен был вырасти итальянский «Рур», собственная итальянская база тяжелой и военной промышленности, которой ей до сих пор недоставало, база, которая даст Италии, наконец, подлинную силу и авторитет среди мировых держав. Это — один из фактов, угрожающих современной Европе.

«Новая Римская империя» чернорубашечников имеет в своем распоряжении гордую фашистскую милицию, сильную армию и воздушные силы, зловещую, не имеющую соперников, тайную полицию, «совершенную» социальную систему корпораций, с прославленным «цезарем» во главе. Но этой империи недостает трех простых вещей, без которых вся эта пирамида на деле повисает в воздухе и может в любой момент обрушиться на голову Муссолини, фашистов и корпораций: у нее нет угля, железа и нефти. Это означает, что у нее нет ни исходного вещества — металла, ни основного источника энергии — твердого или жидкого топлива — для создания и приведения в действие современного капиталистического механизма. У нее есть только законченный остов, каркас крупной промышленности, но нет двигателей и нет приводного механизма.

Правда, различные отрасли обрабатывающей промышленности, производство моторов, машиностроение, военная промышленность, судостроение, текстильная промышленность, электротехническая промышленность и пр. развились и выросли до значительных размеров, и в них вложены весьма значительные капиталы. Но весь этот хозяйственный организм можно в любой момент остановить и вызвать катастрофу, если только Германия и Англия прекратят снабжение углем, Германия и Франция — железом, Англия, Америка и СССР — нефтью. Лицемерные «санкции», предпринятые против Италии в 1935–1936 гг., не имели никакого значения, так как они ни в малейшей степени не носили характера настоящей блокады во-

енного времени. В мирное время Италия импортирует эти сырьевые материалы ежегодно на сумму, примерно, в 3 млрд. лир; на всей ее территории нет запасов этих ископаемых, а если и есть, то лишь в совершенно ничтожном количестве, и Италия, следовательно, фактически находится в постоянном плену у других европейских держав.

Муссолини не может вести войну (настоящую войну, а не абиссинскую игру) с помощью олив, кьянти и миланского шелка, если снабжение из этих стран приостановится или прекратится в военном порядке: он не сможет снабжать крестьян и укрепить позиции чернорубашечников. Это — подлинно хроническая язва, которая непрерывно разъедает тело фашистской Италии, возмнившей себя империей на Средиземном море, и вызывает постоянные кошмары у Муссолини; многие удивительные и непостижимые шаги и «прыжки» дуче можно объяснить только этими ночными кошмарами. Если до надвигающейся мировой войны основоположник фашизма не обеспечит себя запасами — и притом достаточными запасами — угля, железа и нефти и, более того, если он не будет иметь их в пределах досягаемости в *своих владениях*, то его песенка спета. Большой мыльный пузырь лопнет, даже без особенного шума, оставив после себя только память о пышной фразе, большом банкротстве и откровенной жестокости.

Такова подоплека и реальное содержание политики, проводившейся повелителем из палаццо Киджи в течение последних 12 лет, с самого начала его диктатуры. Это не только вопрос о том, как спасти имущие классы Италии от революционных рабочих, штурмовавших фабрики в 1921 г., и от обнищавших крестьян, готовых экспроприировать землю; это в то же время вопрос о том, как спастись от иностранной петли, как поддержать свою национальную независимость, свои суверенные прибыли перед лицом международной конкуренции. Так же как капиталисты Рейнско-Вестфальской области и Центральной Германии делегировали Гитлера для того, чтобы он добился выхода для их избыточной энергии, точно так же капиталисты Северной Италии доверили в свое время Муссолини великую задачу восполнения их *дефицита* энергетических резервов.

Кто эти капиталисты, где их центр и каковы их планы создания в Италии, с помощью фашизма, нового большого источника сырья и энергии? Другими словами: кто эти Тиссены южных чернорубашечников и чего они хотят?

За последние сорок лет в стране романских крестьян, культуры Ренессанса и гарибальдийских традиций свободы один район совершенно преобразился. Этот район ограничен с севера и с запада Альпийским хребтом, с востока — Истрийским побережьем Адриатического моря и с юга — центральной итальянской Кампаньей. В этом районе с огромной быстротой, напоминающей темп развития больших индустриальных районов Манчестера, Рура и Пенсильвании в прошлом столетии, на деньги старых миланских и генуэзских банкиров, крупных североитальянских купцов и промышленников и иностранных финансистов выросла новая полнокровная производительная сила, которая быстро, всего за два или три десятилетия, революционизировала всю экономику страны. Она проникла в сельские

районы остальных центральных и южных областей Италии и покорила их; превратила миллионы крестьян в промышленных пролетариев или борющихся за свое существование арендаторов; привлекла к себе старых феодальных землевладельцев и придала всей Италии совершенно новый вид.

Хлопчатобумажные и шелковые фабрики, электротехнические предприятия и автомобильные заводы, военно-промышленные компании, верфи, химические заводы, железнодорожные компании и, наконец, огромные гидроэлектрические станции создали здесь новый, мощный класс промышленников, лишенный всяких традиций католического Рима или традиций героической борьбы за независимость, но зато наделенный самым современным техническим оборудованием, холодной неразборчивостью и непреклонной, типичной для промышленных капиталистов волей: волей к тому, чтобы ценой любых издержек сохранить свою новую базу развития, защищать и расширять ее, делать ее все более мощной и сильной, чтобы не отставать от соседних промышленников континента и постепенно вовлечь в свою орбиту всю Италию. Ныне девять десятых итальянской промышленности сконцентрированы в Северной Италии.

Этот новый класс, главная квартира которого помещалась не в классическом Риме, а в Милане, столице «Третьей Италии», уже не имел больше национальных идеалов подобно ранним пионерам «итальянской идеи» — сыновьям крестьян, интеллигенции и ремесленников, которые с винтовками и бомбами сражались против Австрии и Ватикана; цели этого класса были империалистическими. Постепенно из его среды выкристаллизовалась еще более сильная, крепкая и замкнутая группа: миланский крупный капитал. Электродинастия Пирелли, Конти и Вольпи, автомобильные и военно-промышленные династии Аньелли (туринский Фиат) и Перроне (заводы Ансальдо), текстильные магнаты Креспи, химическая группа Донегани (комбинат Монтекатини), банковские магнаты Теплиц, Марсалья и др., вырастая и переплетаясь, образовали некую олигархию, распоряжающуюся миллиардами, которая не только начала править севером Италии, как своим собственным королевством, но с помощью старых мелкобуржуазных политиков, адвокатов, профессоров и духовенства стала всемогущей и в Риме. Ее первым непосредственным политическим представителем был *Джиолитти*, в течение многих лет до войны правивший Италией через парламент. Главной квартирой, а под конец единым финансовым и политическим генеральным штабом этой олигархии стал крупнейший банк Италии — миланский Банка Коммерциале Итальяна (Banca Commerciale Italiana).

Этот банк, имеющий 16 филиальных банков за границей, актив которого достигает ныне 10 млрд. лир, был основан всего сорок лет назад германскими и австрийскими финансистами, намеревавшимися провести «невидимую колонизацию бедной Италии». Всего за сорок лет этот банк под руководством галицийского еврея Теплица стал подлинным олицетворением Новой Италии. Теплиц сделал то, чего не сумели сделать во время национальной эмансипации Кавурская и Савойская династии: он поставил отсталый и незрелый итальянский капитализм на собственный финансовый базис.

Вначале с помощью фондов больших банков Берлина, Вены и Парижа (которые накануне войны держали в своих руках три четверти акций Банка Коммерциале), затем систематическим поглощением доходов и прибылей процветающей индустрии севера Италии, он с рекордной быстротой повел индустриализацию сельскохозяйственной и торговой страны и достиг того, что сделал Милан, резиденцию своего банка, новым первоклассным финансовым центром Европы.

Теперь Банка Коммерциале тождественен с наиболее важными промышленными предприятиями Италии — например, почти со всеми железнодорожными компаниями, с электрическими трестами Адриатика, Эдиссон, Сип, Меридионале (контролирующий миллиарды), химическим трестом Монтекатини (28 тыс. рабочих, вице-президент Теплиц), стальным трестом Ильва, большими электротехническими заводами Терни (в которых участвует также английская группа Виккерса), крупнейшими текстильными компаниями (хлопчатобумажный трест «Стабилименти Тессили Итальяни», 23 фабрики и 430 тыс. веретен), крупными судостроительными компаниями и т. д.¹ Более того, он, вероятно, единственный частный банк в мире, полностью контролирующий и управляющий нервом экономической жизни страны и даже ее государственными финансами, где он во многих случаях играет роль Английского банка (вот почему в «латинском» правительстве посты министра финансов часто принадлежат евреям).

Этот банк — ось итальянской политики. Например, недавно совет директоров Банка Коммерциале включал не менее девяти итальянских сенаторов, среди них такие, как князь Гиберто *Борромео*; бывший итальянский делегат на Версальской мирной конференции Сильвио *Креспи*; бывший министр финансов Энрико *Арлотти*; бывший директор Этторе *Конти* (председатель правления банка); известный журналист Орlando *Малагоди* (в свое время редактор римской «Трибуна»); граф *Сан-Мартино ди Вальперга*. Много лет Джулиотти был одновременно премьер-министром Италии и неофициальным представителем Банка Коммерциале. Граф *Вольпи*, один из наиболее известных итальянских политических деятелей и несколько лет назад министр финансов (1925—1928 гг.), принадлежит все к той же клике Теплица. Пресса также подчинена интересам этого банка: например, известный римский журнал «Il Messaggero» принадлежит тузам военной промышленности братьям Перроне (владельцы заводов Ансальдо), «La Stampa» контролируется президентом «Фиат» Аньелли, а «Giornale d'Italia» связана с группой Монтекатини.

Одно время клерикальные аграрии, аристократы и духовенство пытались выдвинуть вперед свой собственный политический банк, Банка ди

¹ Часть крупной промышленности, например, заводы Фиат в Турине, пушечные заводы Ансальдо, большой кабельный и резиновый комбинат Пирелли контролируется другим миланским банком — Кредито Италяно, сотрудничающим с Банка Коммерциале. Вместе с католическим Банка ди Рома, эти два крупных банка контролировали до кризиса более чем две трети всего промышленного капитала Италии.

Рома, которому оказывал поддержку папа, но их скоро заставили отступить. Теперь старая итальянская феодальная аристократия, которая вместе с духовенством правила страной со времен Медичи и Борджиа до дней национального освобождения и с тех пор панически боится только одного — революционной аграрной реформы, — эта аристократия, наиболее влиятельные ее группы, полностью слились с молодой системой итальянского крупного капитала и имеют в нем свою значительную долю. Например, управление большими военными заводами Ансальдо находится в руках нынешнего маркиза Медичи и графа Каваллеро (совместно с синьором Исаией Леви). В «Фиате» находится князь Бурбон дель Монто, в фирме Терни — маркиз Тригона, в стальном тресте Ильва — маркизы Пачелли и Клаварино, в Социетта Италиано ди Кредито (отделение Банка Коммерциале) — князь Кастельбарко Альбани и т. д.¹

Эти люди все еще пользуются влиянием за кулисами современной Италии. Фактическим хозяином современной Италии в течение ряда лет был бывший еврейский беженец из Галиции, человек, который является на небосклоне этой страны светилом гораздо более блестящим, чем многие другие. Сам Теплиц недавно (в апреле 1934 г.) официально ушел из Банка Коммерциале, получив много отличий, но его сын синьор Лодовико Теплиц, бывший главный директор-распорядитель, вместе с другими директорами продолжает великую династию и великую политику миланской олигархии — политику фашизма. Именно этой олигархии служит *фашизм*, который был ее орудием и ее политическим исполнителем после войны.

Милан не только центр и базис итальянской индустрии, трестов, Банка Коммерциале; это также колыбель движения Муссолини. Отсюда, а не из Рима, повел Муссолини свои первые силы; здесь собирал он свои первые организованные кадры фашистской партии, «Fascio di combattimento» (1919), которые он набирал среди богатых молодых людей миланских имущих классов, националистских авантюристов и оказавшихся не у дел бывших военных. Здесь он издавал — и издает до сих пор свой орган «*Rorolo d' Italia*», угрожая либеральному Риму²; и отсюда он получает подлинный внутренний импульс.

Именно в Северной Италии, в Милане и Турине, словно случайно, первые черные террористские шайки возникли в тот же момент, что и революционные батальоны штурмовавших фабрики рабочих: крупный капитал приготовился к самозащите. А когда лидеры новой армии отправились в поход на Рим, когда либеральное правительство короля и парламент сдались фашистам без единого выстрела, без единого звука (как впоследствии случилось гинденбургское правительство в Германии, как, быть

¹ Правление Банка Коммерциале включает или включало также графа Пареа и барона Авецано, а правление Кредито Италияно — маркиза ди Вульчи и графа Павончелли, большинство из них — представители старейших феодальных семей.

² В те времена крупным фашистским деятелям случалось даже говорить: «Это несчастье Италии, что она управляется из Рима; Милан — настоящая столица».

может, однажды сдадутся «национальные» правительства в других странах), когда Муссолини был провозглашен полубогом, «цезарем третьего Рима» и зажал всю страну в своем кулаке, поставил рабочий класс вне закона и одним жестом сбросил маски и костюмы старой демократии, именно тогда завершилась первая послевоенная фаза политики миланского крупного капитала. Ее социальное существование было укреплено и спасено от пролетарского штурма. Муссолини выиграл гражданскую войну для Теплица, Аньелли, Медичи, Вольпи, Креспи и Пирелли.

Вот почему двойная иерархия Милан — Рим стала единым невидимым оплотом новой диктатуры: вся политическая реконструкция, террор против левых, система корпораций, меры для охраны частных предприятий (особенно во время кризиса, когда группа Банка Коммерциале находилась на грани краха и позорного банкротства) — каждый шаг внутренней политики Муссолини соответствовал линии и интересам олигархии, с которой Муссолини поддерживал прямую связь не только через «таинственных» министров финансов Вольпи, Юнга и пр. Сын Теплица Лодовико принадлежал к кругу близких «друзей» дуче (так же, как прежде он был «правой рукой» Д'Аннунцио, «фиумского бунтаря»). Контуры возникшей впоследствии диктатуры Гитлера — Тиссена в Германии были полностью предвосхищены здесь, хотя и не были такими кричащими. Верно, конечно, что Банка Коммерциале был когда-то оплотом итальянской демократии — вместе с цветом либеральных салонов и министерств Рима, и именно его влияние (оказываемое через Джиолиитти) долгое время предотвращало вступление Италии в войну на стороне союзников. Но теперь надо было без промедления проводить новую, иную политику¹.

Муссолини был последним необходимым и неизбежным элементом разнородного сплава, образованного производительными силами Северной Италии и Апеннин, электрическими компаниями и предприятиями обрабатывающей промышленности, банками Милана и Рима и последышами старой итальянской феодальной аристократии. Террористическая бюрократия чернорубашечников со своими мелкобуржуазными прихлебателями была четвертым ингредиентом, завершившим и преобразовавшим весь этот сплав в военную, вооруженную силу — современный итальянский фашизм.

Итак, экономическое строение фашизма Муссолини отличается от строения фашизма Гитлера только географически и технически; в основных чертах процесс образования и структура этого международного движения всегда схожа по типу, но не нужно, однако, впадать в поверхностную стандартизацию. Не будь Милана, в свободолюбивой, немного отсталой и немного «беспечной» Италии не было бы такого динамического явления, как Муссолини, так же как не было бы ожесточенной классовой борьбы в 1919–1921 гг.

¹ Такая же резкая эволюция к агрессивному фашизму была проделана и в Германии, например, крупнейшим финансирующим германских республиканцев капиталистическим объединением «И.Г. Фарбениндустри».

Но Милан *должен был* породить Муссолини точно так же, как Эссен — Гитлера. Он сотворил дуче из своей собственной плоти, т. е. из того материала, из которого создана «Третья Италия», Италия гигантских фабрик Пьемонта и банковских палаццо Ломбардии; ей всего несколько десятков лет от роду, но она уже достаточно сильна, чтобы взнуздать тысячелетнюю страну. А то, чем занят Муссолини сейчас, является выполнением — с той же настойчивостью и последовательностью — *второй* части великой программы действия, начертанной миланскими финансистами: за социальным выступлением следует выступление империалистическое.

После победы в гражданской войне и пышного коронавания в Риме, олигархия Северной Италии ни на одну минуту не забывала, что на деле она полупарализованная империалистская сила без базиса для империи — без железа и угля. Недостаток основных производственных ресурсов — сырья и энергии — всегда являлся угрозой для ее существования и держал ее в состоянии постоянной тревоги и судорожного беспокойства. Завладев государством, она должна была построить для себя собственный «Рур», подобно Тиссену, или свою «Лотарингию», подобно де Ванделю, причем возможно скорее, возможно ближе, и притом сделать его как можно более независимым; иначе она вместе с Муссолини при первом удобном случае взлетит на воздух. И это не только потому, что растущий милитаризм фашистского государства, новая итальянская армия, его обширные воздушные силы, его большой Средиземный флот, его укрепления в Альпах и на далматской границе сделали создание такого внутреннего базиса настоящим политическим и стратегическим вопросом.

Итальянский капитализм просто-напросто в финансовом отношении не может дольше выдержать недостаток основного сырья и необходимость покупать его за границей: это грозит ему несостоятельностью. Еще в 1921 г. Италия ввозила в два раза больше, чем она вывозила: на 17 млрд. лир импорта приходилось 8,3 млрд. лир экспорта. В 1928 г. экспорт Италии составил 15 млрд. лир, но ей пришлось уплатить за импорт 22,4 млрд. лир — в полтора раза больше. Она должна была это делать, потому что, кроме пшеницы и хлопка, вынуждена была покупать также и сырье для тяжелой промышленности и полуфабрикаты. За последние 15 лет (с 1920 по 1934 гг.) Италия уплатила за свой импорт на *86 миллиардов лир* больше, чем выручила за экспорт. Это катастрофическая цифра для страны с 42-миллионным населением, страны, все еще остающейся в значительной степени аграрной. В то же время три постоянных добавочных источника доходов Италии, которые обычно до известной степени компенсировали ее плохую торговлю — расходы иностранных туристов в Италии, доходы торгового флота и денежные переводы, присылаемые на родину итальянскими эмигрантами (главным образом из Америки), — также быстро уменьшались под влиянием кризиса.

Колоссальный хронический дефицит в торговом балансе заставляет итальянский капитализм медленно истекать кровью. Долги промышленности беспрерывно растут и поднимаются до рекордных цифр; банки приходят на помощь промышленности и сами все без исключения ста-

новятся несамостоятельными; на помощь банкам со своими бесчисленными миллиардами приходит государство. Задолженность Италии вырастает с 88 млрд. лир в 1930 г. до 104 млрд. лир в 1934 г., одна сумма процентов достигает 5 млрд. лир, в то время как бюджетный дефицит составляет 3-4 млрд. лир; золотой запас падает с 11 млрд. лир в 1928 г. до 6 млрд. в 1934 г., покрытие банкнот снижается до 46%, и итальянская валюта подвергается постоянной опасности.

Все эти цифры отражают положение *до* абиссинской кампании (потребовавшей около 200 млн. фунтов стерлингов добавочных военных расходов в 1935—36 гг.). За пять лет — с 1929 по 1933 гг. — в Италии произошло 100 тыс. банкротств. Фашизм отчаянно пытается переложить это бремя, насколько это возможно, на плечи трудящихся; налоги достигают «крайних пределов» (заявление самого Муссолини), государство и корпорации систематически уменьшают заработную плату (на 45-50% с 1927 г.), мелкие крестьяне и фермеры-арендаторы обречены на разорение.

Но южный фашизм не может бесконечно зажимать нацию в тиски, увеличивая революционное возмущение против самого себя. Все его здание имеет основной «архитектурный» дефект и его потрясает не столько временный экономический кризис, сколько прежде всего кризис «структурный». И его параноя должна неизбежно прогрессировать и отбросить фашизм назад к отправному пункту — 1922 г. (взятие власти Муссолини), привести к свержению цезаря, если он не сумеет добиться какого-то решающего перелома, совершенно перестроив весь *фундамент* современного здания.

С самого начала активное разрешение этой проблемы было идеей, главенствовавшей и подчинявшей себе всю стратегию Муссолини и Теплица. Сначала они попытались найти выход в грандиозном техническом эксперименте. Деньги и риск в счет не шли. По плану надо было построить, не выходя из пределов Италии, «электрический Рур», электрифицированную тяжелую промышленность! Почти десятилетие в стране фашизма Альпы и Апеннины подвергались грозному и бурному техническому натиску. Два мощных горных хребта, на севере и в центре Италии, их вершины, склоны, долины и реки были прошупаны сверху донизу и почти сплошь покрыты различными электрическими сооружениями — плотинами, турбинами, двигателями, проводами высокого напряжения: оттуда хлынула концентрированная гидроэлектрическая энергия, чтобы создать Теплицу, Медичи и Муссолини нужную им базу. Целые провинции в бассейне По, в Пьемонте, Ломбардии, Лигурии вплоть до Сицилии — южного пункта на Средиземном море — были превращены в энергетические комплексы, объединенные линиями высокого напряжения и органически связанные в единую систему.

Производство электроэнергии, составлявшее в Италии до войны только 2 млрд. киловатт-часов и 4 млрд. в начале послевоенного периода, бурно возросло в 1928 г. до 9 млрд. киловатт-часов и до 11 млрд. за последние два-три года. Итальянские мощные гидростанции стали самыми производительными и наилучшим образом эксплуатируемыми в мире (после Амери-

ки); они не уступают теперь крупнейшим и имеющим наиболее современное оборудование промышленным предприятиям в Европе¹.

Государство, фашистская партия, военное министерство, сам дуче направили все имеющиеся в их распоряжении ресурсы страны в этот новый национальный резервуар на Севере; Банка Коммерциале концентрировал в течение ряда лет всю свою финансовую деятельность и вложения имущих классов на электропромышленности. Граф Вольпи, посредник между Теплицем и Муссолини, лично принял на себя управление этой промышленностью; правительство выпускало специальные «займы электрификации». В различных районах возникли разнообразные электрические тресты: венецианский — «Адриатика», миланский — «Эдиссон» ($1\frac{1}{3}$ млрд. лир капитала), туринский — «Сип», тосканский — «Адамелло», неаполитанский — «Меридионале». Все эти тресты, производящие электроэнергию от $\frac{1}{2}$ млрд. до 1 млрд. киловатт-часов в год (в 1934 г. «Адриатика» продала 860 млн. киловатт-часов 550 тыс. потребителям), каждый снабжая электроэнергией обширные территории, включая города, деревенские районы и промышленные предприятия, владея акциями и кооперируясь друг с другом, фактически составили единую национальную сверхструктуру: новый «электро-Рур» Банка Коммерциале. Итальянская промышленность, железные дороги, города в течение нескольких лет в значительной мере освободились от иностранного угля. Национальный импорт уменьшился на несколько миллиардов лир: количество электропечей для выплавки стали выросло до нескольких сот, в то время как до войны их было всего семь.

Теплицу удалось, как будто, создать базу в горах Италии. Но это был всего лишь суррогат. 11 млрд. киловатт-часов означали огромную капиталистическую энергетическую и даже военную мощь и влияние, которыми и Милан и Муссолини никогда еще не обладали. Но одного этого было недостаточно; они прикрыли только один фланг фронта. Они привели машину в движение, но не могли выпускать продукцию подобно Руру и Лотарингии. Они нашли замену углю, но не давали стали, действительно-го объекта и субъекта тяжелой промышленности империализма. Как раз наоборот: новые массы электроэнергии в Альпах и Апенниннах вызвали мощное увеличение потребности и спроса на сталь в Италии. Этот спрос был вызван не только необходимостью обеспечить постоянную работу и оборудование гигантской технической системы, но также и необходимостью создать для электрического тока как товара соответственный рынок и оправдать капиталовложения. Это могли обеспечить только огромные

¹ Итальянские гидроэлектростанции производительностью в 11 млрд. киловатт-часов (1933 г.) стоят теперь на первом месте в Европе; непосредственно за Италией следует только Норвегия (9,15 млрд. киловатт-часов в 1932 г.), затем далеко позади идут Франция (5,88 млрд. в 1932 г.), Германия (4,02 млрд.), Швеция (4,90 млрд.) и Швейцария (4,81 млрд.); в этом суть всей «индустриализации» Муссолини. Если в 1912 г. в производство электроэнергии было вложено всего 453 млн. лир (акционерные общества) и оно занимало третье место среди других отраслей промышленности Италии, после машиностроения и текстильной промышленности, то с 1932 г., когда вложенные в него капиталы составляют 10 млрд. лир, оно идет далеко впереди.

энергетические потребности крупной тяжелой машиностроительной промышленности и связанный с ее развитием рост городов (потребность в отоплении и освещении).

Еще в 1930 г. и впоследствии итальянские электрические тресты вынуждены были из-за перепроизводства продавать свою электроэнергию в убыток, а несостоятельность некоторых из них (туринского «Сип», например) привела в 1931–1932 гг. к резкому потрясению и почти банкротству миланских банков, предотвращенному только благодаря вмешательству государства с его фондами. Именно электрический свертрест Банка Коммерциале, точно так же как и огромные вооружения Муссолини, требовал больше чем когда-либо, не теряя времени, найти для удовлетворения своих потребностей стальную трест — где бы ни пришлось его искать.

Теплиц уже имел в Италии свои сталелитейные заводы, но у этих заводов не было собственного железа. Итальянская стальная промышленность, стоящая вне европейского стального картеля — господствующей ассоциации крупных французских и германских производителей — и пытающаяся во что бы то ни стало сохранить свою независимость, произвела в 1933 г. 1784 тыс. т стали — одну пятую германского и одну четверть французского и английского производства; но в то же время в Италии было произведено только 517 тыс. т чугуна против 6900 тыс. т в Германии и 6300 тыс. т во Франции. Это всего 1,6% европейского и 1% мирового производства чугуна. Как же в таких условиях может преуспевать Муссолини? Один тиссеновский трест (Vereinigte Stahlwerke A.G.) в Германии производит в семь раз больше железа, чем вся Италия¹.

Следовательно, итальянская промышленность должна импортировать не только большую часть потребного ей чугуна (французско-германский синдикат будет всеми способами ее эксплуатировать и создавать затруднения), но также из-за ограниченного производства железа в пределах страны Италия вынуждена покупать, главным образом, иностранную руду или заменяющие ее материалы — железный лом, пириты и т. п. Вместе с металлоизделиями, машинами и электрическими материалами Италия ввозит ежегодно около 1½ % млн. т железа и стали, уплачивая за них не менее 4 млрд. лир.

Таким образом, существующая итальянская стальная промышленность, хотя и располагает обширными предприятиями, по существу является не более как импортирующей и заканчивающей обработку промышленностью, целиком зависящей от импортного сырья: это только голова, у которой нет туловища. Теплиц полностью контролирует эту промышленность. Генуэзский комбинат «Ильва» (Alti Forni e Acciarie d'Italia), председателем которого еще год или два назад был Теплиц и в руководстве которым участвовал глава его электрической промышленности, бывший фашистский министр финансов граф Вольпи, производит на своих заводах в Мар-

¹ Продукция железа люксембургского комбината «Арбед» достигла в 1953 г. 1,6 млн. т, продукция американского стального треста — 5 млн. т, нового японского треста — 2,9 млн. т.

гера и Удине 78% всей итальянской продукции железа и 36% итальянской стальной продукции.

Теплиц в течение ряда лет пытался превратить этот концерн — основанный в 1905 г. с капиталом в 20 млн. лир и ныне распоряжающийся капиталом более 800 млн. лир — в новую державу тяжелой промышленности в Европе, равную гигантским французскому и германскому трестам. Это была одна из самых дерзких его идей. Вскоре после войны «Ильва» стал так лихорадочно расти внутри Италии и приобрел так много различных предприятий — в том числе большую судостроительную фирму «Ллойд-Медитерранео», электрические фирмы, машиностроительные заводы и пр., что одно время он был близок к банкротству.

Другие сталелитейные заводы также находятся или под полным контролем Банка Коммерциале, как, например, хорошо известные умбрийские электростальные предприятия «Терни», в которых имеет долю Дуглас Виккерс и секретарем правления которых до недавнего времени был сын Теплица Лодовико, или под прямым влиянием Муссолини и его военного министерства; таковы большие военные предприятия «Ансальдо» в Корнильяно, председателем которых является бывший товарищ военного министра и один из ближайших коллег Муссолини, генерал граф Уго Каваллеро (в то же время директор «Кредито Италияно») или завод военных материалов Коне в альпийской долине Аоста, директором которого является бывший морской министр адмирал Сириани.

Все это вместе образует некую темную компанию крупных дельцов, генералов и правительственных политиков, компанию, подобные которой существуют и в других странах и принимают верховные решения о судьбах народов. Но здесь переплетение между прибылью, смертью и «политикой» еще теснее, еще интимнее и еще более цинично. Что касается иностранных интересов, то в этом итальянском фашистском гигантском тресте по производству вооружений в особенности замешаны могущественные британские интересы, от которых тянутся нити к очень крупным международным группам (по внешности они вовсе не выглядят «фашистскими», а наоборот, считаются традиционными оплотами международного либерализма). Но в Италии этот военно-промышленный блок в действительности направляется двумя людьми: Джузеппе Теплицем (или его непосредственными наследниками) и Бенито Муссолини. Технически от этого блока зависят все крупные потребляющие металл отрасли промышленности в Италии: автостроение, электротехника и вся так называемая «вторая группа» фашистских корпораций, которая охватывает все металлообрабатывающие отрасли. И все-таки этот стальной блок Теплица бессилен — у него нет железа.

Где Банка Коммерциале достанет железо? Политически это такой же острый, животрепещущий и решающий вопрос, как и обратный вопрос германского капитализма: как Тиссен освободится от своего железа? Проблема перевернута, но результат в обоих случаях один и тот же: мобилизация фашизма и его неистовый бешеный натиск, доходящий до пароксизма, до слепого безумия, выражающийся в фашистской внешней политике. В данном случае последствия идут даже гораздо дальше: один фашизм

наносит удар по другому. Ведь пункт, куда устремлено и неизбежно должно быть устремлено внимание и Банка Коммерциале, тот же, куда с севера двигают свои силы Рур и Тиссен: это *Австрия — Альпийская горная компания, штирийское железо*; все это называется на языке этих капиталистических групп «дунайской политикой».

Рур и миланский капитал уже давно встретились в Штирии и таким образом пришли в непосредственное соприкосновение в самом центре Европы и на Дунае; это было еще в то время, когда предшественник Гитлера Стиннес пытался посредством обесцененной марки скупать куски Европы, а Муссолини еще только числился в составе нерегулярных резервных войск магнатов Ломбардии. Сразу после войны обе стороны пытались колонизировать Австрию — тогда совершенно разрушенную, потрясенную инфляцией и находившуюся в состоянии худшем, чем публичное банкротство; главной целью обеих сторон был захват Альпийской горной компании. Вышедшая из войны на стороне победителей, Италия имела первенство.

Банка Коммерциале послал одного из способных своих людей и спекулянтов австро-итальянца Камилло Кастильони, который начал шаг за шагом «помогать» Австрии, поставив это дело на широкую ногу, другими словами — стал скупать ее посредством итальянской лиры. В течение трех-четырех лет этот сын раввина из Триеста, который казался в этой разоренной стране новым Ротшильдом, контролировал капиталы в сотни миллионов, значительную часть национального богатства Австрии, в том числе промышленные предприятия, банки, массу реальных ценностей, газеты и парламентских политиков. Его уже называли «некоронованным королем Австрии» и он был почти так же влиятелен, как официальный глава правительства, лукавый канцлер в пурпурной сутане, доктор Зейпель.

Это было время первой итальянской «дружбы» венского правительства; в Вене и в Риме правила одна и та же международная католическая партия, вдохновляемая иезуитами (католические «Пополари» дон Стурцо правили незадолго до прихода фашистов).

Кастильони особенно тесно связался с одним из лидеров этой партии, губернатором Штирии, доктором Антоном Ринтеленом, политиком, который управлял этой важной провинцией как бесконтрольный сатрап и был фактически ее хозяином. Он сам и его ближайшие правительственные чиновники основали совершенно частный банк «Штейрербанк», назначив самих себя его пожизненными директорами; под различными политическими личинами эта клика пользовалась всевозможными монопольными привилегиями и очень мало интересовалась правительством в Вене. Агентство Банка Коммерциале в Австрии (Societa Italiana di Credito), председателем которого до сих пор является Теплиц, имело «интересы» в «Штейрербанке». Эти дружеские связи обеспечили Ринтелену полную политическую поддержку итальянского правительства, на которое он с этого времени полностью опирался; Ринтелен был одним из первых действительных основателей знаменитого хеймвера — нынешней гвардии Муссолини в Австрии. А во владение Ринтелена входили также штирийские железоделательные заводы.

Все было подготовлено к тому, чтобы разрезать Австрию на куски. В 1919 г., через «агентство» Ринтелена, Кастильони «приобрел» 50 тыс. акций Альпийской горной компании за счет Банка Коммерциале; в то же время другая итальянская группа (Fiat-Credito Italiano) купила еще 200 тыс. акций; вместе это составляло половину капитала компании. Так как основные предприятия концерна в Леобене и Донавице расположены как раз на главном железнодорожном пути Вена — Италия, то общие перспективы этого дела были весьма прозрачны. Одновременно группа Ринтелен — Кастильони — Банка Коммерциале возглавила эксплуатацию гидроэлектрических станций и электропромышленности района (комбинат «Стевеаг»). Казалось, что штирийское железо обеспечено за ломбардскими герцогами. Казалось, что дунайское государство в ближайшем будущем станет итальянской колониальной провинцией и в финансовом, и в политическом отношении. Впервые пространство от Апеннин до Штирии охватил единый блок.

Тогда-то и выступил Гуго Стиннес, почував опасность новой силы на юге. Этот непревзойденный игрок на инфляции также обратил свое внимание на Вену, рассматривая Австрию как небольшое дополнение к его комбинату; а с промышленной точки зрения он был несравненно более могущественен и имел гораздо более глубокие корни, чем миланские финансисты. Германский стальной король в то время предложил итальянцам компромисс и сотрудничество — нечто вроде раздела Австрии пополам. Миланцы должны были согласиться, потому что в противном случае для железоделательных заводов Альпийской компании не было бы угля; уголь шел из Германии.

Стиннес приобрел у итальянцев 200 тыс. акций Альпийской горной компании (в 1921 г.) за 86 млн. лир — так зародился «пул Стиннес — Кастильони» с Ринтеленом в качестве главного политического представителя и Апольдом в качестве главного технического руководителя, пул, который был единой, господствующей в Австрии силой, фактически не имеющей конкурентов. Австрийская «старая держава» — венские Ротшильды, бывшие друзья и банкиры Габсбургов — не играли, пожалуй, больше никакой роли, а правящая клерикальная партия работала и на Германию, и на Италию.

Казалось, что таким путем в Австрии создавался большой экономический и политический союз между ведущими капиталистическими силами Германии и Италии, союз, направленный против Франции, король вооружений которой, Шнейдер-Крезе, также энергично продвигался по направлению к Дунаю; через Парижскую репарационную комиссию Франция даже запретила Стиннесу поставлять уголь Альпийской компании. Это сотрудничество имело особое значение для тяжелой промышленности. Железо Штирии стало более или менее «нейтральным». Но Милан — это было в дни до возвышения Муссолини — еще не пустил достаточно глубоких корней. Когда в 1924 г. австрийская инфляция пришла к концу, а великий трест Кастильони взлетел на воздух в буйном бумажном вихре, увлекая за собой ореол и политическую славу итальянской лиры, Банка Коммерциале — его действительный кредитор и вдохновитель (он авансировал Кастильони 120 млн. лир) — смог спасти в этом колоссальном банкротстве для себя и для Италии только часть собственности треста.

Остаток большинства акций Альпийской горной компании перешел к германскому Стальному тресту, где их унаследовал Тиссен, и с этого времени Австрия экономически, а вскоре и политически попала под пяту Германии: инициатива «помощи» перешла к Берлину. Даже Ринтелен, сюзерен Штирии, начал менять фронт и поглядывать не на юг, а на север. Первая попытка итальянской тяжелой промышленности сделаться «независимой», проникнув в долину Дуная, потерпела поражение. Теплиц по-прежнему зависел от Рура.

В конце 1927 г. два руководителя германского Стального треста — Тиссен и Феглер — лично прибыли в Рим и вели секретные переговоры с Муссолини. Последствия этой встречи многочисленны. На деле эти переговоры повели скорее к политическому соглашению между германским и итальянским фашизмом и к внезапному «загадочному» росту влияния Гитлера в Германии, чем к удовлетворительному и длительному разрешению проблемы итальянской тяжелой промышленности, которая интересовала Муссолини больше всего. Молодой германский национал-социализм получил полную идеологическую и практическую поддержку от итальянского «материнского движения», Геринг разъезжал туда и обратно между Мюнхеном и Римом, а Гитлер, с одобрения рурского капитала, провозгласил союз с Италией краеугольным камнем германской внешней политики. Но Италия осталась почти ни при чем, если не считать новой тактической позиции по отношению к Франции.

Однако когда сам Гитлер пришел, наконец, к власти в Германии и настало время исполнять старые обещания, то оказалось, что «краеугольным камнем» новой германской политики стал *аншлюсс*, абсолютное безусловное и безраздельное присоединение Австрии к Германии; о каком-либо внимании к итальянским интересам или об уступках Италии не могло быть и речи.

Муссолини пришлось убедиться в том, что австрийский национал-социализм не хочет ни с кем делиться и угощает проитальянский хеймвер динамитом; что Гитлер триумфальным маршем должен пройти из Австрии через всю долину Дуная до самых Балкан и Ближнего Востока, подчиняя себе и захватывая все, что было до сих пор «итальянской зоной»; ведь в конечном счете, после того, как эта лавина поглотит и отберет все, что ей нужно у сельскохозяйственных стран Юго-Восточной Европы, она неизбежно должна будет устремиться к новому объекту «проникновения», к Милану и Альпам, к «превосходству» над низшим и «презренным» римским фашизмом, не обладающим ни углем, ни железом, ни нефтью, но перегруженным обесцененным сельскохозяйственным сырьем и владеющим огромными источниками гидроэлектрической энергии, угрожающим рурской угольной торговле. Не было никаких сомнений, что согласно этому плану, в конечном счете, Муссолини и Теплиц не избежали бы участи вассалов северного фашизма. *Тиссен обманул Муссолини*. Муссолини и Теплиц немедленно повели ответную атаку на Вену и Штирию.

Они больше не вели переговоров с германскими «друзьями», теперь они пытались прямо захватить в свои руки решающие позиции в Австрии, т. е. и

Альпийскую горную компанию, и политическую, и военную власть. Миланский план получил теперь законченный вид. Штирийский железный район не только должен был раз и навсегда попасть под контроль итальянской тяжелой промышленности и стать, таким образом, вместе с угольными копями Венгрии, базой для больших вооружений Италии; это был теперь только технический стержень более широкого, более грандиозного проекта.

Отныне вступал в силу план, намечавший непосредственно и полностью объединить центрально-европейскую дунайскую зону — Австрию, Венгрию и Балканы — с итальянскими Альпами и Апенниннами, связать их политически, экономически и в военном отношении и таким образом создать новый грозный *итальянский сверхкапитализм*, почти удвоив его территорию! Такова была сенсационная историческая идея дельцов Милана, последний и высший продукт современного империалистического развития, которое так поощрял и ускорял Муссолини: а это означало не более не менее как южный *контраншлюсс* Банка Коммерциале против северного аншлюсса Рура.

Две концентрированные капиталистические системы равного калибра стояли одна против другой, обе в фашистских тогах, обе с ультрафашистской идеологией и гигантскими взаимоисключавшими друг друга планами империалистской экспансии. В этот момент третья фашистская резиденция, Вена, стала пороховым погребом. Муссолини заключил с Дольфусом и Гембешем римские договоры (март 1934 г.) в качестве прелюдии к полной экономической, политической и военной федерации Италии, Австрии и Венгрии под верховным руководством римского дуче.

Этот союз начался с взаимных торговых преференций на сельскохозяйственные и промышленные продукты, с соглашений о путях сообщения, о постоянной «координации» в области внешней политики, с тайных военных конвенций; последней стадией его должно было явиться создание новой консолидированной политической империи, простирающейся от Альп до Черного моря, от Вены до Сицилии; на востоке — господствующей на Балканском полуострове над старыми сателлитами Италии: Албанией, Болгарией и, может быть, Румынией, на юге — достигающей экваториальной Африки, захватывая Абиссинию и, может быть, какую-то часть Британской Африки, на западе — отделяющейся от Франции электрифицированной горной стеной Альп (включая швейцарский Тессин), на севере — граничащей с германским фашизмом, теперь отброшенным за Дунай.

Это означало не более не менее как *восстановление Восточной Римской империи* старых императоров, — что было самой сокровенной, самой честолюбивой и самой тайной из всех неоецзаристских мечтаний Муссолини и из всех целей политики «Великого фашистского совета»; в действительности, это не что иное, как план и мечта маленького галицийского еврея Теплица, представителя скованных производительных сил капиталистических электрифицированных Альп, так же как гитлеровский план «трансконтинентальной германской расовой империи» представляет собой схему и мечту скованных производительных сил капиталистического рурского угля, Стиннеса и Тиссена.

Такова эпоха концентрированного капитала, одна из самых чудовищных, самых фантастических и самых безумных эпох, которые знала когда-либо человеческая история. И где бы *ни* появлялся концентрированный капитал, где бы ни образовалась его ячейка, вызывающая к жизни фашизм и начинающая расти быстро, как тропическое растение, — там *должны* возникать проекты и замыслы такого рода и таких пропорций, безразлично, кто за ними стоит, безразлично, в каком пункте мира они возникают, в центре ли континента или на берегу океана (сравните паназиатский план Мицуи — Араки в Японии), и безразлично, направлены ли они один против другого, и перекрещиваются ли они друг с другом.

Капиталистическая анархия празднует свой высший триумф. Массы капитала, разбухшие до предельных размеров, достигшие предела своих способностей и быстроты кругообращения, с силой вырываются на свободу, сталкиваются друг с другом, взрываются и носятся в пространстве, как свободные космические тела, превращая мир в пылающий, трагический и трагикомический ад. Это дело не рук человеческих, ибо сам человек захвачен, отброшен и раздавлен этими массами капитала. Капиталистическое общество уже пережило отведенный ему историей срок, но оно отказывается умирать, и поэтому разрушает себя и душит, оно не может больше выдерживать страшного перенапряжения и сжигает себя изнутри. Законы этого общества, диалектические законы экономики, определяют нашу эпоху, эту эпоху великих преобразований и трагедий.

Эти законы, совокупность которых выражается в феномене сверхимпериализма, породили фашизм. Но они также и взрывают фашизм, толкают Муссолини против Гитлера, национал-социализм против фашио, палачей рабочего класса на юге против палачей рабочего класса на севере. У истории есть свои законы и свое правосудие. Альпы против Рура! Еще до того как итальянский и германский народы восстанут и сметут своих угнетателей с лица земли, поднимаются гигантские стихийные силы, наченные капиталистическим динамитом и с грохотом сталкиваются над головами тех, кто приводит их в движение. Рим против Берлина! А тем временем в Вене происходит 25 июля.

Глава III. Когда падет Вена?

Решительная контратака Муссолини на тиссеновские позиции в Австрии началась сразу после подписания договора в Риме. И первым ударом была насильственная передача, начавшаяся весной 1934 г., Альпийской горной компании от Тиссена к Теплицу.

Муссолини больше не вел переговоров ни с Тиссенем, ни с его австрийскими агентами. Он сделал нечто более решительное. Он просто пустил в ход своих политических вассалов в Австрии, клерикально-фашистское правительство Дольфуса, и заставил их принять решение о передаче штирийского комбината в их собственные руки, применяя прямое государственное принуждение, т. е. действуя через головы правления самого ком-

бината при отчаянном сопротивлении его директоров. В апреле и мае 1934 г. в ходе австро-итальянских «торговых переговоров» относительно выполнения римских решений выяснилось, что правительство Дольфуса просило Италию о «помощи» для своей падающей торговли и промышленности, и в первую очередь о помощи для Альпийской горной компании.

В чем должна была состоять эта помощь? Она должна была заключаться не в чем ином, как в прямом вложении итальянского капитала: должно было произойти нечто вроде *слияния Альпийской горной компании и генуэзского комбината «Ильва»* — ведущей стальной фирмы в Италии. «Ильва» должен был одновременно и приобрести преобладающее большинство акций Альпийской горной компании, и установить с австрийским комбинатом «далеко идущее сотрудничество» в технической и производственной политике. Смысл этого был достаточно ясен. Это означало просто-напросто, что итальянский стальной трест поглотит Альпийскую горную компанию, как раньше поглотил ее германский стальной трест. Это означало, что синьор Джузеппе Теплиц, президент «Ильва», граф Вольпи, директор (и бывший министр Муссолини), маркизы Пачелли и Клаварино, инженеры Боччиардо и Гаджа и прочие тузы миланской и генуэзской промышленности должны были занять посты, принадлежавшие прежде господам Фрицу Тиссену, Альберту Феглеру, Антону Апольду и прочим исполнителям воли Рура, контролировавшего штирийские запасы железа; это означало также, что бесценное старое сокровище Стиннеса должно было раз и навсегда переменить ориентацию, национальность и расу.

Это было большим сюрпризом. Но наиболее поразительным было то, что официальное руководство Альпийской горной компании — в конце-то концов, крупнейшего предприятия Австрии — руководство, назначенное по уставу акционерами и все еще несшее полную ответственность за практическое ведение дел, не имело никакого понятия об этом плане, который должен был решить судьбу всего предприятия! Правление не только не давало своего согласия на приглашение «Ильва», оно вовсе не принимало участия в австро-итальянских «торговых переговорах» и не посылало на них своего представителя. В самом деле, несмотря на увеличение производства почти на 100%, правление незадолго до того открыто и сознательно сократило экспорт, включающий, следовательно, и поставки Италии. Дольфус несколько не считался с руководителями компании.

Затем последовала странная причудливая борьба между правительством и частным концерном в одной и той же стране, борьба, напоминающая междоусобную войну центральной власти с местными герцогами в феодальную эпоху; борьба, которая велась пока подпольно, при помощи экономических и политических мер, через посредство комиссаров и путем декретов, но которая вскоре должна была решиться силой оружия, примененного с обеих сторон. Если не знать этой подоплеки, не знать заранее об этой частной ссоре, то невозможно понять и правильно оценить парадоксальные формы гражданской войны в Австрии 25-28 июля 1934 г., а в особенности поразительную роль, сыгранную частной компанией в вооружении, стратегическом руководстве и орга-

низации всего выступления. (Национал-социалистский путч в Штирии несравненно важнее, чем восстание в Вене!)

Дольфус произвел голую политическую экспроприацию — акт, противоречащий всем законам о промышленной и частной собственности. Сперва правительство использовало стачку на заводах Альпийской горной компании для того, чтобы, обвинив компанию в плохом руководстве и серьезных неполадках, а также в скверном обращении с рабочими и в политических интригах, назначить официального государственного комиссара, который должен был осуществлять контроль над компанией. Назначение комиссара не обеспокоило Апольда, вполне осведомленного о том, что его национал-социалистская армия готова к выступлению по всей стране; он ответил выходом своей компании из Национальной федерации австрийской промышленности! Крупнейшее промышленное предприятие в стране откололось официально от «нации», потому что существующая политическая форма не удовлетворяла его и потому что, благодаря иностранной помощи и штыкам австрийских национал-социалистов, у него была в кармане другая национальная форма.

Правительство и его пресса обвинили компанию в том, что она ведет обманную финансовую политику и под видом «потерь» за последние два года — 1932 и 1933 — проводила финансирование путчистского движения. Государственные и банковские кредиты предприятию были сокращены; *Niederösterreichische Eskomptegesellschaft*, бывший до тех пор банком Альпийской горной компании, был объединен правительством с другими крупными банками Вены в единое учреждение (реорганизованный «Кредитанштальт»), и новый монопольный банк возглавил Роберто Адлер, представитель Банка Коммерциале. На это Альпийская горная компания ответила изменением финансовых отношений с венскими банками, связанными с правительством, и выбрала Апольда председателем аутсайдерского банка «Меркурбанк», большинство акций которого находилось в руках связанного с германским правительством Дрезднер банка. А затем в Штирии началось лихорадочное вооружение мелких буржуа, студентов и наемников.

Положение было теперь совершенно ясно: Тиссен стал не на жизнь, а на смерть бороться с Банком Коммерциале, бывшим союзником своего предшественника Стиннеса, за индустриальную гегемонию во всей дунайской и Южной Европе. Стратегия его была следующей: экономически — полная монополизация штирийской железной руды для домен Рура, захват Вены и Дуная как транзитных станций для нового наступления германского экспорта на Балканы и Ближний Восток, постоянный шантаж Италии и угрозы по ее адресу, возможные благодаря абсолютному контролю над угольными и железными запасами, жизненно необходимыми Италии; политически — продолжающееся укрепление австрийского национал-социализма, необходимое для того, чтобы окончательно гарантировать эти экономические цели, и, кроме того, поощрение нового балканского фашизма с германским «оттенком» («Железная гвардия» в Румынии, «михайловцы» в Болгарии, «Усташи» в Хорватии и т. д.), чтобы оккупировать политически для Германии всю Юго-Восточную Европу вплоть до самых границ Италии.

Этой стратегии противостояла стратегия Теплица — Муссолини: смысл операций тот же, но наступление должно развиваться не с севера на юг, а с юга на север, с Дольфусом вместо Габихта во главе; Ильва вместо Апольда, австрийские клерикалы вместо австрийских национал-социалистов, хеймвер вместо СА, слава Рима вместо германизма и «цивилизованные» средиземные фашио против «варварской» северной свастики.

Это был в основном бой, данный *тяжелой промышленностью*, подобный тому, который на другом фронте, на западе, шел между Руром и стальными королями Лотарингии, и политическим выражением которого был антагонизм между Германией и Францией. До сих пор соотношение сил в области тяжелой промышленности на Дунае было более или менее неустойчивым и изменчивым. Пока Муссолини не мог обеспечить себя железом из Центральной Европы потому, что, шантажируя Италию, Альпийская горная компания систематически сокращала свой экспорт железа, «чтобы не конкурировать с германским стальным синдикатом»¹, и потому что в то же время международный стальной синдикат, контролируемый Германией и Францией, регулярно заваливал рынок самой Италии, продавая железо по бросовым ценам; до тех пор и Тиссен не мог должным образом мобилизовать свою австрийскую железную руду и эффективно использовать ее для Германии, так как Муссолини постоянно сидел в засаде у ворот Вены. Теперь дело должно было решиться.

Если бы Теплицу удалось создать объединение Альпийская горная компания — Ильва — Терни — Ансальдо — Коне и одновременно влиять на венгерскую угольную промышленность, то он мог бы основать *новый южно-европейский стальной трест* с продукцией в 2 млн. или 3 млн. т, это смешало бы карты во всей европейской стальной и военной промышленности, а следовательно, во всей европейской закулисной политике. Вслед за Руром и Лотарингией, до сих пор абсолютно контролирующими континент (Южный Уэльс не имеет влияния на континенте), вырос бы новый южно-европейский гигант, требующий равных прав при распределении власти и прибылей.

Такое объединение южноевропейской тяжелой промышленности не только вооружило бы Муссолини до зубов и превратило бы его в военный фактор совсем иного значения, чем ныне, не только добилось бы прибыльных поставок военного снаряжения и железнодорожных материалов дунайским и балканским странам и опрокинуло бы все германо-французские пулы по продажам; оно угрожало бы также всем остальным существующим на юго-востоке Европы сталелитейным и военным заводам и, вероятно, поглотило бы их. Такие важные заводы военных материалов, как Шкода (24 тыс. рабочих) — оплот правительства Бенеша в Праге, «Берг унд Хюттенверке» и «Витковиц» в Чехословакии, «Решица» (собственность бухарестской династии и правящей либеральной партии) в Румынии и т. д., которые были вовлечены до сих пор в сферу влияния короля французских вооружений Шнейдер-Крезю и частично в сферу бри-

¹ Сообщение в официальной «Wiener Zeitung» после правительственного обследования компании.

танского Виккерса и играли крупную роль во всей системе «Малой Антанты» и «Балканской Антанты», — все они должны были рано или поздно быть раздавлены неумолимодвигающимся вперед паровым катком Теплица, Вольпи, Медичи и марширующей за ними дипломатией Муссолини, это создало бы совершенно новые условия в этой зоне как для Франции, так и для Германии.

С этой точки зрения острая схватка между Тиссенем и Муссолини в Австрии в 1933 и 1934 гг., борьба за штирийское железо и за власть в Вене была только частью великой *европейской стальной* битвы, бушевавшей со времен войны, битвы, которая долго определяла историю континента в столь же значительной степени, как и борьба за нефть между Англией и Америкой в другой, атлантической, зоне земного шара. Различные стадии этой битвы были отмечены такими потрясениями в мировой политике, как рурская интервенция в 1923 г., саарский конфликт и бурный рост национал-социализма в Германии в 1929—1933 гг.

Борьба за континентальную стальную гегемонию, начатая Стиннесом, продолженная Тиссенем и доведенная до крайнего напряжения Гитлером, стоит на переднем плане всей политики германского капитализма; и от нее зависит все его существование, так как она представляет собой существо самой жгучей империалистской проблемы германского фашизма и даже вызвала его к жизни. Тиссен произвел свой переворот против Брюнинга, Отто Вольфа и республиканцев, имея в виду именно эту проблему; поэтому вмешательство Муссолини в эту битву, не говоря уже о его победе, совершенно достаточно, чтобы со скоростью взрыва вызвать антагонизм между «дружественными» Германией и Италией и превратить эту дружбу в непримиримую враждебность.

Но на этом дело не кончается. Этот антагонизм начинает неудержимо проникать глубже и глубже, поражая все части и органы германского и итальянского капитализма. Где железо становится яблоком раздора между интересами крупного капитала, там не может быть мира. Начинается всеобщее потрясение, которое захватывает не только итало-германскую торговлю: германский экспорт в Италию составил в 1933 г. только 38% рекордной цифры 1927—1929 гг. и в 1934 г. упал еще больше; вся внешняя торговля между этими странами упала с 4,5 млрд. марок в 1929 г. до 1,89 млрд. марок в 1933 г.; мало того, что идет упорная ожесточенная борьба за экспортные рынки Центральной и Южной Европы, борьба, в которой Германия систематически бомбардирует и расчленяет итальянский «блок Стрезы» (Италия, Австрия, Венгрия) своими товарами, чтобы продемонстрировать «невозможность какой-либо комбинации в дунайской зоне без Германии»; мало того, что объявлена открытая война между германским и итальянским судоходством, между Гамбургом и Триестом. Триест (а также и Фиуме), чтобы отвлечь поток центрально- и восточноевропейских товаров от германских портов на Северном море, направив его в Средиземное море, предоставляет всевозможные открытые и тайные скидки и привилегии для этих товаров, в то время как Гамбург и Бремен со своей стороны забрасывают итальянских клиентов с Адриатики предложениями не-

слыханных премий. От этой конкуренции теряют обе стороны, но тем не менее борьба продолжается с большей силой, чем когда-либо¹.

Но помимо всего это столкновение достигает своего высшего развития как в политическом, так и в военном отношении в Центральной и Юго-Восточной Европе. В то время как начинает шататься старая «восточноримская» система сателлитов, в то время как ревизионистская Венгрия отвернулась от своего «самого преданного» союзника, а в Болгарии пало итальянское правительство Мушанова — Волкова — Михайлова, в то время как Румыния под властью Дука и Татареску охладела в своей дружбе к Риму и даже полукOLONиальная Албания пыталась бунтовать против своего покровителя (морская интервенция Муссолини в Дураццо в 1934 г.), Гитлер, Геринг и Розенберг прибегали к *непосредственным военным угрозам по адресу Италии*.

В то самое время, когда национал-социализм наводняет Австрию, когда в Штирии готовится покорение Вены, Гитлер делает через посредство тайных эмиссаров предложение Югославии о том, что в случае победы национал-социалистов в Австрии и их поддержки белградским правительством, он передаст Каринтию — провинцию Южной Австрии — в руки Югославии! Именно это предложение было целью неоднократных поездок Геринга и господина фон дер Гогенэстен в Белград.

Что такое Каринтия? Это, вместе со Штирией, естественная военная база для развертывания фронта Италии в войне с Югославией, злейшим и старейшим из всех ее врагов! Если Австрия будет в руках Муссолини, то Штирия и Каринтия не только дадут железо для Альпийской горной компании, но также и представят прекрасную и наиболее удобную базу для уничтожающего наступления на Югославию с севера. Такой базой уже не является собственная итальянская истрийская граница с Югославией, а с тех пор как заколебалась Албания, у Муссолини нет такой базы и на восточном побережье Адриатического моря.

Если, однако, Штирией будет владеть Гитлер, а соседней Каринтией — его союзник Карагеоргиевич (сербская династия), то армия Муссолини окажется под ударом. А тогда может случиться, что наступление австрийских легионов национал-социализма, воздушных эскадрилий Геринга и югославских войск изменит в один прекрасный день границу у Бреннера, уничтожит исторические завоевания, добытые Италией столетней борьбой, и превратит Триест, восточный порт новой римской империи дуче, в южный порт новой священной германской империи Гитлера.

¹ Только в 1928 г. Гамбург и Триест заключили фрахтовое соглашение, которое должно было исключить возможность конкуренции между ними. Теперь Триест пытается привлечь грузы даже из Польши и Южной Германии и специально устанавливает беспошлинный ввоз для Австрии; одновременно ганзейская защитная ассоциация предлагает австрийским экспортерам, везущим грузы в Гамбург и Бремен вместо Триеста, премию в 0,80 австрийских шиллингов за каждые 100 кг кофе, 19,30 шиллингов за такое же количество чая и 3,50 шиллинга за хлопок-сырец. Тоннаж, прошедший через Триест в 1933 г., был в два раза больше, чем 10 лет назад, — 5,2 млн. т против 2,7 млн. т.

К этому сводилась в конечном итоге борьба Тиссена, борьба за штирийское железо и за «душу Австрии». Конференция в Венеции в июне 1934 г., встреча двух вождей мирового фашизма перед восхищенной аудиторией чернорубашечников и коричневорубашечников, перед венецианскими гондольерами, лондонскими корреспондентами и нью-йоркскими фотографами была последней попыткой добиться компромисса, по крайней мере временного *modus vivendi* или раздела Австрии. Единственным человеком, допущенным на это свидание двух «сверхчеловеков», был граф Вольпи — агент Банка Коммерциале. Но законы крупного капитала более могущественны, чем законы международной фашистской солидарности, которая не существует, а если и существует, то только тогда, когда она направлена против международного рабочего класса и против социализма.

Юпитеры в Венеции потухли. И в Австрии наступила ночь. Расстановка сил полностью закончилась. Позади сближались гигантские силуэты концентрированного рурского угля и концентрированного альпийского электричества: Тиссен против Теплица. Перед ними трубили политические маршалы: Гитлер против Муссолини. Одной линией ближе — национальные генералы: Габихт против Дольфуса. И, наконец, на первой линии атакующих войск: австрийские национал-социалисты против хеймвера. А между ними, среди ударов, атак и проклятий двух армий, австрийский народ, за «душу» которого велась борьба.

* * *

24 июля Альпийская горная компания и ее партия подали сигнал. 25-го в полдень началось «восстание». В час пополудни был убит Дольфус.

Техническая организация — как это почти всегда бывает у национал-социалистов — была превосходна. Старый стратегический прием Геринга-Шлиффена — застичь противника врасплох — снова полностью удался. В течение пяти минут небольшой отряд в 154 человека, одетых в полицейскую и военную форму, захватил дворец канцлера, чтобы арестовать правительство и одним ударом лишить его возможности действовать¹. Другая группа в 15 человек осаждала радиостанцию, чтобы объявить об образовании нового правительства, как о свершившемся факте. По всей Австрии в то же время местным командам национал-социалистов отдавались зашифрованные телеграфные приказы о выступлении, а 50 тыс. солдат австрийского легиона в боевом порядке стояли на баварской границе, чтобы по первому знаку ударными колоннами ринуться к Вене на грузовиках — список нового правительства в Австрии был уже составлен. Ринтелен, давнишний проконсул Штирии и клиент Альпийской горной компании, игравший теперь роль «австрийского фон Папена», фигурировал в этом списке в качестве

¹ Национал-социалисты просчитались всего на несколько минут, и только благодаря случайному доносу в последний момент не были арестованы все министры, собравшиеся на заседание кабинета; некоторым из них, во главе с Шушнигом, удалось бежать и организовать отпор.

канцлера; Габихт и Фрауенфельд — в качестве представителей Гитлера. Но уже через несколько часов в Вене и по всей стране, за исключением Штирии и Каринтии, путч потерпел непоправимое поражение.

Что же произошло? Всего лишь своеобразный урок, касающийся внутренних взаимоотношений между крупным капиталом и фашизмом, *преломившихся в призме бушующей гражданской войны*, гражданской войны в полном разгаре. Почему первоначальный оперативный удар национал-социалистов в Вене — захват правительственных зданий, арест министров, террористические покушения на жизнь членов правительства и т. д. — был так успешен и достиг цели практически в течение нескольких минут? Потому что все это была работа СС, маленькой специальной гвардии чернорубашечников, которая является только техническим, а не политическим (в смысле массового движения) инструментом, которая представляет собой полицию, а не солдат фашизма.

Все выступление, включая и нападение на дворец канцлера, убийство Дольфуса, арест Фей и других министров, налет на радиостанцию и все прочие неожиданные вылазки, было фактически организовано и выполнено одним центром — «Секцией VIII (Австрия)» мюнхенского генерального штаба гитлеровских чернорубашечников, а в самой Вене — только одним отрядом чернорубашечников — «штандрт (полк) номер 89». К этому полку принадлежали: убийца Дольфуса — Планетта, командир отряда, ворвавшегося в Балльхаузплатц, Хольцвебер и все остальные арестованные путчисты; даже Рудольф Дертиль, человек, который в сентябре 1933 г., за десять месяцев до путча, произвел неудачное покушение на жизнь Дольфуса, тоже состоял в этом полку.

Следуя плану, начертанному Гиммлером, высшим начальником германских чернорубашечников, и Биглером, Шварцем и Гессом, возглавлявшими австрийский отдел мюнхенского генерального штаба¹, несколь-

¹ На ответственности именно этого штаба на Габельсбергерштрассе в Мюнхене — а не австрийской национал-социалистической партии — лежали почти все крупные террористические акты, совершенные национал-социалистами в Австрии за последние несколько лет. Эмиссары этого штаба расположились в Линце, близ баварской границы. Более того, для организации июльского восстания систематически посылались инструкторы из специального террористского отряда майора Буха — человека, который «организовал» убийство Рема и Гейнеса. Штаб СС в Мюнхене располагал также специальными командами «Австрийского легиона» в Баварии. Каждая команда делилась на отряд пехоты из 60 человек, имевших на вооружении винтовку, штык и солдатский ранец, и на отряд «ударных войск», снабженных стальными шлемами, ручными гранатами и 32-зарядными револьверами. Глава венских СС — адвокат Густав Вехтер — успел вовремя ударить в Германию, когда его подчиненных отправляли на тот свет. Штаб австрийских штурмовиков, также находившийся в Мюнхене, играл второстепенную роль. Его начальником был Герман Решни, по специальности бывший учитель, а затем лейтенант чешского гренадерского полка, окруживший себя несколькими старыми австрийскими генералами (Ригль, Гааз). Один из самых активных участников июльского путча и убийства Дольфуса — Гласе — является сейчас главой австрийской секции германского Гестапо, а другой — Аксель Дрильмайер — стоит во главе балканской секции.

ко сот человек из венского отряда СС одним ударом в течение нескольких часов «захватили» решающие пункты в Вене.

Технический инструмент действовал превосходно, стратегическая база для политической революции была обеспечена. Но эта политическая революция не произошла, т. е. не произошло *массового восстания*, которое должно было последовать за технической подготовкой; ее не было и в Вене, в решающем пункте. Почему? Потому что в ней не приняли участия фашистские массы мелкой буржуазии Вены; пока венские СС со своими «сотнями» (группами по сто человек) выполняли остроумный стратегический план переворота, венские СА, насчитывающие в своих отрядах в Вене десятки, а по всей стране сотни тысяч человек, даже не подумали шевельнуться и, хотя их политического выступления упорно ждали, остались пассивными наблюдателями.

Германское 30 июня повторилось здесь с поразительной точностью, но лишь в обратном направлении. СС — аппарат — действовал и там и здесь. СА — масса — не пошевелилась ни тут, ни там, потому что полиция и армия были против них, а восстание подвергало опасности их жизнь, собственность и комфорт. В первом случае дело повернулось в пользу Гитлера, во втором — против него. Но в обоих случаях социальный состав фашистской массы расстроил фашистскую стратегию (в первом случае Рем рассматривается как представитель этой массы). Этот закон непреложен (см. главу «Ночь длинного ножа, или апофеоз фашизма»), и то, что восстание австрийских национал-социалистов, гитлеровский венский мятеж, подчинялось этому же закону, было только логически неизбежным. Здесь важно другое, и это «другое» дает дополнительную яркую иллюстрацию. «Массовая революция» национал-социализма не разразилась в Вене, но она разразилась и бушевала несколько дней в Штирии и Каринтии: непосредственно в той зоне, где находятся позиции тиссеновского капитала в Австрии.

Здесь — в Леобене, Эрцберге, Вольфсберге, Радентейне — мелкобуржуазные массы (а не только отдельные отряды СС) действительно вышли на улицу как армия, вооружились, образовали организованные атакующие отряды, окружили казармы жандармерии, военные склады хеймвера, почтовые конторы, учредили новые органы власти, разбрасывали с грузовиков и мотоциклов прокламации о новом режиме, патрулировали улицы и даже пытались нападать на небольшие изолированные подразделения войск, если превосходили их численностью. И здесь фашизм действительно захватил и удержал политическую власть в течение нескольких дней, а в некоторых случаях даже целую неделю, в то время как в Вене было достаточно трех часов первого же дня для того, чтобы ни один национал-социалист и носа не высунул на улицу. Последние и, пожалуй, самые кровавые стычки происходили в Штирии и Каринтии вплоть до 1 августа. Только тогда — через шесть дней после нападения на Дольфуса — путчистов заставили при помощи армии очистить этот район и отступить за югославскую границу.

Это был настоящий активный, воинствующий фашизм: точно таким он был в Германии в феврале и марте 1933 г. Это объяснялось тем, что в Южной Австрии, как в свое время в Берлине и в противоположность

Вене, он мог быть возвращен, организован, обучен и вдохновлен на основе совершенно специфической внутренней базы: Альпийской горной компании, отпрыска рурской олигархии в дунайской Европе.

Штирия и Каринтия были колыбелью национал-социалистского путча в Вене в июле 1934 г. А Альпийская горная компания была колыбелью путча в Штирии и Каринтии. Она была душой и телом заговора. Ее заводы, разбросанные по этим двум провинциям, были главными стратегическими пунктами, генеральными штабами, складами продовольствия и амуниции, ее инженеры, из которых семеро были впоследствии арестованы, и мастера являлись главными офицерами и вожаками. А ее директор, Апольд, фигурировавший в списке министров нового правительства, и его зять Цальбрюкнер были всеобъединяющим мозгом, побуждающим и вдохновляющим к действию все и вся.

В Донавице, резиденции главной конторы концерна, где в боях с правительственными войсками было много убитых и раненых, путчистов собирали в цехах, экипировали в рабочих общежитиях и снабжали оружием, спрятанным в штольнях, галереях, товарных складах и даже в заброшенных домах. (То же самое происходило и на других австрийских предприятиях, контролируемых германской тяжелой промышленностью, — на Радентгейнских магнезитовых предприятиях в Каринтии и на крупновском заводе металлоизделий в Бернбурге; оба директора-распорядителя этих заводов были впоследствии арестованы и сняты с должности.)

До самого последнего момента, когда военные суды в Вене и в остальной Австрии уже работали полным ходом, а вожаки путча бежали в Германию, в этих двух районах все еще продолжали драться с ожесточенностью и решимостью, драться методически, организованно, применяя определенную стратегию, драться не сдаваясь; мир не воцарился до тех пор, пока последние путчисты не были арестованы или оттеснены в Югославию. Вот как выглядит фашизм, когда им *непосредственно* руководит, когда его ведет и вдохновляет капиталистическая олигархия.

Каков же был результат? В 1934 г. восстание в Вене было проиграно. Но была проиграна, с точки зрения Тиссена, и Альпийская горная компания. *В Австрии не стало более тяжелой промышленности, подчиненной Руру.* После борьбы, длившейся пятнадцать лет, штирийское железо переменило владельца. Убийца Дольфуса, агент венских СС, Планетта был застрелен. Германский директор-распорядитель Альпийской горной компании, доктор Антон Апольд, был устранен. Враждующие магнаты не стреляют друг в друга, они только экспроприируют друг друга. Новым хозяином Альпийской горной компании стал крупный офицер хеймвера, господин Иозеф Оберэггер. Он был назначен правительством преемников Дольфуса полномочным «государственным комиссаром» компании; он имел все полномочия под свою ответственность определять внутреннюю политику компании и ее промышленную и иностранную политику; на него была возложена также чрезвычайная миссия «тщательно обследовать» политику и действия предыдущей администрации.

Тот факт, что формально Тиссен и до сих пор владел 51% всех акций

компаний, не играл роли. Тиссен вел игру и проиграл ее; его можно было теперь экспроприировать точно так же, как он сам вместе с другими рурскими баронами экспроприировал некогда враждебных ему «республиканских» магнатов в Германии. Успех в этой игре изменчив — он зависит от «ориентации» побеждающих фашистов. Достояние Апольда было частично конфисковано; он, вместе со своим зятем доктором Августом Цальбрюкнером, уплатил в пользу государства «штраф» в полмиллиона австрийских шиллингов — контрибуция побежденного. Апольду был «предоставлен отпуск» директором «до окончания обследования»; Цальбрюкнера поместили под надзор полиции в его имение в Штирии. Рабочие компании находились в это время или в тюрьмах Австрии, или в концентрационных лагерях Югославии. Триста служащих Альпийской горной компании были уволены, их места заняли лица, «лояльные по отношению к государству».

Трест торжественно провозгласил о своем возвращении в лоно нации и заново вступил в национальную федерацию австрийской промышленности. Нация называлась теперь Италией. Новый глава компании, инженер Оберэггер, был одним из главарей хеймвера — секции итальянских чернорубашечников на австрийской почве. А Теплиц уже организовывал в Вене новый крупный австрийский банк «Banka Commerciale d'Austria», большинство акций в котором держал Банка Коммерциале Италия и совет директоров которого был составлен поровну из итальянцев и австрийцев (во главе с истыми римлянами — синьорами Роберто Адлером и Чезаре Гольдманом); банк этот должен был олицетворять и проводить великую политику «экономического союза» между Италией и Австрией и рано или поздно сосредоточить в своих руках действительный контроль над Альпийской горной компанией.

В декабре 1934 г. Вольпи и Пирелли ездили в Вену и Будапешт, чтобы «от имени итальянской индустрии открыть посредством личных переговоров с австрийской и венгерской промышленностью новые пути для торговли между тремя странами»; они захватили с собой «подробные итальянские планы» («Frankfurter Zeitung» 27 ноября 1934 г.). Джентльмены из хеймвера, клерикальной партии, правительства Шушнига открыли новую эру; вернулись снова дни Кастильони и австро-итальянского делового патриотизма. Только Ринтелен лежал в госпитале с простреленным черепом; он не успел вовремя в третий раз переменить свою национальную ориентацию и после Италии и Германии снова вернуться к Италии. Другие сделали это за него. Правительство «Отечественного фронта», по-видимому, крепко держалось в Вене.

Такова подоплека 25 июля 1934 г., первого национал-социалистского путча в Австрии, история которого только отражает, но в измененном виде, историю национал-социалистского путча в Германии 31 января 1933 г. В этом и заключается значение этого путча и его урок для тех, кто хочет изучать и понимать современный фашизм. Это всегда одна и та же история, история крови, денег и обмана, смешивающихся в одно грязное целое, называемое фашистской идеологией и политикой. На этот раз Муссолини одержал верх над Гитлером, финансовая олигархия Альп — над финансовой олигархией Рура.

Но что же дальше? Чего следует ожидать после двух лет кажущегося «затишья» в Австрии, после абиссинской эпопеи и нового германо-итальянского договора Чиапо — Нейрата? Смягчатся ли германо-итальянские противоречия в пользу новой ориентации, возобновления совместной работы? Почему Гитлер, несмотря ни на что, должен снова «сблизиться» с Муссолини?

Он не может дольше ждать. Имманентное внутреннее противоречие между обеими фашистскими системами — римской и берлинской — остается и должно невидимо все больше углубляться.

Муссолини заложил первый камень своей «империи». Далеко на юге взята Аддис-Абеба; нефтяные источники и золотые рудники абиссинских расов помогают отчасти реализовать замыслы миланских стратегов; новые позиции на Красном море — у истоков Нила, на озере Тана — дают им оружие против Англии. Но на противоположном конце, на крайнем севере, Вена остается *ключом* к существованию всей империи. Без железа Штирии, без стратегических путей в Каринтии и на Дунае и без гарантии безопасности на Бреннере, все здание империи остается карточным домиком, а новый цезарь — явным обманщиком, которому не удастся мистифицировать никого, кто видит глубже поверхности. Он не может отказаться от Австрии больше чем когда-либо.

Но больше чем когда-либо Австрия и мост в Южную Европу нужны другому потенциальному «императору» на Севере. Два года он беспрерывно ждал удобного случая; его время ограничено.

Рука, протянутая к Вене, не разжалась. Напротив: несмотря на разрушение цитадели Альпийской горной компании и падение господина Апольда, национал-социалисты в Австрии за два года реорганизовались, запаслись новым оружием и новой тактикой из Германии; они снова представляют собой готовую к выступлению колонну. Австро-германское соглашение в июле 1936 г. только укрепило их позиции; замаскированные друзья Габихта сидят ныне в венском правительстве. И этому самому правительству снова приходится распускать «пожарные команды» и «лыжные клубы» в различных местах для того, чтобы напасть на след тайных национал-социалистских организаций. Призыв к аншлюссу по-прежнему не оставляет в покое студентов, мелких служащих и чиновников, недовольных крестьян.

Австрийский легион под руководством тех же командиров стоит в нескольких километрах от германо-австрийской границы, под Куфштейном и в Рейте, — на двух путях, по которым должно пойти вторжение из Баварии в Австрию. Но теперь этот легион является всего лишь авангардом регулярных германских армий, штабы которых расположены в Мюнхене и Дрездене. Прямая связь ведет оттуда в Линц, в подпольную главную квартиру террористских СС в Австрии, и дальше в Вену, где господин фон Папен, фашистский Макиавелли, держит в своих руках концы всех нитей. Это он занял место господина Апольда. Неофициальный «крут

друзей» вокруг посланника Папена, «национальных министров» Глайзе-Хорстенау, д-ра Таухера и др., развивающий свою активность в Вене, это нечто большее, чем дипломатический салон; это предварительный набросок будущего «чисто национального» правительства в Вене, которое повторит эксперимент 25 июля в новом варианте.

А тем временем защита Австрии стала гораздо слабее. Муссолини слишком долго гонялся за африканскими расами. Хеймвер, который в 1934 г. восторжествовал над Габихтом и Ринтеленом, мертв. Великий правитель Штаремберг — диктатор Вены — забыт; он расстрелял сотни австрийских рабочих и все же не стал австрийским дуче. Майор Фей, второй вождь и «Непобедимый», сегодня больше не имеет за собой и тысячи вооруженных приверженцев; и его игра пришла к концу. Шушниг разоружает хеймвер, чтобы предотвратить возможное предательство. Ведь уже был такой случай, когда часть защитников родины — штирийский корпус хеймвера — перешла на сторону национал-социалистов; их вождем был Ринтелен. Новая «фронтальная милиция» (Frontmiliz), бюрократическая правительственная организация, без связи с массами и без активных вождей, не является силой, способной оказать действительное сопротивление.

Шушниг делает следующую лихорадочную попытку: вместе с клерикалами он пробует поставить ставку на *Габсбургов*. Маленький Отто и его мать Борджиа должны на троне Франца Иосифа снова укрепить оплот против Севера и сделать его на долгое время неприступным. Может ли реставрация монархии в Австрии действительно изменить положение вещей? Габсбурги являются кандидатами международного католического лагеря, более точно — партии «Католического действия» отца Ледоховского, генерала ордена иезуитов.

Клерикальная партия все еще представляет собой силу в Европе. Ее политика не направлена ни на поддержку Гитлера, ни полностью на поддержку Муссолини; эта партия не хочет создания ни тевтонской, ни римской империи, ей нужна «Священная Римская империя» средних веков с центром в Вене — старый, извечно несбывающийся сон католических схоластов и владетельных князей, но к этому они стремятся еще до сих пор. Вот чего хотят сегодня доктор Шушниг в Вене, кардинал Фаульгабер в Мюнхене, легитимисты Карольи и Циши в Венгрии, «католический блок» (монсеньер Шрамек) в Чехословакии, «клерикальная группа» в Варшаве, словенские «федералисты» (монсеньер Корошец) в Югославии и другие разветвления всей этой системы; этого хотели в свое время доктор Брюнинг в Германии и отец дон Стурцо, лидер «Пополяри» в Италии.

Эта программа все еще привлекает значительные аграрно-католические клики в дунайской зоне, которые опасаются за сохранность своей земельной собственности и видят в реставрации Габсбургов средство удержаться между великими динамическими силами на севере и на юге¹. Но

¹ Неслучайно, что одним из ближайших личных «советников» и самых доверенных лиц Муссолини был в течение ряда лет отец Такки Вентури, крупный деятель ордена иезуитов.

достаточно ли этого? Достаточно ли Шушнигу Габсбургов, даже при итальянской поддержке, чтобы удержать Вену?

Ясно одно. В данный момент Гитлер не может рискнуть на действительно открытое нападение на Вену, на повторение 25 июля, на этот раз даже при поддержке регулярных германских дивизий, которые на грузовиках могут покрыть расстояние от баварской границы до Вены за шесть часов. Слишком большие силы стоят перед ним на главных фронтах, чтобы он мог открыть свой фланг на юге, в то время как предстоит действительно большой поход в другом направлении. Но если Гитлер пока еще не может силой безраздельно захватить Вену и южно-европейское побережье, то он должен обеспечить себе там позиции путем компромисса. Поэтому блестящий зять Муссолини едет в Берлин. Поэтому снова провозглашается «священный союз» двух фашизмов, протягивающийся через континент, несмотря на то, что они всего за два года перед этим стояли друг перед другом с обнаженным оружием и рано или поздно снова окажутся в такой же позиции. На определенном участке их путь общий.

Южный партнер в этом альянсе тоже ощущает слишком большую угрозу своему флангу, чтобы не войти в этот временный блок. В настоящий момент Муссолини боится даже больше, чем соперника на Бреннере, противника на Средиземном море — английское Адмиралтейство, которое с Кипра, из Афин, из Белграда, из Константинополя и даже из Парижа организует встречный удар против победителя в Абиссинии. Он боится бури народного восстания в Испании. Ставленник миланской олигархии подписывается под антибольшевистским единым фронтом со взглядом, устремленным гораздо пристальнее на Лондон, чем на Москву.

Это подкладка и фундамент нового «германо-итальянского союза», фундамент, построенный на песке, который завтра может рассыпаться. Но сегодня этот союз позволяет Гитлеру одной ногой ступить туда, откуда он 25 июля 1934 г. так стремительно был отброшен, а именно в Вену: а это — первый этап его плана.

Глава IV. Создание фашистской лиги на юго-востоке Европы

(Гитлер — Гембеш)

События в Вене не являются изолированным инцидентом. 25 июля 1934 г. и его последствия — мы не говорим о борьбе за железо в Штирии, так как рассматриваем вопрос гораздо шире — являются лишь частью, лишь звеном более широкой цепи событий, разыгравшихся на арене, охватывающей весь европейский континент. Нарастание событий началось в 1934 г., а их развитие еще не достигло своей высшей точки.

Хотя эти сенсационные события на первый взгляд независимы одно от другого и происходят в самых различных пунктах континента, хотя отдельные инциденты разделены промежутками в несколько недель или

месяцев, тем не менее все происходящее представляет на деле единый, связанный цикл. Отдельные события берут начало в одном и том же источнике, ибо их охватывает цельный, объемлющий отдельные детали, план. Вот звенья этой цепи.

Конец декабря 1933 г. Убийство румынского премьер-министра Дука в результате заговора фашистской организации «Железная гвардия».

Март 1934 г. Попытка переворота, предпринятая фашистскими лигами «Борцы за свободу» и «Балтийское братство» — в Эстонии.

Май 1934 г. Переворот, произведенный группой «Звено» против Кобургской династии и фашистской македонской организации «Имро» — в Болгарии.

Май 1934 г. Переворот и приход к власти правительства Ульманиса и запрещение тайных лиг «Перконкруст» и «Балтийское братство» — в Латвии.

Июнь 1934 г. Попытка переворота, произведенная фашистской организацией Вольдемараса «Железный волк» — в Литве.

Июль 1934 г. Попытка национал-социалистского переворота и убийство канцлера Дольфуса — в Австрии.

Октябрь 1934 г. Убийство югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту хорватской фашистской организацией «Усташы» — в Марселе.

Март 1935 г. Попытка венизелистского переворота и гражданская война в Греции, закончившаяся в августе 1935 г. установлением диктатуры генерала Метаксаса и короля.

Апрель 1935 г. Переворот, произведенный царем Борисом против правительства группы «Звено» — в Болгарии.

Декабрь 1935 г. Вторая попытка путча, предпринятая «Борцами за свободу» — в Эстонии.

Вот что произошло в течение двух лет. События в Вене были лишь вспышкой молнии, осветившей невидимый задний план.

Дело вовсе не ограничивается какой-либо одной страной. Эпидемия таинственных и зловещих политических потрясений внезапно распространилась по всей Европе. Перевороты, покушения на членов правительств, военные заговоры следуют друг за другом с небывалой, кинематографической быстротой. Эти события вспыхивают одновременно в различных «неспокойных пунктах» континента и сменяют одно другое чуть ли не целыми сериями. Отдельные зоны европейского континента превратились вдруг в поле битвы для разнообразных конспираторов, гангстеров и ирредентистов. Ни на одно мгновение нельзя более быть гарантированным от повторения событий подобного рода.

Что кроется за всем этим? Политическая история не знает такого множества подобных инцидентов: беспорядки в дунайских странах и на пространных всей Восточной и Юго-Восточной Европы за 1934–1936 гг. — это не безделица. Это, однако, не волна социальной гражданской войны, не массовые конфликты между пролетариатом и господствующим классом. Разыгравшиеся события не относятся к числу так часто потрясавших Европу классовых битв. Рабочие, подлинно революционный класс, не участво-

вали ни в одной из этих стычек. Более того, во всех этих сражениях обе враждующие стороны пытались в первую голову подавить и сделать неспособным к сопротивлению самого страшного для них врага — рабочий класс¹. Нет, борьба, идущая ныне между тайными ассоциациями, военными лигами и террористическими заговорщиками, это борьба между различными группами крупной и мелкой буржуазии. Борьба ведется, тем не менее, с крайним ожесточением, противники полны желания уничтожить друг друга, и им действительно подчас это удается.

От Ревеля до Бухареста начались стычки, напоминающие стычки бандитов в Чикаго или Шанхае. Замечательно при этом то, что происходящие в разных странах события по существу не имеют никаких национальных особенностей. Сенсационные события в Болгарии, Румынии, Австрии, Литве, Латвии, Эстонии, Югославии — а завтра, без сомнения, и в других местах, — в странах со столь различным географическим положением, политическим прошлым и государственным устройством, по характеру своему почти не отличаются друг от друга. Противники дерутся не за ту или иную форму политического правления в стране. На деле все они — Шушник или Габихт, Карагеоргиевич или Павелич, Вельчев или Михайлов, Сметона или Вольдемарас, Кондилис или Венизелос — являются фашистами и могильщиками демократии. Они борются также и не за проведение определенной политики по отношению к тому или иному классу: все это враги рабочих, угнетатели крестьян, эксплуататоры мелкой буржуазии.

Все участники событий последних лет являются защитниками чьих-то интересов, лежащих за пределами их стран; ими руководят невидимые, но грозные силы, силы, снабжающие их своим оружием, своими лозунгами, вдохновляющие их своей настойчивостью. Серия переворотов и покушений в десятке стран на востоке и юго-востоке Европы в 1934, 1935 и 1936 гг. это еще только начало действительно гигантского процесса. Это лишь подготовка *генерального путча*, который должен произвести вместе со своими союзниками аппарат Гитлера — Розенберга *на всем пространстве между Черным и Балтийским морями*. Эта подготовка вызвала, естественно, противодействие французского министерства иностранных дел и других заинтересованных сторон. Австрия на этом фоне — только отдельный эпизод. Вот какова действительная сущность происходящего.

Но, спрашивается, зачем нужен «генеральный путч» — попытка одним махом нанести удар целой четверти континента? «Генеральный путч» — это стратегическая форма, которую в этой зоне — зоне, решающей для развертывания фронта германского империализма — присвоила и неизбежно должна была присвоить внешняя политика гитлеровско-тиссеневского государства в 1934–1936 гг. Эта политика не терпит более промедлений, она не

¹ Это положение начало изменяться лишь недавно, с тех пор как рабочий класс, в свою очередь, вступил в борьбу за дело мира, создавая народный фронт с радикальными партиями мелкой буржуазии. И где бы ни происходила эта борьба за мир — так было, между прочим, и в Греции — противник немедленно отвечал режимом террора против *всего* народа.

может более удовлетворяться частичными экспериментами и медленной «эволюцией» в направлении конечных целей. Необходимо разом, быстро и без отлагательств, вступить в новую стадию борьбы. Нужно избрать совершенно иную стратегию, применив такую форму наступления, которая затмит все до сих пор известные. Некогда заниматься выбором методов.

Здесь уместно провести аналогию между внешней и внутренней политикой Гитлера. В начале 1933 г. пробудилось народное сопротивление фашизму, и национал-социалисты в Германии не могли более продолжать свое наступление парламентскими методами. Желая избежать краха в последний момент, фашисты избрали тогда путь тайной провокации: они подожгли рейхстаг и добились падения Шлейхера. Точно так же и международное гитлеровское наступление должно было применить в намеченных им и стратегически необходимых ему пунктах крайние отчаянные методы. Пришлось отбросить все посторонние соображения и играть ва-банк.

История не ждет, она не приостанавливает свой ход даже ради фашизма. После победы Гитлера в Германии история предоставила ему для выполнения его плана континентальной агрессии лишь точно определенный и строго ограниченный срок. Инициатива будет находиться в руках Гитлера только в течение этого срока. Если же Гитлер не достигнет своих целей достаточно быстро и не сумеет действовать путем «совершившихся фактов», время начнет работать *против* него, и *против* него будет расти все более широкое наступление.

Великая мобилизация Франции, Советского Союза и других демократических стран против плана Розенберга, начавшаяся еще со второй половины 1933 г. и интенсивно проводившаяся по всей Восточной и Юго-Восточной Европе, сыграла свою роль. Активность сил, приведенных в действие названными державами, и рост движений, враждебных фашизму, развивались даже быстрее, чем вновь основанные филиальные национал-социалистские партии и гитлеровские агентства¹. Противники фашизма чрезвычайно разнохарактерны: это «либеральные» и полудиктаторские режимы французской ориентации (Румыния, Югославия, Чехословакия, Прибалтийские страны); это, наконец, народный фронт и движение рабочего класса, повсюду объявившего беспощадную борьбу пангерманскому фашизму. Положение Бенеша, Шушнига, Лайдонера, Сметоны снова укрепилось.

Борьба за господство в этой зоне с каждым днем становится для Гитлера все труднее. Старая тактика «макиавеллистской» дипломатии («Разделяй и властвуй») оказывается недостаточной, как показывает пример Италии. «Легальная» политическая кампания в борьбе за власть терпит крах, как было в Австрии. Дует противный ветер, и этот ветер может превратиться в грозный шторм: Германия изолирована теперь и с юга и с востока. Благоприятный момент упущен, ибо не использован резерв времени, предоставленный историей. Быть может, уже завтра антифашистское народное дви-

¹ См. «Гитлер над Европой?» часть II, глава III «Тайный «Интернационал» г-на Розенберга».

жение в Германии и за ее пределами хлынет через край и возьмет инициативу в свои руки.

В этой обстановке Гитлер не мог не прийти к новому, далеко идущему, решению. Гитлер начинает создавать совершенно новые орудия международной политики и предпринимает действия необычайно серьезные, действия, которые могут в корне изменить весь ход событий. «Мировой план» национал-социализма вступает в свою последнюю фазу. И первым шагом к его осуществлению, его артиллерийской подготовкой, было резкое, внезапное усиление международного путчистского движения, руководимого германским фашизмом.

Политика национал-социализма в 1933 г. была всего лишь детской игрой. «Внешнеполитический отдел национал-социалистской партии» — это второе министерство иностранных дел Третьей империи и олицетворение на международной арене всемогущего «главного штаба СС» — готовит почву для «окончательного решения».

В итоге совершенно явственно обозначаются два связанных друг с другом путчистских плана на континенте: это удары по балтийским и по балканско-дунайским странам, т. е. в зонах «Восточного» и «Юго-Восточного» пактов. Именно над этими зонами собираются грозовые тучи. Содержание планов, подготовка их и выполнение сходны в обеих зонах. Оба удара служат одной и той же цели.

В обоих случаях непосредственным противником является Франция. Местные правительства или партии, которые должны быть убраны с дороги, свергнуты, физически уничтожены или покорены, это только пешки в игре. Во всех странах будет применен один и тот же метод, а именно прямое, «внепарламентское» выступление активных фашистских террористических групп. Когда наступит благоприятный момент, эти группы произведут переворот, опираясь на свою иностранную базу и не брезгуя никакими средствами.

В балтийской зоне Гитлер и Розенберг в союзе с Польшей Бека заняты организацией во всех четырех лимитрофных государствах — Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии — новой подпольной лиги. Лига эта носит название «польско-балтийского фашистского союза» и должна сыграть роль организатора заговора против правительств «франко-советской ориентации». Это линия фронта *Бек — Маннергейм — Вольдемарас — Ларка — Цур-Мюлен — Скоропадский*.

Во второй, тянувшейся от Вены до Бухареста, зоне фронт антинационал-социалистских государств сцементирован наиболее надежно. Гитлер в союзе с Венгрией объединяется с уже сложившейся террористической силой, влияние которой в течение ряда лет ощущается в этой части европейского континента. Это тайная юго-восточная европейская террористическая и ирредентистская лига *Гембеш — Виндишгрец — Михайлов — Павелич*, лига, поддерживаемая также Кобургами и Кодреану. На счет этих двух лиг в Варшаве и Будапеште и центрального руководства, получаемого ими из Берлина, следует отнести все события, происшедшие в 1934–1936 гг. в этой части европейского континента.

Как же все это было организовано?

В течение пятнадцати лет Будапешт был для Юго-Восточной Европы тем же, чем для Центральной Европы является Берлин. С 1919 г., с тех пор как в Венгрии победила контрреволюция и в стране воцарился белый террор, Венгрия стала в Европе одним из самых крепких оплотов черной реакции.

В течение ряда лет один и тот же человек проводил из Будапешта определенную политику, подобно политике Гитлера, проникающую через границы отдельных государств. Имя этого человека — Юлиус Гембеш¹. Это — нынешний премьер-министр Венгрии и бывший вождь террористической организации «расистов» в Будапеште. Военно-политическая организация, которой он руководит, тайно поддерживается его правительством. Влияние этой организации и ее разветвления простираются от Дуная до Черного моря, охватывая, кроме Венгрии, Болгарию, Югославию, Македонию и, частично, Словакию, Албанию и Румынию.

Эта организация снова и снова привлекает внимание и возбуждает тревогу кабинетов и правительств всех западноевропейских держав. Название ее почти никогда не упоминается, в прессе изредка встречаются лишь названия отдельных подразделений, и тем не менее, именно она ответственна фактически за все чреватые опасностями события и рискованные эксперименты, имевшие место в упомянутых странах. Никогда еще не удавалось прекратить деятельность этой организации и положить конец ее козням. Совсем недавно она пользовалась покровительством Муссолини.

Официальная программа лиги это — так называемый «ревизионизм», т. е. борьба за отмену мирных договоров 1919 г. для дунайской зоны, договоров, «искромсавших» Венгрию, Австрию, Болгарию, Македонию и Хорватию в пользу оруженосцев французской политики, новых государств Малой Антанты. В действительности это сборище опаснейших и самых отчаянных ирредентистов. При помощи тайного террора, партизанской войны, поощрения мятежных националистических и фашистских движений, не брезгуя самой обыкновенной уголовщиной (например, подделка банкнот), вся эта компания добивается осуществления одной и той же цели. Этой целью является полное разрушение и уничтожение существующих национальных государств Юго-Восточной Европы. На их месте должна вырасти новая антидемократическая конфедерация «угнетенных» дунайских национальностей во главе с венграми. Эта конфедерация должна отомстить чехам, сербам и румынам за договоры 1919 г. и должна снова, как это было много веков назад, сделать Дунай цитаделью злейшей в Европе реакции.

Таков план. Моральные качества людей, борющихся за его осуществление, вполне ему соответствуют. Вся система состоит из трех тесно связанных главных секций: 1) Тайная лига националистических венгерских ирредентистов — «Тес» (отчасти известная широкой публике под названием «Пробуждающиеся венгры»), тождественная официальной ныне правящей в Венгрии партии. 2) Так называемая Внутренняя македонская революционная лига — «ИМРО»; центр ее находится в Болгарии, но «ИМРО» ведет

¹ Гембеш умер в октябре 1936 г. — *Прим. переводчика.*

свою работу и в южной части Югославии. 3) Хорватская инсургентская лига «Усташи», развивающая свою деятельность в северной части Югославии. Нити от нее ведут также и к словацким сепаратистам в Чехословакии, антисербскому движению «комитаджи» в Албании, антитурецким инсургентам во Фракии, к нелегальным венгерским и болгарским группам в Трансильвании и Добрудже (Румыния) и т. д.

Всю эту разветвленную сеть нельзя назвать политической партией. Это вооруженный лагерь, тайная армия, скрытая под поверхностью государств Малой Антанты, государств, в которых постоянно тлеет национальная вражда. Центральное руководство находится в руках венгерской «Тес», обладающей самыми крупными денежными фондами, самым большим техническим и военным снаряжением и наиболее опытными инструкторами. «Тес» следит за политической координацией всей системы.

Что же представляет собой «Тес»? Коротко говоря, это неофициальное правительство Венгрии. Это мозг и сердце венгерской контрреволюции, организация, вдохновлявшая внешнюю и внутреннюю политику Венгрии в течение более чем пятнадцати лет. Полное название этого тайного общества «Testver Szövetseg» (союз-братство — отсюда сокращение — «Tesz»). Это общество было основано так называемой кликой Хорти. Оно имеет членов во всех слоях венгерского господствующего класса: среди землевладельцев, студенчества и, особенно, в армии. Это офицерская хунта, которая утопила в крови Венгерскую советскую республику с помощью румынских войск и заняла затем все посты в государстве, превратив его в «неограниченную монархию без короля».

Пять человек были создателями «Тес» в ее нынешнем виде. Это, во-первых, сам *Хорти* — бывший адмирал Австро-Венгерской монархии, ныне пользующийся безраздельной властью правитель Венгрии. Этот исступленный враг Малой Антанты представлен или был представлен в руководстве «Тес» начальником своей личной охраны полковником Георгом Гергей и майором Проней. Второй из создателей «Тес» — это экс-лейтенант Иван *Хейяш*, венгерский Геринг, знаменитый организатор белого террора и палач венгерских революционеров. Этот дьявольски жестокий человек является до сегодняшнего дня любимцем привилегированного офицерского корпуса. За Хейяшем следует барон *Переньи*, представитель аграрной фашистской аристократии и бывший министр внутренних дел. Его официальный титул — «хранитель короны святого Стефана». Барон Переньи является председателем «Тес». Четвертый творец «Тес» — князь *Луи Виндишгрец*, злополучный герой дела о фальшивых франках 1926 г. Активнейший путчист-профессионал в дунайских странах, он выполняет роль международного посредника «Тес». (Мы вернемся далее к той особой роли, которую он сыграл в событиях 1934 г.) И, наконец, к числу основателей «Тес» относится *Юлиус Гембеш*, венгерский немец, а не венгр по национальности, бывший капитан генерального штаба, командовавший войсками Хорти в 1921 г. во время неудачной попытки реставрации монархии в пользу императора Карла. После этого Гембеш стал лидером антисемитской ультрафашистской «Партии защиты расы». Эта партия регулярно орга-

низовывала погромы в венгерских городах, до тех пор пока Хорти не легализовал ее, назначив ее вождя премьер-министром.

Эта пятерка, к которой следовало, быть может, прибавить бывшего премьер-министра графа Бетлена (также члена «Тес»), составляет нечто вроде постоянной правящей государством директории. Сам Гембеш и «директор» его партии Николас Матьени были членами внутреннего комитета «Тес». Гембеш до конца своих дней являлся почетным его председателем¹.

Признанные вожди венгерского фашизма, все без исключения, были или являются членами этого общества. Среди них друг Хорти граф Клебельсберг (бывший министр народного просвещения), начальник полиции Наллосси и епископ Задрavec (герои дела о фальшивых франках), Луи Фишер, Ян Мерверт, Стефан Валери (высокопоставленные офицеры генерального штаба) и др. Это та клика, которая распоряжается в венгерском парламенте. Поразительно, что ей удается делать это непрерывно и при отсутствии оппозиции, несмотря на существование различных «разрешенных» партий и происходящую время от времени смену министров. Но суть в том, что за этой кликой всегда стоят воля всемогущего регента и штыки армии.

С социальной точки зрения эта клика выражает интересы всех групп венгерских имущих классов. Исключение составляют лишь закоренелые католические магнаты — собственники крупных поместий. Эта группа враждует с мелким дворянством, преданным Хорти и кальвинизму. Она стоит поэтому в оппозиции к правительству и поддерживает Габсбургов.

Итак, правит Венгрией «Тес» — группа, являющаяся душой воинствующего венгерского ревизионизма. Ясно поэтому, что «Тес» развивает свою деятельность не только внутри Венгрии, но и за границей. «Тес» вдохновляет и руководит ревизионистскими движениями на противоположном берегу Дуная, в бурливых балканских странах.

«Тес» непосредственно связана с македонской «ИМРО». Это тайное общество «комитаджи» хорошо известно в истории европейской политики, так как оно фигурировало в числе поджигателей во время всех балканских войн. Уже в течение сорока лет это общество непрерывно является чем-то вроде порохового склада между тремя государствами: Болгарией, Сербией и Грецией.

«Внутренняя македонская революционная организация» — «ИМРО» — была основана в 1893 г. балканскими патриотами Грюевым и Дечевым по образцу старых греческих лиг борьбы за свободу. «ИМРО» имела когда-то защиту и поддержку в каждой македонской деревушке. Она должна была тогда стать орудием в руках бедного угнетенного крестьянства Македонии в

¹ Этот факт был однажды признан даже полуофициальной газетой «Temps», опубликовавшей сообщение своего белградского корреспондента (5.XI.1934 г.). «Тес» появляется перед широкой публикой только под прикрытием хорошо известного «легального» общества «Национальный союз» или «Tarsadalmi Egvesületek Szövetsége» (сокращенное название тоже — «Тес»). Общество официально работает на благо объединения национальных сил, но на деле это абсолютно та же организация, что и «Тес». Ее председателем является также барон Переньи. Гембеш одновременно возглавлял более узкое военное общество «MOVE» («Magyar Oszzagos Vedo Egylet»).

его борьбе за национальную независимость — сначала против турок, а затем против сербских и греческих жандармов.

Сейчас, когда от «ИМРО» откололось действительно революционное ее крыло, так называемые «федералисты», эта организация представляет не что иное, как банду беспринципных, жестоких и кровожадных убийц и гангстеров. Эта банда угнетает родную страну, находясь на службе правящих классов Болгарии.

В 1923 г. «ИМРО» помогла болгарским офицерам и фашистам (партии Цанкова) свергнуть демократическое крестьянское правительство Стамболийского и затем подвергнуть страну кровавому белому террору. Дата прихода к власти партии Цанкова открыла для «ИМРО» период расцвета как в Софии, так и в провинции. В столице от нее зависело теперь официальное болгарское правительство. В провинции же, в районах Петрич и Горня Джумая, ею было создано нечто вроде негласного правительства. Крестьяне должны были беспрекословно повиноваться их приказаниям и отдавать большую часть своей выручки в кассу «комитаджи».

С 1924 по 1934 гг. «ИМРО» совершила более тысячи актов индивидуального террора. Члены «ИМРО» нападали на своих противников — по большей части македонских и болгарских левых революционеров — на улицах или в квартирах и убивали их. Именно так были убраны за последнее десятилетие со сцены самые светлые головы и лучшие патриоты Македонии. Тысячи крестьян пали жертвами «карательных экспедиций» против непокорных деревень и районов. Даже сам лидер «ИМРО» *Ванко Михайлов* получил это высокое звание лишь после того, как им были организованы убийства его соперника генерала Протогера и почти всех оппозиционных лидеров. Прочие руководители организации пользуются такой же славой. Таковы, например, Дрангов или *Влада Георгиев*, убивший двух македонских депутатов (Димова и Томалевского).

Вот каково лицо современной «ИМРО». Национальные герои и борцы за свободу в прошлом, они выродились в заурядных бандитов и насильников. «ИМРО» не последовала по пути социального раскрепощения, она пошла по фашистскому, антипролетарскому пути шовинизма. Такова зачастую судьба ирредентистских движений, с самого начала четко не определивших своего классового характера. Международное значение «ИМРО» и важность ее союза с Венгрией определяются тем, что «ИМРО» ведет на территории *сербской* Македонии постоянную партизанскую войну против югославских властей.

Политика «ИМРО» направлена на то, чтобы вызвать войну между Болгарией и Югославией. По окончании войны Болгария должна будет претендовать на аннексию македонских областей Югославии. От Греции также должны быть отделены некоторые македонские районы. Ясно, что «ИМРО» связана с антисербским и антифранцузским лагерем болгарских политиков, с лагерем, питающим ревизионистские настроения. Такова партия *Кобургской династии*. Именно в этом источник ее силы.

С самого конца войны, т. е. уже в течение восемнадцати лет, Кобургская династия пытается подкрепить свой шатающийся трон. За нее стоит не-

большая преданная династии часть болгарского офицерского корпуса. Против нее — болгарские крестьяне, все прогрессивные элементы в стране и большая часть офицерского корпуса. Офицеры мечтают об установлении военной диктатуры и о союзе с Югославией. За эти цели борется болгарская «Военная лига» полковника Вельчева (известная также как группа «Звено»), к которой принадлежит большинство командного состава гарнизонов, дивизий и военных школ.

Власть в Болгарии постоянно переходит из рук в руки. В 1934 г. «Военная лига» вырвала власть у царя Бориса. В 1935 г. царь Борис напал врасплох и одержал победу над «Военной лигой». «Военную лигу» поддерживает франкофильская группа. Кобурги же, которые в 1914 г. принесли Болгарию в жертву Гогенцоллернам, однако не потеряли, подобно им, своего трона в 1918 г., снова подумывают о реванше против сербов, греков и турок. Вот почему Кобургская династия готова на все, чтобы объединить свои силы с «ИМРО». Ведь эта организация в самой Болгарии «ликвидирует» врагов Кобургской династии, а за пределами страны систематически совершает набеги на пограничные районы Югославии с македонским населением.

Последний премьер-министр царя Бориса в 1935 г., Тошев был даже личным эмиссаром Михайлова, лидера «ИМРО». Вельчева и «Военную лигу» поддерживает только небольшая фракция «комитаджи» (группа Протогеровова — Шанданова), соперничающая с группой Михайлова. Члены враждующих фракций стреляют друг в друга при каждом удобном случае. Однако ядро македонской террористической организации с ее высококвалифицированными кадрами политических убийц связано с Кобургской династией и поддерживает тесную связь с «Тес» и венгерским правительством. «ИМРО» — это второй член тайной «ревизионистской лиги», направленной против Малой Антанты.

Третий член этой лиги имеет ту же политическую окраску и придерживается точно таких же «рабочих методов», что и два других ее члена. Хорватская «Усташи» отличается от «Тес» и «ИМРО» только сферой влияния. Хорватия после войны, против воли ее высококультурного народа, была оккупирована сербами. В Хорватии была установлена свирепая диктатура. Хорватия представляет теперь внутри Югославии «Македонию Севера». Нелегальная «Усташи» (инсургенты) пытается поэтому следовать примеру Михайлова.

Эта малоизвестная маленькая группа состоит из людей, представляющих собой отбросы мелкобуржуазной националистической молодежи, людей, ненавидящих хорватское демократическое крестьянство и его великую партию (движение Радича). «Усташи», руководимая почти исключительно хорватскими офицерами, бывшими офицерами австрийской армии, требует не только полной независимости Хорватии, но и отделения от Югославии Словении, Далмации и Боснии. Это означало бы на деле полное разрушение югославского государства. Югославия стала бы в этом случае даже меньше довоенной Сербии. Союз или федерация новой Великой Хорватии с Великой Венгрией и Великой Болгарией, т. е. уничтожение Малой Антанты, — вот что естественно вытекает из программы «Усташи».

Великая национальная партия Хорватии, так называемая Крестьянская партия, не имеет никаких ревизионистских притязаний и не питает анти-французских настроений.

Лидеры «Усташи»: бывший депутат доктор Анте Павелич; бывший капитан австрийской армии, *старый друг Юлиуса Гембеша* еще со дней, проведенных в аграмских казармах, Перчич; бывший австрийский генерал и губернатор Хорватии Саркотич; бывший офицер австрийской контрразведки Иван Перчевич — все эти люди ведут себя так, как будто они и не прерывали войны с Сербией. «Усташи» вооружает мятежные элементы в Югославии и совершает там акты индивидуального террора. В некоторых смежных с Югославией странах они держат в лагерях специально обученные кадры террористов. Это делается в качестве подготовки к грядущему «вооруженному восстанию» в Хорватии.

В январе 1934 г. они подготовили крушение скорого поезда в Загребе, в котором Бенеш, Титулеску и Ефтич должны были ехать на конференцию стран Малой Антанты. Весной 1934 г. они бросили бомбу в полицейское управление в Аграме (столица Хорватии). Летом 1934 г. в Аграме снова была брошена бомба, на этот раз на съезде сербских «Соколов» (спортивная организация югославского правительства). Нападения на железные дороги, мосты и общественные здания являются для «Усташи» обыденным, будничным делом. Ведь недаром же во главе этой организации стоят специалисты, имеющие опыт работы в генеральном штабе. И в то же время в области внутренней политики «Усташи» ничем не отличается от «Тес» или «ИМРО». В полном соответствии со своей социальной сущностью — это архиреакционные фашисты и такие же заклятые враги рабочих, радикальных крестьян и передовой интеллигенции своей родины, как «Тес» или «ИМРО».

Террористические клики, развивающие активную деятельность в разных местностях вдоль Дуная, составляют *одну* группу, одну систему. Теснейшая связь членов этой группы между собой, их единство в вопросах внешней политики и непревзойденная жестокость — члены ее готовы абсолютно на все и уж во всяком случае не станут считаться с международными условностями, — все это и сделало активные террористические клики в дунайских странах столь важным, действующим за кулисами европейской политики, фактором.

Кажется почти невероятным, что такая организация может существовать в самом центре мирной Европы, и тем не менее существование ее — непреложный факт. Это один из недугов, оставленных в наследство мировой войной и «миром» 1919 г. Официальные правительства, по меньшей мере, двух стран — Венгрии и Болгарии — являются орудиями этой скрытой силы. Та же темная сила постоянно ведет подрывную работу против правительств других дунайских стран и пытается всячески им навредить.

В Юго-Восточной Европе сейчас происходит уже знакомый нам процесс. Мы наблюдаем там ту же социальную и политическую силу, которая в более широком и законченном виде породила в Центральной Европе национал-социализм. Вот почему так быстро идет этот процесс и так велико его значение. В Юго-Восточной Европе так же, как и в Германии, фашизм был

вначале просто сворой профессиональных наемников, главным образом состоявшей из офицеров мировой войны. То, что эти люди по окончании войны оказались в лагере побежденных, составляло для них еще полбеды. Но демобилизация была для них страшным несчастьем — им пришлось искать себе другое занятие.

Гембеш, Виндишгрец, Волков, Михайлов, Павелич, Перчич, Штаремберг нашли себе в Восточной Европе такое же занятие, как Геринг, Рем, Гейнес, Эпп — в Германии. Всем этим людям представилась возможность за хорошее вознаграждение сделаться профессиональными контрреволюционерами, фашистами. Ведь, помимо всего прочего, было так заманчиво снова получить в свои руки оружие. Так возникли первые ячейки национал-социализма, и так же зародился *«воинствующий ревизионизм»* на Дунае — термин, который в этой зоне является лишь псевдонимом фашизма.

И точно так же, как германский национал-социализм, фашизм в Юго-Восточной Европе стремится создать империалистическое объединение. «Пробуждающиеся венгры», болгарские «комитаджи» и хорватские террористы уже в течение пятнадцати лет ведут свою повседневную разрушительную работу со все возрастающей энергией. В Будапеште находится главный штаб, руководящий, снабжающий оружием и финансирующий различные национальные секции. Князь Виндишгрец является фактически главой этого штаба.

В 1929 г. в Софии состоялась конференция, на которой были точно разработаны условия сотрудничества между различными национальными группами. Между «ИМРО» и «Усташи» был, с ведома болгарского правительства, заключен настоящий договор. Со стороны хорватов договор был подписан Павеличем и Перчицем, со стороны македонцев — доктором Станичевым и членом парламента В.Васильевым. Павелич, еще в 1927 г. выступавший в Югославии в роли адвоката арестованных террористов «ИМРО», и Михайлов заключили союз. «ИМРО» назначила постоянного представителя и «инструктора» в штаб «Усташи». Первым был назначен адъютант Михайлова, Дрангов, вторым — член главного штаба «комитаджи» и личный шофер Михайлова, Влада Георгиев (он же — «Величко», «Димитров», «Келемен», «Черноземский» и т. д.).

Наряду с этим был укреплен международный центр в Будапеште. Был установлен непосредственный контакт делегатов «ИМРО» и «Усташи» не только с «Тес», но и с наиболее важными венгерскими правительственными органами — министерством иностранных дел и генеральным штабом. Таким образом, получилось, что многие болгарские инсургенты стали играть важную роль во влиятельных кругах венгерской армии. Среди этих лиц мы встречаем, например, Перчица, правую руку Павелича, и, как было упомянуто выше, старого друга Гембеша по армии; профессора Петричевича, также одного из лидеров «Усташи» и в то же время профессора военной школы в Будапеште; Дрангова и др.

Венгерские военные круги не остаются в долгу. Имеется целая группа офицеров, занимающихся обучением и вооружением хорватов и македонцев. Находящийся под командой Перчица лагерь «Усташи» в Янка Пуста на

югославской границе, где идет обучение технике терроризма и бандитизма, стал на деле учебной единицей венгерской армии. Один из венгерских военных инструкторов, майор Ковач, сыграл впоследствии важную роль в качестве международного посредника этой группы террористов.

Переньи, Виндишгрец и другие подлинные политические руководители ревизионистского «Интернационала», пытались распространить его и на другие дунайские и балканские страны. Так, в Австрии князь *Штаремберг*, глава еще не являвшегося тогда регулярной армией хеймвера, некоторое время склонялся под влиянием Италии к этой политической линии. В Албании Павелич заключил соглашение с антисербской ирредентистской организацией Гассан Бека «Прикотина» (Гассан Бек вскоре после этого был убит). В Чехословакии делались попытки связаться со смертельным врагом Бенеша и Масарика священником Глинкой, вождем словацких крестьян-католиков, и его партией сепаратистов.

Во всем этом движении незримо, но явственно ощущается покровительство Бенито Муссолини, великого патрона ревизионизма, противника Франции на юго-востоке и... будущего предателя ревизионистских идеалов.

И все-таки фашистская армия на юго-востоке Европы сама по себе недостаточно сильна, чтобы предпринять действительно решающие по своему размаху действия. Тайная ревизионистская лига на Дунае непрерывно производила мелкие атаки на тыл Малой Антанты. Члены лиги совершали то тот, то другой акт индивидуального террора, умертвили немало ни в чем не повинных крестьян и пограничников. Они затевали и фантастические, рискованные предприятия, вроде подделки французских банкнот. Но на большее фашистская лига не осмеливалась.

Для того чтобы отважиться на более решительные действия, необходимы были контакт и толчок со стороны *более крупной*, а главное в военном и экономическом отношении более сильной, фашистской системы. Именно это нужно было юго-восточному европейскому ревизионизму, чтобы пойти ва-банк и с 1934 г. развить такое наступление, которое своей стремительностью должно было смести все на своем пути. Такое наступление должно в этой зоне привести к генеральному путчу по всему фронту против Малой Антанты и ее правительств. Контакт с более могущественной системой установился в конце 1933 г. Розенберг наэлектризовал Гембеша.

Юго-восточный ревизионизм нужен был Розенбергу, как нужен порох для выстрела. В этой зоне, являющейся географически непосредственным продолжением Австрии и последним звеном большой стратегической цепи, ведущей от Центральной Европы к Черному морю, ревизионизм должен был выступать в тех же ролях, что и национал-социалистский путчизм в Австрии. Розенбергу не оставалось желать ничего лучшего. В этом районе не было ведь ни «германских братьев по расе», ни германского «расового движения», участников которого можно было бы вооружить для борьбы за *аншлюсс*.

Здесь нужно было найти какую-то иную силу, какова бы она ни была, силу, которая послужила бы рычагом и детонатором. Розенберг принял ревизионизм весь целиком, со всеми его целями, принял безусловно и с

энтузиазмом. Пророк чистого тевтонства, организатор интегрального пан-германизма на все сто процентов признал интересы венгров, имеющих своими родоначальниками монголов, славянских хорватов, балканских македонцев. Он признал бы, вероятно, и интересы любой другой национальности. Некогда было заниматься всеми этими мелочами.

Будапештский блок созрел для мировой политики национал-социализма. Наступление на Вену необходимо было продолжить. При том было ясно, что ирредентисты, которым грозило полнейшее бессилие, более всего нуждались в новом покровителе. Шаткость дружбы с Италией была очевидна, а для Хорти лишение поддержки Муссолини означало полный крах во всех его начинаниях. Более того, это могло вызвать даже непосредственную опасность политических перемен в самой Венгрии, перемен в пользу осмелевшей профранцузской легитимистской партии. Хорти грозила бы тогда, быть может, даже потеря власти, завоеванной в 1919 г.

Дело сложилось так, что Берлин и Будапешт неминуемо должны были пойти навстречу друг другу. Коалиция между гитлеризмом и южноевропейским ревизионизмом была завершена в течение нескольких месяцев. В сентябре 1933 г. между германским и венгерским правительствами было заключено политическое соглашение, означавшее полную политическую, военную и экономическую антанту этих двух стран. (Соглашение было заключено фон Папеном; такова и была цель тайнственных «праздничных визитов» к Гембешу в 1933 г.¹ этого дипломата, в прошлом выполнявшего террористические поручения офицера германского генерального штаба.)

В тени этого соглашения был образован тесный союз между неофициальными, работающими втайне, фашистскими организациями обеих стран. Это союз тайной ревизионистской лиги Виндишгреца и «Внешнеполитического отдела НСДАП». Именно этот союз сыграл решающую роль в последующих событиях.

Соглашение о сотрудничестве было подписано *«Юго-восточной европейской секцией»* розенберговского «отдела». Эта секция придерживается в своей работе тех же принципов путчизма, что и знаменитая австрийская секция («Главное Управление IV»), организовавшая венский путч 25 июля 1934 г. Сотрудники этой секции выступают официально вместе с Розенбергом как сотрудники «Бюро по изучению национальных меньшинств и национальных движений». В этой, приобретшей такое крупное значение в европейской политике, секции работают темные международные фашистские агенты обычного типа. Подобно самому Розенбергу, некоторые из них происходят из балтийских немцев. В числе сотрудников секции: господин

¹ Фон Папен однажды совершенно открыто сообщил о заключении этого соглашения и принятии Германией политического протектората над Венгрией: «Мы совместно поведем миролюбивую кампанию за ревизию мирных договоров, от которых особенно страдает Венгрия. Мы доведем эту кампанию до горького конца (т. е. войны — *Автор*) рука об руку и плечо к плечу. Это единственный путь для того, чтобы решить проблему восстановления в Центральной Европе. В этом заключается европейская миссия германо-венгерской кооперации» (заявление представителям печати 21/IX 1934 г.).

«Степанов» — перевоплотившийся знаменитый Трепич-Линкольн, хорошо известный во всех темных фашистских закоулках Восточной Европы; доктор Гергард Ретер — редактор нескольких балканских журналов в Берлине и «советник по югославским вопросам» розенберговского «отдела». Часть розенберговских сотрудников — это хорошо известные контрреволюционные офицеры австро-венгерской армии. Это публика того же склада и тех же наклонностей, — ведь на деле это та же клика, что и члены «Тес» и «Усташа». Бывший австрийский офицер доктор *Штейнахер*, действительный вдохновитель «Юго-восточной европейской секции» и, таким образом, всей тайной дунайской и балканской политики, является, вдобавок, еще выходцем из Каринтии — провинции, граничащей с Хорватией. Доктор Штейнахер был, кроме того, организатором ирредентистской крестьянской армии, которая зимой 1918/19 г., сразу по окончании войны, из южной Австрии подняла восстание против сербов. Этот человек относится к тому же типу, что и Хорти, Гембеш, Виндишгрец, Павелич, Саркотич и прочие эпигоны австрийского генерального штаба. Штейнахер работает сейчас на Гитлера, — это путь, избранный также и его старыми друзьями.

Полное взаимопонимание между «Тес» и ее сателлитами было достигнуто в 1933 г. после подробных переговоров. Еще задолго до того, в 1929 г., в Берлине делались попытки установить связь между Павеличем, главой «Усташа», и тогдашним командиром штурмовых отрядов Манфредом фон Киллингером, подготовившим в свое время убийства Эрцберга и Ратенау. В январе 1932 г. глава штурмовиков Рем послал лидера австрийских национал-социалистов Фрауенфельда на фашистский конгресс в Софию, созданный теми же группами. Эти связи были еще нечеткими, как это обычно бывает между фашистами. Вскоре после прихода Гитлера к власти в Будапеште начались переговоры, в которых среди прочих приняли участие оруженосец Розенберга Степанов, второй командир «Усташа» и командант террористического лагеря в Янка Пуста Перчич и офицер венгерского генерального штаба Ковач¹.

Сотрудничество между Розенбергом, Виндишгрецем и Павеличем было разработано в деталях. В Берлине эти переговоры велись специальными посредниками, например, небезызвестным фашистом графом Босси-Федериготти. Отныне «Тес» и вся ее система приобрели нового патрона. «Внешнеполитический отдел национал-социалистской партии» заключил одну из самых выгодных сделок за все время своего существования. Одним из первых непосредственных результатов этой сделки было перенесение главного штаба «Усташа» в Берлин.

Павелич и его ближайшие соратники Елич и Кватерник со всем аппаратом своих сотрудников также поселились в Берлине. В Берлине начали выходить три газеты хорватских террористов: «*Nezavisima Hrvatska Drzawa*» («Независимое Хорватское государство»), «*Ustasha*» и «*Kroatiapress*» (пропагандистский листок для заграницы). Официальным редактором после-

¹ Ср. отчет французского журналиста Мишеля Гореля в «*Excelsior*» от 22/X 1934 г. Весьма вероятно, что Влада Георгиев также принимал участие в переговорах.

дней газеты был доктор Гергард Ретер, сотрудник «Внешнеполитического отдела НСДАП» (его подпись в газете была снята после первого же номера 20/I 1934 г. и заменена именем Павелича). Газеты печатались в типографии «отдела», денежные фонды шли оттуда же. Позже, в связи с установлением официальных отношений между Германией и Югославией, часть организации была перенесена в Данциг. Лагерь в Янка Пуста получил новые крупные субсидии.

Газеты «Усташи» начали бешеную кампанию против «еврейской антихорватской Югославии» и «противоестественной» Малой Антанты, суля в будущем беспощадный террор. Эти же газеты восхваляли германскую политику против «франко-чешско-еврейского капитализма» и «интернационального коммунизма» и превозносили Гитлера как спасителя Германии и вождя, возродившего немецкий народ¹. Кампания становилась с каждым месяцем все ожесточенней.

Положение в Юго-Восточной Европе быстро ухудшалось как для ревизионистов, так и для Германии. Под руководством Барту Франция начала решительное контрнаступление против национал-социалистской опасности. 25 июля провалился путч в Вене. 8 февраля Югославия, Румыния, Греция и Турция образовали Балканскую Антанту, которая координировала действия этих государств с Малой Антантой, Австрией и Советским Союзом и воздвигла сплошной барьер, тянувшийся от Праги до Константинополя. 30 мая Франция с помощью румынских либеральных партий и Титулеску подавила попытку переворота короля Кароля, целью которой было создание «авторитарного правительства» фашистских групп с германской ориентацией.

19 мая профранцузская офицерская партия в Болгарии восстала против правительства Мушанова и вырвала власть из рук «ИМРО» и поддерживающих эту организацию ревизионистски настроенных элементов. А в начале октября югославский король Александр должен был посетить Париж, чтобы завершить соглашение между Италией и Югославией. Этим козырем должна была быть бита последняя карта германско-ревизионистской политики на юго-востоке.

Все это походило на всеобщую катастрофу для Хорти, Михайлова, Павелича и, в большей степени, для Розенберга, их нового господина и хозяина, терявшего свои позиции одну за другой. Южная политика гитлеризма, проведение которой началось с такой энергией в 1933 г., — ось всей империалистической политики германского фашизма, — казалось, разлеталась вдребезги.

В середине 1934 г. центральный комитет «Усташи» принял следующую резолюцию (каждый мог прочесть эту резолюцию, так как она была напечатана в «*Nezavisima Hrvatska Drzawa*»):

¹ После массовых расстрелов в Германии 30 июня 1934 г. «*Nezavisima Hrvatska Drzawa*», газета Павелича (от 15 августа 1934 г.), писала следующее: «Гитлер еще раз доказал, что он не только может организовать народ, насчитывающий около ста миллионов человек, но что он всегда, даже при самых трудных обстоятельствах, умеет держать народ в повиновении, что он умеет быть для народа не только вождем, но и, с благословения народа, монархом». Террорист пожимал руку террористу.

«Мы приговариваем Александра Карагеоргиевича к смерти. Хорватские инсургенты должны выполнить это решение в возможно более краткий срок. Наш вождь (т. е. Павелич)! Мы просим тебя отдать боевикам-инсургентам приказ о возможно более быстром приведении этого приговора в исполнение. Революция придет и потрясет Европу до основания. Мы прольем нашу кровь до последней капли, но мы не станем более ждать».

В августе 1934 г. «Kroatiapress», газета, первым редактором которой был розенберговский «советник» доктор Ретер, заявила:

«Пусть не думают Барту, король Александр, Бенеш и Титулеску, что они могут сколько угодно обманывать другие народы. Сама судьба скоро разубедит их в этом. Еще неизвестны час, минута и место, где взорвется смертоносная бомба «Усташи»... Александр Последний в смертельном страхе ждет удара «Усташи». Но уже несомненно, что хорватский народ ждет только сигнала Павелича, чтобы взять оружие и смыть свой позор кровью».

В первых числах октября Павелич и Кватерник покинули Берлин. 9 октября Влада Георгиев — «инструктор» при штабе «ИМРО», представитель Михайлова в исполнительном комитете «Усташи», посредник между балканскими ирредентистами и «Тес» в Будапеште, офицер тайной армии фашистских ревизионистов — застрелил короля Югославии и министра иностранных дел Французской республики и поплатился при этом собственной жизнью.

Уголовный роман? Конечно. Но этот уголовный роман написан самой историей и теми силами, которые превращают мировую политику в преступление, ибо они не могут иначе, ибо это для них единственный путь, который может спасти их самих и их цели. Сараево тоже было уголовным романом. Но ведь оно завершилось мировой войной. Гангстеры в Европе занимают иное положение и располагают иными средствами, чем гангстеры в Америке. Скрытые за европейскими гангстерами движущие силы в миллион раз более могущественны.

«Внешнеполитический отдел НСДАП» играет политическую игру на свой манер. Для этого ведь он существует. Он будет продолжать эту игру. Это не обязательно исключает, что национал-социалисты не будут применять другие «дипломатические» средства или что они, например, после поражения «Усташи» не попытаются завоевать благосклонность Белграда. Национал-социалисты уже пытаются связаться с правящей камарильей генерала Вивковича (лидера сербских офицеров) в Белграде. Они надеются, таким образом, окольным путем, соблазнив Югославию «уступками» со стороны Австрии и Венгрии, заставить ее выйти из Малой Антанты. Именно с этой целью было предпринято путешествие генерала Геринга в Белград в июне 1935 г. Если эти планы осуществляются, все узы, связывающие Берлин с «Усташи», будут, конечно, сейчас же порваны. А для осуществления этих планов Берлин потратил немало усилий.

Но все это, однако, лишь детали. Одна линия идет от поджога рейхстага через кровавую расправу 30 июня и убийство Дольфуса к марсельским выстрелам. Последовательность и внутренняя логика событий должны с неизбежностью привести к дальнейшему продолжению этой линии, так

как именно она полностью соответствует тому единственному пути, по которому может наступать непрерывно растущий, гигантский, опутанный цепями, германский империализм. Ибо он может ныне вести свою политику, только расчищая перед собой путь при помощи взрывчатых веществ. Таков политический метод зажатого в тиски, высоко развитого империализма. В этом состоит историческая неизбежность, категорический императив нынешнего национал-социалистского заговора в Европе.

* * *

Потерпел ли этот заговор окончательное поражение? Ни в коем случае. Австрия и Югославия вырвались в 1934 и 1935 гг. из этого страшного сжимавшегося вокруг них кольца. Но надолго ли?

Автор вновь напоминает: он не пророк. Пророчество неуместно в мировой политике, где нужен только анализ тенденций развития. Но не надо быть пророком, чтобы предсказать, например, то, что следующий удар, который нанесут заговорщики на юго-востоке Европы, падет, по всей вероятности, на *Румынию*.

Румыния не относится к числу стран, требующих ревизии мирных договоров 1919 г., — она не была тогда побеждена и изувечена. Румыния относится к странам Малой Антанты и Балканской Антанты, к числу счастливых, пожинающих плоды Версаля. И, несмотря на это, штаб «юго-восточной европейской политики» в Берлине располагает и здесь — точно так же как в Венгрии, Болгарии, Хорватии и других странах — орудием для «ниспровержения» иностранной политической линии и для проведения фашистско-террористического переворота. Этот аппарат не ограничивается ревизионистки настроенными странами. Он пронизывает целую географическую зону, действует разными способами, играет на разные политические лады. В данном случае на первый план выступает нелегальная румынская организация «Железная гвардия». *Для нее* борьба еще впереди.

«Железная гвардия» (*Garde de Fier*) была всего несколько лет назад чисто террористическим, малоизвестным тайным обществом под названием «Архангел Михаил». Ныне это — иррегулярный фашистский корпус, пользующийся значительным влиянием среди румынского крестьянства, студенчества и офицеров. Подготовку к грядущим решительным боям «Железная гвардия» начала еще в декабре 1933 г. В этом месяце ею был убит премьер-министр Румынии Дука — лидер либеральной партии и твердый сторонник французской ориентации. Заговор, организованный для его убийства, был оформлен совершенно по образу и подобию заговоров, устраиваемых бандами «Усташа» или Михайлова.

Убийца Константинеску был адъютантом главы «Железной гвардии» *Корнелиу Кодреану*, начавшего свою карьеру в 1923 г. также с убийства. В связи с запрещением антисемитской студенческой демонстрации в Яссах им был убит местный префект полиции. Кодреану, являющийся на самом деле не румыном, а украинцем — по фамилии Зелинский, возглавляет вооруженную организацию, в которую входят тысячи мелкобуржуазных юнцов, студентов

и обманутых крестьян. Организация разбита на так называемые «легионы смерти», наводящие страх во многих местностях Румынии.

Даже будучи официально запрещена, эта банда, применяющая методы Ку-Клукс-Клана, долгое время делала в стране фактически все, что хотела. За последние год или два она даже обогнала, пожалуй, антисемитское движение профессора Куза (лига «Ланк»), движение, рассчитывающее на более широкие массы и более «демократическое» по своему составу. И все-таки действительная сила «Железной гвардии» и ее расчеты на успех планов переворота исходят из внешнего источника. Когда Кодреану и его лейтенанты предстали в марте 1934 г. перед военным судом по обвинению в убийстве премьер-министра своей страны, они были не только оправданы, но даже заслужили полное одобрение.

Как могло это произойти? Франкофильские либеральные правящие круги в Румынии (партия Братиану — Титулеску) и радикальное демократическое крестьянство («царанисты», во главе которых стоят Маниу и Михалаке) являются решительными противниками «Железной гвардии». Но зато две другие мощные силы в стране ее тайно поддерживают. Эти силы — армия и двор.

Офицерский корпус — отпрыск феодальной касты бояр (крупных землевладельцев), правившей страной до войны, возглавляется престарелым маршалом Авереску, который еще тридцать лет назад руководил кровавым подавлением восстания румынского крестьянства, а в 1918 г. расстрелял сотни бастовавших рабочих. Офицерский корпус боится пробуждающегося валахского и молдавского крестьянства и ненавидит его. После войны крестьяне, впервые со времен турецкого господства, получили куцую аграрную реформу, и теперь силы их все больше крепнут. Двор — окружение молодого короля Кароля — боится и ненавидит как крестьянство, так и либеральную партию, которая почти непрерывно правила страной в годы войны.

Либеральная партия заключила союз с другой ветвью династии, представленной Марией, королевой-матерью. Этой группе удалось однажды в прошлом добиться отречения и изгнания короля Кароля. Армии и двору никогда еще до сих пор не случалось обладать в Румынии полнотой власти, власти, олицетворявшей до сих пор Титулеску, который пользовался доверием других групп. Но армия и двор борются за власть неумоимо и в течение ряда лет готовят переворот, который должен смести парламентский режим и его партии и установить военную диктатуру.

Мадам Лупеску, фаворитка короля и неофициальная королева Румынии, является давнишним врагом Братиану, Титулеску, Дука, Маниу и всех парламентских сил. Камарилья, группирующаяся вокруг этой дамы, представляет, как в абсолютных монархиях XVIII в. или в России времен Распутина, сильную и упорную оппозицию, расположившуюся у самого кормила власти вокруг особы короля. Эта группа ждет только удобного момента для выступления. Она держит в своих руках важные административные посты, и размеры ее влияния не поддаются учету. Так, «личный секретарь и друг короля» Дину Думитреску в течение ряда лет имел возможность вмешиваться в дела государства через голову членов правительства. Отец

его, генерал Думитреску, был начальником жандармерии. Другие члены клики держат в своих руках военное министерство, тайную полицию («сигуранцу»), командование гарнизонами и пр.

В 1934 г. правительству удалось заставить кое-кого из этой продажной клики выйти в отставку. Дука пытался совершенно покончить с этим злом. Но Румыния является монархией. Дворцовая клика, мечтающая о восстановлении деспотизма бояр, представлена в общественной жизни несколькими «независимыми» реакционными политиками типа Авереску, Вайда-Войводы, Аржетойяну и др. Правда, никто из них не имеет большого числа последователей ни в парламенте, ни в стране. Но все эти политики, в совокупности, являются убежденными сторонниками и борцами за режим чисто «авторитарного» личного правления короля.

Самым серьезным противником такого режима и главным препятствием к его проведению является Титулеску, вместе со своим «демократическим» лагерем. Титулеску был всегда настроен вполне франкофильски и всю свою силу черпал во Франции. Вот почему клика двора и генералы настроены в первую очередь и сильнее всего против Франции. Кроме того, эта клика настроена враждебно также и по отношению к Советскому Союзу и «коммунистической опасности», в которой эта группа видит наиболее непосредственную и роковую угрозу династии и крупному землевладению.

Однако мадам Лупеску и армия не располагают в стране партией, которая могла бы произвести переворот в их пользу. Эти группы по рукам и ногам связаны франкофильской Малой Антантой. Последняя зорко следит за тем, что происходит в Бухаресте и уже однажды содействовала отречению от престола мятежного наследника Кароля. Но реакционный лагерь не сможет выступить вторично на свой страх и риск. Эта роль выпадет на долю фашистов вроде молодцов из «Железной гвардии», которые еще вчера были безвестными террористами, а завтра могут стать преданнейшими защитниками короля.

«Железная гвардия» стреляет в премьер-министра — друга Титулеску. Одновременно она выражает верноподданнические чувства по адресу короля. Двор и генералы почти открыто добиваются оправдания участников убийства Дука. Среди последних один из лидеров «Железной гвардии» и хорошо известный генерал Кантакузен. Во время визита Барту в Румынию летом 1934 г. «Железная гвардия» устраивает по всей стране демонстрации за короля и маршала Авереску против французского министра иностранных дел. Брат короля, князь Николай, предоставляет в распоряжение «Железной гвардии» часть своего имения, в котором «Железная гвардия» — запрещенная организация — устраивает вооруженный лагерь. И самое пикантное: «Железная гвардия», эта яростная антисемитская партия, организатор кровавых еврейских погромов в Румынии, совершенно открыто сносит с мадам Лупеску, знаменитой примадонной двора... еврейкой по национальности. Кодреану даже причисывает в связи с этим свою официальную антисемитскую программу. Это его компромисс с «реальной жизнью».

Глава румынских фашистских террористов готов сыграть роль Гитлера.

Роль Гинденбурга играет король. Папеновскую роль посредника выполняет румынская мадам Помпадур, комбинирующая будуарную политику с выполнением миссии фашизма. Это новый вариант морганатических связей, так часто и быстро заключаемых этим движением, готовым на все в борьбе за власть. Так подготавливается грядущий переворот. Власть Титулеску уже в течение ряда лет висит на волоске¹.

Первая попытка, сделанная в этом направлении в конце мая 1934 г., потерпела поражение. Дворцовая клика принудила либеральное правительство Татареску — Титулеску подать в отставку и чуть было не призвала к власти «авторитарное» правительство маршала Авереску. Последний, опираясь на короля, армию и фашистов, должен был разогнать парламент и начать наступление на крестьян и рабочих. Более восьмидесяти генералов в армии поддерживало переворот. Но Франция, в последний момент, мобилизовала все свои силы на Балканах и побудила две большие парламентские партии в Румынии — либералов и царанистов — предъявить королю объединенный ультиматум. Только лихорадочные усилия предотвратили на этот раз «легальный» переворот в Румынии. Но террористическая «Железная гвардия», имеющая так много могущественных покровителей, осталась в засаде.

Румынская мелодрама — это не театральная пьеса, точно так же, как происходящее в Югославии или Болгарии — не уголовный роман. Румынский спектакль поставлен тем же режиссером, который руководит событиями в Югославии или Болгарии. Дунайский ревизионизм и румынский монархизм — это два козыря в игре, это два лезвия одной и той же шпаги, рукоятку которой крепко сжимают на севере.

Заговорщики «Железной гвардии» связаны с теми же тайными силами и организациями, которые вдохновляют Виндишгреца, Павелича, Михайлова и других «мстителей» на правом берегу Дуная. Кодреану, «легионы смерти» которого носят знак свастики на своих зеленых рубашках, регулярно (так же, как и лига «Ланк» профессора Кузы) получает миллионные субсидии от национал-социалистов. Его соратники и офицеры инструкторуются и обучаются в Германии. Его газета «*Calendarul*» финансируется из Германии. 700 тыс. германских колонистов в Румынии, находящихся под непосредственным руководством Берлина и организованных в военную силу, поддерживают «Железную гвардию» всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Но теперь для Германии важнее всего объединение различных фашистских организаций и направлений в Румынии. Это самый настойчивый из всех «советов», даваемых Бухаресту из Берлина. В 1935 г. была сделана попытка объединить антисемитскую лигу Кузы, фашистскую аграрную партию Гоги, «Железную гвардию» и группу, возглавляемую другом короля, бывшим премьер-министром Вайда-Войводой, в единый «румынский фронт». Последний должен был составить основу для нового «авторитарного правительства».

¹ Этот «волосок» был оборван, когда книга печаталась. В конце августа 1936 г. Титулеску был «исключен» из состава правительства королем и военными кругами.

До сих пор произошло слияние лишь первых двух из перечисленных организаций. Дело не обошлось при этом без ближайшего участия бухарестского корреспондента «Völkischer Beobachter» Вебера, высланного в связи с этим из Румынии. Вайда-Войвода заявил: «Гитлер — наш покровитель в борьбе против коммунизма». Дворцовая камарилья и ненавидящая Титулеску армия не хотят никакой иной ориентации, кроме германской.

Король Кароль принадлежит к династии Гогенцоллернов. Самые приближенные к нему люди — Авереску, Вайда, Аржетойяну, Манойлеску — не только открыто поддерживают перемену фронта в пользу Германии, чтобы парализовать Францию и в один прекрасный день напасть на Советскую Молдавию. Часть из них, кроме того, тесно связана с капиталистическими предприятиями, которые Германия в последнее время неустанно насаждает в Румынии. Этот процесс идет отчасти через посредство «великого» Дрезденского банка Шахта и Тиссена.

В 1932 г. 41% всей румынской нефтепромышленности принадлежал англо-голландскому капиталу, 21% — франко-бельгийскому, 9% — американцам и итальянцам, 20% — румынам и только ничтожно малая часть находилась в руках немцев. Теперь не только значительная часть румынских акций обществ для контроля, так называемых холдинг-компаний, но и большая часть других акций находится в руках немцев. Нефтяная промышленность — главная экспортная отрасль в стране и главная опора государственного бюджета. Дрезденский банк приобретает также контроль и над румынской хлебной торговлей. С 1934 г. Германия играет в румынской внешней торговле гораздо более крупную роль, чем до того.

До сих пор командные посты в хозяйстве страны находились почти исключительно в руках либеральной и франкофильской «династии Братиану» (Братиану контролировали «Банка Романеска», крупнейший концерн по производству вооружений «Решица» и т. д.). Теперь появилась новая мощная капиталистическая группа, связанная с «партией короля». «Внешнеполитический отдел» господина Розенберга имеет, как известно, «экономическую секцию» (ее главой является бывший посланник Дайтц), тщательно координирующую наступление германских банков и промышленности с империалистической стратегией национал-социализма. (Ср. с делом Альпийской горной компании в Австрии — см. главу II второй части.)

Когда все эти усилия принесут плоды? Когда придет конец Титулеску? Когда удастся Вайде и Кодреану водрузить на королевском дворце знамя со свастикой? Когда Розенберг возьмет Бухарест натиском?

Все это может произойти даже раньше, чем будет иметь место победа в «ревизионистских» странах; ведь Румыния находится в состоянии полного разброда. И тогда не останется ничего, что могло бы воспрепятствовать террористско-фашистскому заговору национал-социалистов охватить, подобно лесному пожару, всю Юго-Восточную Европу.

Если пожар охватит Будапешт, Вену, Софию, Белград и Бухарест, то он не пощадит и *Прагу*. Даже в этой самой антиревизионистской из всех антиревизионистских стран Европы, в самом сердце Малой Антанты, в цитадели самого Бенеша, даже в ней имеется приведенный в готовность

механизм, который в нужный момент должен привести в действие заложенную мину и взорвать цитадель на воздух.

120 тыс. организованных и милитаризованных членов «Южно-германского отечественного фронта» (S.H.F.) представляют собой замаскированную лигу германских национал-социалистов в Богемии. Эта лига разбита на «сотни» по образцу берлинских и венских штурмовых отрядов. Лига хорошо вооружена и фактически господствует в Богемии, составляющей четверть чешского государства. Кроме того, лига поддерживает отношения с недовольными «автономистами» в соседней Словакии. Эта лига — тот резервный отряд великой путчистской дунайской армии, который должен вступить в бой последним.

Но Бенеш знает — и этим объясняются многие колебания, а также порой слабости и неопределенность чешской политики, — что дуло винтовки постоянно направлено на сердце Праги. Национал-социалисты Генлейна со времени выборов 1935 г. являются в Чехословакии самой сильной партией. Бенеш знает, что достаточно успешного восстания национал-социалистов в Вене, войны и наступления, предпринятого новыми хозяевами положения в Будапеште или Бухаресте, чтобы заронить искру в Богемии и раньше или позже превратить ее в пылающий костер восстания немецких богемцев и словаков против «чешского ига». Ведь таким образом была бы окончательно завершена постройка моста между Берлином, Венной и Будапештом.

Наилучшим образом защищенные позиции Малой Антанты воспламенятся в последнюю очередь, когда почва будет для этого подготовлена повсюду. Но нет никаких сомнений в том, что пожар охватит Чехословакию. Чехословакия одна не может противостоять бурному пенящемуся дунайскому потоку, грозящему снести всю нынешнюю систему. Конрад Генлейн, молодой вождь богемских штурмовиков, ждет только своего часа, чтобы выступить против Эдуарда Бенеша. Скоро и в Чехословакии послышатся выстрелы «ревизионистов».

Вот что происходило за юго-восточной европейской политической сценой в 1934 и 1935 гг. Подобные события будут разыгрываться и в 1936, и в 1937 гг. Вена и Марсель были самыми громкими взрывами, отметившими первый штурм в развертывании «генерального путча» на Дунае и на Балканах. Шушниг, Бенеш и белградское правительство едва устояли против этого натиска.

Несмотря на поражения, наступление не приостановилось ни в Вене, ни в других местах. Оно продолжается в грубых, чудовищных формах. Мы увидим далее, какие сокровенные, глубокие мотивы движут этой борьбой, делая ее проклятой и фатальной необходимостью. Национал-социалисты *не могут* отказаться от этой борьбы. Подобно одержимым, подобно людям, находящимся в трансе, они не могут приостановить свою подрывную работу в Восточной Европе. Либо они завоюют ее, либо потерпят окончательный, полный крах.

Глава V. Создание фашистской лиги на северо-востоке Европы

(Гитлер – Бек)

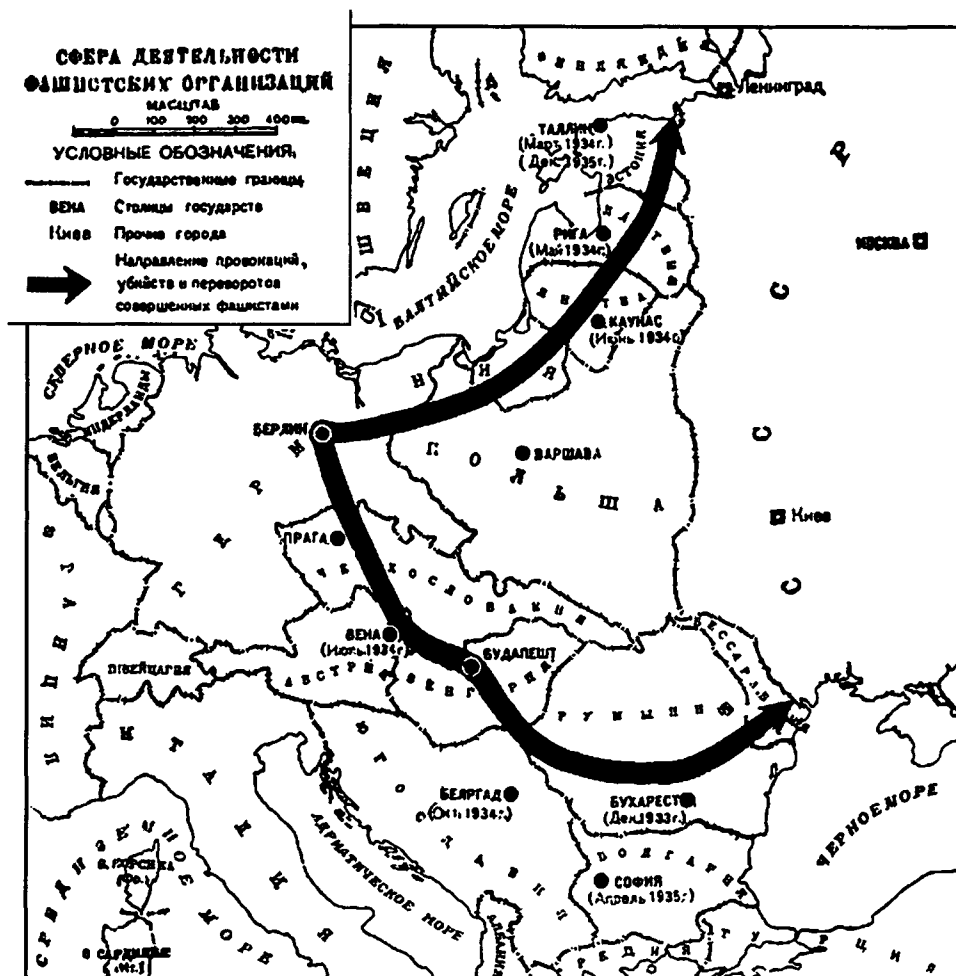
Юго-восточная диагональ, т. е. линия Вена — Будапешт — Белград — София — Бухарест — Черное море, отчетливо обозначает усилившуюся, начиная с первых месяцев 1934 г., путчистскую деятельность и фашистскую активность в Европе. Другая, столь же четкая и прямая, диагональ ведет в *северо-восточном* направлении: по линии Варшава — Ковно — Рига — Ревель — Гельсингфорс. Это две заостренных стрелы — к Черному морю и к Балтийскому морю. В точке пересечения обеих лежит Берлин.

Что происходит на северо-востоке? Стрела указывает на новый очаг опасности. Картина здесь снова та же: вся зона словно сотрясается от сильных подземных толчков. Здесь преобладает та же тенденция: постоянная заговорщическая деятельность и наступление со стороны крайних фашистско-террористических групп. И здесь снова создается впечатление, почти полная уверенность в существовании *центральной* руки, действующей за различными группами и направляющей их деятельность в одну и ту же сторону — руки *региональной* (в отличие от национальной) фашистской лиги.

Это впечатление вполне соответствует действительному положению. В Северо-Восточной Европе так же, как и в Юго-Восточной, возникла в 1934 и 1935 гг. мощная, охватывающая большое пространство лига, лихорадочно пытающаяся подчинить своему влиянию всю эту зону и мобилизовать ее для единой политической цели. Употребление термина «лига» не случайно. Эти «лиги» являются новостью в европейской политике и в некоторых отношениях напоминают и вновь вызывают к жизни методы и *формы средних веков*. И тем не менее они являются реальностью; и притом реальностью, которая будет существовать и впредь, играя все увеличивающуюся и все более заметную роль в грядущих конкретных политических событиях. Что это за лиги?

На первый взгляд это как будто простое продолжение всеобщего международного процесса «фашизации», все шире и глубже захватывающего отдельные районы и непрерывно образующего новые комплексы. На самом же деле за этим процессом скрывается новое и гораздо более важное явление. Новые фашистские территориальные группы, которые создаются таким образом, это не простые политические системы. Их структура двойственна; их сила и импульс не возникают исключительно и в первую очередь на их собственной почве. В действительности они являются живыми частицами, составными элементами динамики более развитого центрального фашизма; это он высвобождает их, приводит в движение и направляет по орбите своего политического и экономического притяжения, образуя центральное тело, вокруг которого вращаются эти сателлиты.

Центральный фашизм, фашизм с более мощным концентрированным капиталом в качестве стержня и с более высокой политической и военной организацией, притягивает, мобилизует и *объединяет* национальные фа-

шистские движения в находящейся под его влиянием зоне и заражает их своей собственной империалистской сущностью. Он становится, таким образом, как бы рассадником международного фашистского движения, создавая или усиливая базу движения повсюду, где местные капиталистические или социальные условия для этого не подходят или недостаточны.

Современная капиталистическая олигархия не только производит фашизм, но и экспортирует его. Новые фашистские территориальные системы, которые возникают таким образом, служат уже не только внутренним целям — отечественной реакции; они являются в первую очередь империалистскими исполнительными органами, инструментами для осуществления конкретной *международной политической* цели их создателя. В результате появляются фашистские лиги, устремления которых сходятся на этой цели. Таков конкретный результат современной международной политики.

Эти «секции» розенберговского «коричневого Интернационала», кото-

рый он основал в 1933 г. для того, чтобы проводить влияние национал-социалистской партии в известных частях континента, первоначально были, главным образом, орудиями пропаганды¹; теперь, по мере того как сильный гитлеровский империализм теснее связывался и сливался с местными фашистскими движениями, эти секции превращались в региональные фашистско-империалистские лиги, лиги, которые являются участниками *всемирного «крестового похода»*.

В этом сущность происходящего и сущность того, что еще обнаружится впоследствии в гораздо более явственной форме. Дело не только в могучем поступательном движении, которое начал и будет дальше развивать германский империализм, компенсируя себя таким образом за другие тяжелые поражения. Это одновременно поворотный пункт и изменение характера развития мирового фашизма в целом. Речь идет уже не об отдельных фашистских партиях, а о больших концентрированных территориальных борющихся системах, находящихся под опекой и руководством нескольких главенствующих центров.

Эта тенденция исторически очень важна; если не распознать ее как следует, не проследить тщательно и не дать ей отпора, то возможны опасные сюрпризы². Именно в этом причина событий 1934–1935 гг. На юго-востоке происходит слияние венгерского, австрийского (путчистского), болгарского, хорватского и отчасти румынского фашизма. На северо-востоке появляется лига, которая охватывает не менее *восьми* четко определенных фашистских сил в этой зоне и которая очень скоро, развернув свой фронт полностью, окажется в центре мировой политики.

Что представляют собой эти восемь сил в новой восточноевропейской фашистской лиге и за что они борются?

1. Первой из них, идущей в голове колонны и играющей здесь такую же сплачивающую и руководящую роль, как венгерский ревизионизм в дунайской лиге, является *польский фашизм*; фашизм, подобно германскому и венгерскому, находящийся уже у власти. Человеком, который олицетворял собой этот фашизм, который создал его и хотел сделать его еще более могущественным, расширив далеко за пределы его нынешних границ, был маршал Пилсудский; некогда террорист-социалист, позже некоронованный король Польши, он был здесь центральной фигурой, подобно Гембешу в Юго-Восточной Европе. А тайной террористической военной организацией, действующей здесь как скрытый внутренний двигатель и исполняющей в крупном масштабе функции «Тес» в балтийской зоне, является известная «Polska Organizacja Wojskowa», или «POW» (Польская военная организация).

¹ См. «Гитлер над Европой?» часть II, глава II, описание этой системы для севера, востока и юга континента.

² Знаменательно, что недавно ту же тенденцию можно было наблюдать не только на Дальнем Востоке («антикоммунистический союз провинций Северного Китая»), но даже в Южной Америке (проект «антимосковского блока», состоящего из Уругвая, Бразилии, Аргентины и пр.) и, конечно, на западе средиземноморской зоны (Испания — Италия).

Эта организация возникла когда-то как «террористическая группа» нелегальной социалистической партии Польши («*Wojówka PPS*»), члены которой бросали бомбы в царских генералов и которая боролась против захвата Польши царской Россией. В то время она была известна как «польский инсургентский легион», участвовавший в мировой войне в составе 10 тыс. человек на стороне Германии против России. Сегодня она выступает под политическим псевдонимом «*группы полковников*» и бросает свою тень на всю Польшу. Эта организация, которая считает, что именно на ее долю выпала честь завоевания независимости современной Польши, в течение тридцати лет была проникнута духом Иосифа Пилсудского, была его силой и опорой; а ее младшие лидеры — полковники Бек, Славек, Пристор, Свитальский, Матушевский и др., до сих пор являлись фактическими правителями государства и столпами польского фашизма.

Но что представляют собой Бек и «полковники Пилсудского»? Кто выдвинул их и куда влечет их ужасная, видимо, непреодолимая, судьба; что представляет собой эта движущая сила, которая уже в 1934 г. вызвала такие резкие сдвиги в европейской политике и которая в будущем может привести к совершенно непредвиденным последствиям?

Здесь мы видим поразительную иллюстрацию истории и природы современного фашизма; иллюстрацию, показывающую, какой характер может принять это «завоевывающее мир» движение и какие силы его порождают.

Пилсудский был выразителем интересов старого польского феодализма, который снова воскрес в XX столетии. Фашизм стал его новым щитом и эмблемой. Бек, Славек, Пристор, все террористические социалисты в прошлом и маршалы национальной Польши в настоящем, являются непосредственными преемниками и наследниками старых польских феодальных магнатов XVI и XVII столетий, этой касты олигархов и владельцев огромных поместий Радзивиллов, Потоцких, Сапег, Чарторыйских, Вишневецких и др., которые владели часто сотнями тысяч, а иногда даже миллионами¹ гектаров земли, т. е. настоящими аграрными колониями; эти магнаты со своими суверенными армиями составляли в течение веков действительную основу польского государства и толкали его на путь безграничной экспансии.

Они являлись, быть может, самыми крупными феодалами в истории, разбойниками-рыцарями крупнейшего пошиба, но аппетиты их были еще более чудовищными. Миллионы крестьян и поселенцев на всем пространстве между Балтийским и Черным морями были их крепостными; все польское дворянство, «шляхта», было их покорными приверженцами, король Польши — политическим исполнителем их воли. А главной их целью, целью, которой они неуклонно добивались столетиями (фактически вплоть до первого раздела Польши) и от которой они никогда не отказывались, было завоевание и включение в Польшу Украины, Литвы и России.

В те времена эти их притязания также поддерживал иезуитский орден, первостепенная международная и реакционная политическая сила, который использовал их как ударные отряды католицизма «на Востоке».

¹ Радзивиллы.

Экономической подоплекой этого было необузданное, безграничное стремление собственников-феодалов к территориальным завоеваниям, к новым источникам ренты, новым аграрным колониям для эксплуатации. Ныне наследники Пилсудского находятся точно в том же исходном пункте. Больше того, они снова представляют преимущественно *точно те же специфические интересы*.

В этом смысл чудовищного анекдота современного фашизма. Главные вдохновители и люди, изнутри поддерживающие в настоящем «полковников» из варшавской группы, являются прямыми потомками как раз крупнейших аграрных династий феодального периода — Радзивиллов, Потоцких, Сапег и т. д. Бек и его клика — как когда-то польские короли — являются подлинными выразителями их политики. Это произошло не сразу, но это стало неизбежным благодаря своеобразным условиям развития и географическим изменениям в новейшей революционной истории Европы.

Русская пролетарская революция, происшедшая в 1917 г., одним ударом уничтожила феодальную земельную собственность в Российской империи. Между Тихим океаном и Балтийским морем в течение нескольких месяцев в народном гневe, в огне восстания революционных рабочих и крестьян, лишился богатств тот класс, который так долго, соединяя европейские манеры с азиатской жестокостью, эксплуатировал одну шестую часть земного шара. Русский феодализм разлетелся на куски, как глиняный горшок. Но этот исторический процесс был доведен до конца не на всей территории России. Он был завершен на востоке и в центре старой царской России, и был искусственно прерван и прекращен на самой западной ее окраине — на территории, где лежит современное государство Пилсудского.

Польская буржуазия воспользовалась гражданской войной для того, чтобы на своей территории исказить социальную революцию и превратить ее в «национальную революцию», т. е. сменить русских буржуа на польских буржуа. А в 1920 г., при военной поддержке всей капиталистической Европы, она оторвала еще один кусок русской территории — с запада и с юга.

Это было поразительное зрелище. К востоку от линии между Двиной и Днестром старые земельные собственники и магнаты с «голубой кровью» были экспроприированы, изгнаны, посажены в тюрьмы, убиты. К западу от этой линии они расправлялись с крестьянами при помощи пушек. Именно в этих окраинных районах Белоруссии и Украины старые феодалы с незапамятных времен владели огромными поместьями. И было только естественно и неизбежно, что этот феодализм, пока не подорвана его мощь и не сломлена его упрямая воля к действию и мщению, должен был поглотить Пилсудского, человека, который сам был прежде дворянином и помещиком, который успешно провел войну с Россией и спас существование польских имущих классов. Таким образом, его национальная революция стала феодальной контрреволюцией. Таким образом, польский фашизм стал креатурой, оплотом и орудием *Радзивиллов*.

Князь Януш *Радзивилл*, который сегодня подобно своим предкам, знаменитым литовским воеводам, владеет целыми уездами на северо-востоке Польши, в течение нескольких лет был официальным председателем

комитета по иностранным делам польского сейма. Это он стоит за Бекком. Это он вдохновляет новые схемы и планы польской политики; он является также одним из действительных лидеров и людей, оказывающих финансовую поддержку так называемому «правительственному блоку» — коалиции партий, образовавшейся после переворота Пилсудского, чтобы поддержать маршала и «полковников», и неизменно составлявшей с тех пор абсолютное большинство в польском парламенте.

Князь Евстах *Сапега*, предки которого в течение трех столетий были воеводами Белоруссии и вели бесконечные войны с Россией от имени Польши, является сегодня неофициальным вице-королем Польши в Вильне. Это он фактически поддерживает известную «Виленскую консервативную группу» депутата Мацкевича, которая олицетворяет польский империализм в этом литовско-русском окраинном доминионе Варшавы и при посредстве двух организаций, виленского университета и газеты «*Slowo*», непрерывно призывает в течение пятнадцати лет к дальнейшей экспансии Польши на восток. Сапега был польским министром иностранных дел; другой член этой семьи — князь Адам Сапега — краковский архиепископ и глава влиятельного польского клерикализма.

Граф Адам *Потоцкий*, предки которого были галицийскими воеводами и завоевателями Украины, где они владели целыми королевствами, является ныне, вместе с другими членами его династии, крупнейшим землевладельцем южной Польши и в то же время одним из самых влиятельных лиц, связанных с «полковниками»; у него гостил Лаваль во время своего визита в Польшу в мае 1935 г. Один из графов Потоцких, умерший в 1934 г., оставил состояние в полмиллиарда франков, в том числе 80 тыс. га земли.

Князь Здислав *Любомирский*, династия которого также владела частью Украины, а в XVIII в. даже домогалась польской короны, был назначен германской оккупационной армией в Варшаве в 1918 г. регентом Польши. Теперь он является председателем комитета по иностранным делам в польском сенате (вторая палата); он принимал мистера Антони Идена во время его последнего визита в Польшу.

В послевоенной Польше нет владык более могущественных, чем они. А в то же время в этой стране 18 млн. крестьян, или 80% всего сельского населения, фактически лишены собственности или владеют наделами, меньшими чем 5 или даже 2 га. Министерство иностранных дел в Варшаве заполнено эмиссарами этих аграрных династий и представителями других аристократических фамилий, которые концентрируют в своих руках все важные посты: граф Зембек (товарищ министра по иностранным делам), граф Иержи Потоцкий (сенатор и посланник), граф Ромер (глава протокольного отдела), граф Любянский (глава секретариата Бека) и т. д. Таков секрет Бека — оборотная сторона «польского сфинкса», о котором последнее время так много спорили и размышляли. И вся эта система, система феодального фашизма, увенчана «группой полковников», блестящей политической вершиной пирамиды: офицерами штаба земельных магнатов. Смерть Пилсудского, их маршала, ослабила позицию этих кругов и усилила другие клики.

Соперничающая группа нового главы армии генерала Рыдз-Смиглы (так называемая «Z-группа») недавно увеличила свое влияние на внутреннюю политику Польши. Но «полковники» все еще выжидают и, как и прежде, они направляют внешнюю политику. И тут Иосиф Бек — министр иностранных дел, который с 1914 г. был офицером Пилсудского, а затем в течение пяти лет его личным секретарем — является главным наследником. В любой момент возможен внезапный переворот «группы полковников».

Тот факт, что крайняя группа польского фашизма по своему характеру, происхождению и даже по своим непосредственным устремлениям является преобладающе феодальной¹, объясняет также ту важную и знаменательную эволюцию, которую Польша Пилсудского проделала на международной политической арене. Городская торговая и промышленная буржуазия Польши, которая до последнего переворота Пилсудского определяла ориентацию страны, думала об интересах промышленного экспорта и была, следовательно, против Германии, своего наиболее опасного соперника, у которого она захватила после войны угольные районы Верхней Силезии и экспортную гавань Данциг; партия этой группы — «национал-демократы» — никого так сильно не боялась и ненавидела, как «наследственного врага на западе», и заключила военный союз с Францией, чтобы не дать Германии снова укрепиться.

В это время ориентация и агрессия польских аграрных капиталистов шла как раз в противоположном направлении. Они глядели на восток, а не на запад. Они были меньше заинтересованы в промышленном экспорте и симпатизировали германской аграрной аристократии, с которой, через Познань (особенно ярко это проявилось на примере с Радзивиллами), они были связаны бесчисленными родственными узами. Как зачарованные, они не могли оторвать своего взгляда от тех мест, где находилась когда-то главная масса их легендарных богатств и колыбель их фантастических цезаристских планов: они направляли свои взоры к великой восточной земледельческой равнине Белоруссия — Волынь — Украина. Они никогда от нее не отказывались. Даже после раздела Польши и при господстве русских царей они оставались — с небольшими потерями — действительными господами в этой зоне, потому что русские цари, желая иметь на своей стороне таких сильных слуг, оставляли им большую часть их поместий и их кре-

¹ Феодальная — естественно, в смысле социально-исторического происхождения и преобладающих экономических интересов этой касты. Ясно, что Радзивиллы, Потоцкие и др., накопившие огромные денежные богатства благодаря получаемой ими ренте, вкладывают их в значительной степени в промышленность и финансы (многие из них — директора ведущих промышленных компаний и банков) и являются сегодня в такой же мере финансовыми капиталистами, как и крупными землевладельцами. Но этот финансовый капитал, который стоит за фашизмом Пилсудского, сохраняет свою специфическую аграрную ориентацию и тенденции. Антитезисом ему являются, например, более молодые промышленные и торговые группы Варшавы и Лодзи, которые именно поэтому выдвинули другую разновидность польского фашизма — крайнюю оппозиционную партию «национал-демократов».

стьян. Радзивиллы и Потоцкие принадлежали к высшему слою русского эксплуататорского класса помещиков.

Сила, которая сокрушила и уничтожила их мощь, их «частную империю», пришла только в 1917 г., вместе с Лениным и рабочим классом России. Во время большевистской аграрной реформы были конфискованы все их имения на Украине и почти все в средней России и на Волыни. Таким образом, погибли состояния в сотни миллионов фунтов стерлингов. Они пытались еще в 1919 и 1920 гг. организовать контрудар и уже тогда пытались с главнокомандующим Пилсудским и его «полковниками» отвоевать Украину. Пилсудскому пришлось удирать из Киева; по польско-советскому Рижскому миру (1920 г.) к Польше отошли лишь сравнительно небольшие лоскутки этой территории. Но с тех пор непрерывно, в течение всего последующего периода, они только и ждут нового благоприятного момента выступить во имя той цели, которая всегда определяла и продолжает определять их частную или политическую деятельность.

До тех пор пока в Западной Европе могущественная Франция была явно антисоветской (в 1920 г. Франция помогала военной кампании Пилсудского через генерала Вейгана), а, с другой стороны, слабая демократическая Германия заключила с Советской Россией Рапалльский договор, — эти польские феодальные магнаты поддерживали официальную политику франко-польского союза. Но в тот момент, когда в Германии появился Гитлер и провозгласил и Париж и Москву будущими объектами германского наступления, а Франция, естественно, в целях самозащиты, вступила на путь сближения с Советским Союзом, определилась окончательная позиция польского феодализма и польского фашизма. Они всегда были против Востока. А теперь они должны были пойти и против Франции: Радзивилл, Пилсудский и Гитлер выстроились в одну шеренгу.

Можно провести прямую параллель между тем, что произошло здесь и в Юго-Восточной Европе, где точно таким же образом Гембеш и его венгерский ревизионистский фашизм были «подобраны» и активизированы Гитлером и стали его младшими партнерами в этой зоне. Польские фашисты — также «ревизионисты». Но кроме того, этот процесс сигнализирует о чем-то еще более важном. Он показывает, как центральный или *центродинамический* фашизм (Германия), основывающийся на высоко интенсивном монополистическом капитале, может привлекать и практически поглощать местный второстепенный фашизм, собственные корни которого совершенно иного, более раннего происхождения, в данном случае феодального. Венгрия Гембеша — это также главным образом аграрный фактор.

Центральный фашизм воздействует, электризует и ассимилирует местные феодально-фашистские элементы и в этом процессе создает, во всяком случае, на определенный период и для определенной цели, высшие империалистские объединения. Это и есть фашистские региональные лиги. Такова в данном случае новая восточноевропейская лига Гитлера и Бека, лига германских коричневорубашечников и польской военной организации, баронов тяжелой индустрии Рура и феодальных воевод с Вислы.

Общая цель этой лиги ясна: завоевание и раздел внутренней Восточ-

ной Европы как единственное средство к необходимому «расширению Европы на восток». На севере — передача Балтийской зоны гитлеровской Германии, выступающей в качестве преемника старинного Ордена тевтонских рыцарей. На юге — передача Украины вместе с Литвой и Белоруссией Польше Пилсудского, законной наследнице Ягеллонов и Собеских. Таким образом, из тройственного союза Польша — Литва — Украина должна вырасти новая *Великая польская империя*, чтобы стать новой державой, господствующей в Восточной Европе и простирающей свои владения далеко в глубь современной России.

Для этой цели нужна концентрация всех фашистских и империалистских сил на пространстве между Ледовитым океаном и Днестром и как можно более быстрое наступление — великий поход — всех этих объединенных сил против СССР, опасного социалистического «вакуума» на континенте, за счет территории которого «должна быть расширена Европа»; священный крестовый поход, как некогда в средние века, с Гитлером в качестве Карла Великого и «полковниками» в качестве новых Собеских — крестовый поход против новых «неверных», против большевиков.

Что это, новый бред? Нет, это только план передела Юго-Восточной Европы ревизионистской лигой (Гитлер — Гембеш). И это не в большей мере бред, чем конкретное содержание неоспоримо существующего тайного договора о союзе между Германией и Польшей, заключенного 26 января 1934 г. под названием «Германо-польского пакта о ненападении».

Гитлер в течение десяти лет официально отвергал всякие притязания на Данциг, Западную Пруссию и Верхнюю Силезию; Пилсудский отвергал, что он против германской экспансии в Австрии, по направлению к Чехословакии, в сторону Балкан и прежде всего по отношению к Франции. Почему? Только из-за существования этого кажущегося фантастическим, но на деле детально обдуманного и детально разработанного плана, только ради идеи обоюдной компенсации за счет «третьего пространства», которое так велико, что сможет удовлетворить все фашистские силы, устремившиеся на восток, и влить в них новую энергию. Отсюда поразительное, изумившее весь мир «примирение» двух противников, еще вчера объявлявших себя смертельными врагами.

Отсюда новые, кажущиеся такими противоестественными, соглашения между германским и польским генеральными штабами; отсюда внезапно открытые «исторические духовные узы» между германской культурой и польской культурой, после тысячелетия взаимной грызни; отсюда внезапно разгоревшаяся дружба, подчеркиваемая и демонстрируемая в любой момент и при каждом удобном случае. Отсюда путешествие гитлеровского Талейрана Геббельса в Варшаву и позже (в январе 1935 г.) путешествие гитлеровского воздушного маршала и члена триумвирата номер два, Геринга, в южную Польшу.

Геббельс вел переговоры с председателем комитета по иностранным делам сейма князем Радзивиллом, прямые предки которого были не только собственниками обширных имений в России, но также состояли в родстве с династией Гогенцоллернов и выступали в Познани как герман-

ские вице-короли (один из них был генерал-адъютантом германского кайзера Вильгельма I). Вскоре после переговоров с Геббельсом Радзивилл в серии сенсационных статей высказывался за безоговорочное признание Польшей международной политики Гитлера во всех ее аспектах, включая захваты на юге и востоке Европы, хотя бы ценой разрыва с Францией. Это был бы исторический «новый старт» для Польши.

Геринг был «личным гостем» краковского графа Потоцкого, который, подобно виленскому князю Сапеге, открыто высказался за германо-польский союз¹. А результатом тайных переговоров явился прямой тайный блок между *Германской национал-социалистской партией* и «*Польской военной организацией*» — воинствующими фашистскими центрами с обеих сторон; блок, который, аналогично союзу между Розенбергом и «Тес» Гембеша для дунайской Европы, начинает теперь все больше охватывать Северо-Восточную Европу посредством дипломатии, военной политики, подрывной фашистской деятельности и терроризма.

2. Самым главным помощником, которым могут командовать здесь Бек и Гитлер, и следующим членом великой лиги является барон Маннергейм, лидер финских офицеров и основатель финляндского фашизма (движения «Лаппо»). Этот бывший полковник русской армии, теперь фельдмаршал республики, расположенной к северу от Ленинграда, некогда точно так же, как Пилсудский, и опираясь на те же самые социальные силы крупных землевладельцев и офицерскую камарилью, возглавил «национальную революцию» в своей стране против русских и финляндских рабочих и замучил при этом больше 10 тыс. финляндских революционеров. Сегодня со своей партией антипарламентских террористических лапуасцев, преемников его старой иррегулярной армии, ему нужно подняться ступенью выше — основать открыто фашистскую «Великую Финляндию», которая поглотит северный район СССР — Карелию — и граница которой пройдет в южных предместьях Ленинграда.

Финляндские землевладельцы, связанные с лесной промышленностью, зарятся на обширные леса и природные богатства Севера СССР, которые приобрели особенную ценность благодаря новому Беломорско-Балтийскому каналу; кроме того, подобно феодальным магнатам Польши, они боятся мощной волны коллективизированного социалистического земледелия, волны, докатившейся до самых границ и снова вызвавшей призрак революционной реформы в самой Финляндии.

¹ Газета Сапег *«Slowo»* писала, например, еще 27 июля 1934 г., за два дня до неудавшегося национал-социалистского путча в Вене: «Гитлер не отдаст Австрии. Совершенно правильно! Совершенно правильно! Экспансия Германии в этом направлении, экспансия Германии в направлении Тироля, — в интересах Польши». Сам Сапега не побоялся заявить, что единственным условием реконструкции Европы является поглощение «огромного русско-сибирского хинтерланда». А третий магнат, председатель комитета по иностранным делам в сенате, князь Любомирский принял непосредственное участие в германо-польском «соглашении» через своего родственника, князя Станислава Любомирского, советника польского посольства в Берлине, одного из ближайших коллег польского посла в Берлине Липского.

Всего четыре года назад Маннергейм с помощью руководителей финляндского генерального штаба и помимо финляндского парламента пытался привести своих лапуасских террористов к власти и начать агрессивную политику; переворот дал осечку и теперь лапуасское движение имеет только тринадцать официальных представителей в финляндском парламенте. Но сила этого движения среди землевладельцев, офицеров и студентов не сломлена; лапуасцы безнаказанно творят белый террор по всей стране; теперь же в лиге Бека и Гитлера барон Маннергейм нашел новую превосходную опору и рычаг. Он отдал этой лиге душу и сердце.

С первого момента, с самого начала финляндской контрреволюции в 1918 г., Маннергейм всегда был ставленником и союзником германского империализма. С экспедиционным корпусом германских офицеров под командой генерала фон дер Гольца он вошел в Гельсингфорс (столица Финляндии), занятый тогда рабочими; он хотел провозгласить германского принца Карла Гессенского королем страны; тогда этот план провалился. С тех пор Маннергейм непрерывно поддерживает контакт с германским генеральным штабом и германскими фашистскими военными организациями. Его всегда вдохновляла идея германской гегемонии в Прибалтике с ним самим в качестве проконсула и конквистадора на Крайнем Севере. Сегодня, после серии визитов в Берлин, он тесно связан с руководством национал-социалистской партии, и лапуасцы получают систематическую поддержку из Германии; они работают под присмотром г-на фон Трота из балтийского отделения розенберговского отдела, который появился в Гельсингфорсе (Хельсинки) в июле 1935 г.

Политика Бека наполняет Маннергейма энтузиазмом, а постоянное сотрудничество последнего с Польшей, через границы других прибалтийских лимитрофных государств, приобретает особое значение, так как он действует одновременно как посредник и агент Скандинавии, где эту политику поддерживают шурин Геринга граф Эрик фон Розен, шведский генерал де Шам, майор Квислинг и др. Среди руководящих деятелей Финляндии, особенно в окружении президента Свинхувуда¹, немало лиц, поддерживающих этот политический курс. Вот почему финляндский фашизм, с его обученными военными резервами, и особенно благодаря своему важному географическому положению на крайнем северо-востоке, является безусловным, естественным и агрессивным участником германо-польской северо-восточной лиги.

3. Третий участник этого союза не имеет ни территории, ни отечества, но именно поэтому он является особенно отчаянным элементом, роль которого еще впереди, и его участие здесь далеко не случайно. Это старая, разбитая и полузабытая русская контрреволюция, сконцентрировавшая свои силы в новой форме объединенного *русского фашизма* и теперь снова, после перерыва в пятнадцать лет, готовящаяся к генеральному наступле-

¹ Свинхувуд потерпел поражение на президентских выборах в феврале 1937 г., что истолковано всей европейской печатью как серьезный удар по агентуре германского фашизма в Финляндии. — *Прим. ред.*

нию на свою страну. Это движение, некогда столь сильное, но в последнее время зачахшее в отчаянии и беспцельном ожидании на задворках Европы, распавшееся на бесчисленные беспомощные группы, начало оживать только после прихода к власти Гитлера и Араки в 1933–1934 гг.; но теперь это движение снова приобретает, ввиду новой концентрации империалистских сил в Восточной Европе, совершенно иное, специфическое значение. Оно нашло свое место. Теперь его задача снова, как при Колчаке и Деникине, образовать компактную и подвижную массу, которая в грядущем «мировом крестовом походе на восток» должна быть брошена на Москву в самых первых рядах в качестве «национальных» ударных войск, и заручиться своей долей при разделе родной страны.

Русский фашизм снова становится, в результате последнего подкожного впрыскивания, живой политической силой; хотя он и ходит на костылях, но он воодушевлен безграничными надеждами, горит нетерпением и готов на все: на новый поход, на новую гражданскую войну, на новый террор, на новую реставрацию. Вот почему он принимается в качестве необходимого партнера в восточную лигу.

Под наблюдением Розенберга, Бека и японцев три наиболее важных группировки русских контрреволюционных эмигрантов и белых офицеров заключили между собой соглашение: Русская национал-социалистская партия в Германии («Национал-социалистская русская лига» — бывший «Ронд»); монархистская партия великого князя Кирилла, кандидата в цари, действующего во Франции и поддерживаемого главным образом бывшими дворянами, крупными помещиками, и «Всероссийская фашистская партия» знаменитого сибирского казака генерала Семенова и его банд, осколок колчаковской армии, которая разбросана по странам от Восточной Азии до Прибалтики и финансируется и вооружается Японией.

Это уже не чисто германское отделение русских эмигрантов, подобно «Ронду» Розенберга в 1933 г.: теперь русский фашизм поднялся до уровня действительно всемирного союза, охватывающего главную массу существующих активных остатков русских белых армий в различных странах; групп, которые до сих пор держались самой различной ориентации. Только крупная организация бывших врангелевских офицеров — «Всероссийский военный союз» в Париже (РОВС, глава — генерал Миллер), возглавлявшаяся прежде великим князем Николаем Николаевичем, которая пытается объединить старые кадры во Франции и Югославии, все еще официально остается вне союза, но фактически уже является частью его. Так же обстоит дело и с известным тайным обществом «Братство русской правды», которое недавно призывало к убийству Кирова и организовало террористическую деятельность на территории СССР.

Объединение всех этих групп произошло в Берлине под руководством «князя» Бермондта-Авалова, старого друга Розенберга (а еще раньше — Распутина), который в свое время, как и генерал Маннергейм, командовал германо-русскими белыми бандами в Прибалтике; впоследствии он был лидером «Ронда». Другим посредником при заключении соглашения был хорошо известный русский фашист и японский агент Вонсяцкий,

который возвестил о результатах соглашения совершенно откровенно¹. С тех пор русские эмигранты во всем мире превратились в жужжащее осиное гнездо. Снова есть возможность получить финансовые ресурсы; военные планы и проекты реставрации готовы, сборными пунктами будут, вероятно, Польша и Маньчжурия.

В мае 1936 г. белогвардеец генерал Бискупский — старый друг Розенберга и сторонник претендента на престол Кирилла — был официально назначен «правительственным комиссаром по русским делам» в Германии; царскому генералу были даны полномочия по формированию «русских полков» в Берлине. Русский фашизм еще не имеет центрального верховного вождя, как у других фашистов, и едва ли будет его иметь; в конце концов, ведь это только свора наемников. Но он имеет наконец определенную перспективу, точную ориентацию, и он теперь от нее не откажется. Далеко на заднем плане в Берлине, Париже и Харбине последние русские землевладельцы, банкиры и нефтяные магнаты мечтают о новом царстве, пусть хотя бы в виде маленькой полуазиатской колонии. Когда настанет час, тысячи бездомных, отчаявшихся, полубезумных наемников будут на месте, готовые маршировать на восток под знаменами Пилсудского и Гитлера и достигнуть той цели, ради которой они хранят свои презренные жизни: ради завоевания Москвы, ради возмездия второй контрреволюции.

4. Точно такая же концентрация и мобилизация сил проводилась восточноевропейской лигой по отношению ко второму партнеру и рыцарю с большой дороги на этом фронте — сепаратистскому *украинскому фашизму*, целью которого является *Киев*, город, откуда он был окончательно изгнан в 1919 г. Здесь происходит следующее. Три активных военно-фашистских организации украинцев, из которых одна была до сих пор прогерманской, другая — пропольской, третья — резко антипольской, объединяются, чтобы вместе повернуться лицом к востоку.

Во-первых, еще в 1934 г. под эгидой Розенберга произошло слияние чисто помещичьей группы гетмана *Скоропадского* (Украинский национальный союз — УНО), имеющей свою резиденцию в Германии, с чисто террористической организацией полковника *Коновальца* (Украинская военная организация — УВО), действующей в польской Украине (Галиция).

Скоропадский был в 1918 г. в течение около девяти месяцев губернатором Украины, оккупированной тогда германскими войсками; он занимал там примерно такое же положение, как Маннергейм или Бермондт на севере. Он представляет интересы самых реакционных украинских и русских земельных собственников, которые сбежали в Германию, и в течение ряда лет был особенно близким другом Геринга.

¹ Он заявил в Шанхае: «Мы хотим сближения всех русских эмигрантов по всему свету. Самое большое наше желание видеть народы Японии и новой Германии, протягивающими нам руку и предлагающими нам искреннюю и могучую поддержку». Из всех русских контрреволюционеров за границей официально высказывается против германо-польской ориентации только «либеральная» группа Миллюкова в Париже; она имеет, однако, мало сторонников среди массы активных эмигрантов и белых офицеров.

Коновалец — это человек, который много лет подряд ведет кровавую ирредентистскую деятельность в Галиции против польской оккупации, против режима Пилсудского и в то же время против революционных украинских рабочих и крестьян; УВО в Польской Украине — это почти точная копия михайловского «ИМРО» в болгарско-сербской Македонии. В прошлом за «УВО» числятся покушения на жизнь Пилсудского (проведенное шурином Коновальца) и на польского президента Войцеховского. Союз между Скоропадским и Коновальцем в 1933–1934 гг. породил украинскую секцию в системе Розенберга, направленную против Польши, так же как и против СССР¹. Теперь, однако, был предпринят новый шаг. Германо-украинская группа Скоропадский — Коновалец, которая до сих пор рассматривала поляков, как своих заклятых врагов, установила сношения с третьей украинской группой — «Украинской народной республикой» — УНР, центр которой находится в Варшаве; УНР очень тесно связана с Беком и польским правительством.

Лидер УНР *Андрей Левицкий* считает себя президентом независимого украинского правительства, а тем временем носит звание члена польского парламента, является наследником и преемником знаменитого атамана Петлюры, который зимой 1918 г. по окончании германской оккупации Украины сверг Скоропадского, расчистил Пилсудскому путь к Киеву и вместе с ним вел войну против Красной армии. Эта группа представляет интересы украинских кулаков, фашистски настроенных зажиточных крестьян, пострадавших от большевистской аграрной реформы не меньше, чем польские феодальные магнаты, и на деле сотрудничающих с ними уже значительное время. Левицкий и его организация работают в тесном контакте с виленским князем Сапегой, владевшим огромными поместьями на русской Украине.

И еще одна характерная черта: пока Германия и Польша были врагами и соперниками, социальный конфликт между сторонниками Скоропадского и петлюровцами, т. е. между крупными помещиками и кулаками, доходил до величайшей ожесточенности; не было на Украине врагов более озлобленных друг против друга, чем эти две партии. В тот самый момент, однако, когда центральный германский фашизм подчинил своему влиянию второстепенный польский фашизм и установил высшую магнетическую империалистскую форму, последовала немедленная реакция зависимых украинских групп. Борьба между ними сразу прекратилась, и они вступили в сношения между собой. Здесь снова второстепенные социальные противоречия между буржуазными группировками на время автоматически поглотились высшей империалистской организацией. В международном масштабе был сделан новый шаг, выходящий за пределы существующей империалистской организации в Германии: шаг от отдельной фашистской группы к фашистской лиге.

Переговоры между Скоропадским и Левицким велись в 1934 г. в Праге, столице Чехословакии, страны, между прочим, также владеющей частью украинской территории, на которую зарятся германо-польские империалисты, — чешской Подкарпатской Украиной. А в конце мая 1934 г. в

¹ См. «Гитлер над Европой?»

Берлине происходил настоящий конгресс украинских фашистов; на нем присутствовало около ста делегатов (три четверти их из Германии и Польши) и лично Розенберг, Скоропадский и крупнейшие германские национал-социалисты. От имени Гитлера Розенберг изложил в большой речи программу создания будущей фашистской Украины при поддержке Германии и Польши. Это было уже конкретным результатом.

Украинские фашисты в Германии форсируют военные и политические приготовления против СССР. Украинские фашисты в Варшаве, петлюровцы, открыто поддерживающие лозунг «украино-польской федерации», ведут вместе с князем Сапегой усиленную агитацию против Восточного пакта, а в декабре 1934 г. созывают во Львове конференцию для разработки планов интервенции против СССР; к ним присоединились на этой конференции также украинские меньшевики, и польское правительство пошло на «национальные уступки». Украинские фашисты в Галиции, банды УВО умеряют свою борьбу против польских оккупационных властей, убивают служащего советского консульства во Львове и направляют всю свою кровожадную деятельность, с одной стороны, против левых галицийских рабочих и крестьян, с другой, — против СССР.

Националисты УВО меньше работают теперь в Галиции, чем в советских районах на правом берегу Днепра. Они пытаются организовывать кулаков, проводить саботаж в колхозах, убивают советских работников и занимаются шпионажем в пользу Германии и Польши¹. Все их внимание сконцентрировано на этом. Ведь все это только приготовления к осуществлению их грез: Германия и Польша должны во второй раз — и на этот раз вместе — вступить в Киев.

5. Следующий партнер в лиге — литовский фашистский союз «Железный волк» Вольдемараса, нарушающий спокойствие в стране; несмотря на то, что Литва занимает пространство всего в 58 тыс. кв. км и население ее составляет 2250 тыс. человек, она, вклиниваясь между Германией, Польшей, прибалтийскими государствами и СССР, имеет крупное политическое и стратегическое значение. Путь из Восточной Пруссии к Рижскому заливу и от Вильны на запад идет через Литву; со времени захвата Вильны Польшей в 1920 г. и после отделения Мемеля от Германии в пользу Литвы последняя вынуждена вести оборонительную политику по отношению к этим двум государствам. План новой польской империи предусматривает поглощение Литвы, бывшей прежде частью феодальной Польши и княжеством Радзивиллов; препятствием к выполнению этих планов являются правительства, находившиеся до сих пор у власти в Ковно, правительства, которые и поныне ищут поддержки у Франции и Советского Союза. Фашизм Вольдемараса — заклятый враг этих правительств.

¹ Согласно показаниям арестованных агентов УВО, на Советской Украине они выполняли «новую тактику» «прямого действия против СССР», которую эта организация приняла после личных переговоров между ее вождем Коновальцем и Розенбергом. Официально, конечно, в Польше Коновалец так же подвергается преследованиям, как и раньше. Сообщалось, что летом 1936 г. он замыслил покушение на жизнь советских делегатов на пленуме Лиги Наций в Женеве.

Составными частями движения здесь снова являются: экстремистское крыло офицерского корпуса, как повсюду в этой зоне, борющееся за непосредственную диктатуру и считающее Германию своим покровителем; старые польско-литовские землевладельцы, имения которых были в некоторых случаях раздроблены польско-литовской границей; деморализованная, запуганная мелкая буржуазия маленьких городков, которая не прочь по германскому образцу напасть на многочисленных еврейских мелких лавочников и торговцев в гетто, и, наконец, это он сам — Вольдемарас, — карманный Наполеон и отставной диктатор Литвы, тем не менее прекрасно понимающий собственную роль: открыть ворота своей страны, чтобы пропустить кое-кого посильнее, чем он сам. Уже однажды, в 1926 г., опираясь на армию, Вольдемарас захватил власть в Литве и удерживал ее в течение трех лет до тех пор, пока его не свергли консервативные группы другой ориентации (президент Сметона); он не имел достаточной базы внутри страны. Но в июне 1934 г., через пять месяцев после осуществления германо-польского пакта в Берлине, произошло следующее.

Вольдемарас, который до этого был интернирован в глухой провинции как пленник государства, вместе с другими офицерами, начальником генерального штаба Кубелюнасом, группой фашистов из организации «Железный волк», имея в своем распоряжении танк и отряд воздушных сил, внезапно овладел столицей, занял главную квартиру генерального штаба и обратился к президенту Сметоне с ультиматумом, в котором предлагал ему подать в отставку в пользу его, Вольдемараса. В ту же ночь (6 июня 1934 г.) начинается концентрация германских войск на германо-литовской границе близ Тильзита в Восточной Пруссии, куда Бермондт-Авалов, лидер иррегулярных русско-балтийских банд в Германии, за несколько недель до того перенес свою главную квартиру. В Мемеле, литовском порту, принадлежавшем раньше Германии, зашевелились германские национал-социалисты. (Вольдемарас открыто высказывался за установление «соглашения» с Германией по мемельскому вопросу.) На следующий день президент Сметона подавляет путч с помощью оставшейся верной правительству части армии и явно при значительном давлении со стороны Франции, которая незадолго до этого начала создавать балтийскую «Малую Антанту» в составе: Литва, Латвия и Эстония, организуя поддержку Восточного пакта. Вольдемараса снова увозят в ссылку офицеры воздушного флота, и его приговаривают затем к двенадцати годам каторги; Бермондт-Авалов исчезает с восточно-прусской границы.

Захват Литвы на этот раз провалился, но теперь обнаруживается, что литовский фашизм имеет совсем иные силы и резервы. Имеются также «легальные» сторонники сближения с Германией, например, новая «партия» богатого литовско-русского графа Зубова в Мемеле. Борьба за Ковно стала международной. В одном лагере находится Франция и борющийся за мир Советский Союз. В другом лагере — восточноевропейская фашистская лига, орудием которой стал Вольдемарас. Маленький профессор вышел из игры впредь до дальнейших указаний. Но движущая сила, стоящая за литовскими фашистами, ни на йоту не отступила от своих планов и диспозиций.

Численность германских войск в Восточной Пруссии доведена до 100 тыс. человек регулярных и иррегулярных войск, в то время как противная сторона может выставить 3 тыс. Активность национал-социалистов в Мемеле не прекращается, это показал происходивший там в феврале 1935 г. последний литовский процесс заговорщиков. А с противоположной стороны, с востока, Ковно находится в тисках польского Вильно. С военной точки зрения обе дороги: дорога Тильзит — Ковно и дорога Вильно — Ковно — это всего несколько часов перехода для *пехоты*. А оба эти направления открывают путь к Минску, столице Советской Белоруссии.

6. Еще шаг по направлению к северу: нелегальная *фашистская организация в Латвии, «Перконкруст»* (Огненный крест) — звено все той же цепи. Политика его направлена против рижского правительства Ульманиса, лидера крупных фермеров, ведущего с Францией и Советским Союзом переговоры о Восточном пакте; против парламента, евреев и социалистов, за военную диктатуру, за «государственную систему национал-социализма» и за новый проект «северного скандинавско-балтийского блока», поддерживаемого Польшей и Германией.

В июне 1934 г., через неделю после путча Вольдемараса в Литве, правительство в Риге раскрыло заговор «Перконкруста» и предупредило переворот, арестовав 90 активных членов этой организации во главе с их официальным лидером *Густавом Цельминьшем* (сам Ульманис перед тем распустил парламент и запретил все политические партии). Но глава латвийского генерального штаба генерал Гартман, который значит больше, нежели Ульманис, и который связан с польским и германским генеральными штабами, остался на своем посту. А действительная лаборатория латвийского, так же как и эстонского фашизма, это более могущественная организация, описание которой последует и до которой из Риги не дотянуться.

7. Не дотянуться также и до людей, стоявших за заговором в *Эстонии*, последней стране северо-восточного сектора; этот заговор был подготовлен в феврале 1934 г. фашистской «Эстонской лигой борцов за свободу» и ее вождями: генералом *Ларка*, бывшим военным министром; генералом *Тырвандом*, бывшим начальником генерального штаба, и адвокатом *Сирком*. Эта лига, сходная с военными организациями «полковников» в Польше или Маннергейма в Финляндии, объединяет тех контрреволюционных наймитов в стране, которые в 1918–1919 гг., после революции в России, объявили националистическую войну с Советами и основали нынешнюю Эстонскую республику.

Одна часть этих наймитов в союзе с крупными фермерами провела аграрную реформу в стране против угнетавших эстонский народ немецких баронов и во главе с генералом Лайдонером правит Эстонией и поныне; другая часть с генералом Ларка во главе пошла с городской буржуазией Эстонии, недовольной существующим режимом. И так как Лайдонер, после конфискации собственности германских баронов, боится Германии и ищет защиты от этой опасности за границей, то враждующая с ним партия «Борцов за свободу» является душой и телом противоположной программы, требующей «общей участи» с Германией.

«Борцы за свободу» получают субсидии от барона Шелла, председателя клуба немецких баронов в Ревеле, вооружают мелких буржуа эстонских городов; несмотря на то что до 1932 г. этой партии еще не существовало, к весне 1934 г. «Борцы за свободу» были уже так сильны, что едва не захватили власть в стране. Приближавшиеся тогда президентские выборы почти наверняка обещали большинство их кандидату — Ларку, и фашизация Эстонии казалась неизбежной. Только чрезвычайный акт официального правительства Лайдонера, внезапно объявившего военное положение, распустившего «Лигу борцов за свободу», арестовавшего оптом ее членов и установившего «авторитарный режим», смог в критический момент приостановить этот почти завершившийся процесс, процесс, являвшийся точным повторением того, что происходило в Литве, Латвии, Болгарии и Румынии. Тем не менее, девять месяцев спустя, в декабре 1935 г., та же самая организация снова предприняла попытку путча, пользуясь на этот раз поддержкой со стороны финляндских военных кругов. Но еще сильнее сказывается влияние другой силы.

Да и что такое Эстония и ее фашизм? Это снова не столько политический фактор сам по себе, сколько географическая стратегическая позиция: южный берег Финского залива, на котором лежит Эстония, дополняет как база для развертывания военных действий северный берег (Финляндию, т. е. Маннергейма); оба эти направления ведут к Ленинграду. Вот почему фигура генерала Ларка не исчезает с ревельского горизонта.

Цепь замкнулась. Балтийское море плотно окружено со всех сторон, как прежде границы Украины. Но ни Вольдемарас, ни Маннергейм, Гельминс или Ларка, ни даже Бек не являются непосредственными командирами всей операции вокруг Балтийского моря. Здесь-то и выступает восьмой и последний член новой восточноевропейской фашистской лиги, который наиболее открыто и непосредственно выражает подлинную ее сущность, обнажает подлинные ее истоки и корни ее могущества.

8. *«Балтийское братство»*. Неизвестны даже точное местонахождение и структура этой организации, но она является одной из самых неправдоподобных и все же типичных организаций, появившихся в сегодняшней Европе, вызванных к жизни фашизмом и налагающих свой отпечаток на современность. С одной стороны, это внешне как будто не больше чем собственно балтийская или северо-восточная секция «Внешнеполитического отдела», находящегося в ведении господина Розенберга, который сам родом из Прибалтики. С другой стороны, по существу, по внутреннему строению, это невероятный анахронизм, чуть ли не призрак, вызванный из средневековья; это и в самом деле точное воспроизведение определенного ответвления Ордена тевтонских рыцарей, существовавшего между XIII и XVI столетиями и неоднократно совершавшего в те времена вторжения в Восточную Европу.

Что представлял собой тевтонский орден? Это была воинствующая организация авантюристов — отпрысков крупных германских феодальных семей, которым либо из-за закона первонаследования, либо по другим причинам не хватало земель и крепостных в Германии и которые направились поэтому в Прибалтику, чтобы наgrabить там земель и превратить стоящее

на низком уровне развития, но еще свободное крестьянство в своих данниках. В течение двух столетий, продвинувшись от Одера до Вислы, а затем от Вислы до Двины, орден завоевывал одну страну за другой и «колонизовал» Восточную Пруссию, Лифляндию, Курляндию (теперь Латвия), Эстонию и большую часть Литвы; он повсюду отбирал у населения захваченную землю и делил ее между рыцарями, устанавливая политическое превосходство «германизма» и неизменно провозглашая «миссию христианства». Одновременно это феодально-империалистское общество поддерживал мощный германский торговый союз «Ганза»; орден охранял торговую экспансию «Ганзы» на всем Балтийском море и делил с ней прибыли, идущие из обоих источников — и от торговли, и от захвата земель.

Владения восточноевропейского ордена германских рыцарей под конец охватывали пространство, ограниченное современной Восточной Пруссией, Финским заливом на севере, нынешней советской границей и Польшей на востоке и юге; эта огромная феодальная колония, включавшая такие города, как Данциг, Мемель, Торн, Рига, Ревель, Дерпт и т. д., распалась (в XIV в.) только тогда, когда правители Польши, Швеции и прежде всего России вторглись в это пространство и выгнали оттуда германских рыцарей, оставив в качестве постоянных вассалов только некоторых из них. Политически это было ликвидацией первой попытки германской гегемонии в Прибалтике. Таков был средневековый орден германских феодалов в Северо-Восточной Европе.

Что представляет собой ныне общество «Балтийское братство»?

Его главная квартира, «генеральный конвент», находится в Восточной Пруссии, пограничной провинции Германии, где сосредоточены крупные поместья. Его местные «братства» распространяются на Эстонию, Латвию и Литву. Его цель — «борьба за старое балтийское отечество» и «христианско-рыцарская миссия германизма» в Северо-Восточной Европе. Современной формой его является тайная ассоциация «братьев». Предназначенная для него в будущем форма это — «Балтийский орден», который должен быть создан, «когда созреет момент»¹.

Один из вождей «Братства», Раутенберг, пишет в циркуляре, адресованном «братьям», следующее: «События в прибалтийских странах привели к положению, напоминающему XII столетие и делающему новую экспедицию в эти страны необходимой». Другой лидер, Лашевиц, высказался яснее: «Германские колонии на Балтийском море должны служить оплотом против напорающих славянских племен». «Комтур» (командор) «Братства» в Эстонии, барон Мейдель, строит планы раздела эстонской земли между «братьями». Это означает новую колонизацию всех прибалтийских стран и, сверх того, русской территории новым германским «орденом-государством» на северо-востоке.

¹ Все эти данные, так же как и приведенные ниже цитаты относительно тайных целей этой организации, содержатся в материале, который частично стал публичным достоянием в связи с недавним процессом против 70 членов «Братства» в Латвии и Эстонии.

А теперь, вот выдержка из обращения, прочитанного бывшим послом Вернером Дайтцом, директором отделения во «Внешнеполитическом отделе национал-социалистской партии» и одним из главных адъютантов Розенберга, на публичном собрании «Северного общества» в Любеке, столице старой германской Ганзы:

«Задача Германии состоит в приведении в движение европейской карусели торговли, которая в течение четырехсот лет (т. е. после распада тевтонского ордена. — *Автор*) все более и более приходила в упадок, в объединении юго-восточной территории с прибалтийской территорией и — в один прекрасный день — в сплочении их обеих *над Россией* в одно единое экономическое пространство» (подчеркнуто нами. — *Автор*).

Приведем еще отрывок из статьи в эссенской «*National Zeitung*» — газете, принадлежащей лично Герингу, — от 1 июня 1934 г., из статьи, озаглавленной «Великое экономическое пространство Балтики».

«Мы должны снова начать там, где четыре столетия назад прервалась старая, связанная с определенной территорией, торговля Ганзы... Страны Балтики имеют одну и ту же судьбу... Юго-восточная часть Европы должна снова войти в контакт с северо-восточной, с районом Северного моря и с Балтикой. *Круг должен быть однажды замкнут над Россией. В пользу Внешнеполитического отдела НСДАП неоспоримо говорит то, что он наметил в этом отношении планы и предположения, которые уже сегодня находятся в процессе выполнения*» (курсив наш. — *Автор*).

И, наконец, сам господин Розенберг в речи, обращенной все к тому же «Северному обществу» 2 июня 1934 г., сказал следующее (через 4 дня после этой речи произошел путч в Литве, а через 11 дней был раскрыт путчистский заговор в Латвии):

«Народы прибалтийской территории находятся сегодня в таком же положении, что и народы дунайской территории. Балтика была некогда центром европейской международной политики... Вступлением к решению этих великих вопросов является здесь также признание того, что Балтика... развивается по своим собственным историческим законам... Мы верим, что великая общая судьба Скандинавии и народов Балтики выше различных систем правительств».

Почти дословное совпадение этих цитат, так же как и приведенных выше, предназначенных для узкого круга заявлений членов «Балтийского братства», совпадение, которое может быть объяснено только существованием фиксированного, точно сформулированного, основного документа, быть может, «Коричневой книги» — для посвященных¹, это, конечно, из-

¹ Этот ряд доказательств можно продолжить. Так, господин Штебель, официальный лидер национал-социалистской корпорации студентов, по случаю учреждения специальных «восточных семестров» в германских университетах, заявил: «Так же как сотни лет назад цвет наших рыцарей, крестьян и ремесленников боролся за завоевание земель, лежащих по ту сторону Эльбы, Вислы и Одера, точно так же сегодня дух новой Германии должен в первую очередь пробить себе путь на Восток». Студент также заучил свой урок наизусть, но он хуже, чем другие, умеет держать язык за зубами.

лишнее доказательство. Дело ясно, как день, ясно даже для скептиков и маловеров, для глуховатых или притворяющихся глухими некоторых политических деятелей и «лидеров общественного мнения» на западных границах Европы.

Что такое «Балтийское братство»? Это один из самых чудовищных и все же в известном смысле реалистических фантомов, возникших в мозгу господина Альфреда Розенберга — этого средневекового недоноска в XX столетии, который приобрел такое влияние, играет такую характерную роль и стал почти «классиком» потому, что в XX в. он неустанно пытается найти синтез между современной капиталистической олигархией, ее законами, ее нуждами и стремлениями, с одной стороны, и формами и орудиями самой мрачной, самой реакционной в истории эпохи — феодализма, — с другой: такое сочетание носит название фашизма.

Попытка эта обречена на неудачу; это противоречит смыслу истории и процессу ее развития; эта попытка не диалектична. Но для внутренней трагедии капитализма, трагедии, заключающейся в том, что, находясь при смерти, он отказывается умереть, толкающей его к таким безумным, патологическим химерам, имеют значение даже подобные планы; планы, которые «находятся в процессе выполнения» и до сих пор имеют реальный смысл, хотя их окончательное осуществление условно.

Кто является членами «Балтийского братства», а, следовательно, и будущего нового тевтонско-балтийского ордена? Это в первую очередь балтийские бароны, сегодняшние прямые потомки средневековых германских рыцарей-разбойников; все эти Унгерны-Штернберги, Врангели, Цур-Мюлены и пр., точно так же, как польские воеводы на юге не переставали в течение пятисот лет претендовать на эту зону для своего исключительного пользования; при русских царях они держали нищее крестьянство этих областей в полном национальном и социальном рабстве до тех пор, пока после войны они сами не были, наконец, экспроприированы этими крестьянами и изгнаны (таков был более глубокий смысл «национального освобождения» прибалтийских стран за последний период).

Еще в 1919 г., почти сразу после военного краха старого российского государства, эти бароны в открытом манифесте, выпущенном «Корпорацией рыцарей», требовали отделения этих провинций от России. Теперь они снова предъявляют свои притязания. Но не они одни! И вот здесь-то и начинается действительно новая и решающая «северо-восточная европейская проблема» германского фашизма, проблема, которая породила бредовый фантом Розенберга.

Гитлер не может решить проблему германского крестьянства. Он не может решить проблему германской мелкой буржуазии. Он не может решить проблему германских безработных. Он создает только узкие аристократические касты для каждой категории, все больше подавляя массы. Отсюда новый кризис национал-социализма. Отсюда 30 июня 1934 г. Отсюда внутренний и внешний пароксизм германского фашизма, заставляющий его забыть всякую предусмотрительность и осторожность.

Восточноевропейская фашистская лига должна решить эту проблему для

Гитлера, проблему германской мелкой буржуазии и крестьянства таким же образом, как юго-восточная европейская фашистская лига должна решить проблему германского монополистического капитала. Вокруг этой сжатой формулы вращается в настоящий момент вся концепция современной германской политики. Она служит выражением окончательного решения, к которому пришли германский империализм и его фашизм после трех лет борьбы и экспериментирования: в ней вся его мудрость.

На юго-востоке — прорыв для Рура, для скованного и пытающегося найти выход для своей энергии германского индустриального капитала, машины которого, через Дунай и Балканы, должны достигнуть открытых азиатских рынков. На северо-востоке — прорыв для мелкой буржуазии, для миллионов пауперизованных и отчаявшихся крестьян, мелких буржуа и безработных (из мелкой буржуазии), которые восстали на стороне фашизма, чтобы обеспечить свое существование, но которые однажды снова восстанут — на этот раз вместе с рабочим классом — против фашизма, если он не обеспечит их существования — каким бы путем он это ни осуществил. И фашизм «нашел» этот путь.

Это имеет весьма определенный смысл. Не только старые местные «балтийские бароны» — прямые наследники феодального тевтонского ордена в Северо-Восточной Европе — являются людьми, стоящими за новым балтийским орденом или выражающими его социальную сущность. Устремления ордена еще более сформировались и усилились благодаря всей подталкивающей его массе обделенных внутри Германии. Это юнкера с восточного берега Эльбы, друзья фон Папена и Гинденбурга, которые за последние пятьсот лет чувствуют себя слишком стесненными на родине и которые охотно раздобыли бы новые поместья для своих сыновей и родственников¹. Это затем «младшие сыновья» новых «наследственных крестьян» (Erbhofbauern), которые после «аристократической аграрной реформы Дарре» были навсегда отстранены от раздела имущества, а из-за безработицы не могут стать даже пролетариями. Это также городские национал-социалистские мелкие буржуа, которых их мессия-Гитлер не может ни накормить, ни повесить и которых он должен поэтому превратить в новую аграрную касту; это, наконец, все прочие социальные группы и элементы, ставшие огромным мертвым балластом в государстве фашистского монополистического капитала, балластом, который внутри страны нельзя ни «разгрузить», ни уничтожить, а можно только *вытолкнуть*. Место, куда можно его вытолкнуть, существует. Есть также и почва, на которой изгнанная мелкая буржуазия должна получить крещение в качестве новой аграрной касты победителей; и таким образом вся проблема решится как по волшебству. Как же тут не прийти в восторг старому балтийскому фантазеру Розенбергу?

Новый балтийский орден и его королевство восстановит «циркуляцию»

¹ «Балтийская перспектива», предложенная Гитлером этим элементам, — одна из самых реальных и сокровенных причин для временами непостижимой «рыцарской лояльности», с которой фонпапеновское крыло германских юнкеров продолжает относиться к национал-социалистскому режиму.

и «равновесие» в социальной жизни Германии. Он облегчит жизнь в городах и возродит деревни. Он создаст и навсегда обеспечит Германии продовольственную базу, недостаточность которой всегда была серьезной опасностью в военное время. И, наконец, он откроет для германской промышленности новый рынок. Потому что так же, как старый Орден тевтонских рыцарей опирался экономически на торговый союз «Ганза» и к прибылям от грабежа земель присоединял прибыли от торговли, так же и новое государство розенберговских рыцарей будет непосредственным агентом Рура и каналом для его продуктов. Северо-Восточная Европа для германских фашистов! И снова над Балтикой несется клич: «Schwert, Kreuz und Deutschtum!» («Меч, крест и германство»). XX столетие только на один шаг ушло от XIII. Гитлер тащит его назад.

Вот почему «Балтийское братство» — скрытая, эмбриональная форма будущего балтийского ордена — становится таким важным фактором в практической восточноевропейской политике. Оно становится, таким образом, наряду и вместе с орденом польских феодалов, который называется Польшей Пилсудского, второй подлинной опорой фашистской восточной лиги, вторым руководящим партнером в проводимом здесь походе на цивилизацию. Розенберг и Радзивилл, две ветви одного дерева, осуществляют вместе политическую контрреволюцию в Восточной Европе, а если копнуть всего одним слоем глубже, то и экономическую *аграрную контрреволюцию* в этих странах. Это нечто большее, чем выполнение их собственных планов, чем борьба за их собственные специфические интересы.

Контрреволюция с точки зрения капиталистической является двойкой необходимостью — только так можно компенсировать и поддержать остатки мелкой буржуазии и среднего сословия в Германии, удушаемых монополистическим капиталом. И только так может быть одновременно создана экономическая основа для акта, который должен будет увенчать всю деятельность мировой капиталистической реакции, для политического и военного уничтожения СССР. Это положение чрезвычайно важно. Советский Союз — это смертельный недуг в мировой капиталистической системе, потому что он представляет на шестой части света необычайно могущественное бесклассовое общество и необычайно могущественную социалистическую промышленность.

Для того чтобы раз и навсегда с корнем разрушить это общество и эту промышленность, недостаточно одного только военно-политического поражения и завоевания СССР; необходимо одновременно разрушить существующий экономический фундамент, техническую базу обеих этих сил: для этого надо насильственно превратить СССР в аграрную колонию, отбросить развитую экономику страны до уровня отсталого аграрного общества и, как следствие, вновь превратить полных достоинства социалистических мужчин и женщин в разьединенную, распыленную армию сельских пролетариев и крепостных. Новое социалистическое общество в Советском Союзе не только в военном и политическом, но также и в социальном отношении должно быть *уничтожено на корню*. Вот что означают объективно планы Радзивиллов на юге и розенберговских баронов на севере. Вся

программа этого крестового похода сводится в конечном счете к этому, т. е. к воссозданию нового феодального класса в Восточной Европе на месте бесклассового социалистического общества.

Восточноевропейская фашистская лига представляет поэтому синтез двух тенденций: во-первых, специфической империалистской борьбы за восточноевропейскую монополию и борьбы аграрного капитала за захват новых земель, за новые источники ренты; и, во-вторых, всеобщей социальной необходимости мирового капитализма в целом к уничтожению индустриально-пролетарской страны, занимающей пространство между Западной Европой и Восточной Азией. Вот почему — даже если не было бы других причин — так силен политический импульс этой лиги. Она исторически представляет собой чудовищное усилие: усилие повернуть историю вспять, усилие, которое капитализм делает перед лицом гибели.

Итак, «Балтийское братство» в качестве действительного внутреннего стержня этого похода организует «окружение Балтийского моря», в то время как Радзивиллы, Потоцкие и Сапеги заняты подготовкой блокады Украины. Оно создает латвийский фашизм, подхлестывает Маннергейма в Финляндии, электризует Ларка и его ветеранов в Эстонии и гальванизирует Вольдемараса в Литве. Все эти мелкие офицеры, одержимые манией величия профессоры, опереточные диктаторы и прочие карманные Муссолини, даже не отдают себе полного отчета в том, почему все они сразу стали вдруг так велики и могущественны; именно потому что все они тоже делают европейскую историю, им разрешено производить маленькие «революции» собственного изготовления.

Они только что появились на сцене и они полностью удовлетворены ролями военных наемников сегодня и феодальных вассалов завтра в той новой империи, почти беспредельной по своим пространствам, почти неисчерпаемой по своим возможностям эксплуатации, которую должен открыть крестовый поход их господ на восток. Они прыгают и заставляют прыгать лавочников Ковно, зажиточных фермеров с берегов Финского залива, адвокатов из Ревеля и студентов из Риги.

Лидеры подпольного «Балтийского братства»: таинственный «магистр ордена» в Восточной Пруссии, господин Курсельль; руководитель в Эстонии, барон Мейдель; руководитель в Латвии, Шенфельд; руководитель в Литве, барон фон дер Ропп, и пр., диктуют политическую линию¹. Они вдохновляют балтийскую армию, собирающуюся в Восточной Пруссии, так же как и «безобидные» военные миссии германских и польских офицеров генерального штаба, недавно посетившие страны Прибалтики.

Восточная лига Гитлера и Бека марширует. Оба они идут вместе и будут продолжать идти вместе, в полном мире и согласии, до тех пор пока не будет достигнута их непосредственная цель — поражение большевизма. Но когда это будет достигнуто — а эти люди, по крайней мере, верят, что

¹ Существование связи между «Балтийским братством» и эстонскими фашистскими «борцами за свободу» было, например, установлено с полной достоверностью. Орган «борцов за свободу» «Vyvtlus» основан при германской поддержке.

это будет, — тогда произойдет маленькое изменение — последний акт в этой современно-средневековой фантазии. Торжествующий победу «Балтийский орден» германского фашизма, в сознании своей победы и своей «исторической миссии», сделает одно последнее маленькое движение, которое даже не будет стоить ему никаких особых усилий. *Он уничтожит наследников Пилсудского* — ни больше и ни меньше. Он вдребезги разобьет «поляков», «польскую свинью», этих «наследственных врагов германской расы», которые беспрерывно в течение восьми столетий не переставали враждовать с ним, которые в 1410 г. покончили с первым тевтонским орденом (битва под Танненбергом) и с тех пор вызывают отвращение в каждом истинном германце — кроме тех периодов, когда они нужны как орудия и пока они, следовательно, являются «братьями».

Гитлер раздавит свою союзницу Польшу Бека, которую он поднял до ранга «большой державы», сам вовлек в крупную игру, раздавит на следующий день после «грядущей» совместной победы, раздавит ее всей своей колоссально увеличившейся мощью и устроит новый раздел Польши, гораздо более тщательный, чем три первых: с Украиной и Литвой в качестве частей «федерации» под *германской* гегемонией в соответствии с первоначальным планом Розенберга; планом, который был «модифицирован» временно, по «тактическим» соображениям, но от которого никогда не отказывались. Тогда действительно будет «Finis Poloniae». Конец «полковникам», конец Радзивиллам, конец всем этим жадным и жалким липипутам, которые думают, что они могут объединиться с тигром, чтобы напасть на льва.

Но лев жив, и когти его крепки как никогда.

Глава VI. Новый германский стратегический план

(План Гофмана)

Ход событий ясно показывает — на континенте созданы два новых объединения: Восточная фашистская лига и Южная фашистская лига. Первая тянется от финско-скандинавских границ до польской западной Украины. Вторая охватывает пространство от дунайских стран до Ближнего Востока. И та и другая стали неотъемлемыми факторами в европейской политике. И та и другая превращают свои зоны в бурлящий политический котел, каким была раньше Германия. И обе вместе представляют собой нечто новое: широкий герметический *барьер, проходящий сквозь всю Европу от Атлантического океана до Черного моря.*

Это характерно для обеих лиг. Бек и Гембеш, восточноевропейский «бонапартизм» и южноевропейский «ревизионизм», фашистские маршалы на Балтийском море, на Висле и на Дунае подают друг другу руки; образуется замкнутая непрерывная линия. От северной до южной окраины континента нет ни одного пункта, ни одного сектора, не охваченного этой линией. Это система укреплений. Две региональные группировки, преследующие, как будто столь разнообразные политические цели, занятые

столь различными проблемами (что общего имеет болгарский террорист Михайлов с финским генералом Маннергеймом?), сливаются друг с другом; они образуют единую политическую территорию.

Варшава и Будапешт — два главных бастиона; Берлин — позади линии — полевой штаб; Вена — в центре — ключевая позиция, захват которой будет означать окончательное воссоединение двух армий и начало решающего генерального наступления. Но для какой цели воздвигнута эта, так тщательно сцементированная, стена? Какова конечная и центральная идея этого, как будто случайного, объединения?

Назначение новых фашистских региональных лиг совершенно очевидно. Это, в первую очередь, огромные *контрреволюционные* союзы, оплоты всеобщей фашистской реакции и мятежа, национальная форма которых перерастает в региональную. Ясно, что такие союзы, объединяя фашистские партии нескольких стран, подчиняя их общему политическому руководству, общему плану действия, в первую очередь подрывают в корне внутреннюю структуру стран, входящих в эти зоны.

Лига Бека (покойного Пилсудского) становится ведущим фактором в фашизации всей Восточной Европы; эта преимущественно аграрная часть континента, с ее слабыми полудемократическими послевоенными государствами и не игравшим самостоятельной роли господствующим классом, до сих пор проявляла все же относительную устойчивость. Лига Гембеша мобилизует сразу все реакционные и ирредентистские течения на юго-востоке Европы, который издавна считается центром циклонов на континенте и объединяет их в единую грозную антидемократическую волну.

Ожесточенность классовой борьбы в этих районах явно растет в размерах, еще небывалых со времен войны. Самопроизвольно возникавшие отдельные фашистские организации первого периода, имевшие лишь случайный характер, организации, которые были недолговечными и не имели между собой связи, уступают место мощному, пустившему глубокие корни движению, ни на минуту не ослабляющему своего наступления, имеющему в своем распоряжении неисчерпаемые средства и представляющему практически связанное территориальное единство. Разжигание страстей мелкой буржуазии, антипарламентская агитация, террор против движения рабочего класса, волна джингоизма и антисемитизма — резко возрастают; идет непрерывное вооружение путчистских элементов.

Никогда еще не были местные силы контрреволюции так мобильны, никогда не были их атаки на рабочий класс и демократию так упорны и интенсивны. И в самом деле, перспектива гражданской войны, перспектива решающего удара фашистов и установления террористической диктатуры стала в поразительно короткий срок совершенно явственной во всей сфере деятельности двух лиг, т. е. там, где вплоть до 1934 г. парламентский режим казался таким устойчивым и даже, пожалуй, влияние Второго интернационала казалось таким значительным. Страны на северо-востоке Балтики, где социал-демократические лидеры годами — так же как в Германии — находились у кормила власти, теперь находятся на волоске от захвата власти крайними фашистскими партиями. На юго-востоке Европы,

где до сих пор, перемежаясь с демократическими «островками» (Чехословакия), правили консервативные династические или «авторитарные» системы, государственная власть может в любой момент перейти в руки путчистского фашизма, так как рабочий класс там уже полностью терроризирован. Такова яркая картина, освещенная разгоревшимся в этих зонах Европы фашистским движением.

Новые таинственные лиги на Балтике и вокруг Дуная несомненно являются, в первую очередь, огромными армиями гражданской войны; они поглощают местные фашистские движения со всеми их силами и ресурсами; через пятнадцать лет после прихода к власти Муссолини и через три года после прихода к власти Гитлера фашистская контрреволюция переходит от масштабов отдельных стран к масштабам целых географических блоков.

Эти лиги являются, во-вторых (и это совершенно очевидно), крупными агентствами высшего фашистского *империализма* — гитлеризма, внешнюю политику которого они неукоснительно осуществляют. Региональные блоки фашистских партий становятся чем-то вроде тайных придатков центрального («центродинамического») фашистского государства, каналами его влияния, инструментами его тактики и дипломатии. Они служат для него всем, чем обычно в области внешней политики служат друг другу союзные государства. Они помогают Вильгельмштрассе во всем.

Восточная лига осуществляет один из величайших и наиболее удивительных поворотов в современной европейской политике: переход Польши, традиционного союзника Франции, на сторону Германии. Эта лига начинает также подчинять Германии и балтийские государства, до сих пор находившиеся под преобладающим влиянием Англии, подрывая созданную Парижем «Балтийскую Антанту» проектом «польско-балтийского союза» и забрасывая сети германского влияния вплоть до «нейтральной» Скандинавии; никогда еще рука Германии не протягивалась так далеко на северо-восток. Все это одно, единое наступление против «коллективной безопасности» на востоке.

Южная лига также явно открывает дорогу германской экспансии на всем пространстве Дуная и Балкан, где гегемония принадлежала до сих пор Франции и Италии. Ее страшная хватка сжимает Малую Антанту Бенеша со всех сторон, оказывая давление на эмансипированные славянские силы на юге; тем самым лига вознаграждает Берлин за ненадежный «великий альянс» с Римом. Гитлер потерпел жестокое поражение в Австрии в июле 1934 г. Он тогда потерял помощь Италии, бывшей первоначально козырем во всей его внешней политике. Но теперь Гембеши, Кобурги, Карольи, Габихты и Метаксасы, образовавшие новый фронт к западу от Адриатики, составляют на всякий случай замену колеблющегося «союза» с Италией; это очень важный процесс.

Гитлер и барон Нейрат в самом деле решились на крупный шаг; их новые союзники заменяют ныне те союзы, которые заключала старая Германия довоенных времен (с Габсбургской империей, Болгарией и пр.). Форма союзов изменилась. Союзы польских, венгерских, румынских, финских, австрийских, литовских, хорватских и латвийских фашистов слепо

следуют международному курсу национал-социализма, движимые его динамически-империалистским весом. Они угрожают всем правительствам, которые не примыкают к германской ориентации, тайно или явно работают против коалиций или «пактов», исходящих с какой-либо другой стороны, и являются во всех своих разветвлениях завуалированным продолжением германской дипломатии.

Лиги являются, в-третьих (и здесь тщательный анализ не оставляет никаких сомнений), *экономическими* формированиями крупного германского капитала, прямыми орудиями Тиссена и германских трестов в их борьбе за рынки, за источники сырья, за сельскохозяйственные районы, и помимо всего этого — за создание новой «самодовлеющей» сверхимперии «Grossraum-Wirtschaft» (хозяйство огромных пространств). Это ни в коем случае не отдаленная, подчиненная тенденция. Фашистские группировки между Балтийским и Черным морями являются не только эмбриональными, хотя уже видимыми звеньями в этой империи, — которые однажды, согласно плану Розенберга, должны быть прямо и непосредственно включены в нее, — но даже сегодня, под различными политическими этикетками, они, безусловно, являются непосредственными агентами и представителями германского капитала: такими же, какими в Германии были все время национал-социалисты.

Совершенно очевидно, что юго-восточные фашисты — Хорти, Габихт, Кодреану и пр. — следуют именно по тому пути, который всегда представлял главный выход для германского капитализма, его экспорта и колониальной экспансии; как раз по тому пути, который пытался заполучить «Дойче банк» до войны под эгидой Вильгельма II: это путь Берлин — Багдад. Косвенно они осаждают великий центральноевропейский торговый путь, ведущий через Вену, изолируя обширный и многообещающий балканский рынок, последний «свободный рынок» в Европе, для тиссеновских и крупновских военно-промышленных предприятий, паровозостроительных заводов и машиностроительных комбинатов; отдавая в лапы германского капитала неоценимые и так долго оспаривавшиеся запасы австрийской железной руды, румынской нефти, венгерской пшеницы, югославской меди; поддерживая и подкрепляя новую экспансию германских банков на Ближний Восток. Германская внешняя торговля систематически и явно продвигается в тех направлениях, где развиваются эти «движения».

Точно таким же образом вся восточная фашистская группа готовит почву для второй, «аграрной» части программы германского капитализма; для ампутации и изгнания значительной части германского крестьянства, мелкой буржуазии и безработного пролетариата — балласта монополистического государства — в Восточную Европу («колонизация славянских стран»). Польские, балтийские и русские фашисты — это только пионеры, «прокладывающие путь» в этом чудовищном проекте; этот проект должен окончательно высвободить королей Рура из смертельных социальных объятий, в которые они попали; эти фашисты являются также вассалами будущих германских «аграрных колоний».

Таким образом, под поверхностью политики ткутся нити и закладыва-

ется фундамент для гигантского нового «таможенного союза» на континенте под «германским руководством»; этот «союз», перекраивающий всю экономическую карту Европы, в течение десятков лет был самой сокровенной мечтой, главным устремлением германского капитализма, и сегодня при докторе Шахте он является прямой целью и главной идеей экономической политики Третьей империи. Территория этого «союза» совпадает с пространствами названных фашистских групп; где бы они ни действовали, там видна рука германского капитала, везде, где они пользуются полнотой власти, обеспечена экономическая гегемония Германии. Это третья нехитрая «загадка» двух новых фашистских блоков между Балтийским и Черным морями: они являются, помимо всего прочего, экономическими факторами, орудиями олигархического монополистического капитала Центральной Европы в его борьбе за гегемонию на континенте.

И, однако, все это еще не главное. Контуров этих блоков прячут в своей тени другую идею. Ее реальная цель — не подготовка почвы для контрреволюции в восточных районах, не дипломатическая поддержка германской политики, не капиталистическая подготовка германской экспансии. Все это вещи второстепенные и подчиненные; ставкой является нечто более крупное. В самом глубоком смысле новые фашистские лиги на северо-востоке и юго-востоке Европы не являются политическими, экономическими и дипломатическими органами: это потенциальные *антисоветские армии*.

В этом ключ к решению великой проблемы. На этом построено все здание. Этим объясняются, в конечном счете, взаимопроникающие связи и переплетения самых разнообразных «национальных» партий, групп и «лидеров», союзов ультранационалистов, целая серия поразительных и таинственных политических происшествий, путчей и даже террористических актов, которые потрясают одну четверть континента. Все эти явления пронизывает единая, связывающая их, идея. Стена, выстроенная фашистскими маршалами от Финского залива до Босфора, является по существу ничем иным, как первым конкретным выражением нового германского стратегического плана — восточного «плана Гофмана», который пришел на смену западному «плану Шлиффена».

Здесь начинается вторая глава истории национал-социализма. Глава, в которой глубокий внутренний кризис вырастает до чудовищных фантастических размеров; глава, которая неизбежно и непреложно должна закончиться гибелью национал-социализма.

Значение всех этих событий, того поворота, который сделал германский фашизм после кровавой ночи 30 июня 1934 г., решившей судьбу взбунтовавшейся германской мелкой буржуазии и одновременно судьбу гитлеровского курса, становится совершенно ясным. Все стадии германской политики, все политические демонстрации Германии с того времени фактически направлены в одну и ту же сторону, ведут с несомненной последовательностью именно к этому единственному пункту — к новому военному плану, и именно с этой точки зрения объясняются венский путч 25 июля 1934 г., конфликт с Муссолини, пакт с Польшей, борьба против Восточного и Дунайского пактов, морское соглашение с Великоб-

питанием, ремилитаризация Рейнской области, новая «мирная программа на Западе», а теперь и «священный союз» с Японией. Стрела приближается к цели. Идея мертвого генерала Гофмана начинает осуществляться.

* * *

Что такое план Гофмана? Как он возник, как случилось, что он, полностью овладев умами национал-социалистов, вытеснил все остальные замыслы подлинных владык Третьей империи?

Он обращает германский фашизм на восток вместо запада. Он ставит фашизм перед континентальным фронтом, за которым находится территория в 21 млн. кв. км с потенциальными людскими резервами в 175 млн. человек, вместо старой рейнской границы и 40 млн. непосредственных противников. Он беспощадно бросает фашизм против державы, величайшей и сильнейшей из всех, какие существуют сейчас и когда-либо существовали в истории, против Союза советских республик — основы будущего победоносного социалистического человечества. Он приговаривает фашизм почти с математической точностью к гибели, к полному и окончательному распаду; с логической точки зрения это — безумие, с моральной — варварство, с технической еще хуже — просчет. И все-таки этот план сегодня, так же как и в течение последних двух лет, владеет умом Гитлера; делает голос Геринга крикливым и истеричным; вращает колеса тиссеновских машин с головокружительной быстротой.

Как он возник? Как случилось, что план Шлиффена, неизменная основа германской политики и германских притязаний в течение сорока лет, их ось во время мировой войны, драгоценное наследие Гинденбурга, безоговорочно и демонстративно принятый Гитлером и Герингом в качестве их главной задачи во время прихода к власти 30 января 1933 г., как случилось, что этот план должен был уступить место новому плану, направленному в совершенно противоположную сторону?

Такая постановка вопроса может вызвать недоразумение. Национал-социалисты не отказались и не откажутся от плана Шлиффена — схемы похода на Париж, а затем на Лондон; этот план остается незыблемым пунктом программы германского фашизма. Тиссеновская континентальная доктрина — главная пружина германского фашизма, — диктующая завоевание всего европейского пространства для необходимой экспансии германского промышленного капитала и для изгнания избыточных частей германской мелкой буржуазии и трудящихся — неизменна до тех пор, пока существует германский капитализм; ведь германский капитализм не может отказаться и не откажется от мысли о сокрушении Франции и поражении Англии.

Лотарингия, Уэльс, лондонское Сити, бельгийско-люксембургский район были и остаются силами антагонистичными Руру; если Рур хочет жить, то эти силы должны быть разрушены или захвачены посредством войны Германии с западными державами. Это неопровержимо. Но не это — не существование или жизненность плана Шлиффена против Запада — ставится под вопрос, подлежит обсуждению лишь вопрос о том, в какой пос-

ледовательности он участвует в больших замыслах и диспозициях германского фашизма.

В начале 1936 г., на четвертом году «великой эпохи» Адольфа Гитлера, после тридцати шести месяцев непрестанной борьбы, обмана, насилия и интриг, оказалось, что Гитлер, сосредоточивший свое внимание главным образом на Западе, стоит перед барьером, непроницаемость которого сделала его почти абсолютно неприступным. Призрак «национал-социализма над Европой» возымел свое действие. Эта непроницаемость не просто дипломатическая или политическая; она стратегическая в самом конкретном смысле этого слова. Геринг не может больше найти никакой бреши для наступления на запад, предусматривая, что он *начинает* с этого фронта; такой бреши нет ни в горизонтальном, ни в вертикальном направлении — последнее обстоятельство имеет решающее значение.

В начале 1934 г. на вопрос «Может ли Германия выиграть войну?» можно было отвечать утвердительно, потому что в этой войне на западе, несмотря на французский пояс укреплений, все еще имелось три открытых стратегических пути: путь на крайнем севере — через Голландию — Бельгию, путь на крайнем юге — через Швейцарию; и великий безграничный путь над землей — открытый путь на Париж для геринговской воздушной армады, которая должна была начать наступление и сделать его возможным и по двум другим путям¹.

Тем временем обнаружилось кое-что в области высокой европейской политики: предварительный результат большой тактической диверсии, сделанной германской дипломатией, которая на «необисмарковский» манер намеревалась натравить одну против другой западные державы и в особенности — оторвать Англию и Италию от Франции. Именно таково было главное условие для повторного применения шлиффеновского плана против Франции, условие практической возможности использования этих трех путей. Предварительный результат оказался полностью отрицательным: вместо изоляции Франции от Англии и Италии существует пока франко-итальянский военный сговор (соглашение Бадольо — Гамелен) и фактически чуть ли не франко-британская военная антанта (заявление Болдуина о том, что «наша граница лежит на Рейне»). Стратегически это ведет к следующему.

Крайний южный проход для наступления Геринга на Францию — Аарская долина в Швейцарии — внезапно закрылся. Это произошло с момента, когда пропала надежда, что Муссолини по ту сторону Альп соединится с идущей из Баварии германской армией для совместного удара по южному флангу Франции; теперь, напротив, Германия видит перед собой объединенный и усиленный фронт франко-итальянских армий, простирающийся от Бреннера до Лотарингии, — с этого момента идея марша через Альпы, сама по себе безрассудная и рискованная, становится для Германии стратегической нелепостью, предприятием абсолютно невыполнимым.

Все специфические шансы, которые сулило объединение с воору-

¹ См. «Гитлер над Европой?», часть II, главы VI, VII и VIII.

женными миллионами Муссолини, исчезли; осталась теперь перспектива фантастического марша современной, тяжеловооруженной массовой армии — ее танков, тяжелой артиллерии, моторизованных дивизий и бесконечных обозов — через узкие проходы высочайшего горного хребта в Европе и по его склонам; сотни летающих над этой армией вражеских самолетов превратят ее поход в ад. Такой марш невозможен; через несколько дней германской армии не станет; она превратится в искалеченные, терроризированные, панические толпы.

Нельзя вести абиссинских кампаний в Европе. Большие маневры, которые в сентябре 1935 г. проводились одновременно в итальянских Альпах, в Швейцарии и во Франции, бесспорно доказали, что с эпохой военной моторизации отошла в прошлое эпоха больших горных *наступлений*: быстрые моторизованные дивизии не могут пройти с нужной им скоростью. Они содержат больше тяжелой стали, чем солдат¹, и застревают в узких горных проходах, теряя как раз свое специфическое и решающее качество — скорость, играющую главную роль в современной войне движения. Не защищенное от вражеской обороны на земле и контратак с воздуха, наступление превращается в катастрофу.

И совершенно ясно, что в этом ничего не меняет и новое германо-итальянское «сближение». Поскольку Муссолини тоже предпринимает тактические маневры и макиавеллистические шахматные ходы, чтобы противопоставить Германию Англии, он не начнет войны против Франции, с которой он два года назад заключил военное соглашение. Ведь в этом случае он теперь будет иметь против себя не только французскую армию и воздушный флот, но и английский средиземный флот — комбинацию, которой он боится больше всех других и которая для него оказалась бы смертельной. В этом случае для него была бы потеряна и Австрия, отданная на произвол «союзных» германских отрядов. Такая политика для Италии немыслима. С того времени как Муссолини ведет новую политику, швейцарская брешь для германского наступления на западе герметически закрыта.

Иначе обстоит дело с брешью на другом конце: северным проходом через Голландию. Здесь условия были с самого начала гораздо более благоприятными потому, что обходное движение — Южная Голландия — Северная Бельгия — Северная Франция — немедленно вывело бы германскую «ударную армию» на обширное и открытое пространство, оставив всю французскую линию укреплений и их новое бельгийское продолжение — арденнские фортификации — в стороне. Единственным серьезным препятствием мог бы явиться канал Альберта Антверпен — Льеж. Наступление по этому пути должно было пойти через Антверпен и Брюссель, т. е. к

¹ Современная пехотная дивизия насчитывает 450 пулеметов (против 32 во время последней войны), от 180 до 200 легких и тяжелых орудий (около 70 во время мировой войны), от 30 до 40 тяжелых и десятки легких танков, от 2 тыс. до 3 тыс. мотоциклов, все виды технических материалов, оборудование для сооружения мостов, оборудование для связи и пр.

северу от Мааса, а не через Льеж. Это действительно идеальное направление для нового, на этот раз неотразимого, «шлиффеновского удара» против Парижа, во много раз усиленного, благодаря моторизации и воздушному флоту; именно эту «брешь» на крайнем севере облюбовали германские генералы и всегда имели ее в виду в качестве нового основного варианта шлиффеновского плана.

Теперь, однако, эта брешь так же крепко закрылась, не менее герметично, чем на юге. Силы, закрывшие ее: мистер Болдуин, провозгласивший новую «рейнскую доктрину» Британской империи, британское Адмиралтейство, которое может в один прекрасный день направить свои корабли в Голландию и Бельгию, чтобы защищать эту доктрину, и сэр Эдвард Эллингтон, маршал воздушных сил, который может послать весь британский военный воздушный флот (а кто может сомневаться, что этот флот составит грозную силу) в том же направлении, к бельгийско-голландскому берегу, чтобы укрепить заслон против германского нашествия. Против такого заслона, против такой контрконцентрации германские «убедительные аргументы» разобьются вдребезги, потому что эти препятствия будут не намного слабее «стальной стены Мажино» дальше к югу. Здесь уже само германское наступление получит удар во фланг. А это означает крах шлиффеновского метода.

Не приходится говорить о том, что в тот самый момент, когда Британия сконцентрирует силы на голландском побережье Северного моря, Голландия уже не окажется более беспомощным и бессильным объектом германского «сквозного марша».

Англо-французское военное соглашение на Западе означает одновременно привлечение и *активизацию* Голландии. Голландцы не имеют ни стоящей упоминания армии, ни воздушных сил; но они имеют кое-что другое для самозащиты — свои шлюзы. Если они будут уверены в поддержке и прикрытии тыла со стороны Англии (в связи с колониями в Голландской Ост-Индии голландцы во всяком случае имеют какие-то военные отношения с Англией), то они в решающий момент откроют шлюзы и каналы, в течение нескольких часов затопят страну, разрушат мосты и переходы, и «молниеносный марш» германских моторизованных колонн будет приостановлен, как раз на то время, которое нужно для высадки английского сухопутного десанта, для появления воздушных эскадрилий и для входа английского флота в голландское внутреннее море (Додрехтский залив). Пространство между этим морем и укрепленным бельгийским каналом Альберта легко может тогда стать ловушкой для германской армии. Это обещает зрелище, несколько напоминающее то, которое произойдет в Швейцарии, если германские войска будут наступать одновременно против французов, итальянцев и швейцарцев; здесь также очень быстро ничего не останется от наступающей германской армии.

Новейшее направление в бельгийской политике — заявление короля Леопольда в октябре 1936 г. о «нейтралитете» — ни в коей мере не меняет эту перспективу. Это заявление, конечно, не означает, что Бельгия обнажит свой фронт против германского нашествия. Напротив, этот шаг Бель-

гии немедленно привел к тому, что французский генеральный штаб продолжает «линию Мажино» на самом северном участке французской границы, позади Бельгии, до моря и таким образом окончательно ликвидирует «брешь на севере». Это заявление побудило также и Англию к дальнейшему укреплению своих воздушных и морских позиций на Средиземном море. Действительный смысл бельгийского заявления состоит в том, что эта страна под влиянием реакционных сил — династии и движения рексистов — не хочет следовать за Францией, проводящей политику коллективной безопасности в Восточной Европе. Бельгия открыто выступает за то, чтобы Гитлеру «были развязаны руки на Востоке». Она отказывается от присоединения к франко-советскому пакту. Но на западе, на фландрско-голландском побережье, стратегические условия от этого не изменились.

Дело в том, что две стратегических бреши на западной границе Германии превратились — благодаря недавним изменениям в европейской политике, благодаря провалу гитлеровского «дипломатически-тактического плана», благодаря политике Барту, Фландена и Идена — в стратегические *бастионы*; из широких «проспектов» для германского вторжения они стали угловыми фортами против него. Это решает вопрос.

Ведь раз нет этих проходов внизу, на земле, теряет свою силу также идея третьей и наиболее важной операции — наступления Геринга наверху, в воздухе. Париж все еще можно разрушить с помощью воздушных крейсеров безумного Нерона германского фашизма, но Гитлер уже не может таким образом выиграть войну. Гораздо больше вероятности, что Берлин и Рур будут разрушены даже раньше, так что германская армия вовсе не успеет отправиться в свой великий поход.

Это не просто вопрос о франко-британском союзе в воздухе, о комбинации французских и британских эскадрилий, представляющих такую силу, с которой даже Герингу с его «сверхмощным стандартом» для германской авиации едва ли удастся тягаться (мистер Болдуин будет, возможно, рассчитывать также и на это, и его взгляды на справедливость норм в этой области, вероятно, иные, чем по вопросу о подводных лодках). Во всяком случае, после такой встречной подготовки воздушная атака на Париж может потерять значительную долю своей привлекательности для германских воздушных кондотьеров.

Но даже если геринговской воздушной армии удастся достигнуть численного или тактического превосходства над французскими и британскими силами и прорваться к Парижу, то она бесцельно повиснет в воздухе. Без войны на земле нет войны в воздухе; без одновременного или немедленно следующего наступления моторизованных дивизий на земле воздушная бомбардировка остается, в конечном счете, бесцельной; нужно занимать территорию, а не только разрушать. Эта простая истина (которую теперь иногда забывают энтузиасты воздуха) не оставляет места для сомнений.

Если Гитлер, Геринг и Бломберг обнаружат на своем западном фланге, от итальянского Бреннера до голландского побережья, непрерывную цепь непроходимых позиций, неприступных для любой атаки, «обхода» или «прорыва», то им придется оставить всякую мысль о воздушной атаке

на этом фронте. Шлиффеновский план как на земле, так и в воздухе — это пустой звук.

Шлиффеновский план сохраняет свою силу только при одном условии: *если это наступление на западе Германия предпримет не сегодня, не при существующем соотношении сил, не как начальную операцию*, если шлиффеновскому плану генерального наступления на Францию и Британию будет *предшествовать* другой план, другое наступление, в другом направлении, изменяя всю картину, перетасовывая и *преобразовывая* все политические, дипломатические и стратегические условия и доставляя Германии новую, несравненно более прочную базу, опираясь на которую эту попытку можно будет повторить с совершенно иными шансами на успех. В этой формулировке важно каждое слово. Она содержит и объясняет действительную скрытую причину современного курса германской политики; причину временного перехода от старого плана Шлиффена на западе к новому плану Гофмана на востоке (в то время как на западе расчет пока еще строится на переходе власти к местному фашизму). Вот почему Гитлер призывает мир к походу на Москву.

Но даже если эти призывы представляют собой чудовищное лицемерие, беспримерное мошенничество, является ли новый план выходом *для него*, для Гитлера? Может ли он спастись такими средствами? Чтобы избежать краха своего первого устрашающего стратегического плана, Гитлер намечает еще более страшный план, несравненно более зловещий, собирающий совсем иные силы и вызывающий новых духов. Сумеет ли он выдержать все это? Какова цена нового германского военного плана, таинственного гофмановского плана номер два?

* * *

Его первоначальный автор, отставной генерал-майор *Макс Гофман*, член германского генерального штаба с 1901 по 1918 гг., представлял собой патологическое явление. Этот офицер не принадлежал к великой классической школе германских генералов, являвшихся творцами современной научной стратегии — потомками Клаузевица, сохранивших через Мольтке, Шлиффена и Секта наследие посленаполеоновского военного искусства Европы и всегда отличавшихся своим ясным, трезвым и глубоким стратегическим мышлением. Эта школа, которая чуть не выиграла войну и потерпела поражение только благодаря почти случайной ошибке в начале, не имеет с планом Гофмана ничего общего.

Макс Гофман принадлежал к другому толку прусских милитаристов. Он был аутсайдером-одиночкой в германском генеральном штабе, имел заметный талант, хотя и обладал ослиным упрямством, и был поражен одним серьезным недостатком. Этот человек, в отличие от цвета прусского генералитета являвшийся буржуазным офицером, бывший в начале войны всего лишь лейтенантом-полковником, страдал от навязчивой идеи. Эта идея вдохновляла его зачастую на отдельные блестящие мысли, остроумные, главным образом, с тактической точки зрения, но в целом она обре-

кала его на опасный фанатизм. Он страдал этим с первых шагов своей военной карьеры, когда его — 35-летнего капитана — только что отозвали из шлиффеновского генерального штаба на незнакомый театр военных действий — в Маньчжурию в 1904—1905 гг., где маленькая, молодая японская армия атаковала большую опытную армию царской России и разбила ее.

Гофман был представителем германского генерального штаба в первой японской армии, и он никогда впоследствии не мог позабыть того, что он видел: огромный фронт, простирающийся на тысячи километров; громадную армию, вместе с резервами насчитывающую миллионы солдат, но передвигающуюся как колода и дерущуюся подобно защищающемуся буйволу; и вторую армию — очень маленькую, но словно отлитую в форме, тренированную до кончиков ногтей и полную энергии; армию, которая атаковала колосса и прошла сквозь него, как сквозь пуховую подушку. Это зрелище отравило военное мышление Гофмана, который никогда потом не мог его забыть.

Когда пришла мировая война, и германский генеральный штаб приготовился к великому испытанию, Гофман стал главой оперативного отдела штаба восьмой германской армии, которая находилась в Восточной Пруссии и готовилась к встрече с русскими войсками. На этом посту Гофман, имевший вначале лишь небольшой чин, стал подлинной душой, направляющим и движущим умом всего германского *восточного фронта*; этот фронт рассматривался германским главным штабом — младшим Мольтке, Фалькенгайном, Клуком, а впоследствии Людендорфом и другими — только как вспомогательная позиция, которую надо удерживать, но незначем форсировать, так как единственно решающее генеральное наступление происходит на западе. В то время как цвет германского штаба был занят там и его глаза были устремлены на Париж, пристальный взгляд Гофмана с первых дней августа 1914 г. был направлен на восток.

Как крупный военный специалист, возглавлявший операции восточно-прусской восьмой армии, которая была в августе 1914 г. атакована казаками Ренненкампа и оказалась в очень тяжелом положении, Гофман, хотел он того или нет, был одним из тех, кто в первую очередь отвечал за то, что «для спасения Восточной Пруссии» два корпуса из наступающей на Париж армии Клука были отозваны и брошены в Восточную Пруссию; хорошо известно, что из-за этого на Марне был похоронен германский план Шлиффена, а следовательно, и победа в великой войне. Но в то же время как стратегический руководитель той же армии, Гофман в те дни у Танненберга полностью разбил пополненную свежими силами царскую армию и взял в плен почти весь ее авангард; не Гинденбург и не Людендорф, а Гофман, глава оперативного отдела у старого генерала фон Франсуа, был подлинным вдохновителем Танненберга, битвы, которая создала славу Гинденбургу¹.

Итак, Гофман остался верен своей системе; он одержал победу над

¹ Это уже как будто больше не оспаривается хорошо информированными военными авторитетами.

Россией и поплатился за это поражением в мировой войне. Впоследствии Гофман отвечал за весь русско-германский фронт; когда Гинденбург и Людендорф были отозваны в главную квартиру, Гофман стал фактическим «главнокомандующим на востоке», только номинально имея над собой начальником престарелого баварского принца Леопольда. Он оставался на этом посту до окончания войны на этом фронте — до Брест-Литовска. И здесь последовала третья стадия этого странного военного психоза.

Если в 1905 г. Гофман видел в качестве русской армии гнилые дивизии генерала Куропаткина, если в 1914 г., когда он снова встретился с ней, она представляла собой дезорганизованный, охваченный паникой корпус генерала Ренненкампа, то в ноябре и декабре 1917 г. он видел ее в третий раз как «большевистскую армию», просящую мира и соглашающуюся на его жестокие условия: ему казалось, что его представление о русской армии подтвердилось и в третий раз. Это было его кардинальной ошибкой; ошибкой, от которой он уже не смог избавиться и которая легла в основу его знаменитого «нового военного плана»; эта ошибка предопределяет будущее германского фашизма.

Гофман видел нечто умирающее, видел конец процесса, конец режима, а ему казалось, что он видит нечто постоянное и неизменное. Он видел смерть *царской* армии, которая в ноябре 1917 г., тяжело раненая, распалась навсегда и физически была спасена большевиками, как человеческая социальная сила, именно благодаря Брест-Литовскому миру; а он думал, что это и есть большевистская армия. Большевистская армия рождалась только месяцы и годы спустя в процессе гражданской войны, в процессе новой мобилизации, в процессе стабилизации Советской власти при Ленине и, наконец, выросла в могучую силу — в процессе социалистической реконструкции при Сталине. Но способный генерал Гофман — почти гений — никогда этого не знал. Его стратегическая схема, которая станет достоянием мировой истории, зародилась и выросла, в то время как ее создатель был сбитым с толку человеком, пораженным полной политической и военной слепотой.

Но схема прокладывала себе путь. Это одно из тех явлений, которые могут произойти в капиталистическом да еще фашистском мире, считающем себя таким проницательным, таким методичным и таким исключительно разумным; и поэтому (именно поэтому, так как мы ведь не придаем большого значения психологии как самостоятельному фактору в игре больших сил) этот маленький психологический этюд имеет свою иллюстративную ценность. Рождению современного нового германского военного плана способствовала сумасшедшая повивальная бабка.

С этой точки зрения история этого плана — типичный процесс, следующий обычному ходу капиталистического развития: от частного лица генерала Гофмана до узкой группы антибольшевистских сверхкапиталистов и авантюристов высокого полета; от капиталистов — к более широкому кругу «демократических политиков» и от демократических политиков — к фашизму.

Гофман провозгласил свой «новый план» сразу после войны, среди дымившихся развалин Европы: немедленная кампания против России;

концентрация новых армий на Висле и Двине по примеру Наполеона; молниеносный марш под германским командованием, вслед отступающим большевистским армиям; занятие Ленинграда и Москвы в течение нескольких недель; окончательное очищение страны вплоть до Урала и, таким образом, спасение истощенной цивилизации путем завоевания половины континента.

Это было великое открытие. Это было новое провозглашение наполеоновской идеи, через сто лет после Святой Елены, через двадцать четыре часа после разрушительной мировой войны; эту идею провозгласил генерал, который только что потерял в этой войне все — государство, победу, командование, солдат и даже мундир, с которого революционные рабочие новой Германии срезали эполеты. Этот случай чрезвычайно интересен. Победенный генерал предлагает наполеоновскую кампанию — один, без армии. Это был анекдот. Но это был также и исходный пункт.

У Гофмана не было армии, но у него был круг друзей и покровителей, которые нетерпеливо выдвигали его вперед. Кто были эти смелые стратеги? Пока еще не было фашизма; не было ни фашистских масс, ни «фюрера», а партия Адольфа Гитлера, мюнхенского ефрейтора, насчитывала ровно семь человек; Гитлер был седьмым. Но Гофмана кое-кто поддерживал.

Публичным агентом и герольдом этого круга, стоявшего за Гофманом, привлекавшего на его сторону всевозможные попадавшие на его пути салоны, был некий *Арнольд Рехберг*, далеко не безызвестный «частный» политик, не принадлежавший ни к одной из крупных политических партий, но все же располагавший как будто некоторым влиянием. Он был связан с германской калиевой промышленностью, руководителем которой был его брат. Он поддерживал связи с несколькими хорошо известными антибольшевистскими агентами, вроде Джорджа Белла, с людьми, занимающими высокие посты в международных нефтяных трестах, и прежде всего с очень влиятельной, очень привилегированной политической организацией «Клубом господ» — сборищем феодальных землевладельцев и высокопоставленных гражданских чиновников. Но Рехберг значил больше, чем все это: он был бывшим личным адъютантом германского *кронпринца*.

Вдохновителем и патроном гофмановского плана был кронпринц. Этот человек в течение ряда лет, хотя и спрятавшийся за кулисами дворцовых интриг, был одним из наиболее «злых гениев» германской политики: он был одним из самых неразборчивых в средствах авантюристов нашего времени, одним из действительных преступников, виновных в падении Германии; до войны он славился своими экстравагантными приключениями, во время войны — своими подвигами в тылу, после войны он бежал из страны одним из первых, теперь он вынырнул снова. Рехберг был всегда только его «Porte-parole»¹. (Два других члена группы Рехберг — Гофман — барон фон Хюнефельд и майор фон Куммер — были также бывшими адъютантами кронпринца.) Гофман возлагал свои надежды на кронпринца уже во время войны, когда он разошелся во взглядах на методы ведения

¹ Человек, говорящий от имени другого. — *Прим. переводчика.*

войны с главными военачальниками, а «маленький Вилли» был в то время известен как лидер фронды против кайзера и его ставки.

Что привлекло этого дворцового героя к гофмановскому проекту? Он всегда был человеком, потворствовавшим самым безумным идеям и самому безудержному хвастовству. Он не стеснял себя ни в чем, когда речь шла о его личных целях. В 1916 г., накануне Вердена, он не остановился перед тем, чтобы посылать сотню за сотней тысяч германских солдат на смерть, — ему хотелось заработать титул «победителя Вердена» и «спасителя отечества»; он заслужил клеймо «верденского мясника». Он был разбит на Марне (как командующий пятой германской армией); разбит под Верденом; с презрением выброшен солдатами после перемирия. Он ничего не уступил. Теперь для него стояла на карте самая важная вещь — потерянная корона, и он играл ва-банк.

Этот любитель хорошо пожить, которому так долго пришлось ждать при подозрительном отце своей очереди сесть на трон, выскользнувший из его рук в последний момент, ненавидит революцию, быть может больше, чем кто-либо другой; он был способен на все — лишь бы снова оказаться наверху. Бессмысленный капповский путч в марте 1920 г., который на три дня снова отдал Германию во власть жестокой реакции и после которого бесконечно сменялись кризисы и потрясения, был первоначально его предприятием. План Гофмана был другим ловким ходом этого скомороха.

С помощью этого безумного «наполеоновского» плана, задуманного ненормальным человеком и толкающего Германию на путь новой катастрофы, он — претендент на трон — рассчитывал нанести прямой удар в спины тех, кто, по его мнению, составлял главное препятствие его притязаниям и кого он ненавидел едва ли не больше, чем революцию. Это были «республиканские» генералы, лидеры нового рейхсвера с их «прорусской», «восточной ориентацией» — стержнем политики Ратенау, Штреземана и всех прочих «плебеев». Кронпринцу требовался иной выход. Не кто иной, как он со своими адъютантами и со своими далеко идущими политическими связями, ухватился за идею Гофмана и превратил ее в полную и конкретную военно-политическую схему.

Основа была ясна. Разбитая на западе, Германия должна ударить на восток, а так как у нее нет своей большой армии, нет сил, достаточных для такой кампании, она должна заключить военный союз с Францией, а если удастся — также и с Англией. Комбинированная новая армия для «экспедиции на восток» будет состоять из французских и германских сил в пропорции 5:3 и должна иметь даже объединенный генеральный штаб.

Кронпринц не замедлил предложить в качестве верховного начальника этого генерального штаба, а следовательно и главнокомандующего германской армией, маршала Фоша, человека, который разбил его во Франции, «версальского дьявола», врага злейшего из всех, каких Германия когда-либо имела. Рехберг и в самом деле посетил Фоша и вел с ним переговоры от имени кронпринца, и Фош — в то время более или менее «затертый» Пуанкаре и Брианом, разочаровавшийся в своих надеждах на роль нового Мак-Магона во Франции после войны и вдобавок клерикал,

непримиримый враг большевизма, — одобрил план Гофмана и даже опубликовал дружеское приветствие генералу Гофману¹.

Такова была первая форма гофманиады. Человек, который в Версале протащил Германию по грязи, и человек, который в результате этого «мира» потерял трон и честь, эти два величайших разрушителя в мировой войне объединились, чтобы начать новую войну. Теперь план Гофмана надо было уже принимать всерьез. Он начал притягивать также и другие «анти-большевистские» или антирусские силы.

Еще во время войны Гофман установил тесный контакт с Пилсудским — антисоветским властелином Польши — и его «полковниками» из «Польской военной организации». Уже тогда, в 1917 и 1918 гг., Гофман, будучи в оппозиции к Людендорфу, настаивал на том, что Польша с запада должна быть «поощрена» Германией (Людендорф требовал аннексии западной Польши), и в то же время он поддерживал планы Пилсудского относительно Белоруссии и Литвы (Вильно). Действительным отцом и автором знаменитого германо-польского пакта о союзе, заключенного в 1934 г., является Гофман.

Это также он был действительным инициатором «независимого украинского государства», признание которого по сепаратному мирному договору, еще до заключения Брест-Литовского мира, он почти вырвал в феврале 1918 г. благодаря личному нажиму на Австрию и графа Чернина.

На Пилсудского, которого прогнали из Киева в 1920 г., можно было положиться для новой экспедиции, затеянной окружением кронпринца. Через знаменитого германо-шотландца Джорджа Белла (которого, подзревая в разоблачениях, национал-социалисты выследили в 1933 г. в Австрии и убили) Рехберг связался также с очень значительной и влиятельной персоной в Англии, которая с Генуэзской конференции 1922 г. проявляла несколько чрезмерный и излишний интерес к запаху нефти с русского Кавказа и поэтому видела в большевизме всемирного врага; эта персона и ее окружение в Англии неизменно были участниками антибольшевистских экспедиций.

Вдобавок, Рехберг немало носился с планом «германо-французского

¹ Трудно поверить всему этому, но факты неоспоримы. Приветственное послание Фоша Гофману появилось в его интервью, опубликованном в «Neues Wiener Journal». Вот его слова: «Я не настолько безумен, чтобы поверить, что горстка преступных тиранов может и в дальнейшем господствовать над половиной континента и обширными азиатскими территориями. Но ничего не может быть сделано до тех пор, пока Франция и Германия не объединились. Я прошу вас передать мое приветствие генералу Гофману, величайшему поборнику антибольшевистского военного союза». Рехберг заявил, что Фош в беседе с ним высказывался за «тесный и более неразрывный союз» между Германией и Францией, чем тот, который «Бисмарк заключил между Пруссией и Баварией». Французский адмирал (Дегу) также публично выразил в то время свое одобрение планам Рехберга. Случайно ли то, что через десять лет именно эти элементы выдвигаются на первое место во Франции. Рене Лопиталь — хорошо известный во Франции сторонник «франко-германского сближения» и председатель Франко-германского комитета, основанного в конце 1935 г. видными национал-социалистами в Париже, — это бывший адъютант Фоша.

стального треста», как «органического дополнения» и «основы» для германо-французской «военной антанты». Для многих групп тяжелой промышленности в Лотарингии, которым Рехберг обещал особую сферу влияния в южнорусском Донбассе — старой области деятельности французского капитала, — эти предложения были не менее заманчивы, чем для маршала Фоша идея реванша за 1812 г.¹

Первый крупный германо-французский синдикат, который, между прочим, действительно зародился в то время (а также единственный, который выжил), был германо-французский калийный картель — отрасль брата господина Рехберга.

Итак, должное внимание было уделено даже финансированию гофмановского похода на СССР. Кронпринц завершил этот «гениальный план» со всех его сторон.

Глава VII. Этика плана Гофмана

Был ли этот план внушен гением? Весь старый германский генеральный штаб, все высшее офицерство, лишь за исключением, которое составляло круг приближенных «маленького Вилли», содрогались при мысли об этом. Ни на один момент полководцы старой армии не принимали плана Гофмана всерьез и не видели в нем ничего, кроме явного безумия, неверного расчета и прыжка к катастрофе. Это была единомышленная позиция обеих групп в генеральном штабе после революции.

Этого мнения держалось «левое крыло» оппортунистических генералов, «слуг республики», подобно Секту, Шлейхеру, Гренеру, Гаммерштейну и другим создателям нового рейхсвера, так же как и «правое крыло» открыто контрреволюционных штабных офицеров, путчистов, вроде Людендорфа, полковника Бауэра, полковника Николаи и пр. В этом они были едины, как бы резко ни расходились они по другим вопросам.

Здесь это не было вопросом личных разногласий, хотя, понятно, Гофман горячо ненавидел Секта, выбросившего его из рейхсвера, и хотя Гофман так жестоко оскорбил Гинденбурга и Людендорфа в споре о том, кому принадлежит пальма первенства в победе при Танненберге. Политические разногласия также были здесь не при чем. Все эти генералы и офицеры, происходящие из одной и той же касты, были в душе контрреволюционерами, антидемократами и монархистами; даже «лояльные республиканцы», вроде Секта или Шлейхера, расходились с путчистами только

¹ Тяжелая промышленность Донецкого района — огромные угольные запасы и военные заводы в этой части России — принадлежала до войны почти целиком крупным франко-бельгийским группам. Этот забытый факт все еще время от времени вспыхивает под поверхностью международной политики, хотя и не так ярко, как излучения бывшей частной собственности в нефтяных зонах Кавказа. Заинтересованные французские группы это, грубо говоря, те же самые группы, которые заключили договор об «общности интересов» в Саарском районе с германскими стальными и железными комбинатами. Это объясняет многое также и на будущее.

в оценке политического *темпа* и тактической формы контрреволюции («путч» или «легальное завоевание изнутри»); Сект даже неоднократно оказывал личные услуги кронпринцу. А Людендорф, самый реакционный и агрессивный из всех генералов, человек, который принадлежал к тому же кругу политических заговорщиков, что и кронпринц, и который с 1919 г. подготавливал именно ему путь для монархической реставрации и для расправы с республиканцами, этот самый Людендорф накануне капповского путча резко *порвал* с кронпринцем и обратился полностью против него — из-за гофманского плана. Это была одна из скрытых причин провала путча.

Старый, закоренелый милитарист, действительно великий германский стратег времен войны и, наряду с Сектом, прямой наследник Шлиффена, попытался на этот раз сделать все что мог для того, чтобы отвратить сына кайзера от этого плана. Но когда все переговоры и попытки, принятые им и его посредником, полковником Бауэром (бывший начальник оперативного отдела германского главного штаба), потерпели неудачу, и произошел капповский путч, который согласно первоначальному основному плану должен был посадить на престол кронпринца, Людендорф и Бауэр — лидеры путча — отказались даже принять эmissара кронпринца — ни за какую цену они не хотели вручить ему кормило государственной власти¹.

Вильгельмовские и республиканские военачальники боялись одного и того же. Дело было здесь не в политике, а в чем-то ином. Это было расхождение по основному стратегическому вопросу.

План Гофмана означал по существу не только полный разрыв с планом Шлиффена, но что гораздо важнее — со всей современной научной школой германской стратегии, и возвращался к эпохе европейского военного искусства до Клаузевица — к стратегической школе Наполеона. Это казалось удивительным, но ведь в этом сущность плана Гофмана. Это означало возврат на столетие, возврат от стратегии современной концентрической сверхинтенсивной войны к романтическому периоду больших, чисто экстенсивных, войн движения и дальних походов. А по существу, это означало возврат от стратегии капитализма к стратегии феодализма.

Что позволяло Наполеону проделывать огромные трансконтинентальные кампании, брать «штурмом» целые империи, совершать сметающие все на своем пути походы небывалых размеров? Чем он отличался от современных полководцев, подобных Шлиффену, Фошу или Людендорфу?

Наполеон совершал походы. Шлиффен вел позиционную войну. Наполеон собирал десятки и сотни тысяч своих солдат и бросал их в намеченных

¹ Этот эпизод мало известен, но приобретает особый смысл в свете последних событий. Адъютантом кронпринца, которого полковник Бауэр отказался тогда принять, был барон фон Хюнефельд. Между прочим, это был последний политический акт Людендорфа. После неудачи капповского путча он безнадежно впал в религиозный мистицизм (возвращение к языческой «вере Одина»), начал кампанию против «иезуитов, евреев и франкмасонов», предложил Британии и Франции кампанию против большевизма, присоединился на короткое время к Гитлеру (1923 г.) и затем совершенно отошел от политики.

им направлениях и по выбранным им путям. Шлиффен собирал материальные, технические, экономические и человеческие ресурсы — артиллерию, транспорт и дивизии — и усиливал их до крайних пределов. Наполеон делал головокружительные молниеносные марши, появлялся сегодня в десятках километров впереди или позади от той позиции, где он был вчера, переходил из страны в страну, стремительно пересекал континент, наступал, занимал территории и был вездесущ. Шлиффен, готовясь к прыжку, накапливал боевые средства в одном месте, а затем внезапно со всей силой обрушивался на противника. Наполеон делал переходы. Шлиффен совершал прорывы. Наполеон неожиданно появлялся на всех путях. Шлиффен пробивал свой путь через единственную брешь и наносил удар. Наполеон побеждал при Маренго, Аустерлице, Москве. Шлиффен прославился «Каннами». Наполеон одерживал победы благодаря военному экстенсивизму. Шлиффен побеждал с помощью военного интенсивизма.

В чем действительное различие между обеими стратегиями? Это различие между капитализмом и феодализмом; между орудиями двух эпох. Наполеон побеждал посредством своей экстенсивной стратегии, доведенной до кульминационного пункта, потому что феодализм — домашинный общественный строй — предоставлял ему *пространство* и *время* для этого; он использовал максимально и то и другое.

Он использовал пространство, владея открытыми, незащищенными, оперативными путями с помощью простых средств «специфического превосходства» в человеческом материале (тактическая концентрация) выигрывал в *темпе* (быстрота переходов); обычно он разбивал противника еще до начала сражения. Наполеон пал тогда, когда при Ватерлоо его генерал де Груши превратил этот принцип в свою противоположность.

Он наилучшим образом использовал время, так как война докапиталистической эпохи без применения механизации делала его полностью независимым от всякой технической подготовки; ему не было нужды ждать чего бы то ни было (например, завершения обширных программ вооружения, как это приходится делать современным стратегам), и он мог бросать свои войска туда, куда ему хотелось и в любой момент, когда он считал это нужным.

Таким образом он завоевал континент и стал чуть ли не новым Александром Великим, чуть ли не завоевателем мира; на самом деле это было высшим и окончательным выражением достигшей своего кульминационного пункта *феодальной* военной стратегии — чисто экстенсивного, свободного движения людей на открытом пространстве.

Капитализм покончил с этой стратегией, так же как и с феодализмом вообще, и превратил Наполеона в военного недоросля. Он принес с собой технику, оборонительные и наступательные машины и гигантские массы железа, бетона и химических средств, которыми он преградил пути и дороги, замкнул открытые пространства, парализовал движение и ограничил время. И чем дальше шел этот процесс, чем больше влияние капитализма изменяло и преобразовывало средства ведения войны — материальную базу, орудия, место сражения и военную науку, тем все более

новым стратегическим ключом к превосходству становился предельный организационный и территориальный *интенсивизм* (ограничение) для цели концентрического *прорыва*, единственно возможного пути к победе¹.

Для этого необходимо: во-первых, максимально возможная ограниченность всего пространства неприятельской страны, глубины и протяженности неприятельского хинтерланда, для того, чтобы с помощью прорыва сразу обеспечить решение, т. е. для того, чтобы иметь возможность немедленно достигнуть неприятельских центров (даже после успешного прорыва современная стратегия допускает возвращение к стратегии движения только на краткий период, а именно — не на слишком большие расстояния, так как противник может организовать новые оборонительные позиции²). И, во-вторых, максимальная ограниченность потенциальных резервов противника для того, чтобы избежать слишком равномерной концентрации собственных сил по всей длине фронта или впоследствии, в дальнейшем продвижении, не встретиться со снова выровненным фронтом противника³. В итоге необходим неприятель с возможно коротким хинтерландом, с минимальным числом и как можно ближе расположенными крупными центрами, в стране с возможно меньшим населением.

Именно таков был «неприятель», избранный согласно шлиффеновскому плану и всей современной германской «западной стратегии»: это — Франция или, говоря более конкретно, Париж. Ведь Шлиффен в своем плане нашел идеальный объект, удовлетворявший всем этим условиям. Имелись налицо: относительно короткая французская граница, близость пункта главного

¹ Генерал Сект коротко замечает в одной из своих военных работ: «В условиях современной войны фланговое движение — это глупость, а прорыв вражеского фронта — единственный возможный маневр, который может привести к решающей победе». Характерным для Наполеона стратегическим методом было фланговое движение. Сект объясняет далее, что он понимает под прорывом: «Удар — неожиданный, молниеносный, оглушительный, нанесенный в первые же часы войны и использующий каждую унцию силы... Подобное урагану, оглушительное вторжение армии с лучшим, превосходящим вооружением».

² Людендорф понял это в 1918 г., когда при его последнем наступлении на запад он действительно прорвал укрепленный фронт союзников в глубину на 60 км с неимоверной затратой сил (192 дивизии!) только для того, чтобы быть остановленным, и на этот раз окончательно. Ведь Париж все еще был слишком далек, а Людендорф оказался перед новой линией укреплений! 60 км было достаточно, чтобы обессилить его и сделать прорыв бессмысленным и на деле привести к окончательному поражению (последовавшее контрнаступление союзников привело к германской капитуляции в ноябре 1918 г.). А что, если такой прорыв будет принят по отношению к стране или фронту, глубина которого (расстояние между фронтовой линией обороны и решающими центрами в тылу) измеряется не десятками, а сотнями и тысячами километров, к стране, которая имеет вдобавок практически неограниченные резервы? Мы вернемся к этому чрезвычайно важному вопросу в следующей главе.

³ Раньше, в период чистой, нестесненной войны движения, это обстоятельство также не играло такой роли по той простой причине, что в неприятельском фронте всегда были «бреши», благодаря которым можно было совершать «фланговые» операции.

прорыва (Бельгия) от неприятельского центра — Парижа; 40-миллионное население Франции по сравнению с 70-миллионным в Германии. Стратегия Шлиффена и стратегия современной ему германской военной школы *стояла на высоком уровне* и была единственно возможной именно потому, что Шлиффен выбрал этого «идеального» противника, выбрал лучшее направление.

Эта стратегия отвечала потребностям своего времени. Она превосходила наполеоновскую стратегию и имела преимущество по сравнению с ней не потому, что ее методы были выше или ее полководцы более талантливы, но потому, что она базировалась на капитализме, приняла капитализм как главный элемент в своих расчетах и благодаря капитализму приобрела военное первенство.

Этот краткий стратегический очерк был необходим: он содержит смертный приговор плану Гофмана с военной точки зрения.

Гофман бросил вызов германскому генеральному штабу и мечтал об «экспедиции на восток», потому что, минувя всю современную стратегическую школу Клаузевица — Шлиффена — Людендорфа — Секта, он хотел вернуться назад к Наполеону. В окружении прусских генералов, воспитанных в атмосфере наиболее современного военного опыта и традиций, этот своеобразный военный ум не переставал мечтать о великом корсиканце и признавать его своим непосредственным учителем. Он не скрывал своего убеждения, что «Наполеон был величайшим полководцем *всех* времен» (курсив наш. — *Автор*).

Войны Наполеона казались Гофману высшим достижением военного гения, его сражения и походы — образцами военного искусства, а его кампания в 1812 г. от Парижа до Москвы — стратегической неоконченной симфонией. Он учил Наполеона наизусть (Шлиффен и Сект изучили Ганнибала, а Сект занимался также техникой и экономикой) и фактически внес всего лишь одну коррективу в наполеоновские планы. Гофман буквально заявил, что если бы Наполеон имел в 1812 г. железные дороги, моторизованный транспорт и телефоны, «то он еще сегодня был бы в Москве»¹. Так разрешал он проблему: Наполеон плюс железные дороги восстанавливали в новой форме стратегию великих нашествий, которая должна была преодолеть шлиффеновские «ограничения» и снова вызвать к жизни великую военную эпоху.

В этом заключался в основном вызов, брошенный руководящей научной школе германской армии и ее политике «провосточной» и «антизападной» ориентации. Эти люди — не только Сект, но и Людендорф — знали из опыта последних пятидесяти лет и особенно последней мировой войны, что плотная механическая стена обороны сегодняшнего дня, являющаяся созданием капитализма, отбросила и уничтожила все специфические атрибуты прежней, и особенно наполеоновской, стратегии движения — эластичность пространства, быстроту, чисто тактическую концентрацию; они понимали, что сегодня было бы достаточно линии современ-

¹ Рехберг цитировал эти слова в «Journal des Débats» от 14 мая 1929 г.

ных укреплений и двух «механизированных» дивизий, чтобы уничтожить любого Наполеона в разгаре его «блистательных маршей»; для них было ясно, что железные дороги, автомобили и танки, если они имеются также и у неприятеля, не только не ликвидируют позиционную войну, но скорее ожесточают ее, и что даже «Наполеон на автомобилях» с коммуникационными линиями позади него все же обнаружит впереди себя герметично закрытую линию обороны, которая может быть прорвана в одном месте при максимальной затрате сил; и что как раз при таком прорыве уже нельзя отдавать предпочтения фронту наибольшей длины и наибольшей глубины, — фронту который представляет собой громадный СССР, с территорией в 21 млн. кв. км и с населением в 175 млн., а надо ориентироваться на сравнительно короткую линию обороны — на запад.

В этой стратегической аксиоме заключался простой секрет «русской ориентации» научной военной школы, которая взирала на гофмановский «неонаполеонизм» с презрением и ужасом. Сект и другие приверженцы неизменной ценности шлиффеновского плана естественно приняли во внимание тот факт, что там, на западе, вырос тем временем новый барьер, оставивший далеко за собой все форты Вердена, это — фортификации Вейгана. Но ведь именно поэтому они и были «руссофилами».

Они рассчитывали на многомиллионную русскую армию и на другие неисчерпаемые силы и возможности СССР, которые в сотрудничестве с Германией опрокинут этот барьер. Эта схема могла быть основана на серьезной политической иллюзии (это, без сомнения, так и было) — на вере в то, что такой германо-русский военный союз возможен. Но если он возможен — а этого как раз и добивались эти генералы, — то и этот план со *стратегической* точки зрения был действительно большим маневром; это был, вообще говоря, единственный военный план, приемлемый для Германии после войны. Не могло быть сомнений, что такой германо-русский военный союз, т. е. соединение и синтез этих огромных человеческих, технических и экономических ресурсов, союз, охватывающий четверть миллиарда людей, сможет одним толчком изменить любое соотношение сил в Европе. В Западной Европе не будет тогда никакой силы, ни одной стратегической позиции, которая смогла бы устоять перед этим сокрушительным напором. Осуществление второго плана Шлиффена было бы делом совсем нетрудным, а Версаль стал бы не более как пустым звуком.

Такова была цель генералов «провосточной» ориентации: они не верили в возможность иной стратегии. Они знали притом, что теория Гофмана о «небоееспособности большевистской армии», армии, которая будто бы не сможет оказать действительного сопротивления и создать современную линию обороны, была так же несостоятельна, как и все другие идеи этого фанатика, который заснул еще в Брест-Литовске и с тех пор не просыпался.

Гаммерштейн и еще несколько человек из числа коллег Секта, посетивших СССР и очень внимательно изучавших его, понимали, какая сила медленно, но неуклонно там растет. Они имели достаточное социальное чутье (которое у Гофмана отсутствовало совершенно), чтобы понимать,

что будущая социалистическая армия Советского Союза не только оставит далеко позади старую, царскую армию, но станет, безусловно, с точки зрения кадрового состава, в техническом и политическом отношении самой могущественной армией в мире, больше того, армией, которая, если на нее нападут, найдет союзников в любой стране мира, а главное — в стране своего противника. Они отказывались ускорять социальную революцию в Германии, которая должна последовать за «экспедицией в Москву» после первого же поражения.

Никакой Вейган не смог бы стать таким опасным и «непроницаемым», как эта новая мировая держава на востоке, которую Наполеон-Гофман хотел «сбить с ног» при помощи кавалерийских бригад и моторизованных колонн! Нетрудно понять, что реакционеры, монархисты и антидемократы — Людендорф, Сект и Шлейхер — сделали все что могли, чтобы похоронить измышления кронпринца и его стратега.

Они сделали это с той большей решительностью, что конфликт внутри генерального штаба далеко не был новостью и уже имел прецедент. Из дворцовых кругов уже прежде делались злобные нападки на школу Шлиффена, и Германии за это пришлось жестоко поплатиться. Человеком, который сорок лет назад появился в качестве предвестника Гофмана и требовал «восточной войны», был фельдмаршал граф *Вальдерзее*, отмеченный в анналах германской истории как один из самых крупных придворных интриганов того времени; а особой, которая на три года — с 1888 по 1891 гг. — сделала его начальником германского генерального штаба, несмотря на отчаянные предупреждения со стороны Бисмарка, был отец кронпринца — Вильгельм II, в те дни также много обещавший молодой человек. Вальдерзее вовсе не был военным мыслителем; он был напыщенным аристократом. Но зато он был личным врагом Бисмарка — основателя империи, — место которого, т. е. место канцлера государства, он хотел бы занять сам.

Главным агентом Вальдерзее был чиновник германского министерства иностранных дел фон Гольштейн — «серая знаменитость» в германской довоенной истории, хорошо известный всем современным политикам; ныне существуют документальные доказательства того, что он страдал умственным расстройством, отчаянно спекулировал на бирже и в то же время был неофициальной силой, стоявшей за всей германской дипломатией.

Вальдерзее и Гольштейн составили заговор против Бисмарка: Вильгельм II боялся, что слава основателя империи затмит его самого. Они свергли Бисмарка и сделали канцлером государства генерала Каприви, подчиненного Вальдерзее. И первым актом этой «дворцовой партии» (1890 г.) была ликвидация русско-германского «гарантийного пакта» — пакта о дружбе между Германией и Россией, который Бисмарку удалось заключить после многих усилий и который он рассматривал как завершение всей своей деятельности, потому что этот пакт гарантировал германскую восточную границу в будущей войне с Францией.

Бисмарк был потрясен (он уже тогда предсказывал грядущее поражение Германии в мировой войне); царский министр иностранных дел фон Гирс тщетно пытался изменить решение Вильгельма II. Вскоре последовал

неизбежный ответ: заключение военного союза между Россией и Францией. Вальдерзее пытался, конечно, убедить кайзера начать «превентивную войну» против России и Франции, но Вильгельм II выгнал его из генерального штаба: он слишком поздно обнаружил, что он натворил. Шлиффен и его генералы приняли на себя военное руководство. Но трех лет авантюры Вальдерзее было достаточно, чтобы разрушить их планы и сделать грядущее поражение в войне почти неизбежным в результате «войны на два фронта» — против Франции и против России.

Сект и Людендорф восставали против плана Гофмана не только потому, что элементарная современная военная стратегия показывала им чудовищную бессодержательность этого «неонаполеонизма», но также и потому, что они знали о таком историческом прецеденте и его последствиях. Серьезный, стоявший на высоте военной науки, германский генеральный штаб не мог больше допустить подобных авантур. Нельзя было позволить кронпринцу и Гофману играть их военную игру.

Но не генеральной штаб, а кронпринц и Гофман оказались победителями в конфликте, точно так же как в свое время Вальдерзее, Гольштейн и Вильгельм II — против Бисмарка. План Гофмана восторжествовал. Как могло это стать возможным?

* * *

Сделал это возможным один человек: тот человек, который стал для кронпринца и Гофмана новым Гольштейном: господин *фон Папен*.

Это не случайно. Круг тот же. Франц фон Папен — знаменитый представитель германского консерватизма, бойкий кавалер последних дней республики — был не только действительным хозяином в «Клубе господ», месте сбора монархических заговорщиков; не только одним из самых близких и самых активных агентов кронпринца и его тайной дворцовой клики (отсюда его «таинственное» влияние на германскую политику).

Папен также с самого начала со слепым энтузиазмом защищал план Гофмана, связывая его с идеями католического миссионерства. Это он несколько лет читал специальные доклады на строго «частных» собраниях «Клуба господ» о большевизме и европейском крестовом походе против него; в этих докладах звучали почти апокалипсические ноты; в этом вопросе он видел альфу и омегу германской политики. Разговоры о «германо-французском военном соглашении» не сходили с его уст; он лично вел переговоры с французами. Это он, особенно во второй период, примерно с 1927—1928 гг., был политическим вожакom группировки Гофмана, в то время как его друг Рехберг держался больше на заднем плане. В этой роли Папен должен был выполнить важную задачу.

Бывший молодой офицер генерального штаба Папен, подобно Гофману, был сторонником самых грубых и самых авантюристских методов: во время войны он был военным атташе в Америке и организатором смелых террористических актов — в нейтральной стране; после войны этот ловкий офицер — в качестве богатого члена правящей «республиканской» партии

(католическая партия Центра), хорошо известного парламентского деятеля и участника всякого рода парламентских группировок — стал важной политической фигурой. Какую игру он вел? Посредством тщательно обдуманных комбинаций он снизу доверху изменил все соотношение сил внутри руководящего консервативного лагеря по отношению к плану Гофмана. И он добился этого, завоевав для кронпринца через головы этого лагеря, «хунту» «третьего гвардейского полка» президентского дворца маршала Гинденбурга. Так разворачивается история этой интриги.

Это была не военная, а чисто политическая интрига. До периода папеновского влияния руководящие консервативные политические силы в стране, такие как националистская партия Гугенберга, полувойсковая лига «Стальной шлем», аграрная лига «Ландбунд», все время вели свою политику в том же направлении, что и рейхсвер и его генералы. Ориентировался рейхсвер на политику консерватизма; военные соображения Секта были решающими для Гугенберга, Дюстерберга и др.

Главный посредник между Сектом и Гугенбергом, полковник *Николаи* (бывший начальник германской контрразведки) был, например, особенно убежденным и ретивым поборником «провосточной» ориентации рейхсвера по соображениям стратегической необходимости; он даже агитировал в Турции за желательный, по его мнению, «Русско-германский военный союз». Результатом было то, что Гугенберг — твердолобый лидер консервативной оппозиции, глава «Стального шлема», монополюный владелец большинства германских газет, распоряжавшийся всеми политическими субсидиями, выплачиваемыми тяжелой промышленностью, — разделял в то время провосточную ориентацию, и поэтому на него так же, как и на Секта, резко нападал в печати Рехберг.

Даже сам Стиннес, капиталистический полубог всей реакции, человек, снабжавший деньгами организацию Гугенберга, был того же мнения. Казалось, что это положение дел не изменилось даже тогда, когда произошло первое изменение в политической «головке» реакции — смещение Секта, всемогущего до тех пор полководца рейхсвера и республики, и замена его Гинденбургом, новым президентом республики и его камарильей.

В то время не кто иной как друг кронпринца первый предложил в кулуарах консервативного лагеря выставить кандидатуру Гинденбурга в президенты; естественно, они оперировали чисто политическими общими аргументами, выдвигая Гинденбурга как «самого популярного человека в национальной Германии» и объединенного кандидата всех реакционных группировок. Кронпринц поддерживал эту кандидатуру как выражающую интересы династии. Официально, для народа, старый маршал должен был быть избран как символ традиций и былого величия Германии, а неофициально как уполномоченный будущей монархии.

Этот проект был даже не нов. Еще в марте 1920 г. капповский путч должен был, согласно первоначальному плану Людендорфа, полковника Бауэра, Стиннеса и кронпринца, привести в первую очередь к «избранию» Гинденбурга как «президента со специальными полномочиями», который позже должен был уступить место кронпринцу: старый маневр Мак-

Магона. Гинденбург примирился с этим с самого начала и согласился на выставление своей кандидатуры только при этом условии. Он был старым солдатом своего кайзера; а кронпринц был будущим монархом (до своего избрания Гинденбург даже экстренно просил специального разрешения на это у Вильгельма II в Дорне).

Гинденбург был избран. Сект ушел. Управление государством перешло в руки хунты «третьего гвардейского полка»: Гинденбурга-старшего, Гинденбурга-младшего (его адъютанта), генерала Шлейхера, секретаря Мейснера. Тут-то и началась деятельность господина фон Папена. Он завоевал хунту изнутри. Он устранил Шлейхера и полностью подчинил своему влиянию трех остальных.

Этого дворцового переворота оказалось достаточно, чтобы сверху до низу изменить всю политическую и идеологическую линию в лагере германской реакции: Гинденбург потащил за собой Гугенберга и всех остальных.

Бойкий вестфальский юнкер, элегантный уланский офицер, ближайший поверенный династии — фон Папен был лучшим канцлером, которого мог найти монархический президент Гинденбург для своего государства. Его кандидатура была единодушно поддержана «Клубом господ», кланом-братством германской аристократии, в котором заседало изрядное количество родственников Гинденбурга и его земляков. Он был политическим деятелем, внезапно, как по приказанию, ставшим представителем самой могущественной группы тяжелой промышленности, группы Тиссена, которая через своих эмиссаров — доктора Шахта и барона Шредера — начала настойчиво выдвигать фон Папена (доктор Шахт оказался «старым личным другом» Рехберга). Всего этого было еще недостаточно. Но, кроме того, фон Папен, в противоположность Брюнингу, в противоположность Шлейхеру, был единственным крупным консервативным политиком, который твердо решил замолчать большой скандал с так называемой «Восточной помощью». Это было, по-видимому, решающим.

При правлении Гинденбурга восточно-эльбские помещики тем или иным способом получали от казначейства «помощь», составившую не менее нескольких миллиардов марок; эти деньги выдавались специально для погашения их частных долгов. Семья Гинденбурга также получила большое снижение налогов на свое запутавшееся в долгах поместье в Нейдеке, в Восточной Пруссии; ближайшие соседи и личные друзья Гинденбурга — Ольденбург-Янушау, граф Финкельштейн, Эйленбург и др. — получили миллионы. Это происходило тогда, когда в стране было выброшено на улицу 6 млн. безработных, которые находились на грани полного отчаяния. Партии левых угрожали раскрыть беспримерную Панаму во всех ее подробностях. На карте стояла честь семьи Гинденбурга. Фон Папен выступил с требованием: немедленно предотвратить скандал любой ценой во имя «национальных соображений». Этот человек был великим политиком. Фон Папен и его национал-социалистские союзники должны были получить полную власть.

Против этого был только рейхсвер. Шлейхер был таким же милитари-

стом, как Гинденбург, таким же реакционером, как фон Папен, и таким же карьеристом, как все эти слуги и лидеры республики. Он бросил в свое время Секта и перешел в камарилью Гинденбурга. Но с военной, *стратегической* точки зрения он был учеником Секта, человеком шлиффеновской школы, и он не мог быть иным; стратегией не играют. Он понимал, что поставлено на карту; он знал, что скрывалось за спиной Папена; знали это также и все остальные офицеры генерального штаба — Гаммерштейн, Фрич, Бредов, Адам.

Рейхсвер должен был обратиться против Папена. Ведь речь шла о плане Гофмана. А великий карьерист, но хороший генерал — Шлейхер предпринял самый роковой и самый героический шаг за всю свою карьеру. Он повернул против фон Папена, против Гинденбурга, против хунты, против всей реакции, с помощью которой и сам он попал в верхи. Он угрожал советникам Гинденбурга раскрыть скандал «Восточной помощи»; намекал на мобилизацию полков в Дебрице против Берлина. Он потерпел крах и был выведен из строя в последний момент благодаря Папену, Гинденбургу, «Клубу господ» и еще одной силе — так же, как Бисмарк несколько десятилетий тому назад. Восемнадцать месяцев спустя Шлейхер окончательно расплатился за свою дерзость. Вместе с женой он лежал на лестнице с простреленным черепом. А рейхсвер на этот раз хранил молчание.

Итак, политический агент группы, поддерживавший планы Гофмана, экс-майор фон Папен завоевал политическую власть в Германии. Теперь оставался только один промежуточный этап. А именно — национал-социализм. Это — последняя и самая простая глава в истории происхождения гофмановского плана.

* * *

Если Гофман и кронпринц были инициаторами плана Гофмана, то для национал-социализма этот план стал не чем иным, как призывом, идеей, теорией и «мифом». Человеком, который от имени Адольфа Гитлера почти монопольно поставлял и продолжает ставить идеи, теорию и «миф» национал-социалистской партии, является Розенберг, «вторая душа» фюрера. А Альфред Розенберг — прямой ставленник гофмановской группы: *пятый* крупнейший ее участник после Гофмана, кронпринца, Рехберга и фон Папена, имеющий специальную сферу деятельности — национал-социалистскую партию.

Прибалтийский студент Розенберг, бежавший из России в Германию в 1918 г., был в конце 1919 г. чем-то вроде личного секретаря Адольфа Гитлера; в 1921 г. он был редактором «*Völkischer Beobachter*» — первой национал-социалистской газеты; затем автором партийной программы и официальным теоретиком национал-социализма; и, наконец, он стал главой «Внешнеполитического отдела НСДАП» и бесспорным руководителем национал-социалистской внешней политики. Но *прежде*, до начала своей карьеры, Розенберг поддерживал знакомство с Арнольдом Рехбергом — главным помощником генерала Гофмана и адъютантом кронпринца.

Именно Рехберг представил Розенберга Гитлеру в Мюнхене в 1919 г.; до сих пор эти факты были слишком мало известны¹. Тот самый Рехберг, который поддерживал с тех пор через своего преуспевающего протеже постоянный контакт с молодой и активной группой Адольфа Гитлера. Не кто иной, как Рехберг, который в 1921 г. снабдил национал-социалистов, тогда мало известную и почти вовсе лишенную средств группу (они насчитывали 3 тыс. членов), деньгами на покупку маленького еженедельного журнальчика «Völkischer Beobachter», чтобы учредить таким образом первый орган гитлеризма в Германии. Розенберг стал редактором и издателем этого журнала, и его первые статьи были пламенными манифестами против большевизма и призывами к крестовому походу против СССР. Капитальные затраты на план Гофмана быстро оправдали себя.

В том же году Розенберг участвовал от имени национал-социалистской партии в международной антисоветской конференции в Рейхенгалле, где гетман Скоропадский — бывший наместник Гофмана на Украине — и другие члены гофмановского окружения обсуждали план войны против Советской России. После провала гитлеровского путча в ноябре 1923 г., когда Розенберг шел рядом с фюрером с револьвером в руке, разбитая партия должна была все решительно начинать снова и не могла истратить ни гроша на газету; тогда снова один только Розенберг, при помощи своих специальных связей и ресурсов, обеспечил постоянное существование «Völkischer Beobachter». Председатель калийного треста Постерг, компаньон брата Рехберга, даже публиковал статьи в «Völkischer Beobachter» под своим именем. Но финансированием печати дело не ограничилось.

Группа Гофмана — Рехберга была *первым* источником средств национал-социалистского движения и Гитлера, прежде чем на помощь им поспешили тяжелая промышленность и Тиссен, это важный факт. Эта группа создала для национал-социалистов первую капиталистическую базу (и не только собственными средствами) еще в дни их зарождения, когда эта партия еще ходила в детском костюме и была слишком мало известна, чтобы удостоиться покровительства тяжелой промышленности. Одна из крупнейших и нашумевших субсидий, полученных Гитлером в те дни на создание своего движения, была «помощь», о которой писали в свое время в голландской прессе: эта «помощь» составила около 4 млн. гульденов и была предоставлена

¹ В книге «Гитлер над Европой?», описывая происхождение гитлеризма (часть II, глава III), мы говорили о «трех кругах людей, которые создали нынешнюю национал-социалистскую партию»: круге военных террористов (группа офицеров Эппа), круге монополистического капитала (Тиссен и тяжелая промышленность) и круге Розенберга, «наименее известном круге», который «создал международные связи гитлеризма и в настоящее время управляет его внешней политикой». Мы указывали тогда, что «преждевременно говорить о том, кто именно образует этот круг и как далеко простираются его интересы и разветвления». Теперь это время настало. Больше того, настало время сказать все или, во всяком случае, все возможное. Если история человечества и наша общая судьба зависят от чудовищной и низкой интриги, чудовищной и низкой настолько, что перед ней бледнеет всякое преступление, то пусть по крайней мере мир узнает о ней.

в распоряжение Гитлера международным нефтяным магнатом через его агента Джорджа Белла. Эта огромная субсидия сыграла большую роль в развитии национал-социалистской партии.

Кто такой Белл? Это был личный «международный посредник» генерала Гофмана; курьер, который, исполняя поручения Гофмана, беспрерывно разъезжал между Германией и Англией и поддерживал регулярные связи международных антисоветских «интервенционистов»; в 1927 г. он вместе с Гофманом был привлечен по известному делу о фальшивых червонцах. Белл завязал весьма специфическую дружбу с капитаном Ремом, начальником СА, и с Розенбергом: он был «*persona grata*» в национал-социалистских кругах. Так же, как Шлейхера, Рема и Гануссена, его впоследствии пристрелили, когда после поджога рейхстага возникло подозрение, что он может проболтаться.

Хорошо известно, что другим видным патроном национал-социализма был в то время принц Август Вильгельм («Ауви»), который, по заявлению Отто Штрассера еще в 1929 г., снабжал деньгами различные округа и руководителей окружных организаций национал-социалистской партии; впоследствии он стал дивизионным командиром СА и одним из самых влиятельных в гитлеровском штабе лиц. Принц Август Вильгельм — младший брат кронпринца; подобно своему старшему брату, он владеет миллионным состоянием, накопленным благодаря «компенсациям», которые выплачивала им обоим Веймарская республика, и, подобно кронпринцу, он сторонник крайних политических взглядов.

Не установлено точно, верно ли, что в августе 1930 г. Вильгельм II передал национал-социалистской партии через доктора Банга (поддерживающего кронпринца) около полутора миллионов марок¹. Известно, однако, что в сентябре 1935 г. в своем интервью с генералом Уотерсом, бывшим британским военным атташе в Берлине, Вильгельм заявил, что Гитлер спас Германию от коммунизма; но ведь обычно помогают, когда надо спасать. Первые «пожертвования» принцев Кобургского, Гессенского, Ольденбургского и Мекленбургского национал-социалисты принимали с гордостью (принц Гессенский является теперь национал-социалистским губернатором своей прежней территории). Таковы люди, финансировавшие национал-социалистов до Тиссена.

То, чем стал генерал фон Эпп и его «седьмая баварская дивизия» для развития гитлеровской партии с *военной точки зрения*, т. е. первой основой штурмовых отрядов и их руководящим штабом, тем стал для национал-социалистов круг Гофмана — Рехберга в *финансовом и международном отношении*. Эти люди с самого начала в очень сильной степени влияли на организацию и идеологию новой партии через посредство Розенберга, члена приближенного к Гитлеру конклава, пользовавшегося там все большим весом и влиянием. А когда эта партия стала слишком большой, слишком тяжелой и слишком могущественной, чтобы покоиться на своем старом базисе, когда она, завоевав миллионы приверженцев, вступила в решающую борьбу за

¹ Об этом сообщала газета «*Berlin am Morgen*» от 5 сентября 1930 г.

власть и для этой цели нуждалась в союзе с верховным капиталистическим органом — тяжелой промышленностью, тогда снова группа Гофмана — Рехберга — кронпринца подала ей руку помощи и доставила новые связи.

У Рехберга был старый личный друг: *доктор Шахт*. Доктор Шахт, одновременно директор «Данат банка» и главный директор Рейхсбанка — государственного банка республики, был главным оруженосцем рурской промышленности. Когда республике пришлось сместить «демократа» Шахта, чтобы уменьшить число плутократов, он открыто стал одним из активнейших участников заговора Папена. Фон Папен знал, что без гитлеровской фашистской массовой армии его удар против республики и против «провосточной» политики рейхсвера не может увенчаться успехом, потому что даже если бы ему удалось овладеть гинденбургским дворцом, то этот дворец пришлось бы защищать от наступления левых и пролетарских масс. Гитлеру была нужна тяжелая промышленность для поддержки его политического наступления. Тяжелой промышленности нужен был Гитлер для того, чтобы в борьбе с католическо-еврейской группой (Отто Вольф — Дойче банк — Брюнинг) и с Шлейхером удержать первенство Стаального треста и прежде всего для того, чтобы раздавить организации рабочего класса. Группа кронпринца находилась как раз в точке пересечения этих взаимных тяготений. Кронпринц должен был устроить единственное в своем роде сватовство.

Вот каким образом завязались организованные Шахтом и фон Папеном отношения между Гитлером и тяжелой промышленностью и зародились огромные тиссеновские субсидии национал-социалистской партии. А затем возник исторический национальный союз: коалиция между Гитлером, фон Папеном, Гинденбургом, Гугенбергом, Шахтом и Тиссеном. Гитлер вскарабкался к власти, и старая гофмановская группа снова встала ногу в стремя.

Подведем итоги. План Гофмана был с самого начала основной и неотъемлемой составной частью того химического раствора, который называл себя национал-социализмом и который постепенно поглотил все остальные элементы германской буржуазии и германской реакции, подчинив таким путем их государство. В этом поглощении и подчинении группа Гофмана постоянно сопровождала национал-социализм и выдвигала его вперед. Она дала гитлеризму многое: первую материальную базу, идеологию (Розенберг), связи с руководящими группами имущих классов и буржуазии, международные связи, импульс к окончательной победе (Эпп дал фашистским офицерам «массы» разоренной мелкой буржуазии).

Розенберг завлек в свои сети душу Гитлера так же, как фон Папен завлек в свои сети душу Гинденбурга. *Но в конце концов сама группа Гофмана была поглощена гитлеризмом* и заняла в нем самый важный политический сектор, — иностранную политику. Это очень важный итог. Он объясняет, что происходило раньше, и бросает свет на то, что лежит впереди.

Заражение гитлеризма гофманизмом дошло вплоть до самого сердца, оно привело к формальному включению плана Гофмана в партийную программу национал-социализма. Этот план можно найти в официальных «39 пунктах» «программы НСДАП», третий пункт которой гласит: «Мы требу-

ем земель и почвы для питания наших людей и расселения нашего избыточного населения»; его можно найти также и в мистическом откровении в гитлеровской «Моей борьбе», где еще в 1924 г. фюрер расшифровал всю важность этого пункта:

«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы, и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства».

Это только повторение и одобрение «великой идеи» генерала Гофмана в том виде, в каком он выразил ее уже в 1919 г. в своем наполеоновском проекте. Гофман умер. Его проект продолжает жить и будет существовать до тех пор, пока существует национал-социализм. Они неотделимы друг от друга. Движение национал-социализма родилось с этой кровью в жилах; во время реализации этого плана оно обретет свою гибель. Розенберг, апостол Павел Гитлера, остается связующим звеном между мертвым генералом и живым фашизмом.

Кажется гримасой истории или парадоксом Честертона, что на этой почве сошлись два ненормальных архаических ума: фанатик нового аристократического рыцарского ордена и апостол нового мирового крестового похода против еретиков. Капиталистическая иерархия, действительный организатор этого «средневековья», нуждается в обоих. Маленький балтийский студент с глазами одержимого понял, что эта связь не порицается. Он вовремя ограничил число малоизвестных, никем не принимавшихся всерьез лиц, из среды которых вышел этот проект. Сегодня он один из всей «пятерки» остается в бенгальском свете германской и международной публичной известности.

Генерал Гофман умер в 1927 г., как раз тогда, когда он должен был быть привлечен по уголовному процессу о подделке советских червонцев. Рехберг держится в тени; его прошлое слишком кричаше.

Кронпринц, его бывший хозяин, также остается в резерве. Он ни от чего не отказался, ничего не забыл: хотя Гитлер и не восстановил монархии, кронпринц следит за тем, как побеждают его «идеи», он выжидает; он по-прежнему располагает большим влиянием за кулисами (его можно лицезреть на всех национал-социалистских парадах и демонстрациях, особенно на геринговских) и в то же время он призывает Европу «быть благодарной Гитлеру, спасителю от русской угрозы»¹.

¹ См. его последние интервью в мае 1935 г. представителям британской прессы, которым он также выразил свое удивление, что «Англия остается такой спокойной перед лицом русской угрозы», и представителям французской прессы («Petit Parisien»), которым он сказал, что спасение Европы основано только на тесном понимании между Германией и Францией, так как иначе последует «большевизация» континента. И это еще задолго до обоих «антибольшевистских» съездов национал-социалистов — в сентябре 1935 г. и в 1936 г.

Франц фон Папен — еще один бывший его оруженосец, фаворит при Гинденбурге, кандидат в канцлеры при Шлейхере, вице-канцлер при национал-социалистах — продолжает пользоваться своим флорентийским искусством на другой «ключевой позиции», в Австрии, а время от времени читает в Вене, Будапеште, Скандинавии те самые обращения, которым так громко аплодировали в «Клубе господ»: обращения о мировой миссии борьбы с большевизмом.

Розенберг — единственный оставшийся на виду. Но он также принадлежит к числу тех, кто получил, наконец, возможность распоряжаться судьбами Германии. Он также единственный из национал-социалистских лидеров, не имеющий министерского портфеля. Но зато он — глава «Внешнеполитического отдела НСДАП». Он стоит за помпезной фигурой фюрера и проверяет весь механизм так же, как делал бы это сам сумасшедший генерал Гофман.

То, что последовало за этой трагикомедией, не было ни трагическим, ни комическим; дело свелось не более как к технике и автоматизму. Но этот автоматизм, при всей его обнаженной циничности, таит в самом своем существе беспримерное невежество и крах старого германского генерального штаба.

Преемники Шлиффена не умирают, они сдаются. Штаб рейхсвера, хранитель традиций Шарнгорста, Клаузевица и старшего Мольтке, квинтэссенция военных знаний и научного метода, штаб, который так долго с крайней решительностью боролся против идеи войны на востоке, потому что он видел в этой идее путь к катастрофе, теперь под руководством Гитлера проводит в жизнь план Гофмана. Сект, Фрич, Николаи, Адам — крупнейшие представители старого рейхсвера — уступили и делают то, что им приказывают. Снова возникает вопрос: как это могло случиться? И на этот раз ответ звучит куда более прозаически.

Конечно, фашистская контрреволюция сама по себе была толчком достаточным, чтобы нарушить спокойствие этих милитаристов. Они прежде всего люди своего класса — буржуазии, которая, благодаря возвышению Гитлера и беспощадному подавлению социалистического рабочего класса, вернула себе всю власть и все свое превосходство. Некогда «оппортунистические» или «республиканские» генералы, прежде покинувшие своих путчистских коллег, чтобы «конституционным путем» спасти государство от рук рабочих, поняли, что их цель достигнута. Гитлер завершил контрреволюцию.

Во-вторых, это люди своей *касты* — старой прусской военной бюрократии. Не считаясь с наложенными на Германию по Версальскому договору ограничениями и вводя вновь обязательную воинскую повинность, Гитлер возвратил этой касте два средства, необходимых для ее существования: массу новобранцев и национальную казарменную дисциплину. Они могли теперь снова командовать миллионной армией; снова играть ведущую военную роль в Европе. Кроме того, самый угрожающий их конкурент внутри страны за последние годы, иррегулярная армия мелкой буржуазии — СА, была принесена им в жертву. Общественное положение этих офицеров, таким образом, сильно

изменилось. Но всего этого было бы недостаточно, чтобы объяснить подобное сальто-мортале, полное изменение стратегической линии.

Куда же делись твердость характера и «этика» старых полководцев германской армии?

Гинденбург, ее первый маршал и герой после войны, незадолго до смерти получил, помимо значительных субсидий, большое поместье на имя сына: его сын — совершенно бесталанный офицер низшего ранга — был произведен новым правительством в генерал-майоры. Как бывший германский главнокомандующий во время войны, Гинденбург понимал действительную стратегическую ситуацию. Но как новый крупный землевладелец Восточной Пруссии, этот 86-летний старец ничего так не боялся, как «аграрного большевизма» и «красной опасности».

Макензен, второй маршал, который жив и до сей поры, точно так же получил от государства (в октябре 1935 г.) большое прусское имение (Брюссов) в качестве «наследственного владения» для себя и своей семьи; его старший сын был назначен начальником штаба десятого армейского корпуса, другой сын — германским послом в Будапеште.

Сект, основатель рейхсвера и самый выдающийся представитель прежней, «провосточной» политики, был отозван из Китая, где он при невыясненных обстоятельствах был чем-то вроде инструктора в «войсках» Чан Кай-ши, и ему был снова дан высокий пост в армии. В последнее время Сект был одним из самых активных сотрудников национал-социалистского военного министерства¹.

Продолжает упорствовать только старый Людендорф, несмотря на то что Гитлер предложил ему самое высокое звание в армии, чин фельдмаршала и всяческие мыслимые материальные «почести»; Людендорф отверг поднесенный ему фельдмаршальский жезл и, несмотря на все упрасивания, отказывается публично присягнуть национал-социализму. Его имя остается в стороне, так же как имена Шлейхера и Бредова, которые были убиты, и Гаммерштейна, которого подвергли преследованию и заставили замолчать.

Таковы великие старые маршалы, определявшие курс германской армии. Они «уступили» — активно или пассивно, по тем или иным «причинам», как в свое время они уступили Вильгельму II и его придворным, как они всегда уступают высшей капиталистической или феодальной силе, которая настаивает на выполнении ее воли. Они меняют окраску и переходят на сторону политики Гофмана; старое стратегическое чутье потеряно. В конце-то концов, ветеранам хочется увидеть новую войну. А прочие? Прочие состоят из их младших преемников и идут по тому же пути, — что еще им остается делать?

Фрич, являющийся с 1934 г. главнокомандующим сухопутной армией, некогда один из ближайших коллег Шлейхера, готовится к экспедиции на восток; он осведомлен о судьбе обоих своих предшественников (Шлейхера и Гаммерштейна). Полковник Николаи, некогда проницательный начальник германской контрразведки и один из активнейших поборников проекта «герма-

¹ Сект умер 28 декабря 1936 г. в Берлине, 70 лет от роду. — *Прим. переводчика.*

но-русско-турецкого военного союза», один из самых ненавистных противников генерала Гофмана, снова работает в своем прежнем ведомстве. Генерал Адам не командует больше армией, но он занимает пост начальника «Wehrmacht-Akademie» (Военной академии). Генерал Бек, ранее принадлежавший к «шлейхеровской гвардии», а теперь начальник нового генерального штаба, приспособливает свои действительно «необычайные» стратегические таланты к наполеоновским путям 1812 г. Вот что случилось с рейхсвером.

Только однажды решились эти офицеры возвысить свой голос. Это было в июле 1934 г., через несколько дней после бунта Рема и убийства Шлейхера и Бредова, когда Геринг и Гиммлер совершали в Берлине свои кровавые оргии, а Гитлер был в трансе. В эти дни группа генералов и высших офицеров рейхсвера послала меморандум Гинденбургу. Они заявляли, что отечество в опасности. Они заявляли, что разрыв с заветами политики Бисмарка, измена восточной ориентации и воинственная политика против России означают начало новой катастрофы; что военная мощь России и международное соотношение сил воспрепятствуют это категорически; и что новое поражение может предотвратить только возвращение к линии Бисмарка и политике безопасности на востоке. Это был последний вопль, последняя попытка заставить себя услышать. Эти же офицеры служат сегодня под началом у Гитлера, смещен только Гаммерштейн¹.

На деле все они исполняют приказы другого штаба, неофициально за ними наблюдающего и пропитанного уже чисто гофмановским духом. Это, с одной стороны, внутренний военный кабинет Гитлера, состоящий в первую очередь из бывших офицеров германской службы связи, например: генерала Либмана (бывшего начальника военной академии и личного советника Гитлера), подполковника Госсбаха, адъютанта Гитлера и одновременно шефа «армейской персональной группы» — «Heerespersonalgruppe» (генерального штаба) и др. Сюда же надо причислить остатки «Wehrpolitisches Amt der NSDAP» (Военно-политический отдел национал-социалистской партии), т. е. таких людей, как Эпп. Наиболее выдвигающийся представитель этой военной клики, группирующейся вокруг Гитлера, это генерал Рейхенау — один из «новой смены». Сам военный министр Бломберг является орудием этой группы. Прежде незначительный провинциальный генерал, он стал первым фельдмаршалом государства. Рейхенау в последнее время командовал баварскими дивизиями, а теперь организует в Восточной Азии связи с японской армией, которая должна напасть на СССР на Дальнем Востоке. А его бывший представитель и командир третьей армии, охватывающей треть всех новых германских дивизий (на юге) и предназначенной для наступления на Чехословакию, Австрию и Украину, это генерал Федор фон Бок — не кто иной, как бывший «старший офицер генерального штаба» кронпринца во время войны и его личный близ-

¹ Станут ли они, если в будущем еще раз представится возможность, вмешиваться и ставить палки в колеса Гитлеру? Многие, очень многие на это рассчитывают. К этой возможности надо относиться весьма скептически. Если существуют силы, способные остановить Гитлера, пока еще не слишком поздно, то это более могущественные социальные силы.

кий друг, который даже 9 ноября 1918 г., за два дня до перемирия, пытался посадить кронпринца на трон!

Представляет интерес само количество бывших личных друзей и офицеров кронпринца, занимающих ныне руководящие посты в новой германской армии. Кроме Бока, новый начальник генерального штаба, генерал Бек, прежде также принадлежал к штабу кронпринца. Командир восьмого корпуса, генерал фон Клейст, бывший «гусар смерти» («Totenkopfhusar»), как известно, во время войны был доверенным лицом кронпринца; после войны он был другом сына Гинденбурга. Люди из этой клики сделали головокругительную карьеру. Сын кронпринца, принц Луи Фердинанд, которому раньше вступление в армию было воспрещено, до последнего времени служил в воздушных войсках и принадлежит теперь к штабу полувоенной «Люфтваффе».

Это очень важные факты.

Но существует кроме того еще и другой штаб, который стал более влиятелен, чем все прежние владыки и капитулянты рейхсвера, и от которого все они теперь зависят: это могущественный штаб новой *воздушной* сверхармии генерала Геринга! Это он — настоящий законный преемник генерала Гофмана; тот, кто, следуя по его стопам, должен выполнить его «наполеоновскую идею XX столетия» и завершить незаконченную симфонию московского похода 1812 г. — на свой собственный лад и своими «новыми средствами».

Наркоман и бывший летчик, второй лидер национал-социалистической партии и глава почти самостоятельного «генерального штаба воздушных сил», Геринг живет во сне и наяву идеями «наполеоновского воздушного нашествия», которое должно стать осуществлением плана Гофмана. И действительно, как раз в его собственной персоне и в лице молодых воздушных генералов и других офицеров, находящихся под его командованием (Рейхенау также находится внутри геринговского лагеря), окончательно сформировалась подлинно гофмановская германская военная школа; типичная и чисто фашистская школа, которая свергла старую шлиффеновскую школу, поставила ее на колени и подчинила себе.

Сект, Макензен, Фрич, Николаи и Бломберг — пленники этих маньяков, наконец восторжествовавших; находясь в трансе и экстазе, они ведут Германию по пути, который кажется им завоеванием мира, воскрешением мечтаний Александра Великого; в действительности этот путь не что иное, как прыжок в бездну.

Это нужно понять и представить себе как можно яснее. Ведь именно здесь надо искать причину всей крикливой болтовни о европейском «сплочении» для «спасения цивилизации» и «избавления от большевизма». Вот почему был придуман фантастический план «крестового похода на Восток»: дело в том, что план гофмановского «неонаполеоновского» наступления против восточной части континента требует всеобщей мобилизации западной части континента, армий всех прочих европейских сил, точно так же, как это было в 1812 г.; эта военная необходимость одета в политико-пропагандистскую форму «международного крестового похода за цивили-

лизацию» и фашистской миссии «избавления от большевизма». Фразы прикрывают реальный, весьма определенный военный план.

В этом значение торжественного провозглашения на нюрнбергском съезде национал-социалистской партии в сентябре 1935 г. борьбы с «еврейско-марксистско-русской заразой»; значение ежедневных речей и «предупреждений» Розенберга; и — что интересно отметить — в этом значение всех речей о «едином» антибольшевистском фронте за пределами Германии, речей некоторых очень влиятельных, хорошо известных лиц и политических лидеров в Англии, Франции, Америке, по всему миру. Понимают ли они это? Знают ли они, на чем в действительности основаны призывы к созданию антибольшевистского международного блока? Некоторые из них, конечно, знают. Идея военной оккупации Европы победоносным германским фашизмом и его союзниками их пока не пугает; ибо они верят, что получат свою долю при разделе добычи.

Итак, квази-феодалная «программа возрождения» германского фашизма получает свое логическое завершение. План Гофмана сливается с планом нового германского тевтонского ордена во главе с Гитлером (оба эти плана разработаны Розенбергом). Внутренняя политика сливается воедино с внешней политикой. Новый «вождь» и великий магистр восстановленного деспотического рыцарского ордена начинает свой крестовый поход — как и в былые дни — на Восток.

«Мы начинаем там, где Германия остановилась 600 лет тому назад... Новая империя должна снова пойти по пути стародавних рыцарей ордена» (Гитлер «Моя борьба»).

Таким образом, эта литературная и романтически звучащая фраза говорит о самых прозаических вещах: сначала «Гитлер против СССР», а затем уже «Гитлер над Европой»!

Трагедия, которая началась 31 января 1933 г. истязанием германского рабочего класса; которая продолжилась 30 июня 1934 г. истязанием германской мелкой буржуазии; которая в самой Германии не коснулась только одной правящей, движущей силы — капиталистической олигархии и ее вассалов, эта трагедия развивается дальше по своим неизбежным законам. Взрывчатая динамика Рура, капитала, сжатого в своем развитии и ломающего свои собственные устои, воплощается в зловещих и искаженных формах, угрожающих самому существованию человечества; это, однако, единственные формы, в которых может воплотиться эта динамика, динамика процесса умирания капитализма. Наследует ли ему грядущее социалистическое общество, которое должно возникнуть в этом процессе, одни только руины? Это вопрос о том, каковы будут *результаты* плана Гофмана.

Итак, мы возвращаемся к тому, с чего начали эту главу. «Дедуктивный» вывод подтверждает индуктивные заключения, существующие факты. Мы знаем, что военно-техническая подготовка плана Гофмана — в полном разгаре. Мы знаем, что вся германская современная международная политика сводится к этому, и ни к чему больше. Мы знаем, что над собственно германским штабом уже существует другой, «всеевропейский генеральный штаб» для проведения гофмановского плана — это вожди вновь

возникших фашистских региональных лиг на северо-востоке и юго-востоке Европы. И мы понимаем теперь также, почему неслучайны все недавние поразительные инциденты и взрывы в этих частях континента.

Мы знаем, почему неслучайно, что все официальные лидеры этих фашистских групп и организаций — все без исключения — офицеры высших чинов. Маршал Пилсудский и после его смерти «полковники» — в Польше; маршал Маннергейм и бывший начальник генерального штаба Волениус — в Финляндии; бывший военный министр генерал Ларка и бывший начальник штаба генерал Тырванд («Борцы за свободу») — в Эстонии; генерал Гоппер — в Латвии; начальник генерального штаба Кубелюнас и офицеры Вольдемараса («Железный волк») — в Литве; генералы Скоропадский, Бермондт и Миллер вместе с русскими и украинскими фашистами; адмирал Хорти и клика генерального штаба Гембеш, Хейяш, Виндишгрец (движение «Тес») — в Венгрии; кобургские генералы и их комитаджи — в Болгарии; маршал Авереску и генерал Кантакузен («Железная гвардия» и партия двора) — в Румынии; бывшие штабные офицеры Павелич, Перчич и Саркотич («Усташи») — в Хорватии; генерал Метаксас — в Греции и т. д. и т. п.

Это люди одного пошиба, потому что это один и тот же штаб; это маленькие «национальные» Гофманы, которые «также» хотят маршировать на восток и которые вместе со своими местными приверженцами будут выступать в качестве командиров бригад, дивизий или, в лучшем случае, корпусов главной квартиры Геринга, Бломберга и Рейхенау, подобно старинным польским, австрийским, германским, венгерским и итальянским полкам наполеоновской «Великой армии» в 1812 г. Вот почему они сегодня призывают людей в своих странах к объединению вокруг фашизма. Всех их объединяет гофмановский крестовый поход.

Это всеобщий поход на СССР, от Ледовитого океана до Черного моря, с германской армией в качестве стержня, северо-восточной фашистской лигой (Прибалтика) на одном фланге, юго-восточной фашистской лигой (Дунай) — на другом; и с двумя фашистскими лигами уже существующими или планируемыми на других фронтах: восточно-азиатская лига (Япония и китайско-маньчжурские фашисты) в тылу советской Сибири и атлантическая лига (предполагаемый фашизм в Англии, Испании и Франции), поддерживающая тыл Германии на западе.

Такова полная схема «повторения» наполеоновской континентальной кампании 1812 г., так она проектируется. Она чудовищна, как и весь замысел. Она приводит в движение сотни миллионов людей — больше чем в последнюю мировую войну — и исходит из того, что может бросить половину континента — капиталистическую — против другой половины — социалистической. Удастся ли это? Может ли план Гофмана победить?

* * *

Эта «идея» претерпела все метаморфозы согласно всем правилам капиталистического развития. Из галлюцинации больного мозга план Гофмана стал жизненным законом, категорическим императивом для империи,

и определил собой целый период мировой истории. Пять человек, которые в начале германской послевоенной эпохи стояли как бы в глубокой тени — «перевоспещенный Наполеон», «enfant terrible» династии, американский динамитчик, друг международных нефтяных трестов и ливонский рыцарь XX столетия, — слились в нерасторжимое целое в новом имени: Гитлер. Тень нависла над всей Германией.

На этом мы заканчиваем анализ *истории* и происхождения плана Гофмана. Этот анализ был необходим, так как, исследуя истоки этой идеи, он устанавливал будущее германского фашизма. Мы переходим теперь к *конкретной оперативной форме* этого плана — стратегической диспозиции, по которой предполагается достигнуть победы над СССР и завоевания его, и к критике этого плана.

Глава VIII. Грядущее наступление на Ленинград и Киев

Генеральное наступление на СССР! Как реализовать этот план? Каким образом должен произойти разгром большевизма? Сейчас же перед глазами разворачивается почти фантастический стратегический план. Наступление на территорию в 21 млн. кв. км, в два раза превышающую Европу по площади, с линией фронта в 3200 км (сухопутная граница на западе), наступление на страну, простирающуюся от моря до моря и насчитывающую 175 млн. населения. Это не абиссинская или китайская авантюра. Никогда ни один современный полководец не стоял лицом к лицу с такой проблемой.

Можно говорить о проекте германского прорыва в Бельгии, за которым последует марш на Париж; или о прорыве фронта Антантой через Рейн в Западную Германию. Можно представить себе завоевание больших незащищенных колониальных территорий — безоружных провинций Маньчжурии или библейских пустынь Абиссинии. Но как нанести сокрушительный удар — а этот удар должен быть сокрушительным — современной, превосходно оснащенной и превосходно организованной стране, превышающей Великобританию по площади в 93 раза, а Францию — в 39 раз, стране с потенциальной армией в 20 млн. солдат, стране, располагающей, притом, самой мощной индустрией в нынешней Европе? Как найти путь к сердцу такой страны для армии, которая хочет войти в страну, но хочет отсюда и выбраться, — как нанести Советскому Союзу такой удар, чтобы разрушить его и разбить вдребезги?

Генеральный штаб германского фашизма, который не является, как мы видели, шлиффеновским генеральным штабом рациональной и нормальной стратегии, вынужден искать этот путь. Каковы бы ни были географические, стратегические, технические и социальные условия, но германский генеральный штаб должен найти этот путь любой ценой. В течение столетий взор германских генералов был прикован к 640 км северной границы Франции, чтобы совершить короткий (320 км) марш на Париж, который им удался только однажды (1871 г.); теперь гитлеровские генералы стоят лицом к лицу с 3200 км границы Советского Союза; целью явля-

ется Москва. Москва, центр Советского Союза, по крайней мере, для социалистической армии, но выиграть решающее сражение японский и германский фашизм мог бы только на Урале, за 2 тыс. км от Москвы (расстояние от Мадрида до польской границы); причем Москва показала бы пример превосходного использования этой территории.

Дважды в истории было преодолено огромное пространство и взята столица; оба раза это происходило при отсутствии сопротивления со стороны России и не составляло, следовательно, стратегической проблемы.

Первый раз это произошло триста лет назад, в 1606 г., когда старая феодальная Россия, находившаяся на одном уровне развития с современной Абиссинией, была ввергнута в хаос первыми ударами закрепощенных крестьян (русская «смута» после авантюры Лжедмитрия), и польская армия, призванная русскими расами — боярами, приветствуемая феодальной кастой, прошла беспрепятственно в Москву только для того, чтобы несколько лет спустя бесславно бежать оттуда вместе с польским принцем Владиславом, которого бояре посадили на трон.

Во второй раз Москва была взята учителем Гофмана, Наполеоном; царь позволил его армии — снова при обнаженном фронте и почти без единого сражения — достигнуть ворот столицы только для того, чтобы дожидаться, когда Наполеон, изолированный и истощенный, победит по тому пути, по которому пришел (несколько месяцев спустя наполеоновской «Великой армии» не стало, а через два года после этого не стало и императора Наполеона).

Оба раза вторгшаяся армия буквально потерялась в обширном пространстве. Русский гласис¹, простирающийся от Ледовитого океана до Черного моря, оставался практически вне наступательной «проникающей» оперативной стратегии; когда русский фронт был полностью открыт после краха старого государства в 1917 г., то это к неутешной скорби генерала Гофмана не было использовано. Гофман заявил в связи с этим следующее: «Во время войны 1914–1918 гг. мы, немцы, ... прошли по русской территории полпути до Москвы... Мы могли бы легко продвинуться к Москве и остаться там столько времени, сколько нам угодно». Как бы там ни было, история уберегла генерала Гофмана от судьбы его двух предшественников и не оставила его даже в Брест-Литовске.

Ныне русский фронт закрыт и забронирован на всем своем протяжении. Белоруссия, Северная Россия, Украина, Центральная Россия, каждая из этих частей Советского Союза сама по себе представляет неприступную могучую крепость. Какой же план составили германские генералы?

Линия русского фронта от Арктики до Черного моря, протяжением в 3200 км, распадается на пять стратегических зон или секторов, через которые можно повести наступление.

1. Крайняя северная, *карельская зона* — от Баренцева моря до Ладожского озера (лежащего против Финского залива), протяжением около 1 200 км. Это почти вся советская граница с Финляндией, проходящая в большом,

¹ Гласис — скат перед крепостным валом. — Прим. переводчика.

редко населенном лесистом районе Северной России; здесь мало крупных городов, почти нет важных отраслей промышленности, вместо всего этого — обширные пустынные пространства. Наступление в этом районе не нашло бы реальной базы и, главное, не имело бы ни политической, ни военной цели, если не считать, что оно могло бы перерезать Мурманскую железную дорогу, связывающую Ленинград и Центральную Россию с единственным незамерзающим портом на севере Советского Союза, что имело бы известное стратегическое значение. Этот большой район на Крайнем Севере с юга граничит с другим районом, от которого он отделяется Ладожским озером. Это —

2. *Балтийская зона*, тянущаяся в глубь материка от Финского залива до Западной Двины вдоль советских границ с Финляндией (южная часть), Эстонией и Латвией, около 550 км длиной, и представляющая собой *путь к Ленинграду*. В этом главное стратегическое значение этого сектора. Он ведет к великому бастиону советского государства на западной его окраине; к его первой революционной столице, городу Ленина, второму по важности политическому и культурному центру, существенной экономической позиции и единственному выходу к Балтийскому морю (морская база Кронштадт). Кроме того, путь к Ленинграду через этот сектор очень короток: это наследство «географии», доставшейся по гофмановскому договору в Брест-Литовске. Кратчайшее расстояние от Ленинграда до границы на северном побережье Финского залива составляет всего 35 километров. Отсюда идут важные железнодорожные пути в Москву и Белоруссию. Любая армия, начинающая наступление против Советского Союза из этой зоны — от советской границы с балтийскими лимитрофами, имеет шансы сразу попасть на территорию социалистического государства.

3. *Белорусская зона* — продолжение балтийской зоны от Двины до притоков реки Припяти, протяжением около 400 км, в середине всей пограничной полосы, охватывает северную часть границы Польши и Советского Союза. Здесь лежит *путь на Смоленск* — промежуточную станцию на военном пути Варшава — Москва и место первого привала Наполеона в 1812 г. Этот сектор, находящийся уже в непосредственной близости от театра военных действий первой польско-советской войны 1920 г., не только охватывает центральное звено Советского Союза на западе — очень важную с политической и национальной точки зрения Белорусскую советскую республику, на которую уже давно зарятся Пилсудский, Радзивилл и польские фашисты, но представляет также географически наиболее близкий подступ к Москве. Расстояние от польской границы до Смоленска достигает здесь 370 км, а до Москвы — 750 км. Но и, наоборот, наступление из России в Польшу также найдет здесь кратчайший прямой путь.

Это плотно населенная территория, с густой железнодорожной сетью; народы, живущие на этой территории, отличаются высоким уровнем национального и политического развития; здесь лежало главное направление наступления германской армии в войне 1914 и 1917 гг. Главным стратегическим препятствием к наступлению внутрь России служит здесь, как показал уже поход Наполеона, река Березина. На юге, за широкой полосой

трясин вокруг реки Припяти, недоступных для крупных войсковых операций, тянется.

4. *Украинская зона* (вплоть до Днестра), около 370 км в длину вдоль южной части польско-русской границы; в этой зоне пролегает *путь к Киеву*. Это — территория, хорошо известная в истории как предмет споров в течение столетий, была объектом военных воцелений феодальной Польши и за последние четыре года привлекает особое внимание Гитлера; прежде это был район обнищавших крестьян, угнетаемых русским самодержавием и обескровленных польскими магнатами, ныне это территория замечательной цветущей Украинской советской республики. В военном отношении этот сектор не только открывает путь к Киеву — национально-политическому центру международного значения (Киев находится в 300 км от границы), но и является также ключом к лежащему за Днепром большому, очень богатому зерновому району, «житнице» Советского Союза. В то же время этот сектор отделяет Красную Украину от ее естественного географического и национального продолжения — Западной Украины (Галиции), находящейся под властью Польши, где массовое недовольство крестьян служит постоянным предметом беспокойства варшавского правительства. Пилсудский в 1920 г. вел по этому пути свое наступление и при поддержке украинских белогвардейцев занял Киев, где ему удалось продержаться несколько недель до тех пор, пока контратака Красной армии не отбросила его назад — чуть ли не к воротам Львова (столица Галиции) и Варшавы — на севере. Наступление в киевском направлении вклинивается в Советский Союз с юга, отрезает Москву от важных источников продовольственного снабжения и угрожает коммуникациям между центром и Черным морем.

5. Крайняя южная *Черноморская зона*, тянувшаяся примерно на 480 км вдоль Днестра, последний сектор западной границы Советского Союза — это граница с Румынией. Отсюда идет дорога на Одессу — важнейший южный порт Советского Союза, который после захвата Бесарабии отстоит всего на 40 км от границы, и далее — вдоль побережья к *Донецкому бассейну*, крупнейшему центру каменноугольной и тяжелой промышленности. С тех пор, как ныне советский флот господствует на Черном море (в противоположность Балтийскому), эта зона представляет собой, помимо ее сельскохозяйственного и промышленного значения, мост, соединяющий СССР со странами Средиземного моря и Западной Европой; этот факт приобретает особое значение, если Ленинград окажется под угрозой блокады. Наступление в одесском направлении, в тылу черноморского флота, поставит под угрозу иностранное снабжение СССР с юга, прервет сообщения с турецкими друзьями СССР и, что особенно важно, в дальнейшем откроет возможность операций на суше и на море против *Кавказа*, который играет в планах фашистов и участников «крестового похода» весьма специфическую роль. Кавказ является центром советской нефтепромышленности и в то же время крупной приманкой для Великобритании.

Таковы пять путей для наступления на Советский Союз, пять каналов, ведущих во внутрь социалистического континента. Каждый из них равен, по меньшей мере, всей франко-бельгийской границе с Германией в

1914 г. Два из них ведут на Москву; это путь через Ленинград, протяжением около 640 км, и путь через Белоруссию и Смоленск, около 750 км. Расстояние от Парижа до германско-бельгийской границы составляло в 1914 г. 320 км. Какое из этих направлений выберет германский фашизм, армия великого крестового похода, для решающего удара против Красного фронта, для «генерального прорыва», который должен «пронзить» этот фронт, подобно фронту Франции в 1914 г., и подорвать самые корни Советского Союза при первом же ударе?

Это, в известном смысле, вопрос истории. Но ответ на него нетруден; не труднее, чем ответ на вопрос о направлении главного германского наступления против Жоффра в 1914 г.

Из пяти направлений для главного наступления, направление на крайнем севере и два на юге с самого начала отпадают. Ни в одной из этих зон германская армия — главная опора наступления — не сможет найти подходящую базу для немедленного развертывания сил и ни одна из них не имеет решающего стратегического и политического значения.

Наступление в Карельской зоне Северной России, между Ледовитым океаном и Финским заливом, естественно не подлежит обсуждению; это наступление пришлось бы начинать из пустынного озерного Финского района; при этом пришлось бы везти всю германскую армию через Балтийское море, чтобы подкрепить пять слабых финляндских дивизий; наконец, все это наступление привело бы только в огромную лесную зону, лишенную политических и военных центров.

Наступление в двух южных зонах — Украинской и Черноморской — отличается такими же трудностями; нужно совершить длительный переход еще до советской границы, прежде чем можно будет начать развертывание сил. Польская армия, которая стоит лицом к лицу с Украиной, не может, конечно, сама предпринять «сокрушительное» наступление против могущественной советской армии; похоже скорее на то, что она, соединившись с германской армией, сама подвергнется страшной атаке с первого же дня войны. Чтобы добраться до украинской границы, германская армия должна или совершить длинное и технически трудно осуществимое путешествие по железной дороге сквозь всю Южную Польшу (польские железные дороги не выдержат бремени этого транспорта уже через несколько дней), или она должна проделать вооруженный военный поход, в полном смысле этого слова, через Чехословакию, поход с боями против чехословацких войск и самолетов, с боями, которые, конечно, будут достаточно ощутимыми.

Германское нападение на Чехословакию должно произойти в этой войне при любых обстоятельствах, и, безусловно, при современном положении вещей оно представляет смертельную опасность для этой страны (к этой части стратегического «плана Гофмана» мы вернемся впоследствии). Но, разумеется, не нужно понимать это нападение как непосредственную составную часть генерального наступления на Советский Союз, проводимую одновременно с ним; это маловероятно, по крайней мере до тех пор, пока Австрия и Балканы еще не находятся в руках национал-социалистов. Даже если германской армии, вступившей в Богемию, удастся «разгромить» Че-

хословакию и при поддержке дунайских фашистов расчистить дальнейший путь на восток, эта победа придет, во всяком случае, слишком поздно для того, чтобы с той же армией предпринять большое неожиданное наступление на Советский Союз. Время для такого неожиданного вторжения, которое только и может в условиях современной стратегии рассчитывать на успех, давным-давно будет упущено, и великая армия Советов, естественно, не позволит своему противнику диктовать ей стратегию. Может легко случиться, что в тот самый момент, когда германская армия, совершая победоносный марш с севера, достигнет польско-украинской границы, она не найдет там больше польской армии — своего главного союзника!

Это положение слишком очевидно для того, чтобы в настоящий момент допустить возможность перенесения германского *главного* наступления, нового «шлиффеновского удара» против Москвы, к югу — на Днепр; и здесь-то как раз и ошибается мистер Сайдтботэм («Скрутейтор»), который, обсуждая в «Sunday Times» другие проблемы, замечает: «Не нужно иметь большое воображение, чтобы представить себе план германской кампании, которая, начавшись соединением с Австрией и Венгрией, сначала расправится с Чехословакией и ... которая прорвется на Украину, по направлению к Черному морю»¹.

Возможно и несомненно правдоподобно, что Германия и все фашистские группы на Дунае немедленно пошлют всякого рода *подкрепления*, войска и материалы польской армии на украинском фронте для усиления ее позиции в борьбе с Красной армией; они постараются сделать это *своевременно*, после того как дунайская зона будет завоевана национал-социалистами и фашистами и когда произойдет объединение всех этих сил; тогда сможет быть предпринята новая попытка большого наступления на Киев. Это вторая часть германского стратегического «перспективного» плана, к которому мы еще вернемся. Но основной первоначальный удар на Москву не будет и не может быть предпринят здесь, в южной зоне.

То же самое и еще в большей степени относится, конечно, к черноморской зоне, советской границе с Румынией (Днестр и Одесса), так как переход туда германской армии был бы еще более продолжительным и так как Румыния сегодня все еще является партнером Чехословакии в Малой Антанте и еще продолжает существовать советско-румынский пакт о ненападении. Необходимость «разгрома» также и Румынии, повторения того, что Макензен сделал в 1916 г., не облегчает германской задачи, а присутствие неподалеку могущественного советского флота в Черном море и турецких друзей СССР дает возможность германскому генеральному штабу использовать этот путь лишь во вторую очередь.

Германский штаб должен искать путь, который позволил бы произвести немедленное развертывание собственно германских сил с максимальной легкостью и быстротой, путь, который обладал бы наиболее надежной базой в тылу и вел бы к наиболее уязвимому и центральному жизненному нерву Советского Союза и советской армии.

¹ «Sunday Times», 3 июня 1934 г.

Ясно, что из двух оставшихся путей — второй, т. е. белорусская зона с Минском, Могилевом и Смоленском, также не удовлетворяет этим требованиям. Это, конечно, кратчайший стратегический путь Варшава — Москва, но он не лучший из путей Берлин — Москва. Расстояние до советского фронта для германских развернутых военных сил на этом пути действительно меньше, потому что германская армия, вместо того чтобы пересекать всю Польшу, может здесь прямо выйти из Восточной Пруссии через Литву к польско-советской границе (через Ковно — Вильно — около 320 км). Но этот путь развертывания военных сил не особенно благоприятен в политическом смысле — Литва является явным национальным врагом Германии и Польши, а белорусские крестьяне польских пограничных провинций не будут особенно гостеприимны; однако и в стратегическом отношении эта позиция не является лучшей для наступления.

Здесь, в центральном секторе своей линии фронта советская армия полностью располагает огромной глубиной хинтерланда, что чрезвычайно важно для крупных военных операций и, главным образом, для их начала (мобилизация, развертывание фронта, перегруппировка). Относительная близость московского центра и его организованного снабжения, густота железнодорожной сети, центральное положение по отношению ко всем остальным районам СССР с их территориальными войсками придают тылу советской армии особенную силу именно в этом месте; ведь и в самом деле именно отсюда красные дивизии начали в 1920 г. свое мощное напористое наступление на Пилсудского (потерпевшее неудачу по другим причинам). Этому пути, ведущего непосредственно не только к Москве, но также и к Варшаве, не зря боялась Польша на всем протяжении истории. Правда, этим путем в 1812 г. прошел Наполеон, но ведь Березина была также началом конца его военной карьеры.

Но самое главное состоит в следующем: вторжение по белорусскому направлению не ведет к политически или экономически *жизненным центрам* Советского Союза, которые находились бы в непосредственной близости от линии фронта. Здесь отсутствует первая цель современного сокрушительного «молниеносного наступления». Такое наступление должно как можно быстрее, после успешного прорыва, достичь одного из жизненных нервов врага, чтобы не растратить своих сил преждевременно (как это было с Людендорфом после его прорывов во Франции в 1918 г.). Если это не удастся, если не удастся повалить противника после первого же удара, то все преимущества прорыва теряются ввиду новой вражеской линии обороны и создается обратное положение: истощение, а быть может, и полное поражение «прорвавшейся» армии, становящейся в этом случае легкой добычей для контратаки противника. На белорусском секторе или позади него нет жизненных центров Советского Союза: ни Минск, ни Могилев, ни даже Смоленск, который лежит, в конце концов, на расстоянии 370 км от границы, по сравнению, например, с расстоянием в 320 км от Германии до Парижа, не являются в конечном счете такими центрами ни в политическом, ни в военном, ни в экономическом отношении.

Если даже затем германской армии и удастся сюда пробиться, то ей не

удастся воспользоваться своими успехами; «пробежать» беспрепятственно 750 км до Москвы — это чепуха, в это мог верить в минуты экзальтации только бедный генерал Гофман. После дневного перехода от пункта прорыва германская армия снова встретит миллионы советских бойцов и мощные укрепления, не заняв ни одной действительно эффективной базы.

Нет, гитлеровский генеральный штаб должен поискать другое место для своего «шлиффеновского удара» против социалистического государства. Остается только одна возможность. И это место, этот путь, со всех упомянутых выше точек зрения и по всем соображениям, представляется не только прекрасно подходящим для этой цели, но словно специально для нее созданным, именно здесь для этого расположенным: *это путь на Ленинград.*

Штурм Ленинграда, первой крепости большевистской революции, это квинтэссенция и венец германского нового стратегического плана на востоке; многое происходящее уже сегодня находит в этом свое объяснение.

* * *

Какое значение имеет Ленинград для германского наступления на востоке?

Стратегически он кажется идеальной оперативной целью. На всей советской территории Ленинград — это пункт, выдвинутый дальше всего, пункт, до которого можно, следовательно, быстрее всего добраться. Расстояние от него до границы на юге (граница с Эстонией) равняется 120 км, на севере (граница с Финляндией) — 35 км, а ширина северного фронта, вклинивающегося между Финским заливом и Ладожским озером, составляет 59 км. Итак, здесь-то и находятся действительные *ворота*, ведущие в Ленинград.

Но это не единственные ворота.

С запада к Ленинграду непосредственно подходит третья граница — это Финский залив. Город защищен морской крепостью — Кронштадтом — лежащей на острове Котлин, расположенном перед Ленинградом. Финский залив принадлежит тому, кто господствует на Балтийском море. Таким образом, обладатель морского превосходства находится с этой стороны не более чем в 48 км от Ленинграда (расстояние Кронштадт — Ленинград). Такая стратегическая ситуация: 120 км, 35 км, 48 км — с трех сторон.

Для Германии это важно с двух точек зрения. Ей нужна, прежде всего, мощная непосредственная *морская база* для нападения на советские позиции. Как мы видели, непосредственной базы для развертывания военных действий германским силам на всех прочих путях как раз не хватало, везде германской армии пришлось бы проделать длинный, трудный и весьма сомнительный переход по чужой территории с враждебным населением и неразвитым железнодорожным сообщением. Между тем Балтийское море превратилось для нового германского военно-морского флота почти в германское внутреннее море, стало для германской армии как бы внутренним путем, ведущим прямо к жизненному центру Советского Союза!

Это обстоятельство имеет чрезвычайно большое значение. Оно сразу прекращает всякую полемику на тему о том, что «Германия не имеет границ с Советами». Балтийское море — это новая Бельгия Востока. Германский флот не только может сам по себе предпринять с Финского залива лобовую атаку на Кронштадт и блокировать Ленинград, но с помощью флота может быть также создана вторая база для развертывания германских сил в этом секторе, т. е. может быть в чрезвычайной степени укреплена и сделана почти неприступной *сухопутная база*.

Ленинградская зона, и только она одна, как будто, может быть достигнута германскими войсками по суше без труда и сравнительно быстро. Маршрут через балтийские страны, начинающийся поблизости от Мемеля, — наиболее благоприятный для германской армии на востоке; к тому же он не нов для Германии. В 1918 г. германская армия генерала Гофмана была в Ковно, Риге, Ревеле (Таллин) и Финляндии; в 1919 г., после Брест-Литовска, балтийская дивизия под командованием подчиненного Гофману генерала графа фон дер Гольца вступила на советскую территорию вместе с русскими белогвардейцами возле Пскова и непосредственно к югу от предместий Ленинграда.

Политически современная Балтика — четыре ее слабых окраинных государства, неспособных к сопротивлению — является творением Брест-Литовска, т. е., иначе говоря, снова генерала Гофмана. Германско-балтийские группы населения этих окраинных государств, остатки бывшей правящей феодальной касты, рассеянные по всей их территории, представляют естественную поддержку для германской армии, идущей из Восточной Пруссии к Финскому заливу. Балтийский фашизм, порожденный Германией и организованный ею, одушевленный только идеей новой объединенной войны против СССР, расчистит — если он не сделает этого еще заранее — дорогу наступающим германским войскам, пропустит их через свои страны; вот в чем назначение балтийского фашизма.

При этих обстоятельствах маршрут Кенигсберг — Мемель — Рига — Ревель (Таллин) может, пожалуй, стать (если не говорить о сопротивлении рабочего класса и прогрессивных элементов в балтийских странах) «прогулкой» германских экспедиционных сил. Но даже если наступающая армия встретит сопротивление и три правительства Балтийской Антанты, чтобы спасти независимость своих стран, противопоставят германскому «молоту» девять своих слабых дивизий, то этому молоту вряд ли придется ударить; ведь одного предупредительного выстрела с германских дредноутов в портах Мемеля, Риги и Ревеля (Таллин) будет достаточно, чтобы добиться от буржуазных правительств абсолютного, немного повиновения Германии. Германский балтийский флот со своей морской артиллерией может покорить три прибалтийских государства в течение нескольких часов; четвертая — страна Маннергейма и Хакселя — уже является союзницей Германии.

Одновременно с этим балтийский флот может участвовать в перевозке войск через Балтийское море, а главное, он может также наиболее удобным путем перевезти на фронт все громадные массы тяжелых технических

военных материалов, без которых немыслимо современное наступление: артиллерию, танки, транспортные материалы, снаряжение, продовольственные запасы. Германский торговый флот, с тоннажем в 4,5 млн. т (по сравнению с 5,5 млн. т до войны), снова является сегодня третьим в мире после Великобритании и США; под защитой военного флота этот торговый флот может идеально выполнить такую задачу. Он может сконцентрировать для наступления огромные массы технических военных средств на сухопутных подступах к Ленинграду: ни одна из железных дорог на востоке не может обеспечить этого. Это чрезвычайно важно; в современной войне это решает.

Германская морская база и германская сухопутная база дополняют одна другую и вместе образуют действительно мощную исходную позицию; неблагоприятное стратегическое расположение Ленинграда само по себе как бы помогает этому. Если проводить параллели, то положение Ленинграда таково, каково было бы положение Лондона при наступлении через Ла Манш, если бы вдобавок через канал имелся еще и сухопутный путь, а в Атлантическом океане вместо английского господствовал бы неприятельский флот. Это положение очень напоминает мышеловку. Стратегически, следовательно, это как раз подходящий путь для германского наступления на востоке.

Политически это также не менее удобный объект. Ленинград — это важнейший политический и культурный (если уже не экономический) центр Советского Союза после Москвы; это гнездо революции, ее родина; социалистический советский народ и народы других стран считают его жизненным нервом чуть ли не всей советской системы. Отсюда следуют два вывода. Взятие Ленинграда нанесет (согласно германским расчетам) сильный, быть может, смертельный удар моральной устойчивости социалистического народа и его воле к победе; нанесет удар по всему фронту советских масс, вселит в них панику и неуверенность. И та же победа, благодаря ее моральному эффекту, возымеет свое действие и на другой лагерь: она пробудит и мобилизует русскую *контрреволюцию* — свергнутый класс буржуазии и кулаков, который, по мнению фашистских стратегов, еще жив.

«Ленинград взят Гитлером!» Это означало бы немедленное провозглашение вслед за этим, что в Ленинграде установлено «новое русское фашистское правительство». Действительно, совершенно ясно, что первым актом победоносной германской армии после занятия Ленинграда было бы провозглашение «нового национального русского правительства». Такое правительство представляло бы собой лишь разновидность колониальной администрации, набранной из последних выживших подонков безработных русских белогвардейцев; практической задачей его была бы организация с помощью германских войск (а также и бомбардировщиков) нового фашистского государства, провозглашенного в старой столице!

Таковы были когда-то намерения генерала Гофмана, который в своем первоначальном плане ратовал за установление «монархистского правительства» в захваченной Москве (быть может, во главе с германским принцем, по образцу того, как Польша в 1606 г. возвела на русский престол Владислава). Такую попытку сделала в 1919 г. другая держава, которая тогда

точно так же вдохновляла наступление на Ленинград; она выслала против Кронштадта крейсер (он взорвал русский пароход) и без промедления образовала «национальное русское правительство» для Ленинграда; это было сделано даже еще до того, как были взяты городские предместья, а они вообще не были взяты. Это правительство имело всего лишь один курьезный недостаток: в него в качестве министров входили только бывшие русские владельцы и акционеры нефтяных вышек Баку и Грозного, и никто больше; у этого правительства не было даже шофера, а оно называлось национальным правительством¹. Германский фашизм имеет наготове свои русские колониальные кадры в гораздо большем выборе; это русский отряд в составе восточной фашистской лиги.

Согласно расчетам германского фашизма взятие Ленинграда — это лучший исходный импульс, лучшая воспламеняющая искра для того, чтобы вызвать одновременно с внешним военным ударом против Советского Союза внутренний, политический *распад* в его тылу. В этом заключается одна из самых главных идей всего германского плана. Фашистские стратеги думают, что эта перспектива, возможно, избавит их от дальнейшего длительного похода на Москву (это едва ли мыслимо даже после взятия Ленинграда, что само по себе задача почти невыполнимая) или, во всяком случае, облегчит и упростит его до чрезвычайности. Главное, — это прежде всего, взять штурмом жизненный политический центр социализма. А Ленинград — именно такой центр.

На этой основной идее зиждется вся стратегическая диспозиция войны на востоке, так же как в свое время кампания 1914 г. основывалась на наступлении правого фланга Клука через Бельгию на Париж. «Восточный» шлиффеновский удар также должен быть нанесен на севере. Ведущую роль должен сыграть именно левый фланг фашистского крестового похода, фронт которого должен растянуться от Ледовитого океана до Черного моря. Генеральное наступление на Ленинград — это решающая операция против Москвы. Из этого исходит план всей остальной кампании.

Тактика на всех других фронтах и секторах советской территории неизбежно должна в первое время быть по существу оборонительной. На этих секторах, где будут развертывать свои силы не германская армия, но ее национальные фашистские союзники, придется удерживать фронт против превосходящих советских сил, чтобы предотвратить возможное наступление последних.

В центре, в белорусской зоне, польской армии придется всеми средствами сдерживать возможное наступление красных сил в направлении Брест-Литовск — Варшава; такое наступление, как в 1920 г., включает в себе опасность польской революции и может также ударить в тыл германской армии на Балтике; польская армия должна будет удерживать свои позиции до тех пор, пока успешная операция германской армии против Ленинграда и Пскова радикально не изменит ситуацию и позволит также и польской армии в свою очередь перейти в наступление. Если советский

¹ Правительство Лианозова.

фронт в Балтийской зоне от Ленинграда до Пскова и далее к Полоцку будет прорван, а важный железнодорожный путь Ленинград — Орша с отвлением Новосокольники — Великие Луки — Невель окажется под угрозой, то положение советской армии дальше к югу, в Белоруссии также усложнится; в этом случае польское наступление к Смоленску облегчится, потому что для польской армии появится возможность встречи и соединения с наступающими германскими войсками несколько севернее, в районе вокруг Витебска. Это тактика, сходная с той, которая была избрана в войне 1914—1918 гг. при операциях германской армии с австрийскими войсками, а также и другими более слабыми союзниками Германии.

На крайнем севере, выше Ладожского озера (*Карельская зона*), финляндская армия должна как можно лучше выполнить прорыв, имеющий целью перерезать Мурманскую железную дорогу и новый канал им. Сталина (ведущий от Белого моря до Онежского озера) в направлении Петрозаводска или дальше к северу (около 120 км от финляндской границы); после того как Ленинград будет окружен, такой прорыв стал бы проще даже для сравнительно слабых сил; в свою очередь, отрезав сообщение с портами на Ледовитом океане, он увеличил бы эффективность блокады Ленинграда. Во всяком случае, две второстепенных армии — польская в Белоруссии и финляндская в Карелии — имеют задачу только поддерживать операции центральной группы на левом крыле, т. е. германской ленинградской армии.

Какую задачу германский оперативный план возлагает на *правое крыло*, на юге, растянутое по фронту на 850 км между Украиной и Черным морем? И здесь, так же как в Белоруссии, польская армия, поскольку ей придется рассчитывать лишь на собственные силы, сможет, в основном, только обороняться против превосходящей ее во много раз советской армии и стараться всеми силами удержать фронт.

В связи с существующим соотношением сил было бы ошибочно ожидать в этот начальный период другой тактики, например, немедленного польского генерального наступления по направлению к Днепру (кроме диверсий). Но эта оборона должна стать только прелюдией к наступлению, которое должно начаться и здесь, на южном правом крыле, как только для него созреют условия; этими условиями являются *формирование* на Дунае и поход вниз по Дунаю *второй фашистской армии* против Советского Союза, составленной из всех национал-социалистских союзников в Юго-Восточной Европе; они уже теперь работают на Гитлера политически, а когда война вспыхнет, то они начнут немедленно помогать ему и в военном отношении. Коротко говоря: это армия «юго-восточной фашистской лиги».

В тот момент, когда разразится война и когда германские дивизии из Саксонии и Баварии (главнокомандующий генерал фон Бок, приятель кронпринца) пересекут чешскую и австрийскую границу, почти автоматически произойдет следующее: австрийские национал-социалисты восстанут в Вене, в Штейрмарке и Тироле. Богемские национал-социалисты из гейнлейновского «Отечественного фронта» восстанут в Северной Чехословакии и двинутся на Прагу, которую с другой стороны, с юга, будут атаковать дру-

жественные Германии венгерские дивизии Хорти. Румынские фашисты выступают в Бухаресте и при поддержке некоторых дворцовых и военных кругов потребуют присоединения к новой, реакционной дунайской Антанте. Самолеты с аэродромов Дрездена и Будапешта ускорят этот процесс.

А с военной точки зрения все это вместе означает не что иное, как *воссоздание в новой форме прежней австро-венгерской армии*, снова выступающей в союзе с Германией и снова действующей в пользу Германии в южном секторе Европы. И тогда (только тогда!) эта армия, словно возникшая из пепла 1918 г. после Сен-Жермена и Трианона, отправится в поход: туда, где она стояла перед 1914—1918 гг., чтобы начать наступление на Украину. Так просто, если перевести происходящее на военный язык, может быть даже сегодня в основном объяснена вся кажущаяся путаница, царящая в дунайской зоне. Эта возродившаяся армия маршала Конрада фон Гетцендорфа¹, который на этот раз стал бы только одним из подчиненных Гитлера (а Гетцендорф им не был), снова попытается штурмовать Киев: чтобы занять великую украинскую зерновую зону, парализовать действия советского черноморского флота, создать правительство сепаратистского украинского фашизма (как в Ленинграде), поставить под угрозу русский угольный центр в Донбассе и нефтяной центр на Кавказе; все это для того, чтобы также и с юга вбить клин в Советский Союз, уже атакованный с севера!

Таков план действий правого крыла крестового похода. А так как эта армия, в отличие от 1914—1918 гг., должна быть подкреплена польскими силами в количестве от 25 до 30 дивизий (все польские военные силы насчитывают от 50 до 60 дивизий, остальные должны находиться в Белоруссии), то она надеется, что это наступление будет более сильным, чем когда-либо. Если оно не увенчается успехом, то положение, конечно, радикально изменится и перспектива фашистского триумфального марша на Киев превратится в перспективу народного социалистического и национально-освободительного восстания на Дунае против войны. Если, однако, это наступление окажется успешным, то во фланги советской державы, Ленинград и Киев, будут направлены два клина для того, чтобы пронзить сердце этой державы — Москву.

Так, постепенно отчетливо вырисовываются главные военные контуры этого «неонаполеоновского» плана, который ставит своей целью уничтожить страну, располагающую 175 миллионами социалистического населения и занимающую территорию в 21 млн. кв. км. Это план двух операций большого масштаба, двух больших фашистских кампаний от линии Висла — Дунай до линии Двина — Днепр: первого решающего, наиболее интенсивного, энергичного наступления на левом крыле на севере, опирающегося на Балтийское море; второго последующего наступления на правом крыле на юге, направленного к Черному морю, и комбинированных уравнивающих операций в центре.

¹ Главнокомандующий бывшей армии Австро-Венгерской империи в мировой войне.

Эта диспозиция лишь слабо напоминает сходный план 1812 г., предусматривавший второстепенный марш левого крыла «Великой армии» (маршал Макдональд и прусский корпус) на Балтику, второстепенный марш правого крыла (князь Шварценберг и австрийский корпус) на Южную Россию и главную операцию под руководством самого Наполеона и с французскими силами в центре на Варшаву, Смоленск и Москву. Но стратегический план «великой армии» 193(..?) не случайность, не произвольная комбинация, изобретенная каким-нибудь военным теоретиком в германском военном министерстве. Он соответствует сегодня планам и диспозициям умирающего европейского капитализма. Этот план, состоящий из двух операций, соответствует, с одной стороны, экономической и политической динамике германского империализма (являющегося центральной движущей силой), а с другой стороны, расстановке фашистских сил в Европе.

Однако в то же время он основан на роковой ошибке: на решающей неправильной оценке военных сил Советского Союза, на смешении его чисто географической стратегической карты с его подлинной военной и политической мощью. Этому посвящены заключительные главы книги.

Между тем, однако, план наступления на Ленинград и Киев становится все более и более конкретным. Многие неизбежно его сопровождающие последствия, имеющие резко выраженное международное значение, например, принудительное открытие Балтийского моря (для германского флота и для операций против Ленинграда) и принудительное закрытие Черного моря (для изоляции советского флота и для наступления на Украину и Кавказ), будут нами также рассмотрены ниже, при описании современных германских конкретных приготовлений в соответствии с этим планом.

Конечной целью обеих операций и на севере и на юге остается естественно Москва. Если занят Ленинград, то дальнейший прямой путь в Москву будет, как это предполагается по плану, пролегать вдоль Октябрьской (бывшей Николаевской) железной дороги на расстоянии, примерно, в 640 км, не прерываемый ни большой рекой, ни каким-либо другим естественным препятствием. Германская армия, выйдя из Ленинграда, должна пройти сначала 300 км по направлению к Бологому, находящемуся на полпути к Москве, и открыть совместные действия с польской армией, которая тем временем (после предполагаемого отступления Красной армии на севере) достигнет Смоленска; таким образом, с востока Москва попадает в вилку на сравнительно небольшом расстоянии (примерно 320 км).

Это, однако, только часть второй фазы всего плана, третьей фазой которого должно стать вступление Гитлера в Кремль на белом коне. Мы не намереваемся здесь заходить так далеко в анализе современной германской стратегии и всего этого крестоносного мистицизма. Наступление на Ленинград и Киев — самостоятельные и во всяком случае совершенно назревшие проблемы. Практическая подготовка к этим двум операциям уже далеко зашла и не прекращается ни на минуту.

Рассмотрим эту подготовку и перспективы фашистского крестового похода.

Глава IX. Образование двух фашистских армий на континенте и будущее Запада

Германский стратегический план «против Востока» предусматривает проведение кампании против Москвы двумя армиями: Северной фашистской армией и Южной фашистской армией. Каждая из этих армий имеет четко определенную оперативную задачу. Каждая имеет свой исходный пункт, свой район формирования и свой маршрут; каждая после формирования будет насчитывать миллионы людей и возрастет еще на миллионы в процессе развертывания сил. Эти армии будут воевать против СССР. Но что означает эта перспектива в ее более широком аспекте?

Две армии таких размеров и предназначенные для такой цели, которые должны формироваться в одной части континента и пройти сквозь другую, это не пустяк для современного мира и его истории; не пустяк ни их путешествие к этой цели, ни их возвращение оттуда. Каковы перспективы? Чтобы их выяснить, надо, насколько это возможно, со скрупулезной тщательностью проследить будущие действия двух фашистских армий и исследовать все стадии их будущего марша через континент со всеми его неизбежными последствиями. Только тогда можно будет составить реальную картину того, что в действительности означает «экспедиция против Востока»: поход Гитлера на восток и его возвращение.

Общая схема гитлеровского крестового похода ясна. В идеальном виде она представляется следующей:

- 1) *Поход Северной фашистской армии* (операция против Ленинграда):
 - а) Наступление на Ленинград с моря (захват Балтики, морская атака Кронштадта).
 - б) Воздушная атака на Ленинград.
 - в) Сухопутная атака на Ленинград (Балтийский марш).
- 2) *Поход Южной фашистской армии* (операция против Киева).
 - а) Оккупация Австрии.
 - б) Уничтожение Чехословакии (соединение с венгерской армией).
 - в) Поход через Румынию.
 - г) Угроза Дарданеллам (действия против Турции).
 - д) Вступление на территорию Украины (соединение с польской армией).

К этой диспозиции, к этим восьми различным военным операциям, сводятся, в конечном счете, все речи Гитлера, Розенберга и Геринга, весь «мистицизм крестового похода», вся повседневная практика современной германской политики, а также и вся программа «избавления» мирового фашизма. По сравнению с этим планом все замыслы Бисмарка и Вильгельма II кажутся седой стариной. Это всего лишь восемь сухих пунктов (неотделимых один от другого), наиболее концентрированное выражение политики в стратегических формулах, но вместе они составляют архимедов рычаг, посредством которого фашистский цезарь Гитлер собирается перевернуть либеральный и социалистический мир. Переходим к техническому анализу всего этого плана.

Операция против Ленинграда

Наступление с моря

Наступление с моря является основой всего оперативного плана Северной фашистской армии. Специфическая особенность современной германской стратегической позиции заключается в том, что Балтийское море является единственным сектором всей военно-географической периферии Германии, где она уже обладает абсолютным (и прогрессивно возрастающим) военным превосходством.

Наступление с моря должно образовать стержень операции, направленной на красную крепость; атака с воздуха и наступление на суше составляют две другие стороны этой операции. Именно захват вод Балтийского моря доставит, прежде всего, пространство для атаки, для расположения сухопутной армии и сети аэродромов. Для этой цели на Балтийском море должна быть установлена абсолютная гегемония Германии, такая же, какую Англия имеет или имела в Атлантическом океане, в Средиземном море и Индийском океане.

Непосредственными объектами для нападения являются Кронштадт, морская крепость Советов в Финском заливе, и Ленинградский порт. Косвенным объектом являются берега Балтийского моря, которые должны предоставить Германии военно-морские и авиационные базы и пространство для развертывания армии. Взятие Кронштадта будет означать, что ленинградский фронт Советов прорван в самом чувствительном месте. Если Кронштадт вместе с советским флотом будет только отрезан и блокирован, то военная и политическая диктатура Германии над Скандинавским полуостровом и Балтикой будет обеспечена. При этом откроется путь для наступления на Ленинград по суше и с воздуха; кроме того, появится возможность и экономической блокады Советского Союза с этой стороны, подобно блокаде Германии с Северного моря в великой войне.

Первая непосредственная цель, взятие Кронштадта, представляет собой с точки зрения военной вещь почти невероятную¹. Эта крепость на острове лежит в восточной узкой части Финского залива между несудоходной северной ее стороной и сильно укрепленным южным берегом; она сооружена Петром Великим и является русским Гибралтаром, о который разбивался уже не один могучий флот. Восемьдесят лет назад, во время Крымской войны (1854 г.), эта крепость была выбрана целью атаки объединенной эскадрой англо-французского флота (в то время это звучало как синоним всей мировой морской мощи), и эскадра ушла обратно, не осмелившись атаковать. С того времени, также и при советском режиме, кронштадтские укрепления непрестанно усиливались. Очень узкий канал между южной частью острова и песчаными отмелями побережья находится под угрозой двойного обстрела орудий крепости и прибрежных батарей Ораниенбаума.

¹ Мы ставим здесь этот вопрос только потому, что его в своих планах ставят германские фашисты. Реальное, объективное соотношение сил мы исследуем в последних главах.

Кронштадт неприступен; особенно с того времени как в его тылу (этим-то он и отличается от Гибралтара) сконцентрированы сухопутные и воздушные силы. Но несмотря на это, новое германское адмиралтейство готовится любой ценой совершить свое большое наступление. Оно готовится к нему потому, что это адмиралтейство, подобно новому штабу армии Бломберга, Рейхенау и Бока, подобно штабу воздушных сил Геринга, Уде и Мильха, не может более основываться на нормальной, рациональной стратегии, ибо оно порождено фашистским планом Гофмана.

Более того, люди в этом адмиралтействе — главнокомандующий морскими силами адмирал Редер; глава балтийского флота адмирал Ферстер; глава флота на Северном море адмирал Шульце; гитлеровский «морской советник» адмирал Шустер, — все эти люди, как и командный состав воздушного флота, были особенно рьяными, полными энтузиазма защитниками нового плана; те и другие помогли сломить сопротивление офицеров сухопутной армии из ортодоксальной школы Секта-Шлейхера.

Эти наследники Тирпица, имевшие дело, главным образом, с подводными лодками, а не с дредноутами (подводная лодка — это такое же сверх-агрессивное новое оружие, каким является и самолет)¹, долго чувствовали себя обиженными судьбой и последней мировой войной. Они считали себя подлинными жертвами старой морской тактики Вильгельма II, Гинденбурга и Людендорфа, которые во время войны 1914 — 1918 гг. держали великий германский морской флот запертым в гаванях, удерживая его от всякого серьезного выступления; они выпустили его из своих рук лишь позже, чтобы по Версальскому договору отправить его прямо на дно Скапа Флоу.

Эта тактика была не только методом Шера и Тирпица; это была также и тактика Джеликко (английского адмирала) и всей господствовавшей до сих пор школы военно-морской стратегии, которая воздерживалась от прямого генерального наступления, ради косвенного господства над морскими путями (сохраняя невредимым флот); эта школа никогда не штурмовала крепостей, но разрешала действовать, в сущности, только миноносцам и подводным лодкам. Новый германский военно-морской штаб, как подлинное создание и представитель гофмановской школы, военной доктрины фашизма, хочет раз и навсегда разделаться с этой пассивной военно-морской тактикой. То, что не удалось против Англии — победоносная атака с моря, должно удастся против нового противника — Советского Союза, с его сравнительно слабым флотом и на наиболее благоприятном для Германии военно-морском театре — на Балтийском, а не на Северном море.

Лозунг Тирпица «Боже, покарай Англию!» («Gott strafe England!») на время демонстративно уступает место новому лозунгу: «Неовикинги на Балтике!» Подобно воздушным генералам, фашистские адмиралы чувствуют себя центральными фигурами германской новой стратегии и новой войны. И, следовательно, они готовы рискнуть всем и бросить что угодно на

¹ Теперешний командующий флотом на Северном море, адмирал Отто Шульце, является бывшим командиром хорошо известной германской подводной лодки «U-63», потопившей во время войны британский крейсер «Фальмут».

чашу весов для реализации этого безрассудного проекта: генерального наступления на Балтике для оккупации берегов и захвата Кронштадта.

Это предполагает две подготовительных операции: создание обладающего количественным и качественным превосходством *Балтийского флота* как главного орудия наступления и контроль над *балтийскими военно-морскими базами* как позициями для наступления.

Балтийское море со времен мировой войны до очень недавнего времени было со стратегической точки зрения ничьим, так как в нем почти совсем не было современных крупных военных кораблей; если там внезапно окажется мощный современный флот, равный, например, британской отечественной или средиземноморской эскадре, то такой флот на этом море образует непобедимую армаду. Если новый германский военный флот сможет достигнуть, хотя бы приблизительно, размеров британской отечественной или средиземноморской эскадры, то его концентрация на Балтийском море, непосредственно или через Кильский канал, будет достаточна для решения этой части проблемы.

Такова цель новой германской военно-морской программы, основанной на соотношении 35:100 с Англией по морскому соглашению в июле 1935 г. 9 броненосцев с общим тоннажем в 184 тыс. т против 15, которые имеет теперь Англия; 5 тяжелых крейсеров (52 тыс. т); 10 легких крейсеров (68 тыс. т); 39 эскадренных миноносцев (53 тыс. т); 3-4 авианосца; 60-70 подводных лодок, в общей сложности 450 тыс. т по сравнению с 1200 тыс. т у Англии; это флот, который фактически не только равняется британскому флоту во внутренних водах или всему французскому военному флоту (510 тыс. т); это флот, который будет построен (судостроительные фирмы Германии могут строить по 100 тыс. т в год) и на деле будет сильнее их.

Количество (тоннаж) примерно одно и то же, но качество опрокидывает эти пропорции. Каждая тонна германского флота 1936, 1937 и 1938 гг. будет в среднем по конструкции, вооружению, скорости, силе сопротивления и общей боевой ценности выше тонны английского или французского флотов, кораблей, в значительной мере являющихся наследием первых послевоенных лет или даже оставшихся с дней войны.

Новые германские линейные корабли по 26 тыс. т, вооруженные 12 тяжелыми 11-дюймовыми орудиями, а кроме того 6-дюймовыми, развивающие скорость более чем в 30 узлов¹, уступают британским «Гуд», «Нельсон» и «Родней», водоизмещением в 41 тыс. и 35 тыс. т, вооруженных 16-дюймовыми орудиями, которые могут выбить из Средиземного моря весь итальянский флот. Но они сильнее британских боевых кораблей тех же размеров; а завтра Германия сможет, если захочет, строить гиганты типа «Гуда» в рамках своей программы².

Германские «крейсера» типа «Дойчланд», выстроенные за последние

¹ 1 узел (английская морская миля в час) равен 1,853 км в час. — *Прим. переводчика.*

² В ноябре 1936 г. начинается строительство боевого корабля, водоизмещение в 35 тыс. т.

несколько лет, хотя и являются крейсерами по водоизмещению (10 тыс. т), но по своей реальной концентрированной мощи — это линейные корабли: они имеют на вооружении шесть 11-дюймовых орудий и восемь 6-дюймовых орудий (на обычных крейсерах от восьми до десяти 8-дюймовых орудий), их скорость составляет 28 узлов, а радиус действия — 19 тыс. км; они могут покрыть расстояние от Гамбурга до Шанхая, не пополняя запаса топлива. Строительство такого германского крейсера обходится в 7500 марок за тонну по сравнению с 2 тыс. марок за тонну при строительстве старых германских крейсеров, строившихся во время войны; британские соответствующие им по тоннажу военные корабли (10 тыс. т) по сравнению с ними являются слабыми судами.

Германские легкие крейсера (6 тыс. т, орудия калибром до 6,2 дюймов) несравненно более мощны и быстроходны, чем старые английские корабли этого типа, которые до сих пор составляют половину всей британской мощности по крейсерам, но они также сильнее британских крейсеров нового типа («Аретуза»).

Новые германские миноносцы по тоннажу примерно на 300 т превышают английские, имеют орудия большего калибра (5,08 дюйма) и приближаются скорее к кораблям французского рекордного типа «Террибль», которые развивают скорость до 45¹/₂ узлов!

Германские подводные лодки, хотя в среднем поразительно малы по размерам (мы увидим впоследствии почему), но благодаря своей сверхсовременной конструкции (особенно легкая управляемость, быстрое погружение под воду, одновременное действие нескольких минных аппаратов и т. д.) и своей особой приспособленности к некоторым водам представляют собой замечательное оружие. Именно «карманные подводные лодки» по 260 т каждая благодаря своей подвижности и неуловимости действовали наиболее успешно среди тех 800 германских подлодок, которые потопили во время мировой войны 5 400 иностранных судов общим тоннажем в 11 200 тыс. т!

Теми же качествами обладают и молниеносные германские торпедные катера (которые производятся сотнями); это небольшие военные корабли по 60 футов¹ в длину, оборудованные только двумя минными аппаратами, на корме и на носу, и двигателем посреди корабля, едва видимые над водой и развивающие необычайную скорость — в 40, 45 и даже 60 узлов.

Такое качество германского флота резко повышает его номинальное количество; официальная пропорция 35:100 для Германии по сравнению с Великобританией не отвечает действительному соотношению. На деле можно говорить уже о приближении к старой довоенной германско-английской пропорции — 55:100. И этот флот, самый молодой в мире, сконцентрированный в единое целое (Великобритании приходится распределять свой флот между семью морями), встречается на Балтике флоты других государств (Швеция, Норвегия, Дания, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и др.), которые *все вместе взятые* значительно слабее его. Окраинные государства Эстония и Латвия обладают только маленькими береговыми судами, к тому

¹ 1 фут — 0,3 м. — Прим. переводчика.

же «флоты» Польши и Финляндии, если их вообще учитывать, следует отнести к германской стороне. Единственное твердое ядро среди этого пассивного, бессильного и устаревшего хлама — советский флот. Это означает, что будущий германский флот, во много раз более сильный, чем все другие флоты в этих водах вместе взятые, должен согласно своему плану иметь полное превосходство, *абсолютное господство* на Балтийском море. Следовательно, он должен господствовать в этих водах так же, как британское Адмиралтейство господствует сегодня на Северном море, и иметь гораздо большее превосходство, чем то, которым пользуется британский флот в Средиземном море. Германские «Гуды» в Балтийском море! Это орудие для блокады Ленинграда, для капитуляции балтийских государств, для наступления на Кронштадт.

Однако превосходство на море зависит не только от морских вооружений, но и от морских баз. Германские «Гуды» должны обеспечить себя своим Гибралтаром, своей Мальтой и своим Суэцем, чтобы быть в состоянии провести эти операции. Точно так же, как лорд Фишер начал еще в 1903 г., за десять лет до мировой войны, строить на Северном море морские базы для будущей блокады Германии, и теперь германское адмиралтейство должно подготовить почву к востоку от Ютландии. На *Балтийском море* имеется *семь* важных *морских баз*, которые необходимо контролировать и которые будут иметь значение в борьбе за Ленинград.

Первая из них — это сам германский северный берег со своей большой военно-морской базой в Киле, связанный через Кильский канал с базой на Северном море — Вильгельмсгафеном. Кильская база под руководством адмирала Альбрехта и наблюдением адмирала Шустера, второго противника Джеллико (после Шера) на Северном море в 1917 г., развилась теперь в действительно могучую морскую крепость; ее новые форты будут несравненно сильнее уничтоженных по Версальскому договору.

Надежность этой отечественной базы зависит от второй позиции — Зундского и Бельтских проливов — «балтийских Дарданелл», которые открывают или закрывают путь из Северного моря в Балтийское и формально находятся под контролем Дании и отчасти Швеции. Германское адмиралтейство, само по себе независимое благодаря внутреннему Кильскому каналу, должно во что бы то ни стало контролировать эту позицию; только закрыв ее, может оно обеспечить абсолютное господство германского флота на Балтийском море после того, как вспыхнет война, и предотвратить приход, скажем, французской эскадры из Северного моря на помощь Советскому Союзу и возможную атаку Киля. Вот почему Германия поощряет укрепление Бельтов и Эрезунда Данией и Швецией; в случае войны эти укрепления будут немедленно переданы беспомощными скандинавскими странами германскому военному флоту.

Германское адмиралтейство использует здесь военные притязания скандинавских военных кругов, которые настаивают на увеличении вооружений. Розенберг предлагает даже такую цену как «гарантия» существующей датско-германской границы. В 1935 г. Дания начала сооружать авиабазы и базы подводных лодок в фиордах, а начальник датской армии, генерал Вит

поговаривает об укреплении Зунда. Швеция в 1931 г. обязалась держать свободной свою часть Зунда, но оставила за собой право закрыть эту часть в случае опасности, угрожающей стране; а после скандинавской конференции в сентябре 1934 г. консервативными военными кругами Швеции ведется систематическая кампания за укрепление Эрезунда. В один прекрасный день орудия германских тяжелых крейсеров из Копенгагена и германские самолеты из окрестностей Стокгольма продемонстрируют действительную цель этих приготовлений. Все это относится к защите западного фланга германского адмиралтейства.

Третья база, расположенная ближе к востоку, уже служит целям наступления: это польская *Гдыня* близ *Данцига*, самый молодой балтийский порт, который еще 10–20 лет назад был безвестной рыбацкой деревушкой, а сегодня является первоклассной современной гаванью; грузооборот Гдыни уже перегоняет грузооборот любого другого балтийского порта. А так как Гдыня принадлежит польскому фашизму, а польский фашизм (через фракцию Бека) принадлежит гитлеровской лиге, то эта база уже, вероятно, обеспечена для «военно-морского гофмановского плана». В 1935 г. эта возможность получила формальное подтверждение в торжественном визите двух польских эскадренных миноносцев в Киль, и в ответном визите крейсера «Кенигсберг» в Гдыню. Адмиралы обеих стран выступали с речами об «установлении сердечных (*Kameradschaftliche*) отношений между германским и польским флотами». Это звучит так, словно сильная Германия считается с Польшей, имеющей 6 миноносцев и 3 подводных лодки, как с морской державой! Однако здесь уже имеется налицо иной конкретный результат. В 1935 г. в Гдыне началось строительство 6 новых современных доков, которые впервые сделают этот порт пригодным для военных судов; строительство крупного дока идет своим чередом, а «польская морская и колониальная лига», внезапно появившаяся в поле зрения, требует сооружения мощных боевых кораблей по образцу кораблей крупнейших государств. Лозунг этой лиги — Польша должна иметь колонии за морем. Таким образом, Гдыня — Данциг становится второй базой германского флота на южном побережье Балтийского моря и базой для нового тайного формирования резерва для этого флота под польским флагом. К этой базе должен присоединиться впоследствии *Мемель*, литовский порт, который лежит значительно ближе к Риге и Ревелю (Таллин) и находится сегодня почти наполовину в руках «автономного» германского совета Мемеля.

Четвертая база контролирует внутреннюю часть Балтийского моря. Это пять нейтральных островов, которые разбросаны в открытых водах между западным и восточным берегами Балтийского моря и в силу своего расположения представляют идеальные базы для подводных лодок и самолетов. Два из них, расположенные ближе к скандинавскому берегу, Готланд и Эланд, принадлежат Швеции, которая в 1935 г. организовала на Готланде сильную авиационную базу. Политико-военная ситуация и планы германского адмиралтейства здесь те же, что и по отношению к Зунду и Бельтам. Два других острова лежат ближе к Советскому Союзу, непосредственно при выходе из Рижского залива, это — Эзель и Даго, принадлежащие

маленькой Эстонии; ее «военно-морской флот» состоит из 3 миноносцев, а столица — Ревель (Таллин) отдана на милость германских крейсеров и эстонских фашистов. Эзель и Даго также уже укреплены. Последняя группа островов — Аландские острова — имеет наиболее важное значение, так как она лежит непосредственно в устье Финского залива перед Ленинградом, так что расположенная здесь база для подводного флота оказалась бы в состоянии блокировать красную цитадель; сверх того, так как она лежит в море и все же близко расположена, — она стратегически неоценима в качестве воздушной базы против Ленинграда. Аландские острова принадлежат Финляндии, обязавшейся в 1921 г. не укреплять их. Но германское адмиралтейство, которое с 1934/35 г. мутит воду в Балтийском море, протянуло свою руку и сюда.

В июле 1934 г. фельдмаршал Маннергейм, лидер финских фашистов, союзник Геринга и бывший регент государства, появился в Лондоне, чтобы поднять вопрос об укреплении Аландских островов. Его сопровождали шведский генерал де Шамп, финляндский адмирал Шульц — бывший офицер царского военного флота, и германский адмирал Гадов. И в том же году превращение Аландских островов в военно-морскую базу было в принципе решено. Шведские фирмы будут строить подводные лодки по чертежам, присланным из Германии, и, разумеется, именно Германия стоит за шумливой пропагандой в пользу «финляндско-скандинавского военного блока»: такой блок должен стать политическим фундаментом для этого вооруженного кольца островов на Балтийском море — северной Мальты, где германский флаг будет водружен на второй день войны.

Остаются еще только две морских позиции. Одна из них — Кронштадт — база «красного врага», которая должна быть взята штурмом. Другая и последняя наиболее важна для всех опорных пунктов на Балтийском море для германского адмиралтейства и его балтийской стратегии. *Это — южный берег Финляндии*, расположенный на северном побережье Финского залива, и южный угол Ботнического залива с его знаменитыми шхерами: отсюда — и намеревается флот Гитлера начать свое прямое наступление на Ленинград. Если Киль, Зунд, Гдыня и Мемель образуют как бы тыл гитлеровского военного флота в этой войне, а острова на Балтийском море — промежуточный этап, то финские фиорды на северо-балтийском театре войны должны представлять передовую линию наступления.

Стратегически это совершенно своеобразная морская позиция, почти единственная в своем роде. Этот район напоминает норвежские фиорды, но длинный берег Норвегии выходит в совершенно открытый Атлантический океан. Расположенные недалеко от Ленинграда между близко лежащими берегами, финские шхеры образуют нечто вроде естественных укреплений; это лабиринт, состоящий, примерно, из 30 тыс. мелких островков и скал, обрамляющий укрытые узкие проходы, которые для судов не слишком большого тоннажа и малой осадки представляют превосходные места для стоянок и маневров. Это естественная морская позиция, которую, пожалуй, не часто встретишь на морской карте мира, тем более что она своеобразно совпала с неблагоприятно расположенным Ленинградом, ока-

завшимся в мешке. Вдоль берега расположена целая серия оборудованных гаваней и посадочных площадок.

Политически эта местность принадлежит Финляндии, т. е., иначе говоря, гитлеровскому второму наиболее важному союзнику после Польши Бека в северной фашистской лиге, и чисто стратегически еще более важному, чем Польша. Маннергейм, когда-то подчиненный Гофману командир на финском фронте, а теперь «тень», стоящая за финляндским правительством, является гарантией того, что финляндские фиорды также обеспечены за германским адмиралтейством. Тем временем авангард и главные силы германского флота систематически *специализируются и тренируются для действий в этих специфических условиях*; как в техническом отношении — из-за мелководья северной части Балтийского моря (малая осадка), так и в тактическом отношении — из-за узких оперативных путей.

Таково объяснение многих «необъяснимых» секретов германской программы военно-морского строительства. Такова причина того, что Германия, удовлетворившаяся по всем категориям кораблей пропорцией в 35% по отношению к британскому тоннажу, категорически потребовала для подводных лодок соотношения в 45%, а впоследствии и в 100%; и вот почему, проведя это чрезвычайное требование, она начала строить не большие и средние подводные лодки современного класса от 600 до 1400 т, но маленькие подводные лодки по 250 т каждая, даже меньшие, чем первые германские подводные лодки по 260 т во время мировой войны. Из 26 подводных лодок, построенных или начатых строительством в Германии в 1935 г., 20 относятся к этому типу, и, без сомнения, подавляющее большинство из 60 или 70 подводных лодок, которые Германия получит в ближайшем будущем, также будут иметь такой малый тоннаж.

Если это сравнивать с тоннажем Франции, в настоящее время обладающей самым большим в мире количеством подводных лодок, то сразу бросается в глаза резкий контраст: Франция уже не строит больше подводных лодок меньше чем в 550 т водоизмещения, а, наоборот, уделяет внимание все более и более крупным конструкциям (например, знаменитый подводный крейсер «Сюркуф» в 3 тыс. т с четырнадцатью минными аппаратами и двумя восьмидюймовыми орудиями). Это не «слабость» германской военно-морской политики; и не больше чем выдумкой является история «конflikта» внутри германского адмиралтейства, согласно которой одна группа требовала больших подводных лодок французского или английского образца, но была разбита защитниками меньшей модели¹.

Германия строит маленькие подводные лодки не потому, что у нее нет денег, и не потому, что это облегчает массовое серийное производство, но потому, что этого требует ее будущая позиция — Финский залив. Они должны быть такими маленькими, подвижными и легко маневрирующими, чтобы не бояться никакого мелководья (некоторые из них предназначены

¹ «Manchester Guardian» от 12 сентября 1935 г.: «Сообщают, что между германскими военно-морскими авторитетами идет большая борьба, потому что есть направление, отстаивающее строительство судов тоннажем только в 2-3 тыс. т».

для того, чтобы заплывать даже в реки). И во всяком случае они будут более опасны, чем германские «швейные машинки» «фламандской флотилии» во время мировой войны, годами державшие в страхе гордый британский флот, при помощи своих двух минных аппаратов, одного пулемета и 88-миллиметрового орудия; несмотря на сети, аэропланы и сторожевые суда, они тогда по пять раз в месяц совершали набеги в Северном море и, пересекая канал ночью, нападали на большие корабли. Теперь цель ближе. Первая новая германская флотилия подлодок, спущенная на воду в 1935 г., названа именем капитана Отто Веддигена, который потопил во время войны три британских крейсера. Но эта флотилия плавает в водах Балтики. Ныне германскому адмиралтейству нужны специальные качества подводных лодок, а не их величина; оно не заинтересовано в больших подводных лодках, особенное преимущество которых в том, что они с легкостью пересекают океаны и способны оставаться в море вдали от порта в течение месяцев.

В этом также причина массового производства «карликовых торпедных катеров», обладающих скоростью в 45 узлов; как это ясно каждому, такие катера совершенно бесполезны и теряются в открытом море, вдали от защищенного берега, но они могут, однако, быть чрезвычайно эффективными в береговых операциях, при атаках на короткие дистанции на большие корабли, стоящие на якоре, уже просто потому, что они не могут служить целью для морских орудий. Даже новые германские крейсера, сами линейные корабли вроде «Дойчланд», приспособлены для сравнительно мелких вод.

Англо-германское морское соглашение в июле 1935 г. сделало такие планы действительно возможными, предоставив Германии *carte blanche* по отношению к «внутреннему распределению» тоннажа ее военного флота. А сегодня значительная часть этого флота уже плавает вокруг приготовленных для него главных позиций. Германские флотилии, которые раньше едва ли можно было увидеть с берегов Финского залива, теперь упорно и беспрепятственно крейсируют в водах Северной Балтики; устанавливают для себя базы, устраивают рекогносцировки, маневры и учения для будущей непосредственной атаки на Кронштадт. Теперь — после исследования местных условий вооружений и позиций — яснее вырисовываются контуры решительной атаки, окончательной диспозиции «гофмановского плана на море».

Германский флот, закрыв за собой на западе проливы, держит под угрозой беспощадного обстрела все центры балтийского и скандинавского побережья, наводит ужас вокруг себя и заставляет повиноваться все окружающее; он концентрируется между финским и южным берегами Балтийского моря и запирает Финский залив. Объявляется блокада Советского Союза и захватываются все «нейтральные» базы. Авиабазы на островах и на побережье приводятся в боевую готовность. Наступление начинается под покровом благоприятных атмосферных условий, лучше всего во время тумана.

Авангард, состоящий из авианосца, окруженного непроницаемым кольцом эсминцев и быстроходных торпедных катеров, движется вперед. Он пробивается вперед настолько, насколько позволяют туман и бдительность противника. И тогда из тумана начинается неожиданная атака, которую производят десятки бомбовозов, в течение нескольких секунд сняв-

шихся с авианосца, и самолеты с ближайших сухопутных баз; этой бомбардировке вторят судовые батареи. Если даже противник, застигнутый врасплох (хотя, в общем, и подготовившийся), придет в себя, воздушная атака уже успеет нанести серьезный ущерб его линии обороны, его кораблям и его авиабазам; этот ущерб может стать роковым в том генеральном сражении, которое завяжется между противниками, еще даже до того, как в бой вступят силы большого флота. Все в этой операции зависит от неожиданности (афоризм, который стал основной аксиомой также и в сухопутной стратегии); здесь решают подчас минуты. Если неожиданная атака с воздуха удалась, если сила сопротивления неприятеля поколеблена с самого начала, пусть хотя бы на короткий срок, то игра наполовину выиграна. Ибо для того, чтобы предотвратить возможность такого оборота дел, атакуемая сторона должна *уже заранее* разрушить вражеские базы с помощью своих самолетов и подводных лодок.

Что это такое? Военно-морская утопия? Нет. Это подлинное содержание больших маневров военно-морского флота, состоявшихся в 1934 г. в Панамском канале, проводившихся кораблями американского флота и отметивших наступление почти новой «эпохи» в современной морской стратегии. В этих маневрах задача американского флота состояла в том, чтобы установить, возможно ли в современных условиях, особенно в условиях комбинированного наступления с моря и с воздуха, нападение японского флота на одну из величайших морских крепостей в мире — Панамский канал. Результаты маневров показали: да, это возможно. Силы нападения, несмотря на всю подготовку обороны, с помощью внезапной воздушной атаки из тумана проникли в Панамский залив. Это одна из политических и военных проблем Тихого океана. Но и в *Европе* было адмиралтейство, которое с лихорадочным интересом следило за результатами этих маневров и немедленно сделало из них совершенно конкретные выводы для своих собственных «больших планов», это германское адмиралтейство. *Германские фашистские адмиралы, гитлеровские морские советники верят в возможность подобного нападения на могущественную современную морскую крепость*, верят в возможность нападения на Ленинград с моря. Они верят также, что в войне с Советами такое нападение представляет собой единственное средство опередить контрнаступление социалистических сил, особенно с помощью самолетов и подводных лодок, которое со своей стороны может стать уничтожающим (разрушение германских баз). И они будут штурмовать город Ленина, если им будет дан нужный срок. Но ясно также, что результаты всей этой необычайной операции неразрывно связаны с исходом другой операции — они даже обусловлены им, т. е. исходом воздушной атаки.

Воздушная атака

На авансцену выступает Геринг. Он со своей армией собирается во что бы то ни стало сыграть первую скрипку в этой войне: это цель его жизни. Без фашистского воздушного маршала план германского адмиралтейства не может осуществиться. Кронштадт без труда отразит всякую старомодную

чисто морскую атаку; в этом не может быть никакого сомнения. Но если Геринг предварительно очистит поле действия для крейсеров из Килия и Данцига и на несколько минут приведет в смятение¹ батареи Кронштадта и Ораниенбаума, если одновременно в тылу морской крепости гражданское население и аппарат обороны Ленинграда будут терроризированы дождем бомб с нескольких германских эскадрилий, то будет пробита первая брешь, в которую смогут проникнуть наступающие германские сухопутные войска.

Планы этих трех различных атак, благодаря специфическим особенностям позиции, органически переплетаются в неразрывный общий план; для того, чтобы увенчаться успехом, все три операции должны быть согласованы одна с другой с величайшей точностью. В целом атака с воздуха образует авангард, морское нападение — главные силы, а сухопутная армия — арьергард. Для атаки с воздуха Балтийское море, его берега и острова, снова представляет естественную исходную базу. Это означает, что внутри созданного германским адмиралтейством *кольца морских позиций* на Балтийском море должно быть создано второе *кольцо воздушных позиций для Геринга*: территориально либо параллельно первому, либо более или менее с ним соприкасающееся.

Это кольцо в настоящее время также находится в стадии лихорадочного строительства, несмотря на все видимые политические, дипломатические и прочие барьеры. Оно начинается с больших аэродромов внутри Германии, центральных тайных резервуаров геринговского воздушного флота; идет далее вдоль северного германского побережья, где уже строятся мощные авиабазы для гидропланов близ Килия, близ Ростока (Варнемюнде), на острове Сильт, близ Штеттина и в Восточной Пруссии; отсюда оно разделяется на два рукава вокруг Балтийского моря, левый — охватывает скандинавское побережье, правый нависает над восточным побережьем Балтийского моря. Разумеется, авиапорты и посадочные площадки, которые с 1935 г. начали расти в этой зоне с поразительной быстротой, официально и политически принадлежат Германии не более, чем Бельтские проливы и острова на Балтийском море. Но либо они будут неумолимо втянуты в орбиту германской державы, либо посредством политических и финансовых соглашений будут негласно присоединены к ней.

Германские базы гидропланов на острове Сильт и в Ростоке держат, например, Данию полностью в своей власти; во время воздушных маневров в Ростоке в сентябре 1935 г. германский бомбардировщик совершенно беспрепятственно летал над южной Данией. Командующий северным германским воздушным округом, одним из шести воздушных округов Геринга, является адмиралом (контр-адмирал Цандер), и его штаб расположен в месте пребывания германского адмиралтейства в Киле.

Швеция с 1935 г. начала уменьшать строительство своего флота в пользу усилившихся воздушных вооружений; растет количество бомбардировщи-

¹ Во время американских маневров в Панамском канале главный штаб обороны, несмотря на все принятые предосторожности, узнал о неожиданной атаке на полчаса позже, чем нужно.

ков и строятся новые аэропорты, которые должны протянуть сети европейских воздушных путей, до сих пор на севере едва достигавших Дании, через Финляндию. А шведская авиационная промышленность контролируется дочерней компанией заводов Юнкерса — предприятий Геринга. Как это ни странно, *первые* финансовые субсидии на постройку дорогостоящих аэропортов балтийских окраинных государств шли из британских источников. Ясно, почему «развитие североευропейской гражданской авиации» так поспешно и так неустанно поощряется из Германии. Эта сеть, эта «потребность цивилизации», будет в нужный момент целиком и полностью захвачена и военизирована Герингом. Тогда тысячи германских военных самолетов и их пилоты займут свои места на этих гражданских линиях.

В Польше Герингу нет нужды применять технический и финансовый камуфляж. Со времени его визита в Варшаву в январе 1935 г. и переговоров с польским начальником воздушных сил генералом Райским германо-польский воздушный союз получил свое завершение. Неизвестно, совершит ли маршал Рыдз-Смиглы здесь еще одно изменение.

Но самая важная и наиболее сильная воздушная позиция организована, разумеется, в Финляндии на наиболее выдвинутом «трамплине» всей кампании. Летное расстояние от Финляндии до Ленинграда исчисляется минутами, если не секундами. И вот эта страна, насчитывающая 3 млн. жителей (в среднем по десять человек на квадратный километр), стала вдруг чем-то вроде воздушного рая. В Финляндии сегодня уже имеется 40 аэродромов; некоторые из них оборудованы ангарами, где может поместиться количество самолетов, вдвое большее, чем то, каким обладает вся страна. В 1935 г. был открыт большой прибрежный аэропорт в Або, центре «района шхер» (таким образом была установлена связь между базой на Аландских островах и завершен авиабарьер через Финский залив). Вся страна покрыта маленькими посадочными площадками; одна авиабаза строится в районе водопада Иматры, другая — в Райайоки, обе в непосредственном соседстве с Ленинградом. В октябре 1935 г. Маннергейм принял участие в тайном совещании между Герингом, Гембешем, Радзивиллом и венгерскими и польскими офицерами воздушного флота в Роминтене (в Пруссии). В 1936 г. он неоднократно посещал Берлин.

«Рейд авангарда» на Ленинград и Кронштадт разрабатывается до мельчайших деталей, несмотря на существование мощных воздушных сил СССР. Герингу пришлось временно отложить исполнение своей мечты «захвата с воздуха» Парижа и Лондона. Разрушение Ленинграда и Москвы — на что всерьез рассчитывает этот маньяк — представляется ему началом дороги на Запад.

Наступление на суше

Комбинированная морская и воздушная атака как таран пробивает брешь в наиболее уязвимом пункте бронированного советского фронта. Этим, согласно «великой идее» преемников генерала Гофмана, «возвещается» начало войны. Сухопутная армия, завершающая вторжение, должна броситься

на «потрясенный» большевизм, расширяя брешь, как можно лучше используя нанесенный удар и развивая, таким образом, оперативную стратегию большого масштаба. С этого начинается проблема *«балтийского марша»*.

«Балтийский марш» — это географически отправной пункт всего сухопутного «крестового похода» против Советского Союза, наступления, которое должно пройти по советской территории и привести прямо к Москве. Ленинградская операция должна образовать «брешь», чтобы сделать возможным разрешение задачи, возложенной на основную живую силу фашистской армии, которая может совершить переход и развить наступление только на суше. Вот почему этот марш не менее важен, чем военные действия на море и в воздухе. Если по той или иной причине этот марш задержится, если армия, идущая из Германии, окажется неспособной в нужный момент появиться к югу от Ленинграда, возле Пскова и Двины, то результаты великого эксперимента у Кронштадта могут быть утрачены; эти результаты могут даже стать обратными.

Красный фронт, оправившись от потрясения кратковременной дезорганизации, несомненно, если противник упустит время, снова сплотится и ответит ужасным контрударом (все это неизменно вытекает из предпосылки германских «Гофманов», состоящей в том, что с самого начала инициатива должна находиться на стороне Германии; реальность этого предположения мы рассмотрим позже, здесь мы говорим только о германском плане). Советские самолеты и подводные лодки могут в таком случае представить угрозу для Балтийского моря и всех его баз; но если миллионная Красная армия также начнет контрнаступление, то основы всего плана будут потрясены, и инициатива, со всеми ее невоснаградимыми стратегическими преимуществами в современной войне, перейдет на сторону Красной армии.

Эта мысль красной нитью проходит через все планы германского генерального штаба. «Балтийский марш» из Германии к советской границе на севере должен быть рекордным по скорости и сокрушительности, в противном случае он обречен с самого начала.

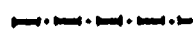
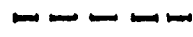
После того как начнется война, балтийским фашистам вместе с германской морской артиллерией придется не только расчищать путь для марша германских войск; этим войскам придется с самого начала в кратчайший срок вступить в бой на самой советской границе. Решающее значение имеет здесь расстояние марша — 580 км по прямой, от восточно-прусской границы до границы ленинградского района на Финском заливе, и около 480 км до Пскова. Если придется предварительно совершить отдельный переход на этом расстоянии и если даже он не встретит организованного местного сопротивления, то все же в основном исключает возможность «молниеносной сокрушительной неожиданной атаки» (главное условие современной стратегии) против советской армии.

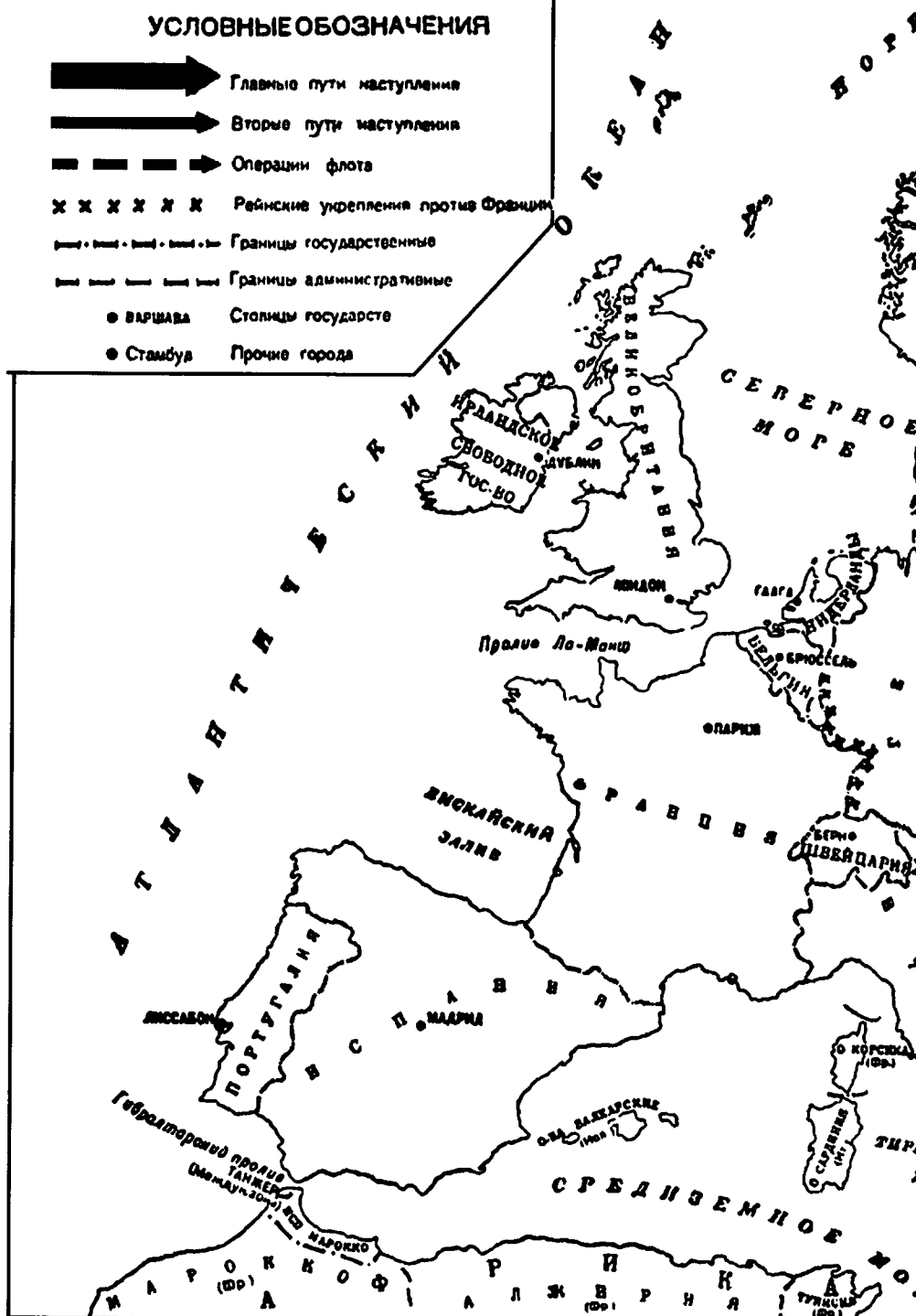
Время, необходимое для сквозного перехода, будет использовано советской армией, которая, во всяком случае, уже будет готова. Однако окончательно решает исход этого дела то, что марш будет происходить под непрерывным огнем советского воздушного флота. Германская сухопутная армия будет в своем движении идеальной мишенью для советских бомбарди-

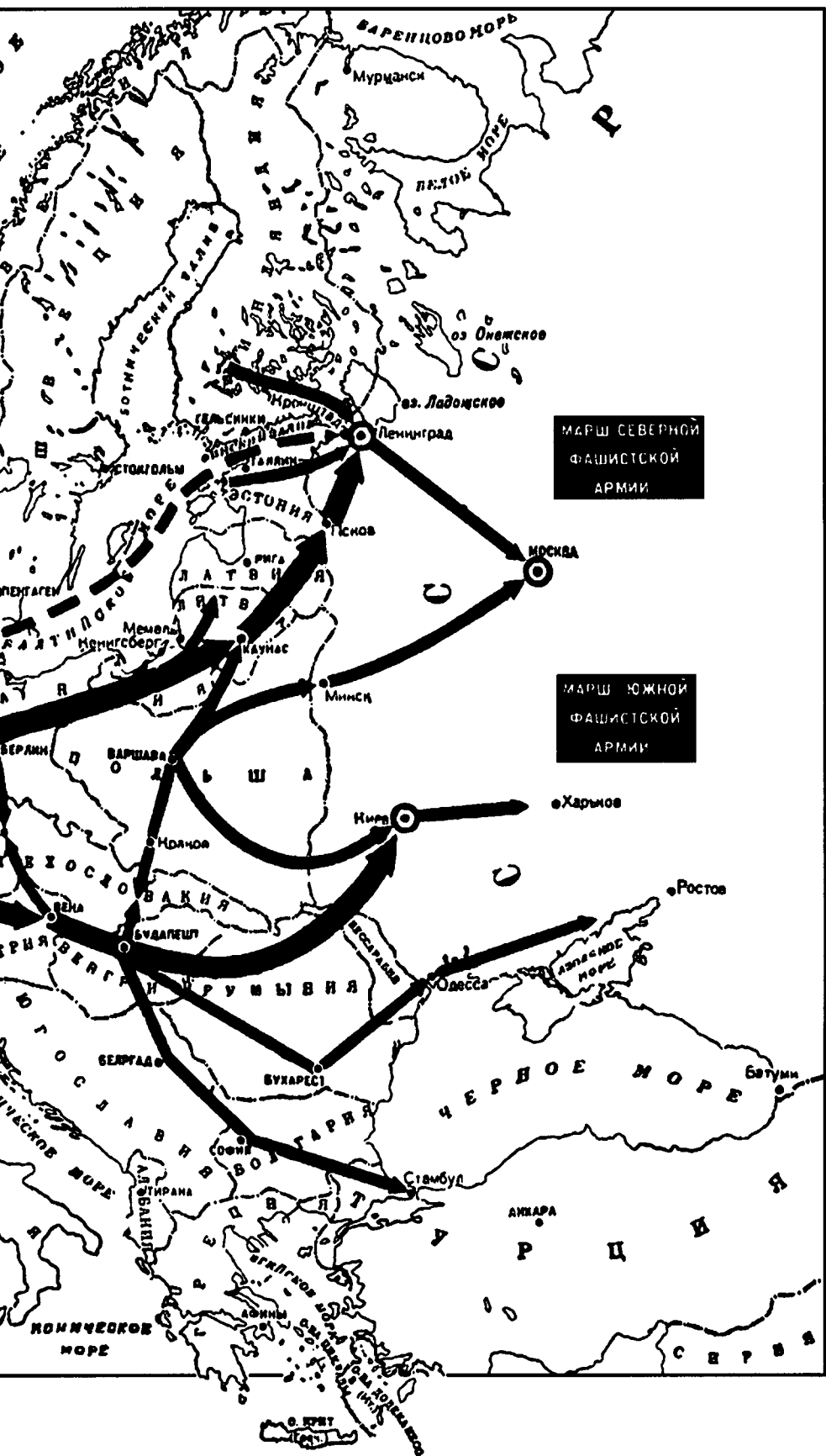
„ПОХОД НА МОСКВУ“

Масштаб
100 0 100 200 300 400 500 600 км

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Главные пути наступления
- Вторые пути наступления
- Операции флота
- Рейнские укрепления против Франции
- Границы государственные
- Границы административные
- ВАРШАВА Столицы государств
- Стамбул Прочие города

ровщиков, причем независимо от того, сколько эскадрилий выделил Геринг по своему плану для прикрытия марша (ослабляя соответственно защиту германского тыла). Во всяком случае германская армия будет дезорганизована в той или иной степени еще раньше, чем она дойдет до первой линии советских укреплений, где ее будет ожидать советская армия, а при таких обстоятельствах «сокрушительное молниеносное наступление» становится волшебной сказкой для национал-социалистской молодежи младшего возраста; «о балтийской войне», как *части* «русской войны», не может быть и речи: это конец стратегии «трех атак». Германия с самого начала поставила бы себя в худшее положение. На практике марш должен быть завершен, по крайней мере, в существенных своих чертах, *заранее*.

С точки зрения задач германского генерального штаба это означает двоякую перспективу на ближайшее будущее. Первая перспектива — реакционный фашистский путч победит в трех или, по меньшей мере, в двух балтийских странах — Латвии и Эстонии, и тем самым «балтийское расстояние» превратится немедленно и автоматически в продолжение внутреннегерманской базы для развертывания военных действий — в германское Маньчжоу-Го. Нет нужды тратить слов о том, что победа «борцов за свободу» в Эстонии или «Балтийского ордена» в Латвии тождественна с открытым или тайным военным союзом с Германией, «реорганизацией» местных армий под руководством германских «инструкторов», «невидимым» введением германских иррегулярных гарнизонов и т. д. Это «балтийский марш» в «легальной» форме, и он действительно будет иметь тот результат, что уже в «мирное время» германская армия сможет занять позиции для наступления непосредственно перед советской границей.

Когда сегодня все чаще и чаще в международных кругах слышатся разговоры (благодаря поощрению с германской стороны) на тему о том, что Германия «в настоящее время» вовсе не думает о большой войне на Востоке, что в данный момент она удовлетворяется только «проникновением в Балтику» (доктор Шахт), то на деле за этим скрывается не что иное, как эта стратегическая трудность германского генерального штаба; для того, чтобы преодолеть ее, изобретена теория «частичной» или «ступенчатой» экспансии Германии.

Если, однако, эта политика не даст ожидаемых результатов и реакционные фашистские путчи с маркой «made in Germany» в Балтике будут по-прежнему терпеть поражение как последний (второй или третий по счету) эстонский путч в декабре 1935 г.; если балтийские рабочие и крестьяне и национально-независимые элементы (современные правительства лимитрофных государств), и друзья мира во всем мире предотвратят легальное вступление германской армии в Балтику, тогда останется вторая перспектива — один-единственный путь: малая, «частичная» балтийская война со стороны Германии.

Эта война не будет частью немедленного наступления на Советский Союз, об этом не будет и речи; она будет вестись совершенно «независимо», как дело германской «национальной чести», которая попирается ужасной нацией почти в два с половиной миллиона литовцев. Это так называе-

мая *мемельская война*, которая должна раздавить Литву; в этой связи становится совершенно понятным специфическое значение роста германской активности в этом направлении, на что с такой симпатией взирают некоторые «правомыслящие» дипломаты и политические деятели.

Что представляет собой Мемель, этот «второй Саар»? Это маленький лоскуток территории в 2400 кв. км с населением в 150 тыс. жителей, лишенный как промышленности, так и сырья (в этом отношении он отличается от Саара). В какой мере германская «национальная честь» задета Мемелем? Ни в какой, конечно. Из населения Мемеля, некогда литовской морской крепости, завоеванной тевтонскими рыцарями, 59% говорят на литовском языке (официальная статистика 1925 г.), а действительная власть на мемельской территории находится в руках чисто германской администрации. Но *Мемель — это рычаг для изолированной войны с Литвой*, а изолированная война с Литвой, которая в двадцать четыре часа приведет к исчезновению литовской армии, является рычагом к военному поглощению Германией всей Балтики; вот в чем дело.

Если Литва будет покорена германской «карательной экспедицией», тогда нет ничего более достоверного, как то, что немедленно вслед за этим в Риге и в Ревеле абсолютно «сами собой» возникнут завуалированные германские колониальные правительства (такое правительство уже существует в Гельсингфорсе)¹. Таковы преимущества «постепенной» экспансии и «изолированной войны» в противовес коллективной безопасности. Таким образом Гитлер и его штаб надеются решить проблему «балтийского марша», т. е. сделать первый шаг к сухопутной атаке на Ленинград².

Этот марш, рассматриваемый как стратегическое целое (необязательно точно в указанном порядке), распадается на пять последовательных операций.

1. *Марш из Восточной Пруссии* — из северо-восточной части Германии, предназначенный для вылазки отборной ударной армии, специально тренированной задолго до похода и доведенной до высшего уровня военной выучки и технической вооруженности. В настоящий момент эта ударная армия подготавливается в Германии в двух видах: регулярные и иррегулярные войска. Регулярные войска содержат большую и лучшую часть германской официальной армии, двенадцать дивизий «армии группы I» (восток), имеющей свой штаб в Берлине и Кенигсберге, столице Восточной Пруссии, и находящейся под командованием генерала от инфантерии Герда фон Рундштедта, старого рейхсверовского офицера. Сюда же относятся бронечасты и кавалерийские бригады. Это стержень будущей германской балтийской северо-восточной армии, а на генерала фон Рундштедта возложена такая же «историческая» задача, какая лежала в свое время на генерале фон Клуке, который стоял до войны у бельгийской границы.

Эти двенадцать дивизий вместе со своими «невидимыми», но мобильны-

¹ Примечание об изменениях в правительстве Финляндии см. на стр. 325.

² И здесь также мы оставляем открытым вопрос о том, позволят ли Гитлеру проделать этот трюк Советский Союз и все друзья мира во всем мире. Одной из главных целей «восточного пакта» является гарантия независимости Балтийских стран, гарантия против нападения Германии.

ми и тесно связанными резервами СА, СС, «лагерями трудповинности» (военизированные лагеря принудительного труда), полицией, «Пограничной стражей» и Н.С.К.К. (Национал-социалистский корпус мотоциклистов) образуют на деле силу, по меньшей мере, в три раза большую, примерно тридцать пять — сорок дивизий; более того, это исключительно уже обученные и одетые в форму войска, военные подразделения для посылки на линию огня, солдаты которых проходят непрерывную тренировку. Число регулярных дивизий в ближайшее время будет увеличено. Резервы этой ударной армии при помощи специальных мер все время увеличиваются; это достигается посредством иного порядка набора рекрутов в Восточной Пруссии, отличающегося от набора в остальных частях государства; а именно — два разряда рекрутов призываются для обучения одновременно (таково было положение еще до последнего декрета Гитлера) и военнообязанными здесь являются лица до пятидесяти пяти лет.

Численность германской армии мирного времени в Восточной Пруссии велика как нигде; та же тенденция проявляется в территориальном распределении различных германских дивизий; так создается «убедительный аргумент». Непосредственно перед мемельским плебисцитом в сентябре 1935 г. во время маневров на литовской границе только между Тильзитом и Эйдкуненом было сосредоточено по меньшей мере сто тысяч войск первой очереди (столько, сколько должен был составлять весь старый рейхсвер по Версальскому договору). Это была небольшая репетиция.

К этой регулярной армии с ее резервами надо, однако, прибавить вторую иррегулярную силу: *иностраннный легион* национал-социалистов, все банды международных фашистских наемников и авантюристов, главным образом из балтийских и соседних с Германией государств; он формировался без всяких официальных мандатов, но полностью вооружен, экипирован и обучен германскими штабами, точно так же как известный «Австрийский легион» в Баварии. Уже существует, например, «Балтийский полк», составленный из латвийских, литовских и эстонских немцев (бывших и русских белогвардейцев). Точную численность этих иррегулярных и, следовательно, постоянно изменяющих свой состав образований трудно установить, но, по существу, они означают восстановление старого германского иррегулярного «Балтийского корпуса», который был сформирован после войны из террористических остатков старой армии и в течение двух лет вместе с русскими белогвардейцами (Бермондт, Юденич) бесчинствовал в Балтике, как орда гуннов. Большая часть нынешних видных национал-социалистов принадлежала тогда к этому корпусу, который уже в то время атаковал Красную армию у Пскова и под Ленинградом.

Теперь этот корпус оживает в новой форме; его ряды постоянно и бесконтрольно пополняются; он и регулярная армия — все это в целом представляет живую силу, значение которой нельзя недооценивать; эту силу можно будет в случае нужды вместе с приведенными в боевую готовность бронечастями и воздушными частями поставить на ноги в течение нескольких часов. Это та армия, задача которой определена Сектом следующим образом:

«Удар — неожиданный, молниеносный, оглушительный, нанесенный в первые же часы войны и использующий каждую унцию силы для того, чтобы внести хаос и смятение в ряды врага... Подобное урагану, оглушительное вторжение армии с лучшим, превосходящим вооружением, во главе с решительным командиром, который не отступает ни перед чем. Вторжение, проникающее глубоко в самое сердце развернутых войск (противника), сеющее одновременно... панический ужас среди населения вражеской страны».

Первые подразделения этой армии уже выведены на германскую восточную границу. Артиллерия для нее концентрируется в больших арсеналах в Восточной Пруссии (в Эйдукуне, например), и вся военная база одновременно укрепляется посредством сооружения системы подземных траншей, закладки мин и пр. С помощью систематического перенесения индустриальных предприятий в Восточную Пруссию, которое правительство заставляет проводить предпринимателей (национал-социалисты ведут специальную кампанию за «индустриализацию Восточной Пруссии»), принимаются меры к созданию будущей организации снабжения. Восточная Германия становится все более и более похожей на военный лагерь. И этот молот должен в первую очередь обрушиться на голову 2-х млн. литовского народа.

2. *Оккупация Мемеля*, находящегося меньше чем в 50 км от границы, — это первый шаг, пустяшное дело для этой армии; дело нескольких часов для моторизованных колонн, самолетов и танков, причем операция будет сопровождаться комедией «национального восстания» национал-социалистов в самом Мемеле. Литва, предоставленная в этой «изолированной» войне самой себе, без поддержки Восточного пакта (едва ли ей придется надеяться и на Лигу Наций), не успеет даже издать крик — в мгновение ока Мемель превратится в новую сухопутную и морскую германскую базу на Балтике. И тогда последует

3. *Набег на Литву* — страну, отделяющую Германию от Финского залива и от Польши и имеющую каких-нибудь двенадцать полков; вторжение начнется одновременно с двух сторон: посредством марша германских дивизий из Эйдукуне на Ковно (Каунас), около 65 км, и марша польских бригад из Вильно на Ковно, также около 65 км. Ковно — столица Литвы — лежит как раз посредине, в тисках между двумя сильными союзниками, и никакое сопротивление, никакой героизм не спасут изолированную Литву от этой перспективы. Литовский летчик Адамовичус высчитал, что для обороны литовской границы, протяжением в 800 км, против Германии и Польши понадобилось бы 1595 самолетов, это, примерно, численность английского воздушного флота. А победа над Литвой отдаст аэропорты Ковно и Шаяуляя (Шавли) в руки Геринга; они станут промежуточными станциями на воздушном пути Берлин — Москва; германская «Балтийская армия» установит через Ковно — Вильно прямой контакт с польской армией¹ и будет продолжать свой марш к северу по направлению Рига — Ревель (Таллин).

¹ В октябре 1935 г. Дорпмюллер, глава германских железных дорог, установил в Варшаве «сотрудничество», т. е., иными словами, согласовал в стратегических целях работу польских и германских железных дорог.

4. На этом этапе, в той или иной форме, должно по следующему пункту диспозиции произойти *соединение* германской армии с *армией балтийских фашистов* в Латвии, Эстонии и Финляндии. Это важный этап, потому что здесь в непосредственной близости от позиции, откуда должно начаться наступление против СССР, ряды германских ударных войск пополнятся свежими резервами, в то время как, с другой стороны, соседство германского флота парализует всякое возможное сопротивление балтийских национальных правительств (если они еще будут существовать). В общем, резервы военной живой силы во всех «нейтральных» балтийских странах (Эстония, Латвия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания) составят около одного и трех четвертей миллиона человек. Нет сомнения, что в момент решающей операции на Востоке Германия попытается безжалостно использовать свое господство в Балтике на море и в воздухе, чтобы завербовать как можно большую часть этих резервов в свою армию «крестового похода».

Прежде всего это будут старые фашистские союзники национал-социалистов, участники северо-восточной фашистской лиги и подчиненные Гофману офицеры со своими бандами: Маннергейм, который со своими лапуасцами еще в 1919 г. хотел помочь Юденичу в наступлении на Ленинград; генерал Ларка со своими эстонскими «ветеранами»; латвийский генерал Гоппер, некогда командир армии Колчака в Сибири, и т. д. После этого фашистские диктаторы попытаются вместе с германскими генералами провести непосредственную мобилизацию населения: на защиту европейской цивилизации от большевизма, разумеется. Интересно, что уже теперь делаются попытки втянуть скандинавские страны в «оборонительный союз» с Финляндией¹. Воссоединение армий германского и балтийского фашизма будет последним «штрихом» перед решительным выступлением для осуществления цели кампании.

5. *Наступление на советскую территорию в районе Ленинграда*, чтобы пожать плоды воздушной и морской атаки и использовать их для прорыва на суше к красной твердыне. С точки зрения времени этот удар, как уже показано, вряд ли будет предпринят до тех пор, пока не будет совершен «балтийский марш». Территориально главный удар должен быть нанесен в непосредственной близости от Ленинграда с Финского залива (с позиций эстонской Нарвы) и затем повести к Ораниенбауму — месту нахождения

¹ Вспомним попытки создания «Северного европейского блока» в Швеции и Норвегии и визиты начальника шведского генерального штаба Нигрена в Финляндию и Польшу в 1934 г. Бломберг, германский военный министр, посетил Швецию в 1934 и 1935 гг. Шведская военная промышленность (заводы Бофорс) прямо или косвенно контролируется Круппом и вторым по значению (после геринговского шурина графа Розена) вождем шведских фашистов полковником Экстремом, который во время войны состоял в германской армии, а затем в русском белогвардейском балтийском корпусе. 26 июня 1935 г. Розенберг совершенно открыто заявил на конгрессе «Северного общества» в Любеке: «Мы приветствуем представителей северного мира (скандинавские страны)... Мы хотим выразить надежду, что они также полностью осведомлены о том, что вся Балтика в целом заинтересована в объединении против большевистского Востока».

береговых батарей Кронштадта. Это маршрут, избранный в 1919 г. русским белым генералом Юденичем и его союзниками из Балтийского корпуса. Наступление может также начаться на южном секторе близ Пскова, чтобы отрезать северные русские силы от белорусской армии. Третий путь по суше — через узкие финские «ворота» к северу от города уже хорошо защищен советскими укреплениями. Тем или иным путем генерал фон Рундштедт — Клок Востока — попытается, опираясь на Балтику, координировать свое наступление с действиями морского и воздушного штабов и удушить социалистический город в тройном кольце.

Удастся ли ему зайти так далеко — другой вопрос; он будет решаться не только советской армией, но еще до того всеми друзьями мира. Но по крайней мере сейчас уже становится понятным, что кроется за таким «предложением»: «удовлетворение Германии уступкой ей Балтики в качестве специальной сферы влияния». Агрессору хотят дать в руки нож. Отдать Балтику Германии — то же самое, что подарить Кале Герингу. План тройной атаки на Ленинград целиком зависит от этой промежуточной позиции, как когда-то шлиффеновский план — от Бельгии.

Таков марш северной фашистской армии — «северного крестового похода», который должен привести отсюда к Москве. Путь этого «крестового похода» должен охватить львиную долю европейского континента: Германию, Скандинавию, Балтику, Польшу и СССР (теоретически) вплоть до Урала. Он превращает Балтийское море в озеро германского фашизма. Он устанавливает диктатуру германских генералов, адмиралов и воздушных коммодоров над всем пространством между меридианом Норвегии и Двиной. Только поражение на Востоке заставит германских «Наполеонов» умерить свой пыл в этой зоне. В противном случае североевропейская империя Германии должна стать совершившимся фактом. Таков путь «туда». Это только подготовка к пути обратно. Та же самая армия, когда она окончательно завладеет добычей, согласно плану Гофмана, должна проследовать назад. Победоносные фашистские орды повернут на Запад! Победоносный германский флот и воздушные силы перейдут из Балтийского моря в Северное. Что станет тогда с «западноевропейской демократией»? Что станет с Британией?

Южный фашистский поход

Операция против Киева

Теперь остается всего один сектор стратегического гитлеровско-гофмановского плана «для Востока» — Южная Европа. Операции в Богемии, на Дунае, в Карпатах, на Черном море и на Днепре должны завершить вторжение фашизма на севере. В целях экономии места мы вынуждены сократить описание этой картины, хотя с политической и военной точек зрения она не менее поразительна, чем северный «крестовый поход».

Дунайская зона представляет собой на юге Европы то же, чем является

Балтика на севере: зону, к которой Германия явно питает особое пристрастие и благоволение, объект ее особой «бескорыстной дружбы» и «родства». И в самом деле, это — зона, через которую должен пройти дикий марш второй германской армии, марш «на Киев»; зона, где должны формироваться прочие фашистские, предназначенные для вторжения, орды; зона, которая должна была однажды стать территорией новых «южно-германских» протекторатов и вассальных государств.

Главное стратегическое различие состоит в том, что здесь «вводное» германское развертывание сил будет происходить в основном не на море, как на севере, а на суше — среди мелких и слабых дунайских стран; так что насилие и разрушение здесь будут применяться еще шире, чем в балтийской зоне. Вдобавок, германский генеральный штаб уже однажды проходил этим путем: в последней войне, когда фельдмаршал Макензен с начальником штаба, полковником Сектом, совершал «центральноевропейскую» завоевательную экспедицию из Австрии и Болгарии вплоть до Румынии.

Очевидно, что антигитлеровские силы на этом пути будут сильнее, чем на севере; фашистской южной армии придется здесь сломить сопротивление государств Чехословакии, Австрии, Румынии, возможно Югославии и Турции, если они не будут «мирным путем» завоеваны предварительно; очевидно также, что весь передовой рабочий класс и многочисленное крестьянство в этой зоне попытаются преградить дорогу этой армии. В свете этих фактов грядущее столкновение рисует еще более грозным. Много крови будет пролито между Мюнхеном и Днепром. «Форсирование» дунайской зоны в качестве подготовки к наступлению на Украину снова распадается на пять отдельных последовательных операций:

1. *Оккупация Австрии*, как первый «естественный» шаг на юг, который должен сделать Вену новой главной базой для южного «крестового похода» и для всего южноевропейского фашизма. Будет ли «младший брат» Шушниг защищаться или нет, но «историческая проблема» аншлюсса Австрии, политически такая трудная для Гитлера, становится детской игрой, как скоро она облекается в военную форму. Вряд ли понадобится даже новый венский путч австрийских СС, когда баварские дивизии (под командой генерала фон Бока, бывшего штабного офицера кронпринца) пересекут границу возле Инна и в течение шести часов стремительно пронесутся в моторизованных колоннах к Вене, отбросив маленькую австрийскую «армию».

Австрийской армии, которая могла бы остановить этот поток или, по крайней мере, дать новую битву при Садовой, не существует. Есть только замечательный героический австрийский рабочий класс, который тогда (а может быть и раньше) снова выйдет на баррикады. Но без помощи извне австрийский пролетариат не может удержаться против комбинированного напора германских танков и местных национал-социалистов. Существует ли теперь пакт, который бы действительно гарантировал независимость Австрии? Такого пакта не существует. Есть только фашист Муссолини — «друг» и соперник Гитлера, тыл которого заметно ослабел, благодаря конфликту с Англией и роль которого еще не вполне ясна. А если генерал фон

Бок находится в Вене, то в руки германо-фашистской армии и ее союзников попадает ключ к дунайской зоне.

2. Более трудной, но с военной точки зрения также весьма не сложной является для Германии следующая стадия: *сокрушение Чехословакии*. Чехословакия, насчитывающая 15 млн. жителей, имеющая развитую промышленность, значительную армию и воздушные силы, гораздо сильнее Литвы, но она расположена словно в тисках: между Германией — с северо-запада, Австрией — с юго-запада, Польшей — с северо-востока и Венгрией — с юго-востока. Чехословакия окружена с четырех сторон (с единственным узким сухопутным выходом на юго-востоке в Румынию), и в тот момент, когда начнется война, четыре заостренных клина разом вонзятся в растянутую территорию этой страны, встретившись внутри нее.

С северо-запада германская армия прорвет выступающий полукруг богемской границы; баварские дивизии выйдут сквозь богемский лес к Пильзену, саксонские дивизии — через Саксонские рудные горы — к Ауссигу, силезские дивизии — в судетский район к Рейхенбергу и Кениггрецу, и все они встретятся вблизи Праги, столицы Чехословакии. С юга, из долин Верхней и Нижней Австрии, на соединение с ними двинутся австрийские национал-социалисты, и Богемия, наиболее важная часть чехословацкого государства, окажется словно проткнутой. Одновременно другая, восточная часть страны — Словакия — подвергнется совершенно аналогичной операции: наступлению польских войск из Кракова и с Карпат на севере и венгерскому вторжению на юге. В стратегии это называется концентрическим уничтожением; в течение нескольких дней изолированная Чехословакия будет разодрана на клочки, политически уничтожена и ликвидирована; от нее останется не больше, чем «историческое воспоминание», так называют эту страну национал-социалисты. Восстание германских национал-социалистов внутри страны, в Судетском районе (движение Генлейна) и крайних провенгерских автономистов в Словакии, которое произойдет одновременно с германским, венгерским и польским вторжением, только дополнит картину.

Единственное спасение Чехословакии заключается в воздушной обороне; и в самом деле — эта небольшая страна имеет около тысячи первоклассных самолетов и числится среди стран, имеющих лучшую в Европе авиацию. Но Чехословакия уже охвачена с севера плотным кольцом германских аэродромов в Баварии, Саксонии и Силезии; время полета бомбардировщика от Дрездена до Праги составляет восемнадцать минут. Венгрия после визита в Будапешт помощника Геринга, генерала воздушных сил Мильха, в сентябре 1935 г., заключила воздушный союз с Германией и строит свои собственные авиабазы против чехов, а Польша летом того же года также ясно показала свои намерения, выразив протест против советско-чехословацкого соглашения и лаконично отказав в выдаче разрешения проложить новую авиалинию Прага — Москва через польскую территорию. Положение Чехословакии безнадежно, если ее не поддержат великие державы. И как раз эту возможность Германия хочет предотвратить во что бы то ни стало.

Германский генеральный штаб обнаружил, что Чехословакия — этот «биаук» германской армии — может превратиться в нечто совсем противоположное, если ее будут защищать великие державы, подобные Франции и СССР: она может стать *мостом* между этими державами. Если французская армия, двигаясь из Эльзаса, сделает рывок на Северную Баварию и пройдет 320 км, примерно, по линии Мангейм — Гоф, отрезав таким образом южный угол Германии; и если советская армия с Украины, пропущенная через румынский коридор, достигнет Подкарпатской Украины, то обе армии появятся на границах Чехословакии, а их союз будет означать военное крушение Гитлера и всех его «крестовых походов». Этого нельзя допустить. Это надо предотвратить любой ценой, и прежде всего путем дипломатии «изолированной безопасности», а впоследствии — военным вторжением и уничтожением Чехословакии; при этом надо действовать так *быстро*, чтобы не дать времени другим большим армиям; мост должен быть разрушен прежде, чем на него удастся ступить. Совершенно очевидно, что Германия делает на чешской границе все возможное, чтобы подготовить это «молниеносное вторжение».

По всей баварско-саксонско-силезской границе сооружаются военные укрепления, в том числе и подземные, и проводятся частые маневры моторизованных войск (например, в июле 1935 г. в присутствии самого Гитлера). Примером этой подготовки может служить также спешное строительство в районах, прилегающих к границе, сети «сверхсовременных» автострад; на этом строительстве по всей Германии в порядке принудительного труда работают 450 тыс. человек. Автострады, согласно официальным данным, должны стоить свыше 3,5 млрд. марок. Эти автострады являются первоклассными широкими стратегическими путями; сеть их становится особенно густой вокруг Чехословакии; они могут служить и для непосредственного продвижения войск, и для тактической перегруппировки. Из этого следует, что будущий набег германских моторизованных колонн на Богемию потребует с момента мобилизации рекордно коротких сроков. А это означает, что другие державы смогут прийти на помощь слишком поздно, когда Прагу уже нельзя будет спасти от уничтожения.

Если же Прага уничтожена, если все три центра дунайской зоны — Вена, Прага и Будапешт — находятся в руках Гитлера, то первая битва южного фашистского «похода» выиграна. Не только потому, что заняты наиболее важные позиции, но и потому, что тогда на базе этих позиций развернется действительное *формирование большой южной фашистской армии*. Оно будет осуществляться посредством слияния германской армии, венгерской армии, польской армии и австрийских национал-социалистов, а также посредством *принудительной мобилизации дунайских крестьян* южными фашистами и ревизионистами.

Это тот же самый процесс, который должен произойти в Балтике на основе военно-морского господства Германии в Балтийском море, в то время как здесь он основан на захвате Вены и Праги. Фашисты попытаются также и здесь создать массовую армию. Тогда будет заново создана старая «юго-восточная европейская» главная квартира Макензена; в 1916 и 1917 гг. германские офицеры из этой главной квартиры командовали австрийски-

ми, венгерскими, хорватскими, болгарскими и, фактически, турецкими войсками. И довольно любопытно, что нынешнего германского посланника в Будапеште зовут Макензен — это сын фельдмаршала. Гитлер хранит «традиции».

А что останется от Юго-Восточной Европы, если новые Макензены начнут двигаться на юг от Вены, Праги и Будапешта с только что мобилизованными массами? София Кобургов точно так же, как Венгрия Хорти, уже сегодня находится в союзе с Гитлером. Белград и Афины не лежат на главном пути, но если дело пойдет так далеко, то они будут рады, если победители не тронут их. В таком случае остаются только два района на пути к Украине, имеющие значение для германо-фашистской армии, где эта армия может ожидать сопротивления: Бухарест и Стамбул.

3. *Марш через Румынию* является абсолютной необходимостью для германского главного штаба по двум причинам. Во-первых, потому что Румыния, поскольку она является другом коллективной безопасности и членом Малой Антанты (линия Титулеску), может предоставить открытые ворота для советской армии, идущей вверх по Дунаю на защиту Чехословакии. «Транзит красных войск через Буковину и Семигорье» — это ночной кошмар Гитлера и Геринга (а также и некоторых дворцовых кругов в Румынии).

Во-вторых, Румыния является источником нефти. Это материал, без которого моторизованная германская армия не может обойтись, как не может обойтись и без румынской транзитной территории. Румыния — второй крупнейший (после СССР) производитель нефти в Европе — добывает ежегодно около 8 млн. т и может, конечно, при отсутствии кризиса, добывать гораздо больше. Этот факт с военной точки зрения звучит как смертный приговор для всей этой бедной сельскохозяйственной страны. В мировой войне Германии также пришлось «завоевывать» румынскую нефть, потому что запасов нефти в Галиции было недостаточно. Ныне, в эпоху моторизованных дивизий, танков и воздушных эскадрилий, эта местная нефть является для Германии, которая, быть может, будет отрезана от других источников снабжения, необходимым условием для ведения войны.

Самолеты, вылетевшие с венгерских аэродромов, могут, если они не будут отбиты противником, разрушить Бухарест и бомбардировать нефтяные промыслы в первые же два часа после начала войны.

Южная фашистская армия, по соглашению с профашистскими кругами в Бухаресте (теми самыми, которые требовали сепаратного мира с Германией в 1918 г.), займет Румынию и здесь выйдет, в конечном счете, к советской границе. Но прежде чем начать наступление на Киев, штабу этой армии придется обратить непосредственное внимание на важную фланговую позицию.

4. *Контроль над Дарданеллами*, турецкими воротами между Черным и Средиземным морями является неотъемлемой частью германской стратегии на юге; это имеет теперь не меньшее, а, пожалуй, даже большее значение, чем в 1914—1918 гг. Как и тогда, в первую очередь, нужно воспрепятствовать снабжению СССР оружием и другим снаряжением через Средиземное море. С тех пор, однако, как Россия и Турция перестали быть врага-

ми, но являются тесными и искренними друзьями, положение для агрессора против СССР стало значительно более трудным.

Если Балтика стала озером для германского флота, то советский флот вместе со своими турецкими друзьями является бесспорным хозяином на Черном море. Германия не имеет эскадры на Средиземном море и не может ее туда послать; стратегическая задача на севере не допускает ослабления или раздробления балтийского флота. Но если при таких условиях Черное море не будет закрыто и связь со Средиземным морем не будет прервана, то сухопутное наступление на Украину и юг СССР будет иметь очень мало шансов на успех.

Черноморский флот СССР, если он будет расти и дальше, может в соединении с воздушными силами приобрести в этой зоне стратегическое значение, аналогичное тому, которое имеет германский флот на Балтийском море, — в этом немцы уверены. А если Франция и другие члены Лиги Наций останутся верными уставу Лиги, то может даже возникнуть возможность посылки из Средиземного моря экспедиции для защиты против агрессора. Это снова серьезная опасность для южного фашистского похода.

С этой опасностью можно бороться двояко. Первый способ — наступление по суше или по меньшей мере «нажим» на Турцию, «контролирующую» Дарданеллы. Вот здесь-то и выступает на первый план балканская политика германского фашизма и его юго-восточной лиги, целиком направленные на то, чтобы взорвать нынешнюю балканскую Антанту (Турция, Греция, Румыния, Югославия) и снова разжечь прежние ожесточенные балканские распри. Болгарию, Югославию и Грецию систематически натравливают против Турции, хотя Греция, например, еще имеет до сих пор нечто вроде морского соглашения с Турцией, а старые разногласия почти совсем исчезли (только покойный Венизелос думал иначе, да еще, пожалуй, другой точки зрения будет придерживаться в определенный момент новый премьер, генерал Метаксас; он — воспитанник германской военной академии).

Болгария, где правит германо-фашистская партия (Кобурги и македонская «ИМРО»), предназначена в первую очередь к непосредственному «выступлению» против Турции. Иначе не было бы никаких причин внезапно поднимать заново старинную «фракийскую проблему» между Болгарией, с одной стороны, Турцией и Грецией, — с другой. Эта проблема была предметом забот европейской политики три десятилетия назад. Болгария заявляет явно ничем не оправданные протесты против турецкого «правления» в Восточной Фракии и производит неожиданную концентрацию войск во время путча Венизелоса в феврале 1935 г.; положение становится настолько серьезным, что Турция, которой после войны пришлось разрушить большую крепость в Адрианополисе, вынуждена строить новые укрепления в Восточной Фракии (вблизи Кирк-Ларели). Таким образом, сухопутный путь в Стамбул уже исследован настолько, чтобы однажды крепко-накрепко запереть турецкие ворота.

Имеется, однако, и другой путь, который обещает, как будто, гораздо более широкие перспективы. Если в Средиземном море нет германского

флота, который мог бы воспрепятствовать проходу через проливы, то можно ведь подыскать другой флот, который взялся бы за выполнение этой задачи. Тут как раз и должен быть введен в игру мастерский трюк германской дипломатии, трюк, который может приобрести международное политическое значение.

Чей флот господствует на Средиземном море? Британский флот. Только мощная южная эскадра британского флота, обладающего влиянием на прилегающие средиземноморские страны, окажется в силах отважиться на войну в Черном море. Именно британский флот однажды это уже проделал — во время Крымской кампании 1854 г., когда британские суда бомбардировали Севастополь и высаживали войска на русском побережье. Ведь именно Британия в течение столетия считалась неизменным противником России в этой зоне; именно Британия на деле вела длительную и упорную борьбу с русскими царями за Босфор и Дарданеллы; это она предприняла в 1915 г. экспедицию в Галлиполи, чтобы захватить контроль над проливами; это снова Британия по Лозаннскому договору 1922 г. навсегда воспретила Турции укреплять Дарданеллы, с тем чтобы путь 1854 г. постоянно оставался свободным для эскадры с Мальты и Гибралтара.

Британия — «исторический враг России на Черном море» (в Советском Союзе приложение этой исторической теории к современности многих скорее забавляет). Что же, в самом деле, может быть более естественным, чем приглашение, когда придет время, этого исторического врага для выполнения своих исторических целей? Почему бы, действительно, британскому флоту в тот момент, когда вспыхнет война против СССР, не появиться в Черном море для того, чтобы защитить там свои интересы и заодно одним ударом парализовать советский флот? А от такого «превентивного выступления» недалеко и до дальнейшей «заинтересованности» Британии в южнорусском театре военных действий; например, в «неприкосновенности» нефтяных источников Кавказа, в «судьбе» автономных советских республик перед Каспийским морем и за ним — ближе к Центральной Азии.

Достаточно ясно, какое значение имеет этот трюк для германской политики: если он удастся, то это означает не больше не меньше, как *вовлечение Британии через Черное море в южнофашистский «крестовый поход»*, с тем чтобы Англия действовала в качестве тарана германской стратегии там, где последняя не имеет собственного. Крымская экспедиция и галлиполийский эксперимент должны быть проделаны заново, но на сей раз в насущных интересах господина Гитлера и его полководцев. О том, что это предположение Германии не совсем свалилось с неба, можно, например, догадаться по следующим замечаниям, появившимся в «Sunday Times» от 3 июня 1934 г. (за подписью «Скрутейтор»).

«Как бы мирно мы ни были настроены, мы сами заинтересованы (в случае германского нападения на СССР. — *Автор*) в том, чтобы послать наш флот в Черное море, хотя бы для того, чтобы помешать пожару охватить и наш Ближний Восток; и мы должны, следовательно, решительно противиться турецкому требованию (об укреплении галлиполийских про-

ливов.— *Автор*), какими благовидными ни казались бы выдвигаемые в его защиту предлоги».

Именно это имеет в виду южный фашистский военный план, направленный против дунайской Европы, Черного моря и Украины.

Если в настоящее время, в результате конференции в Монтре, отношения между Англией и Турцией радикально изменились и вместо прежних противоречий возникает почти англо-турецкая Антанта, то это ни в какой мере не меняет германских намерений. Наоборот, Англия теперь уже в качестве союзника должна заставить Турцию открыть однажды свои ворота для антисоветской эскадры.

Если этот расчет оправдается, то фашистский план — с Британией на крайнем фланге наступления — получит окончательное завершение. Черноморская опасность для фашистской армии устранена, и можно приступать к финалу.

5. Генеральное наступление на Украину проводится:

а) германскими войсками, венгерской армией, австрийскими национал-социалистами, балканскими фашистами и мобилизованными дунайскими крестьянами; все эти силы направляются вниз по Дунаю под германским командованием;

б) польской армией, которая должна соединиться с этими силами на Днестре, и

в) британским флотом, который насильственно закроет доступ в Черное море или договорится об этом с Турцией.

Таким образом, и здесь на юге соберется кажущаяся (только кажущаяся, как в конечном счете и весь план!) чудовищная сила против страны социализма; сила, по сравнению с которой прежняя армия Пилсудского, штурмовавшая Киев в 1920 г., представляется песчинкой. И тогда вооруженный кулак должен ударить по Киеву, Одессе, Донбассу и Кавказу. Повсюду будут провозглашены «национально»-фашистские колониальные правительства, за которыми будет наблюдать начальство из германской главной квартиры; списки министров этих новых правительств уже сейчас горячо обсуждаются в русских белоэмигрантских кругах. Южнофашистская армия занимает этот южный сектор СССР, соединяется (через польскую армию в Белоруссии) с северной фашистской армией, «укрепившейся в Ленинграде», и диктует условия в Москве, — такой чести не удостоился и Наполеон Бонапарт, император французов. Мертвый генерал Гофман, «Шлиффен навыворот» новой Германии, отомщен. Геринг подписывает новый Брест-Литовск.

Какими должны быть условия второго Брест-Литовска, непосредственные *первые* результаты похода на Восток? Об этом можно часто читать в фашистской, и не только в германо-фашистской, прессе.

Суть этих условий состоит в установлении новой *Восточноевропейской империи Германии*, простирающейся от Белого моря на севере вплоть до Азовского моря на юге, охватывая часть Северной России — Ленинград (новая главная квартира возродившегося Балтийского ордена), Белоруссию, Украину и район Дона. Вместе это составляет, примерно, половину

современной Европейской части СССР, которая должна быть или непосредственно включена в Третью империю, или подчинена номинальному управлению различных германских вассалов (Балтийский орден, Финляндия, Польша, украинские фашисты и пр.).

Что касается другой половины Европейской части СССР, то Кавказ должен быть передан грузинским, татарским и другим фашистским сепаратистам (давнишним близким друзьям клики Гофмана — Розенберга); это означает на практике, что Кавказ также попадет под германский контроль; в то время как другие «зоны» и «сферы влияния», по-видимому, оставлены за Великобританией, помимо ее «интересов» в русской Центральной Азии. Сибирь должна стать протекторатом Японии, азиатского участника «крестового похода», и ее буферным государством. От СССР, согласно плану Гитлера — Гофмана, должно остаться после этого только узкое пространство между Москвой и Уралом, и там в качестве нового государства должна быть восстановлена старая «Московия».

Что такое Московия? Это — лесистая область вокруг Москвы, находившаяся под властью русских бояр, которая 500 лет назад, во времена тевтонского ордена, имела поразительное сходство с Абиссинией Менелика. Московия стала Россией, когда первый царь (Иван IV) включил в нее обширные территории на западе и Украину и сразился при этом, ради завоевания Балтики, с лидером тевтонского ордена, великим магистром Плеттенбергом; с тех пор Россия начала крепнуть, а тевтонский орден пришел в упадок.

Нет ничего удивительного в том, что название «Московия» вновь воскрешено в устах тех, кто считает себя преемниками Плеттенберга и Генриха Льва; тех, по мнению которых мировая история кончилась с гибелью тевтонского ордена и его планов империи в XVI столетии и начинается вновь с его восстановления в году 1933. Нео-Московия — это исторически неизбежное следствие Нео-Тевтонии; так легко раскрывается внутреннее содержание некоторых пикантных многозначительных лозунгов. Здесь, по милости великого магистра, должно править русско-фашистское правительство, главная деятельность которого должна состоять в истреблении остатков коммунизма, применении системы Геринга и раздаче заказов и концессий германским фирмам. Тогда будет закончена «эфиопизация» Восточной Европы и создана новая империя цезаря Гитлера от Рейна до Центральной Азии. *После этого фашистские армии начнут поход в обратном направлении: на Запад.*

Этим сказано все. Только слепой может не видеть того, что все это значит. Теперь, во всяком случае, становится совершенно ясным чудовищное политическое и военное *мошенничество*, которое совершает Гитлер, выдвигая формулу особой «восточной стратегии». Нет сепаратных «восточной» и «западной» стратегий германского фашизма. Есть только первая и вторая стадии проведения наступления в целом, в которой первая стадия делает вторую несомненно возможной и безусловно осуществимой; это та самая двухсторонняя проблема, для разрешения которой до 1914 г. Бисмарк и Шлиффен избрали Запад в качестве «первой» стадии (главная цель — Париж!) и которую сегодня Гитлер и Геринг хотят разрешить другим круж-

ным путем — посредством первоначального удара на Москву. Только и всего. Всякий, кто не видит этого беспримерного обмана, в самом деле заслуживает того, чтобы стать его жертвой.

Армии, которые вернутся после завоевания Советского Союза и Востока (все это в соответствии с гофмановским планом), которые покорят страну со 175 млн. населения, шестую часть земного шара, а еще до того во время «транзитного марша» подчинят также Северную Европу и дунайскую Европу, — эти армии по своем возвращении не потерпят противников на Западе. Они должны затопить весь континент. Это должно стать в буквальном смысле слова новым нашествием гуннов; все должно быть сметено на их пути.

Что сможет сделать Франция, когда против нее выступит армия за Рейном с миллионами и миллионами новобранцев из Восточной и Южной Европы, точно так же, как было в 1814 г., когда объединенные силы германской, австрийской и русской реакции сокрушили Францию в военном отношении и вступили в Париж?

Что сможет сделать Италия, если южная фашистская армия, имея в тылу полностью завоеванную дунайскую Европу, появится в Бреннере и под Триестом? Не будет больше ни Австрии, ни Чехословакии, ни Малой Антанты; только отряды катящейся германо-фашистской лавины.

Что сможет сделать Британия, если огромный воздушный флот Геринга, владычествующий над двумя третями континента, имеющий эскадрильи и вспомогательные базы во всех концах Европы, появится над этим крошечным островком?

Что смогут сделать все они вместе, эти остатки «гордой западноевропейской демократии», эти основатели пацифистской Лиги Наций и «спасители» Абиссинии, если после успеха, «достойного восхищения», «изолированного» восточного плана Германии им придется лицом к лицу столкнуться с трансконтинентальной империей, самой могущественной из всех доселе известных, подлинным новым Римом, со всеми человеческими, техническими, экономическими и военными ресурсами на этой огромной территории, получающей сырье из России и имеющей таких союзников в Азии, как новая паназиатская империя Японии?

Ведь между Северным морем и Тихим океаном после «победы на Востоке» останутся только эти две империи и их армии сомкнутся на Урале. Кто может поверить, что обе эти империи уже и теперь тесно связанные и сообща проводящие свои планы, будут *тогда, после такой победы*, сотрудничать в пацифистском духе и встречать Британию и Францию братскими объятиями?

Да, встреча на Западе произойдет, но эти объятия не будут приятными. Ведь военная перспектива, которая после успеха восточного плана для авторов этого плана откроется, быть может, на Западе, эта *перспектива, может стать тогда поистине наполеоновской*. В этом заключается финальная идея генерала Гофмана, и эта идея в своем роде логична. Наполеонизм по отношению к СССР — это вздор. Но наполеонизм по отношению к Западу, если бы СССР в самом деле мог бы быть предварительно разбит и завое-

ван, — это трезвая военная реальность, и ни один мыслящий человек, в том числе и военный эксперт, не может упускать ее из виду. Две фашистских армии Востока плюс завоеванная Москва означают новое наполеоновское вторжение в остальную Европу; это ясно, как дважды два — четыре. Об этом думает Гитлер, когда он торжественно и велеречиво отрицает всякие намерения «агрессии на Западе». Ради этого жил и умер генерал Гофман, который был только полусумасшедшим.

Мы не просим никого верить нам на слово. Это не фантазия, не теоретическое рассуждение. Возьмите политическую, стратегическую и экономическую карту Европы, наполните ее имманентной динамикой фашизма и подумайте об этом сами.

Глава X. Может ли Германия победить Советский Союз?

Сравнение стратегии материальных средств

Очевидно, все сводится к одному вопросу. Может ли Гитлер выиграть свой крестовый поход? Может ли *фашистская армия разбить социалистическую армию?*

Начиная с 1936 г., эта проблема заслоняет и отодвигает все остальные. Простая и ясная, она будет лейтмотивом всей мировой политики. И действительно, это последняя великая проблема капиталистической эпохи и переходного периода. Проблемы, которые придут вслед за ней, будут огромны и сыграют величайшую роль в истории человечества. Но они будут относиться к принципиально иному периоду и иметь принципиально иной характер. Это будут проблемы созидания, безграничного прогресса человечества, а проблема, о которой идет речь, это последняя в эпоху цивилизации великая проблема разрушения, взаимоуничтожающей внутренней борьбы человечества. Гитлер только потому играет значительную роль в истории, что он, побуждаемый неизвестными ему самому силами, должен подать сигнал к этому решающему столкновению.

По существу ответ на этот вопрос, ответ безошибочный и исчерпывающий, дают исторические законы, законы диалектики. Здесь не может быть двух ответов. Но никто не может и не смеет в такой момент пользоваться только научными абстракциями, только понятиями диалектики. Нужно проиллюстрировать диалектические законы и подтвердить их посредством элементарной арифметики. Это совершенно необходимо. Нужно подойти к этому вопросу как бы со счетной линейкой и циркулем в руках; изучать пункт за пунктом, часть за частью, складывать, множить и сравнивать цифры, и затем делать выводы — они должны быть ясны и показательны для каждого. В такой работе незачем заниматься пропагандой или поддаваться каким-либо политическим соблазнам — никто от этого не выиграет. Вопрос этот слишком серьезен и налагает слишком большую ответственность. История

дышит лихорадочно, мы все это ощущаем. Сейчас, до столкновения, нужен холодный трезвый анализ. Фашизм против социализма. Не идеи столкнутся теперь лицом к лицу, но силы, которыми располагают эти движения. Каковы эти силы?

В начале 1934 г., через год после прихода Гитлера к власти, автор этой книги на вопрос о том: «может ли Германия выиграть войну на Западе?», ответил «да», но с некоторыми оговорками¹. Да, если Запад разъединен и изолирован. Да, если западный план Шлиффена будет удачно скомбинирован с новым воздушным планом Геринга и с необисмаркианской изоляционистской дипломатией Гитлера. Анализ различных стратегических, политических и технических факторов привел в то время к предположению о вероятности такого исхода столкновения между Гитлером и Вейганом. Необходимо такой же анализ, сопровождающийся как можно более точным сопоставлением сил и возможностей обеих сторон фронта Геринг – Красная армия. Однако, прежде чем приступить к этому анализу, нужно ясно определить границы, в которых можно сравнивать эти силы; нужно точно выяснить, как правильно произвести такое сравнение.

Очевидно, что Советскому Союзу в этой войне придется бороться на два фронта: с Германией и ее более слабыми союзниками на западе и с Японией на востоке; расстояние между фронтами будет для СССР составлять 10 тыс. км. Япония, без сомнения, нападет на СССР одновременно с Германией (а может быть и раньше ее) и попытается вторгнуться в Восточную Сибирь от Владивостока до Байкала. Значит ли это, что силы Советского Союза надо в этой войне с самого начала непосредственно сопоставлять с силами всей фашистской коалиции «крестового похода», т. е. с силами Германии и Японии вместе взятыми? Это было бы первой коренной ошибкой, которая направила бы все расчеты по неверному пути.

Советский Союз, расположенный на двух континентах, будет сражаться и в Европе и в Азии. И все же его азиатский фронт и его азиатских противников нужно с самого начала, в основном, скинуть со счетов при определении его стратегического баланса. Япония *не сумеет* отвлечь существенной, заметной части всех наличных сил Советского Союза, как ни странно это звучит.

Дело тут не в том, что обширные негостеприимные пространства Сибири (ведь одна Восточная Сибирь равна по территории почти всей Европе), где города разбросаны далеко друг от друга, где нескончаемы расстояния, где редка сеть дорог и железнодорожных путей, сами по себе делают невозможной быструю наступательную войну для большой армии; здесь даже медленное продвижение вперед по занятой территории чрезвычайно затруднено и сомнительно, в связи с необходимостью закрепления ее за собой. Офицер американского генерального штаба Беттс, бывший военный атташе на Дальнем Востоке, считает, что японской армии, даже если бы ей противостояли значительно более слабые советские силы, не удалось бы дать решающее сражение (на озере Байкал) раньше чем через шесть меся-

¹ См. «Гитлер над Европой?»

цев после начала войны, так как все это время ей пришлось бы тратить свои главные силы на оккупацию и закрепление обширных пространств. Даже сравнительно небольшая советская сибирская армия наверняка могла бы тогда, при желании, значительное время применять на азиатском сухопутном фронте осторожную, выжидательную, оборонительную тактику, не рискуя попасть в критическое положение и не требуя подкреплений из Европейской России.

Уже сегодня Особая Краснознаменная дальневосточная армия в результате беспримерного всеобщего прогресса, имеющего место на советском Дальнем Востоке, совершенно независима и самостоятельна в отношении своих человеческих, технических и экономических ресурсов. Очевиден резкий контраст между современным положением и положением дел во время первой русско-японской войны 1904—1905 гг., когда царю приходилось перебрасывать свои главные силы из Европы в Маньчжурию на расстояние в тысячи километров по единственной железной дороге. Кроме того, вся сухопутная граница и морское побережье сильно укреплены. Но не это является причиной того, что будущую японскую армию нужно в основном снять со стратегических весов СССР.

Дело тут также не в том, что стратегическая обстановка на азиатском материке предоставляет Советскому Союзу благоприятные возможности для продолжительной обороны, а стратегические условия воздушной войны на востоке Азии, наоборот, благоприятствуют наступательной тактике. Один рейд дальневосточных советских воздушных эскадрилий через Японское море на Токио, Осака и Кобе может нанести Японии молниеносное поражение и таким образом парализовать ее одним выстрелом из «воздушного револьвера — Владивостока». Это выстрел «в грудь Японии», произведенный с кратчайшего географического расстояния (от Владивостока до японского побережья около 800 км, это меньше, чем расстояние между Лондоном и Берлином); атака мощных советских бомбардировщиков в первые же часы — если не минуты — войны на перенаселенные, легко воспламеняемые японские города, представляющие собой идеальную мишень, сразу представит в ином свете всю злополучную авантюру гитлеровского союзника в Азии; это может произойти еще до того, как горделивые японские дивизии в Маньчжурии пройдут первые 80 км. Летное время составляет в некоторых местах всего два часа.

Об этом хорошо осведомлены сегодня все генеральные штабы мира, и это также, вероятно, единственная причина того, почему дворцовая клика в Токио до сих пор не отдала милитаристской клике в Маньчжурии (Квантунской армии) ожидаемого там с таким нетерпением приказа о выступлении. Япония не может отразить такого воздушного удара, направленного в сердце страны, потому что лучшие в мире советские бомбардировщики слишком боеспособны и непобедимы. Она не может также ответить на этот удар воздушной атакой из Японии — для этого сибирские расстояния слишком огромны и пустынные. Ближайшая крупная индустриальная база — Кузнецкий бассейн — лежит вне досягаемости японских самолетов, на расстоянии, примерно, 5 700 км (о Москве не может быть и речи, и единствен-

ные пункты, которые подвергаются известной опасности — это советские авиабазы во Владивостоке и других местах, которые не дадут врагу застигнуть себя врасплох).

Советский воздушный флот поднимется в воздух прежде, чем его удастся вывести из строя неожиданным нападением, и тогда судьба Японии повиснет на волоске. Технически несовершенные японские воздушные силы нельзя сравнивать с советскими; большой, действительно могущественный японский военно-морской флот придет слишком поздно, а знаменитая, «непобедимая» Квантунская армия в Китае со всеми своими мелкими Александрами и Наполеонами может очень легко и очень неожиданно лишиться не только базы в тылу, но и отечества — вся слава паназиатского марша в несколько дней развеется, как дым.

В этом заключается более глубокая причина разногласий, как известно, существующих теперь между двумя кликами милитаристов в Японии, — кликом Квантунской армии (Араки — Доихара) и «умеренной» группой (двор); круги в Токио понимают стратегическую обстановку, знают о непосредственной опасности с воздуха и, следовательно, хотят выждать, в то время как тщеславные и невежественные квантунские генералы, всю жизнь имевшие дело с незащищенными китайскими «солдатами», кули и маньчжурскими крестьянами, не могут думать ни о чем больше, как только о своем «сухопутном марше» (в этом отношении они являются типичными последователями генерала Гофмана, который ведь тоже хотел провести «марш» до Москвы на грузовиках). Другой вопрос, какая из этих двух клик одержит верх: Германия поддерживает квантунцев по очень определенным собственным мотивам. Подписание германо-японского соглашения в ноябре 1936 г. является фактом совершенно определенным. Но ясно, что воздушная стратегия может очень быстро и очень радикально в значительной мере разрешить проблему «второго фронта» для СССР. Японию можно парализовать в военном отношении по крайней мере на значительное время. И все-таки даже не это сбалансирует в этой войне силы Японии против СССР.

Эти силы целиком балансируются, балансируются больше чем на 100%, совершенно иной силой, которую до сих пор еще совсем не замечали, хотя она уже окрепла. Эта сила в самом начале войны (а может быть и раньше) появится на сцене, чтобы занять с этого момента доминирующую роль и стать фактором более важным, чем все прочие на этом континенте и на этом театре войны: *революционный Китай*. Этот фактор упускают из виду при простом противопоставлении Советского Союза германо-японской коалиции, а без него такое сопоставление явно бессодержательно.

Четырехсотмиллионный народ угнетенного Китая сводит на нет значение как нынешней, так и будущей Квантунской армии, даже в том случае, если она удвоит свой состав. Китайский народ, а не дальневосточная Красная армия, является естественным и непосредственным противовесом японской мощи на Дальнем Востоке, в сравнении с которым роль дальневосточной армии значительно уменьшается. До сих пор он не был в состоянии парализовать японскую мощь, потому что в условиях современного закрепощенного колониального Китая эти миллионы были обречены на пассив-

ность и бездеятельность, они могли лишь выражать глухое недовольство, но не сражаться; до сих пор внутри Китая не было еще такой силы, которая дала бы толчок, чтобы мобилизовать и активизировать китайский народ. Таково было положение до сих пор. Однако в тот момент, когда разразится буря и перевернет все в Азии, создавая принципиально новые политические и военные условия, в тот момент, когда Красная армия двинется на японских тиранов в Маньчжурии, Монголии и Китае, тогда покажет себя этот новый фактор.

Огромный человеческий и социальный массив от Индии до Тихого океана, давно созревший для взрыва, вспыхнет таким пожаром, которого уже не удастся потушить. Несчастные китайские крестьяне, кули и интеллигенты, получившие, наконец, возможность организовать, вооружиться и сплотиться в активную национальную силу, не замедлят тогда выступить на борьбу, чтобы отвоевать свою национальную свободу: против Японии, против Маньчжоу-Го, против своих собственных ренегатов. Они смогут атаковать Японию — своего угнетателя — в ее ослабевшем тылу. И эта нация, которую так много третировали, *держава* Китай, которой никто не замечал, займет в этот момент свое место в истории, одно из первых мест, принадлежащих ей по праву. Организованная в военном отношении, эта держава со своими неисчерпаемыми массами сможет растоптать Квантунскую армию и грозить главным японским силам. Итак, не дальневосточная армия, а независимая *азиатская армия* выступит навстречу Японии; и в конечном счете ее людские и социальные резервы окажутся больше японских.

Национальная революция сплотит четырехсотмиллионный народ; оборонительный союз с СССР доставит ему техническую и организационную помощь, наконец, вместе с советским воздушным флотом армия китайского народа будет представлять собой такую силу, которая нанесет квантунским генералам самый сильный удар за всю их жизнь. На этот раз политическое и социальное невежество будет наказано так жестоко, как никогда. И если квантунские генералы все еще продолжают свой безумный военный танец на вершине вулкана, если они размещают в Китае свои маленькие гарнизоны в одном районе за другим, то они только ускоряют пришествие и потенциальное формирование этой будущей армии среди угнетаемого ими народа.

Так называемая «китайская красная армия», уже существующая и правящая внутри страны различными провинциями, населенными десятками миллионов людей, эта армия непобедима, хотя ее в течение ряда лет преследуют Япония, Чан Кай-ши, бандиты и наемники; однако она не более чем маленький зародыш, кадры вождей для национально-революционной, антиимпериалистской азиатской армии будущего; такая армия будет не «службой» Советского Союза, но его независимым и свободным союзником при совместном отражении японского удара. Лига Наций не найдет в Азии более верного сторонника. Главной его целью будет национальная эмансипация угнетенных народов Дальнего Востока. И в то же время эта армия определенно разрешит проблему русского «второго фронта» в будущей войне, поскольку она в основном заменит силы Советов на этом фронте.

Нельзя терять из вида этого важного обстоятельства, исследуя соотношение сил во время гитлеровского мирового крестового похода против Советского Союза. Не одна, а две армии — *социалистическая и национально-революционная* — преградят путь этому походу: европейская и восточно-азиатская; армия, выступающая против центральноевропейского фашизма, и армия, борющаяся с восточноазиатским фашизмом. Таким образом, в поле нашего зрения должна остаться только первая армия и первый фронт, где мы сможем непосредственно сравнить в целом стоящие друг против друга силы. Что касается Особой дальневосточной армии СССР, то она все же должна быть вычтена из «актива» Советского Союза, но этому можно противопоставить тот факт, что и Германии также при любых обстоятельствах придется оставить часть своих сил на западной границе с Францией. Гитлер никогда не обнажит Рейна, даже если у власти будет находиться господин Лаваль или какой-либо другой сторонник крестового похода. Кроме того, так же как во время последней войны, когда Россия воевала с Германией и Австрией, небольшая часть ее армии была занята вне Европы: тогда это была «кавказская армия», сражавшаяся против Турции. Ныне Турция является другом Советского Союза. Таким же образом можно в общем не принимать в расчет германских меньших потенциальных союзников в Европе: Польшу, Финляндию, Венгрию и им подобных потому, что и они в свою очередь будут уравновешены другими силами, например, Малой Антантой (если она не капитулирует и останется верной уставу Лиги Наций), и во всяком случае социалистическими и антифашистскими элементами в этих зонах, которые во время войны не будут сидеть сложа руки.

Нет, действительными противниками, стоящими прямо друг против друга, сконцентрировав силы, являются Советский Союз и *Германия*, и только их можно непосредственно противопоставлять друг другу. Основа и масштабы этого сравнения теперь установлены. Имеются четыре аспекта для сопоставления сил, четыре потенциальных стратегии, от которых зависит исход в современной войне: стратегия материальных средств, оперативная, воздушная и социальная стратегия. Каждая из них имеет свой специфический смысл, каждая должна быть сопоставлена, но только общий итог определит результаты. Мы начнем со стратегии, которая представляет собой по отношению ко всем остальным как бы «коэффициент» и проще всего характеризует ситуацию: это стратегия чисто материальных средств — людей, оружия и продуктов промышленности и сельского хозяйства; все это вместе взятое определяет в итоге силы современной воюющей армии. Какие *армии* выставят друг против друга фашизм и социализм?

* * *

Советский Союз — авангард социализма — имеет население в 175 млн., Германия — авангард фашизма — 70 млн. Это составляет соотношение $2\frac{1}{2}$ к 1. Но это только номинальная база для подсчета, так как количество и качество материальных средств «производственного процесса» войны (людей, машин и материалов) зависят не только от количества населения, но и от

уровня его организации. Нужно принять во внимание и количество, и эффективность. И здесь на первый взгляд кажется, что Германия имеет преимущества над СССР не в отношении потенциальных ресурсов, а в отношении эффективной организации.

Человеческие ресурсы

Обеим сторонам в этой войне, чтобы охватить фронт в 3 200 км, линию от Ледовитого океана до Черного моря, придется выставить огромные силы. Возможно, что в этой войне, которая будет не только войной между государствами, но также и войной социальной, войной, которая будет вестись с крайней ожесточенностью, с величайшей решимостью, эти армии будут даже больше, чем армии последней мировой войны. Во всяком случае, в движение будет приведена огромная человеческая масса, причем не только для того, чтобы обслуживать или управлять огромными современными военными машинами, но и для того, чтобы с помощью и под прикрытием этих машин сражаться, наступать, штурмовать и занимать территории. «Война без людей» — романтическая мечта современных военных индивидуалистов. Наоборот, спрос на человеческую силу, а особенно на обученную квалифицированную человеческую силу, никогда не был так велик, каким он будет в этой механизированной войне танков, броневиков и воздушных крейсеров; точно так же применение современного машинного оборудования в промышленности в течение последнего столетия не сократило численности пролетариата, но, напротив, неизмеримо ее увеличило. Какое количество человеческого материала смогут предоставить для своих массовых армий Германия и Советский Союз?

Несмотря на свое относительно меньшее по сравнению с другими воюющими странами население, Германия послала в окопы во время войны самую грозную армию. Нет никакого сомнения в том, что Гитлер и Геринг на этот раз снова попытаются мобилизовать такую же силу, а если удастся, даже большую. Германская регулярная армия мирного времени насчитывала к 1936 г. 546 тыс. человек, что равняется 36 дивизиям, и будет после удвоения срока военной службы и образования новых подразделений составлять 750 тыс. человек или, примерно, 50 дивизий. Очевидно, что это только официальные основные кадры (германская армия мирного времени до мировой войны насчитывала 730 тыс. человек и составляла 51 дивизию) и что помимо них существует еще вторая иррегулярная, но почти столь же мобильная и хорошо обученная армия: различные «политические» и «административные» формирования вооруженных национал-социалистов. Эти добавочные постоянные кадры насчитывают в настоящий момент не менее миллиона человек:

СА (коричневорубашечники)	400 000
СС (чернорубашечники)	200 000
Военизированные отряды трудповинности	150 000
Военизированный национал-социалистский корпус мотоциклистов (НСКК)	50 000

Полиция (различные формирования)	150 000
«Охрана границ» (Grenzschutz)	50 000
Итого, примерно, 72 дивизии ¹	1 000 000

Итак, иррегулярное «завуалированное» ответвление германской армии мирного времени, которое частично уже также интенсивно вооружено, обучено и размещено по казармам, на деле значительно больше официальных кадров; в итоге мы получаем, примерно, 117 дивизий — армию, которую Германия будет иметь наготове в первый же момент войны в качестве войск первой очереди.

Германская армия первой очереди после мобилизации:

50 регулярных дивизий (бывший рейхсвер)	750 000
67 иррегулярных дивизий (вооруженные национал-социалисты)	1 000 000
Итого 117 дивизий	1 750 000 чел.

Численность германской армии, составляющей 117 дивизий в течение первых дней или недель мобилизации, совпадает не только с предположениями крупнейших военачальников в Европе, высказывавшихся о численности первоочередной будущей германской армии (маршал Петен указывает цифру в 100 пехотных дивизий, маршал Тухачевский — 108 пехотных дивизий); но она также почти точно соответствует количеству дивизий, выставленных Германией Вильгельма II немедленно или вскоре после того, как война началась (92 дивизии после мобилизации и 112 после первых четырех месяцев войны). В течение первого периода войны страна не может дать больше этого количества; должен пройти известный срок, прежде чем следующие резервы младших или старших возрастов будут призваны, обучены и снабжены оружием для отправки на фронт. И без сомнения, 117 дивизий для гитлеровской Германии далеко неплохое начало, если принять во внимание, что современная французская армия мирного времени составляет 30 дивизий, а вся царская

¹ Для таблицы использованы по возможности официальные германские данные; численность СС и отрядов «трудовой повинности» указана по официальным цифрам. Что касается полиции, то ее формирования, выступающие под различными названиями, сложены вместе: это регулярная полиция, геринговские «фельдгегери», «железнодорожная и почтовая охрана» и т. д. Оценка численности СА и корпуса мотоциклистов сильно преуменьшена. Сами национал-социалисты сообщили недавно («Völkischer Beobachter» от 30 января 1936 г.) численность трех разрядов СА: «активные СА» (от 18 до 35 лет), «резерв СА» (от 35 до 45 лет) и «ландштурм СА» (свыше 45 лет) — в количестве 697 полков, насчитывающих от 1 тыс. до 3 тыс. человек каждый, что составляет в общем, исходя из средней цифры, 1400 тыс. человек. В цифру 400 тыс. включаются, следовательно, только наиболее активные и наиболее мобильные подразделения СА, напоминающие в этом отношении скорее СС. Согласно национал-социалистским данным, корпус мотоциклистов (НСКК) охватывает сегодня не менее 500 тыс. германских мотоциклистов, и цифра 50 тыс. приблизительно соответствует здесь численности наиболее активного его ядра.

Россия с населением, превосходившим население Германии в 1914 г. более чем в два раза, располагала после мобилизации только 105 дивизиями.

А как обстоит дело с потенциальной германской армией *второй* очереди, с резервами, которые удастся получить только в дальнейшем ходе войны при крайнем напряжении оставшихся сил нации? Весь германский резерв младших возрастов, годных для военной службы (1901–1915 гг.), равняется в настоящий момент 9 млн. человек, из которых годны к военной службе около четырех пятых, или, примерно, 7 млн. В последние годы мировой войны старой Германии удалось ценой грубейшего, почти рокового насилия над народом добиться неслыханного рекорда — выставить 241 дивизию: 472% армии мирного времени! Затем Германия потерпела крах.

Очевидно, что это количество явно не под силу Гитлеру не только потому, что он не может, как Вильгельм II, вести войну в течение четырех лет, но также и потому, что все эти расчеты, в том числе и расчет количества армии первой очереди, с самого начала ставятся под сомнение в силу того, что большая часть германского народа наверняка активно выступит против Гитлера и его войны; это будет в частности рабочий класс, остающийся и теперь верным социализму. Формирование и посылка на фронт новых дивизий ни в каком случае не пройдут для Гитлера так гладко, как в свое время для Гинденбурга и Людендорфа, и чем дольше будет тянуться война, тем сильнее это будет давать себя чувствовать. Это уже вторжение в область «социальной стратегии», которая будет рассмотрена в последнюю очередь. Первый результат нашего подсчета следующий: в «нормальных» обстоятельствах Германия начнет войну с 100–120 дивизиями.

Какую живую силу противопоставит этому Советский Союз? Армия СССР мирного времени насчитывала до сих пор 1300 тыс. человек (129 дивизий); после недавнего понижения призывного возраста это число может еще более возрасти. Таким образом, человеческая масса социалистической армии уже сегодня, в ограниченных рамках мирного времени, превышает регулярную армию и значительную часть иррегулярных первоочередных кадров германского фашизма, хотя, например, при этом подсчете не учитывается советская полиция. Однако как велика будет действительная, полная сила этой армии после мобилизации? Принимая обычную пропорцию нормы численности армии военного времени по сравнению с армией мирного времени (вдвое), получаем 258 дивизий (немцы уже достигли этого увеличения за счет своих нерегулярных частей). Но даже старая, плохо организованная и прогнившая царская армия к середине войны достигла 220% численности мирного времени (152 дивизии). В настоящее время, поскольку население Советского Союза не уменьшилось, а промышленная основа стала несравнимо шире, и организация радикально улучшенной, эта военная норма будет значительно превышена. Увеличение всего лишь на 150% по отношению к численности мирного времени дает 350–400 советских дивизий против 150–200 немецких дивизий. Причем цифра 200 дивизий Германии оценена по крайней мере не меньше, чем в 4 раза от официальной цифры мирного времени.

400 дивизий социалистической армии! Для любого, кто оценивает размеры и наличные резервы СССР и сравнивает, например, население Герма-

нии и СССР, физическая осуществимость этих цифр несомненна. Существуют однако причины и соображения (косвенной природы), которые заставляют многих иностранных специалистов рассматривать практическую реализацию этих цифр как невозможную (имеются в виду вопросы вооружений и транспортировки). Мы вернемся к этим вопросам позже. Здесь можно отметить лишь факт потенциальной возможности такой советской армии, исходя из численности населения СССР и соотношения к численности армии мирного времени.¹

Но не будет ли военное *качество* этой армии, т. е., иными словами, ее подготовка, боеспособность и выдержка, ниже, чем у германской армии?

Теория «низкого уровня» советских солдат, ставших солдатами социализма, это снова все та же старая болтовня, которую не нужно принимать всерьез. Солдаты царской армии в 1914 г. были несравненно хуже вооружены и гораздо меньше воодушевлены волей к победе, чем германские солдаты; выносливость их была большей. Красноармейцы СССР в 1936 г. по уровню военной подготовки, тактических и технических знаний, физической выносливости и боеспособности занимают место, *по меньшей мере*, среди лучших армий мира. Они не имеют себе равных по своей воле к победе и своему пониманию, за что ведется война; это не невежественные рекруты, но коллектив защитников социализма. Красная армия, благодаря своей социальной природе, не только дисциплинированная военная организация, это также коллектив, объединенный общей идеологией, политический, технический и культурный «университет», воспитывающий свободных и высокоразвитых людей; людей, которые ненавидят войну, но которые именно поэтому будут сражаться с огромным мужеством, если на них нападут. Различные иностранные генералы во время больших советских маневров осенью 1935 г. могли легко убедиться во влиянии социального фактора на военную эффективность войск.

Ныне советская пехота по своим боевым качествам не ниже, а, может быть, даже выше французской. Советская кавалерия, летающая армия маршала Буденного, даже немцами признается самой сильной в Европе, и в качестве непосредственного вывода из этого признания Гитлер и Бломберг хотят довести число кавалерийских дивизий в своей новой армии до максимума; это — попытка компенсации боевых возможностей красных кавалеристов на широких равнинах и в степях Советского Союза.

А как обстоит дело с важнейшим «коэффициентом» массовой армии — *командным составом*? Что представляют собой кадры социалистических командиров по сравнению с фашистскими?

И здесь снова стратеги гофмановской школы, стратеги последнего столетия, считают, что советские командиры, молодые и «неопытные» красные лейтенанты и капитаны с фабрик и из деревень, не выдержат никако-

¹ Если Германия со своими 70 млн. населения смогла в 1918 г. выставить 241 дивизию, тогда теоретически такое же усилие со стороны государства, чье население в 2,5 раза больше, должно бы дать цифру даже 600 дивизий. В феврале 1936 г. М.Эррио, выступая во французском парламенте, привел цифру 13 млн. человек в своей оценке русского резерва.

го сравнения с лейтенантами, капитанами и генералами классической военной державы — Германии, образующими наиболее милитаристскую касту во всем мире. Это кажется убедительным.

Но любопытно, что в 1793 г. и позже точно то же самое говорилось и писалось о молодых офицерах Французской революции до тех пор, пока им не удалось померяться силами с почтенными генералами, принцами и другими наследственными носителями эполет из австрийской, прусской и русской армий. Этот забавный тезис выдвигается теми, кто искренне считают военное искусство чем-то вроде божественного дара, нерушимой привилегии известной касты; они не понимают, что это продукт и достижение восходящего в тот или иной период социального класса.

В истории, в конечном счете, всегда побеждали генералы молодых поднимающихся классов и их государства; проигрывали же всегда генералы сходящих с исторической арены реакционных каст. Только первые, благодаря молодости своего класса и своего общества, обладали чутьем и способностями для новой и, как все в мире, вечно «текучей» стратегии, которую они немедленно усвоили и применили во всей широте. Вот почему «дерзкие» тридцатилетние генералы мелкой буржуазии французского Конвента побеждали старых дряхлых мудрецов — австрийских эрцгерцогов; а позднее — представители молодой капиталистической буржуазии Германии Мольтке и его школа, одерживали победы над генералами бездарной Второй империи Наполеона III.

Офицеры более молодой и более энергичной социальной системы всегда лучше; а социалистические офицеры Советского Союза — самые молодые в мире. Они ведь имеют не только опыт последней мировой войны, во время которой многие из них сражались в окопах как солдаты и не получившие официального чина офицеры и лейтенанты; они имеют также опыт русской гражданской войны, во время которой небольшие по численности армии применяли чрезвычайно интенсивную стратегию. После гражданской войны, в период великой эпохи социалистической реконструкции, они усвоили знания капиталистического военного искусства и прибавили к этому знания, которыми они монопольно обладают, — новейшую стратегию, социалистическую стратегию, соединяющую понимание значения видов оружия и знание позиции со знанием силы классов.

Эта небольшая разница значит очень много. Вслед за ними идут молодые командиры, которые обучаются ныне в тринадцати больших военных академиях Советского Союза. В 1936 г. в них обучалось 16 тыс. высококвалифицированных командиров.¹ Между тем, германская армия, безусловно, все еще страдает из-за недостатка офицеров и неудовлетворительной их подготовки.² Нет, офицеры Сталина и Ворошилова, бывшие рабочие и деревенские парни, будут выше офицеров Гитлера и Геринга!

Таков итог простого сопоставления человеческих сил двух будущих европейских армий. Итог складывается как абсолютное, подавляющее пре-

¹ См. *М.Н.Тухачевский. Задачи обороны СССР. Партиздат, 1936 г., стр. 13. — Прим. переводчика.*

² Эта оценка дана в издании на русском языке. — *Прим. сост.*

восходство в пользу Советского Союза, в пользу социалистической армии. По своему людскому составу эта армия будет сильнее. Но как эта людская сила будет снаряжена технически, как она будет снабжена *механическими* орудиями войны? Может быть, как раз здесь и найдет, наконец, свое выражение специфическое превосходство Германии?

Механические силы

Это законный вопрос. Ответ на него может свести на нет результаты первого, произведенного выше анализа или, возможно, привести к совершенно обратным выводам. Ведь современные «мертвые», механические воины участвуют теперь в войне на равных правах с живыми воинами, которые управляют ими, приводят их в действие и стреляют из них. В то время как в 1914 г. две трети армии состояло из пехотинцев, вооруженных винтовками, теперь половина армии состоит из различных родов технических войск, обслуживающих машины войны. Именно разница в оснащении техническими средствами войны сыграла роковую роль в том, что старая царская армия сломала себе хребет в войне с Германией.

Царь и правившая русская аристократия, привыкшие жертвовать людьми из своих обширных владений в неограниченном количестве и компенсировать этим все остальное, «затыкать все дыры» этим недорогим материалом, снабдили свою миллионную армию таким количеством пулеметов и легкой артиллерии, которого не хватило бы даже для средней по размерам европейской армии; в русской армии было очень мало тяжелой артиллерии. Оружие приходилось ввозить в самый разгар войны из-за границы. Царская Россия импортировала 75% своей артиллерии, 60% винтовок, 75% артиллерийских снарядов, 60% патронов. Русскую дивизию никак нельзя было сравнивать с германской; хотя в ней было больше солдат (16 батальонов против 12 германских), она имела на вооружении только 48 орудий против 72 германских; естественно, что германская дивизия уничтожала живую силу русской дивизии. Именно поэтому большинство крупных сражений в этой войне было проиграно Россией. Подсчитано, что на каждый снаряд, выпущенный русскими, приходилось 300 снарядов неприятеля. Огонь неприятеля вновь и вновь косил русских пехотинцев, вооруженных винтовками, и в этой войне Россия потеряла убитыми 1700 тыс. человек против 1800 тыс. человек, которых потеряла убитыми Германия, а ведь Германия сражалась и на западе, и на востоке, и вела войну на год дольше (1918 г.). 60 русских дивизий, которые были «заново сформированы» в 1917 г. (уже при Керенском), фактически вовсе не получили артиллерии; с таким вооружением их погнали в наступление против германских и австрийских укрепленных линий, и как раз во время этого ужасного наступления, которого никогда не забудет ни один русский солдат, случилось то, что русская армия внезапно и как один человек пошла за Лениным.

А как обстоит дело сейчас? Теперь Германия, которая в 1918 г. передала победителям или уничтожила 55 тыс. орудий, 102 тыс. пулеметов и 28 тыс. траншейных мортир, снова имеет в своем распоряжении свой старый гроз-

ный арсенал. Германская промышленность снова ежемесячно производит для Гитлера до 500 орудий (генерал Сперс назвал эту цифру в палате общин еще в 1935 г.) и 200 танков, а после того, как вспыхнет война и произойдет всеобщая мобилизация, промышленность сможет, вероятно, поставлять не менее 3 тыс. орудий ежемесячно (в конце первого года войны), а кроме того 25 тыс. пулеметов и 1 тыс. танков.

Новая германская армия вооружает свою дивизию 400-450 пулеметами и 180 легкими и тяжелыми орудиями; корпусам и армиям придаются также специальные артиллерийские подразделения, которые полностью моторизуются. В качестве нового массового ударного средства создается особая танковая армия под самостоятельным командованием; в нее входят, кроме легких танков новой конструкции (команда из двух человек), которыми сейчас переполнены склады всех германских автомобильных заводов, также и тяжелые «сверх-танки» с командой в 6 человек; эта крепость на колесах весит 8 т, оборудована двумя орудиями и двумя пулеметами и передвигается со скоростью 80 км в час! Как раз эти «бронированные дивизии» должны образовать действительный стержень новой германской армии. Согласно заявлению, сделанному в бельгийском парламенте в августе 1935 г. докладчиком бельгийскому сенату де Дорлодо, германский пулемет ныне лучше французского. Снова эту концентрированную массу механических средств разрушения собираются испытать на русском фронте; что она встретит там на этот раз, помимо людей?

Армия, которая была когда-то самой отсталой в Европе, стала именно в *техническом* смысле одной из первых армий в мире — как ни трудно переварить этот факт многим генеральным штабам в Европе. Они вынуждены, однако, признать его. В сентябре 1935 г. заместитель начальника французского генерального штаба Луазо в изумлении заявил, что «техника Красной армии стоит на необычайно высоком уровне» даже по сравнению с западноевропейскими армиями, а генерал Крейчи, член чехословацкого генерального штаба, заверил: «что касается материально-технической части..., то Советская армия в этом отношении стоит, вне всякого сомнения, на одном из первых мест среди армий всего мира, если вообще не на самом первом месте»¹.

В 1933 г. на каждую единицу живой силы (на одного бойца) в Красной армии приходилось 7,74 лш. силы энергии двигателей (т. е. танков, моторизованной артиллерии, транспортных средств, аэропланов и т. д.): уровень моторизации более высокий, чем во французской, английской и американской армиях. Подлинный быстрый военный рост Советского Союза начался только с 1933 г. За период с 1931 по 1935 г., в процессе социалистической реконструкции, Красная армия была оснащена огромным количеством интенсивных технических средств: количество тяжелых орудий возросло за этот период более чем на 100%, количество легких танков на 2475%, средних и крупных танков на 792% и пулеметов на 750%². В то же время скорость новых танков увеличи-

¹ Интервью, напечатанное в «Известиях ЦИК СССР» от 18 сентября 1935 г. Господин Крейчи не коммунист — он генерал.

² Официальные цифры, приведенные на VII съезде Советов 31 января 1935 г. заместителем наркома обороны Тухачевским.

лась от трех до шести раз по сравнению со старыми, а конструкция и дальность артиллерии и пулеметов достигли самого современного уровня.

Первое техническое «впрыскивание» (второе началось в 1935 г.) раз и навсегда в корне изменило весь характер советской армии, превратив ее из армии по преимуществу «ручного оружия» в сверхмеханизированную, — метаморфоза, которая так неприятно поразила иностранные генеральные штабы. «Секрет» этого изменения очень прост: он заключается в понятии «социалистическая реконструкция». Стратеги марксизма, которые всегда понимали роль современных промышленных машин, создающих базу их собственной политической армии — рабочего класса, немедленно оценили, когда им пришлось стать также и стратегами внешней войны, специфическую роль военных машин: они повернули все основание советской армии на 180°. Они сделали, таким образом, обратное тому, что делал царь и его феодальная каста, которые при построении своей армии исходили из собственного социального принципа — деспотической эксплуатации неограниченных человеческих резервов.

Результат был во всяком случае таков, что уже к 1935 г. советская армия не только была полностью оснащена технически, но ее вооружение (так как оно было произведено в течение трех-четырех последних лет) с качественной стороны стоит на самом высоком уровне; многим западноевропейским армиям приходится в настоящий момент «донашивать» свое старое вооружение. Нет, например, никакого сомнения в том, что советские танковые силы стоят сегодня на первом месте в мире, а после самолета танк будет самым важным орудием в будущей войне¹.

Это произошло не только в результате социалистической индустриализации; но является также и следствием социалистической перedelки самих будущих участников войны. Квалифицированные рабочие с механических заводов по собственному почину и с энтузиазмом становятся водителями танков, и один из таких рабочих изобрел, например, недавно новый способ вождения танка, позволяющий танку без каких-либо специальных приспособлений подпрыгивать вверх, преодолевать рвы, стены и т. п.². Примерно то же самое можно сказать о двух других областях механизированной войны: моторизации и военной химии.

Всеобщий процесс модернизации армии продолжался и расширялся беспрерывно, особенно в течение второго полугодия 1935 г., с тем чтобы специальные преимущества, которые дает относительная новизна советского вооружения, не были утрачены. В мире существует еще только одна армия, которая разделяет с СССР это преимущество, и это германская

¹ Об этом сообщалось в «Правде» 13 января 1936 г.

² Генерал Луазо, заместитель начальника французского генерального штаба, заявил 17 сентября 1935 г. представителям прессы в Москве: «В отношении, например, танков я полагал бы правильным считать армию Советского Союза на первом месте. Вы обладаете целой гаммой танков самых различных размеров и типов, начиная от маленьких быстрых танкеток и кончая подлинными земными броненосцами. Это открывает богатые возможности для самых разнообразных операций и взаимодействия всевозможных родов оружия. Ваш танковый парк поистине чудесен. Скажу откровенно, — мы (Франция) не прочь были бы обладать таким».

армия. Гитлер и Геринг также начали перевооружаться, главным образом, в течение 1933 и 1934 гг.; их пушки, танки и пулеметы также сверхсовременны. *Техническое качество ведущих армий социализма и фашизма может стать равным*, или приблизительно равным (хотя время постоянно работает в пользу первой). Таким образом, проблема явно сводится к вопросу *о количестве*, о потенциальной способности в целом производить эти механические орудия войны и возмещать потери во время войны. А это решают экономические ресурсы обоих лагерей.

Экономические силы

Если потенциальные силы любой армии представить в виде пирамиды, то ее вершиной будет людской состав, средней частью — техническая оснащенность, а широкое основание этой пирамиды образует национальная экономика страны — промышленность, снабжающая армию механическими орудиями и сырьем, из которого эти орудия производятся. Сравнение стратегии материальных средств неизбежно приводит в конце концов к такому сопоставлению общих экономических сил противников, глубочайшего источника, из которого они могут черпать. По отношению к Советскому Союзу и Германии это сравнение особенно необходимо. Как бы ни велики были резервы, имеющиеся наготове перед этой войной, борьба будет такой ожесточенной, такой интенсивной, что даже кратчайшего периода окажется достаточно, чтобы вызвать острую нужду в возмещении всех этих материалов.

Современная «механическая» дивизия, которая тащит за собой 180-200 легких и тяжелых орудий, 450 танков, 2-3 тыс. автомобилей и мотоциклов, снаряжение и продовольствие для 20 тыс. человек, телефонное и радиооборудование, оборудование для наводки мостов и пр., напоминает некий гигантский организм, который надо беспрерывно питать, поддерживать в порядке, перевозить и, наконец, посылать на линию огня. И весь этот материал нужно без заминки производить в тылу. Малейшая заминка в снабжении означает, что этот механический гигант остановится, и тогда его уничтожит такой же гигант неприятеля. Каждая такая дивизия предъявляет спрос на продовольствие, металл, нефть, взрывчатые вещества, транспортные средства и на сырье, известное под названием денег, в количествах, на которые раньше могли существовать не только целые армии, но целые нации. Так, на последних французских маневрах осенью 1935 г. французские дивизии потребляли 100 тыс. л горючего ежедневно!

Современная война, которая является в первую очередь войной массовой, во вторую очередь — войной механической, в смысле более глубоком, чем обе эти характеристики, является войной экономической, битвой между целыми отраслями промышленности, трестами и источниками сырьевых материалов, противостоящими друг другу подобно армиям. Вот почему капиталисты и фашисты называют эту войну «тоталитарной», давая тем самым понять, что на своей последней стадии, стадии отчаяния, умирающий капитализм вынужден превратить *решительно все*, все силы и

материальные ресурсы, без исключения в массу средств разрушения, отравить все окружающее зародышами смерти. Вопрос заключается в том, какая из двух сил — фашистская или социалистическая — выдержит дольше? Кто располагает большими количествами металлов, нефти, хлеба, машин, двигателей, электричества и рабочей силы для этой войны, для механизированных дивизий — Германия или СССР?

В 1914 г. царская Россия также имела гораздо больше всевозможного сырья, чем Германия, но зато гораздо меньше машин, и вот почему в результате объем русской продукции был минимальным. Огромные производительные силы России в 1914—1917 гг. оставались в основном бесполезными. Они не участвовали в ведении войны.

Экономические ресурсы Германии и России в 1914 г.¹

	Германия	Россия
Миллионы тонн угля	208	36
— железа	16,6	4,6
— стали	17,6	4,9
Тысячи тонн меди	41,5	34,3
Миллионы тонн нефти	0,1	8,6
Километры железных дорог на 100 тыс. населения	90	41,5
Миллионы тонн торгового флота	5,4	0,97
— хлеба	30	81
— голов скота	56	170

Данные этой таблицы предопределили гибель царской стратегии, экономический капитал страны не стал ее военным капиталом. Фронт остался обособленным от внутреннего производства и зависел в значительной мере от импорта, т. е. висел, так сказать, на ниточке, которую в любой момент могли перерезать неприятельские корабли или армии, что и в самом деле повторялось неоднократно. Не хватало стали для пушек, заводов для производства пулеметов и снарядов, не хватало даже железа для производства колючей проволоки. Большой донецкий бассейн, находившийся в руках французских концессионеров, спал. Урал был небольшой промышленной областью. Кузбасс был тогда неизвестен. А в то же время Рур в Германии бурлил и с бешеной энергией выпускал продукцию. Богатейшая страна в мире проиграла войну из-за экономической нищеты. Ее хозяйственный баланс парализовал ее превосходство в живой силе.

А как обстоит дело сегодня, на девятнадцатом году существования советской власти, на девятом году социалистической реконструкции (считая с первого года первой пятилетки)?

¹ В таблице приведены цифры производства этих двух стран перед началом мировой войны. Поскольку это оказалось возможным, приведены цифры 1913 г., последнего года мира, как показательного. В цифру производства угля Германией включена продукция бурого угля, переведенная в продукцию каменного угля. В поголовье скота включены лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи.

Экономические ресурсы Германии и СССР в 1936 г.¹

	Германия	СССР
Миллионы тонн угля	174	135
— железа	12,5	14,0
— стали	16	16
Миллионы тонн нефти	0,4	30
Километры железных дорог на 100 тыс. населения	88,5	48
Миллиарды киловатт электроэнергии	31	32
Тысячи автомобилей	240	161,5
Миллионы рабочих и служащих	16,5	25,7

Таковы изменения, которые имели место в течение двадцати лет. За это время произошли социалистическая революция в России и фашистская контрреволюция в Германии.

Экономические ресурсы СССР по отношению к германским (в %)
(цифры германской продукции взяты за сто)

		1913 г.	1935/36 гг.
Тяжелая промышленность	Железо	27,2	112
	Сталь	27,8	100
	Уголь	17,3	77,6
	Медь	82,6	200
Нефть		12560	12500
Электрэнергия		?	103
Хлеб		270	486
Скот (число голов)		304	337
Железные дороги (на километр)		17,7	21,0
Рабочие и служащие (количество)		?	152

Это означает следующее. По сравнению с Германией Советский Союз имеет сегодня:

в 125 раз больше нефти

в 5 раз больше хлеба

в $3\frac{1}{3}$ раза больше скота

в 2 раза больше меди

столько же стали

несколько больше железа и электрэнергии,

притом в полтора раза большую численность рабочих и служащих

и лишь ненамного меньше угля.

¹ Таблица составлена по тому же принципу, что и первая. По возможности, использованы последние доступные цифры: для Советского Союза приведены официальные плановые цифры на 1936 г. (план 1935 г. был значительно перевыполнен), для Германии в большинстве случаев использованы последние данные за 1935 г. (Цифры народнохозяйственной продукции, приводимые в дальнейшем, представляют собой цифры плана 1936 г. — *Прим. переводчика.*)

Этот последний пункт, однако, нужно рассматривать, имея в виду, что в германскую цифру включена также продукция бурого угля; в то время как в цифре угледобычи СССР фигурирует только каменный уголь.

В противовес этому Германия владеет по сравнению с Советским Союзом в два раза более густой сетью железных дорог (по отношению к населению) и благодаря большей роли, которую играет для нее экспортная торговля, ее торговый флот больше торгового флота СССР в три раза.

Таков итог.

Соотношение сил «экономических армий» стало почти обратным. Верно, конечно, что население СССР в $2\frac{1}{2}$ раза больше населения Германии, этого не надо забывать, делая такое сопоставление. Но так как техническая продукция будет идти, главным образом, на нужды армий, сражающихся на фронтах, и так как в этой войне гражданское население также будет участвовать в борьбе, то значение этих цифр нельзя преуменьшать.

Основное значение этих цифр с точки зрения военной заключается в следующем: если в 1914 г. лицом к лицу стояли крупная индустриальная страна и крупная аграрная страна, то теперь друг перед другом стоят крупная индустриальная страна и *сверхиндустриальная страна*, ведь именно такой стала теперь «земледельческая Россия» в результате ее «американских» темпов развития. Эта сверхстрана имеет и сейчас крайне экстенсивное земледелие, но она имеет, кроме того, промышленность с годовой продукцией в 81,1 млрд. рублей и ее новые капиталовложения составляют половину этой суммы (32,4 млрд. рублей) в течение одного года (1936); через два-три года в этой стране будет, вероятно, 30 млн. рабочих и служащих (включая государственных служащих), что составляет почти половину населения Германии (68 млн.).

Наиболее важные последствия этого изменения следующие.

Социалистическая армия может в конечном счете гораздо лучше, чем фашистская армия, снабжать свои войска *металлом*. Правда, германская тяжелая промышленность выплавляет теперь примерно столько же железа и стали, что и промышленность СССР, но сырье, которое идет на выплавку, железная руда импортируется Германией, примерно, на 90% из Швеции, Франции и других стран. Во время последней войны шведская железная руда спасла германскую тяжелую промышленность, а что будет в следующей войне? Советский Союз полностью обеспечен железной рудой. То же самое относится к никелю, меди, свинцу и многим другим металлам, необходимым при производстве вооружений. Долго ли удастся Германии продержаться в конечном счете с помощью алюминия, железного лома и их заменителей, как это пытается сейчас делать Гитлер?

Социалистическая армия сможет снабжать свои моторизованные войска, танки и самолеты *горючим* несравненно лучше, чем фашистская армия. Поэтому вопрос о нефти остается одним из решающих вопросов в этой войне, подобно тому, как это было во время мировой войны. В то время как сегодня Германия производит всего лишь одну сотую советской добычи нефти и вынуждена покрывать через импорт почти половину своей потребности, Советский Союз не только смог повысить ее производство на Кав-

казе в 1925—1936 гг. с 7,5 до 30 млн. т, выдвинувшись на второе место в мире после США, но открыл добавочную «вторую нефтяную базу» — уральскую нефть. Эмбинский район на юге Урала содержит запасы в 1 млрд. т нефти, в то время как общие нефтяные ресурсы СССР оцениваются в 3 млрд. Эксплуатация новых источников уже началась. Кажется парадоксом, что царская Россия всегда считала себя «страной с органическим дефицитом в топливе», но это факт, и во время мировой войны Россию заставили это почувствовать.

«Будущее» советских танков и броневиков обеспечено. А каково будущее танков Германии, которой в 1916 г. пришлось специально оккупировать Румынию, дабы избежать катастрофы из-за недостатка нефти? Потребность Германии в топливе в военное время оценивается в 4 млн. т в год. Долго ли удастся Гитлеру, Герингу и Бломбергу продержаться с помощью нового синтетического топлива из угля, которое производят германский химический трест и русские комбинаты?

Социалистическая армия, безусловно, сможет лучше *питать* своих бойцов, чем фашистская армия. Ныне сельское хозяйство СССР коллективизировано и механизировано. Хлеб для России производят уже не бесчисленные несчастные безграмотные полурабы, лишенные собственных средств производства, но крупные централизованные ассоциации, дающие возможность сельскому хозяйству работать по плану, как бы сближающие его с промышленностью. Почти 5 тыс. различных машинно-тракторных станций — технических центров крестьянских коллективов — направляют это развитие и организуют его, работая над тем, чтобы поднять СССР от уровня примитивно-восточной аграрной техники на уровень западноевропейской и американской производительности. Механизация советского сельского хозяйства доходит до 60%, против 4% в 1928 г. В СССР существует сейчас крупное сельскохозяйственное машиностроение, которое прежде, по мнению русских крестьян, было только в Германии. СССР имеет 289,7 тыс. тракторов, более 30 тыс. комбайнов и армию агрономов, вышедших из прежних крестьянских ребят.

Между тем, Германии все еще приходится импортировать одну пятую своей потребности в продовольственных продуктах и тратить на это за границей 1¼ млрд. марок в год. Германия испытывает хронический дефицит в жирах; уже сегодня в городах не хватает масла, и население вынуждено потреблять как можно меньше чая, кофе, какао, риса и других «семитских» или «монгольских» продуктов. Окажется ли Гитлер при войне любой длительности в состоянии удовлетворить народ всевозможными заменителями и «добровольной» голодной диетой, к которой призывает ныне Геринг? Для этого у него меньше времени и шансов, чем у Вильгельма II. То же самое можно сказать отчасти и о сырье для текстильной промышленности. (Германия только на 5-9% покрывает свою потребность в шерсти, на 10-19% в льне и менее чем на один процент в пеньке, джуте, хлопке и в некоторых других видах сырья.)

Согласно некоторым специальным статистическим данным, из двадцати пяти естественных видов сырья, необходимых для военных целей, Герма-

ния испытывает нужду в девятнадцати видах этого сырья. Но что же: снова безжалостные реквизиции, снова «зажим» гражданского населения в пользу армии, сопровождаемый голодными бунтами женщин и рабочих в городах? Существует другой выход — это систематическое накопление всех недостающих видов сырья в больших масштабах посредством импорта в мирное время. Гитлеровское правительство в течение трех лет только этим и занимается: германские склады ломятся от запасов в то время, как народ голодает.

Но для этого нужны деньги, деньги и снова деньги и это, в конце концов, благодаря непропорционально большому расходованию национальных ресурсов на импорт, который не идет на удовлетворение непосредственных потребностей, ведет к глубокому финансовому кризису. Господин Шахт — великий финансовый фокусник, и германская марка — превосходный канатоходец. Но если верно, что обнищавшая Германия сегодняшнего дня тратит в два раза больше денег на вооружения, чем богатая Германия 1913 г. (оценка докладчика иностранной комиссии бельгийского сената де Дорлодо), и если прав Черчилль, оценивая германские расходы на вооружения в одном лишь 1933 г. в 800 млн. фунтов стерлингов (сумма, равная всему британскому бюджету!), то что же будет, когда начнется война и потребуются большие расходы?

Согласно подсчету польского генерала Сикорского, один бомбардировщик стоит теперь столько же, сколько вооружение целой армии винтовками, а отряд в 12 танков — столько же, сколько нормальное снаряжение пехотной дивизии. Можно терроризировать народ, но нельзя таким образом добыть золото. Только золотом можно будет в военное время расплачиваться за покупки за границей; а много ли этого золота осталось в Германии уже сейчас? Каким образом будут подавляться массовые голодные бунты в тылу, когда СА уйдут на фронт? Придется ли одним СС сталкиваться лицом к лицу с отчаянием германского народа? Мы прервем здесь эту мысль, так как касаемся пока только вопроса о «стратегии материальных средств». Советскому Союзу, который имеет фактически все продукты в нужных ему количествах внутри страны (не хватало до последнего времени только машин для эксплуатации этих ресурсов), нечего бояться грядущих событий.

Однако еще в одной области Советский Союз имеет за собой превосходство над гитлеровской Германией. Это социалистический национальный доход, возросший благодаря плановому хозяйству, свободному от всех паразитических наростов капиталистического государства. Он имеет вдобавок и быстро растущую золотопромышленность. Это еще один лишний шанс в пользу социалистической армии, которая не только лучше вооружит свои силы, лучше их прокормит и лучше снабдит их топливом и энергией, но также и финансировать их будет лучше, чем фашистская армия.

Только в отношении *транспорта* социалистическая армия явно уступает неприятельской. И обращаясь к этому важному вопросу, единственному из тех, который еще не подвергнут анализу в ряду военных факторов вообще, мы переходим на высшую ступень в нашей проблеме — от статических сил стратегии к ее динамическому искусству.

Глава XI. Почему неприступна Москва?

Сравнение оперативной стратегии

Возникает следующий вопрос: если стратегия материальных средств устанавливает такое бесспорное, безусловное превосходство Советского Союза, если теория «штурма Москвы голыми руками» с помощью грузовиков и бронемашин является без всякого сомнения с точки зрения современной военной истории величайшим вздором, то на что же в самом деле рассчитывает тогда германский генеральный штаб? Ведь это, в конце концов, люди с высшим военным образованием, у них есть превосходная контрразведка, даже если они и беззащитны перед слепой и безответственной силой, подталкивающей их сзади. Но нельзя предположить, что Гитлер и Геринг попросту с завязанными глазами идут навстречу своей собственной гибели. Нельзя также поверить тому, что они рассчитывают исключительно на свои политические спекуляции, лелея надежду объединить весь мир для похода против СССР. Они понимают, хотя и недостаточно отчетливо, что война разразится, может быть, в совсем иных политических условиях; что Германии снова, как и в 1914–1918 гг., придется вынести на себе главное бремя всего наступления, несмотря на всех своих потенциальных «союзников». Стратегия материальных средств, казалось бы, не оставляет им никаких шансов на успех. Но эта стратегия еще не все решает. До известной степени и при известных обстоятельствах ей может быть противопоставлена оперативная стратегия — абсолютному соотношению определенных сил может быть противопоставлен перевес в специфическом искусстве движения.

Конечно, оперативная стратегия имеет дело с материальными силами — людьми, военными машинами и продуктами промышленности и сельского хозяйства. Но она подчиняет все это влиянию двух других элементов: позиции и движения. Поскольку оперативная стратегия особым образом распределяет и организует материальные силы, размещает их на наиболее выгодных позициях, она может в результате до известной степени изменять их значение и вес — часто настолько, что этого оказывается достаточным для победы более слабых сил над более мощными.

Но это возможно лишь при одном условии: если при этом оперативная стратегия имеет свободу действия, свободу для *движения* материальных сил.

В новейший капиталистический период, однако, как это хорошо известно, стратегия материальных средств настолько гипертрофирована, что она в буквальном смысле слова преградила путь оперативной стратегии. Она просто лишила последнюю пространства: там, где при иных обстоятельствах было бы место для свободных оперативных передвижений, механизированные средства войны и укрепления, огонь и сталь образовали плотную непроницаемую массу и создали «герметическую» позицию; это был абсолютный триумф стратегии материальных средств и конец оперативной стратегии, которая умерла от удушья. О конце этой стратегии свидетельствовала мировая война 1914–1918 гг., во время которой миллионные армии воюющих сторон годами стояли друг перед другом в пределах все тех

же десятков километров, взаимно уничтожали друг друга, но на деле не продвигались ни на шаг вперед. За восемнадцать лет, истекших с тех пор, позиции еще более окостенели благодаря непрерывному росту и интенсификации массы материальных средств.

Количество пулеметов в шести крупнейших капиталистических странах (Англия, США, Япония, Франция, Германия, Италия) выросло к 1934 г. по сравнению с 1914 г. с 8 тыс. до 91 тыс.; количество орудий с 13 тыс. до 16 тыс.; количество самолетов с 800 до 20 тыс.; количество танков от 0 до 10 тыс.; но подлинное грандиозное перевооружение мира началось в 1935 г. Во время мировой войны двух пулеметов было зачастую достаточно для обороны, чтобы парализовать атаку тысячи человек. И в то время как старая применявшаяся в пехоте винтовка (германская модель 98) могла делать до 18 выстрелов в минуту, старый пулемет в 1918 г. — 250 выстрелов в минуту, современные пулеметы делают 600 (германская модель LMG 08/18), а лучшие из них — 1 тыс. и 2 тыс. выстрелов в минуту. Соединяя пулеметы по два и по четыре вместе, один пулеметчик может сделать 4 тыс. выстрелов в минуту. Это абсолютная «герметическая» смерть, конец прямой атаки. После этого не такую уже большую роль играет то, что артиллерия также увеличила дальность полета снарядов (с 1918 по 1933 гг.) с 9 км до 14 км, дальнобойная артиллерия — с 23 до 52 км, а специальные виды артиллерии — со 120 до нескольких сот километров (реактивные снаряды)¹.

Одно время военные думали, что они нашли, наконец, оружие, которое сможет двигаться, несмотря на этот абсолютный огонь, т. е. иными словами сможет действовать: таким оружием считали танк. Масса танков при поддержке аэропланов в воздухе предназначалась для стремительного натиска, «в темпе галопа» прежней кавалерии, на укрепленную линию и для прорыва сквозь нее; фашистский британский генерал Фуллер уже изобрел теорию новой танковой войны почти без людей. Его сторонник, австрийский генерал фон Эймансбергер, считал при этом необходимым иметь 2 тыс. танков на каждые 30 км фронта.

В настоящее время танки и в самом деле могут двигаться со скоростью 35-40 км в час (по сравнению с 3-4 км во время мировой войны), а новейшие модели развивают скорость от 70 до 120 км в час. Они могут преодолевать окопы в 4 м ширины, они неуязвимы для снарядов калибром до 2 см, проламывают стены толщиной в 40 см; во всяком случае, танки превращают обороняющуюся человеческую массу в кровавую кашу. Если пулемет парализовал пехоту, то танк, в свою очередь, парализовал пулемет.

Но здесь снова вступает в силу неумолимый закон капиталистической войны, гласящий о том, что каждое средство разрушения сводится на нет новым, еще более сильным средством разрушения. Танки — эти быстроходные механические чудовища — уже не являются больше непобедимыми и поэтому даже они не свободны более при оперативном движении. Сначала появились минные заграждения, ямы, препятствия из бревен, которые до известной степени преградили путь танку. Затем появилось мощное совре-

¹ «Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung», 1935, №53.

менное противотанковое орудие, которое пробивает броню танка (толщиной до 5 мм); для отражения танковой атаки требуется, примерно, одно такое орудие на три танка. А теперь уже и пехотинец получает противотанковую винтовку, действующую по крайней мере против легких и средних танков, которая позволит ему затруднить движение танка, если не вывести его из строя. Целые районы могут быть в наши дни превращены в «запретительные противотанковые зоны», в которых будет комбинироваться действие мин, ловушек и противотанковых орудий.

Однако танк еще не мертв и в будущей войне он тем или иным путем сыграет доминирующую роль на земле вместе с самолетом в воздухе. Но мертва идея танковой войны, пытавшаяся возродить к жизни новую, лишенную своих пут «кавалерийскую войну», спасти и гальванизировать старую стратегию неограниченного движения; мертва идея танка как главного носителя оперативного искусства войны. В нормальных условиях позиционной войны это искусство по-прежнему останется в значительной мере ушербным.

Это в особенности, более чем где-либо, имеет силу по отношению к такому противнику, как Советский Союз. Все, что предопределяет невозможность свободных наступательных движений в современных условиях, приложимо с несравненно большими основаниями к фронту против Советского Союза, все это как бы множится на размеры его территории; ведь Советский Союз не только обладает любым современным техническим оружием, он владеет также *позицией* такой глубины, что при нормальных условиях проникновение в нее является чистой химерой. Но подчас в современной механизированной войне оказывается возможным обеспечить на короткое время прорыв вражеского фронта: ценой чрезвычайной концентрации, страшной потери сил и всеобщего риска на других участках фронта.

Людендорф проделывал это во время последней мировой войны три раза. Ему понадобилось для этого 192 дивизии — количество, в четыре раза превышающее нынешнюю германскую армию. Посредством этих 192 дивизий и благодаря всей той поддержке, которую все еще оказывала ему страна в 70 млн. человек, стоявшая за ним, он прорвал в первый раз укрепленную линию союзников в марте 1918 г. между Ла Фер и Круазиль, одним ударом уничтожив британскую пятую армию; в результате он пробил в неприятельском фронте брешь шириной около 40 км. Эта брешь оказалась как раз достаточной для того, чтобы французские резервы сумели при последующих контратаках зажать в тиски прорвавшиеся германские дивизии и восстановить свои прежние позиции. В мае Людендорф снова прорвался, близ Реймса, и на этот раз он имел в течение одного дня «свободное» пространство в 65 км: промежутка времени до вечера оказалось достаточным для того, чтобы дать возможность получившим подкрепления французским силам нанести контрудар. 15 июня 1918 г. Людендорф в отчаянии решился на свою последнюю попытку. Он рисковал судьбой Германии, поставив ее в зависимость от одного удара, пожертвовал целыми дивизиями германских солдат и пробил в стальной стене Фоша и Хейга брешь шириной в 88 км. Он обнаружил за ней новые укрепления, новые резервы, и тогда германская армия была поставлена на колени.

Людендорф, несмотря на крайнюю концентрацию сил и величайшее тактическое искусство, не смог удержаться после своих прорывов более чем на несколько дней или часов, чтобы «пробежать» короткое расстояние до Парижа.

А теперь армия Гитлера и Бломберга собирается именно таким образом прорваться к *Москве*.

Эта армия в численном отношении стоит ниже, а в техническом отношении не выше неприятельской; этой армии пришлось бы наступать под непрерывной бомбардировкой с самолетов, имеющих в поле зрения длинные моторизованные колонны, растянувшиеся на 20-30 км; колонны смогут поэтому двигаться только ночью; ко всему этому армии придется волочить за собой днем и ночью поистине чудовищный «хвост», состоящий из грузовиков, запасов снаряжения, цистерн с нефтью; склады этих «машинных дивизий», без которых такая дивизия не может жить и не может сражаться, точно так же будут подвергаться постоянной опасности воздушного нападения; может ли подобная армия прорваться к *Москве*, перескочив через многочисленные линии обороны Советского Союза?

Это невозможно.

Полководец, который по такому плану и при такой перспективе поведет сражаться свои войска, будет больше, чем безумцем, он будет предателем.

Будем считать, что армия германского наступления против Советского Союза составит всего 150 дивизий. Тогда эта армия, при современном вооружении германской дивизии, должна была бы взять с собой, примерно, следующие орудия и боеприпасы:

60 тыс. пулеметов.

30 тыс. легких и тяжелых орудий.

5 тыс. тяжелых и много тыс. легких танков.

400 тыс. автомобилей.

300 млн. артиллерийских снарядов.

15 млрд. патронов (для винтовок и пулеметов).

Огромное количество горючего и других материалов.

(Во время своего наступления на Париж в марте 1918 г. германская армия имела с собой 10 тыс. орудий и 15 тыс. пулеметов.)

И все это должно ринуться на *Москву*!

Да, современный моторизованный полк движется в десять раз быстрее, чем прежний (когда он не встречает противника); но его походная колонна растягивается уже не на 1 км, как колонна прежнего полка, а на 15-20 км. Обоз дивизии, прежде тянувшийся на 10 км, вытянется теперь на сотню километров. А каков же должен быть обоз армии, о которой шла речь выше? Должен ли этот обоз также принять участие в галопе по СССР, — разве нет в СССР самолетов?

Это — детские вопросы. Теоретически при известных обстоятельствах германская армия после огромного и крайне рискованного усилия может в том или ином месте прорвать советский фронт (мы не говорим здесь об обратной возможности), но только с результатами, ограниченными временем и пространством. Расстояние *Москвы* от границы обеспечивает ее бе-

зопасность по меньшей мере на годы. А Гитлеру не удастся продержаться годы, вряд ли ему удастся продержаться и месяцы. Это означает, что нормальная оперативная стратегия сулит фашистской армии в ее войне против социалистической армии так же мало, как и стратегия материальных средств.

Есть ли у нее еще какие-нибудь шансы? Да, есть еще один шанс, но это последний.

* * *

Удушение оперативной стратегии стратегией материальных средств привело некоторых полководцев капитализма к новой феноменальной концепции: к *стратегии неожиданности*. Эта стратегия исходит из того факта, что в то время как война уже идет полным ходом, нельзя более проводить оперативные действия, нельзя вести войну движения; что к тому времени все шансы на быструю победу будут потеряны, и притом безнадежно. Но эта сверхсовременная, сверххитроумная концепция выдвигает один последний шанс. Что если начать действовать *прежде*, чем это сделают другие? Что если использовать пространство, пока оно еще свободно, до окончательной мобилизации и развертывания сил противника и добиться решающего исхода в течение этого короткого, быстро проходящего периода?

Эта стратегия предполагает просто выиграть у неприятеля время. Свободная территория должна быть занята внезапно, прежде чем военные машины и резервы неприятеля будут доставлены на позиции; неприятель должен быть нокаутирован в материальном и оперативном отношении прежде, чем ударит гонг. Итак, эта стратегия, направленная на то, чтобы «перехитрить» противника, переносит весь исход войны на ее *старт*, фактически на первые несколько дней и едва ли даже недель. В течение этих первых нескольких дней предварительно специально подготовленная и особо подвижная «ударная армия» должна наброситься «во мгновение ока» на ничего не подозревающего врага, расстроить его мобилизацию и поразить его жизненные нервы. Тогда двинется остальная часть массовой армии для выполнения уже легких задач.

Военным родоначальником этой стратегии неожиданности является генерал Сект, который до последнего времени осуществлял наблюдение в гитлеровском военном министерстве за «формированием кадров», т. е. занимался как раз подготовкой ударной армии, в особенности новых сверхподвижных бронеотрядов. Определение, данное Сектом этой армии, мы уже не раз цитировали. «Удар — неожиданный, молниеносный, оглушительный, нанесенный в первые же часы войны и использующий каждую унцию силы для того, чтобы внести хаос и смятение в ряды врага, *в период до того, как он начнет свою мобилизацию*; подобное урагану оглушительное вторжение армии... проникающее глубоко, в самое сердце развернутых войск (противника), сеющее одновременно и неизбежно панический ужас среди населения вражеской страны» (курсив наш. — *Автор*).

Но эта мечта Секта, бывшего начальника штаба генерала Макензена, стала теперь новой официально признанной доктриной германского мили-

таризма. Этой идее посвящена новая книга Людендорфа о тоталитарной войне; в этой книге он пишет, что война должна начаться молниеносным ударом, и что только в этом случае можно рассчитывать на победу. Начальник военной школы в Мюнхене, лейтенант-полковник Зиберт, заявил на лекции, часть которой была опубликована во французской и английской прессе: «Будут делаться попытки поразить врага в самое сердце; это означает, что все усилия будут сконцентрированы на продвижении в неприятельскую страну прежде, чем неприятель сумеет привести весь огромный механизм обороны... в движение». А маршал Петен, бывший победитель Германии, определяет новую стратегическую идею своих противников следующим образом: «В настоящий момент можно представить себе войну, начавшуюся неожиданно и применяющую методы, которые должны уничтожить первые дивизии неприятельских военных сил и разрушить жизненные центры его мощи»¹. Это все одна и та же идея: сведение оперативной стратегии к неожиданному сокрушению противника в короткий промежуток времени до полного развертывания его сил.

Политическими родоначальниками этой идеи являются Геринг и фашизм вообще, который, как известно, обязан именно этому роду стратегии при захвате власти в Германии в 1933 г. (поджог рейхстага). Здесь явно сказалось влияние всей манеры фашистского политического мышления и методов борьбы фашизма, который всегда нападает на противника врасплох и нечестно, так же как и влияние «принципов» фашистских офицеров воздушного флота.

Ответ на вопрос: возможна ли такая стратегия для Германии по отношению к Советскому Союзу, явно сводится к вопросу: кто из них «более мобилен», *какая из двух армий скорее окажется на фронте?*

Здесь мы подходим к самому сердцу германского оперативного плана против СССР, к самому сокровенному из всех расчетов Гитлера.

Сопоставление материальных средств фашистской и социалистической армии, которое решительно складывается в пользу последней, выяснило два пункта, два пробела, противоречащих этой общей тенденции и как раз поэтому бросающихся в глаза: *это железнодорожный транспорт и военно-морской флот*. В обоих случаях заметное и даже значительное превосходство оказывалось на стороне Германии, которая имеет гораздо большее протяжение железнодорожной сети (по отношению к населению), гораздо больше паровозов и подвижного состава и гораздо больше военных кораблей. Это означает, по-видимому, что германская армия может *двигаться* быстрее, чем советская армия; что она значительно более мобильна. Она может быстрее мобилизовать своих новобранцев, быстрее отправить их на фронт (вместе с механизированными средствами войны), быстрее перегруппироваться; она может, следовательно, быстрее наступать и легче «застать врасплох». Превосходство в живой силе, экономическое и оперативное превосходство (глубина позиции) советской армии существуют, но могут сказаться слишком поздно.

¹ Статья в «Revue des Deux Mondes» от 1 марта 1935 г.

Ведь как раз слабость транспорта, который был «наследственной язвой» старой царской армии, была, пожалуй, даже более опасной, чем слабость промышленности и техники. Царская армия всегда отличалась недостатком подвижности, это был колосс, двигавшийся, как улитка. Известно, что мобилизация и развертывание русской армии в 1914 г. потребовали не меньше месяца, а частично даже два месяца. На 30-й день после мобилизации все дивизии из Европейской России достигли пограничных пунктов, где происходило развертывание сил на западе, на 40-й день туда прибыли дивизии с Кавказа, а на 60-й день туда добрались, наконец, дивизии с Дальнего Востока! Между тем германским войскам для развертывания своих сил на русской границе понадобился срок от 13 до 15 дней. Тогда еще не существовало стратегии «молниеносной атаки» в течение первых нескольких часов, и притом главные силы Германии были заняты на западе борьбой с Францией. При всех этих обстоятельствах произошла, если не катастрофа, так полукатастрофа. Русская армия начала хорошо известное наступление на Восточную Пруссию *прежде*, чем закончила развертывание своих сил. А генерал Гофман или, по мнению некоторых, Людендорф, естественно взял половину этих войск в плен при Танненберге. Как это оказалось возможным?

При густоте железнодорожной сети в 41,5 км на 100 тыс. жителей (против 90 км Германии и 103 км во Франции) среди всех этих безграничных расстояний русская мобилизация выглядела довольно странно. Сначала мобилизованные крестьяне должны были добираться до сборных пунктов в городах. А для этого призывникам, например, в Сибири, приходилось совершать двух- или трехдневное путешествие в телеге, чтобы из своих деревень добраться до ближайшей железнодорожной станции. После их прибытия на местный мобилизационный пункт 7-8 дней проходило, прежде чем их грузили в товарные вагоны для отправки на фронт; во Франции каждый мобилизованный должен был, как правило, явиться на местный пункт вечером первого же дня. Затем, однако, для русских солдат, расположившихся в товарных вагонах, начинались новые трудности. Так как по всей обширной России только 13 железнодорожных линий, имеющих всего 21 колею, вели с востока на запад по направлению к фронту (неприятель располагал 32 линиями и 43 колеями), и так как работа всех этих линий шла более или менее скверно, то проходили еще 3 недели до тех пор, пока солдаты попадали на фронт. Между тем война продолжалась.

За год до войны русский военный министр Сухомлинов писал 24 апреля 1913 г. русскому министру финансов, что при мобилизации ему придется отправить на западную границу 4 тыс. отдельных поездов, а существующие железнодорожные линии могут пропустить 223 поезда в день; следовательно, ему придется потратить на это дело от 18 до 20 дней. Этот человек оказался большим оптимистом. Дивизии с Кавказа прибыли только через 6 недель, потому что оттуда вела только одна железнодорожная линия. Сибирские дивизии потеряли два месяца, так как в Сибири было проложено фактически только полпути — однопутная железная дорога. Затем, однако, когда армии посчастливилось попасть на фронт, начались следующие злоключения:

задержка снабжения боеприпасами и трудности переброски войск (по вертикальным железным дорогам, идущим на юг и на север). Это продолжалось в течение всей войны. Тем временем уже в 1914 г. немцы перебросили свои дивизии из Франции в Восточную Пруссию в течение 6-7 дней, а позже они передвинули целую армию с одного фронта на другой за 10-15 дней. Германские железные дороги нанесли русским железным дорогам сокрушительный удар так же, как германская артиллерия — русским батареям.

В этом заключается объяснение того поразительного исторического факта, что 175-миллионный народ был побит как толпа детей страной, насчитывающей 70 млн. населения, хотя последняя, главным образом, воевала почти целиком в другом месте. Этим объясняется также и то, почему Россия с населением, в два с половиной раза превышающим германское, послала на поля сражения 152 дивизии, а Германия — 241. Куда исчезли остальные русские силы? Они имелись налицо, но не было возможности ни экипировать их, ни перевезти. Так случилось, что огромная потенциальная мощь России до сих пор еще *никогда в истории не находила своего полного военного выражения*. Она оставалась призрачной.

Является ли она призрачной еще и сегодня?

Мы видели, что в отношении технических средств войны это уже более не соответствует действительности. Мы видели, однако, что норма примерно в 48 км железнодорожных путей на каждые 100 тыс. населения СССР за последние годы и общее расположение русской железнодорожной сети до 1934—1935 гг. все еще свидетельствует о наличии этого слабого пункта советской позиции, этой ахиллесовой пяты социалистической армии.

Вот здесь-то и должен показать себя германский «тайный» план. Он имеет две точки опоры: относительную слабость советского военно-морского флота, что должно сделать возможной «ударную атаку» германской балтийской эскадры на ленинградскую позицию, и слабость железных дорог, что должно помешать советским дивизиям вовремя развернуться для того, чтобы отразить атаку германской «молниеносной армии». На этот раз, в отличие от 1914 г., у русской армии не будет времени, каждая минута промедления используется врагом против нее. Более того, гитлеровские стратеги считают, что советская армия никак не сможет послать на поля сражений свыше 200 дивизий (вместо потенциальных 400), потому что двадцать железных дорог, которые за последние несколько лет вели к западной границе Советского Союза и которые, по их мнению, могут пропускать только 300 пар поездов (туда и обратно) в сутки, будут недостаточны для того, чтобы постоянно снабжать большее количество дивизий боеприпасами, продовольствием и т. д. Следовательно, расчет правилен. Следовательно, «стратегия неожиданности» против большевизма возможна. Маленькие, едва заметные пробелы в большом списке материальных средств Советского Союза — слабость железных дорог и слабость флота в Финском заливе — погубят советскую армию; предотвратят развертывание ее гигантских сил; сделают возможным германское «молниеносное наступление». То, что казалось недостижимой утопической фантазией, получает, как будто бы, в конце концов осязаемую форму.

А сейчас выдержка из «Manchester Guardian» от 4 июля 1935 г.:

«Время от времени национал-социалистская диктатура выпускает директивы инструктивно-пропагандистского характера для руководителей местных организаций... Недавняя серия таких инструкций посвящена ожидаемой войне и дает детальный ответ на вопрос: «Почему Германия выиграет войну, если она будет сражаться на два фронта?» Ответ заключается в следующем:

Пункт 1. Британия не присоединится к антигерманской стороне...

Пункт 2. Красная армия находится в совершенно отчаянном состоянии. Во всяком случае Советский Союз не может вести победоносную войну на западе, так как его западная сеть железных дорог находится в очень плохом состоянии».

Отметим эти два пункта и их последовательность! Что, по мнению Гитлера, должно ему помочь выиграть будущую войну? Два обстоятельства: Британия и советские железные дороги.

Не подлежит сомнению, что эта концепция стала основной идеей всей германской современной стратегии. Потому что вся эта стратегия зависит от этих пунктов, вся на них основана. План неожиданного разгрома Советского Союза, основанный на относительной слабости советского транспорта, на применении военно-морской и воздушной атаки и с учетом позиции Британии, только это нужно всерьез принимать во внимание из всех гофмановских, гитлеровских и геринговских иллюзий о «сокрушении большевизма»; все остальное — блеф.

Это кажется настолько серьезным, что даже люди вроде польского генерала Сикорского, не являющегося другом Гитлера в области международной политики, и французского депутата-радикала и докладчика палаты Аршимбо, который в области международной политики является другом Советского Союза, недавно поддались этому заблуждению и публично высказали те же идеи¹.

Не заблуждение ли это? Безусловно, это по меньшей мере заблуждение.

* * *

Мы не подчеркиваем того факта, что если германская «молниеносная армия» предпримет свою «неожиданную атаку», то ей придется заранее покрыть все *расстояние* от Восточной Пруссии до ближайшей советской границы, и что в это время советский воздушный флот во всяком случае не отправится в экспедицию на Северный полюс. Проблема «Балтийского транзитного марша» уже рассматривалась.

Мы не подчеркиваем того факта, что ныне это расстояние стало безусловно гораздо больше для Германии, в то время как для Советского Союза

¹ Сикорский заявил, что СССР не может стать хорошим союзником для Франции, так как его мобилизация будет тяжеловесной и медленной. Аршимбо в своем докладе палате в декабре 1935 г. подчеркнул мощь Красной армии, но повторил также, что условия транспорта заставят ее предпринимать только простые и краткосрочные операции, и что, следовательно, Франция должна ожидать помощи, главным образом, с воздуха.

внутреннее расстояние до линии фронта для развертывания сил стало, напротив, гораздо меньше. Так как граница Советского Союза лежит теперь на несколько сот километров дальше к востоку, чем граница царской России в 1914 г., то советским дивизиям для того, чтобы достичь западного фронта, потребуется, даже исходя из старой нормы, на семь — десять дней меньше, чем дивизиям царской армии.

Мы не подчеркиваем того факта, что *советский военный флот* растет сейчас с поразительной быстротой (с 1931 до 1935 г. число подводных лодок выросло на 535%, судов береговой охраны — на 1100%, торпедных катеров — на 470%)¹ и что, хотя он не собирается соперничать с Германией в области больших линейных кораблей, усилия и энергия его сконцентрированы на двух других видах оружия: подводной лодке и гидроплане.

Максимальное развитие и совершенствование этих видов оружия делают почти невероятным военно-морское наступление со стороны любого противника. Это относится и к маленьким современным торпедным катерам, обладающим исключительной скоростью. Проблема «нападения с моря на Кронштадт и Ленинград», какой бы внушительной она ни казалась, весьма и весьма сложна, она включает в себе совсем неожиданные сюрпризы для германских адмиралов и заслуживает пристального изучения. Но мы не хотим подчеркивать и этого.

Мы не подчеркиваем даже того факта, что советская граница покрыта сейчас *укреплениями*, о подлинной мощи и силе сопротивления которых придется, может быть, судить гитлеровским генералам, если дело до того дойдет. Им придется, во всяком случае, удостовериться, что Ленинград, например, окружен теперь такими укреплениями, которые быстро заставят наступающего прийти в весьма мрачное настроение, и что план «оккупации Ленинграда» все же сильно напоминает воздушный замок (мы не говорим, что этот план просто чепуха).

Мы не подчеркиваем этих моментов, хотя их наличия достаточно, чтобы заставить сильно поколебаться почву под ногами Гитлера. Вместо этого, мы очень коротко и в общих чертах скажем о трех других условиях: о современном состоянии *мобильности* советской армии, об уровне ее *моторизации* и, наконец, о новых советских *железных дорогах*.

1. Известно, что советская армия имеет постоянную мобильную эффективную силу в 1300 тыс. человек. Однако до января 1936 г., а именно до речи Тухачевского на съезде Советов, не было известно, что к этому периоду мобильность армии значительно увеличилась. В то время как прежде три четверти (74%) всех частей относились к так называемому территориальному типу, т. е. к сравнительно меньшей перманентно эффективной силе, и только четверть армии состояла из кадровых частей с более многочисленным составом мирного времени, — сейчас соотношение изменилось: стрелковые соединения армии состоят теперь на 77% из кадровых и на 23% из территориальных частей². Это говорит о многом, особенно по

¹ См. речь М. Н. Тухачевского на VII съезде Советов СССР. — *Прим. переводчика.*

² См. М. Н. Тухачевский. Задачи обороны СССР. Партиздат, 1936 г., стр. 10. — *Прим. переводчика.*

отношению к любой «стратегии неожиданности», откуда бы она ни исходила. Недавнее понижение призывного возраста в СССР до девятнадцати лет усилит действие этого фактора. Полтора миллиона полностью экипированных красноармейцев, еще до мобилизации расположенных близ границ или как раз в наиболее важных железнодорожных пунктах — это армия, которую не так легко «застать врасплох» и которая, наоборот, может при известных обстоятельствах застать врасплох атакующего.

2. Советская армия теперь, как никогда, независима от железных дорог по той простой причине, что она представляет собой одну из лучших по моторизации армий мира. Это анахронизм в наше время — ставить все в зависимость от паровозов и товарных вагонов, в то время как пехота, посаженная на грузовики, может передвигаться со скоростью до 100 км в час; прежняя кавалерия никогда не могла развивать такой скорости. Для того чтобы перевезти одну пехотную дивизию, требуется (цифры из германских источников) 650 автомобилей, 6700 грузовиков и 1200 мотоциклов, а во время последних французских маневров генерал Гитри перебросил целую дивизию на расстояние в 100 км в течение восьми часов. Сам Гитлер собрал однажды в Берлин во время партийного сбора 200 тыс. национал-социалистов со всей Германии в течение семнадцати часов с помощью 20 тыс. автомашин и мотоциклов; специалисты считают, что хорошо организованная система автотранспорта позволяет армии отходить на 150-200 км в сторону от железной дороги; мероприятие до сих пор едва ли мыслимое.

Советская армия беспрерывно продолжает дальнейшую моторизацию; дороги в СССР улучшаются, а ресурсы горючего безграничны. Автомобильное производство СССР возросло с 1 702 автомобилей в 1929 г. до 100 тыс. в 1935 г. и до 162 тыс. по плану 1936 г., а после пуска автозаводов в Ярославле, Куйбышеве, Сталинграде и в Сибири продукция автомобилей дойдет до 630 тыс. в год, что будет самой большой цифрой в Европе. Две большие автомагистрали — каждая от 12 до 16 м ширины — Москва — Минск (700 км) и Москва — Киев (870 км) — свяжут вскоре кратчайшим путем столицу с окраиной. Автотранспорт уже частично ликвидировал позорное наследство царизма.

3. Частично это наследство ликвидировали и сами советские железные дороги. Долгое время они были слабым местом в организме социалистического государства; этого нельзя отрицать и никто этого не отрицает. Однако с тех пор, как в 1935 г. была намечена грандиозная радикальная железнодорожная реформа и советское правительство бросило на этот участок свои лучшие силы во главе с великолепным организатором Кагановичем, ближайшим сотрудником Сталина, дело пошло совсем по-иному.

Впервые годовой план транспорта был значительно перевыполнен, грузооборот возрос до 390 млн. т и достигнет в 1936 г. 457 млн. т¹ по сравнению с 268 млн. т в 1932 г., 156 млн. т в 1928 г. и 132 млн. т в 1913 г. Здесь снова был показан этот фантастический «социалистический темп», который так поражает инженеров и предпринимателей капиталистических стран — ведь

¹ За 1936 г. погружено 484,2 млн. т — 105,9% годового плана («Известия ЦИК СССР» 3 января 1936 г.). — *Прим. переводчика.*

они меньше всего ожидали от СССР таких темпов в области транспорта. В 1936 г. протяжение железнодорожной сети СССР достигнет 85 тыс. км по сравнению с 78 тыс. км в 1928 г. и 58 тыс. км до мировой войны; подвижной состав вырастет вскоре до 800 тыс. вагонов по сравнению с 139 тыс. при царе. Старые линии модернизируются, однокорейки превращены в двухкорейные пути, и железные дороги в некоторых местах электрифицированы; число коммуникационных путей, в частности с востока на запад, значительно увеличено, их эффективность повышена. Неутомимый комиссар Каганович носится по стране, ускоряя работы по строительству. Молодой социалистический транспорт встает на ноги.

Реорганизация только началась; действительная социалистическая норма будет достигнута лишь через несколько лет.

Но уже теперь советская железнодорожная сеть несколько не похожа на ту, какой она представлялась германскому генеральному штабу еще в 1934 и даже в 1935 г.: — «брешью» для удара по Советскому Союзу. Время для этого упущено, и Гитлер придет слишком поздно; его шансы тают и уменьшаются с каждым днем. Фашисты не могут представить себе, что успехи социалистов могут расти так быстро. Это был их последний реальный шанс в сухопутной войне с Советским Союзом. Нельзя игнорировать того, что, осознав это все увеличивающееся опоздание, так же как и угрожающее финансовое положение в связи с продолжающимися вооружениями и растущее социальное недовольство внутри страны, Гитлер в известный момент придет к отчаянному решению: «дать старт, не дожидаясь более». На востоке готовы оказать ему должный прием.

Может ли Германия, с точки зрения материальных средств и оперативных возможностей, выиграть войну на суше против Советского Союза? *Никогда!* Идея победоносного «шлиффеновского удара» против Москвы, идея «Канн на востоке» — это химера. Гитлер никогда не увидит Москвы, разве только как пленник. А ведь во всей нашей работе мы ни разу не упомянули о возможности оборонительного наступления советских сил против фашистской Германии, о возможности контрнаступления социалистической армии!

Глава XII. Ватерлоо Гитлера

Воздушная война между фашистами и социалистами и социальная стратегия

Что будет в это время происходить в воздухе? Нет никакого сомнения, что война наверху, вспыхнув сразу же в первые несколько часов, будет такой же ожесточенной, как и война внизу. Может ли война в воздухе изменить исход борьбы?

И как раз здесь вопрос: «может ли Германия выиграть войну с Советским Союзом?», бесспорно превращается в вопрос: «может ли Советский Союз выиграть войну с Германией?».

Нужно прежде всего принять во внимание следующее. Если Гитлер и

Бломберг не смогут, следуя рецептам Секта и сверхсовременной стратегии, разгромить социалистическую армию с помощью «молниеносного удара» на земле, то может быть Герингу удастся нанести молниеносный удар в воздухе? Такова и в самом деле задача современной воздушной стратегии. Если самолеты Геринга за несколько часов до объявления войны поднимутся с германских и «союзных» аэродромов, за одну ночь перелетят через советскую границу и стремительно обрушатся на советские вокзалы, казармы, склады, заводы и правительственные здания, то смогут ли они *помешать советской мобилизации*? В этом случае удалось бы достигнуть цели в «другом измерении».

В теории это возможно. На практике это вопрос о соотношении сил в воздухе, соотношении сил между воздушными армиями, вопрос о методах воздушной стратегии и воздушной тактики фашистов и социалистов.

Вне сомнения, гитлеровская воздушная армия сейчас беспрерывно увеличивается, причем в размерах, вряд ли до сих пор виданных. Реальной возможностью является то, что она, сохранив такой *темп*, может стать не только третьей, но и второй (заняв место Франции) по силе воздушной армией в Европе. Если количество германских военных самолетов в начале 1936 г. по осторожной оценке составляло 1200 машин первой линии и около 1 тыс. резервных самолетов, а месячная продукция с мая оценивается в 250 самолетов первой линии¹, то в 1937 г. германская воздушная армия будет насчитывать приблизительно 4 тыс. самолетов первой линии (из которых, согласно новейшей информации французского генерального штаба, больше половины — тяжелые бомбардировщики) и по крайней мере 3 тыс. самолетов в резерве. Итого 7 тыс. самолетов.

Это в пять-шесть раз превышает размеры британских воздушных сил в начале 1936 г. и значительно превосходит численность французской авиации за тот же период. Франция увеличила с тех пор свои вооружения. Но так как германская авиационная промышленность, включающая девятнадцать огромных заводов, значительно превосходит французскую, и так как Геринг совершенно открыто и почти официально провозгласил стандарт двух держав (это означает, что общая мощь двух бывших самыми сильными воздушных флотов в Европе является минимальным стандартом для германских вооружений), то очень может быть, что германский воздушный флот через некоторое время догонит и, возможно, уже обогнал Францию, независимо от того, осуществится ли «западное воздушное Локарно», или нет. Фашистская воздушная армия может стать второй по силе в мире. Но сильнейшей в мире является воздушная армия социализма.

По свидетельству почти всех международных экспертов², советская авиа-

¹ См. «Manchester Guardian» от 1 июля 1936 г.

² См. заявление Фоккера в американской печати в конце мая 1935 г.; «видного французского офицера» в «Petit Journal» 4 мая 1935 г.; «Temps» от 15 декабря 1935 г.; теперешнего французского министра авиации Пьера Кота в палате депутатов от 27 февраля 1935 г. и т. п. Недавно известный правый французский парламентский деятель Поль Рейно заявил в палате (4 декабря 1936 г.), что советская авиация в два раза сильнее германской.

ция уже сейчас бесспорно занимает первое место в мире. Смехотворная «воздушная армия», состоявшая в 1920 г., в конце гражданской войны с белыми, из 300 весьма своеобразных машин, подниматься на которых осмелились бы немногие из западноевропейских пилотов, стала могучей и великолепной силой; ее самолеты затмили Юнкерса, Фоккера, Блерио и Дорнье. Число советских военных самолетов выросло с 1931 г. до начала 1935 г. на 330%, а их скорость увеличилась в полтора-два раза. К концу 1936 г. боевая численность советских воздушных сил превосходит численность 1931—1932 г. больше чем в четыре раза¹. Сеть воздушных линий гражданской авиации, составлявшая в 1923 г. ровно 4000 км и обслуживавшая всего 229 пассажиров, равняется в 1936 г. 87 тыс. км и может сравниться только с воздушной сетью США. Всего несколько лет назад советская авиационная промышленность зависела от иностранных моторов, таких, как Райт, Юпитер, Испано, теперь она создала свою собственную советскую технику, и ее специалисты пользуются мировой известностью. Число обученных летчиков должно быть доведено до 150 тыс. — это один летчик на тысячу жителей.

Горячий интерес к авиации захватил десятки, даже сотни тысяч рядовых рабочих, учащихся, служащих (военно-спортивная организация «Осоавиахим» насчитывает многие, многие миллионы членов), которые в свободное время учатся летать, потому что они держатся того мнения, что в социалистическом обществе каждый должен и будет летать. Такова причина того, что советский народ с такой небывалой быстротой «овладел воздухом», народ, для которого до войны даже путешествие по железной дороге было роскошью; это объяснение приложимо и ко всем остальным «секретам» советского прогресса. Социалисты должны стать *хозяевами воздуха* в большей мере, чем фашисты, потому что у социалистов сможет летать не только привилегированный класс или тщательно отобранная каста, но весь бесклассовый народ.

И все-таки в будущей войне будут решать, в первую очередь, не «человеческие» «летные способности», а техника, и первые результаты будут зависеть от тех «воздушных крепостей» — эскадрилий тяжелых *воздушных крейсеров*, которые ныне, как когда-то бронированные корабли морей, заняли главенствующую роль. Потребность современной стратегии неожиданности в орудиях крайней подвижности и в то же время величайшей разрушительной силы, которые могли бы быть направлены против решающих объектов, привела к превращению целого класса самолетов (тяжелых бомбовозов) в настоящие летающие артиллерийские батареи; они настолько мощны, что большинство из них выдержит обстрел противовоздушных орудий на земле; они так быстроходны и в такой степени вооружены, что им во многих случаях нечего бояться вражеских истребителей, и сконструированы так (количество моторов, запас горючего и т. д.), что могут совершать самые длительные рейды.

Если подобные эскадрильи прорвутся к неприятельским «жизненным центрам», то ничто или почти ничто не сможет остановить их разруши-

¹ См. речь М.Н.Тухачевского на VII съезде Советов СССР.

тельное действие. Они и в самом деле могут нарушить и задержать мобилизацию сухопутной армии, расстроить работу промышленности и транспорта, деморализовать население и вызвать политические и социальные потрясения. И здесь, казалось бы, именно Германия обладает первенством в области этих воздушных крейсеров.

Германия всегда была страной технических и военных рекордов; уже к концу мировой войны она при тогдашнем уровне техники собрала на своих аэродромах не менее 14 тыс. самолетов; ее крупнейшие авиационные инженеры — Юнкерс, Дорнье, Хейнкель, Экенер — выстроили к 1933 г. первые типы воздушных крейсеров «G 38», «DO X», «He 70» и др. Сейчас все эти модели уже оставлены далеко позади, и с апреля 1935 г. Геринг производит сериями тяжелые бомбардировщики, которые обладают, например, скоростью в 400 км в час и могут поднять тонну взрывчатых веществ; кроме того, ежедневно выпускается по две новых мощных машины Юнкерс. Советский Союз имеет десятки тысяч летчиков-трудящихся, но имеет ли он подобные воздушные крейсера?

Можно проводить сравнение с хорошо известным гражданским самолетом нового типа — «Максим Горький». Советский Союз строит теперь серию в 16 таких машин. Это шестимоторный самолет (7500 лошадиных сил) с размахом крыльев в 63 м, длиной в 35,5 м, высотой в 10 м, с грузоподъемностью в 60 пассажиров (не считая команды), со скоростью в 275 км в час, с радиусом действия от 1600 до 3200 км и с потолком в 6 км; эта машина может, по меньшей мере, соперничать с последней британской рекордной моделью, новым рейсовым самолетом Армстронг-Уитворт, который берет 56 пассажиров и имеет скорость в 260 км в час. Что касается истребителей, то последние известные модели в конце 1935 г. показали скорость в 480 км в час, несмотря на то что они тяжело вооружены пулеметами (последний британский Хавк). Имеются основания предполагать, что некоторые типы советских самолетов достигнут в ближайшем будущем скорости в 600 км в час.

Нет, воздушные крейсера будут у обеих сторон; а так как советские воздушные силы сейчас намного превосходят геринговские (СССР занимает первое место, а Германия второе или третье) и так как СССР, опираясь на свои национальные резервы, ни за что не уступит превосходства в этой области, то трудно себе представить, что Герингу удастся изменить это положение собственными силами. Например, уже за первые 10 месяцев 1936 г. продукция советских авиационных заводов возросла на 90%, производство авиамоторов на 146% (заявление комкора Хрипина). Как раз авиамоторы являются слабым местом германской промышленности, которая не научилась еще производить надежные и высококачественные моторы. Гражданская война в Испании с абсолютной ясностью показала, что германские машины значительно уступают самолетам республиканской Испании. Лондонская «Times» сообщает, что преобладающая скорость республиканских самолетов давала им такие возможности для прорыва, которые могли быть ограничены только зенитной артиллерией мятежников; германские же самолеты решительно не оправдали возложенных на них надежд. Но как обстоит дело по крайней мере в области воздушной тактики, летного боевого искусства воздушных экипа-

жей? Германские летчики были, пожалуй, лучшими в мире, но сейчас им надо еще доказать, лучше ли они сегодня Молокова, Чкалова, Громова и других пользующихся мировой известностью советских пилотов «челюскинского класса» и их учеников, или имеет место обратное.

Несомненно одно, что в важнейшей новой области авиационной тактики — массовом парашютизме, массовом воздушном десанте целых полков пехоты позади неприятельских линий — Советский Союз до сих пор пользуется своего рода «монополией». Во время маневров Красной армии возле Киева осенью 1935 г. присутствовавшие иностранные генералы видели, как 2500 красноармейцев в полном порядке высадились на землю с воздуха в течение сорока минут и немедленно открыли огонь из автоматических винтовок. Но как сообщил позже Ворошилов, они не видели одновременной высадки в другой местности Советского Союза воздушного десанта в 5700 человек (больше, чем бригада), который выполнил ту же операцию. А еще позже они узнали от Тухачевского, что десятки тысяч красноармейцев имеют значок парашютиста и что число прыжков с парашютом, совершенных гражданским населением, уже приближается к миллиону.

Народ, который массами поднялся в воздух, не боится воздушных пространств, — это не пустяковый стратегический фактор. За последнее время достигнуты новые успехи. На маневрах Красной армии в Белорусском военном округе в сентябре 1936 г. высадка воздушного десанта из 1200 бойцов в полном боевом снаряжении; со 150 пулеметами и 18 тяжелыми полевыми орудиями заняла меньше 8 минут¹; а в Московском военном округе был высажен воздушный десант из двух войсковых частей, насчитывавший 5500 человек, переброшенных на расстояние в 420 км. Может ли в таких условиях идти речь о «неприятельском тыле» для красных бойцов? Советская авиация научилась перевозить тяжелую артиллерию и танки; французский военный атташе в Москве видел, согласно заявлению Пьера Кота во французском парламенте 27 февраля 1936 г., как 97 советских самолетов в течение двух часов перевезли «в тыл противника» полностью вооруженную бригаду с 16 орудиями, с танками и пулеметами. Атташе закончил свой отчет правительству словами, что «никакие иные воздушные силы в мире не способны на такую операцию». Все эти высказывания единодушно свидетельствуют, что такие операции представляют собой совершенно необычные сдвиги во всем военном искусстве.

Если Геринг со своей стороны поднимает шум и замышляет формирование целых «воздушных дивизий пехоты» (каждая, как сообщают, должна состоять из 250 самолетов, иметь в своем составе от 1400 до 1600 человек, пулеметы и артиллерию), то это не больше чем намерения и начинания, в то время как у его противника, где авиацией занимается весь народ, это уже реальность. А кто гарантирует Герингу, что его «воздушные пехотные дивизии», безопасно высадившиеся в тылу «красного врага», благодаря

¹ Английский генерал Уэйвелл, который присутствовал на маневрах в Белоруссии в качестве главы британской военной миссии, заявил: «Я никогда не поверил бы в возможность подобной операции, если бы не видел ее сам».

большой пропорции коммунистов, социалистов и антифашистов в их рядах, не присоединятся к этому красному врагу?

Социалистическая армия в воздухе в качественном и количественном отношении сильнее фашистской, хотя, может быть, и не в такой степени, как на земле. Но пока мы говорим только об армии, а не об ее позиции. А именно позиция в воздухе, воздушная стратегия, приводит нас к наиболее поразительному выводу:

Геринговская воздушная армия, какой бы мощной она ни казалась, в общем бессильна по отношению к территории Советского Союза. Воздушная армия социализма по отношению к территории фашистской Германии — смертельна.

Этот дар принесла социалистам география.

Первый взгляд на карту дает ответ и объясняет почти все.

По одну сторону лежит обширное пространство Советской федерации, простирающееся на два континента и имеющее решающие жизненные центры в середине, а не на периферии. Москва, Донбасс, Урал, Кузбасс, Кавказ, Харьков, Сталинград, — все лежат на «средних меридианах» страны; их отделяют друг от друга и от национальных границ сотни, а иногда (как на востоке) тысячи километров; гораздо большие расстояния отделяют эти пункты от двух главных потенциальных противников Советского Союза — Германии и Японии. В результате, если германским эскадрильям воздушных крейсеров удалось бы пролететь расстояние до советской границы, то вряд ли у них хватило бы духу и горючего покрыть огромные расстояния над самой страной. Если во время этих дальних перелетов они будут ослаблены или рассеяны в различных направлениях непрерывной советской контратакой с земли и с воздуха, то дело может для них кончиться совсем скверно. В лучшем случае они могли бы избрать ограниченную цель как можно ближе к советской западной границе, но ни при каких обстоятельствах не могут они «ринуться через Россию»: жизненные политические и экономические центры слишком разбросаны для этого. Решающие промышленные районы, как, например, угольный район Донбасса, металлургическая база на Урале, нефтяные районы Баку и Грозного, Кузнецкий бассейн в Западной Сибири, фактически совершенно не достигаемы из Германии (а еще менее из Японии).

И если Геринг двинется на восток, то ему придется сначала разгромить литовские авиабазы, а на юге — чехословацкие авиабазы. Германские эскадрильи смогут появиться над польской Познанью через несколько минут, а над Варшавой меньше чем через полчаса. Но налет на Москву, при котором нужно пролететь до Москвы и обратно 2100 км, встретив на пути сотни самолетов и серию противовоздушных укреплений, — дело далеко не простое. По мнению известного французского генерала Нисселя (сентябрь 1936 г.), радиус действия современного бомбардировщика не превышает 1000-1200 км. Советские воздушные силы вряд ли будут ждать, пока эскадрильи Геринга обоснуются на польских базах.

Единственный важный пункт Советского Союза, которому всерьез угрожает опасность, это Ленинград, так как он лежит на угрожаемой позиции, на периферии, и так как германское адмиралтейство, стратегически

господствуя на Балтийском море, протягивает свои морские и воздушные щупальца к Ленинграду. Но именно потому, что заранее известно, что это единственный находящийся под угрозой пункт, могут быть заблаговременно сделаны наиболее эффективные приготовления к его обороне.

Нет, для Геринга Советский Союз это не Франция и не Англия. Идея «опустошения» целой страны с воздуха, знаменитая аэростратегическая *доктрина Дуэ*, неприменима к советскому континенту (вероятно, она неприменима в той же мере и к Соединенным Штатам), и Герингу никогда не быть «воздушным Наполеоном» в Восточной Европе. Но у него есть все возможности стать воздушным Вильгельмом II.

Но какова стратегическая воздушная карта, если ее рассматривать из Советского Союза по отношению к Германии, — о чем она говорит? В этом случае картина как раз обратная. Налицо относительно небольшая, густо населенная, открытая со всех сторон страна, составляющая по территории одну сорок пятую часть Советского Союза; но самое главное заключается в том, что жизненные центры страны скучены на ее небольшом пространстве.

Разница ясна уже из одного факта, что в Германии насчитывается 145 человек на один квадратный километр, а в СССР 8 (в европейской части Союза — 23). Германия, с точки зрения воздушной стратегии, представляет сплошное «воспламеняемое» пространство (хотя и не так резко выражено, как в Японии), это относится к самому политическому центру — Берлину, к саксонской промышленности, расположенной вблизи от южной границы, к верхнесилезской промышленности, лежащей непосредственно у восточной границы, и к рурской промышленности, до которой от западной границы всего несколько минут полета. Большие города, железнодорожные узлы, индустриальные комплексы, военные центры отделены друг от друга лишь небольшими расстояниями. Если советские эскадрильи долетят до германской границы, то они сразу же достигают цели для интенсивных операций; в действительности же летное расстояние для контратаки на Геринга еще короче.

Гитлеровский «Восточный поход» по своей политической и стратегической природе не является нападением только на Советский Союз, но, по необходимости, также и походом против более слабых восточных и центральноевропейских государств по «пути» к Москве и Киеву, *поэтому линия баз воздушной обороны против наступающей Германии переместилась на юге на 500–800 км дальше от Советского Союза и ближе к Германии*; практически эта линия расположена в полчасе полета от Берлина. Это факт, важность которого трудно переоценить. Это относится, между прочим, также и к геринговскому восточному флангу, где Литва сооружает свои аэропорты. Указанное означает радикальное изменение соотношения сил на юге Германии.

Чехословакия, которая вслед за Австрией должна стать «первым привалом» во время «южного фашистского крестового похода», не испытывает ни малейшего желания, чтобы ее сравнивали с землей германские фашисты; естественно, что вследствие этого Богемия и Словакия покрываются сетью современных аэродромов.

Отношения между СССР и Чехословакией, воздушные силы которой в

январе 1935 г. располагали изрядным количеством в 1000 самолетов первой линии, не исключают после заключения советско-чехословацкого пакта о взаимной помощи возможности совместного сопротивления воздушных сил обоих государств всякой агрессии; еще в 1935 г. было решено создать воздушную линию Прага — Киев — Москва. Если ясно представить себе, что расстояние от советской границы до Германии составляет, примерно, 1000 км, то отсюда понятно, что означает такое сокращение пути. Незначительные венгерские воздушные силы окажутся, если они выступят, между двух огней и не смогут сильно изменить ситуацию, и тогда фашистский Берлин, *если он отважится атаковать*, будет открыт для бомбардировки с воздуха.

Успешная контратака с воздуха окажется, вероятно, убийственной для фашистской Германии, убийственной для промышленности и технической организации войны, убийственной для национальной мобилизации, если последняя не была достаточно обеспеченной и быстрой; но что главное и наиболее вероятное — она в *социальном* и политическом отношении поразит воюющий фашизм в самое сердце. И здесь мы подходим к неизбежному заключительному акту трагедии этой войны, которая станет трагедией Гитлера.

Очевидно: если самолеты социалистической и пацифистской армий обороны покажутся над фашистской землей, вылетов с советских авиабаз, с чехословацких аэродромов, из литовских аэропортов, то в первые же часы и дни войны страну охватит пожар. Пожар от взрывчатых и зажигательных бомб на фашистских позициях будет не столь опустошителен, как разгоревшееся пламя социалистического и пацифистского *сопротивления*; тут покажут себя враги Гитлера, враги войны, и враги чрезвычайно сильные! *Этот* пожар воспламенит массы людей, для которых Германия стала тюрьмой. Это неизбежно. Он даст им волю, мужество, а также и технические возможности для первых выступлений, чтобы во всеуслышание предъявить категорическое требование — преступную и братоубийственную войну прекратить немедленно и при любых обстоятельствах. Все мыслящие люди в Германии понимают, что эта война не будет войной Германии, но будет войной фашистов — гангстеров и психопатов. И поэтому с первого дня войны подгнивший организм фашизма начнет бурно разрушаться изнутри; противники гангстеров и психопатов, приведших народ на край пропасти, в первый раз почувствуют себя *не одинокими*, не изолированными и покинутыми, впервые ощутят присутствие могучих союзников в фашистском тылу. Автор настоящей книги, задумавший ее в строго реалистической, почти геометрической манере, осмеливается утверждать, что в этой войне возможны случаи, когда воздушные крейсеры гитлеровского противника, появившись над германским городом, не будут бомбардировать: они спустятся для того, чтобы их экипажи могли побрататься с населением внизу. Автор считает это не мечтой, а вполне реальной возможностью. Эта война будет отличаться от войн, ей предшествовавших.

Первые же события в воздухе неизбежно побудят германский рабочий класс «встать на ноги»; этот класс никогда не был побежден, он получал

только удары в спину; поднимутся сами рабочие и их жены, матери и сестры. Женщины могут быть грозной взрывчатой революционной силой: они показали это в России в 1917 г. и в Германии в 1918 г. Германские пролетарии будут требовать свободы и одновременно *мира*, простого права на физическое существование, — такое сочетание оказывается в политике самым сильным взрывчатым веществом из всех остальных. Подобно русским рабочим, крестьянам, солдатам и женщинам в ноябре 1917 г., они будут требовать мира не посредством избирательных бюллетеней, а с оружием в руках, с оружием, которое фашисты дадут в руки многим из них «против России». Конечно, фашисты будут отвечать своим собственным оружием. Они пустят в ход пулеметы; будут ставить коммунистов, социалистов и пацифистов к стенке; они опять призовут СС для нового террора и будут угрожать восставшим пролетарским районам с воздуха. Но это будет уже в полном смысле слова *вторая война* — война гражданская, разгоревшаяся во время войны внешней.

Развитие устремляется здесь по руслу этой последней из стратегий, которая обычно становится заключительным актом каждой войны и определяет ее конечный результат; это стратегия социальная. Дальше и глубже этого не может идти борьба между человеческими массами. Социальная стратегия — это не что иное, как обычная военная стратегия плюс *классовая борьба*; военное искусство плюс реальности гражданской войны. К цифрам дивизий, орудий, самолетов, показателям выгодности позиций она прибавляет невидимые, но могучие «цифры» социальной температуры воюющей страны: состояние умов населения, настроение, преобладающее в рабочих районах, мысли жен рабочих, намерения нелегальных революционеров («субъективные факторы революции»). Социальная стратегия делает все эти факторы такими могущественными, что она сама может изменить или даже опрокинуть факторы первого порядка — чисто военные и технические показатели.

Чем дольше тянется война, тем больше социальная стратегия — стратегия живых масс, стратегия классов — берет верх над стратегией материальных средств и оперативной стратегией — стратегией масс мертвых инструментов. Последняя постепенно теряет свое значение и приходит в упадок, первая постепенно активизируется или даже порождается последней: как, например, в том случае, когда чисто автоматическая «массовая армия» генералов превращается в революционную армию восставших солдат. Благодаря социальной стратегии в Германии следствием воздушной войны явится политическое восстание внутри страны; это невозможно в СССР, где правительство и народ одинаково стоят против войны и где уже не существует классов, а следовательно, нет взрывчатых элементов.

Это только начало «генеральной ревизии», которой социальная стратегия подвергнет все другие виды стратегии. Она в корне пересмотрит, например, такой важный «определенный фактор», как номинальная сила или численность массовой армии. Солдат является не только пулеметчиком, но и мыслящим членом своего класса, человеком с общественными интересами и целями; поэтому солдат, призванный в фашистскую армию, бывший прежде

молодым социалистическим рабочим и вынужденный теперь защищать своего политического противника, представляет собой как боец практически меньшую ценность, чем социалистический солдат, который защищает самого себя; это верно даже в том случае, когда у первого пулемет лучше.

В лучшем случае солдат фашистской армии будет покорным автоматом (благодаря принуждению). Солдат социалистической армии будет не только бойцом, вооруженным винтовкой, но также революционным пропагандистом и организатором на всех участках фронта и похода этой армии; такой солдат имеет двойную ценность, многократно повышенную и в стратегическом отношении, так как он уменьшает число своих врагов на своем пути. Фашистский же солдат множит их число. Каждый солдат социализма в военном отношении стоит фашистского офицера; какое же значение могут иметь номинальные цифры при противопоставлении численности армии социализма и армии германского фашизма, если у одной стороны часть армии хочет поражения, а у другой стороны каждый солдат надежен, как офицер? То же самое относится и ко всему остальному.

Социальная стратегия «пересматривает» и опрокидывает номинальное соотношение сил в воздушной стратегии, потому что она ставит бесперебойное производство самолетов и снабжение их запасными частями во время войны, а также и безопасность аэродромов в зависимости от труда и идей сотен и тысяч рабочих авиационных заводов и связанных с ними отраслей промышленности. Чьи воздушные силы могут с большей уверенностью положиться на рабочих и гражданское население в то время, когда армия будет на фронте?

То же самое относится не только к тылу; социальная стратегия придает иной характер и самому фронту. Чья армия во время наступления и продвижения по неприятельской территории встретит более энергичное сопротивление народа — армия национальных и социальных угнетателей, иностранных «господ» или армия иностранных братьев по классу, товарищей, которые хотят только мира и сразу передадут управление территорией самому народу?

Это обстоятельство, между прочим, уничтожает последние шансы на успех весьма своеобразного германского оперативного плана, согласно которому «главная цель — Ленинград». Наличие такого плана — явное доказательство политической безграмотности, на которую способны только тупые, механически мыслящие антимарксисты. Только с оперативной и материальной точки зрения Ленинград может стать для германского генерального штаба наиболее удобной целью, якобы имеющей «наименьшее сопротивление» (Балтийский флот, близость границы и т. д.). Но с социальной точки зрения именно этот «ленинградский объект» окажется для фашистского противника обжигающим, как лава Кракатау.

Это район старой гвардии русского пролетариата; героических ленинградских рабочих, которые с Лениным в своих рядах зажгли социалистическую революцию и образовали первое ядро, из которого выросла вся коммунистическая партия Советского Союза. Это должно кое-что говорить даже буржуазному генералу. Представителей ленинградского рабочего класса мож-

но встретить на руководящих постах во всей советской системе, от ее основания до вершины. Это люди особого склада; таких людей порождают и воспитывают только революции, а не войны или военные академии; всякий, кто попытается напасть на Ленинград, наткнется на провод высокого напряжения.

Это уже было однажды продемонстрировано в 1919 г., когда армия, находившаяся всего в нескольких километрах от Ленинграда, имевшая в своем тылу могущественную иностранную державу и ее флот, наступала на город голодных полувооруженных пролетариев, почти изолированный от всех остальных частей страны (наступление Юденича). В течение нескольких дней эта армия перестала существовать; только ее генералы и люди, снабжавшие армию деньгами, остались невредимыми за границей. Социальная стратегия пораженного разрухой Ленинграда полностью опрокинула оперативную стратегию наступавшего противника.

С тех пор в военном, техническом и социальном отношении Ленинград вырос в неприступную крепость; он стал городом процветающих, а не только сытых рабочих, городом бесклассового народа. Во всем городе не будет ни одного дома, ни одного перекрестка, который не воздвиг бы своего Вердена; не будет даже подростка, который не взялся бы за пулемет. И внутри этого революционного арсенала Гитлер хочет прыгнуть в *первую* очередь! Он думает, что это линия наименьшего сопротивления. А встретит он линию наибольшего, максимального сопротивления, которая раз и навсегда выучит его азам социальной стратегии, покажет ему значение статических и динамических классовых факторов в истории.

На грубую, чисто техническую стратегию фашизма социалистическая армия ответит технически еще более сильным оружием — укреплениями, танками, самолетами, подводными лодками. Морально, однако, она ответит таким гневом, таким взрывом всей внутренней и человеческой энергии высшего социального порядка, таким негодованием, что в языках пламени этого взрыва автоматическая армия агрессоров превратится в груды пепла.

Говоря более конкретно, все это должно найти свое выражение в следующих пяти стадиях.

На первой стадии Гитлер наступает, наступает с помощью всех резервов накопленных и подготовленных им сил: сухопутной «ударной армии» Бломберга, Балтийского флота Редера, воздушных крейсеров Геринга и вспомогательных фашистских лиг Бека и Хорти. Гитлер наступает, поставив на карту все, прищипорив нацию стальными шпорами, дойдя до последней стадии лихорадки и истерии с криками: «Тевтоны на большевиков», «арийская цивилизация» против «восточной угрозы»! Мировой фашизм стоит сзади и ободряет его. Гитлер наступает, имея первой целью Ленинград и Киев, второй целью — Москву, третьей — паневропейскую империю нового тевтонского ордена. Его армия переходит Неман и Дунай.

На второй стадии силы фашистской армии встречаются с оборонительными силами социалистической армии; фашистская армия отброшена. Потенциальное соотношение сил в области стратегии материальных средств, оперативной стратегии, воздушной стратегии начинает резко сказываться на

всем протяжении от Балтийского до Черного моря, и в результате наступление Гитлера приостановлено. После этого исход борьбы predetermined, так как Гитлер проиграл уже в тот момент, когда он остановился в первый раз. Аккумулированная им движущая энергия исчезает, начинают действовать противоположные тенденции. Было бы праздным занятием предсказывать точный час, когда этот критический момент наступит. Ясно одно, что он наступит, и наступит, вероятно, очень скоро после того, как вспыхнет война. От длительности этого критического периода зависят масштабы разрушений.

На третьей стадии социалистическая армия разовьет сокрушительное контрнаступление: оно начнется по существу с первой минуты войны, к которой эту армию вынудят. Массы социалистических и пацифистских сил на суше, в воздухе и на воде, демонстрируя свое явное превосходство над противником, нанесут ряд быстрых, оглушающих ударов по его фронту и тылу, уничтожая силы и деморализуя врага, не теряя времени, не применяя затяжной позиционной стратегии. Они перенесут борьбу на фашистскую территорию.

В этот период социалистическая армия, после успехов ее стратегии материальных средств и оперативной стратегии, начнет благодаря социальной стратегии расти и увеличиваться в объеме; в то время как фашистская армия станет сокращаться, съезживаться. Армия социализма и пацифизма будет неуклонно и повсеместно пополняться свежими, рвущимися в бой дивизиями и отрядами союзных классов и народов. Армия фашизма после каждого сражения начнет терять свои набранные принудительным порядком дивизии. Резервы пролетариата и друзей мира бесконечно, несравненно больше, чем резервы фашистских поджигателей войны, сторонники которых гораздо более многочисленны до войны, чем во время нее. Теперь прежняя, позиционная война превратилась не только в войну движения, но и в своего рода молниеносную войну, когда наступление будет зависеть не только от скорости пехоты или моторизованных колонн, но и от скорости огня народных восстаний.

Социалистическая и пацифистская армия ничего не разрушает и не подавляет, но везде появляется как избавитель. При ее движении вперед внутри фашистских воюющих стран будут непрестанно возникать армии союзные с пацифистской армией, которые в ходе военных действий соединятся с ней и территориально. Это в самом деле будет зрелище нового «наполеонизма», но «наполеонизма» мира, «наполеонизма» решительных противников войны, которые братски подадут друг другу руки и освободят континент от фашистской чумы: освободят каждый народ в его собственной стране и в соответствии с его собственной волей.

Невозможно и преждевременно заранее намечать направления движения этого социалистического и пацифистского сопротивления. По всей вероятности, район «южного фашистского похода» вокруг Дуная и по соседству с Карпатами восстанет раньше, так как там национальная и социальная энергия антифашистских масс более сконцентрированы, и угнетение масс сильнее (дунайские народы, украинские крестьяне в Галиции).

Но главный удар этого социально-военного контрнаступления произойдет внутри самой Германии и это будет четвертая стадия процесса.

*На четвертой стадии начнется великая антифашистская революция в Германии*¹. Несчастный народ, приведенный Гитлером на край пропасти, народ, у которого под угрозу поставлено не только политическое и экономическое, но и его физическое существование, восстанет, как в 1918 г.; но на этот раз он будет более энергичным и могучим. Мир будет его первым лозунгом, свобода — вторым; они по существу равнозначны. Грань между войной и фашизмом сотрется окончательно, восстание против войны и революция против фашизма сольются воедино, превратятся в *одну* политическую и техническую операцию.

Руководство революцией будет как всегда в руках рабочих, представляющих собой лучшую часть и авангард нации. Но на этот раз за рабочими пойдет и мелкая буржуазия, и в этом будет отличие от того, что было прежде. Бывшие сторонники Гитлера, — конторщики, мелкие торговцы, крестьяне и интеллигенты, которых годами обманывали, над которыми издевались и насмехались, — теперь, перед лицом смерти, будут маршировать плечо к плечу с революционными рабочими так же, как русские крестьяне и солдаты выступили в октябре 1917 г. вместе с пролетариями под руководством Ленина.

Итак, этой объединенной революцией рабочего класса и мелкой буржуазии в Германии закончится тот цикл, который начался трагическим расколом между этими двумя силами, длившимся в период 1918—1933 гг.; только тогда 30 июня 1934 г., с описания которого мы начали эту книгу, будет полностью осмыслено и получит, наконец, свое завершение. Уже не с именами Рема и Гейнеса на устах пойдут на борьбу германские мелкие буржуа, но их будут воодушевлять идеи свободы, мира, социализма; они выступят с еще большим самосознанием и большим мужеством, чем их деды в 1848 г. *Эта* германская революция будет непобедима.

Она разразится не только в германском тылу, где во время войны с первых же дней и недель сформируется сильная революционная оппозиция; ее программа сведется к одному пункту — «захват власти», к одной задаче — подготовка вооруженного восстания против Гитлера. Она распространится естественно и до самого сердца армии, находящейся на полях сражения; ведь армия составляет одно целое с народом и является лишь наилучшим образом вооруженной его частью. Эти антифашисты, юноши и мужчины, в том числе и члены приниженных отрядов СА, которые будут мобилизованы и отправлены на фронт в первые же часы, провозяют недолго. По меньшей мере значительная часть этих рекрутов после первых задержек в гитлеровском «наступлении» впервые повернут находящиеся в их руках штыки и пулеметы в совершенно противоположную сторону. Они отомстят тогда и за 30 января 1933 г., и за 30 июня 1934 г., и за новую войну. *Вот каким образом закончит фашистская армия свой «великий крестовый поход»*: пожар разгорится в ее тылу, враги появятся в ее собственных рядах.

¹ Стадии могут следовать одна за другой очень быстро.

Затем последует *пятая и последняя стадия — бегство и гибель Гитлера и его сообщников*. Огромная фашистская армия будет не просто разбита, — с ней случится нечто более серьезное и более неожиданное. Посреди своего похода она расколется на две части, которые обратятся одна против другой. Великая сила — вооруженный народ — потребует мира и добьется его. Фашистские маршалы, майоры и жандармы бросятся бежать, бежать так, как никогда никто до сих пор еще не бежал: бежать от своих противников и от своих собственных солдат. Но они далеко не уйдут.

Мир никогда не был свидетелем такого поражения, каким будет грядущий разгром «континентальной армии» фашизма. Пока полубогов «новой веры» будут сбрасывать с их глиняных пьедесталов, пока солдаты некогда фашистской армии будут стрелять в неонаполеонов, пока в Германии будут водружаться знамена свободы и нового правительства мира, — остальная часть прежней «фашистской армии» объединится с социалистической армией для того, чтобы организовать этот мир и стать на его страже. Тогда не будет ни «Гитлера против СССР», ни «Гитлера над Европой», что, впрочем, одно и то же («мир неделим»). Ибо восторжествуют мир и свобода — над разрушением и варварством.

Три письма из личного архива

Дорогой Эрнст Генри!

Простите, что адресуюсь к Вам так, ибо в Ваших псевдонимах совсем запутался. А Эрнст Генри мне ближе всего, ибо в юности своей всегда с уважением читал две Ваши книги, а потом в трагические военные годы, всегда, вспоминая Ваши книги, поражался сколь точно удалось Вам предугадать трагическое разворачивание событий — до наступления на Ленинград и Киев, до неприступности Москвы. А уж сколько догадок насчет Вашей личности мы строили! Начиная с того, что Вы один из одумавшихся и порвавших с Гитлером его приближенных и кончая тем, что Вы — это один из английских офицеров, занимающийся Европой в Интеллиженс Сервис...

Получив книги, не ответил Вам сразу. Хотелось перечитать «Гитлер против СССР». Читал неторопливо и со вкусом. Прочел и опять восхитился последней фразой «Мир никогда не был свидетелем такого поражения, каким будет разгром континентальной армии фашизма». Здорово!

С восхищением перед Вашей космической прозорливостью жму Вам руку.

16 января 1963 г.

Ваш Борис Полевой

Здравствуйте, глубокоуважаемый Эрнст Генри!

Какое глубокое личное счастье было увидеть Вас в телепередаче «Человек и закон» 16 мая с.г.

С превеликой радостью сообщаю Вам, что Вы в моей памяти с предвоенных лет, когда мне посчастливилось прочесть Ваши две, на всю жизнь запомнившиеся, умные книги. Это перед самой войной.

Сколько в них было человеческой правды, которая помогла нам не упасть духом в Великую Отечественную.

Я, вообще, много читал до войны, за что даже был премирован книгой «Как мы спасали Челюскинцев» библиотекой в одном здании с кинотеатром «Ударник» в гор. Саратове.

4 февраля 1941 г. я устроился на работу на завод «Комбайн». Учиться дальше не мог по семейным обстоятельствам. И когда грянула Отечественная, я уже работал в гальваническом цехе сменным диспетчером, а было нас всего двое — я и Надежда Скляр. В этом цехе (почему-то он назывался мастерской) работала одна молодежь, кроме начальника цеха. И, хотите верить, хотите нет, я, сначала втихомолку, доверенным ребятам и девушкам, рассказывал, что войны Гитлеру не выиграть. А в очень тяжелые 1941—1942 гг., вплоть до Сталинградской битвы, я уже во всеуслышание утверждал Вами написанные доказательства о непобедимости Антигитлеровской коалиции и очень многие другие Ваши изречения, которые я сейчас уже забыл. Ведь читал-то я эти книги тайком, и были-то они у меня на руках очень малое время.

Стойкость Красной Армии, самоотверженность Советского народа, мудрость Великого Сталина с первых дней войны и до окончательной Победы — вот та основная причина такой же уверенности в победе над фашистской Германией. Ведь Вы посмотрите: русские «ощетинились» под Ленинградом, то же самое под Москвой и наконец «ощетинились» под Сталинградом. Это мы так говорили в войну. И мы знали, что Красная Армия не разбита, а наоборот, спасена гением и мудростью нашего вождя и Политбюро ЦК ВКП(б). Извините за отступление.

Какое большое выпало мне счастье отблагодарить Вас за все, что Вы оставили в моей памяти.

Искренне извиняюсь спросить у Вас о Вашем подданстве. Ведь я помню, что Вы — английский публицист, а по русской разговорной речи Вы совершенно русский.

Позвольте крепко пожать Вам руку и пожелать самого, что ни на есть, наилучшего здоровья и человеческого счастья. Примите мой большой привет.

Никита Максимович Голубев

гор. Бектемир
17.5.1979 г.

Уважаемые товарищи из газеты «Известия»!

Обращаюсь к Вам с нижеизложенной просьбой. Более сорока лет тому назад, а точнее в 1939 году, мне, заканчивающему учебу в одном из учебных заведений гор. Владивостока и призываемому на военную службу в Красную армию, предложили, почти тайком, прочитать две книжки под названиями «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР». Мне было сказано, что эти книжки якобы по каким-то соображениям изъяты из библиотек (вроде по каким-то дипломатическим соображениям, связанным с заключением договоров с Германией). Запомнил автора книг — это был Эрнст Генри. Содержание книг произвело на меня значительное впечатление, как и сам автор. Тем более что, как мне помнится, в предисловии было сказано, что автор английский журналист и что обстановка в военно-политическом плане анализиру-

ется и трактуется объективно. Тем более что это были предвоенные годы, когда с Запада надвигались черные тучи фашизма, да и на Востоке неспокойно было, а мы, молодежь тех лет, готовились к обороне и от нашей военной и моральной готовности зависело многое. И надо сказать, что мне лично эти две книги дали определенный положительный заряд и крепко засели в памяти и вселили веру в Нашу Победу, и до сей поры ношу в памяти доброе имя автора Эрнста Генри, хотя он для меня и сейчас как человек — личность загадочная, из легенды.

Прошли годы и вдруг в «Известиях», №38 за 7 февраля 1987 года появляется статья — «Как возник миф о советской военной угрозе» — Эрнста Генри. Это для меня стало открытием.

У меня к Вам, товарищи из «Известий», большая просьба.

Во-первых, если автор названных мною книг и статьи Генри Эрнст сотрудничает в Вашей газете — ему от меня низкий поклон и добрые пожелания, самое главное — доброго здоровья.

Во-вторых, были ли под запретом названные книги, если да, то почему, какая их судьба в настоящее время, переиздавались ли они в послевоенное время?

В третьих, если эти книги переиздавались, то где и как их можно было бы приобрести?

Прошу извинения за столь необычное прошение и буду весьма благодарен за любой Ваш ответ.

Участник ВОВ, ветеран Труда, ветеран КПСС, Комсомола
Герасимец Николай Васильевич

г. Холмск, Сахалинской области
10 февраля 1987 года.

Э. Генри и германский военный план «Барбаросса»

Начну с личных воспоминаний. Это были 50-е годы прошлого века, когда Семен Николаевич Ростовский (его настоящую фамилию мы тогда не знали) вернулся из МГБэшного заключения и стал часто печататься в журнале «Новое время». Мне, молодому сотруднику этого журнала, довелось познакомиться с С.Н.Ростовским не совсем обычным способом. Нас свели... банковские справочники. Однажды в редакцию позвонили и предложили обогатить нашу служебную библиотеку за счет трофейной литературы, захваченной в конце войны в Германии и попавшей в Ленинскую библиотеку. Мне, как знавшему немецкий, было поручено отобрать для нас книги. Почему-то (сейчас уже не помню, почему) я обратил внимания на коллекцию толстых справочников довоенных лет, в том числе справочников крупнейших банковских учреждений 30-х годов XX века. Но именно ими заинтересовался С.Н.Ростовский, работавший тогда над серией статей о международных связях немецких банков, в том числе банка знаменитых Шрёдеров. Я предложил Семену Николаевичу просмотреть привезенную мною из Ленинки трофейную коллекцию. Это и создало, так сказать, материальную базу нашего знакомства...

Пару лет спустя мы наше первое знакомство возобновили, встретившись на отдыхе в Кисловодске, и часто беседовали. В том числе и о печальном периоде жизни моего маститого собеседника. Тогда я уже знал, что он в 1930-е годы опубликовал под псевдонимом Эрнст Генри нашумевшие тогда книги «Гитлер над Европой?» и «Гитлер против СССР». Я их, конечно, читал и был восхищен умением автора вскрывать глубокие корни международной политики. Речь естественно зашла о той великой войне, которую Эрнст Генри предсказал. Улыбаясь в усы, Семен Николаевич заметил:

— А вы знаете, меня по этому поводу в МГБ допрашивали...

— Как? — любопытствовал я.

— Следователь с пристрастием спрашивал: «Откуда у вас были сведения о немецких планах войны? Почему они были так точны? Не получили ли вы их от немецкой разведки?»

Семен Николаевич тогда ответил ему: мол, какой смысл был немцам раскрывать иностранному журналисту свои самые секретные планы?

Однако у следователя были свои причины задавать такие вопросы: его задачей было получить от Эрнста Генри какие-нибудь сведения о его связях с иностранной разведкой, безразлично какой — английской, американской или даже немецкой. Лишь бы это отягощало вину подследственного...

Занимаясь впоследствии предысторией военного плана «Барбаросса», я

не раз вспоминал об этом идиотском допросе, а также о соотношении описания немецкого плана, данного Эрнстом Генри в 1936 году, с реальной действительностью 1941 года. Речь, конечно, идет не о посмертном обвинении Генри в том, что хотели ему приписать бериевские ищейки. Речь идет совсем о другом: о мастерстве публициста, который невероятно близко к истине воспроизвел то, о чем не могла узнать даже умелая советская разведка.

Замечу, кстати: советская разведка в своем знании немецких планов находилась в двойственном положении. Ее военная часть (Главное Разведуправление Генштаба РККА), начиная с 30-х годов, постоянно информировала руководство ВКП(б) о подготовке Германии к войне против СССР. Правда, кодовое название операции «Барбаросса», принятое по инициативе Гитлера, оставалось Москве неизвестным. (Уточним, что его узнали в Вашингтоне, но не сообщили Москве). Однако была и другая часть разведки (5-е Управление Наркомата внутренних дел, позднее Госбезопасности). Именно она, следуя настроениям Сталина в эпоху договора о ненападении в начале 40-х годов, все более склонялась к отрицанию непосредственной опасности немецкого вторжения. В обстановке общего преклонения перед мнением Сталина вслед за НКВД и ГРУ перестало настаивать на своих прежних позициях, что и привело к катастрофе июня 1941 года.

Но был ли Эрнст Генри во всем прав? Разумеется, нет.

Во-первых, Генри ошибся в оценке характера гитлеровской военной коалиции. Это была не единая фашистская армия, а соединение вооруженных сил отдельных стран. Впрочем, Гитлер слияния не добивался. Его устраивало соглашение с лидерами, не ущемляющее формального суверенитета (Маннергейма, Хорти, королей Румынии и Болгарии). Когда Генри прогнозировал полную фашизацию Польши, Финляндии, Венгрии, Болгарии, Румынии, он переоценивал силу фашистских идей. Тем не менее, эти союзники внесли свой вклад в антисоветскую коалицию.

Во-вторых, Генри ошибочно включил в эту коалицию Польшу. В этом он был, впрочем, не одинок. Если взглянуть на документы Генерального штаба РККА, в частности, на прогноз его главы Шапошникова в марте 1938 года, то в нем Польша числилась в списке потенциальных участников нападения на СССР. В 1941 году Польши в этой комбинации не оказалось по той причине, что осенью 1939 года она как государство перестала существовать и была разделена между Германией и СССР в результате пакта 23 августа 1939 года. Тогда же исчезли и три малых прибалтийских государства — Эстония, Латвия, Литва. (Впрочем, Литва в то время чуть-чуть не попросила немецкого протектората, как свидетельствуют переговоры специального посла Шкирпы в начале августа 1939 года).

Эти ошибки в прогнозе Э. Генри вполне понятны: в условиях, когда писалась книга, планирование «Барбароссы» еще только началось. Как свидетельствует так называемый «протокол Хоссбаха» от ноября 1937 года, в планах Гитлера тогда преобладал общий замысел агрессии. Он вступил в стадию генштабистской подготовки лишь в апреле 1939 года. Теперь Гитлер решил начать агрессию с Польши (план «Вейсс»). Захваты Австрии в 1938 году (план «Отто») и Чехословакии (план «Грюн») были для Гитлера теми ломтиками колбасы «салями», которые он отрезал как бы на пробу, ожидая реакции Англии и Франции. Эти страны сами стали позднее в 1939—1940 годах объектами военного планирования (план «Гельб» и план «Зеелёве»).

Конечно, Эрнст Генри, пытаясь «думать» за своего антигероя Гитлера, при этом невольно приписывал ему ту общечеловеческую логику, которую внешний мир ожидал от руководящего деятеля столь крупной и влиятельной державы, какой была Германия. Но на самом деле какого-то единого плана мировой войны у Гитлера не было. Зато была единая воля к агрессии, которая развивалась в приложении к отдельным объектам.

Как же рождался план «Барбаросса»? Если отвлечься от ранних речей Гитлера, неизменно содержавших антисоветские высказывания, то первые практические «генштабистские» разработки относятся к весне-лету 1940 года, когда Гитлеру показалось, что он обеспечил себе «западный» тыл, овладев Францией и странами Бенилюкса. Иначе выглядел Восток. Гитлер понимал всю тактическую ограниченность пакта 1939 года о «дружбе» с Россией. «Мы в таком положении, — сказал он в беседе с Муссолини, — как человек, у которого в винтовке только один патрон». Весной 1940 года он окончательно решил, что выпустит этот патрон по России.

В соответствии с этой оценкой были отданы распоряжения генштабу, который поручил это задание начальнику штаба 18-й армии генерал-майору Эриху Марксу (какая историческая ирония с фамилией!). Первая разработка Маркса предусматривала создание одной ударной группировки на южном фланге, т. е. против Украины. Впоследствии Маркс изменил свою концепцию: уже не одна, а две ударные группы должны были выйти на линию Ростов-на-Дону, Горький, Архангельск.

Этот вариант не был, однако, одобрен в генштабе. Под руководством генерала Паулюса было предложено создать уже не две, а три ударных группы: северная должна была ударить на Ленинград, центральная — на Минск и Смоленск, южная — на Киев. Это предложение было обосновано заместителем начальника генштаба Йодля подполковником Б.Лоссбергом в так называемом «этюде Лоссберга». Особое внимание обращалось на фланг, где севернее Припятских болот были обнаружены более удобные возможности для наступления.

Всего было предложено 6 вариантов:

1) Июль 1940 (автор — Э. Маркс).

Удар из Румынии и Западной Польши через Киев, на Донбасс, затем поворот на север (на Москву) и заход в тыл советских войск в Белоруссии.

2) Июль 1940 (полковник Грейфенберг).

Главный удар на Украину, вспомогательные — на Москву и Ленинград.

3) Август 1940 (тот же Маркс).

Главный удар на Москву, с выходом к Горькому; вспомогательный — на Ленинград, второстепенный — на юге.

4) Август 1940 (полковник Зоденнтерн).

Два фланговых удара с целью загнать Красную Армию в Припятские болота.

5) Сентябрь 1940 (подполковник Лоссберг).

Три группы, центральная для удара на Москву, юг — второстепенная группа.

6) Декабрь 1940 (под руководством генерала Паулюса).

Три группы — на Ленинград, Москву и Киев. Это и легло в основу знаменитой «директивы №21» от 18 декабря 1940 г.

Нам особенно интересно отметить главное отличие предположений Генри от реальных планов ОКХ и ОКБ (Верховного командования вермахта и

сухопутных войск). Пристальное внимание к северному флангу, т. е. к захвату Ленинграда было общим. Но основания у Генри были иными, чем у немецких генералов. Он мыслил в первую очередь как политик, они — как военные специалисты. Генри подчеркивал стратегическое значение Ленинграда, немцы подходили к территории СССР, как театру военных действий. Кстати, если взглянуть на анализ советского генштаба (март 1938 г.), то его глава Б.М. Шапошников тоже начал рассмотрение будущего театра с его географических свойств: разделения его Припятскими болотами на две части. С этого же начали и в немецком генштабе. Когда Лоссберг (чуть не написал «вслед за Генри») излагал преимущества своего «северного» плана, то обратил внимание на его связь с разделением маршрута немецких войск Припятскими болотами. Генри (кстати, и Гитлер) подчеркивал роль Ленинграда как колыбели Октябрьской революции.

Главное, что Генри угадал множественность ударов немецкой наступающей группировки. Он пишет о крайне северной, «карельской зоне», балтийской зоне, белорусской зоне, украинской зоне и, наконец, о зоне черноморской («пять путей для наступления на Советский Союз»). Генри при этом выделяет «левый фланг фашистского «Крестового похода»... Генеральное наступление на Ленинград — это решающая операция против Москвы». Ну, как не вспомнить об упреках, которые в 1941 году Гитлер направлял своим советникам, настаивавшим в августе отбросить все, лишь бы захватить Москву! Гитлер все время напоминал им о Ленинграде.

Гитлер едва ли читал книги Генри. Возможно, их читал Сталин, замышляя раздел Польши и захват стран Прибалтики. Это лишало Гитлера вероятных союзников в северной и балтийской зонах. Да и не забудем, что Европа 1941 года была иной, чем в период написания книги (уже не было и Чехословакии).

Перечитывая ныне книгу «Гитлер против СССР», мы, конечно, находимся в лучшем положении, чем те читатели, которые знакомились с ней в 1937 году: мы знаем, как по-настоящему шла война. На ней, увы, не оправдались радужные надежды на немедленное победоносное контрнаступление Советской Армии и на быстрый крах фашистской коалиции. Но зоркий взор Генри видел конечную перспективу Победы. Пусть по-другому, но она пришла.

Лев Безыменский

Наш человек в XX веке

В биографии журналиста Эрнста Генри за его долгую жизнь накопилось немало загадок, которые прояснялись лишь постепенно. В известной мере он и сам был заинтересован в поддержании некоторого ореола загадочности вокруг своего имени и биографии, лукаво усмехаясь в усы, когда ему об этом говорили. Скажем для начала, что псевдоним этот не был первым, а родился он как раз в связи с появлением в 1930-х годах тех двух книг, новое издание которых сейчас держит в руках русскоязычный читатель.

Первоначально эти острые книги-памфлеты об агрессивных планах Гитлера и его сподвижников появились в 1934 и 1936 годах в Англии в респектабельном издательстве на английском языке, затем на немецком и ряде других. В русских изданиях, вышедших в свет соответственно в 1935 и 1937 гг., они названы переводом книг с «английского», хотя издатели, разумеется, знали, что автор — наш соотечественник. Правда, покинув Германию в 1933 г., он действительно писал их, живя в Англии.

Само название «Гитлер над Европой?» было парафразой нацистского пароля «Гитлер над Германией!», хваставшего тем, что фюрер первым широко использовал самолет в ходе избирательной кампании. Поверим и в то, что сам Генри написал в предисловии к первой книге: она не была «инспирирована» ни в каких кругах, не была связана с какими-либо «официальными» или «неофициальными» кругами ни в одной стране.

В выборе псевдонима, как рассказывал мне сам автор, был и некий конспиративно-романтический аспект: придумать его помогала бывший личный секретарь известного писателя-фантаста Герберта Уэллса, писательница Амабел Уильямс-Эллис. Найден был специально такой, который скрывал национальность автора: Эрнст Поль Генри подходил и немцу (от Генриха) и французу (читалось: Анри). Вдобавок имя Эрнст значило по-немецки «серьезный». Впоследствии полушутка с псевдонимом обернулась для автора реальной смертельной угрозой. Когда гитлеровцы планировали высадку вермахта в Англии (операцию «Морской лев»), то в составленном гестапо черном списке лиц, подлежащих аресту, где первым значился Уинстон Черчилль, вторым архиепископ Кентерберийский, числился и Эрнст Генри с примечанием, что адрес его неизвестен. Этот трофейный немецкий документ демонстрировался на Нюрнбергском процессе.

Современный читатель без труда поймет, чем так досадил автор гитлеровцам. Он проницательно и безжалостно разоблачал тайные тогда связи нацис-

тов с магнатами капитала и банкирами (в пропаганде нацистов «для народа» в ту пору еще звучали антикапиталистические требования). Правда, главный поначалу поклонник и покровитель фюрера крупнейший промышленник, глава рурского Стального треста Фриц Тиссен потом от Гитлера отшатнулся и едва сам избежал расправы. Но его место заняли Круппы, Флики, многие другие, и число их росло. Глубинные причины расправы Гитлера с Ремом и другими штурмовиками в июне 1934 г. тоже были поняты современниками далеко не сразу.

Расстановка сил в Европе год от году менялась, формирование гитлеровской (а, с другой стороны, и антигитлеровской) коалиции проходило разные стадии. Так что за событиями практически не поспевали ни ведущие зарубежные политики, ни самые дотошные журналисты. Все, так или иначе, ошибались в своих расчетах и предположениях. Да и общественные науки того времени еще не располагали надежными прогностическими средствами и чаще, чем ныне, били мимо цели.

Обе книги Генри имели сенсационный успех. Альберт Эйнштейн, гениальный физик, вынужденный эмигрировать из нацистской Германии, высоко оценил исследовательский и публицистический талант Генри, написав о первой книге, что «многому из нее научился». Известный британский философ Бертран Рассел лаконично заметил: «Исключительно интересно и ценно».

Официальная позиция советских издателей и критиков была более сдержанной. С одной стороны, рецензии появились в «Правде» (на первую), в «Известиях», «Комсомольской правде» (на вторую), а отрывки были напечатаны в «Красной звезде» и в журнале «Знамя». С другой, — исходя из позиций догматизированного «коминтерновского марксизма», — придирчиво выпячивались реальные или мнимые расхождения автора с официально утвержденными Коминтерном оценками фашизма и социал-фашизма, которые впоследствии были откорректированы или опровергнуты ходом истории.

Так, в редакционном предисловии к первой книге читатель мог прочесть длинный список того, чего будто бы автор «не понял». В том числе названы: причины прихода фашизма к власти, его социально-экономическая сущность, неустойчивый характер мелкой буржуазии, принципиальная невозможность интернациональных объединений капиталистических хищников и т. д. и т. п. Вдобавок говорилось, что «верить в дьявольскую реальность (!) фашистской фантастики, как это делает Генри, значит из-за деревьев не видеть леса, значит потерять перспективу всего развития и тем самым не замечать борющихся с фашизмом мощных революционных сил германского и международного пролетариата, а также могучей роли СССР в качестве фактора гарантии мира». Если все эти критические эскапады принять всерьез, то возникнет естественное недоумение: почему такую книгу все же рекомендовали советскому читателю?

Разбирая недавно архив Коминтерна, впервые ставший доступным историкам, я случайно наткнулся на возможный ответ. В фонде Г.Е.Зиновьева¹ сохранилась рукопись проекта его предисловия к первой книге. Оно было написано давно уже «бывшим» руководителем Коминтерна, судьба которого была

¹ Г.Зиновьев. Эрнст Генри «Гитлер над Европой?». Предисловие / Российский Государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ). Фонд 324, оп. 1, д. 487, л. 16-34.

предрешена: ему, как разоблаченному Сталиным «врагу народа», предстоял показательный судебный процесс и расстрел.

Проект предисловия Зиновьева начинался с шумной похвалы: «Среди вышедших до сих пор иностранных книг о германском фашизме работа Эрнста Генри безусловно должна быть признана одной из лучших, несмотря на ее недостатки». Но затем следовал добрый десяток страниц с перечислением обнаруженных в русском тексте рукописи серьезных ошибок автора, в числе которых были: «гипноз фашистской силы», «сбивчивость» тезиса о роли мелкой буржуазии, недооценка угрозы нападения на СССР и т. п. Завершало предисловие, не попавшее в книгу, такое резюме: «За всем тем Генри искренно ненавидит фашизм, умеет в ряде случаев ярко показать действительные корни фашизма и талантливо представить опасность германского фашизма для дела мира».

Вторая книга Эрнста Генри называлась в английском издании «Гитлер над Россией», а в русском переводе — «Гитлер против СССР». Старшее поколение советских читателей, пережившее все испытания Великой Отечественной войны, лучше всего сохранило в памяти те главы этой книги, где автор обстоятельно, на основе скрупулезного сопоставления множества привлеченных им документов и материалов, анализировал «новый германский стратегический план» ведения Гитлером агрессивной войны против СССР. Генри называл его «планом Гофмана», хотя антисоветски настроенный генерал умер еще в 1927 г. Далеко не все в ходе реальной многолетней битвы нашего народа, которая, как сказал поэт, шла «не ради славы, а ради жизни на Земле», подтвердило предположения, высказанные Генри. Он не разделял официального мнения, что Красная Армия не пустит врага на территорию страны, а разобьет его на чужой земле. Однако в духе тогдашнего советского оптимизма война виделась ему сравнительно краткосрочной, поначалу преимущественно воздушной и состоящей из пяти стадий: на первой «Гитлер наступает, имея первой целью Ленинград и Киев, второй целью Москву, третьей — паневропейскую империю нового тевтонского ордена». На второй — фашистская армия отброшена; на третьей — социалистическая армия развивает сокрушительное контрнаступление; на четвертой начнется «великая антифашистская революция в Германии»; на последней — бегство и гибель Гитлера и его сообщников.

Генерал-полковник П.А.Белов в своих военных мемуарах вспомнил, во-первых, о впечатлении, которое в 1938 г. произвела на него книга «Гитлер против СССР». А, во-вторых, об удивлении, испытанном им в начале войны, когда эта книга вообще исчезла из обихода, а высказанные в ней важнейшие соображения о планах германского наступления, очевидно, не были должным образом оценены и использованы Генштабом Красной Армии.¹

Квалифицированное сопоставление военных аспектов умозрительной интерпретации Эрнстом Генри «плана Гофмана» и реального гитлеровского «плана Барбаросса» читатель найдет в статье крупнейшего современного специалиста Льва Безыменского. Мне же представляется важным обратить внимание читателей на три обстоятельства, характеризующие личность и творческую манеру Генри, проявившуюся в рассматриваемых бестселлерах, которые создали ему в его 30 с небольшим лет устойчивую мировую известность.

Прежде всего, это самостоятельный, нетривиальный, исследовательский

¹ П.А.Белов. За нами Москва. М., 1963. С. 11.

подход историка-публициста к событиям, еще находящимся, как говорят химики, *in statu nascendi* — в состоянии зарождения, в момент образования. Генри не раз спрашивали, в чем же секрет его умения не только предугадать общий ход международных событий, но и высветить многие детали, которые не отразились в документах, доступных компаративной критике. Ответ всегда гласил: «Методика предвидения у меня была лишь одна — думать, думать и еще раз думать».

Далее, это широчайший кругозор, наработанный огромным кругом чтения, систематическим изучением разнообразной и многоязычной прессы, умением извлечь и придать жизненный блеск сухим фактам, почерпнутым из скучнейших экономических и географических справочников и иной подсобной литературы.

Наконец, это талант детектива, мастерски умеющего распутывать сложнейшие переплетения и узлы человеческих отношений, всесторонне владеющего дедуктивным методом в сопряжении с яркой литературной формой раскрытия противоречивой динамики событий, с запоминающимися личными характеристиками исторических персонажей.

Все это вместе взятое опиралось на неизменно оптимистическую жизненную установку Эрнста Генри.

Задуманная им третья книга «Гитлер и Англия», которая превратила бы диологию в трилогию, так и не была написана, хотя автор на много лет поселился именно в этой стране.

Кто же стоял за известным псевдонимом?

Для начала придется вернуться на три с лишним десятилетия назад. 16 февраля 1904 г. в провинциальном городе Витебске в семье разбогатевшего еврейского торговца льном и спичечного фабриканта Аркадия Хентова родился сын, названный Леонидом. Он был очень болезненным десятым ребенком в семье, где до него (кроме одного умершего) были только девочки. Его очень баловали, но серьезно учили дома, а потом в классической гимназии. Иностранные языки и гуманитарные науки давались ему легко. Газеты стал читать с семи лет. Как он сам вспоминал позднее, очень заинтересовался политикой, а «перо само просилось в руки».

Многое резко переменялось с началом Первой мировой войны, которая застала отца в Гамбурге, куда он уехал по экспортным делам фирмы и где был интернирован. Мать после трагической гибели сразу двух детей не перенесла потрясения и стала душевно больной. Весной 1917 г. Леонид со старшими сестрами, Полиной и Минной, переехал в Москву и продолжил учебу в гимназии в Хлебном переулке. Он стал регулярно читать «Правду» и «Социал-демократ». Летом следующего года отсутствие средств и голод заставили детей отправиться в Киев, который оставался под немецкой оккупацией. Отсюда им удалось связаться с уже освобожденным отцом, и вскоре 15-летний подросток, получивший в Киеве советский паспорт, оказался в Германии. Интерес его к политике стал еще сильнее и конкретнее.

В Берлине судьба свела его с группой «Junge Garde» немецкого комсомола и с немецкими организаторами созданного в ноябре 1919 г. Коммунистического Интернационала молодежи (КИМа) журналистом Вилли Мюнценбер-

гом и писателем Альфредом Куреллой. Они сочли Леонида подходящим для осуществления функции курьера, который должен был весной 1920 г. нелегально отправиться с посланием в Москву. Ему пришлось преодолеть множество трудностей при переходе польской границы, почти месяц он просидел в польских тюрьмах в Слупске и Бобруйске, где его избивали. Едва ли не чудом освободившись с помощью подпольщиков, он был переправлен через линию фронта и только к лету добрался до цели. Встретившись с российским организатором КИМа Лазарем Шацким, Леонид получил задание снова вернуться в Берлин и передать указание Коминтерна, что руководство КИМа должно пребывать не в Германии, а в Москве.

В Берлине Леонид вступил в КПП, этим именем подписал первые заметки и статьи для центральной партийной газеты «Die Rote Fahne». В 1922 г. ему в Отделе международных связей Коминтерна «сделали» советский паспорт. Так он стал Семеном Николаевичем Ростовским, родившимся будто бы в 1900 г. в Тамбове. «Лишних» 4 года ему «приписали» специально, чтобы уберечь от молодежных тюрем, где «воспитывали». Паспорт же прислали через советское посольство в Берлине. Он возобновлялся неоднократно, и с ним Леонид Аркадьевич Хентов прожил до самой кончины. Эти подлинные данные я позволил себе впервые публично раскрыть только на панихиде в Центральном Доме литераторов.

Между тем нелегальная работа продолжалась: под именем «Леонид» он был на подпольном съезде турецкой компартии в Анкаре, в 1923 г. отсидел 8 месяцев в Моабитской тюрьме в Берлине якобы за участие в «попытке государственного переворота», затем освобожден за недоказанностью обвинения и выслан в Саксонию. Он написал в это время несколько брошюр, в том числе о закулисной стороне «Рурской войны», вызванной франко-бельгийской оккупацией Рурской области, опубликовал в журнале «Die Internationale» большую статью о фашизме и немецких средних слоях. Он предчувствовал опасность их соединения и призывал коммунистов к позитивному противодействию.

Только в 1927 г. Семен (или Симон) Ростовский смог легализоваться и переехать из Дрездена в Берлин. На протяжении многих лет он собирал свой собственный архив материалов о закулисной стороне политики и экономики мирового капитализма. Они легли в основу его работы сразу над двумя книгами: «Концентрация капитала» и «Динамика нового германского империализма». Рукопись последней была к исходу 1932 г. почти готова к публикации в издательстве Коминтерна.

Но 30 января 1933 г. к власти в Германии пришел Гитлер, а жизнь журналиста и писателя перевернул «господин случай». Месяц или два спустя Ростовского телеграммой вызвали в Лондон, где тяжело заболела его старшая сестра Полина, художница (она вскоре скончалась). А через несколько дней пришло известие, что прусская полиция произвела обыск в берлинской квартире писателя. Тогда английские друзья, прежде всего шотландский коммунист Уильям Галлахер, стали настоятельно рекомендовать Генри не возвращаться в Германию, а остаться в Англии. Здесь все очень мало знают о Гитлере и не сознают его опасности. Об этом стоит написать книгу.

Хотя и лишившись собранных архивных материалов, использовав лишь некоторые уцелевшие наработки из готовившихся книг, будущий «Эрнст Генри» написал одну за другой две новые работы, которые, спустя почти 70 лет,

предстоит прочесть в этом томе современному российскому читателю. В августе-сентябре 1933 г., завершая работу над книгой «Гитлер над Европой?», Генри напечатал в левом английском еженедельнике «New Statesman & Nation» три большие статьи о революционном движении в нацистской Германии. В них он, в частности, рассказал о героической деятельности подпольных антифашистских «пятерок», создававшихся на руинах разгромленных нацистами коммунистических и других рабочих организаций.

К этому времени относится начало его знакомства с несколькими студентами Кембриджского университета. Среди них были Ким Филби, Гай Берджесс, Энтони Блант, Дональд Маклин, Джон Кэрнкросс. Один из друзей Берджесса опубликовал весной 1934 г. в «New Statesman» рецензию на книгу Генри, назвав ее «вероятно, самой лучшей работой, изданной в Англии о Третьем рейхе, которую должен прочесть каждый». В разное время и различными путями эти молодые образованные англичане, настроенные антифашистски, симпатизировавшие СССР и коммунистам, были вовлечены в сферу действий советской зарубежной разведки. За успешные операции в годы войны их называли даже «славной кембриджской пятеркой». После войны и провалов они оказались в Москве. Из них приятелем Генри стал только Дональд Маклин. Под именами М.П.Фрезер, Мадзелевский он был научным сотрудником академического Института мировой экономики и международных отношений, сотрудничал в журнале «Международная жизнь».

В недавнее время из кругов, близких к перебежчикам и «разоблачителям» КГБ, пошла гулять легенда, будто Генри был «вербовщиком», а то и «руководителем пятерки», даже «нелегалом ОГПУ». Но видный англо-американский историк Уолтер Лакер давно уже разобрался в том, кто такой Эрнст Генри, а позднее узнал и его настоящее имя. Он видел в нем «советского политического комментатора, который в 30-е годы пользовался большим успехом и в Советском Союзе, и в Западной Европе. Его впервые представил читателем лондонский «New Statesman» как беженца из Германии, имеющего исключительные источники информации»¹.

Книги Генри о планах Гитлера Лакер считал вовсе не сочиненными неким английским журналистом, а «показательными для уровня коммунистического толкования марксизма», поставив их в один ряд с работами Троцкого и Радека. Резкость антикоммунистических выпадов Лакера (к примеру, его заявление о «пустых сенсациях Э.Генри, составленных из бессвязной смеси фактов, цифр и полной фантазии») не делает чести ученому. Тем более, что он сам признает: «Замечания Генри на политические темы весьма интересны»; его суждения «в то время находили немало доверчивых слушателей», а «в какой-то мере недостаток понимания подлинного характера нацизма даже среди самых ярых антифашистов был своего рода знаком времени».

Живя в предвоенные годы в основном в Англии, но разъезжая порой по Бельгии, Франции, Италии и другим странам, Семен Ростовский сотрудничал с советским посольством в Лондоне и по поручению посла Ивана Михайловича Майского (видного дипломата, а впоследствии историка, академика) писал еженедельные отчеты о «закулисных сторонах» британской политики. Но в сфере наиболее глубоких его интересов центральное место по-прежнему

¹ Уолтер Лакер. Россия и Германия наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 291-293.

занимали две страны: Советский Союз и Германия. Продолжая размышлять о надвигавшейся мировой войне, он в послесловии ко второму изданию книги «Гитлер против СССР» подчеркнул свое представление об исходе предстоявшего гигантского сражения «двух формаций» — «армии мира, социализма и народов и, с другой стороны, армии агрессии, варварства и тирании»: «Если будет атака, то победит СССР, победит мировой народный фронт за мир, свободу и социализм».

В самом начале Великой Отечественной войны С.Н.Ростовский был назначен ответственным редактором издававшегося посольством еженедельника «Soviet War News» («Советские военные новости»), а потом «Soviet War Weekly». Будучи одновременно представителем Советского Информбюро в Англии, он организовал при посольстве бюро пропаганды.

Только в конце 1946 г., после долгих лет, проведенных за рубежом, он вернулся на Родину. 9 месяцев прожил в гостинице «Метрополь», а затем начались долгие мытарства в комнатах по частному найму. Как крупнейший знаток Великобритании он несколько лет работал в Москве старшим редактором английского отдела Советского Информбюро, а потом обозревателем во Всесоюзном радиокомитете. Сотрудничал в журналах «Новое время», «Международная жизнь» (псевдоним А.Леонидов), «News» (псевдоним А.Лосев) и других. По договору с Политиздатом Ростовский работал над большой книгой «Кризис лейборизма».

Нежданный поворот судьбы

Начало марта 1953 г. было, как известно, ознаменовано внезапной смертью Иосифа Сталина. 2 марта, за день до смерти вождя Эрнст Генри был арестован на квартире своей младшей сестры Татьяны в Москве и доставлен на Лубянку.

Предъявленные Ростовскому обвинения он сам счел «совершенно фантастическими». И действительно. Из документов о реабилитации, полученных много лет спустя в военной прокуратуре сыном арестованного Михаилом Семеновичем¹, следует, что отец его С.Н.Ростовский был арестован 2-м главным Управлением МГБ СССР. Основанием послужили агентурные материалы о том, что Ростовский, проживая длительное время за границей (в Германии и Англии), имел, начиная с 20-х годов, «подозрительные по шпионажу связи с иностранцами».

Что же это были за «связи»? В постановлении о прекращении дела и освобождении арестованного из-под стражи, утвержденном Зам. Министра внутренних дел СССР И.Серовым 13 февраля 1954 г., можно прочесть: «Находясь в Германии, Ростовский в 1922–1923 годах дважды арестовывался немецкой полицией, но каждый раз при сомнительных обстоятельствах (?) освобождался из-под стражи». В 1922 г. он был журналистом-наблюдателем на подпольном съезде турецкой компартии. Впоследствии весь состав делегатов был арестован и казнен. Поразительно, но именно эти данные «послужили основанием подозревать Ростовского в предательской деятельности».

Еще примечательнее последующее: «За время пребывания в Англии с 1933

¹ Личный архив М.С.Ростовского.

по 1946 год, где он занимался литературно-журналистской деятельностью, — говорилось в постановлении, — были получены материалы о его связи с англичанами, известными своей причастностью к английской разведке. Установил личную связь (!) с послом СССР в Лондоне Майским, был ответственным редактором официального бюллетеня посольства «Советские военные новости», где Ростовским неоднократно помещались материалы, по своему содержанию вредные (!) для Советского Союза». Далее сообщалось, что к моменту ареста «также имелись показания арестованного Майского И.М., который на допросе 2 марта 1953 года показал, что со слов англичанина Коатс ему известно о связи Ростовского с английской разведкой. Кроме того, по агентурным данным, Ростовский характеризуется как антисоветски настроенная личность».

Впрочем, в Постановлении МВД отразились и перемены, происшедшие после смерти Сталина. Так, в нем было сказано, что Майский «от своих показаний отказался, заявив, что они вымышленные», а «проверкой по архивам МВД СССР данных, которые бы свидетельствовали о связи Ростовского с немецкой или другой какой-либо иностранной разведкой не получено». Обвинение, будто Ростовский «возводил клевету на государственный строй в СССР, на руководителей партии и Советского правительства» оказалось основанным лишь на утверждениях немецкого писателя Альфреда Куреллы. Еще двадцать допрошенных свидетелей «однако не дали показаний об антисоветских настроениях Ростовского, поэтому в распоряжении следствия недостаточно данных для обвинения Ростовского в проведении антисоветской агитации».

В результате почти годичного пребывания Ростовского на Лубянке, мучительных допросов и очных ставок следствию пришлось установить, что для привлечения его к ответственности «за шпионскую деятельность и проведение антисоветской агитации» нет достаточных оснований. Дело было прекращено, а обвиняемый 13 февраля 1954 г. освобожден и позднее реабилитирован.

О своих переживаниях Семен Николаевич рассказывать не любил. О смерти Сталина, которая спасла его жизнь, он узнал лишь позже. Только о лжесвидетельстве Куреллы, с которым познакомился еще в 1920 г. в Германии, он вспоминал с яростью. Мне он поведал, что, наслышанный о методах «подсадных уток», предпочитал одиночное заключение. А, будучи лишен возможности писать, сочинял в уме (притом на английском языке) фантастически-приключенческий роман о Тибете и философский роман «Прометей», записанный им позднее.

Нельзя закончить этот раздел, не поговорив об отношении Эрнста Генри к Сталину, хотя это выведет нас за хронологические рамки 50-х гг. Еще с предвоенных лет, наблюдая жизнь в СССР в основном из-за границы, он критически относился к личности Сталина и выражал искреннее удивление, когда мы в «кухонных беседах» упоминали, что долгие годы верили Сталину и даже горевали о его смерти. Перечитывая недавно книги Эрнста Генри о Гитлере, я с удивлением заметил, что в них не было даже упоминаний о Сталине, не говоря уже о привычных в то время обильных цитатах из его выступлений.

Правда, имеется исключение: в послесловии ко второму изданию «Гитлер против СССР» (подписанному: «14 сентября 1937 г. Париж»), подводя предварительный баланс знаменательному 1937 году, Генри написал, — очевидно, вопреки собственному знанию, — следующее:

«В тылу у социализма:

Решительное очищение государственного, военного и хозяйственного аппарата СССР от вредительских и шпионских элементов.

Укрепление Красной армии путем улучшения командного состава, продолжающейся механизации, моторизации и повышения квалификации.

Укрепление советского государства путем введения Сталинской Конституции и укрепления кадров».

Современный читатель, умудренный последующим историческим опытом, может поразмышлять над таким феноменом, увязав его с тем, что Эрнст Генри был тогда представлен Соцэкгизом (включившем в свое предисловие цитату из речи Сталина о «ликвидации троцкистских и иных двурушников») как «английский журналист», разоблачающий подготовку гитлеровской агрессии.

Но пропустим почти 28 лет и обратимся к рукописному документу, датированному Эрнстом Генри 30 мая 1965 г. и долгое время ходившему по рукам в «самиздате». Речь идет об известном «Письме Илье Эренбургу». Оно начиналось так:

«Илья Григорьевич!

Я принадлежу к тем, кто считает Вас одним из самых умных и передовых писателей нашей страны. Как и другие, я особенно ценю Вас за то, что в трудное время Вы стремились не гнуть спину и часто, когда другие молчали или лгали, вслух говорили правду. Этим Вы завоевали себе место, которое у нас делят с Вами немногие, и этим, прежде всего, помянет Вас будущее. Каждый настоящий писатель или крупный публицист создает себе нерукотворный памятник и Ваш построен на том, чтобы до конца не поддаваться неправде, даже в какой-то ее части. Я всегда думал, что Вы это чувствуете лучше других.

Тем более странно и непонятно было для меня прочесть некоторые Ваши высказывания о Сталине в заключительной главе Ваших воспоминаний в четвертом номере «Нового мира».

Вы откровенно пишете, что не любили и боялись Сталина, хотя и добавляете, что «долго в него верили». Вы не скрываете, не умаляете его «несправедливых, злых дел», его коварства, отмечаете, что при нем «мы не могли жить в ладу со своей совестью». Сказать это с Вашей стороны естественно: Вы говорите правду и иного никто от Вас не ждал. Но в то время, когда Вы теперь подводите итог прожитому, в Ваших словах звучит нечто для меня неожиданное. Сплетение «зла и добра» в отношении Сталина бросается в глаза. Это — политический оправдательный приговор Сталину. И то, что выносите его Вы, Эренбург, трудно понять. Не Вам бы это делать, И.Г.»

Обстоятельно разобрав шесть особенно важных разногласий, Эрнст Генри заключил: «то, что Вы теперь пишете о Сталине, Вы пишете против себя. Зачем Вам помогать в создании легенды о творившем добро злом советском Маккиавели?... Нельзя противопоставлять совести историю, она всегда мстит за это».

Случилось так, что Генри пришлось еще раз наблюдать, уже в брежневские времена, возникшую опасность частичной реабилитации Сталина. Тогда он стал вдохновителем сбора под письмом протеста подписей виднейших интеллигентов. Желающих набралось 25: от ученых с мировым именем — Арцимовича, Капицы, Сахарова, Тамма до деятелей культуры — Паустовского, Плисецкой, Ромма, Товстоногова и других. Атака была отражена.

Но главным полем своей общественной активности Эрнст Генри считал публицистику журналиста-международника. Ей он был верен, ею он жил.

Как писать «историю современности»?

Вернувшись к исследовательской работе, С.Н.Ростовский выпустил в 1961 г. в Военном издательстве Минобороны СССР (под псевдонимом А.Леонидов) серьезную научную книгу: «Политика военных монополий». На основе множества конкретных данных о производстве оружия и личностях главных воротил выгодного бизнеса в ней высвечивалась роль интернациональных «торговцев смертью». На первом плане — ракетно-атомные короли США, за ними фирмы «Виккерс» и другие в Англии, послевоенные судьбы германских военных концернов, международные объединения поставщиков оружия, деятельность генералов, перешедших на службу корпораций. Следуя традиции времен «холодной войны», автор из обобщенного им обширного материала сделал востребованный политический вывод, что деятельность монополий — «яркий пример загнивания и разложения капитализма».

В следующем году Эрнст Генри, теперь уже лауреат премии имени Воровского, стал автором вышедшей в издательстве Института международных отношений остро полемической книги «Есть ли будущее у неофашизма?». Работа возникла из нескольких статей автора, ранее опубликованных в периодической печати. Ее непосредственной целью было привлечь внимание общественности к этой проблеме и стимулировать дискуссии. Он утвердительно отвечал на вопрос, жив ли фашизм в бывших главных фашистских странах, Германии и Италии, видел новые очаги в виде организации террористов ОАС в Алжире, угрожавшей Франции, призывал не игнорировать сторонников Мосли в Англии, подчеркивал, что, перейдя Атлантический океан, фашизм не только обосновался в США, но и пытался создать свой новый международный центр, строит новые планы, ищет и находит новых союзников в военных кругах. У неофашистов есть генералы, есть террористы, есть бомбы и есть деньги. Вопрос в том, смогут ли они в странах Запада привлечь на свою сторону массы? Автор считал, что мелкая буржуазия «уже не та», что организованные противники фашизма стали бдительнее, что время на стороне антифашизма. А потому у неофашизма будущего нет. Последующие десятилетия этот прогноз в общем подтвердили.

Став членом Союза писателей и Союза журналистов, лауреатом литературной премии Алексея Толстого, С.Н.Ростовский выдвинулся в ряд наиболее известных и читаемых публицистов-международников. Он публиковал статьи в разных изданиях и под разными псевдонимами. Но чем дальше, тем все чаще и заметнее со страниц советской прессы снова звучал голос любимого многими читателями публициста-историка «Эрнста Генри».

Этот автор любил будоражить читателя неожиданностью подходов, сюжетных поворотов и личных характеристик. На протяжении десятилетий он был не просто нашим современником, а человеком, который своим талантом и знанием дела помогал нам осмысливать события современности в широком международном контексте. Следуя Ленину, он сделал эпиграфом своего послевоенного творчества придуманную им самим яркую формулу: хороший публицист обязан писать «историю современности». И, строго следуя этому завету, он стал ведущим автором зарубежной рубрики «Литературной газеты», часто печатался в «Комсомольской правде», в журналах «Международная жизнь», «Новое время», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «Молодой коммунист», «Юность» и многих других. Не подыгрывая читательским вкусам, он

умел всякий раз чутко угадывать своеобразие уровня, запросов и интересов той или иной аудитории.

На первом плане самой жесткой критики Генри оставались фашизм и опасность неонацизма. Так, он с радостью стал помогать Михаилу Ромму, когда тот работал над фильмом «Обыкновенный фашизм». Они остались довольны друг другом: «Ромм создал из сырого материала, — отметил Генри, — динамическую драму, захватывающую внимание зрителя с первого до последнего кадра. Художественное мастерство и историчность у Ромма неотделимы друг от друга. Он не подменяет историю и не навязывает ей чуждые ей роли. Он только помогает ей рассказать об одном из самых трагических периодов в жизни людей. Слушая ее, мы вместе с ним задумываемся над тем главным, что она хочет нам сказать. Избитых фраз, шаблонов в фильме нет. Главная заслуга Ромма состоит, по моему мнению, в том, что он взглянул на фашизм с самой высокой, философской вышки».

В свою очередь Ромм написал о Генри: «Этот глубокий, умный и тонкий человек был нашим консультантом. Как положено консультанту, работал на подаче. Мячи подавал точно. Спасибо ему за помощь»¹.

Генри долго и тщательно отбирал самые значимые и глубокие из своих статей и очерков разных лет. Так появились в академическом издательстве «Наука», один за другим, два больших сборника, почти по 30 авторских листов в каждом, названные им: «Заметки по истории современности» (1970) и «Новые заметки по истории современности» (1976). За «соседскую помощь» в их редактировании Генри почтил меня лестными дарственными надписями — «Другу, соседу, редактору, настоящему историку, хорошему человеку» и еще лаконичнее и выразительнее: «Непримиримому другу».

Последнее десятилетие

В 1981 г. Политиздат выпустил книгу Эрнста Генри «Профессиональный антикоммунизм. К истории возникновения». Воспроизводя документы прошлого, прослеживая происходившее за сценой и анализируя формы и методы антикоммунизма на различных стадиях исторического процесса, он ведет счет не с октября 1917 г., а с революций 1848 г., напоминая о Кёльнском процессе против коммунистов 1852 г., о действиях царской охраны, о травле социалистов германским «Имперским союзом борьбы против социал-демократов», о чикагском «Национальном гражданском союзе», «Антибольшевистской лиге Штатлера в Германии, международной «Лиге Обера» и множестве других организаций в разных странах, включая «Антикоминтерн» Геббельса. Сердцевиной антикоммунизма Генри считал «патологический антисоветизм».

В этой книге, мобилизовавшей, как обычно у Генри, огромное множество разнообразных фактов, имен и рассуждений, проявилась и имманентная слабость историка-публициста, когда он, — превышая предел человеческих возможностей, — прибегает для «провидения» будущего к методу простой экстраполяции прошлого. Современный читатель, переживший распад СССР и крах мирового коммунизма, разочарованно пожмет плечами, взглянув на последние строчки книги: «И все таки профессиональные антикоммунисты нео-

¹ Михаил Ромм. Избранные произведения в 3-х томах. Том 2. С. 324.

твратимо осуждены историей, которой они тщетно пытаются ставить палки в колеса». Воистину, как знали еще древние, «*egregium humanum est*» — «человеку свойственно ошибаться».

На протяжении нескольких десятилетий Эрнст Генри был одним из самых активных и плодovitых авторов Агентства печати Новости (АПН), выпускавшего массовыми тиражами разнообразные брошюры по самым актуальным проблемам, притом не только на русском, но и на десятках иностранных языков.

В том же году Эрнст Генри написал, и снова специально для Издательства АПН, еще одну книжку. Его несомненно привлекало то, что они выходят огромными тиражами на множестве языков мира. А проблема на сей раз представлялась ему особенно актуальной и необходимой. Она именовалась: «Против терроризма». Автор решил дать в ней действительно аргументированный ответ на жгучий вопрос: «Чем объяснить бурный рост терроризма в современном капиталистическом мире?» Он сделал это, различая и сопоставляя два социальных слоя, питающих терроризм *справа* и терроризм *слева*, отмечая возможности блока между ними и особенно акцентируя внимание на позиции и роли молодежи.

Анализируя прежде всего, что естественно, терроризм «снизу», он не обошел вниманием и терроризм «сверху». Но в главе «Государственный терроризм» находим ограничение: в скобках стоит «ЦРУ». И ни единого слова нет о *сталинском* (ежовском, бериевском и т. д.) терроризме! Сознывая, что не корректно упрекать автора за то, о чем он не написал, считаю своим долгом все же привлечь к этому внимание современного читателя, ибо ему важно понимать, что еще в 80-е годы в СССР *нельзя было* никому об этом напечатать ни слова. Но в XXI веке нельзя оставить без опровержения утверждение, что «терроризм был одним из самых уродливых явлений XX века, порожденных обострением общего кризиса капитализма, конвульсиями буржуазного общества». Не только этого общества.

Генри любил давать своим произведениям парадоксальные заголовки. Так появились брошюры «За сценой в Бонне», «За дверьми Белого дома», «Китай против Азии», «Ось Пекин — Бонн». Притом критика германского реваншизма порой отступала перед разоблачением маоизма. На всем литературном творчестве Генри лежала неистребимая печать времени. Он сам это высоко ценил и для того были веские основания. Однако имелась и негативная сторона: с изменением условий самые острые злободневные характеристики довольно быстро устаревали. Да и сама публицистическая манера нуждалась порой в корректировке или даже в смене методов и форм.

Мы видели, что для многих работ Генри была характерна жесткость и однозначность оценок, заслонявшая иногда многообразие ситуаций и актеров. Между тем навязчивое противопоставление двух миров, двух непримиримых социальных и политико-моральных систем, двухцветная светопись с преобладанием черного и белого, или вернее коричневого и красного, переставала соответствовать жизненным реалиям. Особенно после крушения европейского коммунизма красное становилось все более блеклым, намечались новые пути к сотрудничеству в рабочем движении. Генри, к примеру, оказался вынужденным закончить свою привычно воинственную брошюру «Социал-демократы на перепутье» бодренькой констатацией: «Идти рядом по дороге к миру и социализму коммунисты и честные (!) социал-демократы могут уже теперь».

Сборник очерков разных лет «Заметки публициста», изданный АПН в 1988 г., Генри открыл размышлениями о грядущем XXI веке: «Еще ни одна эпоха не ставила перед публицистом столько жгучих и неожиданных вопросов и не давала ему такой колоссальный драматический материал, как та, в которой мы живем. Мир движется сквозь небывалый водоворот событий, человечество с трудом переводит дыхание. Все меняется, на горизонте — непрекращающиеся вспышки молний. Кажется, будто земной шар переделывается заново. Вся наша жизнь проходит в зоне этой бури и, вероятно, еще долго будет оставаться в ней»¹. Предчувствия оправдались с лихвой, но до крушения социалистической системы и связанных с ней иллюзий Эрнст Генри, — возможно, к счастью, — не дожил. Он скончался 4 апреля 1990 г.

Последняя книжка Генри, изданная АПН в 1989 г., за год до кончины, при помощи его редактора и друга Вячеслава Симакова, была, как и две первые книги, предлагаемые ныне российскому читателю, снова посвящена «врагу №1» — Гитлеру. Вышла она на многих языках мира и называлась сверхкратко и емко: «Античеловек». Так диалогия о Гитлере спустя более полувека после ее создания превратилась, все-таки, в трилогию.

Яков Драбкин

¹ Эрнст Генри. Заметки публициста. М., 1988. С. 7.

Оглавление

К читателю. <i>Е.Примаков</i>	3
-------------------------------------	---

ГИТЛЕР НАД ЕВРОПОЙ?

Предисловие автора к советскому изданию.....	7
--	---

Часть первая

Кто стоит за Гитлером?

I. Заговор Тиссена.....	10
II. Поражение мелкой буржуазии.....	24
III. Пять динамических сил в национал-социалистской партии.....	33
IV. Геринг против Гитлера.....	44
V. Низведение рабочего класса до положения низшей расы.....	53

Часть вторая

Куда идет Гитлер?

(Неофициальная внешняя политика)

I. Континентальный план Тиссена.....	71
II. План Розенберга.....	81
III. Тайный «Интернационал» г-на Розенберга.....	89
IV. Мировая роль коричневого «Интернационала».....	111
V. Международная тактика Гитлера.....	119
VI. Может ли Германия выиграть войну?.....	128
VII. Новый шлиффеновский план.....	137
VIII. Воздушная армада Геринга над Европой.....	148

Эпилог

Против Гитлера.....	161
30 июня.....	178

ГИТЛЕР ПРОТИВ СССР

Предисловие автора к русскому изданию.	197
Предисловие автора к английскому и немецкому изданиям.	199

Часть первая Порочный круг

Глава I. Восстание армии мелкой буржуазии.	206
Глава II. Империя нового тевтонского ордена.	222
Глава III. Вмешательство химического треста.	232
Глава IV. «Ночь длинного ножа», или апофеоз фашизма.	244

Часть вторая «Крестовый поход»

Глава I. Поход на Австрию.	252
Глава II. Борьба между Тиссенем и Муссолини.	263
Глава III. Когда падет Вена?.....	279
Глава IV. Создание фашистской лиги на юго-востоке Европы (Гитлер – Гембеш).	292
Глава V. Создание фашистской лиги на северо-востоке Европы (Гитлер – Бек).	315
Глава VI. Новый германский стратегический план (План Гофмана).	339
Глава VII. Этика плана Гофмана.	355
Глава VIII. Грядущее наступление на Ленинград и Киев.	376
Глава IX. Образование двух фашистских армий на континенте и будущее Запада.	390
Операция против Ленинграда	
<i>Наступление с моря.</i>	391
<i>Воздушная атака.</i>	400
<i>Наступление на суше.</i>	402
Южный фашистский поход.	411
Глава X. Может ли Германия победить Советский Союз?	
Сравнение стратегии материальных средств.	421
Глава XI. Почему неприступна Москва?	
Сравнение оперативной стратегии.	441
Глава XII. Ватерлоо Гитлера	
Воздушная война между фашистами и социалистами и социальная стратегия.	452
Три письма из личного архива.	466
Э.Генри и германский военный план «Барбаросса». Л.Безыменский. ...	469
Наш человек в XX веке. Я.Драбкин.	473

Эрнст Генри

**ГИТЛЕР НАД ЕВРОПОЙ?
ГИТЛЕР ПРОТИВ СССР**

*Художник А. Бобров
Корректор Е. Макарова*

ЛР №065969 от 24 июня 1998 г.
Подписано в печать 16.01.04. Формат 70 x 100/16.
Бумага офсетная №1. Печ.л. 30,5 + вклейка 1,125. Тираж 1 500 экз. Заказ № 136.

ИПЦ «Русский раритет». 119002 Москва, Денежный пер., 22.

Отпечатано в «Типографии «Новости». 105005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

...Автор подробно развивает условия, которые создадутся после теоретически возможного, как он выражается, вторжения фашистов в Советскую страну. Правда, он считает, что это вторжение будет иметь временный и ограниченный характер. Он ошибается в этом допущении. Красная армия, весь советский народ не пустят врага в пределы своей родины, а будут бить его на той территории, откуда он пришел.

Д. Ихок,
«Книга и пролетарская революция», №12, 1936 г.

...Прочитав только что опубликованную сенсационную книгу таинственного Эрнста Генри «Гитлер против СССР», где предсказывался, пусть и временный, захват германскими войсками обширных территорий Советского Союза, и наблюдая феноменальные успехи Гитлера, ...я уже не исключал того, что в случае войны с немцами нам придется понести огромные потери.

Валентин Бережков, будущий переводчик Сталина,
вспоминая о своей молодости в 1930-е гг.

...Сейчас эта карта знакома каждому школьнику, изучающему отечественную историю. Мне же впервые довелось познакомиться с ней еще за два года до войны, после возвращения из республиканской Испании. Нет, я не проникал в святая святых германского генерального штаба. Карта была напечатана в книжке, которую я купил в московском киоске. Она называлась «Гитлер против СССР». Ее автор Эрнст Генри ... писал о будущем нашем столкновении с фашизмом так просто, ясно и убежденно, что ему нельзя было не поверить. Он ничего не придумывал, он оперировал только известными фактами. Сделанные им выводы я не раз вспоминал на войне.

Николай Бирюков,
генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, 1968 г.

The CRUSADE AGAINST MOSCOW

KEY

- Main military lines of advance
- Secondary military lines of advance
- Naval supporting operations
- Rhine fortifications against France

...Если эта книга встретит такое понимание, какого она заслуживает, то ее влияние на развитие отношений в Европе не может не стать решающим и благотворным.

Альберт Эйнштейн

...это лучшая работа о Третьей рейхе из появившихся на английском языке. Книга Эрнста Генри должна быть сразу прочитана каждым, кто серьезно хочет понять реальный смысл гитлеризма.

Брайан Ховард, «New Statesman and Nation»,
Лондон, апрель 1934 г.

...Книга Генри, изданная год назад на английском языке, привлекла к себе широкое внимание. Это – попытка проникнуть за внешний фасад германского фашизма, показать его движущие пружины, действительных хозяев, внутреннюю борьбу кланов, внешнеполитические планы войны и захвата. С этой целью автором мобилизован огромный материал. Книга написана в живой публицистической форме.

А. Леонтьев,
«Правда», 30 июля 1935 г.

...Это чрезвычайно острая книга, анализирующая подготовку «Третьей империей» во главе с Гитлером войны против Советского Союза.

...Генри шаг за шагом разматывает клубок действительной политической и экономической подготовки будущих плацдармов... германской армии.

«Красная звезда», 12 ноября 1936 г.

...Книга содержит все элементы криминального романа. Странные тайные общества, террористы в действии, безумцы, опьяненные жаждой власти. Имена, которые уже сотню лет пригвождены историей к позорному столбу.

Филип Джордан, «News Chronicle»